

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.А. Петровский

ЧЕЛОВЕК
НАД СИТУАЦИЕЙ

МОСКВА
The logo for the publisher 'Smysl' is a stylized black and white graphic of an open book with its pages fanning out.
СМЫСЛ
2010

УДК 159.9
ББК 88
П 308

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-06-16024д**

Петровский В.А.

П308 Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010. – 559 с.

ISBN 978-5-89357-282-7

В новой книге одного из ведущих отечественных психологов представлена авторская концепция надситуативной активности человека – свободной причинности «Я». Формулируется принцип активной неадаптивности: осознанной постановки целей с непредрежденным результатом достижения (риск, познание). Рассматривая субъектность («я») как определяющую характеристику личности, автор предлагает логико-математическую типологию смысловых миров, сопричастующих в личности. Вводится понятие «состоятельность» (единство «хочу» и «могу»), описывающее уровень благополучия и дееспособности человека; предлагается ее математическая модель. Рассмотрены модели «субъектных сборок», позволяющие человеку достичь оптимума своей состоятельности.

Книга будет с интересом прочитана профессиональными психологами, философами, логиками, специалистами в области моделирования поведения и сознания.

ISBN 978-5-89357-282-7

© В.А. Петровский, 2010
© Издательство «Смысл», оформление, 2010

*Живой памяти моего отца,
Артура Владимировича Петровского,
посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы смотрим на свои детские фотографии, мы, порою, испытываем двоякое чувство. Я, вернее тот ребенок на снимке, – это, конечно, «не я»; у него не было еще моих мыслей и чувств, моих помыслов; он не сделал еще тех ошибок, за которые теперь мне стыдно; он желал и стыдился иного; его лицо узнаваемо, но... Его собственные дети сегодня, как в моем случае, изумляются: «Папа, это что – ты?» С другой стороны, мы ощущаем глубокую связь между собой и тем ребенком на карточке; мы оба творим что-то, стремимся к чему-то, смотрим в одном направлении... Всё – сообща...

Нечто подобное я испытываю, читая свои работы тридцати-сорокалетней давности. Я дорожу ими. Я помню, как они рождались. Я помню битвы, в которых участвовал. Это ведь только сейчас такие слова, как «надситуативность», «субъектность», «персонализация» кажутся привычными и от века существовавшими в обиходе психолога. Но это только сейчас. Помню, как меня отговаривали говорить о «надситуативной активности» («это не приживется»). Многие годы спустя, весьма талантливый студент (мы много общались после), на одной из зимних школ факультета психологии Московского университета повествовал о «надситуативной активности». Я спросил его: «Кто и когда ввел это понятие?» Ответ был: «Это все знают. Слова народные»... – и был явно смущен, что понятие имеет возраст и авторство. Помню, с каким недоверием было встречено слово «субъектность» (зачем тебе эта «ность»?)... «Персонализация» интерпретировалась как «надевание маски», что порождало «вполне естественную» критику предложенной мною концепции личности...

Базовый феномен, с которого автор ведет отсчет своим разработкам (с самого начала 70-х годов), – это эмпирически исследованный им феномен «влечения человека к границе», надситуативной тенденции к риску, активной неадаптивности. «Бытие на границе», «трансценденция границ», «трансфинитность» («бытие без границ») – таковы формы и проявления активности индивидуума, в которых он сам себе автор и господин.

Эта новая книга – дань старым работам, написанным мною в годы юности, а с учетом отстояния во времени, можно сказать, «психологического детства». Она, как и первая книга о неадаптивной активности,

посвящена моему отцу, Артуру Владимировичу Петровскому, умевшему с необычайным тактом поддерживать мои детские фантазии и прожекты, своего рода воспоминания о будущем, и – первого эксперта по делам взросления сына... С момента опубликования ранней книги, «Психология неадаптивной активности», изданной малым тиражом и ставшей библиографической редкостью (мои друзья одалживают ее мне), прошло 15 лет. За это время существенно расширился диапазон исследований, посвященных неадаптивности, защищаются кандидатские и докторские диссертации об этом феномене, «выросла» и оформилась мультисубъектная теория личности, появились формально-математические модели, описывающие и, главное, предсказывающие поведение человека в различных жизненных ситуациях.

Явления неадаптивности рассматриваются мною в контексте таких категорий, как «субъект», «личность», «индивидуальность», которые, таким образом, приобретают статус «эмпирических», а не только метафизических, конструктов. Несмотря на философский статус опорных идей книги (начиная с идеи «*causa sui*») и интенцию к построению математических моделей активности, автор – прежде всего психолог, сохраняющий верность эксперименту, операционализации понятий, проверке гипотез. В тех случаях, когда этого не происходит, перспектива эмпирических решений подразумевается.

Два слова о форме изложения. Когда-то я прочитал, что книги для взрослых должны быть такими же, как и книги для детей, «только немного хуже». Это книга, уж точно, «немного хуже», чем книга для детей, так как она написана для взрослых. Но ведь в каждом взрослом живет ребенок, поэтому я старался, во всех случаях, когда это было возможно, обращаться к берновскому Дитя читателя. (Что такое «берновское Дитя»? Об этом читатель, не знакомый с транзактным анализом, узнает дальше.) Дилемму «строгость–легкость» изложения я решал в пользу строгости. Но если была возможность сократить путь читателя к пониманию, я никогда не отказывался от этой возможности. Если, например, был повод обратиться к метафоре, я это делал. Если вспоминались житейские выражения или слова, подчеркиваемые компьютером как просторечные, «слова с выраженной аффективной окраской», я не устранил их.

Я признателен многим коллегам и близким за помощь в работе над этой книгой. Прежде всего, моей жене, Марине Владимировне Бороденко, без которой этот проект вряд ли бы осуществился. Выражаю особую благодарность Дмитрию Алексеевичу Леонтьеву. Он поставил меня в ситуацию «не-выбора» быть или не быть этой книге и предложил мне назвать ее «Человек над ситуацией».

ЧАСТЬ 1. БЕССУБЪЕКТНОСТЬ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НЕАДАПТИВНОСТИ

ГЛАВА 1. ПАРАДОКС ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СУЖДЕНИЯХ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Мало кого в наши дни мог бы удивить очередной пример существования конфликта между тем, как тот или иной объект предстает перед очами «здравого смысла», и тем, как тот же объект раскрывается в рамках научной теории. Скорее, наоборот, – когда теоретические и обыденные представления, специфически выражающие особенности данного объекта, не сливаются между собой и даже противостоят друг другу, то это закономерно и все с большей готовностью воспринимается широкой аудиторией как своеобразная норма «научности» соответствующих теоретических взглядов. В противном случае говорят, что теория бедна, что ее методологические предпосылки неконструктивны или что она не располагает эффективными средствами анализа исследуемых явлений.

Казалось бы, с этих позиций можно было бы взглянуть и на проблему деятельности, которая в последнее время оживленно обсуждается в философии и психологии. Между тем, если коснуться вопроса о соотношении теоретических и обыденных представлений о сущности деятельности, то выясняется, что к сегодняшнему дню здесь сложилась поистине гротескная ситуация: обыденный взгляд на деятельность сталкивается не с какой-нибудь устойчивой и целостной системой ревирующих его научных воззрений, а с принципиально разными, подчас активно противоборствующими и реально противостоящими друг другу взглядами. Это относится и к определению сущности деятельности, и к описанию ее структуры и функций, и к установлению ее специфических детерминант и т.д. В результате возникает весьма любопытный парадокс, достойный специального обсуждения.

Обратимся поначалу к довольно привычному обыденному пониманию деятельности, – для того только, чтобы затем установить, какие метаморфозы она претерпевает, когда становится объектом методологического и теоретического анализа.

В том интуитивном понимании деятельности, которое соответствует обычному и повседневному словоупотреблению, традиционно различается ряд признаков.

Субъектность деятельности. Обычно говорят: «Деятельность субъекта», «реализуется субъектом», «определяется субъектом». За рисуем того, о ком идет речь:

Рис. 1.1. «Субъект»

«Деятельность носит индивидуальный, личный характер» – это и есть постулат, который как будто бы стоит вне критики. Говорим «деятельность» – подразумеваем «субъект деятельности». Стоит на секунду абстрагироваться от представления об активном, целостном, телесном существе, живом теле, которому противостоят наряду с окружающей средой другие такие же существа, как в тот же миг отпадет и представление о деятельности. Таково убеждение, присущее обыденному сознанию. Оно включает в себя тот взгляд, что, перенимая опыт других, индивидуум¹, носитель этого активного отношения к миру, способен «сам» структурировать свое поведение в среде, защищать свои собственные интересы, отличимые от интересов других, включать других людей в круг своих интересов и т.п., что, собственно, и характеризует его как «деятеля», «активного деятеля в среде» (последняя формулировка принадлежит М.Я. Басову – *Басов*, 1928).

Всякое иное понимание субъекта приобретает в наших глазах до определенной степени условный, метафорический смысл. Конечно, мы вполне уверены в своем праве говорить: «коллективный» субъект, «общественный» субъект и т.п. Мы не испытываем никаких лексических затруднений, говоря, например, об обществе как «субъекте» деятельности или что-либо подобное этому. Но всякий раз в таких случаях мы все же опираемся на идею индивидуального субъекта как первоначальную и как будто бы единственно достоверную, такую, которая дает как бы прообраз всех будущих возможных представлений о субъекте вообще.

¹ Здесь и далее, говоря «индивидуум», мы имеем в виду то, что люди обычно понимают под «человеком», единичным представителем человеческой общности. «Индивидуум» – это Петр, Павел, Наталья, Татьяна, то есть тот или та, о ком говорящий думает как о подобном себе существе, объединяя в своем представлении разные ипостаси его бытия (витальные – «организм», экзистенциальные – «индивид», социальные – «личность», духовные – «человек»). Конечно, в этом пункте логично было бы начать с вопроса: а что, в таком случае, есть «человеческая общность» и нет ли здесь риска допустить логическую ошибку «*circulus in definiendo*» – «круг в определении»? Нет, мы не допустим подобной ошибки, если прибегнем к единственно возможному в этом контексте *остенсивному определению* – через прямое указание: «вот, вот и вот, кто образует “человеческую общность”, в отличие от всех других» (и далее прямо указываются те, кто не входит в определяемый класс).

Объектность деятельности. Образ деятельности в обыденном сознании включает в себе представление о том, что она объектна, «направлена на объект» (рядом с субъектом рисуем объект):

Рис. 1.2. «Объект» (на фоне «Субъекта»)

Что же представляет собой при этом объект деятельности? В-первых, это то, что противостоит живому одушевленному субъекту как вещь, на которую направлена его активность и которая в рамках этого противостояния выступает как ни в чем не подобная субъекту. Из этого следует и второй эмпирический признак объекта – содержащееся в нем «разрешение» на два основных способа отношения к нему со стороны субъекта: преобразование или приспособление. И здесь, таким образом, деятельность сводится к проявлениям адаптивной активности субъекта, различаемым лишь по тому, приспособляется ли субъект к вещи или вещь приспособляет его к себе.

Впрочем, в педагогике и педагогической психологии нередко говорят об учащемся как об объекте учебной деятельности. Однако обычно сразу же следует оговорка, что ученик также и субъект учения. Тем самым подчеркиваются особое место и своеобразие данной деятельности в ряду других ее видов, рассматриваемых как реализация «субъект-объектного» отношения.

Деятельность – процесс. Мысль о деятельности как процессе кажется не требующей специального обсуждения: разве не движение живого тела в пространстве, не динамика кинематических цепей его, не некая непрерывная кривая в субъектно-объектном «пространстве–времени» определяет собой деятельность? И разве можно представить себе деятельность как-то иначе? Ответом на эти вопросы является убеждение, что деятельность есть процесс, осуществляемый между субъектом и объектом (см. рис. 1.3):

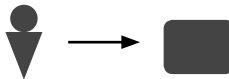

Рис. 1.3. «Процесс», связывающий «Субъект» и «Объект»

Предваряемость деятельности сознанием. На основе чего, спрашиваем мы, повинуюсь традиции здравого смысла, осуществляется та или иная деятельность? Что исходным образом регулирует ее течение? Что задает направленность конкретной деятельности?

Деятельность, в основе которой не лежало бы какое-то знание, какое-то ясное представление о мире, осознанный образ этого мира или цель субъекта, это, говорим мы, уже не есть деятельность, а есть не более чем «пустая фраза». Поэтому для того, чтобы конкретно охарактеризовать и понять деятельность, необходимо заглянуть в субъективный мир человека, осветить, так сказать, глубины его сознания, чтобы именно там отыскать истоки и детерминанты деятельности.

Итак, ответ на эти вопросы напрашивается: сознание – вот что регулирует деятельность! «Зарисуем» эту идею:

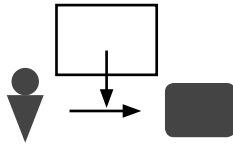

Рис. 1.4. «Сознание» возглавляет процесс

Помимо указанных четырех характеристик деятельности, описывающих ее так, будто бы это признаки самой деятельности, а не наши представления о ней, можно выделить еще один признак, который, в отличие от предыдущих, «онтологических», описывает деятельность в гносеологическом плане.

Наблюдаемость деятельности. Она, деятельность, считается наблюдаемой, «видимой», фиксируемой в восприятии наблюдателя, причем фиксируемой именно непосредственно, «глазом», подобно тому, как непосредственно воспринимаются обычные вещи. Безразлично, какой наблюдатель при этом имеется в виду: «внешний», то есть наблюдающий за человеком со стороны, или же «внутренний», то есть сам субъект деятельности, выступающий в роли наблюдателя (ниже, на рис. 1.5, появятся угловые скобки, < >, символизирующие внутреннего и внешнего наблюдателей).

Итак, с точки зрения обыденного сознания, деятельность субъектна, объектна, является процессом, предваряется сознанием и непосредственно наблюдаема (портрет деятельности в обыденном сознании приводится на рис. 5):

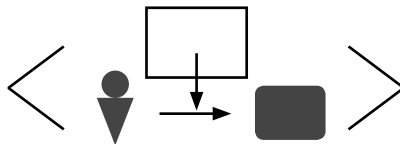

Рис. 1.5. Портрет деятельности с точки зрения «неискушенных»

Таково, на первый взгляд, наиболее естественное и вполне оправданное понимание деятельности, которое как будто бы не требует никакого пересмотра со стороны теоретика, и могло бы в таком «готовом» виде войти в общую картину мира, в круг теоретических представлений о деятельности. Кто, казалось бы, мог посягнуть на эти положения, как бы неоспоримые? Между тем именно они нередко становятся объектом теоретических посягательств.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ...ИСЧЕЗЛА?!

Вглядимся, во что превращается построенный выше макет деятельности под прицельным огнем методологической критики. Для этого суммируем некоторые «экспертные оценки», даваемые теоретиками.

Деятельность бессубъектна. Напомним, что «субъект» есть индивидуум как носитель и творец деятельности – единое, неделимое существо, производящее деятельность. Всякое другое понимание субъекта, как было подчеркнуто, представляется условным и метафоричным и, более того, «само предположение, что вопрос может ставиться как-то иначе, например, что деятельность носит безличный характер, кажется им <большинству людей. – В.П.> диким и несуразным» (*Щедровицкий, 1977, с. 88*). «Но есть, – продолжает цитируемый автор, – совершенно иная точка зрения. Работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, на наш взгляд, более глубокое. Согласно ему, человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем он сам. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот, она сама “захватывает” их и заставляет вести себя определенным образом. По отношению к частной форме деятельности, речи-языку, В. Гумбольдт, как известно, выразил эту мысль так: “Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми”. Деятельность трактуется, таким образом, как то, что по существу своему надиндивидуально, хотя, безусловно, и реализуется индивидуумами (в соответствующих актах деятельности). Не деятельность принадлежит людям, а сами люди оказываются “принадлежащими деятельности”, “прикрепленными к деятельности”» (*там же*).

Приведенная цитата наиболее точно выражает собой позицию основателя одной из достаточно влиятельных школ, объединяющей к настоящему времени представителей различных специальностей: философов, логиков, психологов, системотехников и др., развивающих особую теорию, которая обозначается в их трудах как «общая теория деятельности».

И этот взгляд побуждает усомниться в традиционном «субъекте» деятельности, поскольку она – должны сказать мы, следуя логике такого подхода, – безлична, то есть индивидуум не выступает в качестве ее субъекта. Субъект «исчезает» (см. рис. 1.6)²:

Рис. 1.6. Исчезновение субъекта

Деятельность не направлена на объект. Согласно обыденным представлениям, как мы помним, в деятельности реализуется субъект-объектное отношение к миру. Развитие деятельности не мыслится иначе как результат практических или теоретических актов, направленных на объект. Ставится ли кем-нибудь под сомнение правомерность подобной точки зрения, сводящей деятельность и связанные с нею процессы развития к реализации субъект-объектных отношений? Да, ставится!

В известном нам выступлении (к сожалению, устном) одного из видных философов³ – Г.С. Батищева, подчеркивалось, что до сих пор все еще слишком распространена манера обсуждать проблематику деятельности даже внутри философии при непоставленности под сомнение и непреодоленности сведения «деятельности» к представлениям о «технокогнитивном отношении» субъекта к объекту. При этом субъект-объектное отношение рассматривается лишь как ветвь на древе отношений субъект-объектных, что совершенно недопустимо.

«Сомнение», о котором идет речь, конечно, не есть одно лишь мнение или одно из мнений известного философа. За этим сомнением вырисовывается позиция, которую начинает разделять все большее число современных философов и психологов. Тем самым формируется особая, «субъект-субъектная», парадигма в трактовке деятельности. Сущность формирующегося подхода заключается в том, что в качестве нового предмета анализа выделяется та сторона деятельности, которая интенционально ориентирована на другой субъект. Конечная ориентация здесь – не преобразование вещи или сообразование с вещью в целях на-

² Феномен сомнения в атрибутах символизируется инверсией цвета и крестиком в верхнем правом углу каждого из ранее рассмотренных рисунков.

³ В нашей книге, образца 1993 г., написанной в 1984 г. по материалам лекций 1978 г., о Генрихе Степановиче Батищеве было сказано «видный советский философ» – эпитет «советский» менее всего подходит к острому на язык, я бы сказал, несгибаемому человеку, способному отстаивать свои неординарные взгляды всегда и со всеми, невзирая на лица.

сыщения тех или иных интересов агента активности (деятеля), а другой человек, «значимый другой», которому первый адресует свои проблемы и ценности.

Таким образом, деятельность отнюдь не всегда «вещна», «объектна» (хотя без вещи, по-видимому, в ее трактовке не обойтись – что, впрочем, не всегда специально оговаривается). Наоборот, собственно человеческая деятельность, реализующая его «сущностные силы», есть деятельность, ориентированная на другого человека, реализация субъект-субъектных, а не субъект-объектных, отношений. Итак, вслед за Г.С. Батищевым, сомневаемся в обязательности объектной направленности деятельности (см. рис. 1.7):

Рис. 1.7. Исчезновение объекта

Деятельность не есть процесс. Можно усомниться в субъектности или объектности деятельности. Но можно ли усомниться в том, что деятельность есть процесс? В результате проведения строгого анализа содержания понятия «процесс» было убедительно показано, что деятельность не может быть непосредственно представлена как процесс (Щедровицкий, 1977). Мы бы изложили этот взгляд так.

Первое. О «процессе» разумно говорить лишь тогда, когда есть что-то, что подвергается изменению. Развитое научное мышление не может обойтись без представлений, фиксирующих происходящую во времени смену некоторых состояний вещи при относительной неизменности самой вещи. Тем самым фиксируется некоторый объект – «носитель процесса».

Деятельность же открывается нам в виде переходов, происходящих между различными объектами-носителями. Например, индивидуальная деятельность выступает как движение субъекта, переходящее в движение ее объекта, которое в свою очередь переводится в новые формы движения субъекта, и т.п.

При более дифференцированном взгляде на субъект и объект деятельности, например при разделении ее материала и средств, она выступает перед нами как еще менее гомогенная по своему строению, как «разноосновная». Еще более демонстративным образом гетерогенность деятельности (отсутствие чего-то единого, что подлежит изменению) выступает в коллективной деятельности, в деятельности, реализация которой требует техники, вычислительных машин и т.п. Все это примеры, когда деятельность одна, но реализуется разными агентами, предстает как эстафета процессов.

Второе. Тот факт, что «процессу» отвечает один и тот же объект, рассматриваемый как носитель процесса, вовсе не означает, что последний внутренне не дифференцирован, что он не выступает той или иной своей стороной или частью, что он в наших глазах аморфен. Нет, наоборот, идея процесса, позволяющая сказать: «Вот перед нами тот же самый объект, но в нем изменяется что-то», – непосредственно указывает на существование, по крайней мере, одной выделенной части объекта, а именно той его части, которая рассматривается как его изменяемая часть. Примерами таких «частей» (качеств, сторон, свойств) могут служить: температура, электропроводность, вес, цвет, положение тела в пространстве и т.п. Процесс, затрагивая какую-нибудь одну часть объекта, выражается в последовательности смен состояний этой части во времени. С этой точки зрения, деятельность в отличие от процесса непосредственно нельзя представить в виде последовательности состояний какой-либо одной фиксированной части объекта (или строго параллельно изменяющихся многих его частей). Так, этапы программирования и осуществления той или иной индивидуальности деятельности реализуются разными «частями» индивидуума и, кроме того, взаимобуславливают друг друга, частично перекрещиваясь, частично расходясь друг с другом. Тем более, сказанное относится и к характеристике массовой деятельности, в целом реализующей движение общественного производства. Последнее может быть описано двояким образом: и в виде переходов от одних изменяющихся объектов к другим, и в виде переходов от одних изменяющихся «частей» к другим «частям» в пределах одного и того же объекта, в данном случае того, что может быть названо «обществом». В обоих случаях для описания всего происходящего, очевидно, непригоден термин «процесс».

Третье. Помимо отмеченных двух моментов, должен быть назван еще один, характеризующий процесс со стороны его непрерывности. В этом аспекте рассмотрения понятие процесса предполагает возможность выделения сколь угодно дробных (мелких) переходов между определенными состояниями выделенных «частей» этого объекта, так что из этих переходов как из единиц может быть реконструирован любой фрагмент процесса. Из этого следует, что при каждом таком разбиении процесса на последовательность переходов между его состояниями каждое предшествующее состояние переходит в одно и только одно последующее, и наоборот, каждому последующему соответствует одно и только одно предшествующее. Цепочка переходов, таким образом, не раздваивается и, кроме того, не сводит в один два ряда переходов между состояниями. Процесс, таким образом, представим сколь угодно мелкой, в пределе непрерывной, линейной цепочкой переходов между мгновенными состояниями объекта в предшествующих и, соответственно, в последующих

моментах времени. Соответствует ли «деятельность» этой идее «процесса»?

На одном только примере речевой деятельности проиллюстрируем достаточно общую черту: разветвление процессов, реализующих деятельность. Не требуется специального знания психолингвистики, чтобы понять, что здесь мы имеем дело со сложным динамическим образованием, одну процессуальную «часть» которого образует собственно фонетический ряд, другую «часть» – планирование речевого высказывания (план мышления), между процессами мышления и произнесения слов выделяются процессы, реализующие взаимозависимость слова и мысли (порождение слова мыслью и становление мысли в слове). Речь, таким образом, не «выстраивается» в линейную цепочку, процессы, ее реализующие, переплетаются и ветвятся. Но картина этих переплетений и ветвлений еще богаче. Достаточно рассмотреть существующие модели порождения высказываний: «артериальные» переходы от мысли к слову и «венозные» от слова к мысли еще сложнее, чем было показано и, если иметь в виду, что они лишь связывают между собой характеризующиеся своими специфическими закономерностями процессы мышления и произнесения слов, то становится разительней расхождение между этой картиной речевой деятельности и схемой процесса.

Одна из моделей порождения высказывания: «Первая ее ступень – конструкция линейной внеграмматической структуры высказывания, его внутреннее программирование. Вторая ступень – преобразование этой структуры в грамматическую структуру предложения. Третья ступень – ее реализация последней. Если мы имеем дело с достаточно сложным высказыванием, есть основания предполагать, что на первой ступени мы имеем нечто вроде набора “ядерных утверждений” Осуда, конечно, как Поручик Киже, “фигуры не имеющих”, то есть еще не оформленных ни лексически, ни грамматически, ни, тем более, фонетически. При восприятии речи все происходит в обратном порядке...» (Леонтьев А.А., 1969, с. 124–125). Здесь, однако, еще не рассматривается феноменология «самослышания», «самоинтерпретации»: всегда ли обратная развертка собственного высказывания тождественна его исходным посылкам? Ведь если бы это было всегда так, мы бы никогда не замечали случайной двусмысленности произнесенных нами слов.

Поднимаясь от этого частного примера к общей оценке динамических особенностей деятельности, приходится констатировать, что деятельность непосредственно непредставима как процесс (см. рис. 1.8):

Рис. 1.8. «Деятельность не есть процесс»

Деятельность не предваряется сознанием. В ходе разработки проблемы деятельности представление о первичности сознания по отношению к деятельности было радикально пересмотрено в работах А.Н. Леонтьева и его школы. Первые шаги «деятельностного подхода» в психологии были ознаменованы восходящей к Ж. Пиаже и Л.С. Выготскому идеей «интериоризации» (перехода извне вовнутрь) объективных отношений, существующих в природе и обществе. А.Н. Леонтьев при этом сосредоточил свое внимание на исследовании становления психического образа мира, теоретически и экспериментально обосновав тот тезис, что основой любых форм психического отражения, от элементарных до наисложнейших, является активность субъекта, причем последняя в своих генетически ранних проявлениях должна быть понята как внешне-предметная, регулируемая не изнутри (теми или иными готовыми психическими содержаниями), а извне – объектами и отношениями окружающего мира. «Согласно внутренней логике этой теории, – отмечает В.В. Давыдов, – конституирующей чертой деятельности должна быть ее предметность. Она обнаруживается в процессе преобразования деятельности через ее подчинение (в других местах говорится об “уподоблении”) свойствам, явлениям и отношениям от нее независимого предметного мира. Поэтому может быть оправдан вывод о том, что это качество деятельности выступает как ее универсальная пластичность, как ее возможность преобразовываться в процессе принятия на себя, впитывания в себя тех объективных качеств предметов, среди которых и в которых должен существовать и действовать субъект. Преобразованиями такой деятельности управляют сами предметы в процессе практических контактов субъекта с ними. Иными словами, превращения и преобразования деятельности человека как целостной органической системы, взятой в ее полноте, происходят при ее пластичном и гибком подчинении объективным общественным отношениям людей, формам их материального и духовного общения. Таков один из “явно непривычных моментов”, характеризующих деятельность, и таково одно из положений, выражающих “глубокую оригинальность и подлинную нетрадиционность его (А.Н. Леонтьева) подхода к проблеме построения психологической теории”» (Давыдов, 1979, с. 32).

Тем, кому посчастливилось слушать яркие лекции Алексея Николаевича Леонтьева, памятен пример, который не был бы так доходчив, если бы не удивительная пластика жеста лектора. «Понимаете, – говорил он, как всегда, с подкупающей доверчивостью к понятливости слушателей, – рука движется, повторяя контуры предмета, и форма движения руки переходит в форму психического образа предмета, переходит в сознание». И его длинная узкая ладонь легко скользила по краю стола.

«На первоначальных этапах своего развития, – продолжает свое повествование А.Н. Леонтьев, – деятельность необходимо имеет форму

внешних процессов... Соответственно, психический образ является продуктом этих процессов, практически связывающих субъект с предметной действительностью». Если же отказаться от изучения этих внешних процессов как генетически ранних форм производства образа, то «нам не остается ничего другого, как признать существование таинственной “психической способности”, которая состоит в том, что под влиянием внешних толчков, падающих на рецепторы субъекта, в его мозге – в порядке параллельного физиологическим процессам явления – вспыхивает некий внутренний свет, озаряющий человеку мир, что происходит как бы излучение образов, которые затем локализируются, “объективируются” субъектом в окружающем пространстве» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 92–93). В работах А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Л.А. Венгера, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.П. Зинченко, их сотрудников и учеников идея порождения психического образа в деятельности, производности сознания от чувственно практических контактов субъекта с окружающим миром прослеживалась экспериментально и в значительной мере была обобщена в формуле «восприятие как действие». Такой подход к психологии восприятия составляет необходимое условие понимания генезиса сознания в деятельности, служит конкретно-психологической формой реализации того положения, что «идеальное есть материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней» (К. Маркс). Человеческая чувственная предметная деятельность рассматривается как производящая основа, «субстанция» (А.Н. Леонтьев) сознания. Таким образом, отвергается универсальность тезиса, согласно которому сознание предвосхищает деятельность, и наоборот – утверждается, что деятельность предшествует сознанию. Еще одна «бесспорная» характеристика деятельности теряет силу (рис. 1.9):

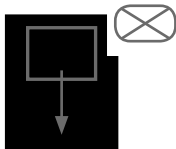

Рис. 1.9. «Деятельность не предваряется сознанием»

Деятельность невидима. Достаточно внимательно познакомиться с основными работами А.Н. Леонтьева, чтобы понять, что деятельность в них ни в коей мере не может быть отождествлена с поведением, – активностью в ее внешних проявлениях. Принцип предметности и, соответственно, круг феноменов предметности («характера требований», «функциональной фиксированности» объектов и т.п.) «позволяют провести линию водораздела между деятельностным подходом и различными натуралистическими поведенческими концепциями, основывающимися

на схемах “стимул-реакция”, “организм-среда” и их модификациях в необихевиоризме» (Асмолов, 1982). Выразительный пример того, что предмет деятельности отнюдь не тождествен вещи, с которой в данный момент непосредственно взаимодействует человек и которая непосредственно доступна стороннему наблюдателю, приводит А.У. Хараш, напоминая об одном примечательном эпизоде, рассказанном К. Лоренцем. Известный этолог однажды водил «на прогулку» выводок утят, замещая собой их мать. Для этого ему приходилось передвигаться на корточках и, мало того, непрерывно кричать. «Когда я вдруг взглянул вверх, – пишет К. Лоренц, – то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц: группа туристов стояла за забором и со страхом таращила глаза в мою сторону. И не удивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и кричал – а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой. Страх на лицах зрителей – это не что иное, как их невербальный самоотчет о том перцептивном впечатлении, которое так хорошо воспроизвел сам К. Лоренц. Его деятельность наблюдалась в урезанном виде – из нее был полностью “вырезан” *предметный, смыслообразующий кусок*» (Хараш, 1980, с. 3).

Нетождественность деятельности поведению по критерию восприимчивости («данности», «видимости», «наблюдаемости») – не единственный дифференцирующий признак соответствующих понятий. Мы же отмечаем его в связи с нашей основной задачей: показать, что и этот признак – «наблюдаемость» деятельности – критически переосмысливается методологами.

Но, может быть, речь идет только о том, что деятельность всегда наблюдаема со стороны и достаточно встать на позицию «внутреннего» наблюдателя, как картина деятельности мгновенно откроется наблюдателю, и деятельность станет «видимой»? Увы, и это не всегда так! Если бы все обстояло именно таким образом, то, пожалуй, была бы совсем неоправданна критика интроспективного метода исследования психических явлений (этот метод претендовал на прямое изучение сознания «изнутри», глазами внутреннего наблюдателя), не нужны были бы какие-либо специальные приемы, позволяющие человеку понимать самого себя; да и вся современная психология, не слишком-то доверяющая непосредственным свидетельствам внутреннего опыта человека, должна была бы быть существенно упрощена. Деятельность «изнутри» воспринимается и переживается далеко не во всей ее целостности, зачастую искаженно, видение деятельности нередко выступает в качестве особой деятельности субъекта (рефлексии), иногда не приносящей, в сущности, никаких иных, кроме негативных, результатов. Таков, например, феномен «безобразности мышления», открытый вюрцбургской

школой: отсутствие структурированных и содержательно интерпретируемых данных сознания, выступающих в качестве промежуточных продуктов решения ряда интеллектуальных задач. Так же и мотивы человека (предметы его потребности), как подчеркивается большинством исследователей, могут находиться «за занавесом сознания».

Деятельность, таким образом, может быть «невидимой» – ни извне, ни изнутри. «Скобки», символизирующие «наблюдаемость» деятельности, исчезают:

Рис. 1.10. «Деятельность невидима»

Подведем итоги всему сказанному. Если попытаться учесть и равным образом принять за основу взгляды главных «разработчиков» проблемы деятельности – авторитетных философов, методологов, психологов – и, опираясь на соответствующий круг идей, вновь попробовать ответить на вопрос «Что же такое деятельность?», то мы вынуждены будем констатировать следующее. Оказывается, что все то, что обыденному сознанию представлялось определяющим в описании деятельности, не является для теоретиков чем-то непреложным и обязательным. Наоборот, базисные характеристики деятельности, выделяемые в суждениях здравого смысла, не могут быть сколько-нибудь надежно связаны с тем, что должно быть понято как деятельность, и без всякого ущерба для «деятельности» могут быть отъединены от нее. Деятельность необязательно «субъектна» и необязательно «объектна», ее нельзя непосредственно представить как «процесс», она не всегда превосхищается сознанием и к тому же временами «невидима». Субъектность, объектность, представимость в виде процесса, превосхищаемость сознанием, наблюдаемость – все эти, казалось бы, внутренне присущие деятельности характеристики опровергаются (скажем мягче, не отмечаются) в качестве ее атрибутов (см. рис. 1.11).

Деятельность – исчезла?

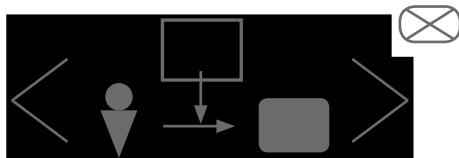

Рис. 1.11. «Исчезновение деятельности»

Исчезла ли деятельность? Отвечая на этот вопрос, мы в первую очередь должны выяснить, на какой идейной основе рождается тот образ деятельности, который вначале кажется вполне приемлемым, а затем буквально сходит на нет, как только становится объектом методологической рефлексии. Здесь мы столкнемся с кругом не всегда резко очерченных и не всегда осознаваемых установок исследователей, совершенно разных по своим убеждениям, но придерживающихся, тем не менее, одного и того же принципа в понимании поведения и сознания человека – «постулата сообразности».

Далее мы обратимся к анализу тех методологических предпосылок, которые лежат в основе критики обыденных представлений о деятельности, и попробуем установить, в чем заключается действительная общность (и имеется ли она) позиций тех, чьи критические суждения о деятельности привели к ее «разрушению». Обращаясь в этой связи к феномену самодвижения деятельности, мы вплотную подойдем к проблематике активности личности и наметим возможные пути «восстановления» деятельности.

ГЛАВА 2. ПОСТУЛАТ СООБРАЗНОСТИ И ПРИНЦИП САМОДВИЖЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СТРЕМЛЕНИЕ К «КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ»?

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит некая методологическая предпосылка, имеющая характер постулата. Он мог бы быть обозначен как «постулат сообразности»⁴. Индивидууму приписывается изначальное стремление к «внутренней цели», в соответствие с которой приводятся все без исключения проявления его активности. По существу речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Понятия «адаптивность», «адаптивная направленность» и т.п. трактуются здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивидуума к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования и т.д.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует «полноценность» субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также и процессы «самоприспособления»: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т.п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет не только о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т.д.

Приспосабливает ли индивидуум себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам – в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, которые в нем уже были и есть и кото-

⁴ Используемый нами термин «сообразность», согласно В. Далю, означает «соответствие чего-то чему-то», в данном случае – соответствие, сообразность всех психологических проявлений, входящих в деятельность предустановленной цели (см. *Петровский В.А.*, 1975).

рые постепенно обнаруживаются, образуя базис многообразных явлений активности человека. Таким образом, под адаптацией понимается тенденция субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности уже имеющихся у него стремлений, направленность на осуществление таких действий, целесообразность которых была подтверждена предшествующим опытом (индивидуальным или родовым). Подчеркнем, что, говоря об адаптации, адаптивной направленности, мы предусматриваем тот случай, когда человек может заранее и не знать, к чему именно, к какому предметному эффекту приведет его действие, и тем не менее, действовать адаптивно, если заранее известно, к чему он стремится «для себя», что оно ему может дать. Поэтому адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными». Адаптивными их делает наличие ответа на вопрос «зачем?».

Но это в свою очередь значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос «зачем?» – Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как «адаптивные» или «неадаптивные». Постулат сообразности и заключается в открытом или скрытом признании существования такой Цели и приписывании ей роли основного «вдохновителя» и «цензора» поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивидуум в каждый момент времени «хочет сделать что-то», то есть что он «устремлен» к какой-либо цели; смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая, в конечном счете, движет поведением, какими бы противоречивыми и неразумными не представлялись при «поверхностном» наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

В зависимости от того, какое жизненное отношение (стремление, Цель) принимается за ведущее, выделяются различные варианты постулата сообразности.

Гомеостатический вариант. В концепциях гомеостатического типа, восходящих к Кеннону (рефлексология в ее различных формах, «динамическая» психология К. Левина, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера и пр.), постулат сообразности выступает в форме требования к устранению конфликтности во взаимоотношениях со средой, элиминации «напряжений», установлению «равновесия» и т.п. Считается, что какое-нибудь событие, будь то изменение температуры окружающей среды или перемены в социальном статусе человека, выводит его из состояния равновесия; поведение же сводится к реакции восстановления утраченного равновесия.

Гедонистический вариант, восходящий к платоновскому «Протагору», в явной форме выдвинут в концепции «аффективного возбуждения»

американского психолога Мак-Клелланда и его сотрудников. Согласно принятым здесь взглядам, действие человека детерминировано двумя первичными (primary) аффектами – удовольствием и страданием; все поведение интерпретируется как максимизация удовольствия и страдания.

Прагматический вариант. В качестве ведущего здесь рассматривается принцип оптимизации. Во главу угла ставится узкопрактическая сторона поведения (польза, выгода, успех). Например, типично следующее высказывание: «Даже если принятое кем-то решение кажется неразумным, мы все равно допускаем, что оно логично и обоснованно с учетом всей информации, связанной с анализом <...> Наш основной постулат состоит в том, что всякое решение действительно оптимизирует психологическую полезность, даже если посторонний наблюдатель (а может быть, и человек, принявший решение) будет удивляться сделанному выбору» (*Линдсей, Норман, 1974, с. 502*) Подобным же образом формулируется постулат «экономии сил», трактующий поведение по образцу «принципа наименьшего действия», почерпнутого из физики. Последний утверждает, что если в природе происходит само по себе какое-нибудь изменение, то необходимое для этого количество действия есть «наименьшее возможное». Так же и человеческое поведение: «Если данной, возникшей у человека цели можно достичь разными путями, то человек пытается использовать тот, который по его представлениям требует наименьшей затраты сил, а на избранном пути он расходует не больше усилий, чем, по его представлениям, необходимо» (*Ершов, 1972, с. 23*).

Ориентации, интерпретирующие психическую деятельность как универсально подчиненную адаптации к среде, в целом и образуют то, что выше было обозначено как «постулат сообразности». Действие этого постулата охватывает не только выраженные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно или, если воспользоваться более точным выражением М.Г. Ярошевского, «над-сознательно» используемых и глубоко укоренившихся в мышлении установок и схем.

Сфера применимости постулата сообразности в форме тех или иных его модификаций как будто бы не знает исключений, а возможности его приложений выглядят беспспорными. В самом деле, на первый взгляд кажется самоочевидным, что всякий акт деятельности ведет к какому-либо согласованию, приближает к предмету потребности, преднастраивает к будущим воздействиям среды и т.п. Одним словом, преследует непременно «полезную» цель, отвечает исключительно адаптивным задачам. Все, что угрожает благополучию (нарушает гомеостазис), расценивается как вредное, нежелательное, и потому те действия индивидуума, которые устраняют возникший «разлад», представляются естественными и единственно оправданными.

Когда все-таки встречаются «немотивированные» действия, то они выглядят или следствием всякого рода «отклонений» субъекта от нормы; или результатом «ошибок» в работе, которые в свою очередь объясняются неподготовленностью деятельности, дефицитом информации, отсутствием достаточной прозорливости, «незрелостью» и т.п.; или, наконец, действием какого-то скрытого мотива, который наряду с другими также преследует задачу обеспечения «гармонии» индивидуума с внешней средой.

Понятно, что постулат сообразности легко распространяется и на анализ тех действий, которые продиктованы, казалось бы, исключительно внешними требованиями и выглядят строящимися на иной основе – в соответствии с чужими интересами и по чужой воле. Здесь в соответствии с тем же постулатом поведение индивидуума выводится из его автономных приспособительных устремлений, разве что более глубоких и существенных (сохранение жизни, имущества, престижа и т.п.). Что же касается внутренних проявлений активности, таких как установки, эмоциональные сдвиги, целостные или фрагментарные психические состояния и т.д., то и они, в конечном счете, согласно скрытому велению постулата сообразности, отвечают задачам индивидуального приспособления, хотя и более трудны для интерпретации. Так, отрицательные эмоции «нужны» индивидууму для того, чтобы указывать на незаконченность действия или на его неадекватность исходной программе; сон «нужен» для того, чтобы просеивать текущую за день информацию и отбирать полезную; сновидения – чтобы давать «разрядку функционально напряженным системам головного мозга» или, если иметь в виду его роль в «далеком филогенетическом прошлом» человека, для физиологической мобилизации организма в условиях внезапно возникшей во время сна опасности, «для закрепления опыта повседневной жизни» (по И.Е. Вольперту) и т.д. Если же что-либо трудно или невозможно объяснить, исходя из постулата сообразности, соответствующее явление рассматривают либо как болезненное, то есть случайное для представителей вида, либо его провозглашают уходящим из жизни вида как лишнее, ненужное (смелость отдельных авторов распространила действие того же постулата сообразности даже на эмоции человека, ср.: «Эмоции – цыгане нашей психики» – В. Джеймс).

Разумеется, трудно найти исследователя, который бы открыто защищал представления об узко приспособительной направленности психических процессов. Однако наиболее распространенная позиция многих авторов отвечает именно постулату сообразности.

Выделим две ступени критического рассмотрения этого постулата⁵.

⁵ Глубокая критика принципов эмпирической психологии личности дана в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. В исследовании М.Г. Ярошевского «Психология в XX столетии» (Ярошевский, 1974) анализируется принцип адаптации и дается

На *первой ступени* анализа мы зададимся следующим вопросом: можно ли, зафиксировав какое-либо одно жизненное отношение, принимаемое в тех или иных концепциях за исходное и определяющее (гедонизм, прагматизм и т.д.), представить все факты психического как укладываемые в рамки данного жизненного отношения? Если бы это было действительно так, то некоторую «часть» субъекта следовало бы считать главной, существенной, а оставшуюся «часть» – подчиненной и лишь «адаптирующейся» к первой. Чаще всего эти представления выступали в виде принятия своего рода парадигмы «интересов целого». В соответствии с нею любые проявления активности при всем богатстве их форм едины в одном. Их внутренняя цель и конечное предназначение заключаются в обеспечении и воспроизводстве индивидуальной целостности субъекта, которая мыслится как его высшее благо. Здесь принимается за исходное примат целого, системы над частью, подсистемой, которые в свою очередь берутся лишь в аспекте их предназначенности с точки зрения их места и роли в удовлетворении интересов субъекта «как целого».

При этом самодовлеющее «целое» мыслится как предустановленная гармония между различными инстанциями жизнедеятельности субъекта. Здесь либо указываются интересы «человека вообще», либо конструируется некоторая наперед заданная система ценностей, где в фундамент погружаются биологические потребности, над которыми надстраиваются интересы социальные (А. Маслоу).

При всей привычности взгляда, что «система сама знает, чего ей не хватает», и предоставляет режим наибольшего благоприятствования какому-либо ведущему жизненному отношению, как бы настраивая все другие интересы в унисон с ним, взгляд этот требует весьма настороженного к себе отношения.

Жизненные ориентации субъекта могут быть противоречивы, постулирование изначальной «гармонии» и соподчиненности между ними беспочвенно. Скорее, речь должна идти не о жесткой соподчиненности интересов с выделением «верховного» интереса и ряда «подчиненных», а лишь о временном доминировании и коалиционности «частных» интересов (если понимать под коалиционностью относительную независимость их друг от друга, взаимореализуемость, а также возможность возникновения противоречивых отношений между ними (*Петровский В.А.*, 1975).

Высказывая эту гипотезу (*Петровский В.А.*, 1977), мы опирались на представления А.Н. Леонтьева о «многочершинности» строения

его содержательная оценка. Отметим, что наша критика постулата сообразности означает одновременно и сужение сферы действия телеологических объяснительных схем в психологии и биологии.

мотивационной сферы субъекта, на принцип доминанты Ухтомского в «мотивационной» трактовке М.Г. Ярошевского, а также на системные идеи И.М. Гельфандта и М.Л. Цетлина об активности подсистем в рамках организованного целого⁶.

Поведение человека, по-видимому, не может быть сведено к проявлениям какого-либо одного, пусть фундаментального, жизненного отношения.

В рамках гомеостатических представлений не могут быть осмыслены факты развития системы: не виден и путь объяснения феноменов «активного неравновесия» субъекта со средой, стремления действовать на определенном уровне напряжения и т.п.

Концепции прагматического типа бессильны интерпретировать факты бескорыстия, альтруизма и т.п. Кроме того, мы находим постоянные подтверждения тому, что прагматические идеалы как бы восстают против самих себя, ибо ни человеческий, ни природный мир «не прощают» потребительского отношения к своим богатствам. Принятие прагматических идеалов за исходное ведет к неблагоприятным, в частности и с самой прагматической точки зрения, последствиям. В гедонистические концепции «не вписываются» такие собственно человеческие переживания, как чувство вины, ностальгия, стыд и т.п. Переживания эти способны подчинить себе весь строй жизни личности и в определенных условиях запечатлеться в субъекте в виде негаснущих очагов страдания. Трудно не посчитаться с этими фактами, имеющими отнюдь не «рудиментарный» и не «патологический» характер, при оценке взгляда на стремление к удовольствию как основе организации психической деятельности субъекта⁷. Но, может быть, говоря о гедонистических ориентациях, следует иметь в виду, прежде всего, нормативный план, определяющийся ответом на вопрос о том, к чему должен стремиться субъект? Тогда, приняв гедонистический идеал за конечную цель, следовало бы отбросить все, что не имеет отношения к этой цели как неадаптивное и потому – излишнее. Анализ показывает, однако, что подобный перевод принципов гедонизма из сферы действия естественных закономерностей в нормативную сферу не может реабилитировать гедонистический идеал. Возведение известных удовольствий в культ приводит к нравственному опустошению и к катастрофическому – с точки зрения самого гедонизма – финалу: обеднению или извращению самой

⁶ Современная систематическая разработка принципа «гетерархии» (в противовес принципу «иерархии») при объяснении функционирования и развития сложных систем содержится в работах А.Г. Асмолова, М.М. Бонгарда, Б.М. Величковского, В.И. Варшавского, В.П. Зинченко, Д.А. Поспелова и др.

⁷ Отметим, что в трактовке З. Фрейда не принцип удовольствия подчинен принципу реальности, а принцип реальности состоит на службе у принципа удовольствия.

чувственной сферы субъекта, таким образом, гедонистический принцип так же, как и прагматический, снимает себя изнутри.

Ни одной конечной ценности (будь то равновесие, удовольствие, успех, польза и т.д.) недостаточно для описания и интерпретации фактов. Но, может быть, все дело – в необходимости совместить в пределах одной концептуальной схемы все эти ориентации, предварительно пополнить их число, и тогда-то поведение и психические процессы субъекта смогут быть представлены как «вполне адаптивные»?

Ответ на этот вопрос составляет *вторую ступень* анализа. Постулат сообразности – это принцип, утверждающий существование жесткого соответствия между исходными жизненными отношениями субъекта и реализующими их психическими процессами и поведенческими актами. Поэтому норма активности, как это непосредственно следует из постулата, определяется степенью соответствия усилий, *необходимых* для реализации исходных отношений (мотивов, целей и т.д.), и усилий, которые *фактически затрачивает* субъект (вспомним «принцип наименьшего действия»). Иными словами, индивидууму якобы должна быть присуща тенденция элиминировать все те моменты, которые прямо или косвенно не ведут к достижению конечного благоприятного результата.

Пусть несколько шуточной иллюстрацией к сказанному послужит следующая, вполне типичная жизненная ситуация. Представим себе большую (по современным понятиям) семью: отец, мать, бабушка, двое детей. Впереди – семейное торжество, ждут гостей, каждый из домоладцев по-своему готовится к вечеру. У каждого свое дело, свой стиль поведения. Отец семейства хорошо знает, чего от него ждут. За ним в семье прочно утвердились почетные роли министра финансов (субсидирование этого и подобных мероприятий), министра торговли (посещение местных торговых точек), министра иностранных дел (приглашение гостей). Сделав необходимые телефонные звонки, муж выключает телефон, брется и, не прикасаясь к газете, прикидывает приветственный спич. Рациональность («сообразность») его поведения не вызывает сомнений. Между тем, жена также не теряет времени даром. Квартира сияет. Готовка в разгаре. Нервничает: «Вот-вот придут!» Под рев детей выключается телевизор (это нервирует), с детей снимаются роликовые коньки (это тоже нервирует), младшего выставляют гулять, старшего превращают в «мамино помощника», и он теперь помогает маме готовить ореховый торт. Поведение жены также вполне адаптивно, и, кроме того, мы хорошо видим, как она борется со своими отвлечениями. Старший сын с удовольствием колет орехи, разбивая их ребром ладони, как того требует японская система борьбы «карате-до». Извлекая орехи из скорлупы, направляет их преимущественно в рот, чем наносит ущерб шедевру кулинарного искусства матери, за что его торжественно выдворяют из кухни и направляют на улицу к младшему. Поведение старшего

расценивается как возмутительное («неадаптивное»). Дедушка тем временем читает «Неделю», и ему именно в данный момент представляется важным поделиться со всеми свежими новостями. Поведение дедушки, конечно, никуда не годится («несообразное, нелепое»).

Еще раз вернемся к тому, что мы сейчас описали. Несколько «компьютерная» модель поведения отца характеризуется завидным соответствием между тем, что он в данный момент делает, и тем, что ему нужно делать. Здесь, во-первых, цели отца выражают «интересы семьи», и поэтому его действия вряд ли могли бы показаться хоть кому-нибудь неадаптивными. Кроме того, предполагается, что отец действует в полном согласии с собой, не только внешне, но и внутренне четко следуя своей роли, например, не притязает на портфель (вернее, ремень) министра просвещения, хотя в другой ситуации роликовые коньки или ореховый торт не прошли бы кому-то даром. В поведении жены заметны отвлечения, но она их благополучно преодолевает, и в этом смысле ее действия вполне отвечают привычным представлениям о норме поведения (приличествующего случаю). Поведение детей (телевизор, ролики, каратэ, съеденные орехи) несообразно в основном в глазах взрослых, но вполне естественно, если взглянуть на него глазами детей («Такая интересная передача!», «Что, если я немного покатаюсь?», «Разве у меня плохо получается, когда я колю орехи рукой?», «В конце концов, я только хотел попробовать!»). Поведение дедушки можно было бы списать на его годы, если бы по утрам он не бегал трусцой и не был внештатным корреспондентом злостной «Недели». Кроме того: «Вы же ничего не читаете, вы не знаете, что происходит в мире!» Большинство членов семьи, по крайней мере, на уровне декларируемых побуждений, пусть на небольшом отрезке пути, действовало в одном направлении. «Неадаптивность» заключалась в том, что у некоторых участников этой ситуации намечался сдвиг побуждений или намерений от групповой цели к индивидуальной. Такой сдвиг возвращал их в лоно собственных побуждений, по отношению к которым их поведение могло бы рассматриваться как вполне адаптивное. Норма индивидуальной активности (заключающаяся здесь в отсечении всего, что не относится к делу, к «коренным» интересам) оказывалась при этом нетронутой.

Взгляд на поведение человека как на адаптивное находит как будто бы убедительную поддержку при конструировании идеала оптимально устроенных систем. В самом деле, что может быть, скажем, разумнее, чем потребовать от живой системы максимально полного соответствия между поведением и побуждающими его источниками? Однако точка зрения изначального соответствия между тем, что совершает субъект, и тем, к чему он стремится, ставит нас перед лицом принципиальных трудностей. Вот одна из них. Как объяснить, например, появление новой цели, если в пределах предшествующего действия индивидуум

стремится элиминировать все, прямо не относящееся к делу? Постулат сообразности навязывает два варианта ответа.

Первый: по достижении предшествующей цели субъект мгновенно выдвигает новую цель. Но этот ответ явно разочаровывает, ведь тогда факт ее возникновения должен выглядеть столь же сверхъестественным, как и магическое появление кролика в шляпе у фокусника.

Второй допустимый ответ: новых целей как таковых вообще нет; существуют лишь подцели некоторой «конечной» – «недостигаемой» цели (Аккофф, Эмери, 1974). Но этот взгляд – по существу преформистский – вряд ли будет безоговорочно принят даже теми, кто разделяет постулат сообразности.

Если на первой ступени анализа постулат сообразности выявляет свою методологическую ограниченность при интерпретации фактов поведения, не укладывающихся в прокрустово ложе какого-либо одного исходного отношения, то на второй ступени анализа мы вынуждены принять, что интеграция этих ориентаций также не исчерпывает и не охватывает собой всех проявлений деятельности человека. И хотя необходимость адаптивных поведенческих актов бесспорна и очевидна, нельзя мыслить себе, что по-настоящему существенное в личности индивидуума исчерпывается отношениями, взятыми постулатом сообразности за основу⁸. Личность как «специально человеческое образование <...> не может быть выведена из приспособительной деятельности» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 177).

Примеры нарушения постулата сообразности мы находим и в филогенезе, на различных ступенях организации жизни. Известны факты «жертвенного» поведения (у муравьев и не только), «бескорыстной» исследовательской и поисковой деятельности крыс⁹. В опытах американских ученых было показано, что крысы, помещенные в условия, где мог быть сполна удовлетворен широкий круг потребностей, выходили на «неосвоенную» территорию. «Искателями», впрочем, была лишь некоторая часть крыс. Было рассчитано, что если бы вся популяция крыс вела себя подобным образом, то она была бы обречена на уничтожение. Вместе с тем, если бы все крысы придерживались консервативного стиля поведения, то есть не выходили за пределы освоенной территории, то это бы привело к истощению пищевых ресурсов и, следовательно, к гибели животных. Нет смысла специально разъяснять, что примеры

⁸ Приходится считать с тем, что наряду с объективно существующей и вскрываемой в анализе реальной неадаптивностью некоторых актов деятельности существует едва ли не для каждого из них субъективная рационализация и телеологизация их, вполне понятные при учете целевой организации деятельности субъекта. Ведь деятельность – «субстанция сознания» (Леонтьев, 1975, с. 157).

⁹ Изложение этих данных можно найти в книге П.В. Симонова (Симонов, 1975).

«неадаптивного» поведения той или иной особи имеют вполне очевидный приспособительный смысл, если рассматривать это поведение с позиций реализации в нем адаптивных интересов рода, то есть отказаться от «организмоцентрического» взгляда на эволюционные процессы в пользу «популяционноцентрического» (Философские проблемы теории адаптации, 1975, с. 28–30). Своеобразие отклонений от действия постулата сообразности в поведении человека заключается в том, что моменты неадаптивности выступают здесь моментом общественного развития, которое, в отличие от процессов простого воспроизводства наличного уровня общественного бытия, может быть понято как расширенное его воспроизводство.

Тогда бесчисленные и многообразные проявления неадаптивности отдельных индивидуумов в своей совокупности могут быть поняты как одно из условий восходящего движения общественного целого.

Научное и художественное творчество, искусство, воспитание, новаторство в производстве – все это обширное поле проявлений неадаптивности в деятельности человека. Вообще прогресс в сфере культуры (а, следовательно, прогресс во всех сферах человеческой жизни) в значительной мере обязан готовности и склонности людей к «неприспособительному» поведению. Любые попытки свести специфически человеческие проявления деятельности к адаптации самой же культурой обесцениваются и отбрасываются. В нарочито парадоксальной форме идея (сейчас бы ее назвали «антиидеей») прагматического истолкования смысла искусства для человека встречается в ранней повести Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито». Герой повести философствует (голос героя ни в коей мере нельзя отождествить с голосом автора!):

«В давние эпохи под словом “поэзия” подразумевались занятия, непохожие на вышеуказанные <раскладывание пасьянсов или чесание спины с помощью китайских ручек. – В.П.>, но весьма осмысленные и полезные. Слово являлось действием, и поэтому поэзия, как мудрое сочетание слов, способствовала тем или иным жизненным актам. Мне известна высокая поэзия знахаря, умеющего сочетанием слов добиться того, чтобы бодливая корова давала себя доить. Но как я могу применить то же возвышенное слово к головкам Малларме, которые тридцать три бездельника разгадывают в течение тридцати трех лет? Слово некогда могло убить или излечить, заставить полюбить или возненавидеть. Поэтому заговоры или заклинания были поэзией. Поэты являлись ремесленниками, работавшими, как все люди. Кузнец ковал доспехи, а поэт слагал героические песни, которые вели к победе. Плотник тесал колыбель или гроб, а поэт писал колыбельную песнь или причитания. Женщины пряли и за пряжей пели песни, делавшие их руки более быстрыми и уверенными, работу легкой. Я читал как-то стихи, которые вы печатаете в вашем уважаемом журнале, и спрашивал: кого они могут

пробудить или повести на бой, чьей работе могут помочь? Единственное их назначение, не вытекающее, впрочем, из задания авторов, убаюкать человека, уже подготовленного ко сну статьей о количестве гласных и согласных в стихе Расина» (*Эренбург*, 1929, с. 67).

Вопреки взглядам Хуренито в вопросе о самооценности искусства (не путать с формулой «искусство для искусства»!), других высших созидательных проявлений человеческого духа, все, кто сейчас пишет об этом, придерживаются замечательного единства. Считается бесспорным то, что, хотя и наука, и литература, и искусство играли и продолжают играть значительную роль в материальной жизни людей, они не могут быть понятны узкоутилитарно; они как бы «отвязаны» от интересов адаптации человека к среде, не могут быть истолкованы чисто прагматически.

Идеалы прагматизма применительно к искусству единодушно отбрасываются и творцами, и теми, кому предназначено их творчество. В самом этом сходстве взглядов разных по своим мировоззренческим установкам людей заключено нечто большее, чем просто сходство. Скаждым новым свидетельством в пользу неутилитарности этих форм активности закрепляется убежденность в том, что бескорыстие и непрагматизм – это показатель подлинного служения науке, искусству, делу воспитания и т.п. «Не приспособливаться, а самоотверженно и бескорыстно исследовать и творить, совершенствоваться самому и содействовать развитию других людей!» – становится критерием и ориентиром оценки человека науки, человека искусства, подлинного воспитателя и т.п. «Не смотри на ученость ни как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на корову, чтобы кормиться ею!» – писал Толстой.

Но это, в свою очередь, значит, что «неадаптивность» превращается в нормативную черту деятельности «подвижников духа». Тем самым утверждается иной уровень адаптивности: «быть неадаптивным» выступает как условие адаптированности человека к данным видам деятельности, в частности, его признания соответствующей социальной группой. Кроме того, созидание в этих областях человеческой жизни – подлинный источник наслаждения. Поэтому вовлеченность человека в творчество не может быть однозначно описана или оценена как «неадаптивная». По сравнению с задачей поддержания биологической нормы функционирования (выживания), человек, творя, действует «неадаптивно», однако часто это вполне адаптивная активность, если иметь в виду равнение на нормы, задаваемые сообществом, к которому он принадлежит.

Представим себе режиссера, не дерзнувшего выйти за рамки уже существующего в искусстве. «Серость!» – не без основания скажут о нем. Ориентация на возможность подобной оценки и стремление ее исключить есть, несомненно, адаптивная тенденция, придающая деятельности режиссера творческий характер (мы, разумеется, не сводим

истоки оригинальности к стремлению быть неуязвимым для такого рода оценок, но и не можем абстрагировать творческий импульс от социально диктуемой тенденции «быть непохожим»).

Перед нами, таким образом, лишь одно из значений понятия «неадаптивность», сводящееся к понятию «созидание». Не случайно некоторые авторы в качестве того, что может быть противопоставлено адаптивной активности, рассматривают продуктивную активность (творческое мышление, познавательная тенденция, альтруистическое поведение и т.д.). Такое представление о неадаптивности может быть названо широким.

Если, однако, в нашем понимании неадаптивности мы ограничиваемся лишь представлениями о созидательности как социально заданном отношении человека к миру (избыточном с точки зрения выживания), то возникает риск, что в тени останутся существенно значимые пласты человеческой активности, созидательный смысл которых не очевиден. Человека могут притягивать опасность, неопределенность успеха, неизведанное – как таковые, и независимо от того, сможет ли человек в дальнейшем придать этим импульсам какой-либо рациональный смысл, его действия в данном направлении будут носить неадаптивный характер. Именно этот класс проявлений активности – неадаптивная активность в узком смысле слова.

Как и созидательная (продуктивная) активность, она избыточна относительно интересов «выживания» и составляет необходимый момент расширенного воспроизводства индивидуального и общественного бытия. Неадаптивная активность в узком смысле является предметом особого анализа в данной книге и напрямую связана с предлагаемой здесь концепцией активности личности.

Если верно, что неадаптивные проявления человека могут способствовать не только развитию самого индивидуума, но и развитию окружающих его людей, то понятие «неадаптивность» теряет будто бы от века свойственный ему смысл непременно болезненных отклонений от некоей «нормы». Внутри этого понятия происходит дифференциация. Определенная часть явлений неадаптивности действительно может быть связана с различного рода «снижениями» потенциала существования и совершенствования человека, с ограничениями возможностей восходящего движения личности, другая часть, напротив, – с феноменами роста и развития возможностей человека. В этом последнем случае, анализируя проявления неадаптивности, мы говорим о надситуативной активности субъекта. Она образует ядро развивающейся личности. Эта высшая форма активности может быть понята лишь в контексте анализа деятельности – как момент ее собственного движения и развития. Само формирование такого контекста обсуждения проблемы активности – результат длительного становления психологической мысли.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ

Судьба понятия «активность» в психологии является своеобразным зеркалом ее исторического становления и обособления в качестве самостоятельной науки (Петровский А.В., 1967).

Если бы нам удалось восстановить голоса тех, кто на рубеже XIX–XX вв. отстаивал идеалистические традиции в трактовке активности, – известных в те годы философов: Л.М. Лопатина, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и многих других, – то мы столкнулись бы прежде всего с пониманием активности как имманентного свойства духа, открывающегося человеку исключительно в ходе самонаблюдения, или, иначе, «интроспекции» (взгляд изнутри). Здесь замелькали бы такие слова, как «душа», «дух», «Воля», «Я», «спонтанность», «апперцепция» (синтетическая способность сознания) и др. Источник активности, сказали бы эти философы, содержится, точнее, глубоко спрятан, в деятельности «души» и непознаваем ни одним из естественнонаучных (объективных) методов.

Но тут же мы услышали протестующие голоса представителей эмпирического и естественнонаучного направлений в психологии. «Ваши умозрительные схемы, – сказали бы они, – какими бы логичными или изощренными они ни казались, безжизненны; они далеки от реальных проблем, решаемых людьми; вы извлекаете человека из реального его связей с миром. Между тем именно в рассмотрении этих связей единствен и можно усмотреть источник возникновения и область обнаружения человеческой активности». И правда, что есть активность человека? Это есть, прежде всего, его отношение к окружающему миру, а оно – тут мы уже вполне отчетливо слышим голос одного из ярких психологов тех лет: А.Ф. Лазурского, которого сейчас в профессиональной среде называли бы «личностником»: «Оно, это отношение, есть мера устойчивости субъекта к влияниям окружающей среды и, в свою очередь, мера воздействия на среду!»

Увы! Этот ответ, который как будто бы вполне вписывается в круг наших сегодняшних представлений, ничуть не удовлетворяет представителей «идеалистического крыла» в разработке проблемы активности субъекта. «А откуда, собственно, – вопрошают они, – берутся ваши так называемые отношения, что обеспечивает столь высоко ценимые вами “устойчивость” и “воздейственность” человеческой особи?» И, не дождавшись ответа, дают уже знакомый нам свой: «Дух», «Воля», «Я»...

«Ну, нет! – вступает в воображаемый диалог основатель рефлексологии В.М. Бехтерев. – Душа здесь ни при чем. Биологические импульсы, энергия тела, природно-биологический потенциал – вот в чем источник активности!»

«А был ли мальчик?!» – как бы озадачивает «горьковским гласом» своих «собеседников» другой крупный ученый того времени, автор ре-

актологии К.Н. Корнилов. «Нет активности, есть только реактивность!» (слова, принадлежащие самому К.Н. Корнилову и выступавшие в качестве девиза реактологических исследований вплоть до самого окончания 20-х годов).

Этот спор, начатый так давно, продолжается и поныне (взять хотя бы взгляды философов экзистенциального направления или необихевиористов в лице Скиннера, выдвинувших концепцию «манипуляции людьми»). Основные позиции в понимании активности оказываются здесь уже заданы, и по ним можно предугадать дальнейшие «ходы» в решении этой проблемы в пределах все тех же объяснительных схем, какие бы формы последующего обсуждения они ни принимали. За всеми этими взглядами вырисовывается по существу ложная дихотомия: «либо дух – либо тело»; либо источник активности «внутри» субъекта, либо «вне» его. Они закономерно породили сомнение в самом существовании феномена активности. Между тем искомое решение состоит, разумеется, не в том, чтобы выбрать, какой лучше. «Оба хуже»!

Принцип решения столь остро стоящей проблемы содержался в разработке категории «деятельность», снимающей как дуализм «духа» и «тела», так и дуализм «внешнего» и «внутреннего» в природе человека (мы еще затронем в этой связи работы А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна — двух лидеров отечественной психологии).

На протяжении 30-х годов, в связи с проникновением в концептуальный аппарат психологии идей об активном характере отражения, о происхождении сознания из трудовой деятельности, о роли потребностей в развитии личности, принцип активности в явной или неявной форме становится определяющим для интерпретации важнейших психологических фактов и закономерностей.

С именем Л.С. Выготского связано развитие представлений о культурно-историческом опосредствовании высших психических функций. В историко-психологических исследованиях, освещающих взгляды Л.С. Выготского, обычно подчеркивается, что активность в его понимании была обусловлена использованием «психологических орудий». В целях нашего анализа укажем, что в работах Л.С. Выготского и его сотрудников активность раскрывается также и со стороны становления ее как знаковой, орудийной. С особенной рельефностью этот план представлений об активности выявляется при анализе черт, присущих «инструментальному» методу, развитому в работах Л.С. Выготского и его сотрудников. Как известно, экспериментальный метод предполагал создание ситуации свободного выбора относительно возможности обращения к «стимулу-средству» при решении поставленной перед испытуемым задачи. Необходимость использования в деятельности «стимула-средства» не навязывалась испытуемому извне. Действие со «стимулом-средством» являлось результатом свободного решения

испытуемого. В зависимости от уровня развития субъекта, внешние «стимулы-средства» выступали по-разному. Они могли как соответствовать, так и не соответствовать возможностям их использования; их применение могло выступать как во внешней, так и во внутренней форме. «Психологическое орудие» означало не столько принудительно воздействующее на субъекта начало, сколько точку приложения сил самого индивидуума, которые как бы «вбирают» в себя знак. Индивидуум тем самым рассматривался по существу как активный.

Ни один исследователь проблемы активности не может пройти мимо теории установки Д.Н. Узнадзе. Ядро научных исследований и основной акцент в понятийном осмыслении «установки» приходится на указание зависимого характера активности субъекта от имеющейся у него установки, то есть готовности человека воспринимать мир определенным образом, действовать в том или ином направлении. Активность при этом выступает как направляемая установкой и, благодаря установке, как устойчивая к возмущающим воздействиям среды. Вместе с тем объективно в психологической интерпретации феномена установки содержится и другой план, определяющийся необходимостью ответа на вопрос о происхождении («порождении») установки. Этот аспект проблемы разработан значительно меньше, чем первый.

Основатель теории установки Д.Н. Узнадзе, подчеркивая зависимость направленности поведения от установки, призывал к изучению генезиса последней, и этим – к изучению активности как первичной. Этот призыв не ослаблен, а, наоборот, усилен временем. Трудность, однако, заключается в недостаточности простого постулирования активности как исходного условия для развития психики. Поэтому некоторые современные исследователи в области теории деятельности (Асмолов, 2007), видя в установке механизм стабилизации деятельности, подчеркивают, что установка является моментом, внутренне включенным в саму деятельность, и именно в этом качестве трактуют установку как порождаемую деятельность. Это положение представляется нам особенно важным для понимания связи активности и установки. При исследовании предметной деятельности субъекта открывается возможность специального разграничения двух слоев движения, представленных в деятельности: один из них структурирован наличными установками, другой первоначально представляет собой совокупность предметно-неоформленных моментов движения, которые как бы заполняют «просвет» между актуально действующими установками и выходящими за их рамки предметными условиями деятельности. Именно этот, обладающий особой пластичностью слой движения (активность) как бы отливается в форму новых установок субъекта.

Быть может, сейчас более чем когда-либо раскрывают свой конструктивный смысл для разработки проблемы активности теорети-

ческие взгляды С.Л. Рубинштейна. Ему принадлежит заслуга четкой постановки проблемы соотношения «внешнего» и «внутреннего», сыгравшей важную роль в формировании психологической мысли. Выдвинутый С.Л. Рубинштейном принцип, согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой. С данным принципом тесно связаны представления о направленности личности (понятие, которое вошло в обиход научной психологии после опубликования «Основ общей психологии» в 1940 г.), идея пассивно-активного характера потребностей человека. Еще ближе к обсуждаемой проблеме стоит положение, рассмотренное в последних работах С.Л. Рубинштейна, о выходе за рамки ситуации, который (выход) мыслился в форме разрешения субъектом проблемной ситуации.

Особый подход к проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» утверждается в работах А.Н. Леонтьева. В книге «Деятельность. Сознание. Личность» предложена по существу формула активности: «Внутренне (субъект) воздействует через внешнее и этим само себя изменяет».

Потребовалось введение категории деятельности в психологию и вычленение в деятельности особых ее единиц, чтобы подготовить почву для постановки вопроса о тех внутренних моментах движения деятельности, которые характеризуют постоянно происходящие переходы и трансформации единиц деятельности и сознания. Это новое, родившееся в советской психологии направление исследований позволило с новых позиций подойти к решению некоторых фундаментальных проблем, к числу которых относится и проблема активности как предпосылки и условия движения сознания и деятельности.

Соотношение «активности» и «деятельности» – предмет оживленной дискуссии в философской литературе (Е.А. Ануфриев, А.Н. Илиади, Ю.Л. Воробьев, М.С. Каган, В.Ю. Сагатовский, Б.С. Украинцев, Л.В. Хоруж и др.). В этой дискуссии высказываются различные суждения, диапазон которых весьма велик. В ряде этих работ активность то отождествляется с самодвижением материи (тогда деятельность, разумеется, становится лишь частным проявлением активности), то, наоборот, деятельность рассматривается как своеобразная «субстанция» (и тогда активность выступает ее «модусом»).

Каково же действительное соотношение «активности» и «деятельности»? Введение категории деятельности в психологию привело к перестройке всего концептуального аппарата науки, существенно отразившись на традиционных представлениях об активности субъекта.

Впервые в категории «деятельность» и через нее понятие «активность» приобретает реальное психологическое звучание.

Исходным для нас является представление об активности как движении, характеризующем деятельность и неотделимом от нее. При этом активным может быть назван не всякий процесс, объективно представленный в деятельности, а лишь такой, само существование которого находится в прямой зависимости от субъекта. Это – процессы инициации («запуска») деятельности, ее осуществления, контроля над ее динамикой и т.д. Активность, следовательно, может быть определена как совокупность *обусловленных индивидуумом моментов движения деятельности*.

Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности. Формулируя это положение, подчеркнем, что деятельность трактуется здесь в широком смысле. А именно, как динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира, выступающая в виде необходимого и достаточного условия реализации жизненных отношений субъекта – «молярная единица жизни» (А.Н. Леонтьев). Могут быть рассмотрены три рода соотношений активности и деятельности.

Активность как динамическая образующая деятельности. Рассматривая деятельность в ее становлении, мы с необходимостью должны признать существование таких изменений, вносимых субъектом в систему его отношений с миром, которые выступили бы в виде основы возникающей деятельности. Особенность этих процессов заключается в том, что начало свое они берут в самом субъекте, порождены им, однако форма их всецело определяется независимыми от субъекта предметными отношениями. Активность раскрывается здесь как представленная в движении возможности деятельности. Обусловленное субъектом движение как бы впитывает в себя мир, приобретая формы предметной деятельности. Говоря о порождении психического образа, мы поясняли это на примере движения руки, копирующей форму предмета. Специальные исследования деятельности дают основание считать, что ее мотивы и цели первоначально также рождаются в результате «соприкосновения» живого человеческого движения и окружающих обстоятельств. И так, активность – динамическая образующая деятельности в виде становления ее основных структур.

Активность как динамическая сторона деятельности. Завершение процесса становления деятельности не означает ее эмансипации от активности. Она (активность) выступает теперь в двояком плане. Прежде всего, как обнаруживающее себя течение деятельности. В отличие от мотивационных, целевых, орудийных и других отношений, фиксирующих статическую («структурную») сторону деятельности, активность характеризует ее динамическую сторону. Активность – движение, в котором реализуются указанные отношения.

Динамическая сторона деятельности (активность) не исчерпывается, однако, лишь процессами течения последней, то есть такими процессами, в которых разворачиваются уже накопленные в опыте субъекта (или присвоенные им) структуры деятельности. К явлениям активности следует также отнести и то, что было обозначено А.Н. Леонтьевым как «внутрисистемные переходы» в деятельности («сдвиг мотива на цель», превращение исходной деятельности в действие, реализующее отношения более развитой формы деятельности, и т.п.). В этих переходах осуществляется развитие деятельности.

Активность как расширенное воспроизводство деятельности. В самом общем плане расширенное воспроизводство деятельности может быть определено как процесс обогащения мотивов, целей и средств исходной деятельности, а также психического образа, опосредствующего ее течение. Но что значит «обогащение мотивов, целей, средств и психического образа»?

Речь, очевидно, должна идти не о том, что мотивы, цели, средства и психический образ в системной организации развитой деятельности аналогичны (равносильны, равноценны) исходному мотиву, цели, средствам и психическому образу и попросту расширяют их спектр: развитие деятельности выражается в углублении ее мотивов, возвышении целей, улучшении используемых средств, совершенствовании психического образа. Новые и предшествующие моменты деятельности – *несимметричны*. Так, новый мотив деятельности как бы вырастает из предшествующего и содержит его в себе в виде необходимой, но не исчерпывающей его части. Следование новому мотиву предполагает реализацию субъектом предшествующего мотива, но вместе с тем удовлетворение потребности, первично инициировавшей поведение, не гарантирует еще возможности реализации нового мотива, возникшего в деятельности. Достижение первоначально принятой цели необходимо, но еще недостаточно для достижения вновь поставленной цели. Решение исходной задачи с применением доказавших свою пригодность средств стимулирует постановку новой задачи, но само по себе еще не дает средств к решению этой задачи. Складывающийся психический образ ситуации не только содержит в себе тот образ, на базе которого регулировалась исходная деятельность, но и превосходит его.

Развитая форма деятельности, таким образом, не только предполагает (подразумевает) возможность реализации основных отношений исходной деятельности, но и означает порождение отношений, выходящих за рамки первоначальных. Новая деятельность содержит в себе исходную, но устраняет присущие ей ограничения и как бы поднимается над ней. Происходит то, что мы определяем как расширенное воспроизводство деятельности.

Процессы, осуществляющие расширенное воспроизводство деятельности, характеризуют течение последней и ее внутреннюю динамику. Поэтому-то и понимание активности как динамической стороны деятельности здесь не утрачивает своей силы, однако принимает новую форму. Зафиксируем ее в следующем определении: активность есть обусловленное индивидуумом расширенное воспроизводство его деятельности.

И, наконец, активность на высшем ее уровне определяется нами как переход предшествующей формы деятельности в высшей точке ее развития к новой форме деятельности. Этот переход иногда выступает в виде «скачка», знаменующего собой становление новой деятельности.

Подытожим:

1. Активность – динамическая «образующая» деятельности (она обеспечивает опредмечивание потребностей, целеобразование, присвоение «психологических орудий», формирование установок, становление психического образа и т.д.);

2. Активность – динамическая сторона деятельности (процессы осуществления деятельности и «внутрисистемные переходы» в ней – сдвиг мотива на цель и т.д.);

3. Активность – момент расширенного воспроизводства деятельности (ее мотивов, целей, средств, психического образа, опосредствующего течение деятельности) и – «скачка» к качественно иным формам деятельности.

Сказанное позволяет следующим образом охарактеризовать связь активности и деятельности в пределах единого определения.

Активность есть совокупность обусловленных индивидуумом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности.

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов реализации деятельности и процессов движения самой деятельности, ее самоизменения. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых «единиц» и операциональных образующих деятельности и переходов между ними. В отличие от процессов осуществления деятельности, собственно *активность* образуют моменты прогрессивного движения самой деятельности (ее становления, развития и видоизменения).

Моменты осуществления деятельности и моменты прогрессивного ее движения выступают как стороны единого целого. Они группируются вокруг одного и того же предмета, который, согласно А.Н. Леонтьеву, является основной, «конституирующей» характеристикой деятельности. «При этом предмет деятельности выступает двойко: первично – в своем независимом существовании как подчиняющий себе и преобразующий

деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 84). Заметим, что здесь, в определении предметности деятельности, особо выделен факт первоначальной независимости ее предмета от индивидуума, реализующего данную деятельность. Может быть, однако, выделен и другой полюс этой первоначальной независимости, а именно: автономия самого индивидуума от предмета его последующей деятельности. Ведь предмет этот возникает не «вдруг», а только как результат становления. Так, противостоящая индивидууму «вещь» еще не есть непосредственно предмет его деятельности. Ее превращение в «предмет» опосредствовано особой активностью индивидуума, осуществляющей акт подобного «опредмечивания». Точно так же детерминирована самим индивидуумом и динамика форм предметности (превращения предмета из внешней во внутреннюю детерминанту активности). И, наконец, видоизменение деятельности предполагает момент преодоления ее исходной предметности. Ведь деятельность рассматривается как развивающаяся, выходящая за свои собственные пределы. Но это преодоление не осуществляется автоматически, а требует борьбы с установками, сложившимися в предшествующих предметных условиях (Асмолов, Петровский В.А., 1978, с. 70–80). Все эти процессы могут быть объединены единым термином «целеполагание».

Целеполагание понимается здесь как формирование индивидуумом предметной основы необходимой ему деятельности: ее мотивов, целей, задач. Понятие «целеполагание», как можно видеть, шире созвучного ему понятия «целеобразование». Последнее охватывает процессы постановки субъектом «целей» в обычном смысле этого слова – как осознанных ориентиров дальнейших действий, в то время как целеполагание будет означать для нас формирование исходной основы будущих проявлений активности, постоянное ядро в переходах: мотив – цель – задача. Соответственно, вместо «целеполагания» мы иногда будем говорить о «постановке субъектом цели». Но в контексте анализа движения деятельности это будет означать возникновение именно новой целевой перспективы.

Тогда *деятельность* можно определить как *единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру*.

Целенаправленность – момент *осуществления* деятельности, целеполагание – момент *движения* (собственной динамики) деятельности. Целеполагающая активность должна быть понята как внутренняя характеристика деятельности, как деятельность, выступающая в особом своем аспекте – со стороны собственного становления, развития, видоизменения. Мы называем такой аспект анализа *диахроническим*. Целе-

направленность активности характеризует деятельность уже в другом аспекте ее анализа – *синхроническом*, а именно, в аспекте осуществления деятельности.

Целенаправленная активность реализует наличную потребность индивидуума, в то время как целеполагающая активность порождает новую его потребность. Диахронический и синхронический аспекты рассмотрения деятельности, представленные процессами целеполагания и целеосуществления, – равноправные, одинаково существенные определения деятельности. Они предполагают друг друга и только в своем единстве характеризуют деятельность. Оба свойства (целеполагание и целенаправленность) не уступают друг другу по своей значимости в общей картине деятельности. С этих позиций мы попробуем вновь охарактеризовать деятельность, имея в виду обозначенную выше оппозицию обыденных и теоретико-методологических построений.

ГЛАВА 3. ДВУЕДИНСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Итак, вернемся к поставленным вопросам. Как должно быть разрешено противоречие между научными и обыденными представлениями о деятельности?

Соотношение, истинную связь между обыденными и научными понятиями можно осмыслить по-разному. Одно из решений состоит в том, чтобы просто отбросить точку зрения здравого смысла в пользу утверждения теоретических представлений. Но такой сциентизм, если он отчасти и уместен в сфере негуманитарного знания, в области гуманитарного знания (философского, педагогического, психологического), как нам представляется, глубоко неоправдан. При всей внешней респектабельности лозунга: «Наука всегда права!», насилие над здравым смыслом в области гуманитарного знания в действительности не лучше и не хуже обскурантизма поборников «здравого смысла» в отношении научных понятий. Подобно тому, как вещество и антивещество, сталкиваясь, уничтожают друг друга, воинствующий сциентизм и не менее воинствующий обскурантизм, сталкиваясь, не оставляют места ни для науки, ни для здравого смысла.

Теоретические представления, бесспорно, преодолевают представления обыденного сознания, но акт их преодоления вовсе не есть акт немилосердного отрицания – «голового, зряшного». Теоретическое преодоление здравого смысла удерживает или должно удерживать в себе моменты его исходной предметной отнесенности – моменты, закрепленные и мистифицированно освоенные в первоначальных донаучных представлениях людей. Порвать со здравым смыслом, как с чем-то заведомо несостоятельным, порочным, на корню ложным, – это значит порвать с самим предметом исследования, объявить его порочным или не стоящим внимания теоретика, поранить корни его. Теоретическое преодоление, очевидно, необходимо понимать лишь как снятие.

Наше решение этой проблемы имеет своим условием преодоление постулата сообразности и разграничение процессов реализации и собственно движения деятельности (см. главу 1 настоящей книги). Итак, вернемся к постановке все тех же вопросов.

Субъектна ли деятельность? Переформулируем этот вопрос следующим образом: если в логическом плане *субъект* есть носитель и проводник цели, то правомерно ли, и притом во всех случаях, говорить о реальном человеке, – «индивидууме», – как подлинном субъекте (=авторе) происходящего? Здесь нужно подчеркнуть, что один из ответов, если только не будут сделаны необходимые уточнения, напрашивается сам собой: конечно, это не так.

Действительно, наряду с существенными всегда могут быть найдены и совершенно несущественные, случайные проявления активности, которые не являются изначально планируемыми и не оказывают никакого заметного влияния на процесс осуществления деятельности. Если они и не отбрасываются человеком, то исключительно в силу их видимой безотносительности к процессу целенаправленного действия. Например, решая ту или иную значимую для себя задачу, человек может импульсивно и без всякого участия сознания совершать что-то постороннее, нецеленаправленное. Его непроизвольные «действия» протекают как бы параллельно основному целенаправленному акту и являются по существу бессубъектными (разумеется, мы не отрицаем того, что присутствие этих «действий» может играть важную роль в поддержании тонуса, обеспечении должного уровня внимания при выполнении основной работы).

Точно так же бессубъектна форма осуществления целенаправленных актов, диктуемая теми или иными обстоятельствами. Речь здесь идет о крупных и мелких адаптивных операциях, извне задающих рисунок действия; по замечанию Н.А. Бернштейна, «босая нога многое могла бы многое рассказать обутой» (*Бернштейн*, 1990, с. 86). В отличие от контролируемого содержания действий форма их реализации всегда в какой-то мере определяется не «изнутри» (субъектно), а «извне» – со стороны объекта. В той мере, в какой эти неизбежные привходящие моменты не оказывают существенного влияния на содержание действия, они ни в коей мере не упраздняют «субъектности» индивидуума, реализующего деятельность. Нас, однако, в данном случае, интересуют не случайные спутники деятельности и не неизбежные влияния на нее внешних условий, придающие деятельности тот или иной ситуативно-неповторимый рисунок, а именно существенные характеристики собственной динамики деятельности.

Когда мы переходим к анализу движения деятельности, ее становления и развития, бессубъектность деятельности превращается в совершенно особое явление, становится фактом, с которым нельзя не считаться. Субъект как бы рождается заново, на основе возникающих в деятельности предпосылок для постановки новых целей, новых задач, нового образа всей ситуации в целом. Переход из плана возможного в план действительного связан с радикальной перестройкой внешней и

внутренней картин последующих актов действия. В этот момент индивидуум пребывает в своеобразном состоянии, которое можно назвать переходным и которое именно в силу своего переходного характера имеет субъектно-неопределенный характер.

Первый возможный здесь случай анализа касается деятельности, осуществляемой строго индивидуально, «наедине с собой». Становление деятельности в этом случае характеризуется тем, что в одном и том же индивидууме как бы доживает свой срок автор завершающейся деятельности (он, однако, продолжает еще «жить» в установках) и нарождается автор деятельности предстоящей, будущей. Подлинное междувластие! В этот момент, точнее, на этом интервале активности, индивидуум бес-субъектен, переход от предшествующего субъекта к будущему происходит в нем, и сам по себе этот переход не может быть определен как реализация какой бы то ни было заранее поставленной, определенной цели. Чтобы подчеркнуть эту мысль, отметим, что к моменту окончания переходного периода произошедшая перемена может быть рационализирована самим индивидом как с самого начала руководимая некоторой целью. Но если бы переход от одной цели к другой действительно был связан с действием какой-нибудь цели более высокого порядка, то нужно было бы объяснить, каким образом «пробуждается» эта цель более высокого порядка... Следуя избранному пути телеологического объяснения переходов от одной цели к другой, мы должны либо все дальше отодвигать «конечную» цель, подчиняющую себе все межцелевые переходы, в бесславные дали «дурной бесконечности», либо добрались бы, наконец, до мифической верховной цели, провозглашенной постулатом согласности. Подобная логика рассуждений была бы подобна попыткам философов определить «цель» движения мировой истории.

Однако мы придерживаемся противоположной точки зрения, не пытаясь искать конечную цель, управляющую межцелевыми переходами. И в этом смысле мы говорим о самодвижении деятельности. Но тогда необходимо признать, что в таком движении прежний субъект деятельности оттесняется новым, и само это обновление не предполагает существования верховного субъекта – демиурга происходящего. Факт межсубъектности (междувластия) может быть установлен не только объективно, но временами открывается также и в субъективном плане. Поэтической иллюстрацией могут служить строки японского поэта Исикава Такубоку: «Не знаю, отчего я так мечтал на поезде поехать. Вот – с поезда сошел и некуда идти»¹⁰. И – другое свидетельство, принадлежащее известному итальянскому философу Сильвано Тальягамбе, относящееся к явлениям вполне прозаическим: «Для введения и принятия новых факторов, новых эмпирических величин необходимо отстраниться и пренебречь

¹⁰ Перевод с японского В. Марковой.

данными, обосновавшими предшествующую теорию и интерпретацию. Но в ходе этого “ретроградного движения” мы попадаем в своеобразную западню: поскольку предыдущая экспликативная структура отвергнута и не выдвинуто какой-либо другой альтернативной гипотезы – вектора и конечной цели нашего поиска, постольку фрагменты наблюдения, события выглядят оторванными друг от друга, лишенными разумной связи и вообще не поддающимися прочтению» (*Тальягамбе, 1985*).

Приводя столь разные по стилю изложения и тематике иллюстрации, подчеркнем то общее, что их объединяет: переживание временной невыявленности «альтернативы» тому, что оставлено в прошлом. Перед нами, таким образом, намечающаяся феноменология трансубъектности индивидуума.

Второй случай касается действий индивидуума в условиях «непосредственной коллективности». Тот факт, что один человек, как говорят, «выполняет волю другого», не может служить убедительным аргументом в пользу бессубъектности индивидуума. Во-первых, каждый из нас, принимая к исполнению цели других людей, как правило, формулирует их по-своему, достраивает, доопределяет, руководствуясь своими ценностями, пропуская их сквозь призму своих установок, и т.п. Во-вторых, самый способ осуществления деятельности, заданной некоторой системой требований извне, обычно в значительной мере индивидуален, связан с темпераментом человека, особенностями сознания, уже имеющимися навыками и т.п. Неслучайно в психологии выделяется особое понятие, введенное Е.А. Климовым (*Климов, 2004*), характеризующее своеобразие выполнения человеком заданной ему деятельности – «индивидуальный стиль деятельности»: обобщенную характеристику индивидуально психологических особенностей человека, складывающихся и проявляющихся в его деятельности, позволяющая в значительной степени прогнозировать эффективность ее выполнения.

Известный каждому российскому психологу принцип «внешнее через внутреннее», сформулированный С.Л. Рубинштейном (*Рубинштейн, 1973*), помогает найти важный ориентир в понимании того, что внешние требования (задачи, цели, предъявляемые человеку другими людьми) всегда преломляются системой «внутренних условий», превращаясь, таким образом, в руководство к действию. Наше внимание, однако, привлекает иной аспект деятельности, а именно характеристики ее становления, развития и видоизменения, и в данном случае – это вопрос об обусловленности движения цели индивидуальной деятельности другими людьми. В советской, а теперь уже российской психологии проблема обусловленности деятельности общением разрабатывалась очень активно и продуктивно (см. работы Б.Ф. Ломова, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева и др.). Многоплановые исследования в этой области мы встречаем и в работах зарубежных психологов (Г. Гибша, М. Форвер-

га и др.). Общим итогом этих разработок является положение о том, что индивидуальные возможности людей в значительной мере возрастают в условиях непосредственного взаимодействия с людьми, решающими ту же задачу. Однако эта закономерность действует, как правило, в группах высокого уровня развития (А.В. Петровский). В контексте нашего анализа выделим важное понятие, введенное Л.А. Карпенко, – «движение мотива». Понимая под мотивом «предметно-направленную активность определенной силы», автор указывает, что в группах определенного типа (например, в группах, где учебная деятельность имеет коллективный характер) отмечается феномен развития индивидуальных побуждений к действию за счет присвоения мотивов партнеров по деятельности, что позволяет интерпретировать парадоксальный для «парной» педагогики факт повышения эффективности учебной деятельности в связи с увеличением размера группы (при традиционных методах обучения имеет место обратная зависимость)¹¹ (Карпенко, 1985).

Наконец, здесь же опишем гипотетическое явление, которое обозначим как феномен «неразличимости автора». Представим себе взаимодействующих людей, вместе решающих какую-нибудь задачу. Форма их партнерских отношений может быть символизирована отметкой на некоторой условной шкале. На одном из полюсов этой шкалы – целенаправленное и одинаковым образом понимаемое обоими распределение ролей, предполагающее, что продукты активности одного из них («ассистента») выступают в качестве условия, а точнее, средства осуществления некоторой деятельности, целевой уровень которой контролируется другим индивидуумом («автором»). Взаимодействие между хирургом и операционной сестрой может служить примером: при одинаково ответственном отношении к делу обоих участников взаимодействия совершенно ясно, кто из них реализует уровень цели, а кто – уровень обеспечения средств. На другом полюсе шкалы нет асимметрии позиций «автора» и «ассистента». Каждый выполняет свою задачу и может лишь косвенным образом стимулировать решение задачи, стоящей перед другим. В том случае, если первый, используя что-либо содеянное вторым в виде подсказки для своего собственного действия, приходит к решению, эта подсказка может иметь в его глазах (да и в глазах самого «подсказавшего») совершенно безличный характер, подобно тому, как совершенно безлична была бы для него любая другая «деталь» ситуации (предмет, движение), совсем не обязательно контролируемая партнером и при том именно этим партнером. Здесь также, безусловно, ясно, кто из партнеров – автор решения, а кто – невольный помощник. Перед нами, тем не менее, случай, противоположный только что описанному: ведь

¹¹ Пределы ее количественного роста определяются возможностями конкретного метода, реализуемого в условиях коллективнообразующей деятельности.

«подсказка» – стихийна, а «подсказавший» никакой персональной ответственности за нее не несет.

Теперь предпримем следующий, чисто теоретический шаг: представим некоторый непрерывный переход между полюсами сознательного ассистирования и стихийного стимулирования деятельности другого человека. Если мы достаточно ясно вообразим себе этот переход, то мысленно мы с необходимостью должны будем убедиться в существовании особой «точки» на нашей гипотетической шкале, в которой опосредствование действий первого действиями второго носит полунамеренный-полустихийный характер¹². При этом тот, кто объективно стимулировал продвижение деятельности своего партнера, не может быть четко и однозначно оценен со стороны своей ответственности за производные от его активности достижения. Факт соавторства несомненен, но мера персонального вклада в целостный эффект деятельности не определена для обоих. Субъектность каждого, таким образом, здесь имеет «размытый» характер.

Итак, мы рассмотрели две разновидности интересующего нас явления – «исчезновения» традиционного субъекта деятельности. Первая из них описывает индивидуума в ситуации, когда он действует «один на один» с объектами, вторая – ситуацию движения деятельности в условиях непосредственного взаимодействия с другими людьми. В первом случае перед нами феномен «трансубъектности индивидуума», а в последнем – «интериндивидуальности» субъекта. Все сказанное относилось к анализу движения деятельности в момент коренной перестройки принятой субъектом цели.

Понятно, что основные выводы проведенного анализа могут быть использованы как в тех случаях, когда исследователя интересует зарождение деятельности, так и тогда, когда в центре внимания – передача кому-либо результатов уже завершенной деятельности.

Объектна ли деятельность? Деятельность, рассматриваемая в аспекте ее осуществления, может быть понята только как проявление субъект-объектного отношения человека к миру. Индивид подчиняет своей воли вещество природы и придает активности других людей направление, соответствующее заранее принятой им цели. Такое соотношение исходного предмета деятельности и цели и есть, собственно говоря, обнаружение субъект-объектной направленности активности человека. «Объект», как можно видеть, понимается при этом весьма широко, в частности, под категорию объектов деятельности может быть подведен

¹² Читатель, знакомый с элементами математического анализа, заметит, что приведенные соображения выстроены как своего рода аналог известной математической теоремы, утверждающей существование нулевого значения непрерывной функции в некоторой промежуточной точке интервала в случае, если на концах этого интервала функция принимает положительное и, соответственно, отрицательное значения.

и другой человек, и сам субъект деятельности, если он, например, осуществляет акты самопознания или подчиняет себя своей воле.

Но в самом акте осуществления исходного, субъект-объектного отношения, специфика которого определяет конкретную направленность деятельности, складываются предпосылки для установления новых, субъект-субъектных, отношений, которые превращаются в основу будущих актов общения. Эти «накопления» в деятельности, расширение (или сужение) фонда возможного общения с окружающими могут происходить в деятельности совершенно неприметно. Важно, однако, что в процессе осуществления деятельности человек объективно вступает в определенную систему взаимосвязей с другими людьми. Иначе говоря, он никогда не производит и не потребляет предметы, которые бы затрагивали лишь его интересы и ничьи более: точно так же он не производит и не потребляет предметы, отвечающие интересам других людей и оставляющие вполне равнодушным его самого. Игрушка, взятая одним ребенком, тут же становится особо привлекательной для другого ребенка; поэт, делящийся сокровенным, рискует стать объектом пародии; философ, входящий, как ему представляется, в сферу «подлинного», отъединенного от других, бытия, увлекает за собой сонм адептов. Через предметы своей деятельности человек тысячью нитей и уз связан с другими людьми: обогащает или обедняет круг их потребностей, формирует новые взгляды, расширяет или ограничивает их возможности.

Являясь, в определенной степени, результатом деятельности других людей, человек есть условие их материального и духовного производства, он – предмет потребности окружающих и объект их интереса. Люди погружены в океан взаимных ожиданий и требований. Взаимосвязь между людьми в обществе – вечное условие и форма проявления их жизни. Человек, который никому не нужен, – точно такой же миф, как и человек, которому не нужен никто. Речь, понятно, идет о нужде как объективной необходимости, а не о субъективном переживании и вообще не о метаморфозах субъективности.

Независимо от того, кому в начале своей деятельности индивидуум предназначает продукты своей активности – себе или другим людям, в ходе его деятельности осуществляется перестройка как собственной его социальной позиции, так и социальной позиции других людей. Заметим, что утверждать первое – значит утверждать и второе, ибо социальные позиции образуют связанное целое (так, изменение, к примеру, положения хотя бы одной из фигур на шахматной доске перестраивает «позиции» всех остальных). Целостное изменение социальной ситуации, производимое индивидуумом, при этом может выступать в его сознании лишь фрагментарно и, кроме того, им вовсе не планироваться. Индивид в своей деятельности косвенно производит многие преобразования в себе и окружающих, формируя новые возможности общения

между собой и другими людьми. Генерация новых ресурсов возможных межиндивидуальных взаимодействий составляет пока еще неявную, скрытую от субъекта перспективу развития его деятельности (и развития его самого как личности).

Но вот цель деятельности достигнута. Что за нею? Мы утверждаем, что индивидуум *продолжает действовать*; но он теперь действует как бы *над порогом* того, что требуется, или, как мы впервые писали об этом – *над порогом ситуативной необходимости* (Петровский В.А., 1975). Он превращает при этом в предмет своей активности то новое, что было ранее сформировано им косвенно, в ходе осуществления деятельности, актуализируя накопленный потенциал рожденных ею связей и отношений его к миру.

Почему это происходит и в каком конкретно направлении теперь развивается активность субъекта? Будем исходить из *фактов*, одна группа которых имеет достаточно общий биологический характер, другая – относится только к уровню организации человеческой жизни. Опора на эти факты образует две фундаментальные посылки всего дальнейшего хода рассуждений.

Первое положение заключается в том, что индивидуум строит образ тех условий ситуации, в силу которых предшествовавший акт привел к индивидуально значимому эффекту, а также – образ вновь созданной ситуации. Воспроизводство таких условий может иметь как реальный (в виде практического воссоздания условий), так и идеальный характер. В последнем случае индивидуум осуществляет ориентировку в плане образа ситуации, связанной с соответствующим исходом. Негативный эффект обычно сопровождается свернутой или развернутой ориентировкой в плане образа, что не исключает в ряде случаев практическое моделирование условий, ведущих к неуспеху. В любом случае индивидуум расширяет поле своего опыта.

Какова бы ни была исходная направленность деятельности, вследствие ее осуществления преобразуется жизненная ситуация субъекта, меняется круг его возможностей, его предметное и социальное окружение. Процесс реализации деятельности завершается, угасает в цели, но активность субъекта не умирает, а вовлекает в свою сферу новые элементы действительности. Акт осуществления деятельности завершен, однако движение деятельности продолжается, находя свое выражение в активности по построению образа системы условий, которые способствовали бы достижению цели: осваиваются новые возможности, порожденные в уже осуществленном акте деятельности. Оба процесса – построение образа условий, приведших к цели, и освоение новых возможностей действия – являются в широком смысле проявлениями рефлексии. Первый – это рефлексия в форме ретроспективного восста-

новления истории акта деятельности, второй – характеризует проспективный момент рефлексии: относится к возможному будущему.

Как ретроспективный, так и проспективный акты имеют строго необходимый характер. Ретроспективный акт есть проявление общебиологической закономерности, состоящей в том, что достижение существенного для жизнедеятельности эффекта в непривычных для особи условиях (типичной чертой человеческого существования является нетипичность, новизна обстоятельства деятельности) побуждает активность, направленную на ориентировку в системе условий, ведущих к жизненно значимому эффекту и построению соответствующего психического образа. Проспективная ориентировка в системе возможностей обуславливается фактом динамики переживания потребности в ходе осуществления деятельности (известные в психологии: феномен возрастания побудительной силы мотива по мере продвижения к цели, редукция побуждения после достижения цели и т.п.). Кроме того, фактором ориентировки является новизна в системе предметных условий, так как предметы могут открываться с новой и неожиданной стороны, побуждая активность в непредвиденном направлении. Новые побуждения заставляют индивидуума искать средства их реализации. Некоторые предметы, которые прежде не воспринимались как «средства» (будь то сфера прошлого опыта или актуально сложившаяся ситуация в результате предшествующего акта деятельности), выступают теперь в качестве новых возможностей действованиия, как избыточные по отношению к исходной цели деятельности возможности.

В конечном итоге индивидуум за счет ретроспективного и проспективного планов рефлексии расширенно воспроизводит исходный образ ситуации, первоначально направляющий действие, углубляет и обогащает образ мира, поэтому «деятельность субъекта богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» (Леонтьев А.Н., 1975).

Ретроспективные и проспективные акты выступают в форме построения нового, оформленного с помощью использования знаковых средств, образа мира – рефлексивного образа. В силу своего рефлексивного характера расширенное воспроизводство индивидуального опыта выходит за пределы лишь индивидуальной деятельности, находя свое завершение в акте передачи инноваций опыта другим людям. Объяснить необходимость подобной передачи позволяет второе положение, имеющее отношение только к человеку как существу общественному.

Второе положение. Имея в виду не просто активность особи, направленную к определенному предвосхищаемому результату, а деятельность человека, следует исходить из факта опосредованности ее осуществления другим человеком. Являясь реализацией субъект-объектного отношения, она выполняется на основе реального или идеального взаимодействия (общения) с другим человеком, то есть по существу реа-

лизует субъект-субъект-объектное отношение. «Производство жизни... выступает сразу же в качестве двоякого отношения, с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что здесь имеется в виду совместная деятельность многих индивидов, безразлично, при каких условиях, каким образом и для какой цели» (Маркс, Энгельс, 1985, с. 21). Но если так, то из этого с необходимостью следует, что индивидуум для того, чтобы иметь возможность опосредствовать свою деятельность усилиями других людей, должен сознательно или неосознанно *побуждать* их к сотрудничеству, то есть оказывать на них прямое или косвенное влияние, «транслировать» тот или иной мотив.

Сейчас можно соединить две указанные посылки и рассмотреть, что происходит за порогом осуществленной деятельности. Индивидуально-значимое завершение деятельности радикально меняет направленность последующей активности. Теперь активность ориентирована не на исходный объект достижения, а на совокупность условий, в силу которых соответствующий результат был достигнут. Предметом активности становятся сами основания осуществленной деятельности, и так как общение с другим человеком является важной их составной частью, то и оно превращается в предмет реального или идеального воссоздания, то есть рефлексии в двух выделенных ее формах – ретроспективной и проспективной.

Рефлексия при этом касается двух «диалогизирующих» сторон: самого субъекта деятельности, а именно его знаний, способностей, побуждений, эмоций, воли, и – другого субъекта. В ретроспективном плане человек осуществляет здесь акты самопознания и социальной перцепции, а в проспективном плане – целеобразования и трансляции потенциальных целей другим людям. Если прежде в деятельности стимулирование другого человека занимало подчиненное место и могло даже не выступать в качестве особой задачи, то в последнем случае оно выдвигается на первое место, проявляясь в форме самооценной активности индивидуума.

Приметы этой самооценности мы находим уже на ранних этапах онтогенеза. Ребенок, действуя в непосредственном контакте с взрослым, вначале произвольно комментирует свои действия словом. Речь здесь выступает как «эхо» речи взрослого и как непреднамеренный аккомпанемент собственных действий. Именно на этой стадии развития ребенка мы сталкиваемся с первыми элементами рефлексии. Это именно первые проявления рефлексии; здесь нет еще, конечно, того уровня рефлексии, который отличает взрослых и высшей формой которого является *cogito*, появляющийся значительно позднее (по нашим экспериментальным данным, на рубеже подросткового и юношеского возрастов) (Петровский В.А., Черепанова, 1987). Далее эгоцентрическая речь ребенка,

непроизвольное рефлексивное проигрывание, превращаются в преднамеренное действие ребенка, в способ общения его со взрослым. Такое «превращение» обусловлено тем, что на стадии непроизвольного словесного аккомпанемента ребенком своих действий взрослые в значительной мере воспроизводят за ребенком его речь, продолжают и поощряют ее. Для ребенка подобное поведение взрослого выступает как подкрепление, и в дальнейшем он произносит слова в расчете на то, что взрослые повторят их вслед за ним, иначе говоря, в расчете на резонанс. Рефлексия вследствие этого постепенно приобретает особую новую функцию побуждения ответного (резонансного) действия взрослого.

Подобно ребенку, взрослый стремится к тому, чтобы разделить с близкими переживание новизны только что открытого им и познанного. Он «передает» значимые свои переживания другим людям не из стремления «самоутвердиться», а для того, чтобы покорить другого, и тем более не в обмен на какую-то иную, ценную для него вещь. Он делится с другим тем, что ценно для него самого, чтобы другой человек испытал то же, что и он сам, он производит *общее*. Но производство общего и есть по существу то, что мы можем и должны считать *общением*.

Таким образом, деятельность, осуществление которой определялось целевой ориентацией на объект, в ходе своего движения перерастает в рефлексию и далее открывается нам как трансляция другим людям приобретенный собственного опыта, то есть как общение.

Предваряется ли деятельность сознанием? Имея в виду процессы осуществления деятельности, со всей определенностью необходимо утвердительно ответить на этот вопрос. Действительно, раз целенаправленность приобретает для нас значение определяющей характеристики деятельности в синхроническом аспекте ее анализа, то сознание обязательным образом должно быть рассмотрено в качестве исходного условия протекания деятельности. «Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является ее осознанность», — отмечают авторы статьи «Деятельность», известные философы и методологи А.П. Огурцов и Э.Г. Юдин в последнем (третьем) издании «Большой советской энциклопедии». Они, однако, не различают синхронический и диахронический планы анализа деятельности, и поэтому подобное понимание деятельности как предвосхищаемого сознанием процесса абсолютизируется, что совершенно закономерно приводит авторов к утверждению о том, что «деятельность как таковая не является исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих идеалов и ценностей». В одной из наиболее глубоких современных разработок, специально посвященных категории деятельности в науке,

Э.Г. Юдин писал: «Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна быть в результате деятельности» (Юдин, 1978, с. 286).

Однако когда предметом психологического анализа становится происхождение того, ради чего она (деятельность) совершается, и того, где формируются цели человека, что также подчеркивается Э.Г. Юдиным, то в поле зрения исследователей вновь попадает деятельность, но представленная не столько моментами реализации тех или иных содержаний сознания целей, образов, сколько выходом за их пределы, то есть процессами прогрессивного движения деятельности. На недопустимость смещения функционального (в наших терминах «синхронического») и генетического («диахронического») аспектов анализа при исследовании деятельности справедливо указывали В.П. Зинченко и С.Д. Смирнов (Зинченко, Смирнов, 1983) в связи с изучением взглядов Э.Г. Юдина.

Мы видим, как в психологических разработках, посвященных категории деятельности, прежде всего в исследованиях представителей школы А.Н. Леонтьева, сначала имплицитно, а потом все более явно выступает идея дифференциации процессов, реализующих те или иные содержания, имеющиеся в сознании, и процессов, порождающих инновации индивидуального и общественного сознания. Оба вида процессов характеризуют деятельность. Но первые суть процессы осуществления деятельности, вторые – самодвижения деятельности. В первом случае, следовательно, сознание должно быть понято как опережающее деятельность, во втором, наоборот, как производное от деятельности.

Является ли деятельность процессом? Признак целенаправленности осуществляемой деятельности служит опорным для понимания деятельности в синхроническом аспекте ее рассмотрения как *процесса*. Интуитивно, и без специального анализа, ясно, что *цель*, направляющая активность субъекта, придает ей планомерный характер, связывает воедино все постепенно вовлекаемые в деятельность элементы внешнего и внутреннего мира индивидуума, прочерчивает маршрут для непрерывно следующей по нему «точке» внимания. То, что казалось разрозненным (отдельные действия с различными вещами), теперь органически связано друг с другом «мостиками» мысленных переходов. «Деятельность представима как процесс с привлечением механизмов сознания» (Щедровицкий, 1977). Однако в этом пункте мы пока все еще остаемся в долгу перед исследователями, выделяющими три признака того явления, которое именуют «процессом». Что представляет собой объект-носитель процесса деятельности? Какие стороны этого объекта подвержены динамике? В чем заключается линейность и непрерывность осуществляемой деятельности?

Ни одна физическая вещь, существующая за пределами сознания субъекта, ни одна «вещь», налично существующая в его сознании, не представима в виде интересующего нас объекта-носителя процесса деятельности. Для того чтобы такой объект предстал перед нами как объект-носитель процесса, его необходимо как-то «соединить» с целью, представить двояким образом: с одной стороны, как нечто, налично существующее, а с другой стороны, как нечто, существующее лишь потенциально и в своем потенциальном бытии соответствующее цели субъекта. «Как я создаю статую? Беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее...», – раскрывает «секреты» творчества скульптор. Мрамор, становясь скульптурой, выступает как носитель, точнее как один из носителей процесса деятельности (другие носители – орудия и сам творец). Шутка ваятеля иллюстрирует отмеченную двойственность носителя процесса деятельности. Упрощенно такой объект может быть представлен как своего рода «кентаврическое» образование, одна из частей которого существует в настоящем, а другая (предвосхищаемая согласно цели) – в будущем.

Но, конечно, подобного «кентавра» в природе не существует, и любые попытки как-то рационализировать (тут хочется сказать – «обуздать») эту метафору приводят нас к мысли, что носитель процесса деятельности не представим в виде вещи или обычного свойства какой-либо вещи. Перед нами не вещь, а особое отношение, существующее между принятой целью и наличной ситуацией деятельности. Это отношение характеризуется, во-первых, тем, что преследуемая цель по своему предметному содержанию не идентична наличной ситуации деятельности и даже противостоит ей (момент противоположности), и, во-вторых, тем, что цель эта может быть воплощена на основе преобразования данной наличной ситуации и, следовательно, заключает в себе возможность (прообраз) будущего изменения, отвечающего цели (момент единства). Последнее означает, что все элементы наличной ситуации: побудительные, ограничительные, орудийные, строительные – выступают как носители особого *системного* качества – «быть условием осуществления цели деятельности». Это системное качество не сводится к каким-либо их физическим, натуральным свойствам. Тем не менее, оно объективно существует как обусловленная природными особенностями соответствующих элементов возможность превращения их в компоненты будущего синтезируемого продукта. Итак, перед нами отношение противоположности и единства между наличными и целевыми определениями бытия индивидуума, между данным и заданным, актуальным и потенциальным. Системные свойства элементов наличной ситуации деятельности в процессе ее осуществления превращаются в собственные свойства продукта, воплотившего в себе исходную ее цель. Процесс деятельности, следовательно, может быть осмыслен как

постепенное преодоление этого противоречия, которое, тем не менее, сохраняется на протяжении всей деятельности. Это противоречие и является *носителем* процесса деятельности.

Необходимо принять во внимание и тот факт, что цель, реализуемая индивидуумом, всегда многоаспектна. В ней представлены состояния субъекта, объекта, способ обращения с орудиями, последовательность операций и т.д. Поэтому противоречие, образующее основу деятельности, также многоаспектно. Каждый из аспектов этого противоречия образует тот или иной *параметр* динамики осуществления деятельности, конкретную «сторону процесса». Так, можно говорить о динамике представлений и аффектов человека, о физических, химических и других аспектах преобразования окружающих вещей и т.д. В ходе деятельности меняется образ мира в единстве его когнитивных (познавательных) и аффективных сторон, и меняется сам мир, запечатлевающий себя в образе. Целостный процесс деятельности выступает перед нами в своих многочисленных динамических проекциях: во внешней динамике индивидуума, в его физических движениях, и во внутренней его динамике – эволюции сознания, постоянных изменениях окружающих вещей и людей.

Наконец, каждый из этих параметров в каждый момент времени характеризуется мгновенным предметным «*наполнением*» – конкретной формой единства наличного и целевого, данного и заданного. Перед нами, таким образом, непрерывно происходящая актуализация потенциальных свойств, содержащихся во внешних и внутренних условиях, характеризующих как самого индивидуума, так и его предметно-социальное окружение, развернутое во времени превращение системных свойств элементов наличной ситуации деятельности в собственные свойства ее продукта, воплотившего в себе ее исходную цель. Осуществление деятельности – *процесс*.

Совсем по-иному предстает перед нами деятельность, когда мы рассматриваем ее в диахроническом аспекте. Движение деятельности есть порождение новых, идеально не предвосхищаемых индивидуумом «сторон»: новой телеологии, которая раскрывается с каждым шагом развития деятельности и до выполнения этого «шага» не существует ни в виде какого-либо субъективного прообраза, ни тем более в виде какой-либо физически данной вещи. Деятельность выходит «за берега», воздвигнутые для нее имеющейся целью. Движение деятельности не есть процесс или, во всяком случае, не может быть удовлетворительно описано на основе прежде принятого нами способа описания процесса осуществления деятельности.

Видима ли деятельность? Можно ли ее наблюдать? Решение этого вопроса раздваивается. Если иметь в виду взгляд «со стороны», с позиции внешнего наблюдателя, то в конечном счете восприятие де-

тельности в ее осуществлении мало чем отличается от восприятия каких-либо других явлений действительности. Размышляя над очень простым, казалось бы, вопросом: «Что значит воспринять что-либо?», психологи дают довольно сложный ответ, выделяя в образе восприятия три слоя. Первый слой – «чувственные впечатления»: ощущения, доставляемые органами чувств и образующие то, что иногда называют «чувственной тканью сознания». Второй слой – это «значения», приписываемые воспринимаемому объекту, запечатленные в общественном или индивидуальном опыте идеальные «меры» воспринимаемых вещей, общественно-обусловленные категории сортировки элементов чувственного опыта. Они неотделимы от соответствующих знаков – в человеческом обществе преимущественно языковых (слова). Третий слой – «смыслы», определяющие место воспринимаемого объекта в человеческой деятельности, шире – в его жизни. Восприятие есть такой процесс чувственного отражения действительности, в ходе которого индивидум не только приобретает те или иные чувственные данные, но и категоризует («означивает»), не только категоризует, но и осмысливает (в частности, оценивает) их. Восприятие никогда не есть только синтез ощущений, это еще и понимание, выявление личного отношения к воспринимаемому. Необходимым условием полноценного восприятия, как видим, является соотнесение чувственных впечатлений с некоторым эталоном, подведение их под определенную рубрику – категоризация.

Если бы мы захотели, конечно, очень грубо выразить эту мысль применительно к восприятию проявлений чьей-либо деятельности, то роль категоризации в восприятии могла бы быть проиллюстрирована обращением к пантомиме. Смысл пантомимы как жанра искусства во многом определяется тем, что зрители должны постоянно решать одну и ту же задачу категоризации своих впечатлений, приписывания определенных значений происходящему. Пока эта задача не решена, человек переживает какую-то интригующую его незавершенность, а если задача никак не решается, – то незавершенность, раздражающую «частичность» восприятия. И только возможность категоризовать, «означить» свои впечатления преодолевает это чувство неопределенности, делая восприятие полноценным.

Необходимость означения, понимания для переживания завершенности восприятия можно было бы проиллюстрировать ссылкой на многие другие примеры. Но о пантомиме мы вспомнили неслучайно. Если бы мы захотели очень просто и кратко выразить отличие того, что мы называем деятельностью, от поведения, интерпретируемого в духе ортодоксального бихевиоризма, то последнее можно было бы назвать пантомимой, которую «зрители» (исследователи) не понимают и категорически не хотят понимать как деятельность, то есть осмыслить как целенаправленный, сознательный акт. Но «деятельность», как уже

было сказано, не тождественна «поведению» в бихевиоризме. Восприятие деятельности возможно в той мере, в какой наблюдателю доступно усмотрение ее цели, «прочтение» намерений, которые стремится осуществить в своем «поведении» субъект.

Все это справедливо применительно к сложившимся, «ставшим» формам деятельности. Но если предметом наблюдателя становится *движение* деятельности, то тезис о ее «наблюдаемости» уже не может быть принят. Ретроспективно, то есть когда новая форма деятельности уже утвердилась, аналитик, возможно, и сумеет восстановить последовательность событий в «точках» становления и развития деятельности. Но пока, в ходе ее становления и развития, этого сделать нельзя. Впечатления о «чем-то происходящем» будут при этом накапливаться, но смысл и значение того, что происходит, приходят позже.

Исключение, пожалуй, составляют случаи, когда наблюдателю заранее известны возможные траектории движения деятельности, когда значения, которые можно было бы воссоединить с чувственными впечатлениями о «чем-то происходящем», уже выработаны и готовы. Так бывает, когда деятельность учеников складывается и развивается по законам, заранее известным учителю, и ему не составляет труда экстраполировать будущие перестройки знаний, побуждений, умений и т.п., о которых самим ученикам, может быть, ничего не известно. Точно так же опытный психолог, психиатр или просто человек, хорошо знающий людей, может заранее предугадать, что произойдет с кем-либо дальше, к чему сведутся те или иные усилия, с какими проблемами тот столкнется и т.п. Однако здесь перед нами, строго говоря, не «восприятие» движения деятельности, а мысленное прогнозирование будущих проявлений чьей-либо активности – прогнозирование, которое и генетически, и функционально противостоит «приписыванию значений» в актах восприятия. Суть различий может быть выражена так: в актах восприятия приписываемые значения «проецируются» субъектом в ту точку субъективного «пространства–времени», в которой это впечатление было получено. Мысленное же прогнозирование – это построение или актуализация возможных моделей будущего на основе данных о прошлом и настоящем объекта познания; это – опережение будущих возможных впечатлений моделями возможного будущего. Слова «возможное будущее» здесь очень важны. Прогнозирование есть всегда построение проблематического знания – в поле сознания прогнозирующего субъекта намечен и альтернативный вариант рассматриваемого объекта. В случае предварения будущей судьбы деятельности актуализируемое или конструируемое знание (модель будущего) всегда имеет более или менее условный характер, ибо любое подлинное знание динамики деятельности заключает в себе также и знание принципиальной неполноты этого знания, невозможности жесткого и однозначного предсказания

следующего «шага» развивающейся деятельности. Таков психологический аналог известных закономерностей движения физических объектов в микромире.

Итак, извне воспринять деятельность в ее движении невозможно, а удастся лишь развернуть веер возможных продолжений деятельности, да и то при достаточной компетентности наблюдателя. Но, может быть, эта трудность преодолима изнутри: самим индивидуумом-носителем деятельности? В том случае, если деятельность сформировалась, сложилась, он, как это очевидно, без труда рефлектирует то, что в практическом или теоретическом плане делает. Неслучайно некоторые авторы обозначают деятельность как явление «интеллигибельное», самопрозрачное, непосредственно открытое субъекту в момент действия (см. *Стрельцова*, 1974, с. 60–61). Восприятие деятельности обеспечено в данном случае имеющейся целью, которая, «как закон», определяет не только сам акт, но и направленность его интерпретации субъектом.

Однако в случае несформированной, только еще находящейся в состоянии становления деятельности или деятельности в «точке» ее развития, роста рефлексия происходящего необходимо неполна, ибо условия для полноценной рефлексии (ясное представление цели, оперативный образ ситуации и т.п.) еще не сложились. Этим, в частности, объясняется безуспешность интроспективного познания творческого акта в момент порождения решения. Требуется кропотливый последующий анализ, позволяющий «означить» произошедшее.

Особо отметим тот парадоксальный факт (о котором еще пойдет речь дальше), что в том случае, когда поведение человека как будто бы вполне достоверно прогнозируется другим человеком и этот прогноз становится известным первому, соответствующее знание может деформировать перспективу дальнейшего развития деятельности. Итак, «ни извне», «ни изнутри» движение деятельности непосредственно не выступает как адекватно воспринимаемое, или, если кратко, движение деятельности – «невидимо».

* * *

Перед нами два портрета деятельности. На одном из них контуры деятельности четко очерчены. Мы различаем ее субъект и объект, признаки предвосхищаемости ее сознанием и представимости ее в виде процесса, качество открытости наблюдателю. Это – портрет деятельности, выступающей со стороны реализации индивидуумом имеющейся у него цели, то есть процесса целенаправленной активности. На другом портрете – контуры деятельности теряют четкость.

Известно, что, когда в поле зрения наблюдателя оказывается быстро движущийся предмет, его очертания становятся нечеткими, «смазываются». В нашем случае утрачивают свою четкость, смазываются чер-

ты субъектности, объектности и другие характеристики деятельности. Таков портрет деятельности в ее движении. Подлинное представление о деятельности мы, конечно, можем получить только тогда, когда совместим в своем сознании оба изображения. Они образуют своего рода «стереопару», позволяющую нам увидеть деятельность рельефно, в единстве синхронического и диахронического аспектов анализа, в диалектике самоутверждения и самоотрицания деятельности. Обыденное сознание всегда имеет дело с одной только проекцией деятельности – с процессами целенаправленной активности и практически никогда – с другой ее стороной, выступающей в процессах целеполагания, в которых реализуется развитие деятельности.

Парадный портрет деятельности выполнен, скорее, в натуралистической манере, передающей видимую незыблемость форм, но уж никак не в импрессионистской, в большей мере схватывающей движение изображаемого, – «изменение вообще». Реализм в понимании и изображении деятельности, по-видимому, предполагает достижение синтеза этих двух начал.

Причина того, что обыденное сознание не справляется с этим требованием углубленного изображения деятельности, заключается в том, что оно объясняет феномены самодвижения деятельности, руководствуясь представлением о некоей «конечной» цели, будто бы постепенно воплощающейся во всех без исключения актах деятельности. Развитие деятельности остается при этом непонятым и непознанным.

ГЛАВА 4. НЕАДАПТИВНОСТЬ КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Феноменология неадаптивности выступит перед нами рельефнее, когда мы присмотримся к движению деятельности в таких специфических ее проявлениях, как «жизнедеятельность», «предметная деятельность», «деятельность общения», «деятельность самосознания».

Жизнь. Неадаптивность как неизбежность. Анализируя сферу проявлений витального отношения человека к миру, мы прежде всего обращаемся к известной формуле Ф. Энгельса: «Жить – значит умирать». *«Отрицание жизни, по существу, содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью».* «Зародыш» смерти можно, конечно, интерпретировать и как «цель» («умереть»). Но, разумеется, автор «Диалектики природы» был далек от идеи телеологической интерпретации смерти, рассматривая последнюю как *результат* жизни в соответствии с гегелевским их различием. Если так, то из этой простой предпосылки следует важный для нас вывод: жизнь индивидуума в целом не может быть представлена в виде продвижения его к какой-либо одной, изначальной цели, – рушится фундаментальная опора постулата сообразности, ибо содержащееся в самой жизни отрицание жизни выходит за пределы объяснительных возможностей этого постулата.

Предметная деятельность. Неадаптивность как неизбежность. Давая характеристику предметной деятельности человека, А.Н. Леонтьев писал: *«Деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание».* Это положение обобщало и вместе с тем стимулировало особое видение деятельности как нередуцируемой к своим продуктам и к исходной цели или удовлетворению соответствующей потребности. В предметно-познавательной деятельности и косвенные последствия целенаправленной активности фиксируются в понятиях «побочный продукт» (Я.Л. Пономарев) при разработке теории «психического как процесса» (С.Я. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.). Та же закономерность может быть прослежена и на примере анализа предметно-преобразовательной творческой деятельности, рождающийся результат которой выявляет свою несовместимость с начальным замыслом (может быть беднее или богаче) и таким образом

заключает в себе неожиданный ресурс, что стимулирует продолжение и развитие деятельности.

Общение. *Неизбежность неадаптивных исходов.* То, что рождается в общении, оказывается неизбежно иным, чем намерения и побуждения общающихся людей (мы, как уже отмечено, различаем общение и коммуникацию). Действительно, если вступающие в общение занимают эгоцентрическую позицию, то сама эта установка обнаруживает свою несостоятельность, и кроме того, в тенденции такая позиция заключает в себе непреодолимое зло самоутраты, обращая индивидуальность в общении в ничто, подвигая другого (других) к той или иной форме эксплуатации первого (позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т.п.). Альтернативу как первому, так и второму пути как будто бы образует позиция конгруэнтности (Роджерс), которая – при видимых достоинствах – обнаруживает в себе при ближайшем рассмотрении элемент деиндивидуализации общающихся, ибо исключает *пристрастность* позиции оценки («любить всех – значит не любить никого», – рассуждает один из героев Л.Н. Толстого). Наконец, особое душевное проникновение друг в друга, иногда достигаемое в общении, о котором говорят как о слиянии душ, оборачивается взаимным привязыванием («Мы в ответе за тех, кого за тех, кого приручили» – А. де Сент-Экзюпери) или(и) страданием от рано или поздно происходящей потери (недаром тема смерти неотделима от темы любви, когда одновременная смерть – благо для любящих, что зафиксировано в литературе, искусстве/фольклоре; а если даже кто-либо из любящих или любимых уходит из жизни раньше, это обрекает другого на страдания, которые тем сильнее, чем ближе они друг к другу были). (Виктор Франкл среди примеров логотерапии приводит установление смысла собственного страдания при потере близкого как своего рода плату за то страдание, которое испытал бы умерший, если бы первым ушел из жизни не он.)

Самосознание. *Неизбежность неадаптивных исходов.* Интересная возможность для психологического исследования – феномен неуловимости Я в рефлексии: любая попытка осознать свое Я приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что в свою очередь порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, чувство того, что главное остается за чертой осознания. При обсуждении этой проблемы кажется целесообразным вычленение качеств «первого» и «второго» рода (Петровский В.А., 1978, 1992б; 1996в). Качества первого рода (геометрические представления, красное, боль и т.п.) в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации; качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (в данном случае – рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлектируемое оказывается небезучастным к самой рефлексии. К категории качеств второго рода может быть отнесено и чувство общности с миром

(Ж.П. Сартр), в том числе – общности с другими людьми. Как то, так и другое в момент рефлексии ведет к распаду общности с миром, и таким образом рождается отношение *субъект–объект* или соответственно *Я и другие (другой)*. К той же категории относится и чувство (несводимое к *Мы*), которое в момент самосознания трансформируется, вследствие чего цель построения внутренне достоверного образа *Себя* оказывается недостигнутой: образ *Себя* никогда нетождественен аутентичному переживанию самости.

Фиксация явлений неадаптивности лишь намечает возможность осмыслить человека как личность. Человек в данном случае не является субъектом трансценденции, выход за границы предустановленного осуществляется, так сказать, «мимовольно». Имея в виду это обстоятельство, я предпочитаю говорить, что неадаптивность имеет здесь характер чего-то неизбежного, что это – «*неадаптивность как неизбежность*».

Рассматривая в этом плане жизнедеятельность человека и все другие проявления его деятельности – предметные, коммуникативные, когитальные, мы вынуждены констатировать, что человек при этом утрачивает самое главное, что можно сказать о нем: он *утрачивает* качество «*быть субъектом*» в отношении себя самого – способность свободно определять последствия своих действий.

Если этот пункт требует пояснения, то поставим вопрос так: положим, я не способен контролировать последствия собственных действий, более того, знаю, что результаты моей активности неизбежно расходятся с ее изначальными целями, и кроме того, что эти различия так велики, что результат противоположен целям. Вправе ли я, в таком случае, положить руку на сердце, считать себя автором (или – хозяином) своих взаимоотношений с миром, подлинным субъектом себя самого? Без лукавства, как бы ни было это прискорбно для самолюбия нашего «эго», мы вынуждены ответить на этот риторический вопрос словом «нет». Нет – потому что *субъектность* и *бесконтрольность* в отношении последствий собственных действий – две «вещи» в нашем сознании несовместные.

Однако признаем, что все-таки в нас что-то сопротивляется безоговорочному отторжению мысли о собственной значимости; логике противостоит самоощущение «я – субъект собственной жизни». Природа данного сопротивления логике заслуживает специального анализа. Пока, однако, мы поставим вопрос о том, что могло бы обеспечить человеку саму возможность доказать себе свою же субъектность, или, иначе говоря, *состояться в качестве субъекта*, – состояться, несмотря на неумолимое, казалось бы, действие сил, лишаящих его этой возможности.

Для того чтобы дать позитивный ответ на вопрос, возможна ли и чем могла бы быть обусловлена субъектность человека, подлинная самопричинность его во взаимоотношениях с миром, необходимо принять, по крайней мере в качестве допущения, что человек сам (и вполне добровольно!) готов отвечать перед собой за неадаптивные последствия собственных действий;

иными словами, что он *свободно* может взять на себя ответственность за саму возможность несовпадения целей и результатов своей активности.

В контексте развиваемой на страницах этой книги концепции субъектности личности этот момент представляется мне центральным. Только что, признав неадаптивность человеческой деятельности в четырех ее основных формах, мы признали ее существенно неадаптивный характер. Если бы неадаптивность (позволим себе эту вольность) могла обрести речь, она сказала бы «нет» субъекту. Парадокс состоит в том, что субъект, желая обрести и утвердить себя, должен сказать «да» неадаптивности. Но только в этом особом случае последняя обнаружит себя в новом обличье. Она высвободится из-под власти неизбежного, и, освободившись, выступит как деятельность, в которой субъект обретет себя. И если это так, то нам откроется, возможно, феноменология *активной* неадаптивности человека, а не просто неизбежного *дрейфа*, совершаемого им по отношению к цели его стремлений¹³.

¹³ Та же тема может быть рассмотрена и с другой стороны. Существует ли деятельность, предметом которой является самодвижение некоторой деятельности? Выстроим пока лишь возможный феноменологический ряд, подкрепляющий нашу гипотезу. Движение деятельности как особая деятельность может выступать в феноменах самоценной динамики: 1) субъекта (движение к созерцательности, самоотрешению, фаталистическому отношению к жизни, служению, смирению и т.п. – превращение субъекта в агента как бы сквозь него или через него действующего миропорядка); 2) направленности на объект (дело превращается в слово, человек персонализируется в других, не просто действует, но совершает поступки, и т.п. – переход предметной деятельности в общение); 3) процессуальной организованности (освобождение от автоматизма жизни, ср.: смех как покушение на автоматизм – Анри Бергсон; разрушение процессуальной заданности); 4) зависимости деятельности от сознания (познание как «бескорыстная» активность; инверсия формулы «первоначальности» сознания); 5) наблюдаемости деятельности (разрушение ее «самопрозрачности», «интеллигибельности»: проблематизация).

То общее, что объединяет намеченные здесь виды деятельности (предметом которых является само движение деятельности), может быть осмыслено в терминах неадаптивности. Речь в данном случае идет о предпочтении человеком деятельности, характеризуемой непредрежденным исходом, причем существенно, что сама эта непредрежденность мотивирует выбор подобной деятельности.

ЧАСТЬ 2. СУБЪЕКТ: БЫТИЕ НА ГРАНИЦЕ

ГЛАВА 5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОПОЛАГАНИЯ СУБЪЕКТА

НАДСИТУАТИВНОСТЬ. ИНТРИНСИВНАЯ МОТИВАЦИЯ. НЕАДАПТИВНОСТЬ

Вот известная гимназическая дилемма: «Господь всемогущ?» – «Всемогущ!» – «А может ли он создать такой камень, который сам поднять не сможет?» (Если Бог не сможет создать такой камень, то он не всемогущ; но если он сможет создать камень, который сам поднять не сможет, то он тоже не всемогущ.) Трудно сказать, могло ли входить в интересы Всевышнего создание подобного камня, но вот что замечательно: похоже, эту проблему постоянно ставят перед собой и решают люди, обнаруживая парадоксальное свойство собственной деятельности – ее неадаптивность.

...В комнате две девочки¹. Первая девочка школьного возраста. Ей предстоит справиться с очень простой задачей: достать предмет, лежащий посреди стола на таком расстоянии от краев, отгороженных невысоким барьером, что дотянуться до него непосредственно рукой нельзя; для этой цели достаточно воспользоваться здесь же лежащей палочкой. Девочка ходит вокруг стола, совершает то одну, то другую пробу, а задача все не решается... Девочка меньшего возраста, лет пяти, сначала молча наблюдает, а потом начинает подавать совет за советом: «подпрыгнуть» (подсказка явно неудачная), «воспользоваться палочкой» (то, что единственно может спасти положение). Наконец, она сама берет палочку и пытается достать предмет. Однако старшая немедленно отбирает у нее это «орудие», объясняя, что достать палочкой нетрудно, что «так всякий может». В этот момент в комнате появляется экспериментатор, которому испытуемая заявляет, что достать со стола предмет она не может.

¹ Эксперимент талантливого харьковского психолога В.И. Асина, проведенный около сорока лет назад. Его работа является своего рода предтечей как наших исследований надситуативной активности, так и изучения «интеллектуальной активности» в исследованиях В.Н. Пушкина, Д.Б. Богоявленской и др.

Как же следует интерпретировать это явление? Может быть, школьница просто-напросто неверно понимает задачу (например, исходит в своем понимании ситуации из того, что палочкой «нельзя» воспользоваться)? ...Нет, оказывается. Достаточно несколько изменить условия опыта, а именно: не снимая объективной значимости цели, которая должна быть достигнута (предмет, лежащий на столе), искусственно изменить отношение испытуемого к возможному средству достижения (например, объяснить испытуемому, что он может действовать палочкой). Испытуемый, разумеется, не отказывается действовать, согласно инструкции, но стремится избежать условленной награды (пробует отклонить ее или берет явно неохотно, «случайно» забывает ее на столе и т.п.). С особенной яркостью это явление выступает тогда, когда привлекательность предмета достижения («цель-награда») растет, а уровень трудности задачи остается прежним.

О чем говорит эта своеобразная ситуация? Наиболее эффективный способ достижения цели – использование простейшего средства: находящегося под рукой орудия. Между тем избирается другой путь решения. Не следует ли предположить, что перед нами явление по сути своей неадаптивное?

Фундаментальным признаком человеческой деятельности является то, что она не только реализует исходные жизненные отношения субъекта, но и порождает новые жизненные отношения; раскрывает свою несводимость к первоначальным зафиксированным жизненным ориентациям за счет включения «надситуативных» моментов.

Сформулируем принцип, противостоящий постулату сообразности и подчеркивающий активную, относительно независимую от задач адаптации, направленность деятельности человека – *«принцип надситуативной активности»*. Согласно этому принципу, субъект, действуя в направлении реализации исходных отношений его деятельности, выходит за рамки этих отношений, и, в конечном счете, преобразует их. Производство действий над порогом ситуативной необходимости дает нам начальную характеристику активности как момента прогрессивного движения деятельности.

Исходным для введения термина *«надситуативность»* было данное нами определение активности личности как «действия над порогом ситуативной необходимости» (*Петровский В.А., 1975*). Если принять, что «ситуативная необходимость» – это обязательность совершения действий, обеспечивающих адаптацию, то, соответственно, «надситуативность» – это совершение действий, избыточных с точки зрения функции приспособления (не играет роли, чем эти действия вызваны, будь то ситуативно вызванное нарушение гомеостаза, действие гедонистических или прагматических стимулов). Идея «избыточности» может быть выражена и по-другому. Мы можем сказать, что надситуа-

тивные действия *самоценны*. Они не служат инструментом реализации сторонних целей или внешних по отношению к ним побуждений. Они совершаются «для себя».

Автор пришел к идее самоценности некоторых форм поведения в своих первых исследованиях, посвященных «бескорыстному риску» (Петровский В.А., 1971), о котором еще будет сказано дальше. В феномене «бескорыстного риска», однако, есть нечто большее, чем ситуативная избыточность, «не-инструментальность». Рискующие *преодолевают* свои адаптивные устремления, они поступают вопреки функции адаптации. Выбираются цели с непредрешенной заранее возможностью достижения. Более того, сама непредрешенность – причина выбора этих целей. Ситуативная избыточность в любой момент может обернуться для индивидуума убыточностью, подарочное чувство «могу!» пропасть даром, дать повод пережить поражение.

Сочетание ситуативной избыточности и предпочтение целей с непредрешенным исходом достижения дает нам особый конструктор: «активная неадаптивность» (Петровский В.А., 1992).

Необходимо сопоставить представления о надситуативной активности (исследования 1971–1978 гг.) и активной неадаптивности (Петровский В.А., 1992б, 1996в), с одной стороны, и представления об «интринсивной» (то есть внутренней) мотивации действия – с другой, так как категория самоценности, «не-инструментальности», одинаково применима к обоим классам явлений.

Освещая проблему экстринсивной и интринсивной мотивации, Х. Хекхаузен, ведущий эксперт в области психологии мотивации, мимоходом заметил, что описание поведения как мотивированного либо «изнутри», либо «извне» и противопоставление этих форм «почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации». В советской психологии еще Д.Н. Узнадзе выделял класс функциональных потребностей, придающих ценность процессу действия как таковому. В работе Х. Хекхаузена мы встречаем парад имен классиков психологии, упоминание их работ, в которых постулируются, иногда даже экспериментально исследуются, и уж во всяком случае обсуждаются идеи «внутренне-обусловленной» мотивации действия (начиная с работ Р. Вудворса, Г. Олпорта, Х. Харлоу, К. Мантгомери, В. Велкера, Р. Батлера, З. Коха и др.). Х. Хекхаузен подробно рассматривает эмпирические исследования в этой области, проводимые в более поздние годы и «позиционируемые» в терминах «интринсивной мотивации»².

² Руководствуясь сугубо субъективным, исключительно личным критерием, я мог бы назвать этих исследователей *современниками*. Они были и сейчас еще могут быть живыми участниками дискурса. Пришли-таки времена когда, стало абсолютно возможным личное беспрепятственное обсуждение общих проблем. Впрочем, ситуация

Есть смысл подчеркнуть, что для Х. Хекхаузена «интринсивность» есть способ описания мотивации и, добавим мы, характеристика специфики исследовательских стратегий, выбора независимых и зависимых переменных, особенностей точек зрения исследователей при осмыслении экспериментальных данных. Этим несколько снижается пафос дискурса «интринсивное–экстринсивное». Дело не только в том, что противопоставление «интринсивное–экстринсивное» «старо как сама экспериментальная психология мотивации (читай – «старо как мир»), а в том, что оно, подчеркиваем, логически уязвимо, если, конечно, под «внутренним» понимать побуждения «самого индивидуума». Ибо нельзя не признать истинным, что «на деле действия и лежащие в их основе намерения всегда обусловлены только внутренне» (Хекхаузен, 1986, т. 2, с. 240), что «мотив», включающий такие понятия, как «потребность, побуждение, влечение, склонность, стремление» и т.д., представляет собой «направленность действия на определенные целевые состояния..., которые субъект стремится достичь, какие бы разнообразные средства и пути к этому не вели» (Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 33). Мотив, мотивация содержит в себе качество принадлежности субъекту, его субъективности, свойство «быть внутренним». Внутренней мотивации нет, так как нет мотивации внешней. Перед нами – условные рабочие термины (и, вместе с тем, слова повседневной речи) для обозначения субъективной локализации источника активности.

Поэтому важно, *во-первых*, как понимается «интринсивность» (а в этом вопросе есть несомненные различия), и, *во-вторых*, в чем своеобразии исследуемых феноменов. Термин «интринсивность» имеет смысл метки некоторого класса явлений; связь между фамильным именем и сущностью этих явлений условна.

Х. Хекхаузен выделяет и рубрицирует шесть способов понимания интринсивной мотивации:

непредсказуемо меняется и иногда мало зависит от психологов, изучающих «непредсказуемость». Я был свидетелем блестящего выступления В. Лефевра, но это – не тот случай, когда рефлексивные построения автора *в свою очередь* рефлексировались социумом и могут реально перестроить развитие событий.

Два слова о прошлом, о тех годах, когда личные контакты с зарубежными коллегами были затруднены. С тех пор прошло уже тридцать три года, и я могу позволить себе посетовать – самую малость! Биографический штрих. Не довелось, увы, автору оказаться по ту сторону тогдашней границы, отделявшей Отечество от всего остального мира. С докладом о надситуативной активности и избыточных возможностях как ее источнике был я приглашен на Парижский конгресс психологов (1976). Однако же, говорят, вместо меня, *без доклада*, на Конгресс выехала весьма известная ученая дама академического звания – ведь надо было кому-то отстаивать чистоту советской методологии на Западе. А жаль! Было бы интересно пообщаться вживую с коллегами, которые, как раз в это время, параллельно со мной, занимались вопросами, столь близкими мне.

- *Влечение без редукции влечения.* Интринсивная мотивация не направлена на удовлетворение физических потребностей. Мотивированные ею исследовательская, манипулятивная и пр. виды активности не обслуживают интересы гомеостазиса.
- *Свобода от цели.* Интринсивная мотивация описывается в таких терминах, как «самоцельность», «мотивация действенностью», «ощущение эффективности». «Интринсивно мотивированными являются только такие действия, которые осуществляются только ради протекания самой деятельности». <«Процессуальная мотивация», «функциональная тенденция» – в более привычных для нас терминах. – В.П.>.
- *Оптимальный уровень активации или рассогласования.* Интринсивная мотивация связывается с регуляцией, направленной на поддержание или восстановление некоторого оптимального уровня функционирования: «оптимального возбуждения (активации)», «оптимальной рассогласованности» между текущим потоком информации и стандартом (схемой, ожиданием, уровнем адаптации). Должна существовать не только мотивация к снижению обнаруженного рассогласования, но мотивация к поиску или восстановлению оптимальной величины такого рассогласования – в этом пункте Хекхаузен ссылается на Е. Деци (*Deci*, 1975, р. 40).
- *Самоутверждение.* Здесь главное – стремление быть причиной собственных действий (таков руководящий принцип, пронизывающий различные мотивы). В середине 70-х гг., на фоне ведущихся в это время экспериментальных разработок, посвященных проверке ранее высказанных гипотез самодерминации Уайта (*White*, 1959) и де Чармса (*DeCharms*, 1968), Хекхаузен использовал два вида переживаний: ощущение своих возможностей (Уайт) и субъектную каузальность (Де Чармс). Этот взгляд близок нашим собственным построениям, но мы переносим акцент на условия порождения чувства «могу» как избытка сил и чувства субъектности как альтернативы неадаптивности, свойственной человеку. Мы при этом подчеркиваем, что неадаптивность витальных, предметных, коммуникативных и когитальных актов возникает, как ни парадоксально, внутри *адаптивной* стратегии целеполагания (то есть тогда, когда человек преследует, как ему кажется, исключительно достижимые цели, когда он убежден в том, что действует наверняка).
- *Радостная поглощенность действием.* «Интринсивная мотивация означает в данном случае, что человек с радостью отдается данному делу, что он полностью погружен в переживание продвигающегося вперед действия» (*Хекхаузен*, 1986, т. 2, с. 238). Ценность переживания здесь не в том, что *Я* выступает как причина действия, а в

том, что так переживается само действие, процесс активности. Согласно Чиксентмихайи (*Csikszentmihalyi, 1975*), это – *радость от активности*, принадлежность *потоку*, когда, растворяясь в предмете, в состоянии полной сосредоточенности на занятии, забываешь о собственном Я, и в этом случае размываются различия между игрой и работой³.

- *Однородность тематики (эндогенность) действия и его цели.* Критерием интринсивности мотивации является ответ на вопрос, «переживает ли субъект, и если да, то в какой мере в этом переживании отражена содержательная и неотъемлемая взаимосвязь между действием и его целью, или основанием» (*Хекхаузен, 1986, т. 2, с. 241*). Трудно не согласиться с Хекхаузенем, что «психологически наиболее ясной из новых концепций интринсивной мотивации представляется концепция эндогенности (однородности) действия» (*там же*).

Но из этого понимания вытекает важное для нас следствие: понятие «интринсивности» в трактовке однородности тематики действия и его цели, а также «надситуативности» в трактовке ситуативной избыточности (неадаптивности) имеют общий родовой признак: неотчуждаемость мотивации действия от содержания самого действия, нередуцируемость побуждения действовать к «над-стоящим» мотивам и целям. Интринсивность, равно как и надситуативность, характеризует действие в его самоценности, не-инструментальности по отношению к требованиям ситуации (за которыми могло бы вырисовываться стремление получить вознаграждение или избежать наказания). Речь идет не только о том, что индивидуум независим в своей активности от внешних санкций. Он не ощущает своей подверженности контролю со стороны «внутренних санкций», продуцируемых «интродуцированными другими». Не поэтому ли деятельность способна приносить ему исключительную радость? И нет ли в этой субъектной каузальности или растворенности в потоке примет стадии «магического мышления» и первичного «океанического Я»? Впрочем, такого рода сюжеты все еще табуируются в «академической» экспериментальной психологии мотиваций⁴.

³ Анализируя формы структурирования времени, мы противопоставляем «процедурам» («работе», «делу») *захваченность* (*Петровский В.А. Философии Я: транзактный подход. Берн, 2000*).

⁴ Заметим, что поглощенность действием, если использовать термины Чиксентмихайи, может быть источником не только радости, но и страданий, например, «мук творчества»: войдя с головой в проблему, в какой-то момент легко «решить прекратить», нелегко «прекратить решать» (*Ф.Д. Горбов*). Действие при этом продолжает сохранять статус избыточности и «не дает от себя отказаться». «Поток» может окончательно поглотить... (И что же? «... Тем сладостней Лорелея откликнется пеньем своим...»?!). Неадаптивность тут смыкается с дезапативностью.

К идее надситуативности, то есть избыточности, «не-инструментальности» некоторых форм поведения автор пришел, отталкиваясь от экспериментально выявленного феномена «бескорыстного риска» (Петровский В.А., 1971, 1974а, б, 1975, 1977); суть феномена в том, что субъект без принуждения извне и без какого-либо вознаграждения предпочитает действовать в зоне опасности (феномену «бескорыстного риска» в книге будет уделено специальное место – см. главу 6). Полученные факты мы описывали в терминах «риска ради риска» (1971) в противовес риску как инструменту решения внешней задачи.

Феномен бескорыстного риска («риск ради риска») был исходным для осознания обширного поля будущих исследований. Понятие «надситуативности», как и понятие «интринсивности», задавая *общую* рамку категоризации многоплановых проявлений активности («самоценность», «не-инструментальность»), выступали в разных эмпирических формах, в соответствии с различиями теоретических подходов и исследовательских задач в области психологии активности. Таким образом, обозначались новые группы феноменов. Теория и феноменология «интринсивной мотивации» – это те самые «шесть концепций» и, соответственно, шесть групп феноменов, о которых писал Х. Хекхаузен и которые мы, отдавая должное Оллпорту, рискуем назвать обобщенно «автономией».

Теория и феноменология «надситуативной активности» представлена другими концептами и феноменами.

Мы выделяем такие классы «надситуативности» (представленные определенными теоретическими и эмпирическими разработками) как «трансситуативность» и «контрситуативность» (см. рис. 5.1).

ЧЕЛОВЕК - В - СИТУАЦИИ

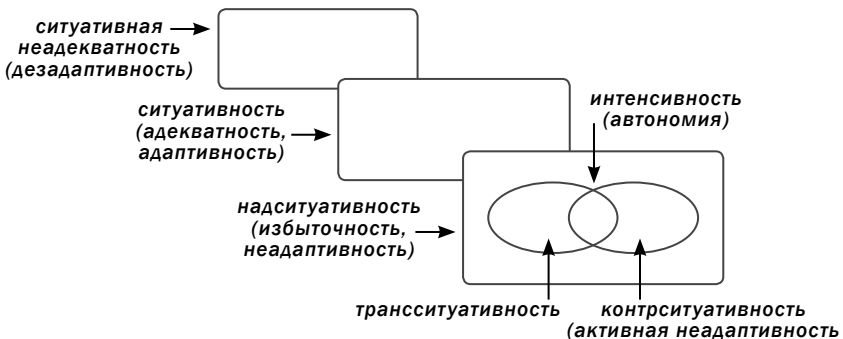

Рис. 5.1. Схема «Человек-в-ситуации»

Трансситуативность. Этот термин описывает феномен выхода за пределы требований, которые «на старте» деятельности индивидум сам предъявлял к себе (эти требования могли быть предъявлены и другими, важно здесь то, что субъект исходит из них как из собственных). Если брать шире, то речь идет об углублении или трансформации мотивов, которые исходным образом побуждали деятельность, о расширении круга преследуемых целей, об обновлении задач, о варьировании способов их решения, о новом, обобщенном видении ситуации. За этим пониманием вырисовывается общая развиваемая нами идея «движения деятельности», повышение ее (деятельности) ранга, расширения охвата, углубления содержания, а иногда и трансформации в другую деятельность.

Можно различать мотивационные, целевые, операциональные, ориентировочные моменты надситуативности.

Надситуативная мотивация характеризуется побуждениями, избыточными с точки зрения потребности, первично инициировавшей поведение, и, возможно, находящимися иногда в противоречивом единстве с данной потребностью (мы вернемся к этому, говоря о неадаптивности).

Надситуативная цель – цель, принятие которой не вытекает непосредственно из требований ситуации, однако реализация которой предполагает актуальную возможность достижения исходной цели.

Надситуативный образ включает в себя (в качестве подчиненного и, возможно, «снятого» момента) исходный образ ситуации, однако им не исчерпывается и т.д. Источник активности усматривается в порожденных деятельностью *избыточных возможностях*, выходящих за пределы исходных требований, предъявленных субъектом к себе.

Соотношение ситуативности и надситуативности аналогично тому, что существует между «задачей» и «сверхзадачей» в терминах К.С. Станиславского. Решение «задачи» **не означает разрешения** «сверхзадачи». «Проблемы, – говорили мои Учителя, – не решаются; просто одна превращается в другую». Но продвижение к разрешению «сверхзадачи» предполагает осуществимость решения «задачи», что специфицирует надситуативность⁵. Примером трансситуативности может служить любой процесс творчества, решение любой серьезной задачи. В этой главе

⁵ В одном из исследований, проведенных совместно с литовским исследователем, педагогом З.А. Лаулене, мы просили детей составить рассказ по картинке – рассказывать о том и только о том, что видишь (картинки иллюстрировали известную всем детям сказку). Испытуемыми были дети всех школьных возрастов, начиная с первого и кончая одиннадцатым классами. Результат заключался в том, что только к одиннадцатому классу дети способны «рассказывать по картинке», а не пересказывать сказку. Рассказы детей из младших классов явно избыточны по отношению к задаче. Но с задачей-то они справиться не могли. Перед нами не «надситуативная

мы приведем пример того, как спонтанно расширяется поле деятельности ребенка при выполнении творческого задания (см. эксперимент с «рисовой водичкой»).

Контрситуативность (активная неадаптивность). Идея «надситуативности» формировалась в качестве методологической альтернативы «постулату сообразности» (адаптивности) поведения и психики индивида, и в частности таким его разновидностям, как гомеостатическая, гедонистическая и прагматическая.

Феноменология «надситуативной активности» противоречит закономерным следствиям постулата сообразности, но именно эти феномены согласуются с идеей движения деятельности вообще и существования феноменов неадаптивности в частности.

Основная трудность исследования этих явлений заключается в том, что должен быть задан некий критерий неадаптивности, который мог бы представлять ценность для оценки справедливости критики постулата сообразности с эмпирических позиций. Такой критерий, на наш взгляд, мог бы быть построен на основе соотнесения цели и результата деятельности субъекта.

В то время как *адаптивность* – в самом широком смысле – характеризуется соответствием результата деятельности индивидуума принятой ранее цели, *неадаптивность* – расхождением, а точнее, противоположностью результата и цели. Следовательно, здесь должно иметь в виду не только то, что действие избыточно, но и то, что существует конфронтация между запланированным и достигнутым. Основной вопрос касается возможности намеренного предпочтения неадаптивной стратегии действия адаптивной.

В первом случае (адаптивная стратегия) имеются в виду действия, которые базируются на прогнозе соответствия между целью и ожидаемым результатом осуществления этого действия. Во втором случае (неадаптивная стратегия) в качестве условия предпочтения будущего действия выступает прогноз возможного несоответствия (вплоть до противоположности) между исходной целью и будущим результатом данного действия.

В фактах активно-неадаптивного выхода человека за пределы изведенного и заданного проявляется, как мы полагаем, собственно субъектность, тенденция человека действовать в направлении самоиспытания, оценки себя как носителя «свободной причинности» («причины себя»)⁶.

активность», а дезадаптивность, или, как мы говорим, «надситуативность» от слова «надо».

⁶ Есть, согласимся, разница между *приписыванием* себе причинности (атрибуция субъектности) и *проявлением себя* как причины, что *непосредственно переживается*

Феноменологии «трансситуативности» и «контрситуативности», как можно предположить, пересекаются (см. схему «человек-в-ситуации», где это представлено наглядно). Фактически, речь идет об избыточности принимаемых целей относительно требований ситуации и предпочтительности этих целей в силу непредрежденности их достижения. Помимо «синицы в руке» и «журавля в небе» угадывается присутствие «еще чего-то» – «неизвестно чего», «нечто на горизонте». Влечет «сам горизонт», граница, отделяющая знакомое от незнаемого, сама линия горизонта, сулящая неожиданное развитие событий.

МЕТОД ВИРТУАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Метод, который мы предлагаем для выявления тенденции человека обнаруживать себя в качестве субъекта активности, может быть назван методом *виртуальной субъектности*⁷.

Осознание того факта, что методический прием, еще в студенческие годы предложенный автором для выявления тенденций к «бескорыстному риску» (1971), заключает в себе нечто большее, чем «просто» методике исследования склонности к риску, что прием этот представляет собой частный случай более общего принципа, имеющего значения для «схватывания» собственно личностного в человеке, – осознание этого появилось не сразу. Потребовалось время, для того чтобы осмыслить специфику того вида активности, которая, будучи избыточной по отношению к заданной испытываемой деятельности, состоялась как деятельность, движущая исходную («надситуативная активность»), понять, что эта особая деятельность побуждаема самой возможностью несовпадения цели и результата в ней («активной неадаптивности»), и наконец, что она являет субъекту способность выступить перед самим собой наяву, – в качестве свободного самоопределяющегося существа.

Термином «виртуальность» мы подчеркиваем возможность самопроявления человека как субъекта в некоторой наблюдаемой ситуации. Обратим внимание на то, что термин этот почти не используется в психологии.

Известное нам исключение – книга А.Н. Леонтьева, где это слово вводится для обозначения несостоятельной попытки преформизма объяснить личностное в человеке как результат вызревания его генотипических черт. Между тем этот термин в ином контексте использо-

субъектом в момент действия. Было бы интересно сопоставить экспериментально два рода опыта – когнитивной оценки себя как причины и опытом непосредственного переживания себя в этом качестве.

⁷ Существо метода было изложено в работах: *Петровский* (1975, 1976б), название – предложено позже: *Петровский* (1992а).

вания исключительно точно подходит для обозначения интересующего нас явления – самостановления индивидуума как личности. «*Виртуальный*» означает, согласно «Словарю иностранных слов» (М., 1979), «возможный; могущий проявиться; который должен проявиться», – что отличает этот термин от синонимичного «потенциальный» («возможный, существующий в потенции; скрытый, непроявляющийся»). Отличие – в самой идее переходности возможного в действительное: *виртуальное* по сравнению с *потенциальным* как бы ближе к действительному самообнаружению возможности. Этот смысловой оттенок решает для нас проблему выбора нужного имени для обозначения метода исследования личности человека как трансцендирующего субъекта.

Метод *виртуальной субъектности* состоит в организации условий, в которых мог бы стать наблюдаемым сам переход возможности быть субъектом активности в действительность человека как субъекта активности.

Метод виртуальной субъектности предполагает создание или отбор для исследования таких ситуаций, которые в известной мере могли бы быть названы *проблемными ситуациями*, но только при учете того факта, что они резко отличаются от традиционных ситуаций исследования человека перед лицом *проблем*.

Во-первых, – и это дало начальное название методу («метод надситуативной активности» – *Петровский В.А.*, 1976), – речь идет о проблемах, которые ставит перед собой сам человек, без побуждения или принуждения его к этому извне. Иначе говоря, экспериментальная ситуация, или ситуация специального наблюдения, должна содержать в себе некоторые условия, располагающие человека к постановке цели, избыточной по отношению к требованиям этой ситуации, – такую цель мы обозначили как «надситуативную». Наличие надситуативной цели сближает метод виртуальной субъектности с некоторыми экспериментальными ситуациями исследования познавательной активности личности в оригинальных работах В.И. Аснина, В.Н. Пушкина, Д.Б. Богоявленской. Имея в виду наши собственные исследования «бескорыстного риска» (*Петровский В.А.*, 1971) и соотнося их с работами в области изучения познавательной активности, мы попытались выделить родовую характеристику класса подобных исследовательских ситуаций. Суть в том, что человек выходит за пределы требования ситуации, проявляя, как мы говорили, надситуативную активность. Иначе говоря, действует «над порогом ситуативной необходимости» (*Петровский В.А.*, 1975).

Однако для метода виртуальной субъектности специфично, что деятельность, осуществляемая испытуемым по его собственному почину, отличается самым своим содержанием от ситуативно заданной. Например, при решении мыслительных задач, выполнении сенсомоторных тестов и т.п. сам человек ставит перед собой качественно другую задачу

(хотя в момент своего выполнения она совсем необязательно должна быть формулируема им); это – задача производства себя как субъекта – испытание своей личностью. Свобода здесь – не просто условие продолжения начатой деятельности за пределами заданного; свобода здесь – самоценна, она входит в «состав» самого содержания надситуативного акта.

Но «быть свободным» – только одно из условий «субъектности». Другое условие – отвечать за свой выбор, нести бремя ответственности за исходы собственных действий.

Итак, во-вторых, это ситуация ответственного выбора. Если бы эти последствия были заранее известны и предсказуемы, иначе говоря, если бы они были предрешены, данная ситуация не воспринималась бы человеком как ситуация принятия ответственного решения. Иначе говоря, ситуация наблюдения или эксперимента должна заключать в себе возможность фрустрации тех или иных потребностей человека – будь то наслаждение, душевное благополучие, выгода, успех и т.д. Предполагается, что сама непредрешенность этих значимых исходов действующая способна побуждать к выбору надситуативной цели.

Свободное принятие на себя ответственности за непредрешенный заранее исход действующая и есть для нас показатель самопорождения человека как субъекта активности. В равной мере оно может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы. То, что делает человека субъектом в подлинном смысле этого слова, – здесь налицо: ибо он противостоит ситуации, поднимаясь над заданностью и овладевая шансом. Выход за границы предустановленного в данном случае уже не пассивное проявление неадаптивности, но действительная самотрансценденция человека, свободное полагание им себя как субъекта.

Суть экспериментальных ситуаций, в которых могут быть исследованы проявления неадаптивности, заключается в следующем. Испытуемому предлагается выполнить некоторое задание, включающее его в некоторую деятельность (решение интеллектуальных или перцептивных задач, овладение каким-либо навыком и пр.). В итоге ознакомления с инструкцией и условиями осуществления этого задания у испытуемого должно возникнуть достаточно ясное представление о требуемом, соответствующее ситуативно заданному критерию успеха (правильность решения, точность восприятия, безошибочность выполнения некоторой операции и т.п.). Необходимо, чтобы представление о требуемом было лично-значимым для испытуемого и побуждало его к максимально эффективному выполнению требований экспериментатора. Невозможность эффективно выполнить эти требования должна переживаться испытуемым как неуспех.

Далее. Помимо внешнего критерия успеха, ситуация предоставляет испытуемому возможность принять внутренний критерий успешности действия, не совпадающий с ситуативно-заданным. Невозможность реализации внутреннего критерия успешности должна переживаться испытуемым как фрустрация той или иной его потребности, сформировавшейся или актуализированной в рамках данной экспериментальной ситуации, иначе говоря, иметь для него смысл неадаптивного исхода действия. Неадаптивные исходы действий могут выступать в форме возможных фрустраций гомеостатических, гедонистических или прагматических побуждений испытуемого, в частности, представлять угрозу его физическому благополучию, социальному статусу, самооценке и т.п.

Наконец, экспериментальная ситуация строится таким образом, чтобы испытуемый мог действовать вполне успешно, согласно принятому им ситуативному критерию успеха, не рискуя оказаться в неблагоприятном положении, в соответствии с собственным внутренним критерием успешности действия. В то же время испытуемый должен иметь возможность действовать неадаптивно, намеренно повышая возможность внутренне неблагоприятных последствий в случае неуспеха действия. Иначе говоря, ситуативный успех при выполнении экспериментального задания может достигаться ценой реализации также и неадаптивных тенденций испытуемого (если подобные тенденции действительно у него имеются).

Итак, обеспечим нашим будущим испытуемым возможность ситуативно-успешного выполнения того или иного экспериментального задания и в то же время возможность поступать неадаптивно: без всякого принуждения извне предпочитать действия, исход которых им заранее неизвестен и может быть неблагоприятен в гедонистическом, прагматическом или гомеостатическом смысле.

Действительно ли удастся экспериментально установить круг неадаптивных предпочтений, выявив существование подобных проявлений надситуативной активности? В каких экспериментальных условиях они могли бы быть зафиксированы? Что можно сказать о людях, проявляющих или же не проявляющих надситуативную активность в конкретных условиях деятельности? Какую особую задачу решает человек, не довольствующийся обретением лишь ситуативного успеха и добровольно подвергающий себя всевозможным испытаниям и проверкам «на прочность»? Мы обсудим эти вопросы, имея в виду ряд феноменов.

Некоторые из них характеризует поведение испытуемых в обстоятельствах, моделирующих угрозу физическому благополучию индивида (опасность) и социальному благополучию (запрет). Другие феномены

связаны с присутствием в ситуации символа границы и заключаются в прагматическом стремлении испытуемых «переступить черту». Далее мы рассмотрим надситуативные проявления активности личности в познавательной деятельности и их возможные детерминанты. Кроме того, мы исследуем психологические проявления того, что в философии и социологии именуют «эффектом Эдипа» – влияние прогноза на развитие событий. И, наконец, в гипотетическом плане, мы рассмотрим феномен прагматического усиления готовности к действию в процессе само-рефлексии.

ГЛАВА 6. «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»

РИСК РАДИ РИСКА. ВЛЕЧЕНИЕ К ЗАПРЕТНОЙ ЧЕРТЕ

Неизъяснимы – наслаждения? Парадоксально, но факт: «постулат сообразности» выявляет свою ограниченность при интерпретации тех феноменов активности субъекта, по отношению к которым его объяснительная сила должна была бы проявиться в наибольшей мере. Имеются в виду особенности психических проявлений субъекта в ситуациях, связанных с возможной опасностью, которые, в соответствии с постулатом, оставляют единственно возможным вариант поведения – собственно адаптивный. В этих условиях, однако, возникает своеобразное явление: иногда человек испытывает острое влечение к опасности и предпринимает, на первый взгляд, ничем не оправданные действия навстречу опасности. Эти факты подмечены и неоднократно описаны в художественной литературе. Хорошо известны, например, следующие пушкинские строки (из «Пира во время чумы»):

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обрести и ведасть мог.

Подобные факты активности не получали, однако, научно-психологического освещения. Поиску экспериментальных аргументов в пользу существования и опыту интерпретации подобной «немотивированной» («неизъяснимой») активности был посвящен ряд наших исследований, начиная с 1971 г. (*Петровский В.А.*, 1971).

Общая гипотеза состояла в том, что одной из возможных форм активности, к которым объективно располагает ситуация потенциальной угрозы, является активность, направленная навстречу опасности (далее будем говорить «активность навстречу опасности») и являющаяся результатом свободного выбора субъекта. Иными словами, предполагалось, что человек способен идти на риск, не извлекая при этом каких-либо ситуативных преимуществ; в этом случае риск должен иметь характер «бескорыстного», «спонтанного».

Замысел эксперимента, реализующего метод виртуальной субъектности (см. главу 5), заключался в том, чтобы действия участников могли вступить в двоякое отношение к условиям испытания: к тому, что предъясняется как цель деятельности, и к фактору угрозы, присутствующему в ситуации. Экспериментатор ни прямо, ни косвенно не побуждает испытуемых совершать действия в направлении опасности; предпочтение рискованного поведения нейтральному (если такое случится) должно быть результатом личного выбора, совершаемого поверх требований экспериментатора.

Итак, ситуация включает в себе некий *вызов*, располагающий испытуемых к *выбору*: действовать ли в пределах требуемого, избегая при этом риска, или подниматься над ситуацией, идя на риск. Есть смысл остановиться на этой общей идее подробнее. Перед нами особая категорильная пара, «*вызов-выбор*», которую необходимо отличать от другой, «*стимул-реакция*».

Эти различия не всегда проводятся даже нашими доброжелательными критиками при обсуждении методологии исследования активности (Богоявленская, 1983), полагающими, что мы «*стимулируем*» испытуемых к риску (об этом скажем ниже).

В публикациях о бескорыстном риске я всегда отмечал, что угроза относится к ситуативным условиям деятельности. В самой дефиниции риска (я встречаю ее теперь во многих психологических словарях) он определяется как «ситуативная характеристика деятельности». Но это, конечно, не значит, что, действуя в направлении угрозы, рискуя, мои испытуемые проявляют «ситуативную активность», как пишет об этом Д.Б. Богоявленская. Ситуация эксперимента содержит в себе *вызов*, который ни под каким видом нельзя отождествить с *требованием* ситуации. Ведь о требованиях говорят тогда, когда человеку не только прямо указывают, в каком направлении ему действовать, но и исключают при этом возможность выбора альтернативного варианта поведения. Например, в исследованиях Д.Б. Богоявленской испытуемым *приходится* выполнять интеллектуальную работу под давлением *требований* экспериментатора: они не могут позволить себе уклониться от решения предлагаемых им однотипных задач. В противоположность этому, в наших исследованиях ситуативный фактор опасности не содержит в

себе *требования* к испытуемым подвергать себя риску. Тот факт, что опасная зона в эксперименте «задана эксплицитно», разумеется, не превращает ее в стимул, побуждающий к риску; скорее, наоборот, угроза, рассекающая поле предстоящей деятельности на потенциально опасную и безопасную «части», в качестве *стимула* непосредственно побуждает испытуемых к осторожности – то есть к *реакции избегания*, но отнюдь не риска. Иногда, впрочем, многие исследователи расширительно толкуют такие слова, как «стимул», «стимулировать», «стимульный материал» и т.п., что, конечно, возможно в рамках обыденного словоупотребления. Однако, если мы превращаем эти слова в инструмент теоретической критики, мы должны исходить из более строгого понимания их смысла. Именно в этой связи, на наш взгляд, необходимо исследовать различие между двумя категориальными парами: «стимул–реакция» и «вызов–выбор».

«Стимул–реакция» или «выбор–вызов»? В чем разница? Прошло более сорока лет с тех пор, как я услышал от В.Я. Дубровского замечательно простую и вместе с тем мудрую вещь, которая ставит, по-моему, если не все точки над *i*, то, по крайней мере, одну – в трактовке «стимула» и «реакции». Высказанная тогда мысль состояла в том, что эти элементы фактически нерасторжимы, то есть нельзя сказать, например, «реакция не на тот стимул» или «стимул не от той реакции». *Каков стимул, такова и реакция.* С этой точки зрения, задача поведенческой (стимул–реактивной) психологии – в том, чтобы раскрыть закономерную связь между некоторыми поступающими воздействиями и особенностями ответного поведения индивидуума (скажем так, «поведенческим сопровождением этих воздействий», «откликами» и т.п.); если такая связь существует, то эти воздействия получают имя «стимул», а вызванные ими последствия имя «реакция». Мне остается добавить, что расширение уотсоновской трактовки связи «стимул–реакция» за счет введения «промежуточных переменных» по сути ничего не меняет в понимании этой связи: либо «стимул» может рассматриваться как комбинация внетелесных и внутрителесных событий (с этой точки зрения рубинштейновское «внешнее через внутренне» – это *стимул*), а наблюдаемая «реакция» – как закономерный эффект воздействия комбинарованного «стимула»; либо, наоборот, «реакция» – как комбинация внутрителесных и внетелесных событий, а «стимул» как источник этой сложной реакции. «Промежуточные переменные» здесь – это телесные состояния и процессы, подлежащие объективному изучению, подобно всем прочим физическим и информационным явлениям в мире, с привлечением все более совершенствующихся методов и технических средств наблюдения. Конечно, некоторые обозначения, используемые для описания промежуточных переменных, при этом могут «очеловечиваться» («когнитивные карты» и т.п.), но таким конструктам, как «пере-

живание», «смысл» или «самосознание» в данном контексте, конечно, нет места – они не используются даже в виде метафор.

Увы, гипнотической силы идея стимула, диктующего реакцию, – идея, первоначально очаровавшая, а после отвратившая от себя психологов своей простотой, вопреки чаяниям многих, не может быть упразднена полностью. Хотя бы уже потому, что есть целый класс сочетаний «воздействие–поведение», которые не могут быть прочитаны иначе как «стимул–реакция» (при узкой и расширенной трактовке стимула). Кроме того, крайне живуча «стимул–реактивная» схема исследований, когда действия испытуемых направляются требованиями и наградами со стороны экспериментатора. Например, когда экспериментатор требует от испытуемого решать интеллектуальную задачу, а действия испытуемого в заданном направлении подкрепляются позитивно (удовлетворение любопытства, чувство успеха, удовольствие от сотрудничества). Иногда экспериментаторы из раза в раз воспроизводят все те же требования, отслеживая новые способы поведения в принципиально тождественных условиях; в данном контексте, думается, достоин внимания вопрос, не обновляются ли при этом предъявляемые «стимулы» и, соответственно, продуцируемые «реакции» (пирог на голодный и пирог на сытый желудок суть «разные пироги» и, очевидно, порождают разные способы реагирования). Но все-таки, я думаю, для многих из нас очевидно, что собственно человеческие проявления активности чувствовали бы себя дискомфортно в силках стимул–реактивных схем мышления и моделей экспериментирования. Проблема заключается в том, чтобы конкретизировать и прояснить подразумеваемую альтернативу, то есть прямо назвать то, что может быть противопоставлено схеме «стимул–реакция».

Я полагаю, что это – категориальная пара «вызов–выбор». Но пока это только термины, наводящие на понимание. Важно осмыслить, чем именно «вызов» отличается от «стимула», «выбор» – от «реакции»? На мой взгляд, специфика «вызова» определяется сочетанием трех моментов:

1) в отличие от стимула, *вызов* есть **переживаемое** индивидуумом событие;

2) в отличие от стимула, вызов есть событие **встречи** (синтеза, суперпозиции) двух независимых потоков воздействий: со стороны индивидуума и со стороны ситуации;

3) в отличие от стимула, порождающего единственный отклик (он как бы записан в стимуле), *вызов* содержит в себе **возможность, как минимум, двух противостоящих друг другу откликов**, один из которых – предсказуем в своих последствиях, другой – не испытан и, возможно, чреват негативными последствиями; непредрешенность последствий «встроена» в событие-вызов.

Коротко: *вызов* есть переживаемая множественность перспектив, по крайней одна из которых связана с заранее непредрежденным исходом поведения (это, очевидно, хайдеггеровский акцент в трактовке «вызова»). Переживаемость, чувственность события-вызова принципиальна для его (вызова) определения. В нашем понимании, она представляет собой результат суперпозиции посланий, поступающих извне и исходящих от самого индивидуума; то, что мы называем переживанием, заметим, не тождественно по форме ни внешним, ни внутренним порождающим его состояниям и процессам. И в этом смысле переживание всегда «над» тем, что существует внутри и вовне. Оно превосходит любые мыслимые внешние и внутренние *стимулы* в «стимул–реактивных» построениях активности; переживание избыточно по отношению к таким стимулам. Возможно, на этом и зиждется та избыточность любого перцептивного образа, о которой пишет В.П. Зинченко. Перцептивный образ и в самом деле избыточен по отношению к возможным реакциям на объекты, в этом образе явленные. Так, мы умеем «отстроиться» от реакции, к которой будто обязывает нас объект, – это значит, я думаю, мы «вычитаем» из вызова условие его переживаемости, переключая импульсы, идущие от нас самих («волна» внимания), на другие объекты, которые, таким образом, приобретают субъективную данность. То же относится, по-видимому, и к элементарным ощущениям (они, в отличие от раздражимости к специфическим стимулам, лишены силы абсолютного диктата в отношении поведения). Кроме того, *вызов*, подобно восточному ковру Мозма или пятну Роршаха, есть комбинация возможностей видения и, соответственно, действований; комбинация этих возможностей не тождественна ни одной из своих образующих; узор возможностей – нечто большее, чем каждая из них в отдельности; он избыточен по отношению к ним, а также – актам, к которым располагает.

Выбор, в отличие от реакции, как единственно возможного способа откликнуться на стимул, есть актуализация (предпочтение) *одной из* возможностей ответа на вызов и отбрасывание другой. Из сказанного ясно, что ситуация «вызов–выбор» есть результат собственной активности индивидуума, которая «появляется на сцене дважды». Вначале – как внутреннее условие созидания события-вызова (к примеру, требования экспериментатора и вводимые им ограничения переосмысливаются как содержащие в себе не одну, а множество перспектив развертки). Затем – как внутреннее условие выбора альтернативы, будь то известный своими последствиями или еще неизведанный акт. Именно в этом случае реализуется леонтьевская формула активности: «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет».

Примером как раз и могут служить предлагаемые нами экспериментальные ситуации исследования «надситуативной активности». Интуи-

тивно, подниматься «над» ситуацией – это структурировать ситуацию иначе, чем, казалось бы, ситуация «пытается» структурировать самого человека, то есть действовать над порогом ситуативной необходимости, вопреки ситуативным ограничениям деятельности.

Схема наших исследований надситуативной активности заключается в том, что на фоне предлагаемых испытуемому требований и заданных условий деятельности, ситуация *располагает* испытуемого к выдвижению собственных целей, избыточных относительно задачи, поставленной экспериментатором и побуждений, определяемых его требованиями и заданными условиями; мотив постановки избыточных целей сам, в свою очередь, избыточен по отношению к требованиям и условиям ситуации.

Методика исследования бескорыстного риска. Итак, при построении методики исследования мы исходили из следующих соображений: 1. Деятельность испытуемого должна быть практической, осуществляемой во внешнем плане и позволяющей варьировать способы достижения основной цели. 2. Элемент опасности вводится в контекст деятельности испытуемого так, чтобы ситуация могла выступить в равной мере, как угрожающая и как нейтральная, в зависимости от проявлений активности испытуемого. Таким образом, мера подверженности риску предполагалась зависимой от самого испытуемого. 3. По возможности, должно быть элиминировано ценностное отношение испытуемого ко всему тому, что связано с элементом опасности в ситуации. 4. Истинные цели исследования предполагаются скрытыми от испытуемых.

В качестве модели использовалась деятельность наблюдения за движущейся целью с задачей экстраполяции движения. Эксперимент проходил под видом определения способностей испытуемого действовать в условиях перцептивной неопределенности. В некоторых случаях испытуемый был включен в соревнование с другими участниками эксперимента.

Перед испытуемым находилась панель с прорезью круговой или линейной формы. В прорези с постоянной скоростью перемещался объект наблюдения – «цель». Прорезь разделена на две части: в меньшей из них цель движется открыто для восприятия испытуемого, большая же часть прорези закрыта и представляет собой своеобразный «тоннель». Испытуемый заранее выбирает пункт остановки «цели» (возможные пункты остановки отмечены на поверхности тоннеля) и, экстраполируя движение «цели» в невидимой части прорези (в «тоннеле»), должен уловить нужный момент и остановить «цель», нажав специальную кнопку.

Существенно, что в эксперимент было введено следующее условие. В заранее определенной экспериментатором и выделенной им части «тоннеля» остановка «цели» была запрещена и наказывалась. Наказанием могли служить как физические раздражители (резкий звук в наушни-

ки стрессовой силы или электростимуляция), так и санкции социального характера (резкое порицание или даже угроза снятия испытуемого с соревнований как «несправившегося»). Место запретной зоны в «тоннеле» варьировалось в зависимости от задачи эксперимента. Так как по условиям деятельности испытуемый по своему усмотрению выбирал место очередной остановки «цели», а они могли находиться на разном расстоянии от зоны запрета, то тем самым мера возможного риска зависела от самого испытуемого. Понятно, что чем ближе к запретной зоне выбрано место остановки, тем выше риск попасть в запретную зону и, таким образом, быть наказанным.

Подчеркнем, что предпочтение «рискованных» выборов «нейтральным» не давало испытуемому каких-либо видимых преимуществ (наград, поощрений и т.п.) в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом создавались условия для «бескорыстного» риска.

В эксперименте принимали участие школьники (14–16 лет), студенты (20–25 лет), рабочие (25–40 лет). Всего по описанной методике было исследовано свыше 400 человек. В результате получены следующие данные.

Свободное сближение с опасностью наблюдалось во всех экспериментах, независимо от характера применявшегося стрессора, то есть многочисленные случаи «бескорыстного» риска встречались как при условии наказания физическим раздражителем, так и при санкциях социального порядка. В среднем во всех видах экспериментов к числу «бескорыстно» рискующих можно было отнести приблизительно 20% всех испытуемых. Однако общее число рискующих, а также выраженность тенденции к риску значительно возрастают, когда объектом исследования становятся лица, профессиональная деятельность которых включает в себе элемент опасности. Об этом свидетельствуют данные, полученные при исследовании электриков-монтажников высоковольтных сетей, работающих на высоте от 10 до 15 м при угрозе поражения электрическим током. Большинство из них (75%) хотя бы однажды в эксперименте выходили в зону повышенного риска (которая была определена на основе данных субъективного шкалирования), и для многих из них были характерны настойчивые попытки действия в этой зоне.

Наблюдения за поведением участников всех проведенных нами опытов свидетельствуют о том, что выбор мишеней, находящихся вблизи черты запрета, сопровождался признаками эмоциональной напряженности. Состояние испытуемых характеризовалось понижением (а в некоторых случаях повышением) общей двигательной активности, наблюдалась скованность позы, испытуемые стискивали зубы, прищуривали глаза; в некоторых случаях появлялась напряженная улыбка, блеск глаз; выбор «рискованных» мишеней совершался либо мгновенно по завершении предшествующей попытки (так, будто бы решение о нем было принято

задолго до момента самого выбора), либо ему предшествовала заметная пауза; некоторые испытуемые, прежде чем сделать соответствующий выбор, глубоко вздыхали и потом решительно перемещали ориентир, громко называли номер «рискованной» мишени, резко перемещали ориентир к черте запрета (бывали и противоположные по знаку реакции: испытуемые весьма неуверенно называли «рискованную» мишень); многие испытуемые, прослеживая движение сигнал-объекта, как бы подавались вперед, «проводжали» скрыто движущийся объект не только глазами, но и всем корпусом; совершив рискованную попытку, обычно расслаблялись, вздыхали с облегчением, спокойно указывали очередную (как правило, «безопасную» мишень).

Интерес представляет анализ свободных высказываний участников эксперимента в момент принятия решения о выборе «рискованных» мишеней. Вот некоторые из этих высказываний: «Ну-ка, теперь вот эту, поближе к звуку!», «Была ни была!», «А теперь рискнем!», «Ну ладно, поставим здесь, на границе с аварией!», «Испытать, что ли?!..» и т.п. В некоторых высказываниях фигурирует указание на «интересность» работы в зоне риска, например: «Ой, если все равно, где выбирать, то я могу все время здесь (показывает начало тоннеля – вдали от черты угрозы).., а вообще интересно подальше <у черты угрозы. – В.П.>». В ряде высказываний непосредственно выражено ожидание наказания или готовность принять наказание: «Ладно, уж, треснет так треснет!», «Пусть, пусть шархнет!», «Ну ладно, пусть ударит – выдержу!» Бывали случаи, когда участник эксперимента вначале заявил свое намерение выбрать «опасную» мишень, а потом отказывался от риска: «Попробую-ка я у границы; нет, лучше вот здесь (уводит из зоны риска)». Некоторые испытуемые, весьма недвусмысленно оценивая угрозу («А зачем этот страшный звук? Пугаете людей, варвары!!!», «Сломать бы наушники!»), к сожалению, затем не комментировали вслух свои же нередко отчаянно рискованные выборы, и оставалось лишь пожалеть, что нельзя «подслушать», как испытуемый мысленно характеризует свои действия.

Все множество стратегий действия испытуемых можно подразделить на две части: в одном случае в поле выборов оказываются «рискованные» мишени, в другом случае участники эксперимента действуют исключительно в области «нейтральных» мишеней. Отметим, что в основных экспериментальных подгруппах число вариантов, когда «рискованные» мишени предпочитались испытуемыми, было обычно меньше, чем соответствующее число «нерискованных» вариантов действия. Вместе с тем рискованные стратегии действия были явлением достаточно частым, что позволяло говорить о наличии тенденции к риску в пределах данной группы испытуемых.

В исключительном положении оказывались группы испытуемых, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с опас-

ностью, риском. В этих группах рисковало подавляющее большинство участников эксперимента.

Опишем наиболее характерные стратегии действия испытуемых, хотя бы однажды выбравших рискованную мишень. Весьма часто встречаются последовательности выборов, которые графически могут быть представлены в виде ломаной линии, восходящей к черте запрета и круто обрывающейся вниз, к безопасным мишеням после рискованного выбора. Следующий по распространенности тип работы: испытуемый с первых же попыток выбирает рискованную мишень и, рискнув, несколько раз подряд действует в районе безопасных мишеней, после чего вновь рискует и т.д. Наиболее редкий вариант среди рассматриваемых заключается в том, что на протяжении всего эксперимента испытуемые действуют исключительно в районе безопасных мишеней, но, когда опыт подходит к концу, решаются напоследок рискнуть; заказ опасной мишени выглядит как бы оставленным «на закуску».

Хотя нет существенного единообразия в динамике предпочитаемых испытуемыми выборов-целей, нелишне подчеркнуть существование одной общей черты, характеризующей структурное место рискованного выбора в ряду выборов нейтральных. Факт, обративший на себя внимание еще в ходе проведения эксперимента, а также подтвержденный данными выборочных проверок, состоял в том, что «рискованным» мишеням, как правило, соответствовал своеобразный пик в общей динамике предпочтений. – он резко выступал над всеми остальными, значительно отдалившись как от предшествующих, так и от последующих выборов. Избрание рискованной мишени выглядело не столько результатом постепенного приближения к черте запрета, сколько «скачком» в зону риска. Совершив «рискованную вылазку», испытуемый производил резкий переход к безопасным мишеням; создавалось впечатление, что испытуемый «дает себе передышку».

В ситуации, предшествовавшей фактическому сближению с опасностью, – иногда задолго до принятия решения о риске – у некоторых испытуемых возникало своеобразное состояние, названное нами «психологической прикованностью к опасности» (чувство беспокойства, тревоги, подверженности угрозе). Переживалось также «влечение», «тяга» к опасности. Непосредственно перед риском и в момент самого риска у некоторых возникали так называемые «острые ощущения». К сожалению, возможности их феноменологического анализа были ограничены. Однако переживания эти вполне могли быть ассоциированы с чувством все возрастающего напряжения, которое в последний момент сменяется резкой разрядкой. По окончании действия могло возникать облегчение, будто бы что-то «отпускало».

Для целей исследования представляло интерес выяснение вопроса относительно зависимости изучаемой тенденции к «бескорыстному»

рisku от степени интенсивности стрессора. Если действительно опасность выступает в качестве фактора, предрасполагающего к проявлению «надситуативного» риска, то ее усиление (разумеется, не безграничное!), вероятно, приведет к возрастанию случаев риска. Поставив перед собою цель проверить это предположение, мы следующим образом организовали эксперимент. Общее число испытуемых – студентов в возрасте от 20 до 25 лет – было разделено на 4 группы. С ними проводился «тоннельный» вариант методики. В качестве стрессора использовался звук четырех уровней интенсивности: 90 дБ, 100 дБ, 110 дБ, 120 дБ. Каждый из участников эксперимента мог осуществить 5 выборов (по две попытки на каждый выбор). Выбор двух мишеней из пяти был связан с риском наказания звуком. Как показал опыт, увеличение «стрессогенности» ситуации приводит к возрастанию случаев рискованных выборов. В этой же связи упомянем наблюдение И.В. Ривинной, проводившей исследование по описанной методике с монтажниками контактных сетей. Согласно ее данным, при переходе значения стрессора от 120 к 150 дБ тенденция к риску не падала!

Таким образом, там, где согласно постулату сообразности должно было бы неизменно наблюдаться падение тенденции к риску (чем выше уровень угрозы, тем «оптимальнее», «адаптивнее», «благоразумнее» уход от опасности!), на деле наблюдается либо рост, либо сохранение частоты случаев риска. (Конечно, тенденцию эту нельзя абсолютизировать: должны существовать некоторые пределы повышения интенсивности стрессора, за которыми проявление тенденции к «бескорыстному» риску будет закономерно и неуклонно падать.) Далее, в ходе исследования, были рассмотрены три вопроса, ответ на которые мог прояснить статус феномена «бескорыстного» риска в ряду других форм активности, и в частности, прагматически ориентированных (мотивированный риск, уровень притязаний, стремление произвести должное впечатление).

Когда говорят о «риске», то обычно имеют в виду действия, направленные на особенно привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности. Именно в этом аспекте изучается риск большинством исследователей. С участниками вышеописанной экспериментальной серии были проведены дополнительные испытания, побуждающие к риску, который трактуется именно в этом традиционном смысле, то есть как «мотивированный» риск.

В итоге выяснилось, что практически все испытуемые, рисковавшие в условиях обычного, «мотивированного» риска, проявили тенденцию к «бескорыстному» риску; вместе с тем не все, кто рисковал «бескорыстно», обнаруживали склонность к «мотивированному» риску. Таким образом, тенденция к «бескорыстному» риску является необходимой предпосылкой принятия рискованного решения. В то же время эта тен-

денция не является достаточным условием обычного риска, так как последний определяется, по-видимому, еще и заинтересованностью в успехе и субъективной оценкой возможности успеха (гипотетическим фактором «везения»).

Существует ли взаимосвязь между феноменом активности навстречу опасности уровнем притязаний личности? Косвенный (отрицательный) ответ на этот вопрос был уже получен с помощью теста Х. Хекхаузена (мотивацию достижения, измеряемую тестом, принято считать основным фактором уровня притязаний). Вместе с тем, мы считали необходимым развести в эксперименте две возможные тенденции: «бескорыстное» влечение к риску и стремление к выбору труднодостижимых целей, соответствующее ситуативному уровню притязаний личности. Отметим, что в эксперименте на экстраполяцию движения трудность остановки движущейся цели была неодинаковой в различных местах «тоннеля»: чем дальше от начала невидимой зоны выбран пункт остановки, тем труднее своевременно уловить необходимый момент.

По замыслу опыта в одном случае зона «запрета» располагалась в конце невидимой части прорези (там останавливать «цель» было труднее), а в другом случае – в начале «тоннеля» (точная остановка здесь практически не вызывала затруднений). Высокий уровень притязаний, очевидно, должен был быть связан с предпочтением труднодоступных пунктов остановки, а менее высокий – более легких.

В целом наблюдалось смещение тенденции выбора пунктов остановки вслед за изменением места зоны запрета в «тоннеле». Как «трудные», так и «легкие» пункты начинали «притягивать», как только вблизи от них появлялась запретная зона. Таким образом, сам по себе ситуативный уровень притязаний (оцененный по степени трудности избираемых целей) не является решающим фактором «бескорыстного» риска.

Связано ли интересующее нас явление с действием поверхностных мотивов «самоутверждения»? Проблема «бескорыстного» риска имеет имплицитно представленный в ней социально-психологический аспект: до проведения специального исследования неясно, действительно ли наблюдаемое в эксперименте явление есть проявление бескорыстия или оно определяется побуждением испытуемого следовать каким-либо скрытым от исследователя групповым нормам или приписываемым некоей «референтной группе» ожиданиям.

Если подобное допущение справедливо и «бескорыстный» риск в действительности является своеобразной нормой поведения, принятой среди испытуемых данного круга, то включение в экспериментальную ситуацию группы наблюдателей того же круга (сокурсники и т.п.) должно привести к возрастанию тенденции рисковать. Если же включение той же аудитории в экспериментальную ситуацию не повышает стрем-

ления рисковать или тем более, снижает его, то исходное допущение не является справедливым⁸.

В этих условиях (эксперимент проводился с физическим типом стрессора) наблюдался следующий факт. В присутствии аудитории имело место заметное учащение рискованных выборов. Однако эти же испытуемые действовали в целом осторожно (то есть останавливали подвижную точку вдали от зоны запрета). Испытуемые вне контакта с аудиторией реже выбирали рискованные пункты остановки, но зато, выбрав, не избегали действий в зоне опасности. Факт влияния аудитории, очевидно, заключался в усилении «ценностного» момента риска, что, однако, далеко не всегда обуславливало обеспечение реально-практической предрасположенности к риску. В силу этого возникали «ножницы» между намерением рисковать и способностью идти на риск.

Учитывая возможное своеобразие поведения испытуемых в присутствии группы при учете того, каков характер угрозы, эксперименты проводились с двумя видами стрессоров – с физическим наказанием (звук в наушники) и социальными санкциями в случае неуспеха.

Эксперимент с применением физического стрессора. Испытуемые – 82 человека, студенты – были разделены на 2 экспериментальные группы. Участники I экспериментальной подгруппы (50 человек) действовали в изоляции от группы сокурсников. С испытуемыми II экспериментальной подгруппы (32 человека) опыты велись в присутствии аудитории, состоявшей из 4–6 человек, входивших в ту же, что и испытуемый, учебную группу. Испытуемый должен был при всех называть вслух номера выбранных мишеней. Возможные коммуникации между испытуемым и группой наблюдателей были жестко ограничены: случаи прямого обращения представителей аудитории к испытуемому и переговоры с ним были исключены; точно также регламентировались всевозможные невербальные реакции, которые могли бы так или иначе повлиять на испытуемого: жесты восклицания и т.п.; наблюдателям также запрещалось переговариваться между собой. Лица, образующие «аудиторию», не знали о действительной цели испытания и о подлинной причине, по которой они были привлечены в качестве наблюдателей. Таким образом, организация эксперимента была подчинена задаче создания ситуации такого своеобразного «давления» группы на испытуемого, когда

⁸ Мы различаем *нормы* поведения и *ценности*, принятые индивидуумом и распространенные в среде его общения. Ценности, в отличие от норм, представляют личности большее число «степеней свободы». Ценности не принуждают, но побуждают к деятельности. Неся в себе нормативный и оценочный момент – «должно» и «хорошо» (О.Г. Дробницкий) – ценности выступают прежде всего своей оценочной стороной, которая несет в себе основание нормативной («должно», потому что «хорошо»). Полагаем, что *в присутствии других людей* актуализируются ценности (если они действительно присущи данной личности).

фактором воздействия должны были бы стать имеющиеся у субъекта представления о нормах поведения в данной ситуации, выступающие в форме приписываемых группе ожиданий.

Повлиял ли факт присутствия группы на частоту случаев «бескорыстного риска»? Наблюдались ли изменения в сторону повышения тенденции к риску? Сопоставим ли процент рискующих среди испытуемых I и II экспериментальных подгрупп? Данные таковы.

Испытуемые, действовавшие в изоляции от аудитории, выходили в зону риска (46% случаев). В группе участников испытания, работавших на глазах у товарищей, число рисковавших было меньше и составляло 33% от общего числа испытуемых в группе. Таким образом, включение наблюдателей в экспериментальную ситуацию не приводит к росту числа случаев риска (и ведет даже к некоторому его снижению). Это ставит под сомнение исходное допущение о том, что тенденция к «бескорыстному» риску вызвана стремлением субъекта действовать в соответствии с некоторыми нормами, интернализированными им из ближайшей среды общения.

Эксперимент с социальным типом стрессора (угроза снятия с соревнования как «несправившихся») проходил по аналогичной схеме; однако при планировании эксперимента, учитывался дополнительно и пол испытуемых (как один из возможных факторов «бескорыстного» риска). В эксперименте участвовали 40 юношей и 40 девушек. Они были распределены по 4 экспериментальным группам, каждая численностью в 20 человек.

В первой группе юношей и третьей группе девушек эксперимент проводился без наблюдателей. Во второй группе юношей и четвертой группе девушек эксперимент проводился в присутствии трех наблюдателей.

Полученные экспериментальные данные не подтверждают предположения о нормативности «бескорыстного риска». В условиях индивидуального эксперимента юноши проявляют большую тенденцию к риску, чем девушки. С другой стороны, введение группы наблюдателей того же пола в эксперимент существенно снижает тенденцию к риску у юношей, но этого в аналогичных условиях не происходит в группе девушек.

Таким образом, во-первых, допущение о «нормативности» риска в одном случае, когда испытуемые – девушки, не находит убедительного подтверждения, а, в другом случае, когда испытания проходят юноши, должно быть отвергнуто. Во-вторых, в группе юношей, действующих индивидуально, факт повышенного риска (в сравнении с девушками) тем более не может быть принят как следствие ориентации на некие специфические «мужские» нормы («мужество», «смелость» и пр.), которые якобы актуализируются ситуацией: введение группы сверстников

испытываемых приводит к существенному снижению тенденции к риску. Следовательно, мы вынуждены отклонить версию о нормативном характере наблюдавшихся проявлений риска. Надситуативный риск, таким образом, не является формой приспособления к возможным групповым ожиданиям и к интериоризированным групповым нормам.

Кроме того, сопоставление тенденции к «бескорыстному» риску и силы «мотива достижения» (по Х. Хекхаузену), как мы уже отметили, не обнаружило существенной связи между ними. Этот факт также давал основание судить об относительной независимости феномена активности навстречу опасности от тех форм самоутверждения личности, которые обычно вплетены в деятельность, ориентированную на достижение успеха (определяющегося отношением результата к групповым стандартам).

Итак, рискованные действия испытуемого, избыточные в рамках принятых им условий задания, нельзя объяснить склонностью к прагматическому риску, высоким уровнем притязаний, стремлением самоутверждаться в глазах окружающих. Наблюдавшиеся в эксперименте проявления риска были «бескорыстны», не только в том смысле, что они не были вызваны ни экспериментальной инструкцией, ни критерием успешности действия, введенным экспериментатором, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматическими фиксированными «внутренними» переменными – стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению окружающих. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали вопреки адаптивным побуждениям; они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Таким образом, в фактах выхода субъекта за рамки требований ситуации и проявилось то, что мы называем надситуативной активностью субъекта, возможные детерминанты которой рассмотрим ниже, изложив результаты еще одного исследования, посвященного влиянию *запрета* на поведение людей.

Феномен «Синей Бороды». Особо могут быть выделены и проанализированы характерные проявления активности человека в ситуации **запрета**, то есть социально заданного ограничения возможности осуществления личного выбора. Угрожающие последствия осуществления запрещенных действий могут быть более или менее известны человеку или же совсем неизвестны («запрещено и все!..»).

Ситуация социального запрета (так же, как и ситуация встречи субъекта с естественным объектом, воспринимаемым в качестве потенциально угрожающего) может вызвать усиление исходного, уже имеющегося побуждения к действию или провоцировать тенденцию осуществления запрещенных действий (см. далее, в п. 3 – «феномен Синей Бороды»).

Рассмотрим некоторые гипотетические факторы детерминации над-ситуативной активности в условиях опасности («риск ради риска») и социального запрета.

МОДЕЛЬ ВОСХОЖДЕНИЯ К РИСКУ

Существенной чертой ситуаций, созданных нами в экспериментальных условиях, является то, что испытуемый при выборе цели каждого будущего действия должен принимать в расчет фактор опасности или запрета. Процесс целеполагания здесь оказывается взаимосвязанным с построением образа возможных неблагоприятных последствий соответствующих действий.

Действительно, решаемая задача заключается в том, чтобы выбирать цели очередного действия, то есть «мишени», под которыми должен быть остановлен сигнал-объект. Но для того, чтобы выбрать очередную цель, необходимо произвести более широкую ориентировку в поле возможных выборов, чем это потребует непосредственно для реализации выбранной цели, так как постановка цели предполагает формирование представлений об альтернативах, включая оценку последствий предпочтения каждой из них. Мысленно «проигрываются» и те альтернативы, которые оцениваются как «рискованные».

Рассмотрим вначале возможные формы реагирования на объект, который предварительно оценивается как заключающий в себе элемент угрозы возможных неблагоприятных последствий. Могут быть выделены две противостоящие друг другу и вместе с тем предполагающие друг друга категории реакций на потенциальную угрозу. Каждая из них, в свою очередь, представлена тремя группами побуждений.

Реакция избегания. Нельзя сказать, что тенденции, входящие в эту категорию реагирования на ситуацию потенциальной угрозы, хорошо исследованы. Тем не менее, работы, которые им были посвящены, многочисленны, и само выделение защитных форм поведения в ситуации возможной угрозы не является сколько-нибудь новым. Объектом внимания являются следующие варианты реагирования на элемент угрозы.

А. Врожденные защитные реакции. Существуют многочисленные примеры защитных форм реагирования живых существ на угрозу в виде ухода от опасности (бегства). Большинство из таких реакций имеют видоспецифический характер. Но существует и универсальный (в известной мере) тип реагирования – так называемый «оборонительный рефлекс»: реакция на экстраординарный раздражитель (Е.Н. Соколов). Оборонительный рефлекс выступает в характерных защитных, двигательных и вегетативных «ответах» организма на подобный раздражитель.

Б. Индивидуально-приобретенные реакции ухода от опасности возникают как результат перенесенной ранее травмы и представляют собой, следовательно, продукт собственного опыта взаимодействия индивидуума с некоторым угрожающим объектом; субъективно выступают в виде страха и стремления к бегству.

В. Ценностно-обусловленные реакции избегания. Проявление социальных установок, побуждающих к осторожности. Ценность осторожного поведения – часть родового опыта человечества, усваиваемого индивидом в общении с другими людьми и выходящая за рамки индивидуального опыта контакта с потенциально угрожающими объектами. Иллюстрацией могут служить пословицы: русская – «Умный в гору не пойдет...», а так же две японские – «Огонь не обжигает тех, кто на него не ступает», «Прежде чем дать подзатыльник, посмотри, чей загылок». Это, как видим, относится к факторам сознательной саморегуляции деятельности субъекта.

Стремление навстречу опасности. Детерминация активности навстречу опасности значительно менее очевидна, и, насколько нам известно, в интересующем нас ключе (как прагматически не мотивированная тенденция) систематически не анализировалась. Выделим следующие три группы побуждений.

А. Врожденная ориентировочная реакция. Можно предположить, что именно эта реакция в определенных условиях может служить основой появления «иррационального» влечения человека к опасности, которое мы неоднократно отмечали в ходе эксперимента. «Иррациональность» здесь, безусловно, лишь кажущаяся. Само собой разумеется, коль скоро индивидуум сталкивается с объектом, мера опасности которого неизвестна, возникает необходимость построения образа этого объекта, притом именно со стороны тех его свойств, которые составляют предмет опасений. Соответствующая гностическая активность и переживается как влечение к опасности. Кроме того, здесь можно предположить, что особая эмоциональная окрашенность ориентировочно-исследовательской активности, которая придает ей характер «влечения к опасности», обусловлена тем, что под воздействием страха она теряет свой свернутый (говорят – «идеальный») характер и как бы разворачивается, приобретая форму движения, осуществляемого во внешнем плане. (В основе такого рода «экстериоризации», как можно предполагать, лежит механизм возрастной регрессии, о котором пойдет речь далее.)

«Опасен объект или нет» и «чем (и в какой мере) данный объект опасен?» Ответ на эти вопросы, в конечном счете, определяется мерой «совместимости» данного объекта с субъектом. Объект опасен – это значит, что контакт с ним чреват травмой для субъекта. В том случае, если контакт с «подозреваемым» объектом допустим без ущерба для субъекта, объект выступает как безопасный.

На этот-то критерий стихийно и ориентируется человек, выходя «один на один» с опасностью. Стремясь к потенциально угрожающему объекту, он устанавливает свою «совместимость» с этим объектом, что и символизирует для него отсутствие реальной угрозы. Как только достаточный для этой цели контакт достигнут, бывший сигнал угрозы, данный индивидууму в форме беспокойства, тревоги, страха, утрачивает свою сигнальную функцию, и опасения устраняются. «Смотри прямо страху в глаза, и страх смигнет!» – гласит русская пословица. В этом случае перед нами особый путь символического преодоления опасности, завершающийся, в случае благоприятного исхода, эффектом освобождения от переживания угрозы.

Этот эффект может быть отнесен к категории эмоциональных реакций, сходных с катарсисом – особой эмоциональной разрядкой, переживаемой как «очищение» от неблагоприятных аффективных фиксаций. В дальнейшем, имея в виду эмоциональные реакции, возникающие вследствие преодоления опасности, условно мы будем говорить о «катарсисе». Однако столкновение с угрожающим объектом в действительности может иметь двойкий исход: один из них – только что обозначенный (катарсис), другой – «фрустрация». Термин «фрустрация» здесь используется в достаточно широком смысле: для обозначения факта неблагоприятия вообще как результат предпринятого действия.

Как можно видеть, активность навстречу опасности, на первый взгляд кажущаяся «вполне адаптивной», ибо она решает полезную задачу ориентировки в свойствах потенциально опасного объекта, в действительности выявляет всю противоречивость истолкования поведения в духе постулата сообразности. Ведь адаптивные интересы здесь как бы вступают в противоречие с собой, смыкаются с противоположной исследовательской направленностью индивидуума, имеющей открытый, по существу «неадаптивный» характер. Атрибутом подобной гностической активности является принципиальная непредсказуемость исхода предпринимаемых действий – их возможный (и заведомо неизвестный) позитивный или негативный исход. Заметим, что как переживание фрустрации, так и катарсис в генетически ранних формах не предзаданы индивидууму в виде избегаемого или потребного аффективного состояния. В своих первоначальных формах они представляют собой сопутствующий эффект произведенного действия (катарсис – «оплату»; фрустрация – «расплату» за приобретенное знание).

Так, чисто метафорически, рыбу, сорвавшуюся с крючка, можно было бы вообразить испытывающей катарсис, однако на крючке-то она оказалась по другой причине, отнюдь не по тому, что ей «захотелось» пережить аффект «преодоления», но в силу того, что у нее были другие побуждения (поиск пищи).

Фрустрация и катарсис как бы возвышаются над предшествующими гомеостатическими, гедонистическими и прагматическими интересами, являясь результатом того, что произошло незапланированно, и лишь впоследствии начинают функционировать в качестве возможных мотивов деятельности субъекта. Так, если прежде, в результате встречи с опасностью, была пережита травма (фрустрация), то очевидным образом снижается вероятность того, что в аналогичных ситуациях индивидуум станет осуществлять развернутую ориентировку в свойствах угрожающего объекта. Вместо побуждения к построению образа потенциально угрожающего объекта у него будет возникать парализующий действие страх (одна из реакций, внесенных в «рубрику» реакций избегания опасности). Но если фактический исход тогдашнего действия – катарсис, преодоление страха – то вероятность активных действий в районе опасности растет (влечение к опасности скорее разрешается риском, чем уходом от риска).

Б. *«Жажда острых ощущений» как побуждение, обусловленное опытом преодоления опасности.* Данное побуждение (о нем еще иногда говорят: «вкус к риску») есть ожидание катарсиса и вместе с тем тенденция к воспроизводству пережитого. Если в борьбе со страхом преимущества на стороне потребности в острых ощущениях и если тенденция к риску не будет заторможена со стороны ценностей осторожного поведения, то проявляется склонность к «бескорыстному» риску.

Напрашивается вопрос: если катарсис – разновидность наслаждения, а риск есть способ достижения катарсиса, то может ли феномен «бескорыстного» риска рассматриваться как аргумент против гедонистических концепций поведения? Не стремятся ли рискующие испытуемые к наслаждению? Не потребность ли в наслаждении побуждает к риску? В ответ можно сказать следующее: да, действительно, рискующие могут стремиться к наслаждению, и эта потребность может создавать дополнительные побуждения к риску. Однако суть нашей критики идеологии гедонизма не в том, что мы пытаемся упразднить стремление к наслаждению, а в том, что ограничиваем объяснительные возможности принципа, возводящего наслаждение в ранг руководящей ценности.

Действительно, следует ли считать потребность в наслаждении и потребность избегания страдания достаточными условиями для объяснения стремления к риску? Если бы индивидуум стремился только к тому, чтобы удовлетворить свою потребность в наслаждении, то он стремился бы к повышению вероятности этого наслаждения, то есть исключал возможность противоположного исхода. Но тут-то и открывается несводимость потребности в катарсисе к потребности в наслаждении. Потребность в катарсисе – нечто большее. Ведь достичь состояния катарсиса можно только тогда, когда вероятность его достижения не слишком велика, а, точнее, уравнивается с возможностью не достижения желанно-

го состояния, то есть возможностью возникновения противоположного исхода опыта – фрустрации. Здесь – и коренное отличие потребности в катарсисе и соответствующих ей действий, от потребности в осторожности, вызванной страхом. Различается адаптивный статус этих потребностей. Страх – ограничитель развития деятельности, глубоко адаптивное побуждение, предотвращающее порождение инноваций опыта. Действовать, руководствуясь страхом, значит осуществлять только такие шаги, в которых минимизируется возможность непредсказуемого исхода действия (ведь он может оказаться неблагоприятным!). Страх принуждает ограничиваться пределами освоенного, познанного. Возникнув как неадаптивный исход опыта, своего рода гедонистический «минус», страх побуждает адаптироваться к среде, становясь главным «идеологом» той картины мира, основу которой образует постулат сообразности.

Совсем другую роль в жизнедеятельности играет побуждение к риску, также неадаптивное по происхождению. Рождаясь как «незапланированный» гедонистический «плюс», оно ведет действие дальше, расширяет горизонты активности и вновь обнаруживает феномен несводимости человеческой деятельности к поддержанию адаптивных отношений с миром.

Парадоксальное единство адаптивного и неадаптивного отношения к действительности обнаруживает себя в том, что стремясь к катарсису, индивидум формирует такую ситуацию, где возможность противоположного исхода (фрустрации) уравнивается с вероятностью достижения побуждающей действия цели (то есть с вероятностью возникновения самого катарсиса). Понятно, что действие, предпочтение которого основано на возможности недостижения реализуемой в нем цели, не может быть отнесено к разряду адаптивных.

В. Ценностно-обусловленное стремление к опасности. Здесь перед нами то, что может быть названо «ценностью» риска: социальные установки, диктующие предпочтительность рискованных действий в противоположность осторожным в некоторой произвольной ситуации выбора («Риск – благородное дело» и т.п.).

Итак, могут быть выделены как побуждения, отталкивающие от опасности (реакции избегания), так и побуждения навстречу угрозе (реакции стремления к опасности). Взаимодействие между этими тенденциями в одном случае склоняет человека к осторожному поведению, а в другом – предпринимает рискованный способ действия.

Остается неясным, сосуществуют ли эти тенденции (принадлежащие различным категориям и уровням реагирования) одновременно и при этом относительно автономно друг от друга или «высшие» как бы поглощают «низшие». Сосуществование и противоборство означало бы, например, возможность таких оппозиций: оборонительный рефлекс ↔ жажда острых ощущений ↔ ценность риска и т.п.

Все-таки более оправданной нам представляется другая гипотетическая модель принятия решения в ситуации потенциальной опасности – назовем ее моделью «восходящего движения к риску» или «восхождения к риску» (см. рис. 6.1).

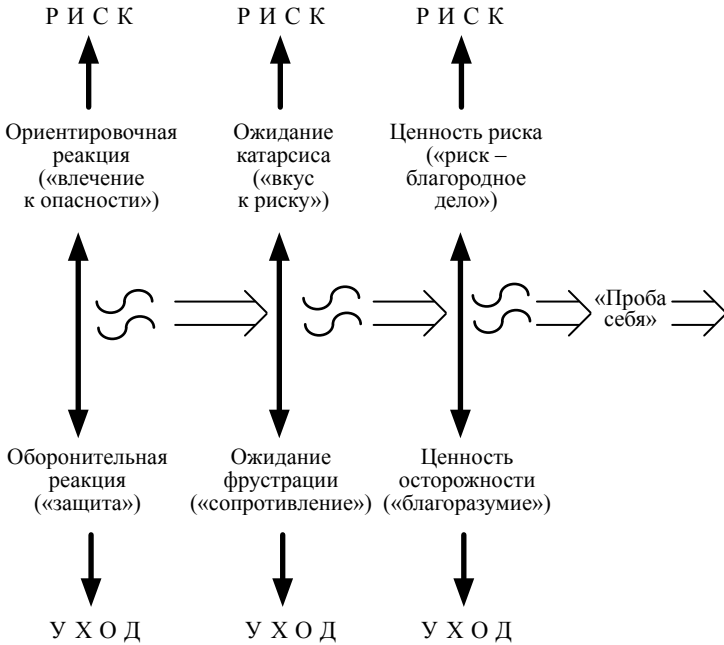

Рис. 6.1. Модель восхождения к риску (Петровский В.А., 1992)

В этой иерархически организованной модели активности адаптивному импульсу к бегству на каждом уровне восхождения (врожденные реакции, индивидуально-приобретенные, ценностно-обусловленные) противостоит неадаптивный «порыв» к опасности. Победа «адаптивного» над «неадаптивным» импульсом приводит к отказу от риска. Когда же верх одерживает неадаптивная тенденция – субъект рискует.

Последовательно выявляющееся доминирование оборонительной реакции над ориентировочной, страха перед фрустрацией над предвосхищением катарсиса, ценности благоразумия над ценностью риска – обуславливают отказ от риска. Противоположное соотношение (которое также может раскрываться «пошагово») последовательно выступает как фактор риска. Но эти тенденции могут быть и уравнены по «силе». Заметим, что такое «уравнивание» весьма возможно в силу действия механизма «самоподражания»: чем более угрожающими представляются

ся последствия рискованных действий, тем интенсивнее переживание страха («отталкивание») и в то же время тем крепче спаяны мысленный выход и выход действенный в зону риска («притяжение» к опасности). Это и есть ограничение защитных тенденций «изнутри», о котором мы говорили выше. Когда различия между силами «отталкивания» и «притяжения» стираются, то выбор вариантов поведения оказывается, естественно, затрудненным.

В этом случае анализируются побуждения, соответствующие более высокому уровню «восхождения». Так, при неопределенной угрозе баланс между оборонительной и ориентировочной реакциями индивидуума (поддерживаемый, возможно, механизмом самоподражания) служит фактором «включения» более высокого уровня регуляции поведения, отвечающего индивидуальному опыту субъекта. Затронутыми здесь оказываются страх перед фрустрацией и предвосхищение катарсиса («жажда острых ощущений»). В случае баланса между указанными тенденциями актуализируется ценностный уровень регуляции поведения, обусловленный усвоением социального опыта. Индивид при этом пытается в социальных ценностях найти опору для принятия и осуществления решения.

Волевой акт вообще предполагает поиск дополнительных побудителей действия (Иванников, 1985, с. 47–55), в данном случае аргументов «за» и «против», относящихся как к поддержке, так и к отклонению побуждения к риску. Потребность пережить катарсис тогда находит опору в ценностях преодоления трудностей, бесстрашия и т.п., а страх – в соображениях здравого смысла и благоразумия. Принятие риска, равно как и отказ от него представляют собой акты, в которых проявляется воля; ведь в обоих случаях необходимо преодоление конкурентного побуждения.

Преобладание ценностей риска над ценностями благоразумия выступает в форме активно-неадаптивного действия; противоположное соотношение – в гарантирующем сохранение *status quo* отказе от риска как «неоправданной авантюры». Здесь следует особо отметить, что ценности риска (по крайней мере в европейской культуре) всегда сочетаются с ценностями осторожного поведения, иначе говоря, ценности риска не функционируют в виде всеобщих норм. По-видимому, так же, как ценности благоразумия, осторожности, они не могут быть «положены» в качестве всеобщих норм ни в одном обществе (хотя, безусловно, здесь есть и свои культурно-исторические особенности).

В связи с этим особый интерес представляет случай возможного уравнивания ценностей стимулирования как осторожного, так и рискованного поведения. В этом случае испытуемый может прибегнуть к выполнению совершенно особого действия, призванного преодолеть

саму невозможность выбора, что составляет высший уровень проявления активности в ситуации потенциальной угрозы.

Суть происходящего заключается в том, что человек испытывает саму способность осуществить выбор в ситуации существующих ограничений свободы выбора, то есть в такой ситуации, когда свобода выбора ограничена его собственными противоречивыми побуждениями к действию. И тогда обоснование своей способности осуществить выбор превращается для него в особую задачу самопознания.

Но что значит проверить и обосновать свою способность осуществить выбор – именно **выбор**, а не что-то другое? Это значит – убедиться в своей способности реализовать каждую из альтернатив. Поэтому, в частности, отказ от риска означал бы, что индивидуум не справился с решением этой внутренней задачи.

Кроме того, оценка своей способности осуществить волевой акт предпочтения, представляющая собой своеобразную «пробу себя», не может быть выполнена только во внутреннем плане: акт пробы себя осуществляется не «про себя», не «в уме». Только реально осуществляемое рискованное действие может быть для него аргументом в решении задачи самопознания, порождения себя как субъекта.

При анализе переживаний и поведения людей в ситуации социального запрета могут быть выделены те же варианты «импульсов», отталкивающих от осуществления запрещенного действия и подстегивающих к нему, что и в случае столкновения человека с объектом, представляющим некоторую непосредственную возможную угрозу для него. Так, влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности в том отношении, что оба представляют собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом – неопределенных последствий какого-либо запрещенного действия и т.п.

Общность данных форм реагирования объясняется тем, что запрет представляет собой символ некоторого потенциально угрожающего объекта (таким объектом, в частности, может быть и человек как источник негативных санкций).

Есть еще один ранее не рассмотренный источник, детерминирующий влечение к опасной черте, который рельефнее проявляет себя в ситуации социального запрета (без разъяснения причин, по которым «нельзя»). Суть в том, что *подчиниться* запрету подразумевает необходимость *мысленно* преступить запрет.

Попробуем провести небольшой опыт. Пусть читающий эти строки постарается в точности выполнить следующую инструкцию. Она, возможно, покажется Вам очень простой: «Сосчитайте до семи и постарайтесь десять секунд после того, как вы сказали “семь”, НЕ МОРГАТЬ! Если Вы хорошо поняли инструкцию, начали!..

.....
...получилось?» Теперь согласимся, что для того, чтобы выполнить это требование, Вам необходимо было сначала представить запрещенное действие. Согласимся также и с тем, что до того, как Вам был предъявлен запрет, Вы не замечали, что время от времени делали то, что вдруг оказалось запретным. Наконец, можно предположить, что у кого-то из читателей в течение этих десяти секунд появилось побуждение нарушить запрет, хотя это и не является сколько-нибудь необходимым согласно естественному ритму данного произвольного движения.

Вето на действие не может не вызвать представления, мысленного проигрывания запрещенного действия, иначе запрет будет нарушен! Для того чтобы физически, наяву, не осуществить какое-то действие, необходимо осуществить это действие мысленно – хотя бы вчерне...

Предположим теперь, что нарушение запрета, как представляется человеку, может быть связано с весьма неблагоприятными для него последствиями, мысленное проигрывание запрещенного действия в этом случае включает в себя также и образ возможного их результата, то есть включает в себя предвосхищение возможного неблагоприятного эффекта этого действия. В результате у человека рождаются опасения, тревоги, а они в свою очередь, как можно предположить, пробуждают действие особого механизма, который может быть назван механизмом «самоподражания».

О том, что образ может руководить движением, известно очень давно: с тех пор, как стали известны так называемые идеомоторные реакции. Сделав из небольшого груза и нитки маятник, легко проверить это, повторив опыт Шевреля. Удерживая нитку в руке и закрыв глаза, следует только в течение некоторого времени представлять себе круг – и груз будет двигаться по кругу и т.п. «Движение присущее образу, содержится в нем, – писал Рибо. – Знаменитый опыт с маятником Шевреля может считаться типичным. Нужно ли приводить другие?»

Возьмем для примера людей, бросающихся в пропасть из страха упасть в нее, ранивших себя бритвой из опасений пораниться; возьмем “чтение мыслей”, которое есть не что иное, как “чтение” мускульных состояний, и массу других фактов, прославивших необычайными только потому, что публике неизвестен элементарный факт, что всякий образ содержит стремление к движению» (Рибо, 1976, с. 89).

При всей «элементарности» данного факта, во всем ходе рассуждений Рибо остается, однако, какая-то недоговоренность. Если каждый образ и включает в себя элемент движения, то все-таки необходимо согласиться с тем, что последний может сохранить себя в виде лишь возможности движения, не превращающейся в исток (или росток) ре-

ального движения, прорывающегося вовне. В противном случае (то есть если бы каждый образ непосредственно переходил в движение) человеческое тело было бы обуреваемо сонмом импульсов, внутренне не связанных между собой и переживаемых в виде неупорядоченных, лишенных какой-либо логики побуждений (нечто подобное происходит и при так называемом «полевом поведении», которое наблюдается в детстве, а также у взрослых при поражении лобных долей мозга) (Лурья, 1962).

Не исключено, что только те представления, которые активно «проигрываются» индивидом, являясь объектом мысли, заключают в себе импульс действия, «заряжены действием». Этот взгляд согласуется и с позицией Иммануила Канта, который со всей определенностью подчеркнул глубокую связь, существующую между мысленным образом предмета и действием, утверждая, что нельзя мыслить о линии, не проводя ее. В этом, надо думать, и есть корень того, что образ может переходить в действие. Но он для этого должен быть проигрываемым в голове, то есть быть образом именно мысленным. Тогда становится понятным условие возникновения соответствующего внешнего движения (или побуждения к нему): движение, реально осуществляемое индивидом во внутреннем плане, может рассматриваться как исток движения, осуществляемого вовне (тенденция к последнему может переживаться как побуждение или стремление к действию).

Но и это – еще не окончательное решение проблемы. Ведь далеко не любой образ, составляющий содержание активного представления, выражает себя в реальном движении тела. В маятнике Шевреля эффект повторения во внешнем действии действия внутреннего достигается за счет того, что испытуемый лишен возможности осуществлять зрительный контроль за производимым действием. Здесь, кстати, нет и никакого **выбора** действия, постановки какой-либо цели. Далеко не все то, что рисуется в воображении (или, если воспользоваться термином Дж. Мида – «репетируется» в воображении), проигрывается наяву. На то и существует, согласно Миду, воображение, чтобы, воображая что-либо, то есть, проигрывая альтернативные варианты действия, производить впоследствии выбор, предпочитать одни и отбрасывать другие – те, что не представляются годными. Почему же все-таки некоторые «репетиции» оказываются роковыми: высвобождают заключенный в образе «заряд» движения? Дорого заплатил гоголевский Фома за то, что не смог сдержаться и взглянул на Вяя! Фома не смог не выполнить наяву то, что проделал в мысли, услышав настоятельный совет «не смотри!» – посмотрел.

Парадокс остается парадоксом: почему так непросто противопоставить «иррациональным импульсам», коль скоро они возникают, «разумную волю»? Нам представляется, что одним из возможных здесь

факторов является страх (определенная степень страха – беспокойство, тревога и т.д.). Он-то как раз и возникает при «проигрывании» воображаемых последствий опасного или запрещенного действия. В этих условиях мысленный образ рискованного действия превращается в действующую причину реального движения навстречу опасности (разумеется, и здесь нужно иметь в виду, что эта причина может проявиться вовне, обнаружить свое действие лишь при определенных условиях; но главное, как мы увидим, заключается в том, что на саму способность субъекта ограждать себя от «иррациональных» импульсов влечения к опасности как бы изнутри накладывается ограничение). Чем же все-таки можно объяснить «заряженность» образа опасного или возбуждаемого действия движением?

Мы связываем этот факт с тенденцией регрессии возраста, которая может проявляться в условиях, заключающих в себе элемент реальной или гипотетической угрозы.

Известно, что в ситуации повышенной опасности, угрозы люди стремятся быть рядом друг с другом, при этом единообразие их поведения растет, иначе говоря, увеличивается тенденция межличностного подражания. Не включается ли тот же самый механизм в ситуации реальной или воображаемой опасности, когда испытуемый в идеальном плане проигрывает варианты рискованных действий? В этом случае у взрослых могут пробуждаться «детские» подражательные формы поведения. Дети, в отличие от взрослых, с трудом дифференцируют мысль и действие; мысленное исполнение ребенком запрещенного действия поэтому часто превращается в нарушение запрета (не надо считать, что ребенок поступает так «в знак протеста», «из злого умысла» или «проявляет негативизм» – просто для того, чтобы освоить запрет, ребенок должен многократно нарушить его). Если сказанное верно – а здесь, конечно, необходима эмпирическая проверка, – то в круг побуждений в ситуации запрета должен быть введен и особый механизм «самоподражания»: подражания мысли действием как своего рода катализатор активности субъекта навстречу возможной угрозе (к понятию «самоподражания» мы еще вернемся на страницах этой книги).

Остановимся теперь на других формах проявления надситуативной активности как процесса «разведки боем» своих возможностей, которые раскрываются в деятельности и ведут ее за собой.

Мотив границы

Идея границы, представленная в логико-философском и экзистенциально-феноменологическом направлениях научной мысли, только в последние годы приобретает своих сторонников и статус значимого ориен-

тира экспериментально-психологических и практико-ориентированных исследований⁹. Для российской психологической мысли запоздалое принятие этой проблемы как заслуживающей внимания – нонсенс. Разве не парадоксально, что в России, подарившей миру культурно-историческую теорию развития высших психических функций Выготского и общепсихологическую концепцию деятельности Леонтьева, практически отсутствуют разработки, в которых сходятся воедино *знак* как инструмент поведения и сознания, и *предмет* как основание деятельности? Но именно «граница» могла бы быть одной из таких проблем, ибо в ней сходятся – или могли бы сойтись! – семиотический и деятельностный подходы, интерес к знаку, и, столь же, – к предмету активности. В этой работе речь идет о знаке и мотиве границы, которые в своем единстве образуют то, что может быть названо «идеей границы».

Почему мы говорим об *идее границы*? Ведь вместо этого можно было бы использовать такие термины, как «представление», «понятие», «категория»; они и более привычны и менее притязательны!

Смысл обращения к слову «идея» определяется ее особой, не всегда ясно осознаваемой исследователями, системообразующей ролью: быть средством интеграции («сборки») значений, которые исторически складываются и постепенно группируются вокруг некоторого «носителя» этой идеи, – *термина*, имеющего, таким образом, свою жизнь в культуре.

Что представляют собой многообразные исторически и, возможно, логически «движущиеся» значения, зашифрованные в термине «граница»?

Анализ работ логико-философского направления исследований¹⁰ позволяет выделить некоторые исходные значения, которые мыслители, начиная уже с Аристотеля, принимали в качестве определяющих термин «граница». В творениях античных философов эти значения таковы: «предел вещи», «причинность движения», «возможность (в качестве

⁹ Положение меняется. Появляются статьи (и планируются монографии) психологов, посвященные проблеме границы. Так, заслуживает особого анализа фундаментальная работа В.К. Калининко, посвященная проблеме «границы» (о масштабе ведущегося исследования можно судить по его статье в Ежеквартальном журнале электронных публикаций (основанном в 2000 г. Институтом практической психологии и психоанализа) «Границы в культуре и культура на границах» // Журнал практической психологии и психоанализа. 1 марта 2008: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20080108>

¹⁰ Анализ обширной литературы по этой проблеме представлен в выполненной под нашим руководством кандидатской диссертации М.А. Ишковой «Феномен границы в детерминации активности ребенка» (Ишкова, 1998). В данной главе мы используем также данные эмпирического исследования, представленные в ее диссертации.

конечной причины)» и др. В трудах представителей немецкой классической философии «граница» есть внутренняя характеристика сознания, соотносящая Я и «реальность». Так, И.Г. Фихте усматривает в границе первопричину деятельности Я, – выход из сферы Я вовне, к не-Я; формулируется капитальное положение о том, что в границе содержится «причинность» («толчок движения»), при этом Я само «полагает» границу и произвольно ее перемещает, – граница движется!

Опорная для нас идея причинности границы находит свое глубокое развитие у Г. Гегеля, который видит в границе источник движения; этот источник – заключенное в ней противоречие. Обращаясь к границе как изначально содержащей в себе противоречие, заставляющее «нечто» и «иное» взаимодействовать между собой, Г. Гегель трактует границу как «общность всякого нечто со своим иным».

Для нас существенно, что граница раскрывается Г. Гегелем как то, что заключает в себе не одно, а несколько как бы перетекающих друг в друга значений, – таких как *предел, переход, связь* («предел» есть *собственная* граница нечто, «прекращение в нем иного», качественное его отрицание; «переход» – снимает различия между «нечто» и «иным»; «связь» знаменует общность «нечто» и «иного», «содержит в себе *идеально*» эти моменты). Впервые именно Г. Гегель, сохраняя в дальнейшем не только первенство, но и единственность, обращается к идее границы в качестве ключевой при интерпретации категории «развития», берущейся глобально, вообще, – применительно к бытию и мышлению в равной мере (Гегель, 1972).

В последующих работах философско-логического направления идея границы специфицируется при анализе *активности субъекта*.

В первую очередь речь здесь идет о работах М.М. Бахтина. Одной из центральных идей его философии является «над-бытие» (сознание). Важнейшие акты, конституирующие сознание, определяются отношением его к другому сознанию – «ты». Граница, для М.М. Бахтина, есть локус «*несовпадения субъекта с самим собой*», что является одной из ведущих сил активности самополагания (Бахтин, 1975). Кроме того, по М.М. Бахтину, не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, «*на пороге*», порождает развитие Я, переживается им и определяет его сущность. Активность, таким образом, не разделена строго на внешнюю и внутреннюю для самого субъекта, поскольку для последнего, в сущности, не существует границы. Ведь все увиденное в качестве «внешнего», говорит М.М. Бахтин, тот час превращается во внутреннее состояние Я, становится моментом Я изнутри, порождая несовпадение Я с самим собой, что переживается и определяется активностью самого субъекта. Так возникает неисчерпаемость, безграничность субъекта, состоящая не в отсутствии границ как таковых, а в их подвижности, временности.

Точка зрения М.М. Бахтина может быть соотнесена с трактовкой «границы» в трудах С.Л. Рубинштейна (не выделяющего «границу», впрочем, в качестве специального предмета рассмотрения). Из анализа текстов С.Л. Рубинштейна следует, что термин «граница» выступает для него в значении *предела* и указывает на факт несовпадения между тем, что дано эксплицитно в познании, и тем, что содержится в нем имплицитно (последнее включает в себя содержание, «бесконечно выходящее за пределы» опосредованно познанного). Иными словами, «граница» здесь есть *условная (внутренняя) грань* между явленным и еще не выявленным. Подчеркивая важность этой грани для понимания действия субъекта, С.Л. Рубинштейн, в то же время, не отмечает ее самоценности как побудителя активности: «граница» для него есть, прежде всего, *препятствие* на пути постигающего действия, что и определяет ее функцию.

В рамках *экзистенциально-феноменологического* направления исследований, термин «граница», хотя и раскрывается неоднозначно, но используется всеми авторами в контексте рассмотрения природы трансценденции, выхода человека за пределы себя (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.).

Идея «граница» была представлена в работах *гуманистически ориентированной психологии и психотерапии*, являющейся, по своим философско-онтологическим основаниям, частью экзистенциально-феноменологических разработок. В работах К. Роджерса «граница» определяется как *снимаемый* в ходе развития личности *предел*, стимулирующий «мотивацию личности к изменению». По сути, речь здесь идет о границе в значении *перехода*, имеющего творческий характер, и, таким образом, граница – имманентное условие самореализации личности. Для В. Франкла «граница» есть, прежде всего, «ограничение обстоятельствами», иначе говоря, *внешнее ограничение* поведения. Вместе с тем для В. Франкла граница – не абсолют, граница – преодолеваема *идеально*, посредством нахождения смысла, граница являет собой условие открытия человеком своих высших ценностей («ценностей отношения»). В работах Р.Д. Лэнга «граница», заключая в себе множество ипостасей (граница между «Я» и «Ты», «разумом» и «телом», «психическим» и «физическим» и т.п.), во всех случаях есть то, что является *определением* (в этом контексте уместно сказать – «*определиванием*») реальности. В функции *ориентира* для действий субъекта «граница» сопричастна рождению личности: «чувствование» этой границы порождает переживание «самообоснованности», что составляет черту «онтологически уверенной» личности.

Особым образом идея границы раскрывается в *психологических исследованиях*. Первым вводит «границу» в свои теоретические размышления К. Левин. «Граница» в его теории выступает в значении *раз-*

дела областей «психологического поля» индивида – поля реализации его возможностей в данном жизненном пространстве. За этим пониманием угадывается собственно топологическое определение.

Мы напомним читателю, как определяется «граница» в топологии. «Множество всех граничных точек множества A называют границей этого множества»; а «граничные точки» определяются через понятие «точки прикосновения». «Граничная точка» множества A есть точка прикосновения двух множеств: A и дополнительного к нему множества sA (Бурбаки, 1966, с. 26). В данном случае, у нас есть удобный повод воспользоваться тем, что у Н. Бурбаки называется «вольностью речи» (Бурбаки, 1965, с. 21). Имея в виду точки прикосновения множества A и дополнительного к нему множества sA , автор(ы) трактата, посвященного основаниям математики, говорят о *сколь угодно близости* к ним точек A и sA . Конечно, «вольность речи», как всегда у Бурбаки, подразумевает возможность строгого определения (оно формулируется с привлечением понятия «окрестность»: *«Говорят, что x есть точка прикосновения множества A в топологическом пространстве X , если всякая ее окрестность пересекает A »* (там же, с. 25). Но при таком (формальном) подходе отчасти теряется не совсем удобная для математиков идея движения, содержащаяся в понятии «точки прикосновения» (и, соответственно, «граничная точка»); идея бесконечного *приближения* замещается статическими определениями; ведь даже динамичное слово «пересекает» в теории множеств не нуждается в опоре на образ движения. Между тем, словосочетание «сколь угодно близкое» заключает в себе отчетливо динамический смысл. Напрашивается параллель с М. Хайдеггером, согласно которому «суть близи» состоит в том, чтобы *близиться*.

Для психологов, имеющих дело с феноменом границы, это принципиально: в идее границы заложено движение, импульс «прикосновения» к пределу (и выхода за предел).

У К. Левина функция границы заключается не только в том, что последняя изолирует одну область «психологического поля» от другого, но и в том, что она обеспечивает связь между соседними областями. Осуществление необходимой «связи» берет на себя «сенсомоторная пограничная зона» («раздел» между средой и индивидом, сообщающий их друг с другом в процессах восприятия и исполнения). «Прочность» границы определяется такими характеристиками пространственно различных областей, как их «напряженность» (детерминированность «давлением» потребностей момента) и «близость к Я» (число областей, отделяющих данную область от Я).

Идея существования «пограничной зоны» (в более широком значении, чем только «сенсомоторная») становится ведущей в современных «гештальт-ориентированных» разработках; в частности, эта идея вопло-

щается в представлениях о «границе контакта» – месте двустороннего опыта «организм–среда» (Ф.С. Перлс, Ж.М. Робин, И. Фромм и их продолжатели).

Термин «граница» и его многообразные значения присутствуют в ряде психологических и культурологических работ, представляющих существенный интерес при обсуждении проблем психологии личности: таковы представления А. Вайнштейна о границе как «фиксаторе правил», выход за которые – «правило жизни» (см. *Ишкова*, 1998); развернутая типология границ в «психологии свободы» (*Кузьмина*, 1994); «граница» как «раздел смысловых пространств» (*Лотман*, 1970); трактовка границы как ограничения в процессе собственного мышления (*Корнилова*, 1994) и др. Эти значимые для развития психологической мысли работы явным образом не выражают идею границы как движущего начала активности, хотя, несомненно, и подготавливают такой взгляд.

«Философия границы», таким образом, в психологических исследованиях оказывается реализованной лишь частично. Требуется особая работа по эмпирическому обоснованию идеи границы как источника (мотива) активности.

Очевидно, что «мотив границы», если он существует, представляет собой особое побуждение, которое может быть отделено от ситуативно-заданных побуждений; что это гипотетическое побуждение «избыточно» по отношению к целям, продиктованным ситуацией.

В этом контексте представляет особый интерес существующие попытки объяснить феномен «избыточности» в психологии мотивации. «Избыточную активность» интерпретируют в связи с «экзистенциальными ориентациями» личности (гуманистическая психология), переживанием своих возможностей индивидом (концепция самоутверждения де Чармса), «мотивацией действенности» (концепция интринсивной мотивации Р. Уайта и др.); чувством наслаждения (теория «потока» Чиксентмихайи); причины такого поведения усматривают в когнитивной сфере (исследования казуальной атрибуции). Отмечаются также исследования, в которых акцент падает на привлекательность ожидаемых последствий действия: самоподкрепление как средство саморегуляции (*Скиннер*, 1953; *Канфер*, 1970), самомотивация как результат самооценочных эмоций (*Бандура*, 1976), «мотивация действенности» (*White*, 1959), «чувство собственной эффективности» (*DeCharms*, 1968), мотивации достижения (*McClelland et al.*, 1953)¹¹.

¹¹ Рассматривая различные концепции «интринсивной мотивации», Х. Хекхаузен предлагает свою, в которой «интринсивно мотивированным действие является в том случае, когда средство (действие) и его польза (цель действия) тематически связаны друг с другом; иными словами, когда цель тематически однородна с действием, так что последнее осуществляется ради своего собственного содержания» (*Хекхаузен*, 1986, т. 2, с. 239). Нам близок этот взгляд. В 1971 г. мы впервые загово-

При всей значимости этих идей, нельзя не отметить, что основные концепции в психологии мотивации затрагивали проблему границы лишь косвенно. Впервые гипотеза о существовании особого мотива границы была высказана автором в 1990 г. (но исследования, в которых была представлена тема границы как побудителя поведения, проводились нами за 20 лет до этого, начиная с 1970 г.). Определяя «*активность вообще*» как «тенденцию к снятию *внутренних ограничений* деятельности», мы отмечали, что данная тенденция, первоначально представленная в деятельности «в качестве ее скрытой динамической стороны», способна обособляться в «самостоятельную деятельность субъекта» (Петровский В.А., 1974а, б). В развитие этой мысли формулируется гипотеза о существовании *мотива границы* – стремления субъекта пережить свое бытие на границе.

Предполагается, что «мотив границы» проявляется в самых различных сферах человеческой жизни: в познании (здесь притягательна граница между известным и неизвестным), творчестве (побуждает граница между возможным и действительным), риске (граница между благополучием и угрозой существованию), игре (граница между воображаемым и реальным), межличностном общении (граница между открытостью другим и защищенностью от них) (Петровский В.А., 1990). Полагаем, что побудительность границы *как таковой* объясняет феномены трансгрессии. Под этим термином польский исследователь Ю. Козелецкий имеет в виду стремление человека перейти границу, «страсть к преодолению границ» (Козелецкий, 1991). Вопрос в том, откуда берется страсть? В чем суть побудительной силы границы *per se*?

Кажется естественным предположить, что, сталкиваясь с границей, мы хотим составить представление о том, *что* нас ограничивает, – «очертить границу». Определяя, очерчивая для себя границу, мы неизбежно выходим (в действии или мысли) за границу очерчиваемого. Мы долж-

рили о различиях между инструментальной (прагматической) и самоценной (далее она приобретала разные имена: «бескорыстная», «ради себя самой», «квазипрагматическая», «надситуативная», «активно-неадаптивная, в форме устремлений») активностью. В 1975 г. были обобщены и опубликованы исследования активности как «действия над порогом ситуативной необходимости», а в 1976 г. на Парижском Конгрессе психологов был принят доклад автора о «надситуативной деятельности», источником которой является переживание «могу», возникшее в данной деятельности, и продвигающее ее вперед. Идея «надситуативности» включала в себя идею «не-инструментальности» по отношению к какой-либо иной деятельности, чем данная. Отметим, что мы распространили идею непрагматизма не только на те виды активности, где индивид поддается потоку, испытывает радость, свободно выражает себя и т.п. («сверхситуативные» действия). В поле нашего зрения оказались испытания, не сопровождаемые радужными планами и радостными эмоциями – «контрситуативная активность».

ны взглянуть на нее как бы извне. Иначе говоря, мы не можем ощутить, понять, осмыслить границу, пока не окажемся по ту сторону ограничительной черты. Переживаемое нами «влечение к границе» определяется, таким образом, объективными («предметными») свойствами самой границы (*там же*).

Ситуация социального запрета так же, как и ситуация встречи субъекта с объектом, воспринимаемым в качестве потенциально угрожающего (*Петровский В.А.*, 1975), может вызвать усиление исходного, уже имеющегося у индивида, побуждения к действию («Запретный плод сладок»¹²) или провоцировать независимую от исходной мотивации тенденцию осуществления запрещенных действий¹³. Герой знаменитой сказки Шарля Перро «Синяя Борода», строго-настрого требовал от своих жен не пытаться открыть дверь в потайную комнату, и ни одна из них не могла справиться с искушением...

Разумеется, необходимо эмпирически обосновать этот мысленный эксперимент, проверяя не только гипотезу о существовании мотива границы, но и прослеживая истоки этой тенденции, если она действительно существует.

В экспериментах с маленькими детьми (дипломная работа Е.И. Кузьминой¹⁴), мы пытались создать ситуацию, в которой, без каких-либо разъяснений, детям запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половину комнаты от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. В обеих группах наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли убедиться дети, пробегая по комнате вдоль и поперек до введения запрета, ничего интересного не было (она была пуста), а в «разрешенной» половине комнаты находились игрушки и даже рояль, на котором дети могли беспрепятственно «музыцировать». Младшие дети выбегали за запрещенную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали: выходить или нет, а потом, все-таки, отказывались переступить через разделительную черту. Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое «законное право» проследовать за ним. Предприняв этот «маневр», они возвращались в разрешенную часть комнаты.

¹² «Сладок» – в буквальном смысле. Это было показано в опытах Брема. Детям запрещали есть одно из нескольких лежавших перед ними пирожных. В итоге, когда детям все-таки разрешали потом попробовать это пирожное, оно оценивалось как более вкусное, чем в обычных условиях (без запрета) (*Brehm, Rosen*, 1971).

¹³ «Сладок даже булыжник, если его запретить», – говорим мы, обобщая факты, полученные нами в экспериментах, посвященных «надситуативной активности» (*Петровский В.А.*, 1975).

¹⁴ В последующие годы исследования Е.И. Кузьминой, представленные в докторской диссертации и книгах, посвящены тому, что в ее работах обозначается как «психология свободы» (см. *Кузьмина*, 1994).

При анализе переживаний и поведения людей в ситуации социального запрета могут быть выделены те же варианты «импульсов», отталкивающих от осуществления запрещенного действия и подстегивающих к нему, что и в случае столкновения человека с объектом, представляющим некоторую непосредственную возможную угрозу для него. Так, влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности в том отношении, что оба представляют собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом – неопределенных последствий какого-либо запрещенного действия и т.п.

Общность данных форм реагирования объясняется тем, что запрет представляет собой символ некоторого потенциально угрожающего объекта (таким объектом, в частности, может быть и человек как источник негативных санкций). Но реакция на запрет обладает также определенной специфичностью, заключающейся в том, что выполнение запрета требует, чтобы индивид мысленно нарушил его.

Обсуждая результаты проведенных экспериментов, показывающих, что запрет, как одна из форм предъявления границы, побуждает активность, выделим два принципа понимания побудительной ценности границы.

В основе одного из них – понимание границы как фактора усиления исходной мотивации действия; этот способ интерпретации может быть обозначен как *принцип наращивания мотивации*. Именно таким образом представляется существо взаимоотношений между побуждением к активности и границей (в трактовке воли как проявления дополнительного побуждения, обусловленного препятствием) (Симонов, 1975), в основе интерпретации феномена возрастания привлекательности «запретного плода» (Brehm, 1966; Brehm, Rosen, 1972), при введении конструкта «вкус к риску», который, согласно Ф. Робайе, указывает на наличие дополнительного к риску побуждения в условиях принятия решения, а также конструкта «граница-катализатор» (Кузьмина, 1994).

Во всех этих теоретических разработках граница трактуется, по существу, как «ситуативное ограничение» – «преграда» (Петровский В.А., 1974), что предполагает наличие побудителя активности помимо границы, а мотив преодоления границы в качестве одного из факторов общей мотивации активности; даже тогда, когда это прямо не указывается, всякий раз подразумевается, что этот мотив произведен от некоторой «первичной» мотивации, на пути которой оказывается то или иное препятствие. Иначе говоря, граница в качестве изначального и *самоценного предмета* деятельности (в терминах А.Н. Леонтьева – ее *мотива*) здесь явным образом не выделяется.

В основе другого принципа лежит понимание границы как *источника самоценной активности*. При таком понимании граница – не столько

фактор стимуляции деятельности в направлении предсуществующего мотива, сколько мотив, независимый от иных устремлений.

В связи с выделением двух оснований интерпретации роли границы в организации активности субъекта может быть поставлен вопрос о соотношении этих подходов и отмечена трудность их фактического противопоставления друг другу. Некоторые положения, вводимые авторами ранее (например, о «рефлексе свободы» – И.П. Павлов и основанной на нем «реакции преодоления» – В.П. Протопопов), не являются в достаточной мере эмпирически верифицированными для решения вопроса о том, с какого рода мотивирующим влиянием границы мы имеем здесь дело.

Примечателен тот факт, что в литературе мы сталкиваемся с примерами инверсивного соотношения между схемами эмпирического исследования и способами теоретического осмысления фактов, характеризующих мотивирующую роль границы. Например, отмеченные в этой главе *факты*, полученные в дипломной работе Е.И. Кузьминой, – «феномен Синеи Бороды», о котором было сказано выше, в последующих *теоретических* разработках этого автора (рефлексивно-деятельностная концепция свободы) хотя и привлекаются к рассмотрению, но не используются как аргумент в пользу существования качественно своеобразного и автономного «мотива границы». Напротив, вводится представление о «границе-катализаторе» при общей трактовке границы в качестве препятствия (Кузьмина, 1994). Рассматриваются три исключения из этого правила: 1) «игра с границей» («освоение границы» как *мнимое* – подчеркивает автор – преодоление); 2) разновидность болезненного (измененного) состояния сознания («...Иногда бытие на грани нормы и патологии, рационального и иррационального настолько привлекательно, что надолго “затягивает” человека в маргинальное или пограничное состояние» (Кузьмина, 1994, с. 68); 3) «преодоление ради преодоления» – «в отдельных случаях», например, в подростковом возрасте. Понятно, почему, по мнению автора, перед нами, скорее, исключения из правила. Потому что «в принципе, граница преодолевается ради достижения цели за границей» (*там же*, с. 69); отличаются лишь способы преодоления.

С другой стороны, там, где в *теории*, казалось бы, присутствует идея «самоценности» выхода за пределы ограничений (теория реактивного сопротивления Дж. Брема), *факты* свидетельствуют лишь об усилении предсуществующей внешней мотивации преодоления (феномен повышения привлекательности «запретного плода»).

Трудность проблемы усугубляется тем, что в реальной жизнедеятельности человека гипотетические моменты «первичной» и «вторичной» побудительности границы, по всей видимости, переплетаются¹⁵.

¹⁵ Ранее уже было нами замечено, что «влечение к границе входит в состав сложных форм мотивации поведения» (Петровский В.А., 1990). Мы хотели бы

Феномен «Синей Бороды» побудил нас к постановке вопроса о том, как возникает мотив границы, какую роль в этом играет разделительная черта, образующая знак границы, какова возрастная динамика реакции детей на разделительную черту.

Эмпирическими референтами «*границы*» служили для нас «разграничительные стимулы», по сути, *вызовы* различного рода, такие как *рубеж двух сред, черта запрета* (внешнее и внутреннее ограничения), *раздел* (разделительная черта) как символ границы.

«*Бытие на границе*» эмпирически интерпретируется нами как центрация активности на разграничительном стимуле, обуславливающая переживание «прохождения» границы; «центрация», в свою очередь, означает здесь направленность активности на разграничительный стимул – в виде *сближения с ним, элиминации и вовлечения его в действие*.

Особое значение придается поиску эмпирических референтов понятия «мотив границы», что обусловлено, в частности, «ненаблюдаемостью» «мотивов», невозможностью непосредственно представить их «как факты действительности» (Хекхаузен, 1986). Наличие мотива границы определялось нами, исходя из соотношения числа случаев *центраций* на разграничительном стимуле и случаев *соблюдения* его, а также *игнорирования* этого стимула (испытуемые, следуя разграничительному стимулу, то есть, воспринимая его как «знак границы», чаще центрируются на нем, чем игнорируют его присутствие); принимаются в расчет также вербальные реакции испытуемых при совершении соответствующих действий (здесь и далее излагаем результаты диссертационного исследования М.В. Ишковой (Ишкова, 1998)).

Принимаем следующие *эмпирические гипотезы*:

1. Введение разграничительных стимулов (рубеж двух сред, черта запрета, раздел) обуславливает, наряду с реакциями игнорирования и соблюдения разграничения, реакции центрации на нем: сближение с разграничительным стимулом, элиминации его или вовлечение в поле собственной деятельности.

2. Существуют три формы центрации (три разновидности «мотива границы»): стремление повторно пережить аффект «прохождения» границы («мотив рубежа»); предпочтение действий, центрированных на черте запрета, осторожным действиям («мотив риска»); осмысление границы как ее преодоление («мотив обыгрывания границы»).

3. Существуют возрастные различия в способах реагирования испытуемых на разграничительные стимулы (качественное своеобразие проявлений мотива границы с возрастом).

подчеркнуть тем самым, что в составе сложных форм поведения граница не только усиливает другие побуждения, что вполне вероятно, но и обладает самостоятельным статусом, сочетаясь при этом с другими мотивами.

Формы репрезентации идеи границы. Отбирая для будущего эксперимента разграничительные стимулы, мы опирались на культурологические, семиотические, психологические исследования.

В рамках предлагаемого здесь психолого-семиотического подхода, отталкиваясь от известной трактовки «знака» в работах Ф. де Соссюра (где «знак» предстает как единство «означающего» и «означаемого»), мы предлагаем трактовку границы как *знака* особого рода. Этот знак заключает в себе динамику означающего и означаемого, – одновременную смену состояний как внутри означающего, так и внутри означаемого. К примеру, на уровне означающего, «белое» сменяется «черным», а на уровне означаемого «добро» обращается в «зло» (о событии «смена» мы говорим – «грань»); на этапе генеза этого знака – «семиозиса» (об этом дальше) – означающее и означаемое (грань 1 и грань 2) могут многократно меняться местами (см. рис. 14); допустимо считать также, что термины «означающее» и «означаемое» относятся к «граням» – в которых совершается переход состояний (см. рис. 6.2).

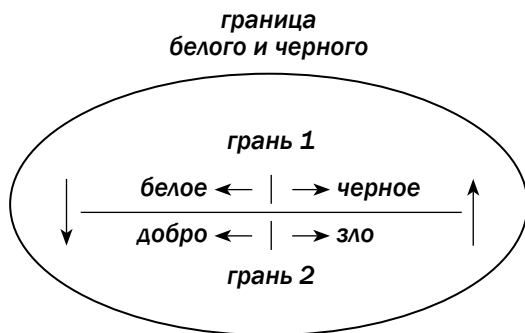

Рис. 6.2. Знак границы
(генез знака символизируют вертикальные стрелки)

Трактуя границу как сложный динамический знак, мы, таким образом, подчеркиваем его двуслойность: в противном случае перед нами было бы просто «*нечто между*»: случайная, не представляющая какого-либо значения и смысла черта, линия, след от чего-то, изгиб на поверхности и т.п.

Опираясь на знаковую трактовку границы, приходим к выводу, что существуют три основных способа «предъявить» человеку идею границы. Она может выступить для него в форме «естественного знака», «культурного знака», а также «символа» как особого знака (в последнем – через чувственное созерцание – интуитивно угадывается абстрактная идея – И. Кант, Г. Гегель, Ф. де Соссюр, Ж. Пиаже). Соответственно,

определяются разграничительные стимулы различного вида: *индикатор* раздела сред (естественный знак); *запрет* (культурный знак); *разделительная черта* (символ границы).

Формы возможного реагирования на знак границы

Предварительно могут быть выделены четыре типа реагирования человека на предъявление любого из используемых разграничительных стимулов: *игнорирование* стимула, *согласование* со стимулом (*реакции следования*), *избегание* стимула и *центрация* на стимуле.

Очевидно, что предположительно выделяемые здесь реакции центрации на разграничительном стимуле представляли для нас наибольший интерес в связи с обсуждением вопроса о существовании «мотива границы». В связи с этим особо выделяются три формы проявления реакции центрации: *сближение* со стимулом, *пересечение* его (реальное или воображаемое), *вовлечение* разграничительного стимула в свое действия (инкорпорация). Вполне допустимо, что разные типы реагирования человека могут сочетаться между собой; мы допускаем так же, что они могут быть представлены в пределах одного и того же действия.

Опишем некоторые экспериментальные ситуации и результаты исследования.

Побудительный характер естественного знака границы

В данном эксперименте разграничительный стимул был предъявлен в форме естественного знака как *рубеж двух сред*; прохождение рубежа сопровождалось переживанием смены впечатлений: «свет→темнота».

Игровая комната детского сада разделялась на две части стульчиками, расставленными поперек нее «через один» так, что намечалось два разделенных ими пространства. Ребенок находился в привычной для него обстановке – в «игровой» части комнаты. Комната была освещена, но как только ребенок проходил «сквозь» стульчики в другую часть комнаты, свет неожиданно выключался. Причина подобного «поведения» света ребенку была неясна. Таким образом, рубеж двух сред выражался двояким образом – как разграничение общего пространства стульчиками и как разграничение двух впечатлений: «свет–темнота». Другими словами, создавался *сдвоенный маркер границы* – особый знак; «означающее» этого знака, равно как и его «означаемое», заключали в себе границу (геометрический контур, в одном случае, и мгновенная смена впечатлений, в другом). Нас интересовала реакция детей на семиотический сюрприз, подготовленный экспериментатором. Станут ли они исследовать ситуацию? Будут ли моделировать причины внезапной смены впечатлений?

За этими простыми вопросами есть и более сложный вопрос, но мы еще вернемся к поставленному вопросу, обсуждая результаты исследования.

Эксперимент проводился в индивидуальной и групповой форме. Всего в эксперименте участвовало 28 детей от 3,5 до 5 лет.

В индивидуальной серии экспериментов наиболее распространенными типами реагирования были:

- *Недовольство, растерянность, разные оттенки переживания фрустрации* (в этих случаях ребенок отказывается от активных действий).
- *Поиск разгадки* (ребенок пытается установить причину неожиданной трансформации своих впечатлений).

В групповой серии эксперимента добавляется еще один тип поведения – *пассивное реагирование* (ребенок занимает позицию *наблюдателя* за действиями других детей).

Наблюдения показывают, что в определенный момент дети, включившиеся в активный поиск, «догадывались» о существовании связи между собственными действиями (переход через некий рубеж) и переживанием смены впечатлений (гаснет свет), и это, как правило, вызывало у них положительный аффективный отклик: радость, чувство удовлетворения. После этого «граница» превращалась детьми в особый «предмет», оперирование с которым интересно само по себе. Дети пытаются восстановить для себя то, что подарило им радость; они «играют» со светом, забегают за стульчики, двигают ими, садятся на них, своими действиями *обозначая* «границу», определяют ее для себя. Пребывание на границе (приближение к ней, переход, возвращение, замирание на двоянном рубеже двух сред) приобретает для них характер мотива деятельности.

Итак, уже в возрасте четырех лет дети восприимчивы к границе, активно обследуют ее, «прорисовывая» ее своими действиями. И в этой связи мы говорим о «зарождении» мотива границы (побуждения «быть на границе», «почувствовать границу»).

На зарождающийся мотив границы можно взглянуть с семиотической точки зрения. Нет ли в поведении и переживаниях детей примет особой активности, имеющей непосредственное отношение к производству знаков? Мы можем назвать эту гипотетическую активность «знакопостроением», или, в более привычном для русского уха латинском прочтении, – семиозисом¹⁶.

¹⁶ «Семиозис (греч. *sema* – знак) – термин, принятый в семиотике; обозначает «процесс интерпретации знака», или процесс порождения значения. По мысли Пирса, одного из основоположников современной семиотики, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой. Иначе говоря, знаки должны быть интерпретированы, чтобы быть знаками. Согласно Пирсу, осуществляется это

Думается, семиозис границы – подарок для тех, кто любит интеллектуальную эквилибристику. И в самом деле, есть к чему подивиться! Вначале ребенок, пересекающий условную линию в пространстве комнаты, *замечает*, что свет сменяется темнотой. Переход «свет→темнота». Граница, разделяющая и связывающая впечатления, еще не привязана к разделительной линии, и самой «разделительной линии» в сознании ребенка еще нет. Есть только вопрос «что бы это значило?», или, иначе говоря, отношение к событию смены впечатлений как знаковой форме означающего, еще неясного знака, точнее знака, означаемое которого неизвестно. Перед нами «пустая знаковая форма». Она должна быть еще наполнена содержанием¹⁷. Как только ребенок своими действиями начинает «прорисовывать» геометрическую границу, параллельно отслеживая возможную динамику «свет↔темнота», он запускает процесс построения означаемого, наполняющего пустую форму содержанием. Итак, *вначале* появляется следующий знак:

свет↔темнота/линия раздела –

слева здесь то, что в терминах Ф. Соссюра является означающим, «внешней» сторона знака, а справа – означаемое, «внутренняя» сторона. *Далее* отношение инвертируется:

линия раздела/свет↔темнота –

линия раздела превращается в означающее, а смена впечатлений «свет↔темнота» – в означаемое. Так происходит неоднократно, вплоть до того момента, пока не возникнет устойчивая связь между двумя

знание благодаря интерпретанте. Интерпретанта – это перевод, истолкование, концептуализация отношения знак/объект в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения данного слова с помощью других слов и т.д.). Каждый знак способен порождать интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Идея семиозиса выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром – объект репрезентации существует, но он удален и недостижим, будучи словно «спрятан» в череде семиотических медиаций. Однако познание этого объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков» (цит. по *Усмановой*, История философии. Энциклопедия: <http://www.velikanov.ru/philosophy/semiosis.asp>).

Будем честны: в суждениях о «семиозисе границы» наша концепция рискует повести себя по отношению к почтенному Фердинанду де Соссюру вероломно: отказаться от его терминов «означающее» и «означаемое», оказав предпочтение «объектам», «знакам» и «интерпретантам» Пирса. Так что, пожалуй, будем по-прежнему использовать соссюровские термины-категории, описывающие знак, и, не совсем «по-пирсоновски», термин «семиозис».

¹⁷ В отличие от «контр-знака» М.В. Бороденко (*Бороденко*, 1996) пустота знаковой формы здесь изначально, а не является результатом столкновения, взаимной аннигиляции несовместимых означаемых.

явлениями: пространственным переходом над точками, образующими воображаемую черту в пространстве, и сменой впечатлений в каждой из точек этой черты. И здесь уже равновозможно «прочтение» знака слева направо или справа налево.

Я полагаю, читатель и без пространственных пояснений понимает, что имеет в виду автор: означающие и означаемые в сознании испытуемых могут свободно меняться местами, линия раздела (граница пространственных сред) и смена впечатлений (свет↔темнота) с равным успехом могут быть и означающим и означаемым знака. Но это значит, что возникает целостный знак границы, объединяющий в себе пространственный и временной «разделы», функционально подменяющие друг друга в структуре этого знака. Процесс знакопостроения, порождения знака границы на данном этапе его становления может быть назван «соозначением». В рождении знака соучаствуют два события: динамика в пространстве (перемещение тела) и динамика во времени (смена впечатлений); каждое заключало в себе то, что далее могло быть означено как «граница». Однако только в процессе соотнесения их друг с другом граница проступила вовне, и притом в каждом из них (и совершенно независимо от того, в какой позиции – означающего или означаемого – каждое из них находится).

Тенденция к соозначению, вероятно, и лежит в основе мотива границы в момент его зарождения. Но таков только первый этап семиозиса знака границы, первый этап становления мотива границы.

Интересно проследить судьбу этого становящегося мотива в ходе последующего возрастного развития ребенка. С этой целью были приняты второй и третий циклы эксперимента.

Побудительный характер запрета

В экспериментальной ситуации с введением *внешнего* ограничения – запрета – испытуемому предлагалось нарисовать что-нибудь на стандартном листе белой бумаги, разделенной прямой линией посередине; выходить за пределы черты было запрещено, количество листочков не ограничивалось так же, как и время рисования (и, таким образом, разграничительный стимул здесь вводился в значении «быть пределом активности»). Как и в эксперименте В.А. Петровского и Е.И. Кузьминой, нас, прежде всего, интересовало, будут ли дети выходить за пределы черты, рисовать вблизи или вддали от нее, трансформировать рисунок около черты и т.п., а также вербальные комментарии детей; особый интерес вызывали возможные способы «обыгрывания» знака «границы» в рисунках испытуемых (такова, в частности, одна из причин разработки «рисуночной» техники исследования тенденций, обусловленных «запретом»). Эксперимент проводился как в индивидуальной, так и в групповой форме.

Результаты исследования

В индивидуальной серии эксперимента участвовало 69 детей в возрасте от 2 до 14 лет. Как и предполагалось, наряду с такими реакциями на разграничительный стимул, как игнорирование, согласование и избегание, наблюдались реакции центрации испытуемых на черте запрета. Все множество испытуемых достаточно четко подразделяется на две подгруппы: дети *до трех лет* (в основном игнорирующие запрет) и дети *от трех лет и старше* (учитывающие факт запрета). Полученные данные анализируются с учетом возраста испытуемых. Дети в возрасте *от 2 до 3 лет* в основном *игнорировали* запрет, не отдавая себе в этом отчета. В большинстве рисунков проведенная черта либо не учитывалась, либо учитывалась только в начале рисования. Пересечения черты или рисование в запрещенной части поля они либо оставляли без объяснения, либо оправдывали желанием «просто» нарисовать «там». В возрастной группе *от 3 до 4,5 лет* наблюдалось наибольшее количество рисунков, расположенных *рядом* с чертой запрета (реакции сближения). Введение ограничительной черты вызывает у детей активную ориентировку и эмоциональный отклик, обнаруживаемые в высказываниях: «А можно здесь (нарисовать)?», «Ой, кажется, не там нарисовала» и т.п. Дети в возрасте *от 4,5 лет* и старше существенно *чаще* соблюдают ограничение, чем нарушают его (реакция согласования). У *5–6-летних* детей реальный «выход» за черту запрета в большинстве случаев не наблюдался, однако особенность их рисунка заключалась в том, что, представляя сюжет рисунка, они включали в него разделительную черту как элемент: «это – потолок» («земля», «стена» и т.п.) (реакции центрации на разграничительном стимуле в виде сближения и перехода). Судя по высказываниям, дети осознавали существование предела, не позволяющего им реализовать перспективу развертки сюжета. «Выход» за пределы рисунка у *5–6-летних* чаще происходит в идеальном, воображаемом плане. У многих детей стремление перейти границу, нарушить ограничение, выражается в речи; так, указывая на запрещенную часть листа, дети спрашивают: «Можно здесь перерисовать?», «Это у нас домик, а рядом тоже будет достраиваться» и т.п. Эта тенденция – действовать в воображаемом плане «по ту сторону» черты запрета (воздерживаясь от фактического «выхода») – сохраняется и усиливается далее, в старшем возрасте. Некоторые дети высказывают желание запечатлеть название рисунка и собственное имя в запрещенной части листа. Специфика рисования выражалась в «прикосновениях» к черте, деформации рисунка, усилении нажима карандаша рядом с чертой запрета. Наблюдаются также изгибы фигур, незавершенность рисунка (например, изображение половины дома).

В *групповой серии* эксперимента (дети располагались за одним столом по 3–5 человек так, что могли видеть друг друга) участвовало

48 испытуемых тех же возрастов. Количество нарушений запрета в этой ситуации увеличивалось по сравнению с индивидуальной на 28%. Наблюдалось два эффекта обуславливающих результаты рисования: круг «опосредствованного самоподражания» (Петровский В.А., 1992б), заключающийся в том, что «неправомочные» действия выхода в «запрещенную» зону одного как бы подхватывались другими и, возвращаясь к первоисточнику, воспроизводились им более осознанно. Второй – эффект возникновения контроля со стороны группы, принятие мер «пресечения», порождающие самоконтроль: «Тебе так нельзя! Я же так не делаю!»

Итак, полученные в эксперименте данные позволяют выделить две тенденции влияния запрета на организацию активности ребенка: с одной стороны, разграничительный стимул побуждает к сужению поля деятельности (отдаление рисунка от «черты запрета», самоконтроль, выраженный вербально), а с другой – провоцирует к его нарушению («выход» в запрещенную часть, «прикосновения», воображаемая дорисовка).

В экспериментальной ситуации *самоограничения*, дети должны были самостоятельно выбирать для себя область возможного действия (регулируя – сужая, расширяя или оставляя неизменной – территорию своей активности). Нас интересовало, в какой мере дети склонны соблюдать ограничения, которые они сами устанавливают для себя, и насколько подвижны эти границы в процессе действия. Для изучения этого феномена была разработана методика «исчезающих границ». Материалом для обозначения временных, «*гаснущих*» ограничений служила «рисовая водичка». Специфика рисования «рисовой водичкой» заключается в том, что первоначально линия, проведенная «рисовой водичкой» видна, но со временем она «исчезает», и появляется возможность не принимать ее в расчет. «Выходом» за пределы первоначального ограничения считалось любое расширение границ рисунка (рисование за пределами исходной границы, смещение границы при повторном ее проведении). Участники эксперимента – дети в возрасте от 3 до 14 лет (всего 59 человек).

В процессе эксперимента выявилось следующее. Дети *до 3 лет* не воспринимают инструкцию адекватно; предписание экспериментатора заранее ограничить место для рисования воспринималось большинством детей как предложение рисовать просто «рисовой водичкой». *Четырехлетние* дети понимали инструкцию частично, и при этом часто ограничение не соблюдали. О том, что инструкция воспринималась лишь отчасти, свидетельствует факт смены – по ходу деятельности – очерчиваемых областей рисования; часто область предстоящих действий не очерчивалась отчетливо (46% детей покидали область очерченного). Важным, в плане анализа возрастного становления идеи границы

в сознании детей, является тот факт, что дети 3–4 лет неоднократно обводили линию ограничения, как бы материализуя знак саморегламентации. Начиная с 5-летнего возраста, ограничительная линия приобретает значение «быть пределом», а не просто «быть частью» рисунка. Дети 6–7-летнего возраста в отличие от младших детей уже способны мысленно учитывать исчезнувшую из поля зрения линию, соблюдая, таким образом, ограничение, представленное в *идеальной* форме. Дети 12–14 лет максимизируют область допустимого действия; границы области иногда намечаются лишь частично.

Сравнивая результаты двух серий эксперимента, мы приходим к общему выводу о том, что «граница», по мере возрастного развития детей, приобретает характер действенного ориентира их активности; при этом, в терминах культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, «граница», как ориентир активности, «рождается дважды»: первоначально в форме внешнего знака, заданного ребенку другим человеком (взрослым), а в дальнейшем – в форме «учреждаемой» самим ребенком внутренней опоры его активности.

Символическое ограничение поля деятельности как стимул активности

В этой части исследования разграничительный стимул предьявлялся испытуемым в виде некоего *символа* границы – *раздела (разделительной черты)*, представленной нейтрально.

Как и прежде, испытуемым предлагался лист с чертой, проведенной посередине, разделяющей площадь листа на две (топологически) несвязные области; испытуемые не знали, зачем проведена черта, и не имели возможности выяснить это. По тому, как используется черта и что они говорят о ней, можно было судить, что она значит для них, какой смысл придают ей испытуемые. Так, нас интересовало, станут ли испытуемые воспринимать черту как «границу», придавая ей такие значения, как «предел», «переход», «связь», или они будут игнорировать черту как знак границы, например, пересекать ее, рисовать на ней, как если бы это была просто складка на листе бумаги и т.п.

Эксперимент проводился в индивидуальной форме; всего участвовало 180 человек – детей и взрослых.

Как мы и предполагали, удается выявить ряд значений (способов осмысления), приписываемых разделительной черте.

Первое значение: ***«быть пределом»***. О существовании подобной интерпретации разделительной черты свидетельствовали такие особенности рисования, как расположение рисунка на одной части листа по ту или иную сторону от черты, или изображение двух различных объектов, разделенных чертой, по разные стороны от нее. Здесь же и случаи, когда

испытываемый как бы прикасается своим рисунком к черте, не выходя за нее. Черта – ограничение, предел рисунка, символ разделения возможных полей действия.

Но «служить пределом» – не единственный ответ на вопрос, зачем черта.

Второе значение: *«быть переходом»*. В этом случае фрагменты рисунка, например, дорога, река, пересекают черту. Это случается не только в реальном действии, но и в намеченном к осуществлению. Например, когда рисуемый объект или сюжет рисунка неизбежно перекроет разделительную черту.

Третье значение: *«быть связью»*. Это тот случай, когда разделительная черта используется как ось симметрии, вокруг которой распределяются элементы рисунка. Так же она выступает в функции «связи», когда объединяет в целое разделенные элементы: угол двух сходящихся стен, раздел между землей и воздухом (воздухом и водой и т.п.).

Если сделать акцент на возраст испытуемых, то можно выделить следующие особенности восприятия детьми символа границы. Первоначально граница выступает в качестве «зрительного препятствия», не имеющего какого-либо специального значения. Опрос детей в возрасте до 3-х лет показал, что они еще не воспринимают черту в функции разграничителя («Не знаю даже, что это...», «Это – полоска...» и т.п.). Но, начиная с возраста в 3,5 года, дети придают разграничительной линии значение «быть пределом» (ограничением, разграничением): «А, это как два рисунка», «Он делит поровну листочек». Значение «быть пределом» актуализируется и сохраняется в последующих возрастах. Так, в 5-летнем возрасте впервые наблюдаются факты смыслового «освоения» черты в сюжете рисунка: разделительная черта начинает использоваться как символ разделения двух сред, – «границы сред». Эта тенденция сохраняется и в старших возрастах. Начиная с возраста в 15 лет, в рисунках испытуемых идея границы как «связи» воплощается в своем полном объеме: черта предстает здесь как связующий элемент сюжета, охватывающего смежные поля деятельности, как ось симметрии и т.п. В некоторых рисунках восприятие черты проявляется во всех свойственных ей значениях («предел», «переход», «связь»).

Таким образом, если вернуться к идее семиозиса «границы», то дети в данном случае, открывают для себя *назначение* этого знака. Однако на этом не завершается знакопостроение; дети могут по-разному относиться к границе, коль скоро ее возможные маркеры оказываются в поле их зрения.

Итак, мы не только исследовали способы интерпретации «раздела» как символа границы; мы рассматривали еще и вопрос о спонтанной актуализации «мотива границы», когда ситуация располагала испытуемых

к этому¹⁸. Когда испытуемые видели перед собой разделительную черту, они реагировали на нее тремя способами: *игнорированием, следованием и центрацией*.

Игнорирование. В этом случае испытуемые, замечая черту, упраздняют ее значение как границы. Эта категория рисунков отличается намеренным пересечением разделительной черты, отрицанием ее значимости, о чем можно судить по комментариям к рисункам.

Следование (согласование). В этом случае испытуемые соотнобразуются с основным предназначением символа границы (располагают главные объекты на определенном расстоянии от черты, или, расширяя поле рисунка вплоть до черты, равномерно «рассеивают» объекты по всему полю и т.п.). В комментариях устремленность к черте не подчеркивается.

Центрация в наибольшей степени отражает интересующий нас мотивационный аспект «воздейственности» границы. В случае «центрации», весь рисунок или отдельные его элементы ориентированы на черту. Наблюдаются следующие признаки «притягательности» границы: трансформация рисунка в районе раздела, прикосновения к разделительной черте, нажим карандаша возле черты, симметрия и ряд других признаков. Учитываются также вербальные комментарии детей.

Обобщая результаты данной серии исследований, мы отмечаем также, что с возрастом детей увеличивается число реакций *следования* разграничительному стимулу и *центрации* на нем. Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что идея границы в процессе возрастного развития личности все более раскрывает свой регулятивный характер, стимулируя адаптивные (соблюдение границы) и активно-неадаптивные действия (центрация на границе) действия. С возрастом, *смысл* границы как побудителя активности углубляется, раскрываясь в таких своих значениях как «предел», «переход», «связь».

Из сопоставления результатов исследования специфических реакций испытуемых на запрет (отстранение *от* или влечение *к* запретной черте) и аналогичных реакций на разделительную черту (без предъявления внешнего ограничения), видно, что первые (реакции на запрет) оформляются раньше, чем вторые: сначала развивается реакция на запрет, после – на разделительную черту как таковую. Этот факт мы интерпретируем как свидетельство осмысления испытуемыми разделительной черты в качестве *символа* границы; она, таким образом, превращается в объект проекции ранее сложившихся в опыте ребенка значений идеи границы.

¹⁸ Заметьте, мы не говорим, что ситуация «побуждает» или «принуждает» реагировать на границу; мы говорим о том, что она предоставляет возможность отнестись к чему-либо в ней как к границе – «располагает» к этому. С благодарностью говорю о том, что термин «располагает» предложил мне А.Н. Леонтьев (у меня было утяжеленное «предрасполагает»).

Подведем некоторые итоги

Идея границы как источника движения, представленная в логико-философском и экзистенциально-феноменологическом направлениях научной мысли, не нашла своего должного освещения в рамках теоретической и практической психологии.

«Граница» играет двоякую роль в организации активности субъекта: с одной стороны, она побуждает субъекта к разделению полей собственной деятельности, а с другой – провоцирует к их объединению; в эффекте *двойственности* влияния «границы» проявляются такие ее предметные значения, как «предел», «переход», «связь».

Разграничительные стимулы, репрезентирующие идею границы, выступают в качестве побудителя активности детей; наряду с побуждением действовать вдали от границы, выделяется побуждение детей действовать вблизи границы – «мотив границы».

Осознание границы, репрезентируемой разделительной чертой, есть выход за пределы внешнего ограничения. Говоря «осознание», мы имеем в виду положение А.Н. Леонтьева о трехслойном строении сознания: «чувственная ткань», «значение», «смысл» (Леонтьев А.Н., 1975).

С этой точки зрения, *прочувствовать* границу – это значит, балансируя «на черте», переживать сопутствующую этому смену впечатлений, что возможно только в случае, если оказываешься то по одну, то по другую сторону разделительной черты («выход» неизбежен).

Установить для себя *значение* границы – это познать предназначение черты (предупреждение, предотвращение), что возможно только тогда, когда оказываешься по другую сторону черты («выход» неизбежен).

Осмыслить границу – это ответить на вопрос, что мог бы дать опыт границы. Здесь есть два возможных ответа. Один из них – *самоограничение*; другой – *самотрансценденция* («ограничение ограничения» – переживание свободы от ограничений посредством «снятия» границы).

В возрастном плане прослеживается следующая динамика.

На четвертом году жизни дети пытаются обозначить для себя незримый предел, переход через который порождает переживание смены впечатлений; этот мотив может быть понят как стремление субъекта «быть на границе». К этому возрасту относится становление идеи границы как особого знака. В нашем эксперименте условная черта раздела двух областей пространства была потенциальным «означающим», а сопряженная с ней смена впечатлений – «означаемым» становящегося знака границы; ребенок, «балансируя» на условной черте раздела и переживая сопутствующую этому смену впечатлений, связывал потенциальное означающее и потенциальное означаемое в одно целое – «знак». Этот процесс построения знака мы называем «*соозначением*», так как потенциальные образующие рождающегося знака превращаются в озна-

чающее и означаемое этого знака – в данном случае, знака границы. Знак границы, как результат семиозиса, ценен для субъекта сам по себе: ощущается гармония связи между двумя сторонами знака (в отличие от него обычные знаки, как отмечал Ф. де Соссюр, характеризуются случайным характером связи между означающим и означаемым), наслаждение, по-видимому, доставляет сама синхронность переходов через грань, как на уровне означающего, так и на уровне означаемого. Семиозис идеи границы есть проявление самоценной активности субъекта.

На пятом-шестом году жизни детей, в том случае, если граница предъявляется им в форме запрета, «мотив границы» проявляется в актах ее активного «опробования»¹⁹, что подразумевает возможность быть не только «по эту», но и «по ту сторону» черты запрета. Посредством реального или воображаемого перехода через предел, дети как бы отвечают себе на вопрос: «Что будет если?..» (переступить). Таким образом, идея границы раскрывает себя не только как знак разграничения сопредельных явлений, но и как знак, имеющий *предназначение* – предупреждать о последствиях перехода через предел.

Если же дети этого возраста видят перед собой разграничительную линию, предназначение которой неизвестно (о ней не сказано, что это «запрет»), то все равно линия раздела обычно рассматривается как граница, препятствующая свободному действию (граница-препятствие). В этом случае некоторые дети держатся вдали от черты, а некоторые действуют в непосредственной близости от черты (или переходят через черту). Создается впечатление, что разделительная черта побуждает их к осмыслению ее функции – «зачем она здесь?», «как обойтись с чертой?» «случайна или неслучайна черта?»). Знак границы раскрывается, в этом случае, с новой стороны. Теперь это загадка, вопрос, провокация к постижению. Идя навстречу интриге, субъект открывает для себя *смысл* знака границы.

В подростковые годы, «мотив границы» проявляется в попытках детей осмыслить знак границы (разделительную черту) как условие связи сопредельных областей действия; этот мотив может быть понят как стремление субъекта «не быть ограниченным», идея границы снимает себя в идее целостности (неограниченности, актуальной бесконечности бытия).

Итак, «бытие на границе» есть возникающий в процессе развития ребенка особый мотив. Этот мотив проявляется в стремлении ощутить себя на границе («балансируя на грани»), элиминировать границу («переходя» через грань), и, наконец, вовлечь границу в свою деятельность («связывая» смежные поля активности, и, тем самым, упраздняя грань между ними).

¹⁹ Этот процесс мы называем: «разведка боем» (Петровский В.А., 1992б).

* * *

Идея семиозиса, на мой взгляд, недостаточно представлена в психологии. Между тем, как психодинамическое основание поведения, мотивообразующий фактор, исток устремлений она имеет не меньшее значение (я убежден в этом), чем идея гештальта, вытесненных аффектов или каузальной атрибуции. Тенденция к знакообразованию несет в себе диктат достраивающей до целого синхронистичности, восполнения означающего означаемым и одновременно обратного движения, означения и означивания²⁰. Возьмем к примеру, игру детей, игровую деятельность. Существует много теорий детской игры, поясняющей ее отличие от других видов деятельности. Но идея семиозиса как активной силы означения и означивания, поиска и разрушения назначения, осмысления абсурдных несоответствий может быть реальным критерием выделения игры в особую деятельность. Самоценность построения новых знаков, непрагматическое манипулирование знаками, стремление переозначать, превращая «все во все», словом, все проявления надситуативности в сфере знаковых метаморфоз – что как не это составляет суть игровой деятельности?

Но в этой тенденции подвергать все осмыслению, например, усматривать символ границы там, где есть «просто черта», мы находим повод задуматься над адекватностью постулата сообразности, напоминающего: «Все имеет свой смысл» – будь то стыки меж плитами на тротуаре (как бы не задеть подошвой!), или, положим, линия горизонта (ведь так хочется наступить!). Постулат сообразности гарантирует возможность и даже обязательность во всем этом искать сокровенные «смыслы» (цель, мотив, «энтелехию»)...

Так что же нам делать? Как быть с тротуарными плитами? Наступать или переступать через них?

Или, быть может, отважиться не думать об этом?

«Читать знаки» – конечно, полезная вещь; но, вот, если она становится наваждением...

Ко всему этому мы еще вернемся в главе 10 этой книги («Смысловые миры личности»).

А пока рассмотрим еще одну группу феноменов – надситуативность в познавательной деятельности.

²⁰ В этом, кстати, существенное отличие идеи знака от идеи причинности. Означаемое и означающее сосуществуют в знаке: они существуют «в одном времени», тут нет очередности, что – первое, что – второе, что – вначале, что – потом. Причинно-следственные отношения связывают события, различимые по времени: сначала – одно (причина), потом – другое (следствие).

ГЛАВА 7. «ВТОРАЯ ЗАДАЧА»

При анализе различных видов познавательной активности, проявляющейся в учении, профессиональной деятельности, научном исследовании обычно обращают внимание на особенности решения человеком мыслительных задач. При этом всегда подчеркивается необходимость обращения к личности познающего. Однако каждый, кто внимательно ознакомится с литературой, неминуемо сделает вывод о том, что традиция рассуждать о важности обращения к личности субъекта познания имеет чисто декларативный характер.

Между тем, проблема обусловленности мышления активностью личности заслуживает специального теоретического рассмотрения.

Начнем с анализа условий, в которых задан предмет познавательной деятельности и проанализируем его с содержательной стороны. В первом случае перед нами вопрос о том, в какой форме – «извне» (со стороны окружающей субъекта ситуации) или «изнутри» (со стороны самого субъекта) – задан предмет познавательной деятельности. Во втором случае – вопрос о специфическом отношении, которое реализуется человеком в ходе познавательной деятельности, а именно, о направленности субъекта на **внешний объект** («объектная» ориентация, или «О-ориентация») или направленности субъекта на самого себя в процессе познания (субъектная ориентация – «S-ориентация»).

Основываясь на выделении и разграничении отмеченных моментов, мы приходим к выделению четырех типов задач, решаемых личностью в процессе познания.

Первый тип задач определяется системой требований, предъявляемых человеку со стороны окружающих его людей и выражающих необходимость в ряде познавательных действий, цель которых – построение адекватного образа внешнего объекта. Перед нами, таким образом, объектно-ориентированные, извне обусловленные задачи. Таковы традиционно описываемые «предметные» задачи – математические, физические и т.п. Само понятие «задача» сложилось на основе анализа подобного рода ситуаций, где цель познавательного действия оказывается как бы погруженной во внешний объект, и ее возникновение обязано

принятию субъектом заданных ему извне требований. Когда педагоги и психологи говорят о проблемных ситуациях, то чаще всего они имеют в виду именно этот класс ситуаций.

Второй тип задач характеризуется, в отличие от первого, субъектной ориентированностью познавательной деятельности при условии, что требования к выполнению этой деятельности возникают, главным образом, в сфере общения и задаются извне.

Не будет преувеличением сказать, что интроспективная психология, вся без исключения, строилась по принципу решения личностью именно этих задач, задаваемых извне и требующих от субъекта умения строить образ самого себя в ситуации. Современная феноменологическая психология в этом смысле продолжает традиции интроспективной психологии (расширяя, однако, «задачное» поле субъекта). В психолого-педагогических экспериментальных работах, а также при психотерапии указанный круг задач (субъектно-ориентированных, не обусловленных) выступает в основном в виде заданий на определение самооценки людей.

Третий тип задач определяется тем, что субъект самостоятельно ставит перед собой познавательную цель, ориентированную на внешний объект; это – объектно-ориентированные субъективно обусловленные задачи.

Теоретическое выделение этого круга задач является необходимым начальным этапом общей постановки проблемы активности личности в познавательной деятельности. Здесь отчетливо видна живая связь с классическими исследованиями деятельности человека в проблемной ситуации. Уже при рассмотрении «ситуативного познавательного мотива» (Матюшкин, 2008) обнаруживается его несовпадение с ситуативно-заданной целью: к решению задачи, предъявленной человеку извне, побуждает мотив выдвижения новых целей, формулирования новых задач, лежащих в исходном проблемном поле.

Так, именно с «действием» ситуативного познавательного мотива могли быть связаны особенности деятельности ряда испытуемых, проявляющих «интеллектуальную активность» (Богоявленская, 1983) как инициативу в постановке проблем, выходящих за рамки исходной задачи. Подобное понимание соответствует, на наш взгляд, выдвинутому в рамках общепсихологической теории деятельности положению об иерархическом, многоуровневом строении системы установок субъекта как «стабилизаторов» деятельности и ее консервативных («инерционных») моментов (Асмолов, 2007).

Установки, связанные с заданной испытуемому целью деятельности, могут оказаться исчерпаны, в то же время установки, характеризующие мотив деятельности, сохраняют свою силу и проявляются в том, что субъект действует над порогом внешне заданных требований.

Задачи четвертого типа – это субъектно-ориентированные внутренне обусловленные задачи. Областью поиска решений в задачах такого рода выступает сам субъект; он же является инициативной стороной их постановки.

Важные подходы к выделению данного круга задач мы находим в работах А.Н. Леонтьева. Анализируя в книге «Деятельность. Сознание. Личность» проблемы осознаваемости–неосознаваемости мотивов деятельности, А.Н. Леонтьев рассматривает процесс их осознания как особую задачу, решаемую личностью. «Осознание мотивов, – пишет А.Н. Леонтьев, – есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития» (*Леонтьев А.Н.*, 1975, с. 205). Но возможности для постановки и решения этой задачи связаны с определенным уровнем развития личности; «для совсем маленьких детей, **этой задачи** просто не существует <выделено мной. – В.П.>» (*там же*).

В контексте анализа проблемы осознаваемости мотивов и метода изучения (раскрытия) подлинных мотивов деятельности субъекта, в отличие от ее мотивировок, А.Н. Леонтьев описывает подобные задачи как «задачи на личностный *смысл*».

Иллюстрируя свою мысль, А.Н. Леонтьев пишет: «День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный “эмоциональный осадок”. На фоне забот дня этот осадок едва замечается, и, когда в памяти человека всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственной, ради которой, как ему думалось, он действовал, и вот оказывается, что не вполне так и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед задачей на “личностный смысл”, но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как личность. Нужна особая работа, чтобы решить такую задачу» (*Леонтьев А.Н.*, 1975, с. 205–206).

При решении этих задач предметом деятельности человека является он сам и условия, вызывающие к жизни эту деятельность; они как бы погружены в самого человека, скрыты от наблюдателя. Поэтому процессы постановки и разрешения данного типа задач могут быть охарактеризованы как «имплицитные», «внутренние», что и составляет их существенную черту. Латентность этих задач есть признак, характеризующий, прежде всего, их своеобразие с точки зрения внешнего наблюдения, например, экспериментатора, которому непосредственно

недоступно знание внутренних познавательных усилий, затрачиваемых личностью при работе над этими задачами. Но, говоря об имплицитном характере этих задач, мы имеем в виду также и их первоначальную нераскрытость для самой личности.

Необходимость постановки этих задач образует момент определенного несоответствия или несовпадения осознаваемых и неосознаваемых мотивов осуществляемой деятельности. Актуально неосознаваемый мотив, как видно уже из приведенного примера, как бы утаивает от субъекта действительную направленность его действий, скрывает от человека подлинную «формулировку» задачи, которую он реально решал в деятельности.

Решение вопроса о том, что в действительности представляет собой выдвигаемая личностью и обращенная «на себя» задача, является каждый раз особой проблемой, которую решает как сама личность (в плане самопознания, рефлексии), так и психолог, строящий теоретическую модель деятельности субъекта.

Отмеченные здесь задачи на «личностный смысл» не исчерпывают всей области познавательных ситуаций, рассматриваемых нами при анализе субъектно-ориентированных внутренне обусловленных задач. Ведь решение задач на «личностный смысл», отвечая на вопрос о том, чего я хочу, желаю, к чему я в действительности стремился или стремлюсь, направлено на воссоздание образа исходных мотивов деятельности и позволяет реконструировать уже сложившуюся, хотя и «зашифрованную» в форме тех или иных эмоциональных состояний **систему смыслов**, образующих наличное Я субъекта.

Новый вид и новые подвиды задач, лежащие в том же поле проблем и последовательно вычлняемые нами в ходе анализа, выявляются при непосредственном обращении к фактам движения деятельности, в которых запечатлен выход субъекта за пределы исходной ситуации деятельности и, следовательно, за рамки наличного Я субъекта.

Мы имеем в виду задачи, направленные на построение адекватного образа потенциального Я. Ставя перед собой и решая эти задачи, человек как бы отвечает на вопрос: «Что во мне есть из того, что я в себе еще не выявил, не успел или не смог открыть?», «К чему я реально способен, что я могу?» и т.п.

Здесь мы отметим «экзистенциальные» задачи и задачи на определение уровня своих возможностей.

Решая «экзистенциальную» («жизненную») задачу, субъект определяет и особым образом осваивает качества, характеризующие его потенциально и ассоциируемые им с его «подлинным» («не отчуждаемым») бытием. Совершая поступок, он получает возможность самоопределения – ответа на вопросы «Что я есть в действительности?», «Свободен ли я?», «Готов ли к тому-то» и т.п. Ответ на эти вопросы невозможен

вне акта деятельности, вне конкретного поступка, имеющего социальный смысл. Рассмотрение одной из таких задач было уже предпринято нами в связи с поиском объяснения феномена «надситуативного риска»: активность субъекта интерпретировалась как попытка преодоления субъектом его «природных» границ и реализация его «родовой» (общественной) сущности.

Нет необходимости специально подчеркивать, что решение «экзистенциальных» задач является существенным аспектом развития личности. Между тем, в психологии данный круг задач практически не изучен. В тесной связи с ними находится другая разновидность задач, на которой мы остановимся подробнее.

Это задачи на определение уровня своих предметно-практических, функциональных, познавательных и др. видов возможностей. Понятие «предметно-практические возможности» означает сферу возможностей личности в процессе практической, прежде всего трудовой деятельности. Понятие о «функциональных возможностях», в определенной мере соответствующее понятию «функциональная тенденция» (*Узнадзе*, 1966), раскрыто в работах В.С. Асеева. Понятие «познавательные возможности», представляющее специальный интерес в связи с анализом творческой познавательной активности, выделяется в работах А.М. Матюшкина при анализе проблемных ситуаций. Помимо названных могут быть эстетические, коммуникативные и другие возможности. Обобщенно мы говорим о деятельности.

Возможности в таком случае выступают как источник его активности, то есть как обладающие силой побуждения к действию²¹. Мы приходим к необходимости специального выделения этой разновидности S-ориентированных S-обусловленных задач прежде всего в связи с необходимостью описания конкретных механизмов развития деятельности, ее самодвижения. Кроме того, именно на основе обращения к задачам подобного рода, мы рассчитываем приблизиться к понятию глубинных основ познавательной деятельности личности.

Условием самодвижения деятельности, как мы только что отметили, выступает накапливание потенциальных возможностей осуществления деятельности. На определенном этапе они перерастают уровень требований, первоначально предъявляемых к деятельности «извне» – со стороны внешней ситуации, и «изнутри» – со стороны исходных внутренних побуждений субъекта. Избыток потенциальных возможностей образует предпосылку и динамическое условие расширенного воспроизводства

²¹ Гипотеза об «избыточных возможностях» как источнике (побудителе) активности была высказана нами в работах «Активность личности на этапе постановки проблем» (*Петровский В.А.*, 1976а) и «Активность как надситуативная деятельность» (*Петровский В.А.*, 1976б).

деятельности. Каким образом, посредством каких психологических механизмов осуществляется реализация накопленных возможностей, ведущая к фактам надситуативного поведения?

Складывающиеся в деятельности потенциальные возможности динамичны, изменчивы; подвижна и изменчива граница между тем, что объективно доступно субъекту в деятельности, и тем, что в данный момент недоступно ему. Подвижность этой границы ставит субъекта в ситуацию неопределенности при оценке собственных возможностей, порождая в сознании конфликт между переживаниями «могу» и «не могу» и специальную задачу его разрешения. Потенциальные возможности при этом выступают в сознании в «неопределенно-чувственной» форме. Осознание этих возможностей, придание им «определенно-чувственной» формы и тем самым как бы «вписывание» их во внутренне достоверный образ себя есть прежде всего внутренний диалог, который и позволяет различать в плане самосознания реальное, истинное и мнимое, неподлинное Я.

Однако этот диалог оказывается неконструктивным, когда в нем не содержится выхода за его собственные рамки, когда субъект замыкается в своем внутреннем диалоге. Действительное разрешение проблемы и внутреннего конфликта «могу–не могу» требует выхода в область предметно-практической деятельности и реального человеческого общения.

Эти процессы, разрешающие порождаемую самой деятельностью субъекта «внутреннюю задачу» «могу–не могу», мы описываем как деятельность самооценивания личности. Анализ показывает, что самооценивание как особая форма деятельности отличается от традиционно изучаемого в психологии явления самооценки.

Как уже было отмечено, в экспериментальных исследованиях явление самооценки выступало в условиях предъявляемого испытуемому извне задания и не рассматривалось как разрешение внутренне обусловленной субъектом задачи. Однако в данном случае для нас существенно иное. Самооценка рассматривается обычно как процессуально и результативно оформленный акт, совершающийся непосредственно в самосознании субъекта и направленный на адекватное отражение наличных возможностей субъекта. При этом исследователи отвлекаются от тех проявлений деятельности самооценивания, цель которых – оценка потенциальных, для самого субъекта неопределенных возможностей, требующая «размыкания» круга сознания и выхода в область предметно-практической деятельности. Но именно эта, строящаяся на основе знания результатов собственной деятельности, иначе говоря, деятельностно-опосредованная самооценка и выступает в виде конкретного решения задачи «могу–не могу».

Данный круг задач, в особенности задачи на выявление уровня потенциальных возможностей, привлекает наше внимание в связи с из-

учением природы познавательной активности личности, и поэтому в дальнейшем мы подробнее остановимся на характеристике этих задач.

Итог предпринятого нами анализа приведен ниже. Типы выделенных ситуаций отвечают преимущественной направленности теоретических, экспериментальных исследований, которые резюмированы в таблице 7.1.

Таблица 7.1

Показатель	О-ориентированность	S-ориентированность
Внешняя (О) обусловленность	Исследования «проблемных ситуаций» предметных задач	Традиционные интроспективные исследования самооценки
Внутренняя (S) обусловленность	Исследования феноменов «постановки проблем» различных типов инициации познавательной активности	Выделение задач на личностный смысл, «экзистенциальных задач», «задач на определение уровня возможностей»

Приводя эту таблицу, специально отметим, что данные конкретных исследований, полученные при изучении тех или иных вышеописанных вариантов познавательных ситуаций, могут выступать продуктивной основой анализа «представителей» других типов познавательной ситуации. Так, общие характеристики «проблемных ситуаций» приложимы не только к рассмотрению «извне обусловленных» задач, но и к задачам «внутренне обусловленным», которые постоянно ставятся и решаются личностью в ее повседневной жизни; «опыты» самооценки возникают и по собственному почину, без всякого принуждения извне (в то время как в психологическом эксперименте мы ставим перед личностью эту задачу) и т.д.

Дело здесь не только и не столько в том, что рассматриваемые познавательные ситуации, сохраняя свою специфичность, сближаются по некоторым формальным признакам. Основное, что объединяет эти познавательные ситуации между собой и позволяет интерпретировать их в едином ключе, это внутренние содержательные связи между ними: генетическая преемственность, функциональная связь, взаимная опосредованность и т.п. Здесь мы поставим вопрос о связи и взаимопроникновении О-ориентаций и S-ориентаций в познавательной деятельности личности.

Привычно думать, что, ставя перед человеком ту или иную задачу и стимулируя его интерес к ней, мы вправе ожидать определенного соответствия между содержанием выполняемой им познавательной деятельности и исходными требованиями этой задачи; что при этом чем больше выражен познавательный интерес к задаче, тем выше должно быть соответствие между всеми характеристиками данной деятельности и

совокупностью требований задачи, тем в большей мере из деятельности будут исключены такие моменты, которые бы явились избыточными по отношению к принятым требованиям и условиям задачи. По этому поводу можно поспорить. Мы придерживаемся противоположного взгляда и утверждаем, что чем насыщеннее деятельность познавательным мотивом, тем выраженнее в деятельности присутствие моментов, прямо не вытекающих из исходной задачи, хотя, возможно, и связанных с нею. При таком взгляде вычлененные нами выше примеры познавательных ситуаций («задач») образуют как бы проекции некоей «генеральной» задачи, объективно решаемой субъектом. Чем больше деятельность насыщена познавательным мотивом, тем выраженнее представленность в деятельности разных задач.

Почему мы ищем новое? Что заставляет нас ставить перед собой задачу и настойчиво искать решение? Что для нас создает внутреннюю необходимость («мотивированность») поиска? В основе большинства существующих в психологии попыток ответа на эти вопросы лежит принцип «субъект–объектного» истолкования типа познавательной ситуации, то есть рассмотрения познавательной деятельности как ориентированной исключительно на внешний объект и ведущей к построению адекватного его образа. При таком взгляде в качестве источника познавательной активности чаще всего указывается напряжение, вызванное познавательным барьером на пути «построения образа» объекта. Активность в процессе поиска решения выглядит как редукция (ослабление) этого напряжения.

Подобная схема объяснения при всей ее, казалось бы, очевидности и бесспорности выявляет свою несостоятельность при столкновении с некоторыми фактами, вытекающими из рассмотрения особенностей познавательной деятельности личности.

Тенденция к автономии при решении задач. Нетрудно представить себе ситуацию, в которой человек в течение длительного времени решает достаточно трудную для него задачу и не может найти решения. Наблюдается своеобразная психологическая прикованность к условиям этой задачи, когда человек неотступно думает о ней и не в силах прекратить попытки ее решения. Его деятельность давно уже лишена радости поиска и часто приобретает для него мучительный характер. Поставим теперь такой мысленный эксперимент: попробуем предложить человеку готовое решение этой задачи или подсказку, обеспечивающую достижимость решения. Естественно предположить, что далеко не всякий захочет воспользоваться подсказкой. Многие откажутся от этой возможности и продолжат поиск решения. Именно у тех, кто продолжил поиск, можно предположить наличие собственно познавательного мотива. Вместе с тем этот мотив, как явствует из условий испытания, не может быть истолкован как побуждение к ослаблению познавательного напряжения.

Возгонка трудности задачи и поиск необычных решений. Один из примеров поиска нешаблонных решений (эксперимент Аснина) уже был приведен раньше: девочка старшего возраста в присутствии младшей отказывается от простого пути решения, хотя такое действие может легко обеспечить ей достижение цели-награды (слишком легко!). Этот эксперимент оживляет в памяти другую подобную же ситуацию, где отчетливо видно, как подросток намеренно повышает уровень трудности задачи, хотя к тому его никто и ничто не обязывает. Имеется в виду так ярко описанная Марком Твенем феерическая акция «освобождения» негра Джима из неволи фантазером и романтиком Томом Сойером.

Том: «А, ей-богу, все это до того легко и просто, что даже противно делается! Потому и трудно придумать какой-нибудь план потруднее. Даже сторожа нет, поить дурманом – а ведь сторож обязательно должен быть! Даже собаки нет, чтобы дать ей сонного зелья. Цепь у Джима длиной в десять футов, только на одной ноге и надета на ножку кровати; всего и дела, что приподнять эту ножку да снять цепь! А дядя Сайлас всякому верит: отдал ключ какому-то безмозглому негру, и никто за этим негром не следит. Джим и раньше мог бы вылезти в окошко, только с десятифутовой цепью далеко не уйдешь. Просто досадно, Гек, ведь глупее ничего быть не может! Самому приходится выдумывать все трудности. Что ж, ничего не поделаешь! Придется как-нибудь выкручиваться тем, что есть под руками! Во всяком случае, один плюс тут есть: для нас больше чести выручать его из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для нас не приготовил, и мы сами должны все придумывать из головы, хоть это вовсе не наша обязанность... Первым делом надо разыскать что-нибудь такое, из чего можно сделать пилу».

Гек: «А для чего нам пила?»

Том: «Ведь нужно отпилить ножку кровати, чтобы снять с нее цепь!»

Гек: «Да ведь ты сам сказал, что цепь и так снимается, надо только приподнять ножку».

Том: «Вот это так на тебя похоже, Гек Финн! Непременно выберешь самый что ни на есть детский способ» (Твен, 1978, с. 426).

Готовность к пересмотру собственных решений. В большом числе случаев нам приходится менять свои представления об объекте познания под влиянием внешней необходимости (новая информация, опровергающая ту, которой мы располагали раньше; замеченное противоречие в рассуждениях, вытекающих, казалось бы, из бесспорных посылок; отмечаемая другими людьми неэффективность выдвинутых предположений, в которых реализуется то или иное знание об объекте и т.п.). Однако о пересмотре собственных решений можно говорить, имея в виду случаи и другого рода, когда готовность к этому может быть особой формой выражения познавательной активности людей, выявляющих свой действи-

тельный интерес к объекту познания. В этих случаях преобразование человеком собственных взглядов не вытекает из требований «момента» или очевидной ошибочности имеющихся представлений. Речь идет о том, что человек преобразует свои взгляды без принуждения извне, руководствуясь внутренним побуждением к достижению наиболее полного и истинного знания об объекте.

Проведем следующий эксперимент. Испытуемому предлагают пройти в кинозал, где его ждет необычный «киносеанс». Вместо нового художественного фильма ему показывают только один небольшой фрагмент. Требуется, проявив фантазию, построить рассказ о происходящем, вникнуть в суть ситуации, психологию героев, словом, дать интерпретацию того, что увидишь. Кадр или отрывок из фильма экспериментатор конструирует таким образом, чтобы могла «разыгаться» фантазия испытуемого, чтобы происходящее было интересно, быть может, даже необычно, и главное, чтобы провоцировались бы стереотипные решения, предоставляя возможность «извлечь» множество различных сюжетов из увиденного. Далее, в точности так же, как и при проективных исследованиях личности, испытуемым предлагают рассказать, что здесь происходило раньше (как возникла эта ситуация) и что произойдет потом (чем все это кончится). Наконец, – и в этом уже отличие от проективных тестов, – испытуемым разрешено убедиться в правильности своих предположений, посмотрев предшествующий и последующий фрагменты этого «фильма». Как можно видеть, слово «фильм» взято в кавычки. Это объясняется тем, что подобного «фильма» как единого законченного художественного, целого не существует, а показанный эпизод имеет множество «начал» и множество «продолжений» (о чем, конечно, испытуемый не знает). Большинство испытуемых может захотеть удостовериться в том, что сюжет угадан правильно, и, кроме того, если происходящее на экране их увлечет, то желание увидеть весь фильм будет вполне естественно. Поэтому экспериментатор вводит дополнительное условие: если предыдущий или (и) последующий фрагменты не совпадают по смыслу с теми, которые ожидал увидеть испытуемый, то придется пересматривать всю построенную прежде интерпретацию ситуации. Раньше, чем испытуемый согласится или откажется сопоставить свой рассказ с действительными событиями фильма, ему предлагают сразу посмотреть весь фильм, и тогда ему уже не придется ничего «угадывать». В этих условиях испытуемый стоит перед альтернативой: либо отказаться от уточнений (выходящих за пределы решения исходной задачи), посмотрев при этом интересный фильм, либо подвергнуть свои решения сомнению, продолжив самостоятельный поиск истины. Если испытуемый отказывается от сопоставления своего сочинения с реальным «текстом» картины, то его благодарят за участие в эксперименте и, объяснив смысл исследования, отпускают. Если же испытуемый соглашается сделать

«шаг назад», то есть посмотреть предшествующий фрагмент фильма, и «шаг вперед», посмотрев последующий фрагмент, то экспериментатор предлагает ему такие варианты «начал» и «продолжений», которые резко отличаются от предложенных самим испытуемым. Теперь участнику эксперимента надлежит выполнить свой долг – повторить заново интерпретацию всей ситуации в целом, и в частности, сказать, как она возникла и что произойдет потом. Тогда экспериментатор вновь предлагает посмотреть, как обстоит дело в действительности, то есть, что было и что еще будет в «фильме», но при этом напоминает испытуемому, что тому придется вновь все переделывать, если окажется, что в фильме все «не так» и т.д. Согласится ли испытуемый проверить истинность своих решений или он будет довольствоваться выполнением только поставленной задачи, требующей от него лишь проявления фантазии (которая необязательно должна соответствовать «сюжету»)? Согласится ли он принимать «вызов» неопределенности, подставляя под удар собственные построения во имя достоверного знания о происходящем, или быстро успокоится на достигнутом? В каких пределах будет проявляться упорство испытуемого в его стремлении «докопаться» до истины, – ведь за любопытство придется платить?.. Здесь, правда, могут возразить: может быть, просто интерес к фильму как таковому, а не испытание своих предположений «на прочность» побуждает испытуемых к продолжению поиска? Предусматривая эту возможность перед каждым очередным выбором, как было сказано, испытуемому предлагается посмотреть *сразу* весь фильм. Отказ от подобной возможности и готовность продолжать работу будет свидетельствовать о надситуативной тенденции испытуемых к пересмотру собственных решений. В данном случае, при описании готовности личности к пересмотру своих собственных решений в пользу наиболее истинных, мы сталкиваемся с особым проявлением «открытости», когда личность не просто ассимилирует новую информацию об объекте, а сама активно открывает себя опыту и для этого готова поступиться своими собственными представлениями и взглядами. И это – волевой шаг, способность осуществить который свидетельствует об определенном уровне развития познавательной активности и может служить одним из индикаторов активности личности в познавательной деятельности.

Презумпция существования решения. Реальная деятельность человека (познавательная, творческая) обычно протекает в условиях неопределенности относительно возможных исходов этой деятельности. Неопределенность исхода решения тех или иных научно-исследовательских творческих задач определяется как субъективными, так и объективными причинами. Среди последних немаловажную роль играет то обстоятельство, что далеко не всегда задача, возникшая в процессе познания, обладает реальным решением. Хрестоматийным примером могли бы

послужить поиски доказательства V постулата Эвклида, которые увенчались отказом от первоначальной формулировки проблемы и созданием неевклидовых геометрий (геометрии Бойаи–Лобачевского и геометрии Римана). Совсем недавно была доказана знаменитая своей неподатливостью Большая теорема Ферма о невозможности решения в натуральных числах уравнения вида:

$$x^n + y^n = z^n,$$

при $n \geq 3$ и т.п. Острые науки образуют не только так называемые «открытые» вопросы (то есть на сегодняшний день нерешенные), но и вопросы, относительно которых не только неизвестен ответ, но и неизвестно, существует ли он в принципе. Поэтому, если иметь в виду не учебные задачи, ответ на которые существует и кому-то известен, а широкий класс проблем, поднимаемых в практике научных исследований, то следует допустить существование особого отношения людей к таким проблемам, перспективам их решения. Анализ этого специфического отношения дает нам новый признак познавательной активности, который мы назовем «презумпцией существования решений».

Латинский термин «презумпция», употребляемый главным образом в юридической практике, означает «признание логически вероятного факта за юридически достоверный пока не доказано противное»; он же имеет и более широкое значение, а именно «вообще предположение верности или действительности чего-либо без положительного доказательства»²².

Применительно к обсуждаемой проблеме мы говорим о презумпции существования решения, подразумевая под этим, что в условиях неопределенности относительно возможности конкретного (положительного или отрицательного) ответа на поставленный вопрос или возможности достижения того или иного решения стоящей задачи, человек исходит из гипотезы о существовании решения. Другими словами, личность принимает гипотезу об истинности одной из возможных гипотез, касающихся сущности изучаемого объекта, и до тех пор не отказывается от проведения исследований в подтверждение принятой гипотезы, пока не исчерпаны все субъективно возможные и достоверные аргументы в пользу гипотезы. Эта деятельность требует от человека определенных волевых качеств: твердости, настойчивости и последовательности в осуществлении принятой цели.

В самом деле, положим, что мне неизвестно, есть у этой задачи решение или нет. На этот вопрос я не могу ответить до тех пор, пока не начну работать. Мне необходимо решить, стоит ли приступать к этой задаче или, быть может, лучше перейти к рассмотрению другой задачи, которая, как мне известно, имеет решение.

²² Новый полный словарь..., 1872. С. 384.

Возможно, я откажусь от решения задачи с неопределенным исходом; возможно, я сочту для себя более разумным лучше применить свои силы. Но если я все-таки намерен «решать» и выбрал для себя направление поиска, то я уже не должен терять веру в саму возможность решения, не волен под грузом первых трудностей менять направленность поиска; иначе говоря, я должен поступать так, как если бы мне было достоверно известно, что задача имеет решение и на избранном мною пути меня ожидает успех.

Из сказанного ясно, что и сам по себе факт предпочтения задач с неопределенным исходом, и проявляемая личностью настойчивость в реализации стратегии решения этих задач составляют предпосылку расширения сферы как индивидуального, так и общественного сознания. Презумпция существования решения выступает в качестве специфического признака познавательной активности личности.

Итак, гипотетически мы выделяем некоторые новые проявления активности личности в познавательной деятельности – «тенденцию к автономии при решении задач», «готовность к пересмотру собственных решений», «презумпцию существования решения».

Что же лежит в основе отмеченных познавательных проявлений?

Гипотеза, выдвигаемая здесь, состоит в том, что «субъект–объектная» ориентация (построение адекватного образа предмета) при разрешении проблемных ситуаций, мыслительных задач и т.п. образует лишь один из аспектов познавательной деятельности. Другой аспект – «субъект–субъектная» ориентация как направленность личности на выявление, проверку и реализацию своих познавательных возможностей (построение адекватного образа самого себя – «образа Я»). Иначе говоря, в условиях решения личностью мыслительных задач возникает особая – личностная – задача. Возникновение этой второй задачи является специфическим выражением присутствия в деятельности познавательного мотива. Вторая задача создает дополнительное побуждение к осуществлению деятельности и придает ей характер личностной значимости, делает ее внутренне мотивированной. В том случае, если нет рождающейся в деятельности второй задачи, нет, на наш взгляд, и собственно познавательного мотива. Эта вторая сторона деятельности, не всегда осознаваемая самим человеком, составляет задачу самопознания, самовыражения, самооценки. «Решение» второй задачи не является целью или подцелью решаемой мыслительной задачи. Они лежат как бы в разных измерениях: первая – в субъект–объектном, вторая – в субъект–субъектном. И тем не менее, как можно предположить, они связаны. Не случайно процесс решения первой задачи вызывает к жизни вторую задачу. И, наоборот, появление второй, личностно ориентированной задачи, влечет за собой постановку новых, не требуемых ситуацией, мыслительных задач.

Мы можем предположить также, что условия постановки и решения первой и второй задач не совпадают. Так, уверенность в том, что я без труда справлюсь с предложенной мне задачей, может возникнуть задолго до того, как я фактически решу эту задачу или сумею представить себе конкретные пути ее решения. В этих условиях – условиях решенности «личностной» задачи – к мыслительной задаче утрачивается интерес, и она превращается для человека в рутинную задачу. Наоборот, мыслительная задача может быть успешно разрешена, в то время как возникшая на ее основе внутренняя личностная задача еще далека от решения. Именно в таких случаях проявляется познавательная активность личности. В итоге предпринятого ранее обсуждения проблемы активности мы пришли к выводу, что собственно активность, в отличие от других характеристик субъекта, выступает в актах выхода субъекта за рамки ситуативно-заданной деятельности, в частности – в осуществлении неадаптивных действий над порогом ситуативной необходимости. Это положение было первоначально обосновано нами на примере анализа явления «бескорыстного» риска. Теперь нам надлежит рассмотреть некоторые из возможных проявлений надситуативной активности на материале анализа познавательной деятельности.

Удастся ли выделить соответствующие формы активности в познавательной деятельности и в чем они будут состоять? Этот вопрос определяет собой первую ступень решения указанной исследовательской задачи.

В специальных экспериментах по предложенной нами схеме (Петровский В.А., Шарага, 1985, с. 45–46) были затронуты некоторые из предположительно выделенных форм познавательной активности, а именно: тенденция к автономии при решении задач и обусловленность познавательной деятельности презумпцией существования решения. Испытуемым – школьникам старших классов (всего в эксперименте было занято 70 человек) – предъявлялись группы пословиц русского языка. Нужно было найти общее основание, критерий, по которому пословицы могли бы быть объединены в эти группы.

Приведем, в качестве примера, некоторые из групп пословиц, чтобы читатель составил представление о мере интересности и трудности этой задачи для школьников. Итак, перед нами пословицы, извлеченные из книги Владимира Даля «Пословицы русского народа», основание классификации которых должно быть установлено.

Одна из групп пословиц:

«Аленький цветок бросается в глаза».

«Плохо лежит – брюхо болит».

«Всяк уста, где вода чиста».

«Мимо пройти – дураком назовут».

«Видит волк козу – забыл и грозу».
«Худые прятки портят и доброго человека».
«Да, дело это нехорошее... А дай-ка попробуем!»

Другая группа:

«Глаза даны на пагубу человеку».
«Глаза – ямы, руки – грабли».
«У кого нет голоса, тот и петь охоч».
«Люди живут, как ал цвет цветет, а наша голова вянет, как трава».
«Там хорошо, где нас нет».
«Звонки бубны за горами, а к нам придут, как лукошки».
«У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут».

Что образует основание, критерий объединения пословиц в такие группы?

Если читателю определение оснований образования этих групп и не доставило особых хлопот, хотя автору это не кажется таким уж очевидным, – то школьникам приходится хорошо потрудиться, прежде чем они догадаются, что в первом случае пословицы, объединены критерием «искушение», «соблазн», а во втором случае – критерием «зависть» (таковы основания группировки, указанные самим Далем). Подчеркивая, что задача достаточно трудна, экспериментатор разрешает испытуемым свободно пользоваться подсказкой; в качестве подсказки выступают пословицы из того же ряда, только более очевидным образом связанные с конечным решением. Создаются, как видим, условия для изучения тенденции испытуемых к автономии при решении задач. Каков процент испытуемых, отказывающихся принимать подсказку, и чем определяется тенденция отклонения помощи? Ниже мы рассмотрим соответствующие данные.

Во второй серии эксперимента испытуемым предъявляются наборы пословиц, об одном из которых заранее известно, что он содержит единое основание для их классификации. Относительно другого набора подобной информацией испытуемые не располагают. Предлагается сделать выбор, с какой из двух групп испытуемый хотел бы иметь дело; регистрируется время, затрачиваемое на поиск нужного основания классификации (в группе пословиц с «неопределенным» решением последнее в действительности имеется, но его очень трудно найти; проще решить, что его вовсе не существует). Таким образом, создаются условия для изучения возможных фактов презумпции существования решения.

Количественные данные по обеим сериям экспериментов следующие. Отказываются принимать подсказку 78% испытуемых (соглашаются 22%). Обнаруживают потребность искать решение в ситуации с

неопределенным исходом 80% (противоположную ориентацию, соответственно, 20%). Нельзя не обратить внимание на высокое сходство полученных количественных показателей, что, как тут же и выясняется, обусловлено высоким совпадением числа случаев, когда испытуемый, проявляющий автономию при решении задачи, обнаруживает также и готовность решать задачу с неопределенным исходом, и наоборот, когда презумпция существования решения в деятельности испытуемого согласуется с его же желанием не принимать подсказку.

Однако остается все же известный процент испытуемых (и не малый – около 20%), которые проявляют противоположную ориентацию в познавательной деятельности. Что представляет собой соответствующий личностный «коррелят», объясняющий как наличие, так и отсутствие подобных проявлений познавательной активности? Вернемся к предположению о «второй задаче».

Проверка гипотезы о возникновении и действенности второй, «внутренней задачи», в которой проявляется познавательная направленность личности на себя в ходе решения первой, «внешней задачи», составляет другую ступень экспериментального анализа феноменологии познавательной активности.

Была разработана специальная проективная методика исследования, заключающаяся в следующем. Первоначально группа экспертов (100 человек) оценивает 30 фотографий-портретов взрослых людей с точки зрения направленности мысли изображенных на фотографии людей. Оценка осуществлялась по ряду оснований, которые далее обобщались в одно: «Думает ли человек, изображенный на фотографии, в данный момент о себе или же он думает о чем-то другом». Фотографии оценивались по девятибалльной шкале (максимальная оценка – 9 баллов – означала воспринимаемую сосредоточенность человека на самом себе, оценка 1 балл – минимальную направленность на себя).

Для второй, основной, серии – собственно экспериментальной – из 30 предложенных фотографий было отобрано 3 фотографии, удовлетворяющие следующим двум условиям: 1) наличие высокой корреляции между ними по указанному основанию; 2) оценивание фотографий подавляющим большинством экспертов средними баллами (то есть эксперты не относили людей, изображенных на фотографиях, ни к явно сосредоточенным на себе, ни к сосредоточенным на чем-то ином). Именно эти фотографии в силу их «нейтральности», неопределенности могли выявить скрытые тенденции испытуемых.

Далее в эксперименте основной группе испытуемых предлагалось последовательно оценить три отобранные фотографии также по девятибалльной шкале. Первая фотография оценивалась ими до осуществления познавательной деятельности, то есть до начала работы над интеллектуальной задачей. Вторую из трех фотографий испытуемому предъявляли

после первых неуспешных попыток решения (задание было трудновыполнимым и заключало в себе неоднозначность возможных решений). Третья фотография предлагалась тогда, когда испытуемый накопил опыт неудач, но все же еще напряженно продолжал поиск решения. Порядок предъявления фотографий чередовался.

В итоге были получены следующие результаты. По мере погружения испытуемых в процесс решения задачи, изменялось восприятие и оценка изображенных на фотографиях людей, а именно: при предъявлении второй и третьей (по порядку) фотографий наблюдалась тенденция завышения оценок (приближение к 8 баллам), то есть люди, изображенные на фотографии, оценивались как явно думающие о себе, сосредоточенные на своем внутреннем мире.

При предъявлении последней, третьей, фотографии наблюдался еще более заметный сдвиг в указанном направлении; человек на фотографии оценивался максимальными баллами по шкале направленности на свое Я. Этот факт может быть интерпретирован как появление и усиление активности самооценивания в процессе решения личностью интеллектуальной задачи. Проведение контрольной серии, в которой фотографии «прорезали» решение испытуемыми сложной, но достаточно скучной и однообразной работы (выполнение сложных подсчетов, требующих преобразования дробей), не дало характерной картины усиления познавательной самоориентации.

Именно те испытуемые, в познавательной деятельности которых выявлялась данная тенденция, в экспериментах с пословицами обнаруживали самостоятельность, отказываясь от подсказки, а также, как правило, готовность осуществлять настойчивый поиск решений, которых, как им хорошо было известно, могло и не быть вовсе. Наоборот – испытуемые, в познавательной деятельности которых не выявлялась активность самооценки, как правило, были более пассивными при выполнении задания с пословицами: не отклоняли подсказок, выбирали только те задания, которые имеют решения, а выбрав задание с неопределенным решением, быстро отказывались продолжать поиск. Итак, приоткрывается взаимосвязь между проявлениями активности в познавательной деятельности при решении поставленных перед испытуемыми задач и возникновением «внутренней задачи», «решением» которой является построение образа своего Я.

Какие же «внутренние задачи» личность решает в процессе осуществления деятельности, в основе которой лежит познавательный мотив? Старые заповеди – «познай самого себя», «человек есть мера всех вещей», – служат самым общим ответом на поставленный вопрос. Суть этих задач состоит в том, что в процессе их решения человек строит или перестраивает образ самого себя, реализуя деятельность *самопознания, самоопределения*, то есть некую *самоустремленную деятельность*.

Проанализируем теперь психологическое строение субъектно-ориентированных задач. Целью их решения, как уже говорилось, является построение адекватного образа своего Я, образа себя в ситуации.

В то время как требования, реализуемые в ходе решения обычных мыслительных задач, касаются лишь достигаемого предметного результата, искомого знания, здесь необходимо выделить новую плоскость требований, предъявляемых человеком к самому себе в процессе решения мыслительной задачи. Эти требования могут рассматриваться как объединяющие в себе два «вектора», один из которых характеризует желаемую связь между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя, а второй «вектор» – связь между начальным и формируемым образом своего Я. Следовательно, существует два возможных основания конкретного анализа «внутренних задач».

Вначале опишем некоторые разновидности «внутренних задач», определяющихся особенностями первого из двух названных оснований анализа – требованиями, выражающими нужное соотношение между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя. Здесь решение «внутренней задачи» служит соотносению представлений о себе с возможностью решения данной предметной задачи. Успех в решении задачи есть момент самоопределения. В зависимости от того, какие требования к себе предъявляет личность (какую конкретную цель преследует, на что, в конечном счете, рассчитывает и т.п.), мы выделяем следующие три ступени самоопределения в рамках осуществления данной познавательной деятельности.

Первая ступень самоопределения – это оценка своих ситуативных возможностей. Решая стоящую перед ним предметную (например, учебную) задачу, человек отвечает для себя на такие вопросы: готов ли он к тому, чтобы действовать в направлении поставленной цели, доступно ли ему решение стоящей перед ним задачи и т.п. Приобретаемая при этом оценка своих возможностей («Я могу или не могу сделать что-то») не обязательно выступает для него как лично значимая. Иными словами, оценка своих ситуативных возможностей может иметь для личности характер проходящий, случайный.

Вторая ступень самоопределения – это оценка себя как носителя определенных познавательных возможностей. Здесь предметом оценки выступают уже не сами по себе познавательные возможности субъекта, а он сам в качестве обладателя этих возможностей. Субъект как бы стремится прийти к решению: «Я есть тот, кто... (способен, может и т.п.)». Здесь деятельность самооценивания отмечена чертой отчетливой личностной значимости. Как решенность, так и нерешенность задачи выступают в качестве важного признака в плане оценки собственной личности.

Наконец, третья выделяемая нами ступень – это оценка своих атрибутивных (глубинных, сущностных) возможностей, самоопределение

личности в собственном смысле этого слова. Здесь в трактовке самоопределения мы следуем аристотелевской «теории предикабелей». В этой теории *определение* выступает не только как собственный признак объекта, но как выражающее сущность объекта, обозначенного данным именем. «Определение, – указывает Аристотель, – есть высказывание, обозначающее сущность вещи...». Для нас важно то, что определение по Аристотелю допускает «простое обращение», то есть высказывание «S есть P» делает необходимо истинным высказывание «P есть S» (в случае, если признак P есть определяющий признак).

Применительно к нашему случаю это положение следует трактовать следующим образом. Личность, решающая какую-либо задачу, переживает возможность (невозможность) ее решения, как существенную неотъемлемую характеристику своего Я. Это такой особый пример отношения личности к своей деятельности, когда о своих существенных особенностях человек заключает, исходя из оценки своих познавательных, творческих возможностей при решении стоящей перед ним проблемы. Возможности ее решения представляются человеку «эквивалентом» его Я. «Весь я в своих творениях», – так говорил о себе Лев Толстой.

Укажем теперь некоторые разновидности задач, обусловленные особенностями второго из двух выделенных оснований анализа – требованиями к установлению удовлетворяющего индивидуума соотношения между наличным и искомым образами себя.

Конституирующим признаком познавательной деятельности и, в частности, рассматриваемого личностного аспекта является, как мы полагаем, ее направленность на формирование, расширенное воспроизводство и преобразование исходного образа ситуации. С отмеченными моментами мы связываем специфику таких «внутренних задач», как задачи, решаемые субъектом в плане *самопроявления, самореализации и внутреннего самоутверждения*. Эти задачи различаются как по характеру начальных «условий», так и по роду «требований», предъявляемых личностью к себе.

В задачах, заключающих в себе момент *самопроявления*, имеющийся у субъекта исходный образ себя, относящийся к начальным условиям задачи, объединяет в себе два ряда переживаний: «*определенно-чувственные*», составляющие с точки зрения субъекта, как бы органическую часть его Я (с легкостью идентифицируемые и составляющие устойчивое ядро его личности), и «*неопределенно-чувственные*» (сомнения, предчувствия, ожидания, надежды и т.п.), осознание и идентификация которых лишь в рамках рефлексивных процессов невозможны и требуют выхода в область предметно-практических действий и общения. Поясним, что выделяемые нами «определенно-чувственные» переживания отчасти соответствуют тем психологическим феноменам, которые традиционно относятся к «сознательному» или так называемому «пред-

сознательному», а «неопределенно-чувственные» переживания – к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом. Обращаясь к понятиям практической деятельности и реального общения, мы пытаемся ввести критерий разграничения «определенно-чувственного» – как переживаний, остающихся тождественными при их осознании, и «неопределенно-чувственного» – как переживаний, «смещающихся», «ускользающих» в процессах их непосредственного осознания и требующих для своей фиксации выхода за рамки самосознания субъекта.

Требования, принимаемые личностью при решении задачи самопроявления, заключаются в стремлении как бы избавиться от «неопределенно-чувственных» элементов путем «перевода» их в область «определенно-чувственного».

Акты объектно-ориентированной познавательной деятельности могут интерпретироваться при этом как механизм реализации процессов самопроявления.

Очевидно, что решение рассматриваемой задачи есть процесс *формирования* образа Я. В качестве «материала» построения этого образа могут быть указаны исходные «неопределенно-чувственные» элементы переживаний, а в качестве его «формы» – особенности результативной стороны познавательной деятельности.

Итак, говоря о «самопроявлении» как особой личностной задаче, мы подчеркиваем, что это задача оформления образа Я, обогащения его конкретностью. Но мы не хотим сказать этим, что при разрешении этой задачи происходит – в терминах Р. Мейли – «расширение территории Я». Наоборот, отличительным признаком этих задач является то, что субъект придерживается рамок исходного чувственного Я.

В решении задач *самореализации* человек исходит из уже достигнутого, сложившегося представления о себе и о своих возможностях. Однако, реализуя в деятельности рождающиеся в ней самой избыточные потенциальные возможности, он постоянно выходит за рамки исходных представлений о себе, осуществляя расширенное воспроизводство образа Я.

Задачи *самоутверждения* личности представляют собой весьма сложный для анализа случай. Здесь мы различаем два варианта.

Первый из них это, так сказать, внешнее самоутверждение, когда человек стремится к тому, чтобы окружающие оценили его по достоинству, иначе говоря, чтобы в их глазах был построен должный образ его способностей. Внешнее самоутверждение не является задачей самопознания, так как личность исходит здесь из некоторых наличных представлений о своих возможностях, не ставя перед собой вопроса об их адекватности и не стремясь к их изменению. Поэтому данная форма самоутверждения может быть рассмотрена лишь как дополнительный стимул познавательной деятельности.

С точки зрения анализа собственно познавательной деятельности интерес представляет другая форма самоутверждения. Это – «внутреннее» самоутверждение. Исходное чувственное *Я* субъекта в данном случае представляет собой соединение находящихся в противоречии «частей». Отмеченный ранее конфликт «могу–не могу» дает пример подобного противостояния двух равноправных начал; разрешить этот конфликт и, тем самым, установить истинность одной из посылок и ложность другой может лишь действие. Таким образом, исходный образ себя объединяет два момента. Первый из них характеризует наличное *Я* субъекта, то есть в данном случае сложившееся в его опыте представление о своих реальных возможностях, реализуемых в деятельности. Другой момент – это потенциальное *Я* субъекта, то есть некоторые превосходящиеся им возможности, возникшие в условиях выполнения данной деятельности.

Задача, которую здесь решает субъект, направлена на особое преобразование исходного образа *Я*, позволяющее, так сказать, отделить «злаки от плевел»: трансформировать «потенциальное» *Я* в *Я* «наличное»; придать статус «неподлинности» наличному *Я*. Субъект утверждает в своих глазах, и это значит, что он как бы порывает с не устраивающим его образом себя и строит удовлетворяющий его образ. Поэтому процесс трансформации образа себя включает момент преодоления, что непосредственно характеризует высшие формы активности. Данный вид самоутверждения может рассматриваться как важный *внутренний* компонент познавательной мотивации.

Деятельность самопостроения обнаруживает себя не только в перестройке мотивационно-смысловых отношений, проявляющихся в феноменах инициативы, самостоятельности, готовности «докапываться» до истины, «открытости» неизвестному и т.п. В результате постановки и решения «второй» задачи, изменения могут затрагивать также и уровень собственно когнитивных процессов при выполнении «первой» задачи. Появляется новый взгляд на познаваемый объект и действительно новые решения.

Прежде чем подробнее остановиться на этом, напомним читателю условие задачи «Четыре точки» (известной по материалам классических исследований Я.А. Пономарева – *Пономарев*, 1968). Экспериментатор рисует на листке четыре точки в вершинах некоторого воображаемого квадрата. Требуется, не отрывая карандаша от бумаги, соединить все точки тремя прямыми линиями так, чтобы начало движения совпадало с концом. Секрет решения состоит в преодолении некоторого ограничения, которое испытуемый произвольно устанавливает для себя сам: область поиска ограничивается контурами квадрата. Действительное же решение состоит в очерчивании треугольника, вершины которого выходят за пределы квадрата.

Итак, не может ли стремление испытуемых решить «внутреннюю задачу», отвечающую потребности построения образа себя как субъекта, вызвать качественную перестройку в мыслительной деятельности – переход от шаблонного к нешаблонному пути решения? В этом случае мы бы также фиксировали «выход», но только не за рамки требований задачи, а за рамки мысленной модели искомого, ограничивающей область возможных решений контурами квадрата. Но что представляет собой модель искомого? Это определенный прогноз, истинность которого должна быть проверена (*Брушлинский, 1979*).

Поэтому можно и в такой форме обозначить вопрос исследования: не проявится ли принятие «внутренней задачи» (как и в только что описанном эксперименте) в факте деформации поведения испытуемых в сторону «неподтверждения» прогноза ожидаемого от них решения? Хотя это очень легко проверить; подобное экспериментальное исследование проведено не было, и можно было бы только предложить читателю провести его самостоятельно. Вот «рецепт».

Предложите вашим знакомым задачу «Четыре точки». До того, как они примутся за решение, сообщите им, что вы совершенно не сомневаетесь в том, что сейчас они будут делать. Сделайте один или, может быть, два рисунка, соответствующие возможным неадекватным действиям ваших испытуемых, то есть действиям, ограниченными контурами квадрата. Если ваш испытуемый справился с решением задачи, отметьте время, затраченное на решение, и число неуспешных попыток перед самой последней, успешной попыткой. Если не справился – зафиксируйте, как долго и настойчиво он будет пытаться решить задачу, вплоть до отказа решать. Сравните эти данные с результатами контрольной выборки (это испытуемые, не знающие о ваших прогнозах). Думается, ваши наблюдения будут достаточно интересными и подготовят вас к восприятию результатов эксперимента, который был предпринят фактически.

В нашем исследовании (*Петровский В.А., Уварина, 1982*) прослеживалась возможная зависимость правильных решений задачи «Четыре точки» от актуализации «внутренней (второй) задачи» в общении. Изучалось влияние тенденции к индивидуализации («быть непохожим») на организацию мыслительной деятельности. Экспериментальные группы состояли из пар испытуемых. Эксперимент протекал следующим образом. Вначале задачу решал первый испытуемый, а второй в это время отсутствовал. Далее, после того как первый испытуемый накапливал опыт неудач, ему разрешали оставить задачу, и тут же приглашали второго испытуемого, которому давали ту же задачу. Пока второй испытуемый решал задачу, первый находился рядом и наблюдал за действиями второго (как правило, тоже неуспешными).

Гипотеза состояла в том, что восприятие шаблонных неуспешных действий второго испытуемого в ряде случаев будет стимулировать

правильное решение первого испытуемого. Это должно наблюдаться в «гетерогенных» группах, то есть группах, где люди резко отличаются в глазах друг друга по своим возможностям успешно справиться с задачами такого рода, и менее выражено в «гомогенных» группах, где испытуемые, скорее, отождествляют свои возможности с возможностями других. Эксперимент проводился с шестиклассниками московских школ. В каждом были образованы четыре группы диад. Первая группа была образована парами хорошо успевающих учащихся («отличники»), вторая группа – слабо успевающими учениками (условно – «двоечники»), третья группа определялась сочетанием: «успевающий–неуспевающий» («отличник–двоечник»), четвертая – сочетаниями: «слабо успевающий–хорошо успевающий» («двоечник–отличник»). В итоге исследований выяснилось следующее. В парах «отличник–двоечник» достаточно часто наблюдался эффект стимуляции деятельности первого неудачами второго. Иначе говоря, когда отличники видели, как с трудной для них задачей не может справиться слабоуспевающий ученик, их как бы «вдруг» осеняло решение. Этот эффект стимуляции «сильного» «слабым» мы, прежде всего, и ожидали получить в исследовании (хотя он и не казался авторам исследования таким уж бесспорным и очевидным). Подтверждающим гипотезу было и то, что аналогичный эффект наблюдался в парах «двоечник–отличник». Наблюдая за неудачными попытками «сильных», многие слабоуспевающие ученики достигали успеха. Эффект повышения креативности (творческих возможностей) наблюдался в основном в «гетерогенных» парах и значительно реже – в «гомогенных» парах: «отличник–отличник»; «двоечник–двоечник» (различия статистически значимы). Члены «гетерогенных» диад, как можно предположить, опирались в поиске решения мыслительной задачи на представление об определенной «дистанции», которая сложилась в их сознании между представлениями о себе и другом. Воспринимаемая ими одинаковость действий своих и другого актуализировала тенденцию проявить свою отличительность, «непохожесть», что и вело к преодолению шаблонной схемы решения²³.

Теперь еще раз задумаемся над тем, что есть общего у всех «внутренних задач», решаемых в ходе выполнения исходной «внешней задачи»; не скрывается ли за ними какая-либо единая потребность, и притом потребность совершенно особая, выделяющаяся среди всех прочих потребностей? Думается, что такая потребность есть и может быть обозначена как потребность самополагания, то есть производства индивидом своего Я, – себя как субъекта деятельности.

²³ В пользу данного предположения могут быть приведены и дополнительные данные. Тенденция проявить «непохожесть», регистрируемая по особой методике, повышала вероятность оригинального решения (см. глава 19 настоящей книги).

ГЛАВА 8. «ПАРАДОКС ЭДИПА» И ПОТРЕБНОСТЬ В САМОПОЛАГАНИИ

В потребности самополагания представлены и переплетены моменты самопознания и самотворчества, самореализации и самоопределения. Познавая внешнюю вещь, мы не обязательно преобразуем ее. Познавая же себя, мы вместе с тем преобразуем и создаем себя. Реализуя возможности, заключенные в техническом устройстве, мы стремимся к тому, чтобы устройство это оставалось сохранным, «себе-тождественным». Но, осуществляя самореализацию, мы неизбежно определяем себя заново, перестаем быть «себе-тождественными». Каждый из перечисленных моментов действительно взаимосвязан с другими. Кроме того, полагая себя, индивид утверждает свое бытие в мире, свою субъектность; источником происходящего является сам индивид. Поэтому, в частности, он стремится к автономии, нередуцируемости своих творческо-познавательных сил под действием чьей-либо воли или суждений.

Попробуем сказать человеку, что мы его знаем (сославшись при этом на чей-нибудь бесспорный авторитет, на научное исследование и т.п.); как отнесется он к подобному «знанию»? Такая ситуация была создана нами в специальных исследованиях (*Петровский В.А., Тунгусова, 1985, с. 72*).

Испытуемым предлагалось ответить на вопросы одного из популярных личностных опросников (16-факторный опросник Кеттелла), позволяющих многосторонне охарактеризовать личность опрашиваемого. Этот опросник мог быть предъявлен в двух формах, отличающихся постановкой вопросов и тематикой, хотя, с точки зрения исследуемых свойств личности, совпадающих по направленности; такие, внешне различные, однако измеряющие одни и те же личностные свойства, варианты опросников принято называть параллельными формами (каждому вопросу одной из параллельных форм соответствует аналогичный вопрос другой параллельной формы, и наоборот, таким образом, они, по сути, идентичны). В нашем эксперименте испытуемые отвечали на обе параллельные формы опросника, хотя считали, что заполняют два разных опросника. Ответы на первую форму позволяли экспериментатору выделить основные черты, обуславливающие особенности инди-

видуального поведения в различных ситуациях, и составляли опору для построения предположительных ответов на вопросы второй формы.

После того, как опрос по первой форме был закончен, экспериментатор предлагал испытуемому (через определенный срок) ответить на вопросы второй формы. При этом испытуемый получал прогнозируемый вариант его ответа. Прогноз представлял собой точное, выполненное самим экспериментатором, воспроизведение ответов испытуемого на первую форму, о чем испытуемый не знал. Ему сообщали лишь, что «ответы предсказаны хорошо знающим его человеком». Фиксировались отличия повторных ответов как по каждому из вопросов, так и по отдельным факторам. Параллельно проводился контрольный срез на тех же возрастных группах без предъявления прогнозов. В итоге проведенного эксперимента выяснилось, что испытуемые избегают повторения своих первых ответов, то есть обнаруживают динамику самооценивания при предъявлении им прогноза. Как пример, могут быть приведены достоверные (на 2,5% уровне значимости) результаты, свидетельствующие о повышении уровня интровертированности испытуемых при предъявлении им прогноза, в то время как в контрольной группе, где испытуемые заполняли параллельную форму опросника без предъявления прогноза, отмечалась стабильность соответствующих результатов.

Здесь есть определенный аналог издавна обсуждаемому в философии *парадоксу Эдипа*.

Согласно легенде, оракул предсказал фиванскому царю Лаю, что его сын, рожденный Иокастой, убьет его самого, женится на собственной матери и тем самым покроет позором весь род. Поэтому, когда у Лая родился сын, родители, желая предотвратить исполнение зловещего пророчества, постарались избавиться от мальчика. «...Проткнув ему ноги и связав их вместе <...> отослали его на Киферон, где Эдипа нашел пастух, приютивший мальчика и принеший его затем в Сикион или Коринф, к царю Полибу, который воспитал приемыша, как собственного сына. Получив однажды на пиру упрек в сомнительности происхождения, Эдип обратился за разъяснениями к оракулу и получил от него совет – остерегаться отцеубийства и кровосмешения. *Вследствие этого Эдип, считавший Полиба своим отцом* <выделено мной. – В.П.>, покинул Сикион. По дороге он встретил Лая, затеял с ним ссору и в запальчивости убил его и его свиту». Далее Эдип совершает подвиг в пользу фиванских граждан, за что те в благодарность избирают его своим царем и дают ему в жены вдову Лая, Иокасту – его собственную мать. Вскоре двойное преступление, совершенное Эдипом по неведению, открылось, и Эдип в отчаянии выколол себе глаза, а Иокаста лишила себя жизни» (*Брокгаузъ, Ефронъ*, 1904, с. 173).

Легенда о царе Эдипе, как известно, была использована Зигмундом Фрейдом при разработке идеи сексуального влечения ребенка к матери и

враждебности к отцу («Эдипов комплекс»). В философии же – сказание об Эдипе рассматривается под иным углом зрения: как обозначение зависимости прогнозируемых явлений от факта осуществления прогноза (заметим, что Эдип совершил преступление именно вследствие того, что получил предостережение оракула). Трагедия Эдипа – пример так называемого «самоподтверждающегося» прогноза. Однако предполагается возможность и «саморазрушающихся» прогнозов. В обоих случаях знание (или узнавание) прогноза рассматривается как фактор, влияющий на действительный ход событий.

До сих пор «парадоксом Эдипа» интересовались в основном исследователи развития общества – социологи, экономисты, футурологи. Имеющиеся здесь философские обобщения касаются в основном тенденций движения общественного целого. Общество, прогнозируя свое собственное развитие, может осуществить «поправку», она, в свою очередь, может войти в содержание нового прогноза, который также может повлиять на прогнозируемые события и т.д., и т.п. Но «парадокс Эдипа», как можно видеть, имеет силу и при анализе проявлений активности личности, за которыми вырисовываются закономерности движения человеческой деятельности.

Личностный уровень саморегуляции поведения, как видно, может быть подчинен той же своеобразной логике. Здесь нам приоткрывается важнейшая особенность существования человека – его стремление постоянно открываться с новой стороны, нести людям новое знание о себе, быть идеально представленным некоторыми доселе неизвестными чертами. Достаточно дать человеку почувствовать, что его намерения, возможности, представления о себе заранее известны кому-либо, наперед заданы, что он сам как бы скользит по рельсам чьих-то ожиданий, предположений, прогнозов, как деятельность либо потеряет для него какой-либо смысл, либо будет кардинально преобразована им в сторону рассогласования с чьими-то «предвидениями». Так, творческий акт лишь тогда имеет в глазах индивида реальный смысл, когда он обнаруживает в этом акте свободу от чьих-либо предположений и схем. Истоки творчества следует искать не только в стремлении индивида «выплеснуть себя на холст», но и в желании сказать о мире и о себе в мире еще ни кем не сказанное слово. Индивид неадаптивно формирует свой новый образ Я в противовес ожидаемому и как будто бы единственно возможному. Это – и самоотрицание, и саморазвитие.

ГЛАВА 9. «БЕС ПОПУТАЛ», или?.. НЕАДАПТИВНАЯ МОТИВАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ

Говоря об активно-неадаптивных тенденциях, мы допускаем существование особой мотивации, суть которой в самой притягательности действий с непредрежденным исходом. Человеку известно, что выбор, который он собирается сделать, будет оплачен, возможно, разочарованиями или срывом, но это почему-то не отталкивает, а, наоборот, мотивирует выбор. Помимо «синицы в руках и журавля в небе», есть еще, как минимум, две привлекательные птицы: ястреб на горизонте и нечто, летящее за облаками. Непредрежденность эффекта как момент привлекательности нуждается в объяснении.

Искомое решение, по-видимому, не может быть найдено, если идти по традиционному пути поиска какого-то одного мотива, который рассматривался бы как необходимое и достаточное условие выбора. Каких только серьезных версий о том же «бескорыстном риске» не пришлось автору выслушать за двадцать прошедших лет! «Поиск ощущений», «проба себя», «самоутверждение», «ценности» и т.д., и т.п. Все это, безусловно, так... Единственное «но» – и это подсказывает опыт исследования – заключается в том, что тенденция к «бескорыстному риску» не может быть редуцирована ни к одному из этих мотивов в отдельности (хотя не исключены «чистые» случаи проявления этих мотивов как побудителей риска). Подлинная проблема – в формуле их сопряжения, а она, вполне вероятно, весьма специфична для каждого человека. И, кроме того, даже объединение этих мотивов, по-видимому, еще недостаточно для того, чтобы исчерпать мотивацию неадаптивности.

В основе нашего понимания лежит идея гетерогенности неадаптивной мотивации действия. При анализе сложного состава этой мотивации обратимся к схемам анализа личности в работах Э. Берна, а также к собственным представлениям об отраженной субъектности, описанным в этой книге. За неадаптивной мотивацией действия угадывается картина внутриличностных взаимодействий в системе «Я – отраженное Я другого». Это взаимодействие в свою очередь может быть раскрыто в терминах транзактного анализа Берна как осуществляющееся при

участии трех эгосостояний, трех граней человеческого Я: «Родитель», «Взрослый», «Дитя».

«Родитель» – это экспертно-контрольная инстанция нашего Я, средоточие ранее усвоенных схем и правил, которые подлежат неукоснительному исполнению. «Взрослый» – когнитивно-активное начало, ведущей чертой которого является независимость, разумность (Берн говорит о «компьютере» и мимоходом о том, что у некоторых, кому повезет, это японский компьютер...). «Дитя» – аффективно-импульсивная и интуитивно-творческая инстанция нашего Я. Существенным для транзактного анализа является положение о «переключениях», а также о том, что в поведении могут обнаруживать себя взаимодействия между инстанциями.

Два примера из нашей коллекции. Дело происходило в одном из столичных институтов повышения квалификации. Слушателями института были преподаватели, доценты, заведующие кафедрами... Объявлена лекция профессора Н. Вдруг выясняется, что лекции не будет, болен профессор. «И тут, – рассказывал мне очевидец, – я вдруг увидел, как мой сосед, седовласый, почтенного вида зав. кафедрой областного педвуза, встрепенулся и, взявшись руками за откидную крышку стола, принялся громко хлопать ею и радостно в такт скандировать: “Заболел! Заболел! Заболел!” Произошло переключение – в нем ожило “Дитя”». Другой пример иллюстрирует взаимодействие между инстанциями в момент принятия решения. Это знаменитая в 1970-е годы сентенция: «Если нельзя, но очень хочется, то немножко можно». «Нельзя» исходит из «Родительской» инстанции личности, «очень хочется» – из инстанций «Дитя», а «немножко можно» – это компромисс, обеспечиваемый нашим «Взрослым».

Берн подчеркивает, что эгосостояние «Родитель», «Взрослый», «Дитя» – что-то действительное, феноменологически данное. Он как бы предостерегает мысленно оппонента: перед вами не просто удобный язык психотерапевтического общения и не просто теоретические конструкты, искусственно вводимые для систематизации опыта. Каждому из трех терминов нового описания личности соответствует свой круг явлений, особые психологические реалии. Но в этом случае понятия об эгосостояниях, переключениях и взаимодействиях между ними заключают в себе удобную возможность анализа неадаптивной мотивации действия.

«Родитель». Средоточие императивов, безусловное принятие которых не оставляет места вопросу «зачем?». Они повелевают следовать существу своих предписаний всегда и везде. Они исключают саму возможность каких-либо исключений. И в этом безразличии к специфике конкретной ситуации действия угадывается, несомненно, один из вероятных источников неадаптивной активности. «Родительское»: «Будь всегда смелым, никогда не трусь!» – нечто большее, чем просто призыв к смелости в данных конкретных условиях. Человек может быть буквально обречен на бесстрашие независимо от того, есть ли в том для него хоть какой-нибудь смысл. Или, к

примеру, «родительское»: «Будь лучше всех!»). Чем не невротический компонент мотивации поиска трудностей? Или что-нибудь из советов старшего поколения ученых поколения, идущему на смену, скажем, иметь мужество признавать себя невеждой, не обольщаться достигнутым (И.П. Павлов) и т.д. Это ведь тоже элементы «родительского» программирования, но уже применительно к неадаптивным тенденциям в познании (см. описанный в главе 7 этой книги феномен прагматического пересмотра собственных решений).

Наряду с примерами самопринуждения могут рассматриваться и импульсы самораскрепощения, также определяемые «распоряжениями» эго-состояния «Родитель». Автору, как и многим его московским коллегам, памятливы встречи с основателем клиент-центрированной терапии Карлом Роджерсом. То, что мы видели, можно сравнить с искусством филиппинских врачей. Проникая в глубокие пласты личности страждущего, психотерапевт удаляет из них «родительские» запреты и ограничения, внедряет веру в возможности роста, веру в саморазвитие. Коррекция «родительских» императивов, обновление инстанции «Родитель» содействуют здесь выбору активных (с непредрежденными последствиями) действий, неадаптивному выбору.

«Взрослый». С этой инстанцией личности могут быть связаны: тенденции самоопределения, поиск своего уникального Я, построение образа своих возможностей. В тенденции уточнять, что есть Я, строить образ себя и заложен, по-видимому, механизм самодвижения. Каждая новая проверка дает новые возможности, они вновь оцениваются – деятельность движется!

Особую роль играет то, что может быть обозначено как мотив границы. Когда мы хотим очертить границу чего-либо, мы неизбежно выходим (в мысли или действии) за границы очерчиваемого. В силу своих объективных («предметных») свойств граница таким образом побудительна для субъекта, она влечет к себе его деятельность. Конкретно же, в многообразных контактах человека с миром, предметом влечения становится граница между противоположными исходами действия, сама возможность противоположных исходных. Влечение к этой границе входит и в состав сложных форм мотивации поведения. В сфере познания человека побуждает граница между известным и неизвестным; в творчестве – граница между тем, что человек может создать, и тем, чего он не может; при риске – граница между благополучием и угрозой существованию; в общении – граница между открытостью другим людям и защищенностью от них; в игре – граница между воображаемым и реальным и т.п.

«Дитя». Здесь на передний план выходят: потребности в смене впечатлений и переживаний, функциональные тенденции, поисковая активность и т.п. Для того чтобы подчеркнуть связь между вовлеченностью ребенка и неадаптивностью, приведем один пример из книги Берна (Берн, 2004),

где речь идет об игре в прятки. Среди детей старшего возраста того, кому удастся спрятаться так, что его невозможно найти, не считают хорошим игроком, потому что он портит игру. Он исключил детский элемент игры, превратив ее в процедуру для взрослого.

Он больше уже не играет ради забавы... Детское Я играющего стремится к разоблачению. Вспомним то разочарование, которое мы могли испытывать в случае, если мы спрятались слишком всерьез и не могли быть никем найдены. Взрослое Я, стремящееся к сокрытию, и детское Я, стремящееся к саморазоблачению, *сталкиваются*, создавая ситуацию неадаптивности по игровому типу. Сказанное применимо к некоторым взрослым людям, которые продолжают играть в эти игры в серьезной жизни. Это игра в «Полицейские и воры». Иногда она приводит к противоправному поведению, по существу, дезадаптивному. *«Преступники, по-видимому, делятся на два типа: те, кто видит в преступлении только материальную выгоду, и те, кого в основном привлекает игра»* (Берн, 2004, с. 130).

Воспринимая каждое из берновских эгосостояний личности как возможный источник неадаптивной активности, мы видим в будущей объяснительной модели мотивации неадаптивного действия обязательное сочетание и взаимодействие этих частей нашего Я и, кроме того, необходимость привлечь для объяснения *неадаптивной активности представление об отраженном Я* другого субъекта. Здесь возможны многообразные композиции «голосов» – собственных и чужих, которые могут быть рассмотрены как внутренние взаимодействия. «Да дело это нехорошее... А дай-ка попробуем!» В этой пословице-дилемме не только пример переключения и совместного вклада разных эгосостояний в формирование неадаптивной мотивации действия, но и задача на определение принадлежности «голоса». Хотя в первой части высказывания явно слышна интонация «Родителя» («...дело это нехорошее!...»), а во второй «Дитя» («...попробуем!...»), остается вопрос, чьи позиции здесь озвучены: моя собственная (под эгидой «Родителя» или «Дитя») либо чужая («Родитель»? «Дитя»?).

Картина таких внутренних взаимодействий очень сложна и требует построения особого метода исследования. Один из подходов предложен автором и заключается в том, что на основе учета эгосостояний «Родитель», «Взрослый», «Дитя», а также взаимодействия и переходов между ними интерпретируются высказывания существующих в экспериментальной и клинической практике личностных опросников или строятся новые опросники, с самого начала ориентированные на эти категории анализа. Каждое высказывание опросника рассматривается как символ скрытого взаимодействия (транзакции) в системе «Я – отраженное Я другого», а само это взаимодействие трактуется как осуществляемое при участии эгосостояния «Родитель», «Взрослый», «Дитя». Это позволяет нам, имея

перед собой ответы на пункты опросника, судить о типичных для испытуемого структурах взаимоотношений между различными инстанциями его личности. Совместно с В.К. Калиненко (Калиненко, 1989, с. 24), мы подвергли такой транзактной реинтерпретации 16-факторный опросник Кеттела, выделив 9 шкал. Каждая такая шкала характеризует степень принятия или отвержения одним эгосостоянием личности некоторого другого эгосостояния; а так как речь идет о взаимоотношениях в системе «Я – отраженное Я другого», то выделяется именно 9, а не 6 шкал (последнее было бы справедливо для суждения о внутренних взаимоотношениях между эгосостояниями в рамках берновского описания личности как триумvirата «Родитель», «Взрослый», «Дитя»). На одном из полюсов каждой шкалы – полное принятие (установка на союз, гармонию), а на другом – полное отвержение (установка на конфронтацию) во взаимоотношениях между эгосостояниями, правда, со стороны только одного из них. Установки в этих взаимоотношениях могут быть и не быть «взаимными»: например, на шкале притяжения «Дитя» со стороны взрослого наблюдается высокий индекс притяжения, в то время как на шкале притяжения «Взрослого» со стороны «Дитя» обнаруживается высокий индекс отвержения и т.п. Используя транзактно реинтерпретированный опросник Кеттела, мы пробовали проверить, существует ли связь между тенденцией к неадаптивному риску и возможными взаимоотношениями различных инстанций в Я. Выяснилось, что за проявлениями неадаптивного риска вырисовывается конфликт между эгосостояниями «Дитя» и «Родитель», своего рода бунт первого против второго.

Словом, «Легко плывать сверху, попробуй-ка снизу!».

Продвигая дальше исследование взаимоотношений между эгосостояниями в системе «Я – отраженное Я другого», мы надеемся приблизиться к пониманию строения неадаптивной мотивации действия, проявляющейся в самых различных контекстах человеческой жизни, будь то проявления его витальных отношений с миром, его предметной деятельности, его общения, его самосознания.

Метод *виртуальной субъектности* и ряд других приемов исследования, как видим, приоткрыл нам область малоизученных в психологии феноменов активной неадаптивности человека – доподлинно, начало личностного в человеке.

Выделим несколько отмеченных нами слитно моментов самополагания индивида как субъекта возможного выхода за пределы исходных форм устремленности:

- 1) непредрежденность исходов предстоящего опыта;
- 2) возможность своего приближения к непредрежденному как влечение к нему;
- 3) воплощение этой возможности в проявлениях активности;
- 4) рефлексия (оценка, осмысление последствий своих действий с точки зрения их значимости для деятельности, общения, самосознания).

Первый из этих моментов – *непредрешенность* – содержит в себе отрицание внешней сообразности (душевное равновесие, наслаждение, выгода и т.п.) будущего действия. Второй момент – *возможность приближения к непредрешенному* как основа устремленности к нему – означает рождение новой цели (нового телеологического отношения – мотив, цель, задача, установка и т.п.). Эта цель рождается «здесь и теперь» – в поле актуального действующего; она несводима к предшествующим телеологическим отношениям. Если первый отмеченный нами момент означал свободу от заданности – «свободу от», то второй момент есть «свобода для». Третий момент – *реализация открывшихся возможностей* в действии – соответствует тому феномену, который в русском языке называется волей. И, наконец, четвертый момент – *установление смысла произведенного открытия* для деятельности, общения, самосознания есть ответ на вопрос о необходимости только что содеянного. В случае признания его ценности оно квалифицируется как внутренне необходимое, человек *признает себя его автором*, выступает *перед собой как субъект*. В противном случае человек отрицает внутреннюю причастность к деянию, ссылается на случай, обстоятельства, судьбу, находит в себе мистическое или шутовское оправдание: «бес попутал».

Таким образом, в актах самотрансцендентности субъекта, активного выхода за пределы границ предустановленного, мы сталкиваемся с явлением, о котором можно сказать: «самостановление», «самопорождение», «самополагание» субъекта как Я.

Соотнося феноменологию активной неадаптивности с другими проявлениями активности человека, отметим, что присутствие моментов «самополагания» представляется нам несомненным в способности человека подниматься «над полем» (К. Левин), осуществлять акты «самоактуализации» (А. Маслоу) и – в волевых актах (Н. Ах, Д.Н. Узнадзе, Л.С. Выготский, П.В. Симонов, В.А. Иванников). Но это «присутствие» может быть установлено в рамках логического анализа, оно образует, в терминах И. Канта, скорее «умопостижимое» в этих явлениях. Другой вопрос – оформленность «самополагания» непосредственно в мотивации поведения (совершение действий, истинный смысл которых – в проявлении себя как субъекта). Исследуя этот вопрос, удалось бы показать существование таких актов «надполевого поведения», которые, в терминах К. Левина, могли бы быть осмыслены как определяемые самой «валентностью» быть «над» – самооценностью этой возможности и – в том же контексте исследования, – «самоактуализация» предстала бы перед нами как высвобождение или, точнее, «высваивание» (в терминах Хайдеггера) своей самости; «воля» – в значении «свободы воли»: когда «произвольная мотивация действия» (В.И. Иванников) выступает как мотивация самой произвольностью («могу» как мотив) (Петровский В.А., 1976а, б, 1993).

ГЛАВА 10. СМЫСЛОВЫЕ МИРЫ ЛИЧНОСТИ, ИЛИ «ВО ЧТО ВЕРИТ МЫСЛЬ?»

Мышление не делает ошибок.

А.В. Брушлинский

СМЫСЛ. ЗНАЧЕНИЕ. НОУМЕН

Эпиграф к этой главе назовем *постулатом Брушлинского*.

Сам Андрей Владимирович Брушлинский о «постулате» не говорил, но, по сути, предложил его нам. В данной главе мы не оцениваем правомерность постулата *вообще*, а ставим вопрос иначе: «В каком из смысловых миров личности он правомерен?» Ибо человек – не только многомерное, но и многомирное существо (*Брушлинский, 2000*): он может существовать в разных смысловых мирах.

Иным способом, вопрос может быть сформулирован так: «Во что верит мысль?»

Позволю себе небольшое отступление биографического порядка. В те далекие времена, когда автору этих строк, подростку, в силу счастливых семейных обстоятельств взросления, довелось впервые увидеть А.В. Брушлинского, в дом принесли пластинку «Поэты читают свои стихи». В памяти переплелись: ученые разговоры отца, Артура Владимировича Петровского с Андреем Владимировичем «о воображении и мышлении» и – глуховато звучащий, протертый песками времени голос, читающий: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно...».

Сегодня я спрашиваю себя: существует ли некая смысловая связь между событием встречи моей с Брушлинским и стихами Маяковского, которые до сих пор звучат для меня с пластинки? В некотором роде для меня это тоже сейчас «задача на смысл».

Ее решение зависит от того, как понимать смысл, в каком из смысловых миров мы живем, словом, во что верит мысль в поисках смысла.

Смыслы и ноумены. Начнем со стихов раннего Маяковского; они выражают одну из возможных «логик» мироосмысления:

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают –
 значит – это кому-нибудь нужно?
 Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
 Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?
 И, надрываясь
 в метелях полуденной пыли,
 врывается к богу,
 боится, что опоздал,
 плачет,
 целует ему жилистую руку,
 просит –
 чтоб обязательно была звезда! –
 клянется –
 не перенесет эту беззвездную муку!
 А после
 ходит тревожный,
 но спокойный наружно.
 Говорит кому-то:
 «Ведь теперь тебе ничего?
 Не страшно?
 Да?!»

Послушайте!
 Ведь, если звезды зажигают –
 значит – это кому-нибудь нужно?
 Значит – это необходимо,
 чтобы каждый вечер
 над крышами
 загоралась хоть одна звезда?!

Поставим вопрос: в чем состоит, в данном случае, модель смыслопостроения мира? Очевидно, что *смысл* зажигающихся звезд здесь не только в том, что они *значимы* для человека, что они затрагивают его лично, что они привносят что-то в отношения с другими, что они вселяют надежды и т.д., – не только в этом... Да, безусловно, здесь есть то, о чем Д.А. Леонтьев (*Леонтьев Д.А.*, 1999) говорит как о системном качестве, именно *так* понимая смысл; я солидарен с ним в этом. Но здесь есть и *обратная* зависимость. Сами они – звезды – «звездное небо над головой» (тут уж как-то Кант вспоминается) – зависят от человека, от его чувств, помыслов, чаяний, «морального закона внутри». Как если бы отсутствие любящих на Земле было способно упразднить само существование звезд на небосводе.

Проще всего было бы сказать, что это «поэтическое преувеличение». Но, тем не менее, подобное мировосприятие не является прерогативой поэзии. Я мог бы обратить ваши взоры к философским, психотерапевтическим и психологическим системам, в которых присутствует такой взгляд.

О каждом из предметов этого мира (будь то вещь, процесс, событие, мысль, отношение, взгляд, действие, *etc*) человек может высказать три суждения.

Первое из них – о том, насколько значим данный предмет для него (загораживает ли его интересы или нет, занимает ли какое-нибудь место в его жизни или в стороне от нее, играет ли какую-нибудь важную роль или совсем неважен и т.п.). Таким образом, это суждения, сфокусированные на *личностном смысле* объекта.

Личностный смысл объекта – это не то же самое, что коннотат. Это – не отношение к объекту. Это обращенность объекта к субъекту. Например, звезды, что зажигаются ночью, поддерживают меня, избавляя меня от «беззвездной муки». Это их, своего рода, «миссия». Это не «значение для меня». Это – «предназначение».

Второе из рассматриваемых суждений касается самого существования предмета (действительно ли он присутствует в мире, или, может быть, это плод фантазии, конструкт мышления, желаемое, но не реальное и т.п.). Это суждения, предметом которых является истинность бытия предмета в мире, его существование как *ноумена* (умопостигаемого объекта).

Ноумен – это не то же самое, что денотат. Знак указывает на денотат пальцем: вот он. Денотат, согласно Моррису, часть знаковой ситуации. Ноумен нечто большее, чем денотат. Он не дан нам непосредственно. Он входит в знаковую ситуацию, но не тождествен своей «видимой части». Например, «судьба», «время», «счастье» суть ноумены, хотя, «промельками», они даны нам денотативно.

Ноуменальность объекта означает признание того, что он обладает сущностью, что в нем спрятано проступающее вовне основание его существования. Мы говорим, что ноумен объекта *есть*, то есть присутствует в мире, если этот объект не есть *мираж*, не есть просто *видимость* в глазах говорящего о нем человека. Но это не значит, что наблюдаемый объект (о нем мы говорим как денотате субъекта) *не есть* ноумен; напротив, мы могли бы сказать, что по крайней мере некоторые заключают в себе ноуменальность.

Так, треугольник любой формы (прямоугольный, остроугольный, равнобедренный и т.п.) я могу мыслить как совершенный (равносторонний) треугольник, но только наблюдаемый мною под определенным углом зрения, а при учете величин сторон – с определенного расстояния (рис. 10.1). Иначе говоря, феномен произвольного по форме и величине треугольника я могу мыслить как воплощенную в нем «абсолютную идею» совершенного треугольника, о котором скажу «ноумен».

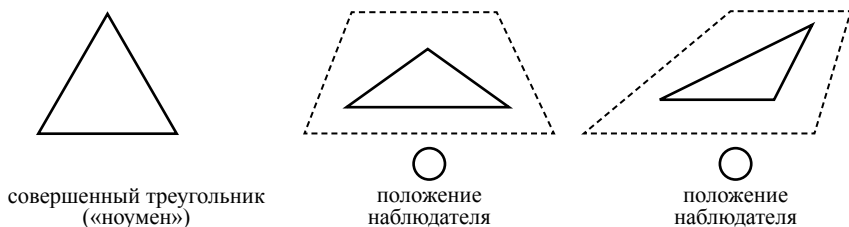

Рис. 10.1. Треугольник: совершенный или косоугольный?

И вот этот кубик (см. рис. 10.2), продолжу я, о котором мы все говорим «кубик», *никогда* не дан нам чувственно как фигура, содержащая в себе 24 прямых угла: в нашем *восприятии* (если мы имеем дело с прозрачным кубиком) дано разглядеть, максимум, восемь прямых углов: четыре на передней грани куба (квадрат спереди), четыре на задней грани (квадрат «по ту сторону» открытого доступа). И, тем не менее, перед нами именно кубик – мы осознаем его как единство, образуемое шестью квадратами, а не косоугольными параллелепипедами. Истинный, образуемый квадратами, куб есть ноумен, в то время как куб косоугольный видимый – феномен.

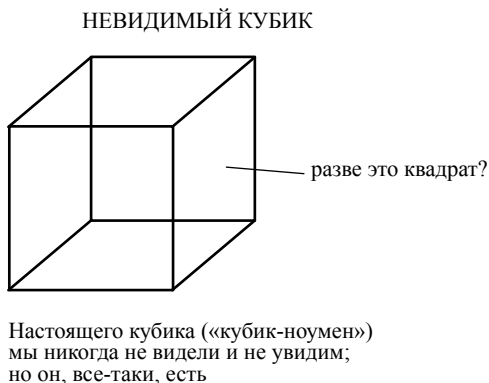

Рис 10.2. Невидимый кубик

Некогда Даниил Хармс (Хармс, 2004), писатель, философ, чье имя в должной мере не оценено философами, говорил о цифрах, что они не похожи на то, что они изображают (исключение – цифра «1», а мы бы добавили – «0»). Цифра «2» и цифра «3» не похожи на число 2 и число 3. Так и человек, – говорил Хармс, – не похож на того, *в ком* он, его облик и его суть не одно и то же. Так и Рильке говорил о «вещи в вещи», проводя различие между «Sache», вещь, и «Ding», суть вещи.

Особенно значимо введение конструкта «ноумен» в тех случаях, когда непосредственно видимого, чувственно данного объекта нет и не может быть. К ним относятся самые важные, смыслообразующие, категории жизни человека: *судьба*, *смерть* и сама *жизнь*. Да и сам *смысл* есть, безусловно, ноумен, если, конечно, мы верим в насущную действительность «смысла».

Я буду говорить об *идее* чего-либо, имея в виду не только его значение, будь то сигнификат, коннотат или денотат (Петренко, 2010). Я буду иметь в виду также бытие этого нечто «во мне и для меня» (его «личностный смысл»), а также «вне и помимо меня» (то есть его существование как «ноумена»).

Наконец, третье суждение, которое мы могли бы высказать о мире, включает в себе оценку совместимости в сознании субъекта первого и второго суждения. Предполагается, что, в принципе, возможно любое сочетание значений истинности указанных суждений: например, «этот предмет имеет смысл для меня» и «он существует *во мне*», или «этот предмет имеет смысл для меня», но «он существует *только во мне* (его нет вне меня)», и т.д., и т.п.; важным здесь является то, как человек оценивает данное положение вещей: одни сочетания он может отвергнуть (они ему кажутся неприемлемыми, отталкивающими, несовершенными, несуразными, «О'К»), другие сочетания считает вполне допустимыми (естественными, привлекательными, правильными, нормальными, «О'К»).

Для хироманта, по-видимому, не является состоятельной идеей того, что есть линии на руке, которые не обладают судьбоносным смыслом. Каждая линия о чем-то говорит. Или – для психоаналитика – не является экзистенциально состоятельной идеей того, что есть «просто сны»: каждый сон что-то значит.

О суждениях третьего вида мы говорим, что они заключают в себе оценку *экзистенциальной состоятельности* идеи предмета²⁴.

Рис. 10.3. Смыслы и ноумены

²⁴ Интересный опыт соотнесения субъективных и объективных аспектов существования идеи предмета представлен в книге О.В. Лавровой (Лаврова, 2001), капитальном исследовании феноменов сознания и бессознательного, и в частности, «фантомов разума» – призрака, несуществующего вне его (Мамардашвили, 1995, 1997).

Итак, мы могли бы принять допущение, что могут быть многообразные формы сосуществования смыслов и ноуменов (см. рис. 10.3).

Идея предмета может быть полностью сосредоточена в мире субъекта, существуя как смысл («вещь-для-меня»). Воспроизведу полностью рассказ Хармса «Рыжий человек»: «Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног... Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить» (Хармс, 1994).

Идея предмета может лежать по ту сторону интересов субъекта, выступая как ноумен («вещь-в-себе»).

Идея предмета может присутствовать на обоих полюсах (тут и смысл, тут и ноумен). Ну, например, то, чего у нас долго не было, а во всем мире было, а теперь и у нас есть – «кризис».

Идея предмета может одновременно отсутствовать как смысл и как ноумен. Например, я знаю, что подразумевается под словом «привидение», но для меня, в отличие от моих детей, это звук пустой, даже если он производится барабашкой.

Опираясь на булеву алгебру²⁵, мы разрабатываем типологию смысловых миров, в которых представлены приемлемые с точки зрения субъекта сочетания смыслов и ноуменов идей предметов, или, в наших терминах, их экзистенциальная состоятельность.

Модель «преисполненности смыслом» (табл. 10.1). Базовая схема построения такого мира заключается в том, что существование ноумена опирается на существование смысла. Я предлагаю вам на рассмотрение такую формулу: $E(n) \rightarrow E(c)$; стрелочка « \rightarrow » – знак материальной импликации.

На рисунке я изобразил логический каркас философии «преисполненности смыслом». Левый столбец – существует ли предмет ноуменально, средний столбец – существует ли смысл, правый столбец – состоятельность идеи предмета,

Иными словами, правый столбец говорит нам о том, является ли предмет представителем этого смыслового мира (идея предмета состоятельна, символ I). В том же случае, когда импликация принимает значение 0 , то это говорит о неправильном соотношении смысла и ноумена. Объект своим присутствием нарушает «правильность» данного смыслоустройства. Это «неправильный» предмет. Скорее всего, этот предмет – фантом, фикция, случайность, исключение из общего правила. Он не из этого мира (идея предмета несостоятельна – символ 0).

²⁵ См. замечательный по своей ясности учебник Т.А. Таран «Основы дискретной математики» (Таран, 2004).

Таблица 10.1

Сущ. ноумена E (н)	Сущ. смысла E (с)	Состоит. идеи E (н)→E (с)
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Суть модели в том, что существование ноумена имплицитно подразумевает существование смысла («смысл предсуществует ноумену»): $E(n) \rightarrow E(c)$.

В этой логике, как видим, только одна ситуация исключена: нечто есть в мире (существуя как ноумен), а смысл его отсутствует.

Что же это за мир? Если в нем что-то действительно есть, существует как ноумен, по ту сторону субъективного, то это сущее обладает смыслом. Иначе говоря, все, что существует в действительности, осмыслено. Напрашивается гегелевская параллель: «все действительное разумно». Поэтическая аллегория такой философии – это процитированные нами строки «Послушайте!...». А философским и психологическим версиям несть числа. Здесь – глубокие философские и психологические учения (абсолютный идеализм, философия Дао, представления о разумной Вселенной, концепция синхронистичности К. Юнга (Юнг, 1993)), а также кажущиеся курьезом, особенно в свете сегодняшней естественно-научной парадигмы, языческие и антропоморфные толкования живой природы.

Сначала – о серьезном. Серьезнее – не придумаешь. Приведем фрагмент текста Корана (2007):

66. *Моисей сказал ему (Хидру): «Могли ли я последовать за тобой, чтобы ты научил меня о прямом пути тому, чему ты обучен?»*

67. *Он сказал: «У тебя не хватит терпения находиться рядом со мной.»*

68. *Как ты сможешь терпеливо относиться к тому, что ты не объемишь знанием?»*

69. *Он сказал: «Если Аллах пожелает, то ты найдешь меня терпеливым, и я не ослушаюсь твоего веления.»*

70. *Он сказал: «Если ты последуешь за мной, то не спрашивай меня ни о чем, пока я сам не поведаю тебе об этом.»*

71. *Они вдвоем двинулись в путь. Когда же они сели на корабль, он сделал в нем пробоину. Он сказал: «Ты сделал пробоину, чтобы потопить людей на нем? Ты совершил тяжкий поступок!»*

72. *Он сказал: «Разве я не говорил, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»*

73. Он сказал: «Не наказывай меня за то, что я позабыл, и не возлагай на меня тяжелое бремя».

74. Они продолжили путь, пока не встретили мальчика, и он убил его. Он сказал: «Неужели ты убил невинного человека, который никого не убивал? Ты совершил предосудительный поступок!»

75. Он сказал: «Разве я не говорил тебе, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»

76. Он сказал: «Если я спрошу тебя о чем-либо после этого, то не продолжай путь вместе со мной. Ты уже получил мои извинения».

77. Они продолжили путь, пока не пришли к жителям одного селения. Они попросили его жителей накормить их, но те отказались принять их гостями. Они увидели там стену, которая была готова обрушиться, и он выпрямил ее. Он сказал: «Если бы ты захотел, то получил бы за это вознаграждение».

78. Он сказал: «Здесь я с тобой расстанусь, но я поведаю тебе толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением».

79. Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, которые трудились в море. Я захотел повредить его, потому что перед ними находился царь, который силой отнимал все целые корабли.

80. Что касается мальчика, то его родители являются верующими, и мы опасались, что он будет притеснять их по причине своего беззакония и неверия.

81. Мы захотели, чтобы Господь их даровал им вместо него того, кто будет чище и милосерднее к своим близким.

82. Что же касается стены, то она принадлежала двум осиротевшим мальчикам из города. Под ней находился их клад. Их отец был праведником, и твой Господь пожелал, чтобы они достигли зрелого возраста и извлекли свой клад по милости твоего Господа. Я не поступал по своему усмотрению. Вот толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением»²⁶.

Назвать то, с чем встретился сейчас читатель, «иллюстрацией» философии преисполненности смыслом, я думаю, нельзя. Перед нами сама философия смысловой преисполненности – мы застаем ее здесь при исполнении великой миссии быть истинным знанием-поучением.

Я процитирую здесь также текст создателя «логотерапии» (терапии, основанной на идее смысла как определяющего условия человеческой жизни), Виктора Франкла (Франкл, 1990):

«Один студент-медик из Соединенных Штатов писал мне: “Недавно умер один из лучших моих друзей, потому что он не смог найти в жизни

²⁶ Считаю невозможным для себя дополнительно комментировать этот текст – пусть это сделают люди, более искушенные в исламе.

смысл. Сейчас я знаю, что, если бы он был жив, я смог бы, пожалуй, помочь ему средствами логотерапии. Его уже нет, но сама его смерть будет теперь всегда побуждать меня оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Я думаю, что не может быть более глубинного мотива. Несмотря на мое горе, вызванное смертью друга, несмотря на мое чувство вины в этой смерти, его существование – и его “уже-не-существование” наполнено смыслом. Если мне когда-нибудь достанет силы работать врачом и эта ответственность будет мне по плечу, значит, он умер не напрасно. Больше всего на свете я хочу одного: не допустить, чтобы эта трагедия случилась еще раз – случилась с другим”» (Франкл, 1990, с. 15); «В жизни не существует ситуаций, которые были бы действительно лишены смысла» (*там же*).

И еще: «Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть» (*там же*, с. 13); «Смысл должен быть найден, но не может быть создан» (*там же*).

Концепция Франкла была для автора этих строк ключевой в разработке идеи логически различимых смысловых миров, и, прежде всего, для осознания разницы между «искать смысл» (что составляет суть взглядов Франкла) и – «конструировать смысл».

Поэтический язык феноменологии М. Хайдеггера (*Хайдеггер*, 1993, с. 239–240) позволяет передать присущее философу сокровенное ощущение одушевленности-осмысленности мироздания в каждом его проявлении. Иллюстрацией может служить небольшой фрагмент из «Проселка»:

«...Твердость и запах дуба начинали внятнее твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что расти – означает раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек готов исполнять веления превышающих небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли.

И дуб продолжает по-прежнему говорить это проселку, который, не ведая сомнений в своем пути, проходит мимо него. Все, что обитает вокруг проселка, он собирает в свои закрома, уделяя всякому идущему положенное ему <...>

Однако зов проселка, утешающий и увещевающий, слышится лишь до тех пор, пока живы люди, которые родились и дышали его воздухом, которые могут слышать его».

Теперь о курьезном. Вот что пишет знаменитый психиатр Сикорский о духовных качествах быка. Перед нами явная проекция на быка парадигмы «все осмыслено». Цитирую по В.М. Бехтереву (*Бехтерев*, 1928, с. 12).

«Каким бы банальным ни казалось наблюдателю это четвероногое животное, не лишен глубокого психологического интереса тот факт, что с этим животным впервые начинается в зоологическом ряду чувство благоговения <...> Чувство благоговения можно наблюдать у рогатого скота на бойне. Многие из животных, ждущих своей очереди, глубоко понимают приближение своей смерти и, испытывая чувство удивления, вызванное неожиданностью события, испытывают также панический страх; они поддаются не этим двум чувствам, но гораздо более – сочувствию к товарищам, проливаемую кровь которых они чувт своим обонянием <...> Бык идет на смерть не в безумном страхе, как другие животные (свиньи, овцы), но с возвышенным чувством в душе, которое переполняет его в эту минуту».

Первая встреченная нами модель смыслоустройства может получить разные названия – высокое и ироничное. «Высокое» уже прозвучало: модель «преисполненности смыслом». А ироничное – это «смысловой солипсизм», по аналогии с безупречной философией Д. Беркли: «Существовать значит восприниматься» (в данном случае: «существовать значит иметь смысл») (Беркли, 1978).

Модель «смысловой экспансии». Базовая формула: $E(c) \rightarrow E(n) = 1$ – «существование смысла опирается на существование ноумена». Данную модель, как и последующие, мы рассмотрим здесь конспективно, так как основные фигуры анализа уже заданы.

Модель «смысловой экспансии» – это Фрейд с идеей сверхдетерминации, это вера людей в вещие сны, это «магическое мышление», присущее, как выясняется, не только детям²⁷, но и взрослым (Субботский, 2007). Это В. Эрхардт, автор адлерианского эст-тренинга, провозглашающий: «Ты Бог в своем универсуме»; это психотерапевт, спрашивающий у клиента: «Как делаете вы себе тревогу?», говорящий ему: «Обидеть нельзя, можно обидеться». Уходя в чтение, мы предаем статус ноумена «Последнему Единорогу» (Бигль, 1994), подтверждаем знаменитое пушкинское – «Над вымыслом слезами обольюсь». Вера в сверхъестественное (я бы, вслед за В.И. Слободчиковым, предпочел говорить: «иноприродное») – это тоже смысловая экспансия в мир (Слободчиков, 1991).

Но есть здесь и неожиданный естественнонаучный поворот событий. С точки зрения некоторых физиков, отброшенная в результате выбора альтернатива продолжает «жить» в «другом эвереттовском мире», а вместе с ними и мы оказываемся живущими «там» (Менский, 2005)²⁸.

²⁷ Разве не правда, что младенец, открывая и закрывая глаза, «включает» и «выключает» мир?

²⁸ Захватывающе написанная книга доктора физ.-мат. наук, профессора, ведущего науч. сотр. Физического ин-та им. Лебедева РАН М.Б. Менского (книге предпослано предисловие академика В.Л. Гинзбурга), ошеломляет идеями и способа синтеза со-

Не все из наших фантазий реализуется в параллельных мирах (в «других реальностях»). «...Можно заметить разницу между безудержной фантазией и эвереттовской реальностью: вообразить человек может все, что угодно, а, непосредственно воспринимая “другую реальность”, он может увидеть только то, что действительно может существовать, что является *реальной альтернативой*» (там же, с. 201). Но и в «безудержной фантазии», замечу я, можно узреть «смысл», состоящий, например, в генерации фонда возможностей, лишь некоторым из которых суждено состояться хотя бы в одном эвереттовом мире (как если бы и здесь, как в социуме, имелось преимущество выбора «на альтернативной основе»).

В логическом смысле, есть единственный случай, когда осмысление мира в рамках этой модели оказывается невозможным. Это случай отсутствия ноумена, соответствующего значению имени. Но именно такая ситуация запрещена формулой импликации: ведь результат импликации должен быть равен единице: $E(c) \rightarrow E(n) = 1$, а это невозможно, если $E(n) = 0$ (см. табл. 10.2).

Таблица 10.2

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Как видим, здесь *невозможна* только ситуация отсутствия ноумена на фоне того, что смысл соответствующего объекта имени существует. Короче, это тот случай, когда говорят: «Если бы этого не было, его необходимо было бы придумать». И ведь – придумывают!

Быть может, именно данное смыслоустройство «повинно» в творчестве, в движении «за черту» испытанного, предрешенного? (вспомним о феномене «презумпции существования решения», который был описан нами ранее (Петровский В.А., 1978, 1992б).

Модель смысловой сопричастности миру. Базовая формула: $E(c) \sim E(n) = 1$ – «существование смысла эквивалентно существованию ноумена». В этой модели смыслы и ноумены вторят друг другу. Упраздняется все то в мире сущностей «по ту сторону Я», что не может быть укоренено в мире смыслов; «с ходу» отбрасываются те «смыслы»,

временной квантовой механики, и феноменологии сознания, «его необычных возможностей, которые на первый взгляд противоречат законам физики».

которым ничего не соответствует или не может соответствовать в мире ноуменов. Что есть для меня, тому и быть в мире, а чего – нет, тому в мире не место. Смыслы и ноумены симметричны с точки зрения условий своего присутствия–отсутствия в универсуме. Перед нами философия взаимной разборчивости в приветствиях «эссенции»-ноуменов и «экзистенции»-смыслов. Я бы сказал, что это – строгая модель смыслоустройства мира. Она может даже показаться кому-то не слишком просторной для мыслящих и чувствующих индивидуумов, но в то же время она способна порождать в их сознании состояние «ясности и отчетливости» постигаемого; она допускает сомнение и даже взывает к сомнению, но с одной только целью – избавиться от него. Это также и философия ответственности – потому что, в этом случае, нет и не может быть пустых слов; потому что слова здесь – поступок, а поступок – деяние, и ответственность за себя индивид несет сам, особенно когда эффект его действий существенно отличается от преследуемой цели. «Не согреши в мыслях!..», «Все мысли – материальны», «Делай людям добро, и оно вернется», «Поступай так, чтобы твои действия были образцом для всех», «Все тайное становится явным», «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», «Не рой другому яму, сам в нее попадешь», «Человек есть мера всех вещей» – множество подобных заповедей-назиданий, заповедей-напоминаний, заповедей-откровений образуют вербальную логику в продвижении смыслов к ноуменам и ноуменов к смыслам. Это философия взаимосвязи, взаимной обусловленности, взаимного проникновения друг в друга субъективного и объективного, философия явных и тайных переходов внутреннего во внешнее, внешнего во внутреннее, философия равенства сфер «человека-в-мире» и «мира-в-человеке» (см. табл. 10.3).

Таблица 10.3

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	1

В данном смысловом мире выделяются два случая «правильных объектов» (есть смысл и есть ноумен, нет смысла и нет ноумена объекта), и два случая «неправильных объектов». В первом случае это бессмысленность объекта, в то время как ноумен его присутствует в мире: новый жанр «театр абсурда» вот тут наяву, на глазах у недоумевающей публи-

ки... Как если бы все ненароком свалились в сюжет «вас снимает скрытая камера». Во втором случае, это существование смысла, в то время как сам объект отсутствует в действительности («Красная Шапочка и Серый Волк»²⁹, «Вечный двигатель», «Подпоручик Киже», «Полтергейст»).

Модель смысловой автономии. Базовая формула: $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)) = 1$. Сказать по правде, автор отдает предпочтение этой модели. Речь идет о том, что возможны любые сочетания случаев присутствия или отсутствия смыслов, с одной стороны, и – ноуменов, с другой. Смыслы и ноумены живут своей жизнью, не навязывая себя в соварищи друг другу. Лстецы существуют, но разговаривающие лисицы и падкие на лесть вороны – это побасенки. И ветер дует куда-то, в силу чего-то и почему-то, но не «зачем» и «не ради чего». И если я спрошу, положим, у ясеня, зачем ему стоять у дороги, ему только что и останется, что, не ответив мне, сокрушенно покачать головой.

Менее очевидный тезис состоит в том, что не все в поведении и психике обладает смыслом. Но этот шаг уже был сделан нами ранее, когда мы описывали постулат сообразности и критиковали его. Эта критика, конечно, не подразумевает, что активность человека не включает в себя целей, мотивов и ценностей; не означает, что в ней «смысла нет». Смысл *есть*, но он *есть именно в ней* (внутри), и он не один, их множество. Нет всеобъемлющего смысла – о каких бы проявлениях активности, «больших» или «малых», сложных или простых не шла бы речь. Человек, в отличие от иных существ на земле, – двусмысленное, многосмысленное существо. Аристотелевская энтелехия не властвует над человеком.

Критика постулата сообразности заключается, таким образом, не в том, что провозглашается и универсализируется идея бессмысленности, а в том, что совокупность (сочетание) телеологических ориентаций рассматривается в качестве особой – нецелевой, не интерпретируемой в терминах «смысла» – реальности.

Нет дихотомии смысла и хаоса: на всех ступенях живого они неразлучны, они сочетаются как фигура и фон, они дополняют друг друга, они образуют стороны друг друга, они друг друга творят. Фанти, автор изумительной по своей необычности и, я бы сказал, темпераменту книги «Микропсихоанализ» (Фанти, 1993) прав и не прав, объявляя хаос первоисток. Он прав, говоря, что хаос – первоисток. Но он не прав, утверждая, что это *единственный* первоисток. Не прав, утверждая, что первоисток – это хаос и только. Он не прав, так как не договаривает главного: пустота – это всегда *конфигурированная* пустота, *ограниченная* пустота, пустота, *ограниченная* целевыми ориентациями и стоящими за ними смыслами. Фигура (в семиотике иногда определяется как «пустое

²⁹ Тут я ошибся. Они, несомненно, есть среди нас. См. историю Красной Шапочки в изложении Э. Берна (о «Красной Шапочке в жизни») (Берн, 2001).

пространство») образована здесь «работающими на себя» целевыми тенденциями, которые, конечно же, совершенно не сговариваясь друг с другом, то есть, подчеркиваю, совершенно случайно, оформляют собой пустоту.

В дальнейшем мы наметим феноменологию «бессмысленности» как сочетание осмысленных тенденций, как возможный исток активности, порождающей саму возможность осмысления.

В данном же случае ограничимся указанием формального основания для выделения данной модели осмысления мира в особую форму, философию – «смысловую автономию».

Это – тождественно истинное высказывание $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)))$. («Тождественно истинное» здесь означает, что оно всегда принимает значение истинности I : $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c))) = I$).

В нашем контексте анализа эта формула означает, что нет «неправильных» объектов имен; любой объект может иметь или не иметь смысл и, независимым образом, присутствовать или отсутствовать в мире как ноумен (см. табл. 10.4)

Таблица 10.4

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	1

Бытие объекта во мне и для меня, то есть смысл, выступает здесь в двойной роли – как нечто сущее ($E(c)$ в крайней левой части высказывания), *опирающееся*, в конечном счете, на себя ($E(c)$ в правой части). Перед нами еще один пример того, что являет собой принцип самопричинности, *causa sui*. Смысл возвращается к себе, опираясь на ноумен, опосредствованный смыслом. Если смысл объекта отсутствует, то это нормально, даже если ноумен присутствует в мире; если присутствует смысл объекта, то ничего не мешает ноумену отсутствовать в мире. Словом, «пусть расцветают все цветы», как некогда провозгласили в Китае, и при этом никто не скажет потом – «кроме сорняков».

Могут быть отмечены и другие модели смыслоустройства. Я ограничусь пока только тем, что просто перечислю их и предложу соответствующие способы их формального описания.

Модель «перевернутых смыслов». Это философия дихотомии: либо смысл, либо ноумен. Своего рода схизма мира внутреннего и мира

внешнего. Пассивное или воинственное противопоставление себя миру. Формула философии «перевернутых смыслов» может быть описана с помощью логического оператора Жегалкина, $x^{\oplus}y$ (см. схему), представляющее собой отрицание эквивалентности высказываний, $\neg(x \sim y)$, неверно, что X эквивалентно Y (см. табл. 10.5)

Таблица 10.5

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \oplus E(c)$
0	0	0
0	1	1
1	0	1
1	1	0

Этот мир, отчасти, соответствует словам: «Я над всем, что сделано, ставлю “nihil”» (В. Маяковский «Облако в штанах»), нигилистическому сознанию. «Нигилист... Это от лагинского слова “nihil”, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает?» (И. Тургенев «Отцы и дети»). Мы говорим – «отчасти», потому что к этим словам необходимо добавить, что нигилист, отказываясь признавать то, что пребывает «по ту сторону» его $Я$, преисполнен ощущением значимости всего того, что существует «по сю сторону» $Я$.

Модель «обесмысливания». Это мир, в котором *все* не имеет смысла. Формула этого мира, может быть выражена с помощью так называемой «стрелки Пирса». Стрелка Пирса – это новое высказывание, обозначаемое $X \downarrow Y$, истинное тогда и только тогда, когда оба высказывания ложны. Стрелке Пирса соответствует отрицание дизъюнкции, $\neg(X \vee Y)$, то есть неверно, что X или Y , или – конъюнкция отрицаний, $\neg X \& \neg Y$, то есть не X и не Y (см. табл. 10.6)

Таблица 10.6

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(n)$	«Правильность объекта» $E(c) \downarrow E(n)$
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	0

В «Индийском жизнеописании» из «Игры в бисер» Германа Гессе некто Даса, молодой еще человек, но уже многое испытавший в жизни, открывается старику йогу, в надежде услышать сочувственное понимание и наставление.

«Мне несносна эта ужасная жизнь, – говорит Даса, – я хочу избавиться от нее». Улыбка играет на губах старика, потом она переходит в смех. Старик с беззвучным смехом закачал головой и, смеясь, сказал: – Майа! Майа!

Что приблизительно означают эти слова, Даса наполовину знал, наполовину догадывался... Жизнь Дасы и жизнь всех людей – все было в глазах этого старого йога майей, было каким-то ребячеством, зрелищем, театром, игрой воображения, было пустотой в пестрой оболочке, мыльным пузырем, чем-то таким, над чем можно было даже восторженно смеяться и что можно одновременно презирать, но ни в коем случае нельзя принимать всерьез» (Гессе, 1991, с. 418).

Благодаря старику, Даса получает шанс вновь прожить свою жизнь, избежать старых ошибок, испытать счастье, любовь, отцовство, власть, измену, потерю любимого сына, страх, отчаяние, но он, в конечном счете, приходит к пониманию правоты своего наставника, думая о себе так: «Игрой он был и видимостью, обманом и сном, майей был он, прекрасный и страшный, восхитительный калейдоскоп жизни с ее жгучим блаженством и жгучей болью» (там же, с. 431).

Модель «ослепления смыслом». В этом мире возможно все, кроме веры в возможность осмыслить что-либо как действительно существующее в мире. Сомнению в осмысленности – да! Принятию истины – нет! Тот случай, когда говорят: «смотрит, но не видит», а если и видит, «не верит глазам своим». Своего рода непереносимость истины при встрече с нею лицом к лицу. В базовой формуле модели «ослепления смыслом», уместно использовать логический оператор «штрих Шеффера», $X|Y$, чему соответствует отрицание конъюнкции, $\neg(X \& Y)$, неверно, что X и Y , или дизъюнкция отрицаний, $\neg X \vee \neg Y$, неверно, что не X или не Y (см. табл. 10.7).

Таблица 10.7

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(n)$	Состоятельность идеи пред- мета $E(c) E(n)$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	0

По сути, это логика смыслоустройства мира невротического индивидуума. Бытует такая шутка: психотик считает, что дважды два – это пять, и на этом настаивает; невротик знает, что $2 \times 2 = 4$, и это его раздражает...

Идея существования качественно различных смысловых миров может получить развитие, как минимум, в двух-трех направлениях.

Первое. Вполне вероятное признание того факта, что мир человека в целом неоднороден с точки зрения логик своего смыслообустройства. В разных сферах бытия имеют место разные способы соотнесения смыслов и ноуменов. Можно предположить, например, что присутствие человека в мире так называемой «неживой природы», мире физических объектов без видимых признаков жизни и разума, для современного паранаучного, «но уж точно не языческого», обыденного сознания, гордо отделяющего себя от языческого, есть сфера реализации логики смысловой автономии (смыслы живут своей жизнью, ноумены своей, они сосуществуют, сочетаясь в любых вариантах), хотя, в науке, что может показаться парадоксом, этот взгляд не представляется уж столь бесспорным (см., например, поразительную по своей глубине и смелости книгу В.А. Лефевра «Космический субъект» (Лефевр, 1996)).

С другой стороны, мой внутренний мир, мир моей субъективности, будто послушен другой логике, философии, имя которой «смысловой солипсизм», или – «все преисполнено смыслом». Этот мир буквально пронизан смыслами, без смыслов немислим, его ноуменальность всегда подразумевает осмысленность – реальную или потенциальную. Например, если в данный момент нечто, неожиданно-негаданно, вдруг, не по графику, вне логики встреч, привычных визитов, незванным гостем, сюрпризом, является нам, то, уж точно со временем будет понято нами как добрый знак, как подарок, как приз, который заслужен, как радость или, напротив, как черная метка, неизбежное зло, наказание, возмездие или напоминание о том, что «судьбу не обманешь» и «от судьбы не уйдешь». И таким образом здесь все привходящее укореняется.

Или, положим, мир нашей деятельности, творчества. Мир, где, казалось бы, все доподлинно повинует логике: что разумно (осмыслено), то и действительно, и столь же, что действительно, то и разумно. Как если бы это было суверенное и привилегированное поле действия философии смысловой сопричастности.

Или, например, игра как особая деятельность, где все может стать всем»; или детские сны, где желания исполняются («исполнение желаний», по Фрейд), или взрослые сны, где, как подметил еще Д.Н. Узнадзе (Узнадзе, 1966), стоит подумать о чем-то, как оно тут же появляется, вырастает перед тобой («материализация представлений»). Чем не господство философии смысловой экспансии, поддерживаемое психоанализом и будоражащее фантазию тех, кто верит, положим, в «вещи сны»?

Исходя из этой общей гипотезы «фрагментированности» мира на зоны, входящие в компетенцию разных философий смысла, мы приведем данные эмпирического исследования, посвященного действию одной из описанных выше моделей смыслопонимания в сфере общения между людьми.

Второе. По-видимому, не только мир человека неоднороден как поле проявления разных логик смыслоустройства, но и сам человек как мультисубъектное образование является носителем разных логик – даже тогда, когда он имеет дело с одним и тем же фрагментом действительности. В каждой из перечисленных сфер бытия человека могут заявить о себе субъекты всех перечисленных форм осмысления мира (назовем их на будущее «действующими лицами»). Вполне вероятно, нам станет известна со временем «излюбленная логика» внутреннего Ребенка, предпочитаемая логика внутреннего Взрослого, «единственно верная» логика внутреннего Родителя. Отмечу, что это особое эго-построение имеет вид двухступенчатой импликации (Петровский В.А., 2001а, б; Петровский В.А., Таран, 2002а):

$$Л = (В \rightarrow Р) \rightarrow Д$$

Здесь $Л$ – символизирует личность, $В$ – эго-состояние Взрослый, $Р$ – эго-состояние Родитель, $Д$ – эго-состояние Дитя; импликация « \rightarrow » интерпретируется как отношение «реализации через», отношение «опоры».

Положим, теперь, что $В$ живет в мире смысловой независимости, $Р$ – смысловой экспансии, а $Д$ – смысловой сопричастности. Положим, речь идет о судьбе. Примем, что для эго-состояния Взрослый *вполне вероятно*, что цепочки событий под именем «судьба», которые были бы независимы от собственных усилий человек, нет. Согласно логике смысловой независимости, $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)))$, из принятого допущения вытекает уместность идеи «судьбы», как в том случае, когда имя «судьба» обладает смыслом для Взрослого эго, так и для того случая, когда это слово лишено какого-либо смысла в глазах Взрослого. В первом случае («смысл есть»), имеем: $I \rightarrow (E(n) \rightarrow I) = I \rightarrow I = I$ (идея уместна в мире значений). Во втором случае («смысла нет»), $0 \rightarrow (0 \rightarrow 0) = 0 \rightarrow I = I$ или $0 \rightarrow (I \rightarrow 0) = 0 \rightarrow 0 = I$. Мы видим, что, как в первом, так и во втором случае, $E(n)$ может варьировать, принимая значение 0 и I , но это никак не сказывается на результате двойной импликации: как в первом, так и во втором случае, идея «судьбы» вполне уместна в мире значений.

Рассматривая логику Родителя, живущего, согласно принятому здесь допущению, в мире смысловой экспансии, мы видим, что существуют случаи как уместности, так и неуместности идеи «судьбы» в мире значений: $E(c) \sim E(n)$ принимает два значения: I – в случае, если они

одновременно присутствуют или отсутствуют в мире смыслов и, соответственно, в мире ноуменов; 0 – в случае асимметрии единовременного присутствия или отсутствия идеи «судьбы» в обоих мирах. В первом случае, идея «судьбы» уместна, а во втором – она исключается из мира значений («утрачивает свое значение»).

Кратко рассмотрим логику обращения с идеей «судьбы» в контексте Дитя. Мы приняли выше, что это мир «смысловой экспансии»: $E(n) \rightarrow E(c)$. Здесь есть единственный случай, когда идея «судьбы» неуместна: $E(c) = 0$. Во всех остальных случаях идея судьбы, как можно легко убедиться, уместна.

Поставить теперь вопрос о том, насколько уместна идея «судьбы» в мире значений личности (L). «Заместим» L, B, P, D логиками построения их смысловых миров и проведем элементарные логические преобразования. Кроме того, упростим запись, опуская символ существования E («есть», «existence») в буквосочетаниях $E(c)$ и $E(n)$, замещая их символами, соответственно, C и H . Итак, имеем (некоторые промежуточные результаты вычислений здесь опущены):

$$((C \rightarrow (H \rightarrow C)) \rightarrow (C \sim H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = (1 \rightarrow (C \sim H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = (C \sim H) \rightarrow (H \rightarrow C) = 1$$

Иными словами, при данном соотношении «логик» Взрослого, Родителя и Дитя, и при данной их «композиции» в составе личности, идея «судьбы» уместна для личности в целом, независимо от того, осмыслена ли она и обладает ли ноуменом для каждого из действующих лиц.

Возможны, конечно, и другие соотношения логик, другие композиции «действующих лиц», в результате чего идея «судьбы» будет более уязвимой для личности в целом, подчиняясь прихоти сил, управляющих смыслами и ноуменами для каждого из субъектов, образующих личность.

Приведем один из примеров такой композиции:

$$L = ((C \rightarrow (H \rightarrow C)) \rightarrow (C \rightarrow H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = H \rightarrow C$$

Здесь Взрослый, как и в первом примере, существует в мире смысловой автономии, $C \rightarrow (H \rightarrow C)$, Родитель – в мире «преисполненности смыслом», $C \rightarrow H$, а Дитя – в мире смысловой экспансии, $H \rightarrow C$. В результате чего личность, L , может исключить из своего мира идею судьбы как несостоятельную, $1 \rightarrow 0 = 0$. Ведь в данном случае, мысль о том, что судьба «есть» не затрагивает как Взрослое, так и Детское эго-состояния, $C = 0$. Личность остается вполне равнодушной к идее «судьбы» на уровне своих чувств и эмоций.

Отметим также, что *рефлексия* смысловых миров, предметов, в них представленных, ведет к переакцентировке смыслов: ведь только что образ, в смысловом плане «пустой», благодаря тому, что он образует элемент экзистенциально состоятельной идеи, приобретает смысл:

Медуза

Медуза скользкая мясиста,
она заметна без труда
вон там, где, цвета аметиста,
мерцает в глубине вода.

Почти не составляя груза
и омерзительна нежна,
ты, бесполезная медуза,
зачем на свете ты нужна?

Заполнив южные широты,
как стекловидное тряпье,
ты славишь замысел природы
и бескорыстие ее³⁰.

Все, что было сказано нами о смысловых мирах, может быть операционализировано, что предполагает построение методик, фиксирующих неслучайность связи между «смыслами», «ноуменами» и оценкой состоятельности сочетаний между ними применительно к таким «предметам», как «судьба», «жизнь», «смерть», «любовь», «счастье» т.д. и т.п. (это слова, порождающие разброс в распределении меры присутствия своих предметов в субъективной и объективной сферах бытия будущих испытуемых). Отклонения от статистически случайного распределения сочетаний «смысл–ноумен–оценка» может служить индикатором и критерием дифференциации «смысловых миров».

По ту сторону смысла

Если верно, что истина «пристрастна» (Леонтьев А.Н., 1975), то пристрастны и мы, говоря о том, что мир, в котором живем, есть мир смысловой автономии. Я придерживаюсь того взгляда, что человек не только постигает некие «предсуществующие» смыслы, сообразующиеся с объектами-ноуменами. Он строит сам для себя смысловую перспективу будущих действий, понимая, что само существование таких объектов – под вопросом. Иначе говоря, исходный вопрос состоит не в том, что представляет собой искомое «х» (это может быть установлено позже), а в том, существует ли «х» в принципе (как ноумен). Ведь если поле будущих смыслов пусто, то косить – еще рано, жать – пока нечего; а семена, возможно, еще не посеяны. Более того – и такова суть нашего понимания – деятельность человека *всегда* заключает в себе момент незаданности существования решения, и, следовательно, риск нереализуе-

³⁰ Стихи Евгения Винокурова.

мости своего исходного предмета во вне. Это мир, в котором нет места ни пессимизму, ни оптимизму, это мир «без кумиров» (будь то вещи, слова, позиции, или – «мои мысли», «мои чувства», «моя позиция»).

От общих соображений перейдем к некоторым примерам, скорее перечисляя их, чем раскрывая подробно.

Поток сознания. Чем глубже мы погружаемся в феноменологию сознания, представленную работами У. Джеймса, тем меньше у нас остается сомнений в том, что «цели» и «смыслы» (любой степени общности и при любом способе их понимания) не могут служить объяснением динамики мыслей и чувств, представлений и побуждений во внутреннем мире личности. Говоря о сознании, Джеймс подчеркивает: «В нем нет каких-то стыков и соединений: оно течет. “Река” или “поток” – вот те метафоры, которые описывают его наиболее естественным образом». Р. Фрейджер и Д. Фейдман предлагают убедиться в этом на собственном примере, приводя в качестве иллюстрации следующую запись мыслей, свободно протекающих в голове человека:

«Я сделаю это минутное упражнение: карандаш для записи мыслей, на письменном столе есть карандаши, счета на письменном столе. Я еще хочу купить весеннюю, обогащенную фтором воду. Йосемитская долина в прошлом году, по утрам озера замерзают по краям, той ночью “заело” “молнию” на моем спальном мешке, ледяной холод» (*Фрейджер, Фейдман, 2007, с. 33*).

Джеймс ставит логическое ударение на чувстве непрерывности и принадлежности сознания, способности человека делать выбор, или, в близких нам терминах, – «пристрастности»: «Без избирательного интереса, – пишет У. Джеймс, – опыт представляет собой полный хаос. Только интерес придает особое значение и расставляет акценты, создает свет и тень, задний и передний план – одним словом, разумную перспективу» (*Джеймс, 1991, с. 402*). Кроме того, Джеймс пишет: «Мозг на каждой стадии своей активности предлагает нам несколько возможностей. Работа сознания <не «поток», а «работа». – В.П.> заключается в том, чтобы сравнивать эти возможности друг с другом, отбирать некоторые из них, а другие игнорировать» (*там же, с. 288*). Мы, таким образом, переносим акцент, подчеркивая существование хаоса как источника, из которого вычерпываются возможности. О потоке можно спросить, «почему?» и «куда?» в нем движется то, что движется. Но совершенно бессмысленно спрашивать, «ради чего?» и «зачем?».

Вводим новое понятие – «псевдосемы». Но вначале напоминаем читателю о «семах». В лингвистике «семы» – это «конструктивный элемент значения языкового знака»³¹. В более широком, не только линг-

³¹ В повествовании о «семах» в лингвистике, мы цитируем замечательную по своей ясности и вместе с тем плотности изложения статью о семах в *Википедии*:

вистическом, но и психологическом смысле, семы можно понимать как элементы смысла некоторого явления в коммуникации по поводу него с другими людьми или с самим собой, и отвечающие на вопрос: «Как я это понимаю?», «Зачем это?», «Ради чего?» и т.п. С этой точки зрения, *псевдосемы* – это гипотетические «смыслы», якобы присущие явлению, которое интерпретируется как знак, функционирующий в коммуникации. Примером может служить толкование конфигурации трещины на стене. Форма трещины, да и сама трещина, очевидно, не являются посланиями и, следовательно, лишены смысла сообщить что-то кому-то. Хотя в глазах специалиста трещина и ее конфигурация могут свидетельствовать о состоянии здания, но только в больном или детском сознании могла бы возникнуть мысль, будто стена «специально» сигнализирует о себе, показывая, что с ней происходит. В нашем примере, форма трещины, имея под собой *причину*, не имеет смыслового происхождения (не может быть представлена как сема). Но если кто-то пытается «вычитать» смысл, толкуя форму стены как знак, то с нашей стороны это должно быть оценено как присутствие в его сознании псевдосемы: «Вот что показывает мне стена». Кстати, по поводу стены, правда, гораздо более прочной. В одном из фантастических рассказов автор прочитал о «Великой китайской стене» как особом послании в космической коммуникации между иноземными цивилизациями и Землей – иллюстрация того, что назвали только что псевдосемой.

Вернемся к потоку сознания. Рассматривать любой из процессов, образующих поток, любое из содержаний, движущихся в этом потоке, как

«Положение о том, что значение языкового знака представляет собой определенную структуру и принципиально членимо на более элементарные составные части, признается сегодня практически всеми лингвистами. Разложение значения на части – иначе называемое семантической декомпозицией – является, по сути, единственной возможностью его описания, поскольку любое толкование слова, фразеологизма, морфемы и пр. представляет собой не что иное, как более эксплицитное, то есть развернутое перефразирование заданного смысла. А для того, чтобы выразить некий заданный смысл более развернуто, необходимо сначала разделить его на части, с тем, чтобы потом сопоставить с каждой из них соответствующий элемент толкования... Начнем с классического примера, наиболее часто используемого в дискуссиях о плюсах и минусах семантической декомпозиции. Значение слова *холостяк* (точнее, его английского эквивалента *bachelor*) можно истолковать приблизительно так: «взрослый мужчина, никогда не бывший женатым». Тем самым мы разложили значение этого слова на следующие семы: «мужчина» (этот элемент значения в свою очередь раскладывается на «человек» и «мужской пол»), «взрослый» и «никогда не бывший женатым». Каждый из этих семантических компонентов, даже если он и может быть подвергнут дальнейшей декомпозиции, более элементарен, чем значение толкуемого слова. Этот метод, впервые предложенный в таком виде в работах американских ученых Дж. Дж. Катца и Дж. А. Фодора, часто называется в специальной литературе “компонентным”, или “семным анализом”». В других частях этого текста семы описываются также как «смыслы».

наделенные смыслом, это иногда значит вычитывать смыслы там, где их нет, подставляя на место «действующих причин» («почему?», «в каком направлении?») псевдосемы («зачем?», «ради чего?»).

Конфигурации чувственной ткани сознания. Переживания человека, в которые втеснены образы мира, избыточны по отношению к ним³².

Вернемся к конфигурации чувственной ткани как несмысловой структуре. Об образе, формирующемся у человека в процессе отражения действительности, известно, что он «обладает высокой **избыточностью** признаков» (В.П. Зинченко). Подчеркнем особо: не только образ избыточен по отношению к движениям, которые они регулируют, но и

³² Позволим себе небольшое отступление об избыточности. Есть две традиции в ее интерпретации и оценке: одна – назовем ее бернштейновской – это избыточность как *преодолеваемое* состояние (выполнение движений подразумевает преодоление избыточных степеней свободы). Другая традиция – спенсеровская. Она восходит к теории игры, ее происхождения, в работах Спенсера, а те, в свою очередь, – к Шиллеру. «Теория игры, сформулированная Спенсером, который развивал мысль, брошенную Шиллером, усматривает источник игры в избытке сил: избыточные силы, неизрасходованные в жизни, в труде, находят себе выход в игре. Но наличие запаса неизрасходованных сил не может объяснить направление, в котором они расходуются, того, почему они выливаются в игру, а не в какую-нибудь другую деятельность» (*Рубинштейн*, 1946, с. 593). Цитируем Рубинштейна полностью не для того, чтобы присоединиться к его критике теории Спенсера, а для того, чтобы подчеркнуть подтверждение автором «Основ общей психологии» идеи избытка сил, и в частности того, то этот избыток может «выливаться в какую-то иную деятельность». В ряду Шиллер – Спенсер появляется еще одно имя – истинного теоретика, внесшего вклад в разработку идеи избыточности. Это – Б.Ф. Поршнев. Он объяснял появление новых форм поведения избытком сил, требующих своего выхода и воплощения. Понятие избыточности в наши дни находит отклик в работах авторов, осмысливающих феномен личности. В.П. Зинченко, работы которого пронизаны идеей избыточности, приводит слова Сальвадора Дали: «Личность – это избыток индивидуальности». Появляются определения личности как «из-бытия» и т.д. Идея избыточности переступает границы того, что А.Г. Асмоловым удачно обозначает как «персоногенез» (процесс и динамический результат становления личности индивида). Сошлись на идею того же автора, А.Г. Асмолова, который рассматривает задачи образовательной политики под углом зрения принятия избыточных целей (*Асмолов, Нырова*, 1994). Итак, вырисовывается логика историогенеза обсуждаемой идеи, включающая в себя имена классиков и современников, представителей разных эпох и культур.

Идея избыточности как источника движения деятельности была высказана автором этих строк в работах, посвященных надситуативной активности (1975–1978 гг.). В материалах Парижского конгресса психологов (*Петровский В.А.*, 1976б) была предложена трактовка активности как деятельности «над порогом ситуативной необходимости», побуждаемой возможностями, превышающими исходный уровень требований, предъявляемых к деятельности. Я писал о том, что помимо биологического влечения («хочу») и социального долженствования («должен»), есть еще и переживание «могу» как побудитель (а не только средство) активности.

чувственная ткань образа (в терминах А.Н. Леонтьева) избыточна по отношению к образу, материалом которого она является. Иллюстрацией могут служить двойственные картинки: то мы видим перед собой старуху, то – молодую женщину и т.п. Конфигурации линий, – множество кривых на плоскости, – заключающих в себе возможность порождения двух осмысленных образов видимого объекта, сами по себе бессмысленны. Образы, порождаемые ими, переживаются как разные, отделенные друг от друга во времени, не сочетающиеся сущности. Люди, которые впервые видят двойственные картинки, пребывают в недоумении: «Как такое возможно?». Но что это, как не поиск смысла там, где осмысление невозможно? Псевдосемы конфигураций чувственной ткани сознания поддразнивают человека, приглашая постичь их «смысл».

Здесь есть отличие от одновременно данных сознанию «фигуры» и «фона». Те, хотя, как известно, и «переходят» друг в друга, но все же, в каждом из сочетаний переживаются как стороны друг друга, части единого целого. Другое дело – точки самого перехода. Речь тут идет о том, что происходит «тут», «здесь и теперь», и что остается совершенно неуловимым. Мы еще называем это «вот-сейчас-бытие».

Вот-сейчас-бытие. Точки превращения «фигура – фон» – лишь частный случай постоянно происходящего в нас рассечения и связывания переживаний прошлого и будущего в настоящем. В.П. Зинченко пишет о «собирации, стягивании трех цветов живого времени – прошлого, настоящего, будущего – в одновременность, в дление (А. Бергсон), в вечное настоящее... Согласно Мамардашвили, такие точки избыточны» (цитирую по статье В.П. Зинченко (Зинченко, 1997)).

Ранее мы отмечали: вот-сейчас-бытие – реальность, на которой буквально держится мир нашей субъективности, но которая никогда как таковая не дана нам в своей непосредственности. Она полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некой точке пространства и времени; а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий (Петровский В.А., 1985 а, б или в).

Избыточность точек перехода между субъективными состояниями, образующими вот-сейчас-бытие, неотделима от изначальной неосмысленности непроявленных содержаний, предсуществующих в них. Еще раз обратимся к Мамардашвили: «Смыслы нам доступны и понятны, а сами эти точки недоступны и непонятны» (Мамардашвили, 1995, с. 33).

Переживание движения; «неудобство» новизны как опоры и цели. Любая изошренная попытка «схватить» движение в созерцании всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя лишь иллюзию преодоления извечной дистанции между образом созерцания и неподвластным ему движением. «Бабочка света, красота ускользает... а в руках

остаётся одно очертание бегства» (Хименес)³³. Ахиллес, не способный догнать черепаху, – апория, парадокс, разрушаемый анализом. Но черепаха, пытающаяся угнаться за Ахиллесом, однако, неспособная сделать это, – реальность. Созерцание, подобно черепахе, не способно догнать Ахиллеса. Точно так же и лошадь не способна схватит морковку, маячащую перед ней. Движущаяся точка всегда хоть на миг впереди бегущей за ней точки внимания. Восприятие и представление движения лишь *моделируют* процесс, но никогда не сливаются с ним полностью, не покрывают его собой (эти рассуждения можно сопоставить с описанием «процесса» в работах Г.П. Щедровицкого – *Щедровицкий, 1977*).

Естественно считать, что образы, которые складываются в восприятии человека, а также образы представления, *ориентируют* нас в мире – либо в качестве инструментов нашего действия (являясь их средством), либо – заключая в себе предвосхищение будущего результата (являясь целью действия). Присмотримся теперь к тому, что мы называем «новым».

Новизна – объективно – соседствует с нами. Сказать «добрососедствует» я не спешу. Но она рядом с нами всегда. При этом часто мы не отдаем себе отчета в том, насколько хорошо это соседство. Воспринимаем ли мы новизну как таковую? Можем ли на нее опереться в нашем действии? Можем ли исходить из идеи «нового» как из цели, подобной другим целям? Нет.

То, что мы привычно называем «новым», так же, как и движение, подпадает под рубрику «невоспринимаемого». Для того чтобы воспринять (а значит опознать) «новое», необходимо обладать средствами его «усвоения себе», – средствами ассимиляции. Еще со времен мудрых греков известно, что только подобным познается подобное (Эмпидокл). Для того чтобы возник осмысленный, имеющий для нас то или иное значение образ чего-либо, необходимо иметь для этого некую опору – в виде модели, схемы, эталона, опосредствующего восприятие. Однако подлинно новое, играя в прятки с нами, прячется от водящего, а чуть только покажется ему, как тут же стремится добежать первым к условному месту, и догоняющий оказывается в проигрыше. А это значит, что не только образу нового не на что «опереться», чтобы выстроиться, но и субъекту не на что опереться, чтобы использовать новое.

³³ Л.Н. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал «флогистон», то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу именно таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души. В наших жарких сегодняшних спорах о «субъектности», не будем забывать, что она, так напоминающая живое пламя, подобно огню, невещественна и неостановима в полете; в образе воспроизводится приблизительно и условно (*Петровский А.В., 1984*).

Результат «без-опорной» активности, как правило, расходится с помыслами, а если и совпадает с ними, то лишь случайно. Поэтому новизна – не только непредсказуемый в своих проявлениях «инструмент» активности, но и ее непредсказуемый результат. Что, разумеется, часто оправдывает действия человека, избегающего шаблонных решений (сюрприз, однако, радуется не всегда). Предположим теперь, что *новизна* составляет предмет интереса субъекта, внутреннюю цель его активности. В этом случае говорят о потребности в творчестве. Продвинемся от начала к итогам процесса. Итак, примем на минуту, что данная потребность удовлетворена, внутренняя цель достигнута, предвкушаемая новизна – «вот она вся» – перед нами. Тут-то мы и сталкиваемся с парадоксом, описанным нами ранее (*Петровский В.А.*, 1992). Это – парадокс противостояния *бытия и существования нового*. «Существовать» значит иметь форму представленности в чем-то еще, быть отраженным, продолженным, выраженным (Гегель, Рубинштейн). Условие адекватной представленности непосредственно неприменимо к новизне. Осетрина, как известно, бывает только одной свежести – первой, а на вопрос, сколько яиц можно съесть натошак, существует единственный правильный ответ: «Только одно» (все остальные будут уже «не натошак»).

Феноменологически, переживание новизны интересно сопоставить с функционированием того, что называют ориентировочным рефлексом (знаменитым павловским рефлексом на новизну – «что такое?»), или, к сегодняшнему дню, не менее знаменитой динамикой формирования «нервной модели стимула» в работах также нашего соотечественника Е.Н. Соколова). Создается впечатление, что ориентировочный рефлекс, который, по всем законам физиологии ВНД, должен «угасать» при многократном предъявлении одного и того же стимула, в случае воды и огня (рокот волн, расплывающаяся улыбка океана, вспышки в камине, колебание пламени костра) не исчезает, или, по крайней мере, сходит на нет существенно медленнее, чем обычно. И то, и другое в восприятии человека будто обновляется вечно... Конечно, на эмпирическом уровне сказанное нуждается в подтверждении (действительно ли «нервная модель стимула» формируется в случае воды и огня иначе, чем в других? – это требует проверки). Но своеобразие переживаний, возникающих при этом, на мой взгляд, несомненно; оно объясняет неискоренимую потребность людей подолгу смотреть на огонь, прислушиваться к шуму прибора, неотрывно следить за накатами волн.

Когнитивный хаос. Наше обыденное сознание заключает в себе множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и уживающихся друг с другом, как бы в насмешку над законом исключенного третьего. Российский исследователь, Е.Н. Улыбина, мне кажется, именно так осмысляет «обыденное

сознание» (Улыбина, 2001). Я мог бы проиллюстрировать сказанное аналогией из другой области, не психологической, а, скорее, историко-философской (с оттенком мифологичности), на тему «что мы знаем из жизни Диогена Лаэртского». Нет ничего удивительнее узоров несовместимости в изложении «исторических» событий, о которых читатель с изумлением узнает в книге. Но под одной обложкой обыденного сознания все истории о нем складываются в большую разноликую историю его жизни. Неважно, так это было или иначе, но формируется общее впечатление, что нечто подобное было... Обыденное сознание способно удовлетвориться и этим. Известный пример. У *N* украли шубу. Проходит время. Уже мало кто помнит, что было. То ли у него украли, то ли он сам украл; что-то такое было... Рамка категоризации обыденного сознания столь широка, что включает в себя все на свете, противоречия несущественны. «Поиски смысла» в попытках согласования – пример псевдосемиозиса, ложно-знакового построения.

«Неустойчивое состояние сознания». Этот термин автор заимствует у В.Д. Шадрикова, соглашаясь с ним в том, что такие состояния «являются условием творческого мышления. Очевидно, в этом и заключается их эволюционное предназначение» (Шадриков, 2007, с. 142). Автор фундаментального сочинения совершенно прав, говоря о том, что непроизвольное течение мысли, распространяющееся в любом направлении, объясняет гибкость мышления и многие другие достоинства, отбираемые эволюцией. Вопрос в том, что порождает их – ибо, как это очевидно, необходимо различать процессы *порождения* неустойчивых состояний и – *закрепления* их в фило- и онтогенезе индивидуальности. Ведь это, конечно, «очень по-человечески»: стремиться *утилизировать все*, что только может быть утилизировано в решении практических задач, а также – *извлекать смысл* буквально из всего, что мы испытываем и проживаем, когда сталкиваемся с задачами духовного порядка. Но все-таки, думается нам, это не означает, что неустойчивые состояния сознания с самого начала *порождаются* в соответствии с их возможным будущим утилитарным или духовным предназначением. Неустойчивость сознания, как нам кажется, – результат столкновения разнонаправленных тенденций, волей случая возникающих в жизнедеятельности человека и сосуществующих в его сознании. Их порождение, хотим сказать мы, неосмысленно изначально, и лишь постфактум может быть испытано «на смысл».

Просоночные состояния. Как минимум, дважды в течение полутора суток мы впадаем в безумие, являющееся разновидностью нормы. Это – «просонки». Поскольку нас интересует именно нормальная жизнь, подчеркиваю: так обстоит дело в норме; патологические состояния остаются вне нашего рассмотрения. «Я засыпаю» – это значит, что в наше сознание нежданно-негаданно вторгается новая тема; врывается, как

если бы существовал некий параллельный мир, и тема эта, совершенно без спроса, проникла из параллельного мира в наш собственный.

Строго говоря, высказывание «Я засыпаю» логически противоречиво. Человек может «видеть» себя спящим или проснувшимся, но только спящим «не этим» сном и отрешившимся «не от этого» своего сновидения. «Я просыпаюсь» – и этого также человек не может о себе сказать. Но существует термин, уже получивший прописку в науке, обозначающий оба этих, трансцендентных для актуального самосознания, но фиксируемых задним числом, как бы со стороны, перехода – между состояниями сна и бодрствования (и обратно). Этот термин – *просоночное состояние*. Кратко – «просонки».

«Давно уже я привык укладываться рано. Иной раз, едва лишь гасла свеча, глаза мои закрывались так быстро, что я не успевал сказать себе: “Я засыпаю”. А через полчаса просыпался от мысли, что пора спать; мне казалось, что книга все еще у меня в руках и мне нужно положить ее и потушить свет; во сне я продолжал думать о прочитанном, но мои думы приобретали довольно странное направление; я воображал себя тем, о чем говорилось в книге, – церковью, квартетом, соперничеством Франциска I и Карла V. Это наваждение длилось несколько секунд после того, как я просыпался; оно не возмущало моего сознания – оно чешуей покрывало мне глаза и мешало им удостовериться, что свеча не горит. Затем оно становилось смутным, как воспоминание о прежней жизни после метемпсихоза; сюжет книги отделялся от меня, я волен был связать или не связать себя с ним...»

Смесь сна и бодрствования, волна, то вырывающаяся из-под покровы других, таких же волн, то вдруг уходящая в себя, прячущаяся. И это зыблущееся равновесие, взаимопроникновение сна и бодрствования – не является ли оно особой формой перевозданного хаоса самосознания?

Иногда, впрочем, просоночные состояния заключают в себе момент устремленности, нацеленности в полярные «точки»: сна и бодрствования, но – лишь как результат столкновения противоборствующих сил, как исход некой «муки материи» сна (о «мукe материи» первым заговорил Якоб Беме, сведя вместе мертвое и живое, полюса единой стихии сущего). Следующий фрагмент из Пруста – о том, как медлит сознание, восстанавливая свой собственный центр:

«...Проснувшись ночью, я не мог понять, где я, в первую секунду я даже не мог сообразить, кто я такой; меня не покидало лишь первобытно простое ощущение того, что я существую, – подобное ощущение может биться и в груди у животного; я был беднее пещерного человека; но тут, словно помощь свыше, ко мне приходило воспоминание – пока еще не о том месте, где я находился, но о местах, где я жил прежде или мог бы жить, – и вытаскивало меня из небытия, из которого я не мог бы выбраться

своими силами; в один миг я пробегал века цивилизации, и смутное понятие о керосиновых лампах, о рубашках с отложным воротничком постепенно восстанавливало особенности моего “я”».

Приводя эти развернутые выдержки из Пруста (*Пруст*, 1992), я мог бы отметить, что наряду с разрозненностью элементов, присутствующих в просонках, должна быть отмечена также и тенденция интроспективно-наблюдателя вносить порядок в летопись происходящего при засыпании и пробуждении. Иначе как, например, объяснить персонификацию воспоминания, которое, в нашем примере, «словно помощь свыше», содействовало пробуждению? Теперь остается только гадать, что представляет собой просоночное состояние «в себе», насколько хаотичны и непредсказуемы образующие его элементы, пока они еще не упорядочены ретроспекцией.

Как же фактически мы поступаем, когда ситуация ограничивает возможности рационально ее осмыслить? Ранее мы отмечали, что в разных фрагментах действительности люди могут использовать разные схемы построения своих смысловых миров. В эмпирическом плане мы рассмотрим сейчас «странности» в поведении людей, включенных в коммуникацию друг с другом.

«Ищете и обряцете?» Всевластный «постулат сообразности», выделенный и критически проанализированный нами ранее (*Петровский В.А.*, 1975, 1992), подсказывает, каким мог бы быть один из вероятных ответов на вопрос о способах осмысления того, что, казалось бы, рациональному истолкованию не подлежит. В тех случаях, когда поведение, свое и чужое, не поддается непротиворечивому осмыслению, «смыслы» мы все-таки неудержимо привносим, не замечая, что таков плод нашего собственного изобретательства. Речь здесь идет не только о кажущемся рациональным поведении человека под влиянием скрытых аффектов или внушений со стороны других людей (в этих случаях смысл поведения есть, но искажен или замещен в сознании). Наш тезис состоит в том, что *во всех случаях* наблюдаемого неадаптивного поведения люди, как правило, субъективируют свои и чужие действия как имманентно осмысленные, то есть реализуют модель «смыслового солипсизма».

Итак, феноменология реакции на смысловую неопределенность (и, не исключено, абсурдность) складывающихся ситуаций составляет специальный предмет настоящего исследования³⁴.

Теоретическая гипотеза исследования заключалась в том, что индивиды исходят из интуитивной концепции безусловной осмысленности ситуации действия («все осмысленно»), сопротивляясь фактам,

³⁴ В данном разделе использованы материалы защищенной под нашим руководством кандидатской диссертации Н.В. Зоткина (*Зоткин*, 2000).

ставящим этот взгляд под сомнение. Иначе говоря, независимо от того, насколько ситуация может быть фактически осмыслена, индивиды защищают подобное убеждение.

Эмпирические референты. Операционализация понятия «безусловной осмысленности действия» предусматривала вовлечение испытуемых в деятельность, цель которой им была заранее неизвестна. О наличии безусловной осмысленности ситуации действия судили по готовности испытуемого выдвигать и проверять гипотезы о возможных общих основаниях действий, в которые его вовлекает экспериментатор. Различая возможность или невозможность фактического осмысления ситуации, мы говорим о наличии или отсутствии единого основания (целевого, логического), позволяющего согласовывать действия участников ситуации. В противоположность идее «все осмысленно», ситуация конструируется как потенциально абсурдная.

Эмпирические гипотезы исследования:

1. Восприятие ситуации как осмысленной (даже если она фактически лишена смысла или абсурдна) является необходимым условием участия в ней субъекта.

2. Наряду с априорными смыслами ситуации действия могут быть выделены апостериорные смыслы, определяемые постфактум (при завершении действия).

3. В ситуациях смысловой неопределенности и абсурда выделяются три формы обращения к смыслу: поиск существующего смысла, конструирование смысла, отказ от установления смысла.

Введенные различия предварили создание специальных экспериментальных процедур и позволили интерпретировать результаты исследования феноменологии смыслообразования.

Для выявления особенностей осмысления деятельности с непредetermined исходом, автором, совместно с Н.В. Зоткиным, была разработана экспериментальная ситуация, позволившая исследовать процессы смыслополагания в ситуации неопределенности. Это была неизвестная испытуемым игра «Задай вопрос», в которой испытуемому в индивидуальной беседе предлагалось задавать любые вопросы экспериментатору. От обычной игры экспериментальная ситуация отличалась тем, что не требовалось *отгадывать* или *прогнозировать* возможные ответы экспериментатора.

Основная «интрига» заключалась в том, что экспериментатор совершенно игнорировал содержание вопросов испытуемого, давая ответы «да» и «нет» по заранее составленной схеме (она была построена на основе метода случайных чисел). Последовательность ответов «да» и «нет» была одинакова для всех испытуемых и включала равное количество «да» и «нет». Поскольку содержание ответов не зависело от вопросов испытуемого, могла возникать ситуация абсурдной противо-

речивости в ответах. Пример (ответы экспериментатора выделены курсивом):

«Вы хотели бы защищать диссертацию?»

«Нет».

«Сейчас вы будете защищать диссертацию?»

«Да».

«Потому, что это нужно кому-то?»

«Нет».

«Ну, а вам нужна эта диссертация?»

«Нет».

«Разве ее нужно защищать, если она никому не нужна?»

«Да», и т.д., и т.п.

По ходу экспериментальной беседы испытуемым задавался вопрос на рефлексию: «Зачем вы спрашиваете об этом?», и по окончании они писали рефлексивный отчет, отвечая на вопрос: «Как вы думаете, зачем я вас просил об этом?».

В эксперименте участвовали 54 человека – студенты психологического факультета Самарского госуниверситета в возрасте от 17 до 22 лет. Анализ результатов эксперимента позволил выделить ряд феноменов, выражающих существо стратегий.

Презумпция существования смысла. Испытуемые исходили из представления о том, что ситуация заведомо осмысленна и отвечает целям и интересам экспериментатора или испытуемого. Они придавали смысл тому, что, по сути, смысла не имело, а именно: ситуации, совместному действию, «логике» ответов. Даже тогда, когда испытуемые «тестировали» экспериментатора на предмет искренности его ответов (что было всего один раз из всего множества испытаний), существование скрытого, потаенного смысла ситуации не подвергалось никакому сомнению; комментарий испытуемого: «Немного сбивали с толку некоторые противоречия в ответах. Возможно, это противоречие было во мне». Презумпция существования смысла являлась источником последующего смыслового освоения ситуации.

В процессуальном плане выделяются способы смыслополагания – определенные *стратегии* и *тактики* испытуемых. С феноменом «презумпции существования смысла» связаны следующие стратегии.

1. У испытуемого в ходе беседы возникает подозрение, что экспериментатор не искренен, способен на игру с ним, и он делает попытки *вскрыть смысловую игру* экспериментатора. При противоречиях в ответах он задает вопросы на истинность высказываний. Данная стратегия проявилась только у одного испытуемого (ниже приведен фрагмент диалога):

«Ответы, которые вы давали, они искренни?»

«Нет».

«Вам помогает психология в жизни?»

«Нет».

«Это правда?»

«Нет».

«Вы даете ответы наобум?»

«Да».

«Это нужно для эксперимента?»

«Нет».

«Это правда?»

«Да».

«Этот эксперимент принесет пользу?»

«Да».

«Это правда?»

«Нет».

Реакции испытуемого:

Испытуемый *обнаружил* способ тестирования экспериментатора на искренность – это многократное задавание одного и того же вопроса. Еще одна испытуемая сделала предположение об «игре» экспериментатора в самоотчете: «Наверное, Вам нравится “прикалываться” над студентами». Остальные 52 испытуемых не сомневались в истинности и смысловой содержательности экспериментальной процедуры.

2. Испытуемые *пытаются разобраться в смыслах* экспериментатора, его смысловой системе, смысловом содержании эксперимента (как вариант: в целях эксперимента) и возможных последствиях проводимой беседы. 25% испытуемых (13 человек) задавали ряд вопросов о целях, смысле и последствиях эксперимента. Трое испытуемых – полностью посвятили этому почти все свои вопросы, пытаясь разобраться в смысловом содержании эксперимента («Я хотел бы узнать про эксперимент, про его структуру, про его задачи, про его смысл»).

3. *Избегают смыслополагания.* Экспериментатор воспринимается как субъект смыслополагания и испытуемый не ищет скрытую логику поведения экспериментатора, не пытается выяснить смысл ситуации. Типичное объяснение при первом задавании вопроса на рефлексию «Зачем вы спрашиваете об этом?» – «Потому, что вы попросили». Второй по частоте встречаемости ответ – «мне интересно» – говорил о мотивах испытуемого. В некоторых случаях испытуемые сознательно придерживались этой стратегии («Я делаю то, что вы просите, что вам нужно, и, так как я вам доверяю, я могу не стараться искать цели и причины, задаваться вопросом «зачем?» и ставить себе целью подняться над ситуацией, обнаружить ее»).

4. Многие испытуемые *продемонстрировали феномен «телеологического замыкания»* – убежденности в том, что все происходящее имеет

смысл. Хотя ситуация и производимые в ней действия были противоречивы и порой абсурдны, испытуемые интерпретировали происходящее как осмысленное («Но должна быть какая-то скрытая цель, которая и является главной и верной»). Испытуемые при этом могли быть уверены, что «знает» кто-то другой: «У вас есть какая-то цель, какая-то внутренняя, но я ее не знаю». Выяснить (конкретизировать для себя) этот смысл пытались многие испытуемые.

Данный феномен наиболее ярко проявился в стратегии «заданное смыслообнаружение». При написании отчета по следам испытания все участники эксперимента (за исключением одного, отказавшегося отвечать: «Не знаю, не могу ответить»), смогли высказать ряд предположений о смысле эксперимента, как если бы он был заложен экспериментатором. По их мнению, эксперимент выявлял:

- умение общаться (общительность, коммуникативные способности, специфику одностороннего общения, изучение ролевых позиций, общение с самим собой, построение образа человека при знакомстве);
- умение мыслить (строить логические ряды, осуществлять саморефлексию, проверять свободный поток мыслей);
- узнать, (а) что волнует, беспокоит, тревожит; проблемные зоны; (б) что интересует (круг интересов, целей, надежд, стремлений, желаний; личностную направленность);
- личностные качества; самооценка;
- особенности поведения или динамику хода мыслей в неопределенной, новой, нестандартной ситуации;
- тревожность, стрессоустойчивость, адаптацию;
- характер и содержание вопросов.

5. Испытуемые в ряде случаев *отказываются от разрешения противоречий*. Создается впечатление, что испытуемые утрачивают интерес к теме, предчувствуя необходимость умственных усилий и не желая их прилагать.

Игнорирование противоречий проявилось в следующих тактиках.

- А. *Обход противоречий*. Испытуемые считали, что если нет противоречия, то и нет необходимости его решать. (Эксп.: «Почему мы пытаемся избежать противоречия, с которым мы сталкиваемся?» – Исп-я: «Потому, чтобы лишний раз не ставить себя в конфликтную ситуацию. Чтобы опять не ставить себя перед выбором, нужно обойти противоречие».)
- Б. *Отказ от разрешения противоречия и поиска его смысла*. («Ну, ладно», после чего следует переход к другой теме.)
- В. *Фиксация наличия противоречия*, без попыток дальнейшего его разрешения. Обычно сопровождалось также отказом, то есть переходом на другую тему. («Странно»; «Это противоречие? – Да. – Ладно»;

«Вам нравится работать в университете? – Нет. – То есть Вы не получаете никакого удовольствия? – Нет. – Тогда для чего?!»)

Г. К отдельной тактике можно отнести *«маргинальные»* вопросы, нечто среднее между тестированием экспериментатора и отказом в поисках смысла. Задавались вопросы, на которые невозможно ответить, но без осмысления причин того, почему ответы даются («Я буду жив через пять лет?»). Тот же испытуемый объясняет: «Мне интересно, что вы ответите на такие вопросы, ответ на которые вы в принципе знать не можете».

6. *Попытки разрешить противоречия.* Испытуемые в этом случае пытаются разрешить противоречия путем поиска удовлетворительного объяснения. Иногда это объяснение имеет совершенно иллюзорный характер. Две тактики были характерны для этого феномена.

А. *Поиск объяснений, снимающих противоречие.*

(а) Достаточно такому объяснению совпасть с ответом «да», чтобы испытуемый считал противоречие разрешенным. Фрагмент беседы, иллюстрирующий *отказ и поиск объяснений*:

«У вас есть дети?»

«Да».

«Мальчик?»

«Нет».

«Девочка?»

«Нет».

«И тот, и другой?»

«Нет».

«А кто?! (смех) ... У вас дома есть животное?»

«Да».

«Собака?»

«Нет».

«Кошка?»

«Нет».

«Попугай?»

«Да».

«Ммм...» (кивок, внешнее выражение удовлетворенности).

(б) Испытуемый выстраивает удовлетворяющее его, логически верное объяснение противоречивости в ответах. (Пример: «Вам понравился наш выпускной? – Нет. – Нет?! А вы говорили, что «да». Вы, что, обманывали тогда? [не дожидаясь ответа] – Вы не хотели нас обидеть!»). Представляется, что в данном случае испытуемые используют тот прием мышления, который Н.Е. Веракса называет *«действием диалектического опосредования»* (Веракса, 2008). Данная стратегия является наиболее типичной и чаще всего встречается в экспериментальных беседах. При

«удачном» завершении, она подкрепляет уверенность испытуемых в смысловой содержательности (истинности) происходящего.

Б. *Отсрочка*: откладывание вопросов, выясняющих противоречие, на «потом», на фоне веры в то, что разрешение противоречия существует. Испытуемый как бы отпускает вопрос, поясняя, что «может быть, какой-то другой вопрос придет в голову, который явно выяснит это противоречие».

Как видим, каждый из эмпирически выделенных способов осмысления ситуации, содержащей в себе абсурд (телеологическое замыкание, игнорирование противоречий или попытки разрешить их) во всем многообразии своих форм, реализуют общую тенденцию: добиться полноты осмысления ситуации, реализуют модель «преисполненности смыслом». Другое имя этой модели выражает пристрастную позицию автора, в связи с выделением и критикой «постулата сообразности». Эта модель была названа выше «смысловым солипсизмом»: «существовать» значит «иметь смысл».

Во что верит мысль? Итак, мы можем теперь вернуться к вопросу «во что верит мысль?». Наш ответ: когда речь идет об интерпретации человеческого поведения, и в частности, детерминант коммуникативных актов, мысль верит во все сущее как осмысленное. Это, по сути, детское убеждение приобретает мощное родительское подкрепление, опираясь на веру в то, что мы, непременно, *должны* искать, и уж точно *найдем* смысл, коли станем искать. Но на этом пути нас нередко подстерегает разочарование. Или, скажем точнее, тяжелое пробуждение от иллюзий. Впрочем, – исключение для тех, кто разделяет заповедь горьковского Луки (мы помним ее со школьной скамьи): «...Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой...» (П.-Ж. Беранже). Таковы неизбежные следствия смыслового солипсизма, издержки нашей наивной уверенности в том, что мысль, в поисках смысловых оснований всего сущего, во всех случаях не совершает ошибки...

Однако в мире смысловой автономии подобное разочарование невозможно. В мире смысловой автономии *все идеи* являются экзистенциально состоятельными. Познавая мир (гипотетические ноумены), человек пересматривает исходные смыслы своего миропонимания, направлявшие его познание. «Руководствуясь своими ценностными предпочтениями <смыслами. – В.П.>, человек “выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого” и при этом ему открываются новые, “иные, чем ранее ценности”» (Знаков, 2008, с. 36).

Таков мир, в котором мышление человека доподлинно не совершает ошибок, что подтверждает правоту и надежность тезиса, названного нами ранее «постулатом Брушлинского».

В этом смысловом мире мысль верит в себя и только в себя. Она придает ценность любому исходу опыта, будь то подтверждение («ве-

рификация») или опровержение («фальсификация») ее посылок на старте – исходных ноуменов и смыслов, пробуждающих работу мысли. Она верит в себя – свое могущество, свою способность не только осмысливать, подтверждая однажды найденные и открывая для себя новые смыслы, она верит также в свою способность не принимать на веру мысль, что «все осмысленно»:

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Ф. Тютчев

ГЛАВА 11. БЫТЬ «СВОБОДНОЙ ПРИЧИНОЙ»

«ЗА-НЕ-ЗАЧЕМ», А ПОТОМУ ЧТО «НЕ-ИНАЧЕ-КАК»

Одним из стереотипов, носителем которых мы невольно становимся, является повсеместное отождествление гуманистической психологии с телеологической точкой зрения, согласно которой «все осмыслено». Действительно, гуманистическая психология, в лице В. Франкла, настаивает: смысл не конструируется, – смысл всегда уже есть, его только должно найти. Вместе с тем гуманистическая психология, побуждающая искать и находить смыслы, неизбежно сталкивает нас с вопросом: **кто** ищет смыслы? Иначе говоря, – с вопросом о *Я*, которое предсуществует смыслу в живом действе его нахождения.

Реальность *Я* как свободной инстанции человеческого существа превращает, как это часто бывает, постулат изначальности смысла – в *проблему*: верно ли, что «смысл всегда есть» и что его только «нужно найти»? Или, быть может, разумнее было бы полагать, что в значительном числе случаев смысл есть вторичное построение нашего сознания (ибо так уж сознание устроено – оно подвержено соблазну осмысливать происходящее); и что таким образом смысл в качестве *универсальной* основы наших поступков и чувствований («*вот* ради чего я действую», «*вот* зачем это необходимо мне») – не более чем иллюзия. И речь здесь идет, подчеркиваю, не столько о каком-либо исключении из правил, сколько о правиле, имеющем исключения. Поэтому на вопрос «зачем?», чаще всего должно ответить:

«За-не-зачем, а потому что не-иначе-как!»

Действительно, может ли быть схвачен какой-то *один* смысл, объясняющий, почему (а точнее – зачем, ради чего) человек поступает – так, думает – так, или чувствует – так? Я думаю, нет... Лишь синтез того, что может быть названо «смыслами», диктует вектор активности. А является ли *композиция* смыслов сама, в свою очередь, всегда осмысленной?

Возможны два ответа на этот вопрос.

Первый ответ – «да», если мы верим, что «предустановленная гармония», провозглашенная некогда Лейбницем, существует.

Второй ответ – «нет», если принять, что «предустановленная гармония» вообще и гармония смыслов, в частности, – не более чем прекрасная сказка. И в этом случае приходится признать, что истоки человеческой активности иррациональны (не рационализируемы).

Тогда возникает проблема: если не «смысл» (не долг, не голос совести, не указание свыше), а что-то иное образует основу активности, то, спрашивается, что же именно?

Общий ответ, который может быть дан: таким источником является наше *Я*, но *Я* определенным образом понятое. А именно: как модус, средоточие жизни особой *идеи*: «*Я* есть причина себя» (*идеи свободной причинности*).

Идея «свободной причинности» (то есть возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) по своему историческому возрасту – ровесница самой философии, в которой она с такой настойчивостью и страстностью отстаивала себя. Независимо от того, склонялись ли философы к признанию свободы или объявляли ее иллюзией, постулировали ли ее существование или выводили, «ощущали» ли ее как данность или видели в ней идеал, – будет справедливым сказать, что идея «свободной причинности» неизменно самоосуществляется в философии; присутствие этой идеи в пространстве и времени философской культуры давно уже приобрело, – и здесь мы воспользуемся термином Хайдеггера, – не-обходимый характер.

Соответствует ли философской идее «свободной причинности» нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И. Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (однако, принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа «свободной причинности» психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?

«БЫТЬ ПРИЧИНОЙ СЕБЯ» – ЗНАЧИТ СЛЕДОВАТЬ ЗА СОБОЙ

Согласно Аристотелю, «причиной называется [1] то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь – причина изваяния и серебро – причина чаши, а также их роды суть причины; [2] форма или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы или первообраза (например, для октавы – отношение двух к одному и число вообще) и составные части определения; [3] то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина и отец – причина ребенка, и вообще

производящее есть причина производимого, и изменяющее – причина изменяющегося; [4] цель, то есть то, ради чего, например, цель гулянья – здоровье» (Аристотель, 1975, с. 330). Причина [1] есть «материальная причина»; [2] – «формальная причина»; [3] – «действующая причина», [4] – «целевая причина». Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что «есть причины по отношению друг к другу (так, занятие трудом – причина хорошего самочувствия, а оно – причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно – как цель, другое – как начало движения)».

Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи «возвращения причины к самой себе», – ключевой для развиваемой нами трактовки «свободной причинности». Связь между причиной и действием в своей истине, отмечал Гегель в «Науке логики», предполагает возвращение причины к себе (через то, что выступает как ее действие и благодаря чему в изначальность полагается действие; при этом изначальность снимается; действие причины становится реакцией. – Гегель, 1972). Итак, причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой, – в конечном счете, определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именует «свободой»! Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через свое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть – *causa sui* («причина себя»), используя этот термин именно в указанном смысле.

Категория «свободной причинности» (в форме *causa sui*) до сих пор не была в должной мере осмыслена психологически. Между тем, есть, по крайней мере, одна область психологических разработок, само существование которой, на мой взгляд, определяется мерой освоения, или точнее, «высваивания» (термин М. Хайдеггера), идеи свободной причинности. Речь идет о психологии Я.

Я как причина. «Я» – это индивид, отражающийся в себе самом как субъект. «Можете всегда положиться на убийцу в отношении затайливости прозы», – иронизировал В. Набоков. Вполне возможно, что предложенная здесь дефиниция слишком затейлива. Но она схватывает по-настоящему важные характеристики Я (без чего наше дальнейшее исследование Я как «свободной причинности» было бы лишено смысла). Так, согласно традиционному пониманию, Я неотделимо от телесности индивида («Душе грешно без тела, как телу без сорочки...»; «Дано мне тело – что мне делать с ним, таким единым и таким моим?.. Я и садовник, я же и цветок...»). Подчеркивая, что Я индивида – это «он сам» в своей отраженности, мы таким образом обозначаем (или, если относиться к этому как аргументу в полемике, «предъявляем») телесную образующую Я вполне осязаемо. Наше Я рассматривается обычно как субъективная образующая физической и психической жизни. Не редуцируя Я лишь

к субъективному, мы отмечаем их нераздельность, ибо субъектность индивида выступает здесь в своей *отраженности* (формы такой отраженности мы рассмотрим чуть позже). Принято считать *Я* «активным». Но и этот момент предусмотрен дефиницией *Я*: *Я* индивида рассматривается как субъектная форма тождества отражаемого и отраженного. Тем самым подчеркивается самопричинность индивида в *Я* (ведь отраженность должна заключать в себе то, что существенно в отражаемом, а это в данном случае способность быть «причиной себя»).

Итак, если *Я* есть форма существования субъектности индивида, то каковы ее основные «образующие» и что могло бы придать ей характер *causa sui*?

CAUSA SUI КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает алгебраическое уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения – четыре «корня» в ответе на вопрос о психологической природе *causa sui*. Согласно принятым нами условиям, «корни» решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам (см. раздел «Понятие *causa sui*»), и каждая – в сочетании с другими – должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение «свободной причины».

В качестве искомых «корней» уравнения могут быть выделены четыре ипостаси *Я* индивида: «Имманентное *Я*», «Идеальное *Я*», «Трансцендентальное *Я*» и «Трансфинитное *Я*»:

Я (единство четырех единств)

Я:	<i>Имманентное Я</i> – Единство движущего и движущегося («Я как самодвижение»)
	<i>Идеальное Я</i> – Единство представляющего и представляемого («Я как представление себя самого»)
	<i>Трансцендентальное Я</i> – Единство мыслящего и мыслимого («Я как мысль о себе»)
	<i>Трансфинитное Я</i> – Единство переживающего и переживаемого («Я как переживание себя»)

Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг *causa sui*.

Имманентное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «материальной причины». «Неуловимая», по всеобщему мнению, материя *Я* как бы соткана из мгновенных состояний *Я*, непрестанно обновляющихся

во времени и в этой подвижности содержащих в себе нечто общее, – «претерпевающее», что рефлексивируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе претерпевающим изменением). Имманентное Я существует, таким образом, в *настоящем* пространстве и времени. Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные Имманентному Я, со всей отчетливостью выражены Б. Пастернаком:

И нужно ни единой долькой
не отступаться от лица,
но быть живым, живым и только,
живым и только – до конца.

Имманентное Я есть Я становящееся, заключающее в себе «единство возникновения и прехождения» (в терминах гегелевской философии). Имманентное Я «принадлежит», таким образом, парадоксальной реальности «вот-сейчас-бытия» – реальности, на которой, безусловно, держится мир и которая никогда как таковая не дана нам в своей непосредственности. Выход из этого парадоксального положения заключается в том, чтобы допустить существование чего-то, что могло бы заключать в себе несуществующее, давая ему возможность быть. Такое искомое существует в «природе», и точное его имя – «переживание» (к чему мы еще вернемся). Однако Имманентное Я в момент своего рождения еще не переживается и так же не выступает в виде какого-либо образа или мысли. Имманентное Я полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некой точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы «застаем» Имманентное Я), а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему Имманентное Я есть столь же и сокровенное Я человека.

Идеальное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «формальной причины». Идеальное Я существует в процессах самосозерцания. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в идеальном пространстве и времени, и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности (даже тогда, когда он конструирует образ себя в настоящем). Таков взгляд человека на свое физическое Я (экспериментальные исследования показывают, насколько зависим образ собственного физического Я от установок личности); здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения (вспомним о лопатинском «внутреннем человечке»); в Идеальном Я конструируется также образ себя как мыслящего («мыслящая вещь» Декарта); и, наконец, Идеальному Я принадлежат образы того, как человек переживает себя, – возможность длить свое бытие,

воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным – подлинный источник целеполагания (в нашей трактовке «цель» есть образ возможного как прообраз действительного – *Петровский В.А.*, 1992). Психологической категорией, отвечающей детерминизму возможным как таковым, является надситуативная активность (*Петровский В.А.*, 1977).

Трансцендентальное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «действующей причины». Таково наше мыслящее и вместе с тем мыслимое, вне-находимое и вне-временное Я. Вне-находимость означает, что нечто *находится* (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его, как такового, никогда не было; вне-временность – значит, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное Я, таким образом, существует в условном пространстве и времени. Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие; и, будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание («Мысль изреченная есть ложь» – Ф. Тютчев). Мысль как таковая вне-находима и вне-временна, ее чувственная запись – своего рода письменное послание нам – существует в пространстве и времени. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение (свидетельство о рождении, как известно, выдается уже после рождения, хотя дата, отмеченная на нем, совпадает с моментом рождения). «Я мыслю» (когито) означает, что мысль сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем, сама производит эти представления. Подлинным основанием мысли, ее источником является сама мысль: без мысли о мысли есть, может быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действию, – нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя, «думу думает»...). Мысль, мыслящая себя, и есть трансцендентальное Я. Именно оно ведет в за-пределье, будучи действующей причиной в составе *causa sui*. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что тоже самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить. Психологическим эквивалентом философской трактовки *мысли* явилась бы категория собственно мысли, психологически еще, увы, не осмысленная.

Трансфинитное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «целевой причины». Таково переживание безграничности своего существования в мире. Опираясь на представления Г. Кантора, трансфинитность вообще можно определить как присутствие актуально-бесконечного в сознании (*Петровский В.А.*, 1995б). В данном случае, речь идет о полноте «присутствия» (М. Хайдеггер) человека в мире. Это – переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие – «Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду. / Жизнь – чудо из чудес, и на колени чуду /

Один, как сирота, я сам себя кладу...» – Арс. Тарковский), переживание сквозь-пространственности (езде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя немислимое. «Немыслимость» не-существования мысли в любой точке пространства и времени – также переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие от мысли как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени и удостоверяющей себя в этом посредством «свободного выбора», переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания – это **философия не-выбора** (зачем выбирать, если весь мир – мой, если альтернативы суть знаки друг друга?)³⁵. Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют совершенное пространство и время; в нем-то и пребывает наше Трансфинитное Я. Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть, или иначе говоря, – невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). Трансфинитное Я как переживание актуальности бесконечного сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное Я, освобожденное (или **еще** свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг *causa sui* оказывается замкнутым. Психологическая трактовка Трансфинитного Я, как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории переживания.

СВОБОДА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СУБЪЕКТ СВОБОДЫ

Взаимопереходы, замыкающие круг *causa sui*, отчетливо прослеживаются на примере анализа особой деятельности, имеющей в философии давнюю традицию интерпретаций. Ранее мы уже обращались к словосочетанию «свобода воли» – именно оно может быть использовано для обозначения этой особой деятельности. Правда, до сих пор свобода воли

³⁵ Буриданов осел был умней Буридана. Осознав идентичность стогов, он поставил на левый, а мог бы – на правый (подумаешь, – разницы нет!). Уплетая, он думал: «Один – наяву, а другой – в голове, и они идентичны. И поэтому я, насыщаясь одним, поглощаю другой – идеально. Не умру “неспособностью выбрать”, как думал осел Буридан, а наемся **вдвойне**, и таков мой **не-выбор**».

рассматривалась нами как *действие*, в данном же случае речь пойдет о *деятельности*, носящей то же имя. Существует, конечно, разница между соответствующими понятиями. В первом случае (свобода воли как действие) человек берет на себя ответственность за совершение свободного акта, *a posteriori* выявляя его значимость для себя; мотив саморазвития может при этом отсутствовать. Во втором случае человек с самого начала устремлен к саморазвитию, его *Я* выступает как цель акта.

Охарактеризовать *свободу воли как деятельность* – это значит указать ее мотив, цель, средство и авторство. Наше понимание того, что может быть осмыслено как «свобода человеческой воли», исходит из идеи сосредоточенности в человеческом *Я* четырех рассмотренных нами выше причин: «целевой», «материальной», «действенной», «формальной» и их взаимоподдержки. Сущность свободы воли – в самом совпадении этих причин, а именно: «во имя чего», «в силу чего», «чем» и «по форме чего» – в единомножии *Я*.

Спросим теперь себя, *во имя* чего мы проявляем свободу собственной воли? – Ответом могло бы служить: во имя того, чтобы пережить свое *Я* в его трансфинитности, иначе говоря, чтобы прочувствовать его беспредельность. «*Я* как переживание себя в своей бесконечности» – целевая причина деятельности свободы. Сразу видно, что нельзя заранее записать это переживание как таковое, ибо если бы оно было известно *заранее*, то присущая ему полнота исключила бы устремленность (стремящийся к красоте уродлив: по мысли Сократа, мы не стремимся, когда имеем). Состояние беспредельности зашифровано в чувстве непредрежденности исходов действования.

Спросим себя, далее, *в силу* чего мы действуем? Этот же вопрос можно задать и так: *из чего?* – Ответ: в силу того, что содержится в спонтанном движении *Я* – свобода воли «произрастает из *Я*», глубинных синтезов бессменно проникающих друг в друга внутренних состояний (такова наша дань Бергсону). «*Я* каков я есть сам по себе» (несуществующий ни в чем ином, кроме себя самого) – такова «материальная» причина деятельности свободы.

Поставим теперь вопрос о форме свободного действия («*по форме чего*» мы действуем?). Естественно, это – содержание нашего самознания, в котором мы представляем себя действующими свободно, – «поверх барьеров», «спонтанно», «независимо» (все это дано нам в чувственных символах отрицания заданности). Кроме того, «направляющей» оказывается здесь и позитивная символика, в которой *Я* предстает как «властелин» совершенных возможностей действования, понимания, чувствования, – повелитель «могу». Синтез негативных и позитивных моментов символической репрезентации *Я* выступает в образах «надситуативного деятеля». «*Я* в представлении о себе самом» есть «формальная причина» деятельности свободы.

И, наконец, *чем* (или, точнее, *кем*) реализуется деятельность свободы? Наш ответ: творит *Я* как мысль о себе, – «*Я* мыслю». *Я* как мысль о себе раскрывает мне смысл моих действий (моя мысль указывает, «во имя чего я действую», открывает мне «целевую» причину действия). *Я* как мысль о себе принимает в себя и претворяет в себе спонтанность – изначальные токи, или, иначе, истоки предстоящего действия (саму «материю» действия, «материальную» его причину). «*Я* как мысль о себе» разрешает действовать себе только так, не иначе (реализация «формальной» причины – «что» этого действия). И, наконец, это моя мысль о себе проделала сейчас то, чему мы были свидетели: она «раскрывала», «принимала» и «претворяла», «разрешала», – словом *опосредствовала* причинность других причин; и *вот сейчас* она *осмыслила* себя в своем действии, – вернулась к себе в качестве «действующей причины». Действующей причины ...чего?

Ответ на кончике пера: «...деятельности свободы».

Итак, «*Я* как переживание себя», «*Я* каков я есть сам по себе», «*Я* как представление себя», «*Я* как мысль о себе» в единстве друг с другом образуют то, что мы называем *Я*. И в этом единстве – *его свобода*.

Часть 3. Личность: Феноменология отраженности

Глава 12. По ту сторону Я

Ранее мы говорили о *порождении* субъекта в актах неадаптивной активности. Но мы пока не ответили здесь на вопрос о том, как существует порожденный субъект, о самой возможности его существования. И в этом пункте перехода от обсуждения вопроса о *становлении* субъектности в актах неадаптивного выхода к вопросу о *существовании* того специфического качества человека, которое мы именуем «субъектностью» и в котором *он сам* перед собой выступает как субъект, автор произведенного, – в этом логически поворотном пункте мы сталкиваемся с идеей воспроизводства, – «отраженности» – индивида в самом себе и других.

Порождая себя как субъект, индивид вместе с тем производит себя как личность. Поэтому первым определением личности и является самополагание как преодоление индивидом внутренних ограничений движения его деятельности. И, следовательно, на ставший уже традиционным вопрос «с чего начинается личность?» можно ответить: с преодоления, с выхода за пределы приспособления, с надситуативной активности.

Но таково лишь начальное, «стартовое» определение личности. Оно характеризует акт движения индивидуальной деятельности как бы изнутри: через соотнесение исходных и последующих определений данной деятельности. Пока здесь еще не выявлено, что могло бы означать это движение при взгляде на акт самополагания извне – с позиций других людей, «ближних» и «дальних». Между тем, понятие «самополагание» имплицитно содержит в себе также и этот момент: полагание того, что будет находится «по ту сторону» Я. Так, самоопределяясь, устанавливая границы своего Я, своей индивидуальности, своего места в жизни, человек неотвратимым образом обуславливает изменение жизненных миров других людей. «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», – этот принцип человеческого существования в мире может быть осмыслен и так: «Обществу не дано освободить себя от того или иного индивидуума, живущего в обществе»; самоопределение одного человека прямо или косвенно порождает возможности самоопределения

других людей. Но это значит, что индивидуум производит и свое особое системное качество – «быть значимым другим для других людей». Выходя за рамки исходной ситуации деятельности, индивид входит в новые для него миры деятельности других людей, иначе говоря, производит свое «бытие-для-другого». Потребность и способность самополагания как производства себя для другого образует специфически личностный уровень проявления надситуативной активности индивида.

Вопрос, таким образом, состоит в том, как существует субъект, коль скоро нам повезло застать его в момент самостановления. Мысль о существовании субъекта, наследующая мысль о его порождении, включает в себя, повторяем, идею воспроизводства. Возвращаясь к тексту этой книги, отметим, что первоначально идея воспроизводства была представлена в наших рассуждениях имплицитно.

То особое качество скрытого бытия субъекта, которое было обозначено как его виртуальность (долженствование к раскрытию), фиксировалось прежде только извне, как точка зрения исследователей; но уже в этой фиксации виртуальность приобретала действительность, ибо в мышлении исследователей рождающийся субъект находил форму своего идеального бытия – форму воспроизведенности, продолженности. Вообще существование предполагает возможность воспроизводства (хотя бы в представлении или мысли). Но, говоря именно о субъекте, мы могли бы потребовать для него чего-то большего, чем просто «быть объектом перцепции, воображения или мышления». Подлинный субъект не может не быть субъектом для *самого себя* и вместе с тем субъектом своего бытия для *другого*. В обоих случаях мы говорим об «отраженной субъектности» индивидуума. Но понятие «отраженной субъектности» – еще более емкое, в чем нам еще надлежит убедиться.

Восстановим последовательность сказанного. Личность первоначально была охарактеризована нами как субъект четырех форм деятельности: витальной (жизнедеятельность), предметной (духовно-практическая деятельность), коммуникативной (деятельность общения), *cogito* (деятельность самосознания). Далее оказалось, что в каждой из описанных форм деятельности происходит (в силу неизбежности неадаптивных тенденций) самоутрата субъектности. Единственный путь «спасти» субъектность – свободно и ответственно действовать в направлении непредрежденного. Иначе говоря, выступить *субъектом* трансценденции за границы предустановленного (здесь нам открылась феноменология неадаптивной активности в четырех выделенных сферах деятельности человека). Далее мы различили процессы *становления* субъектности (за счет трансценденции в деятельности) и *существования* субъектности; последнее означает, что бытие индивида как субъекта деятельности воспроизводится, или, иначе говоря, отражается, в чем-либо или в ком-либо, выступая как его *инобытие*.

Метафорически проблема теперь может быть сформулирована так: если, отстаивая свою субъектность, человек преодолевает границы себя как деятеля в своих жизненных, предметных или социальных отношениях с миром, а также отношениях, сложившихся с «самим собой», то, спрашивается: «выходя», в какие миры он «входит», то есть *где* обретает свою отраженность?

Вспользуемся здесь формулировкой того же вопроса, которая в другом контексте анализа предложена Э.В. Ильенковым. Вопрос этот звучит просто: «*Где (в каком пространстве) существует личность?*»

Четыре ответа мы можем дать на этот вопрос: Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам – вот те «пространства», где существует личность. Речь, повторяю, идет о существовании личности как единомножия субъектов жизнедеятельности, предметной (культуропорождающей) деятельности, деятельности общения и, наконец, деятельности самосознания. Иначе говоря, мы предполагаем, что человек в каждой из своих субъектных ипостасей, трансцендируя, вступает в каждую из четырех этих сфер, обретая, таким образом, в них свое *присутствие* (термин «присутствие» – из словаря М. Хайдеггера).

ГЛАВА 13. ОТРАЖЕННОСТЬ СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ ВИТАЛЬНОСТИ

Идея отраженности человека как личности в сфере проявлений его собственной жизни совершенно не разработана в экспериментальной психологии. Речь, подчеркиваю, не идет в данном случае о том, как человек сам строит свои отношения с жизнью (существуют, и мы говорили о них, фундаментальные методологические разработки этого вопроса в трудах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской и др.). Вопрос заключается в следующем: каким образом субъектность человека как свободного и ответственного существа, выступающая в актах его трансценденции за границы заданного, манифестирует себя в его витальных отношениях с миром? Или, иначе говоря, *что* представляет собой отблеск субъектности (или, может быть, всего только тень субъектности) в самой жизни живущего?

Не имея еще отчетливого ответа на этот вопрос, мы все-таки видим, что в его постановке повинна не только собственная логика развертки понятия «субъектность», – логика, имеющая самодовлеющий характер (а это для нас, уж пусть простит нам читатель, не менее важно, чем собственные или чужие эмпирические данные, «имеющиеся в наличии»!), но и определенные факты, суждения, как бы намекающие нам: «что-то здесь есть!»

Среди предпосылок постановки этой проблемы отметим следующие. Прежде всего, это необходимость в субъектном плане осмыслить «контрастный» вопрос, обнародованный еще в фрейдовском психоанализе и ныне активно разрабатываемый специалистами в области психосоматической медицины и психологического консультирования. Я бы сформулировал этот вопрос так: «Если кто-то отказывается быть субъектом, то как подобный отказ воплощается в его телесной жизни?» Вот иллюстрация из замечательной книги Вильяма Шутца «Глубокая простота»: «Мой друг рентгенолог, – повествует автор, – рассказывал мне, что в его профессии есть хорошо хранимый секрет. Многие опухоли выглядят как маленькие люди. Как если бы “пустые комнаты” заселились “новыми жильцами”. Любое мышечное воспаление или другое бо-

лезненное состояние есть результат конфликта, который я не позволяю себе осознать. «Если я предпочитаю ничего не знать о конфликте, моему телу приходится воплотить его. Если я позволяю себе полное осознание <продвижение в область непредсказуемого и неизведанного. – В.П.>, я могу сделать выбор не болеть»» (Шутиц, 1993, с. 38). Отметим, что для того, чтобы разрешить себе самосознание, надо поверить в возможность выбора по отношению к своему здоровью, а вера эта, в свою очередь, требует смелости самосознания, то есть возможности «очертя голову» броситься в неизвестное. «Поверит» ли, в свою очередь, организм тому, кто является его обладателем, – ибо ведь «не человек принадлежит телу, а тело – человеку» (Г.С. Батищев), – возьмет ли тело на себя бремя контролировать свободу своих отправлений и, вместе с тем, свободно осуществлять этот самоконтроль? Вот проблема, которая действительно требует эмпирического (а не только мифо-психотерапевтического) рассмотрения.

Другой источник исследования отраженности личности индивида в его собственной жизни – разработки, ведущиеся в области «терапии творчеством» (Бурно), содействия «творческим переживаниям» (Ф.Е. Василюк) и др. На этом пути, мне думается, удастся осмыслить такую категорию чувствований, как «полнота жизни»: ощущение самостоятельного, как бы предоставленного своей собственной воле, «потока», цели которого не предначертаны, берега не очерчены.

Наконец, я сошлюсь на данные наших совместных с В.К. Калиненко исследований, посвященных изучению зависимости между риском заболевания ишемической болезнью сердца и склонностью человека к «бескорыстному риску». Оказалось, что если человек в предшествующие годы был склонен рисковать «бескорыстно» (риск как активно-неадаптивная тенденция), а потом прекратил рисковать, то у него увеличивается риск заболевания инфарктом миокарда. Складывается впечатление, что в то время как индивид отказывает себе в риске, его организм сам берет на себя это право: инициирует риск, как если бы он действовал «за» (или «вместо») субъекта, а потом мстительно наказывал его за штрейкбрехерство.

ГЛАВА 14. ОТРАЖЕННОСТЬ СУБЪЕКТА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Личность здесь как бы приобретает свое особое «телесное» бытие, отличающееся от «телесного» бытия индивида. «Философ-материалист, понимающий “телесность” личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в “ансамбле”) предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку “структуры личности” в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности» (*Ильенков, 1979, с. 216*).

В социально-психологическом аспекте рассмотрения интериндивидуальный подход к личности представлен теорией деятельностного опосредования межличностных отношений (*Петровский А.В., 1979, см. также Петровский В.А., 2009а*). Уже в постановке вопроса о соотношении индивидуально-психологического и социально-типического в личности со всей отчетливостью выступила проблема несводимости личностного к интраиндивидуальному. Является ли «коллективистическое самоопределение» качеством личности или групповым феноменом? Подобно явлениям, возникающим при восприятии двойственных изображений («фигура и фон» и т.п.), изучаемый феномен появляется перед исследователем то как часть контекста групповых процессов, то как качество личности. Аналогичная ситуация возникала в связи с другими феноменами, например, «действенной групповой эмоциональной идентификацией» (*Петровский В.А., 1973*).

В напряженной дихотомии «либо личность – либо группа», как теперь можно заметить, открывалась перспектива решения этой проблемы, но лишь при условии перевода понятия «личность» в плоскость интериндивидуального понимания. То были феномены собственно личности, однако, не укладывающиеся в прокрустово ложе традиционного понимания. «С точки зрения стратометрической концепции личность может

быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи и их носитель – конкретный индивид – практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей сверхчувственны. Они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним не сводимы, они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления...» (Петровский А.В., 1981а или б, с. 61).

Но уже в рамках рассматриваемого продуктивного принципа намечается необходимость иного подхода, как бы замыкающего ряд анализируемых способов понимания личности. При всем богатстве путей психологического анализа соответствующего круга явлений интериндивидуальная ориентация характеризуется определенными ограничениями и побуждает к постановке новых вопросов, значимых для продвижения всей проблематики в целом.

Первое ограничение. Индивиды, о личности которых делает заключение исследователь, рассматриваются как включенные в психологически единую ситуацию – совместной деятельности и общения (психолог левиновской школы сказал бы о существовании общего «поля» для индивидов). Продолжает ли, однако, личность как системное качество индивидов, пребывавших в ситуации взаимодействия, «существовать» и за пределами общей для них ситуации? «Живет» ли она и «по ту сторону» актуального взаимодействия?

Второе ограничение. В рамках интериндивидуальной атрибуции бытие личности рассматривается как развертывающееся и фиксирующееся прежде всего в объектной (предметно-вещной или функционально-позиционной) стороне связей между индивидами. Существуют ли и в каких гипотетических формах выступают собственно-субъектные фиксации бытия данного индивида в других людях?

Третье ограничение. Интериндивидуальные представления о личности исходят из неявного допущения тождества социальной активности и эффектов воздействия одного человека на другого. Но это не всегда справедливо. Так, например, факты содействия индивида другим людям, их индивидуальному развитию, относясь к существенно важным обнаружениям личности данного индивида (И.М. Палей), могут быть психологически осмыслены весьма по-разному. В одном случае может идти речь о «содействии» как о проявлениях активности, отвечающей исходному намерению индивида оказать помощь людям. В другом случае могут иметься в виду значимые, скажем, для второго лица изменения, вызванные в нем первым, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо и даже

вопреки его воле и желанию. В «Фаусте» Гете читаем: «“Так кто ж ты, наконец?” – “Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”». Возможно и противоположное: активность, направленная на других, напоминает порой «семена, брошенные на асфальт» (Б. Сарнов). Не следует ли эффекты, воздействия (как позитивные, так и негативные) выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествимых с проявлениями социальной активности воздействующих лиц? Ответ на три поставленных вопроса автор усматривает в существовании еще одного способа понимания личности как системного качества индивида.

ГЛАВА 15. ОТРАЖЕННОСТЬ СУБЪЕКТА В ЖИЗНИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Личность индивида на этот раз выносится не только за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы его совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз – в «другого» («других»). Речь идет о преломленности моих воздействий именно в другом индивиде, выступающем в своих отличиях от меня самого. Вместе с тем это и вклады субъекта в себя как в известном смысле «другого» (сравни – Э.В. Ильенков: «Личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему “другому” – отношения “Я” к самому себе как к некоторому “Не-Я”» (Ильенков, 1984, с. 325).

Следовательно, конкретно охарактеризовать личность, исходя из принципа метаиндивидуальной атрибуции, – это значит ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) во мне как личности, но и как я сам и в ком именно состою в качестве значимого «другого», вначале извне, а далее как бы изнутри определяя чье-либо сознание и поведение.

По существу перед нами новая проблема – каким образом индивид обуславливает свое «присутствие» в других индивидах. Рассматривая вопрос о том, что представляет собой данный индивид для других и в других индивидах, как и вопрос, что они представляют для него и в нем, мы в первую очередь сталкиваемся с эффектами «зеркала», когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Данная линия исследований превосходно представлена во множестве исследований по социальной перцепции (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев и др.). Значительный интерес представляет анализ феноменов «субъектного» и «объектного» восприятия других людей (А.У. Хараш).

Особый путь, практически не проложенный, ориентирует на анализ феноменов и механизмов реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других индивидов.

На этом пути исследования «для-других-бытие» индивида выступает как относительно автономное («отщепленное», «независимое») от него самого. По существу перед нами проблема инобытия индивида, или иначе – его *идеального бытия* («отраженной субъектности»). И речь тут, понятно, идет не столько об образе кого-либо в сознании других людей: образ людей выступает лишь частным возможным фрагментом «представленности», скорее – об изменении «смысловых образований» другого индивида; в них как бы записаны эффекты воздействия первого (условно обозначим их термином «вклад»). Необходимо особо подчеркнуть, что *вклады* не сводятся к любым, пусть даже существенным с точки зрения первого индивида изменениям поведения и сознания второго. Это только те изменения, которые существенны для второго, выявляют свою значимость для его самоопределения, для постановки и решения его собственных проблем и задач. При такой постановке вопроса в качестве специального предмета анализа выступает не «зеркальный эффект», а эффект присутствия индивида в «зазеркалье», общения с другим индивидом.

Но тогда вырисовывается и проблема «возврата» индивиду его инобытия в других индивидах. Это проблема может формулироваться так же двояким образом. В первом случае речь может идти о самосознании, то есть о раскрытии того, каким он представляется другим в зеркале их сознания и поведения (проблема соотношения реальной и ожидаемой оценки, самооценки и т.д.). Очевиден, кстати, драматизм возможного несоответствия его «для-себя-бытия» и «бытия-для-другого». Второй случай – прослеживание того, как происходит экстериоризация идеального бытия индивида, «присутствующего» в других индивидах. «Возвращенное» субъекту бытие может быть как адекватно, так и неадекватно его действительным вкладам в окружающих; возможен даже факт возвращения вкладов совсем не тому индивиду (в гротескной форме это описано в новелле Т. Гофмана «Крошка Цахес»).

И, наконец, наиболее интересный и сложный вопрос – о самой форме и механизме идеального присутствия индивида в другом индивиде. Мыслить ли его идеальное присутствие как что-то статическое или также, быть может, как находящееся в динамике. Статическая идеальная представленность означала бы относительно неизменные, не развивающиеся во времени отпечатки, оставленные субъектом в жизнедеятельности другого. Простая аналогия: мы многократно прибегаем к одному и тому же тексту, который предписывает нам определенную направленность и содержание активности. В таком случае идеально присутствующий в ком-либо индивид выступает, например, в качестве советника, референта и т.п. Динамическое идеальное присутствие – это как бы вторая жизнь субъекта в другом человеке. Инобытие рассматривается как обладающая собственным движением идеальная модель. Иначе говоря, субъект «про-

должает жить» в другом индивиде, образуя в нем инстанцию идеально совершаемого движения (изменения), в котором настоящее его *инобытие* перетекает в будущее (Петровский В.А., 1981а, б; Петровский А.В., Петровский В.А., 1982а, б).

Понятие отраженной субъектности (Петровский В.А., 1985б, в) в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения: «Человек отражен во мне как субъект» – означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования данной ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного человека в другом, мы, прежде всего, имеем в виду отмеченное обстоятельство: первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла¹. Опишем три основных, *генетически преемственные* формы проявления отраженной субъектности. В первом случае перед нами запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой. В третьем – как претворенный субъект.

Запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Первый аспект анализа отраженной субъектности – это характеристика его в рамках проблематики межиндивидуального влияния, выступающего как эффект взаимодействия между людьми, непосредственно воспринимающими друг друга. Влияние, оказываемое одним человеком на другого, может быть направленным и ненаправленным. В первом случае субъект, оказывающий влияние, ставит перед собой определенную задачу: добиться желаемого результата от объекта влияния, например, произвести на него впечатление, принудить сделать что-либо и т.д. Различают две формы подобного рода влияния: прямое –

¹ Понятно, что возникновение отраженной субъектности возможно только на основе реальной деятельности, при условии осуществления людьми поступков, которые выступают в качестве действительного источника преобразования жизненного мира другого человека, раскрываются в общественной жизни как деяния. В этой связи необходимо подчеркнуть, что индивид в аспекте отраженной субъектности может выступать не только как субъект.

когда субъект влияния открыто представляет те или иные притязания; косвенное, когда он, имея цель модифицировать поведение другого, изменяет среду в расчете на получение требуемых ему откликов (от элементарных двигательных ответов до изменения личностных диспозиций другого лица). В обоих случаях влияние и воздействие относятся друг к другу как цель и средство, что составляет специфическую черту той категории явлений, которые традиционно описываются как феномены социального влияния и власти. Во втором случае влияние субъекта не связано с целью вызвать ту или иную запланированную ответную реакцию объекта влияния (ненаправленное влияние). Тем не менее эффект соответствующего действия может быть весьма ощутим. В значительной мере один из аспектов проблемы ненаправленного влияния разрабатывается в рамках изучения феноменов фасилитации – изменения эффективности деятельности одного субъекта в контакте с другим. При фасилитации направленность воздействий человека не связана с появлением у других людей каких-либо дополнительных моментов активности, например, целей, прямо не относящихся к решению ими исходной задачи. Таким образом, эффект влияния не относится здесь к целям того, кто оказывает влияние, но вполне соотносим с целями объекта влияния. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть особо в силу того, что в значительной мере «незаполненным» остается тот участок проблемы межличностного влияния, который противостоит как феноменологии социального влияния, так и фасилитации. Это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека, обнаруживающихся в сфере не запланированных проявлений активности последнего. Именно этот аспект проблемы межличностного влияния представляет собой интерес для разработки феноменологии отраженной субъектности.

В частности, в этом пункте мы сталкиваемся с особой группой феноменов межличностного восприятия, прямо не соотносимых ни с объектными, ни с субъектными модусами социальной перцепции (*Хараши*, 1980). Перед нами переживания индивидом того влияния, которое на него оказывает другой индивид и которое в данной ситуации фактического или воображаемого взаимодействия не вытекает из намерений этого последнего. Это переживание субъектом своей собственной динамики, характеризующее, как это ни парадоксально, личность другого человека, однако особую «часть» его личности – фрагмент его отраженной субъектности. Когда мы говорим: «Мне этот человек смешон» – то этим мы не хотим сказать, что этому человеку весело; наоборот, подобное высказывание может свидетельствовать об обратном. То, что происходит со мной (хочется смеяться над ним), выступает как характеристика не столько меня самого в присутствии другого, сколько именно его личности в моих глазах.

Переживание собственной динамики в контакте с другим человеком, по-видимому, выступает генетически начальной формой восприятия человека человеком.

Над ней далее надстраиваются уровни объектного и субъектного восприятия. Мы называем указанную форму социальной перцепции метасубъектной. Метасубъектный «слой» межличностного восприятия не является какой-либо внешней и необязательной «добавкой» к субъектному и объектному слою. Он составляет специфическое, неотъемлемое условие и продукт межличностного восприятия.

Идеальный значимый другой. Следующей формой проявления отраженной субъектности является феномен действительности идеального образа отражаемого индивида в системе реальных или воображаемых контактов с ним индивида – носителя отражения. В феномене действительности находит свое выражение эффект идеальной продолженности первого индивида во втором. В рефлексивном плане жизненная ситуация индивида, являющегося носителем подобного действительного идеального образа другого индивида, выявляет в себе как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра. Находясь на чужой «территории», другой человек образует «государство в государстве». Жизненный мир человека, заключающего чью-либо отраженную субъектность, может быть представлен в виде эллипса, имеющего два фокуса: Я и Другой во мне. Это психологическое строение жизненного мира может сохраняться даже тогда, когда другого значимого для нас человека фактически, наяву нет рядом.

Точные слова для обозначения интересующего нас явления мы находим у Л.Н. Толстого в его «Трактате о жизни»: «Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем <...> Осталось воспоминание – не воспоминание его рук, лица, а воспоминание его духовного образа <...> Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, что оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, действует на меня.

<...> На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такою же, какая она была при плотском существовании моего брата, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни?.. Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он все-таки держит меня и, следовательно, существует» (Толстой, 1956, с. 412).

Перед нами не обычный способ воспоминания, а «что-то такое, что действует на меня», оно «не есть только представление». Воспоминание это описывается как «невидимая, невещественная атмосфера», которая наделена признаками действительности, динамичности, силы: она «действовала на меня и других» и «требует от меня» чего-то. Брат, запечатленный в переживаниях повествователя, составляет отныне часть его собственной жизни, часть, которая переживается «всем существом», но тем не менее не сливается с авторским Я, остается силой, действующей не только в нем, но и на него. Ни образ брата, ни объединение себя с братом, в котором оба стали бы неразличимы, не составляют, следовательно, сути того образования, которое столь тщательно описывает Л.Н. Толстой. Перед нами особая форма отраженной субъектности, которая должна быть и особым образом названа, психологически осмыслена, чтобы не был упущен главный определяющий ее признак, указанный Л.Н. Толстым: «его (другого человека) отношение к миру, уясняющее мне мое отношение к миру».

Для ее обозначения можно было бы прибегнуть к термину «интросект», который кажется значительно более адекватным для описания, чем многие другие.

Но термин «интросект», используемый прежде всего в психоаналитической литературе, интерпретируется уже, чем это нам необходимо, и при всей неодинаковости дефиниций в основном описывается как «производящая основа идентификации». Нас же интересует более широкий круг явлений межиндивидуального отражения, в которых отражаемый субъект выступает для отражающего его субъекта как идеальный значимый другой.

Присутствие идеального значимого другого создает почву для проникновенных феноменологических описаний соответствующего круга явлений. Причина здесь заключается в том, что духовный образ другого человека существует в переживании тех, кто является их носителем, относительно автономно от переживаний собственного Я, и поэтому может быть с той или иной степенью достоверности и дифференцированности рефлексирован как бы со стороны. В художественной литературе, в произведениях классиков содержатся характеристики отраженной субъектности на уровне идеального значимого другого (в русской литературе замечательные описания действительной идеальной представленности

одного человека в другом встречаем у Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака и др.).

Но идеальный значимый другой характеризует лишь ступень восхождения к той форме отраженной субъектности, которая может быть обозначена как завершающая.

Претворенный субъект. В последнем случае опыт непосредственного самоанализа, опирающегося на актуально присутствующие в сознании субъекта переживания, уже невозможен. Только перед исследователем или перед человеком, фактически анализирующим себя как исследователь, выступает последняя, выделяемая нами форма, которую мы обозначаем как ступень претворенной субъектности. Отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что *Я* этого последнего оказывается внутренним и радикальным образом опосредствовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. В данном случае, на этапе претворенного *Я*, фактически теряется взаимоотношенность субъектов, и, следовательно, разрушаются диалогические формы взаимоотношения между ними: ведь *Я* одного здесь уже неотделимо от субъектированного им *Я* другого. Точнее, диалогическая оппозиция другому в данном случае выступает как самоконфронтация, как проявление борьбы с собой. Теоретически могут быть выделены три разновидности претворенного *Я*: идентификация, конфронтация (представление о подобной форме претворенного *Я* иногда может быть осмыслено согласно формуле И.С. Кона: «Негативизм – это конформизм наизнанку»), конвергенция (в частности, становление *Мы*).

Какие же механизмы отражения должны быть приведены в движение, чтобы воспроизвести «чужое» отношение к миру, «уясняющее мне мое отношение к миру» и целостный эффект субъективации чужого *Я*, который выступает в феноменологии претворенной субъектности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать не с анализа самого акта отражения, а с того, что должно быть отражением в нем, то есть с «субъекта», понятие о котором фактически складывается у нас на протяжении всей этой книги.

Понятие «субъект» многопланово. Не сливаясь с понятием «индивид», оно выступает в психологии под разными именами: «Я», «Деятель», «Личность». За каждым из этих имен в психологии вырисовывается та или иная форма проявления активности человека. Имея в виду собственную «динамику индивида», его самоизменение, индивида как *causa sui* («причина себя») и порождаемую ими феноменологию субъективности, мы говорим о субъекте как «Я». Вовлекая в круг рассмотрения процессы опредмечивания, описывая индивида в аспекте предметной деятельности, мы выходим за пределы индивидуального *Я*, и субъект теперь

выступает перед нами под именем «деятель». Но и это определение субъекта не является завершающим. Следующее – это понимание субъекта как источника деяний: реальных изменений, которые он произвел в жизни окружающих его людей и в самом себе, – изменений, которые значимы не только для него, но и для окружающих его людей, даже если они выходят за пределы собственных его побуждений и намерений. В этом последнем аспекте субъект выступает собственно как «личность». Понятие «личность», как видим, необходимо включает в себе понятие «Я» и «деятель» (мы рассматриваем здесь зрелые формы деятельности, соотносимые с категорией «личность»). Различая имена субъекта, мы как бы объединяем их в единую «семью», выделяя в качестве общего для них – фамильного – признака представление о внутренней динамике как источнике внешней динамики, иначе говоря: признак некоторого перехода от внутреннего к внешнему, причинно-следственное отношение, в котором индивид выступает как инициативное, ведущее звено.

И, следовательно, «отраженная субъектность» должна быть теперь понята таким образом, что один индивидуум в своих психических состояниях и процессах, в проявлениях собственной субъектности воспроизводит причинно-следственные переходы и превращения, продуцируемые другим индивидуумом: что теперь эти определяющие субъектность другого человека переходы и превращения перенесены на новую почву – на «территорию Я» первого индивидуума, в его жизненный мир, и образуют то, что мы уже обозначили как «инобытие» одного индивидуума в другом.

Сказанное вплотную подводит нас к мысли, что *отраженная субъектность должна быть осмыслена как субъектность самого отражения*, что идеальной представленности одного человека в другом присущ активный, «незеркальный» характер. Да и может ли быть иначе, если термин «отражение» мы берем в его точном значении? Отразить что-либо – это значит воспроизвести *существенные*, определяющие черты отражаемого; в данном случае – признак действительности, активной причинности индивида по отношению к чему-либо, происходящему в нем самом, в других людях, в предметной действительности.

Вот почему «отраженная субъектность», немислимая вне актов и продуктов межличностного восприятия, к ним не сводится и должна быть выделена в особую категорию психических явлений. Тем не менее, представляется, что природу интересующего нас образования характеризуют два психологических механизма, сближающих проявления отражающей субъектности и межличностного восприятия. Это, как нам кажется, механизмы каузальной атрибуции (приписывание причинности) и опережающего отражения (предвосхищения необходимого развития событий). Последний может быть назван еще механизмом «выведения следствий». Приписывая другому человеку

стремления (каузальная атрибуция), мы отчетливо переживаем необходимость последующих его воздействий на окружающие его предметы (опережающее отражение) и таким образом отражаем индивида со стороны активности *его Я*. Наделяя его определенными намерениями (каузальная атрибуция), мы предвосхищаем предметные результаты его деятельности (опережающее отражение) и с этой стороны он открывается нам как деятель. Наконец, приписывая ему функцию контроля над социальными последствиями производимой им предметной деятельности (опять-таки каузальная атрибуция), мы прогнозируем соответствующий социальный эффект (снова опережающее отражение), и в этой связи отражаем субъектность индивида со стороны его деяний, то есть в собственно личностном измерении.

Хотя механизмы каузальной атрибуции и опережающего отражения – каждый в отдельности – относятся к феномену социальной перцепции, охарактеризованное здесь их совместное, содружественное действие выходит за пределы перцептивных процессов и образований. Это и понятно: образы восприятия в собственном смысле всегда даны нам как что-то внешнее, внеположное. Отраженная же субъектность не противостоит человеку, осуществляющему отражение, а как бы находится в самом человеке. Заметим, что понятие «познание», которым охватывается понятие «восприятие», уже по своему объему шире, чем понятие «отражение». Понятие «познание» соотносимо по своему объему с понятием «субъективное», понятие же «отражение» – с более широкой категорией «идеального» (в значении, придаваемом этому понятию Э.В. Ильенковым). Подобно тому, как субъектность индивида не есть сама по себе его интенциональность или осуществленность действия, а представляет собой необходимый переход от внутренней динамики к внешней, от события-причины к событию-следствию, то есть подлинным образом раскрывается как становление причины следствием, так и отраженная субъектность на каждой из своих ступеней и в движении от ступени к ступени представляет собой переход от акта каузальной атрибуции к акту опережающего отражения. Это движение сравнимо с развитием музыкальной темы: каждая новая музыкальная фраза, звучащая как бы самостоятельно и отдельно от воспринимающего, концентрирует в себе неизбежное движение перехода от предшествующей к последующей фразе. И этот переход переживается как осуществляющийся в самом воспринимающем субъекте; движение этого перехода не может быть противопоставлено субъекту как его созерцание.

Понятие отраженной субъектности выражает собой, таким образом, особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение. Это движение может совсем не осознаваться им, а в случае, если задача осознанная и возникает, то далеко не всегда

оно обретает опору в образах и заключенных в них значениях. Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего. В этом движении непосредственно выявляется причинность первого по отношению ко второму, его субъектность как «авторствование».

Итак, отраженная субъектность, не являясь только образом, выступает как продолженность одного человека в другом, как смысл первого для второго, в динамике² определений бытия последнего. По существу речь идет об инобытии одного человека в другом. Эти соображения лежат в основе построения *экспериментального метода отраженной субъектности*.

Идея предлагаемого метода заключается в следующем. Экспериментатор оценивает или измеряет психологические особенности какого-нибудь индивида, выступающего в роли испытуемого, по тем или иным известным или новым методикам (проективным, психосемантическим, «деятельностным» и т.д.) и выявляет устойчивые характеристики этого индивида в соответствующих измерениях. Они принимаются за точку отсчета.

Теперь предлагается включить другого индивида (мы его называем «*исследуемым*») во взаимодействие с первым. Сдвиг в проявлении индивидуальности испытуемого выступает в качестве исходной характеристики личности *исследуемого*. Предполагается, что мерой его личностности служит фиксируемая экспериментатором степень изменения поведения и сознания других людей, которое значимо для этих других, для их собственного самоопределения. Таким образом, мы подступаем к явлениям отраженности, запечатленности *исследуемого* в системе индуцируемых им изменений жизненных проявлений испытуемых, что и обрисовывает личностный модус индивидуальности *исследуемого* как источника нового смысла для испытуемого. Подобный подход к изучению личности может быть, следовательно, обозначен как *принцип отраженной субъектности*.

² Любая изощренная попытка «схватить» движение в созерцании – «бабочка света, красота ускользает... а в руках остается одно очертание бегства» (Хименес) – всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя или лишь иллюзорно преодолевая извечную дистанцию между образом созерцания и неподвластным ему движением. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал флогистон, то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу именно таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души; «субъектность», которая так напоминает живое пламя, так же, как и огонь, невещественна и неостановима в полете, и в образе воспроизводится приблизительно и условно.

Среди форм и способов «предъявления» исследуемого испытуемым можно выделить следующее: 1. Реальное взаимодействие *исследуемого* и испытуемого в пределах экспериментальной ситуации. 2. Фактическое присутствие *исследуемого* в ситуации осуществления испытуемыми той или иной деятельности при соблюдении условия невмешательства. 3. «Материализованные репрезентации» *исследуемого* испытуемому: предъявление фотографий, голоса, записанного на магнитофон, предметов, символизирующих присутствие *исследуемого*. 4. Включение *исследуемого* или его символических замещений в структуру экспериментального материала, например, включение их в саму «картинку» проективного теста. 5. Квазиприсуствие – гипнотическая актуализация образа *исследуемого*, «мысленное» присутствие и т.п. 6. Субсенсорное предъявление стимулов, связанных с *исследуемым* (его имени, фотографий и др.). 7. Воспроизведение ситуаций, в которых имело место взаимодействие испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа последнего. 8. Экспериментальные условия, аналогичные только что описанным, при гипнотическом внушении испытуемому «забывания» *исследуемого*. 9. Включение испытуемых в такие ситуации, которые были бы сходны с предшествующими ситуациями взаимодействия испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа исследуемого (условие «нулевой» репрезентации)³.

Основные методические трудности, обусловленные отсутствием какой-либо традиции соответствующего экспериментального исследования, возникают в основном при изучении отраженной субъектности во втором из выделенных ее вариантов, переходном между первым и третьим. В этом аспекте деятельность испытуемых актуально опосредствуется идеальными репрезентациями *исследуемого*. Поэтому главный акцент при описании того, как практически «работает» метод отраженной субъектности, мы здесь сделаем на основе освещения данных о том, как «вмешивается» идеальный значимый другой (*исследуемый*) в выполнение экспериментальных заданий испытуемыми.

Отметим в порядке иллюстрации несколько исследований, проводимых на основе предложенного автором метода. Так, в работах Ю.В. Янотовской и, независимо от нее, И.Г. Дубова изучалась мера идеальной представленности (персонализации) творческих учителей в учениках: в исследовании ученики включаются в словесный ассоциа-

³ Плодотворное направление исследований образует анализ отраженной субъектности автора произведений искусства в аудитории (см. замечательную своими феноменологическими открытиями монографию В.Г. Грязевой-Добшинской (2002)), основанную на материалах тщательно спланированной масштабной эмпирической работы, представленной в ее докторской диссертации. См. также наше предисловие к этой книге (Петровский, 2002в, с. 5–7).

тивный эксперимент, затем по частотному словарю выявляется уровень оригинальности ассоциаций. Показано, что в присутствии учителей, которые по экспертным оценкам описываются как творческие личности, оригинальность ассоциаций учеников возрастает.

В исследовании А.В. Воробьева школьникам предъявлялась игровая задача, которую требовалось решить самостоятельно, не отступая от правил. В одной из экспериментальных серий перед испытуемыми-шестиклассниками находился портрет их учителя. Выяснилось, что предъявление портретов некоторых учителей не вызывало изменений в добросовестности учащихся, предъявление портретов других учителей стимулировало более добросовестную работу. Примечательно, что портреты некоторых учителей оказывали неблагоприятное воздействие, вызывая падение правдивости учащихся, нарушение правил «исподтишка». В работах того же исследователя выяснено, что предъявление одного только голоса учителя (при полной стертости, невнятности содержания речи) вызвало изменение в интерпретации учениками сюжетных ситуаций проблемного типа; одни учителя повышали «доброжелательность» интерпретаций во взаимоотношениях между героями специально отснятого фильма, другие способствовали негативным интерпретациям взаимоотношений между героями. Та же техника репрезентации позволила выявить факты стимуляции познавательной активности учащихся при решении ими интеллектуальных задач учебного типа. (Было бы интересно выявить возможную динамику «зоны ближайшего развития» детей – расширение или сужение ее границ в условиях контакта ребенка с разными взрослыми.)

С использованием предложенной А.Л. Крупениным техники «псевдо-воздействий» значимых других удастся выявить факт изменения уровня «непрагматического риска» при условии подобного мнимого «воздействия» на субъекта-перцепиента. Участникам эксперимента сообщали, что будет проверяться гипотеза о существовании «биополей». «Субъектом-индуктором» становился *исследуемый*, «субъектом-перцепиентом» – испытуемый. *Исследуемый* должен был «воздействовать» на испытуемого, сидящего за прибором – «рискометром»⁴, находясь рядом (за спиной испытуемого) или издалека (из другой комнаты). Обоим было известно, что вследствие «воздействия» должна быть «повышена точность» работы испытуемого, состоящая в экстраполяции движения сигнала-объекта в «тоннеле». Как первый, так и второй участники опыта не знали, что в эксперименте выявляется уровень стремления человека к риску, а также зависимость именно этой тенденции (а не самой по себе

⁴ Название прибора – «рискометр» – разумеется, не фигурировало в общении с испытуемыми. См. подробнее об экспериментальных условиях, располагающих к риску (Петровский В.А., 1977).

точности остановки сигнала-объекта в тоннеле, от факта идеального взаимодействия между испытуемым и «ассистентом» (то есть в данном случае *исследуемым*).

В специальной экспериментальной серии было показано, что одного только внушающего влияния экспериментатора, повышающего уверенность испытуемого в точности его собственных действий, оказывается недостаточно для стимуляции тенденции к риску. В этой серии испытуемому вручали металлический стержень, соединенный проводом с корпусом прибора, на котором проводилось исследование, и сообщали, что по этому проводу будет «передаваться» определенное воздействие от особого устройства – «суггестометра», якобы повышающего точность выполнения задачи. Большинство испытуемых при этом оценивали свою работу как более точную, чем в предыдущих сериях (без суггестирующего воздействия), однако уровень стремления к риску оставался прежним. Кроме того, на значительной экспериментальной выборке (более 900 испытуемых) А.Л. Крупениным было показано, что колебания уровня стремления к риску у испытуемых нельзя объяснить естественными флуктуациями активности в экспериментальной ситуации, располагающей к риску (коэффициент корреляции между повторными сериями с интервалами: 2 недели, 3 месяца, полгода – не менее 0,82). В случаях, если эксперимент проводился с незнакомыми прежде участниками, наблюдалось приблизительно равное отклонение в сторону повышения или понижения уровня стремления к риску. Причем у трети испытуемых риск сохранял свое исходное значение. Однако в тех случаях, когда участники эксперимента были знакомы между собой, в условиях «воздействия» выявлялась значимая тенденция к повышению показателей прагматически немотивированного риска по сравнению с данными индивидуальной серии.

Соответствующие сдвиги независимы от социометрического и референтометрического статуса *исследуемых* и испытуемых в группах, из которых формировались экспериментальные диады. Таким образом, основным фактором сдвига к риску является наличие ранее сложившегося межиндивидуального контакта между испытуемыми и *исследуемыми*, который, по-видимому, можно интерпретировать как достигнутую опытом общения запечатленность исследуемого в системе «смысловых установок» испытуемого.

Для описания следующей группы фактов, полученных в том же исследовании, не имеющих пока вполне убедительного истолкования, мы используем заимствованный из математической логики термин – «отношение эквивалентности». Последнее, как известно, удовлетворяет трем формальным условиям: «симметричности» ($ARB=BRA$), «транзитивности» ($ARB \& BRC = ARC$) и «рефлективности» (ARA). В нашем

случае это означает, что если индивид А в определенном направлении изменяет стремление к риску у индивида В, то последний (В) вызывает аналогичное изменение у первого (А) (условие «симметричности»); если индивид А индуцирует повышение или снижение уровня стремления к риску у индивида С, а В – соответственно у С, то с высокой вероятностью обнаруживается соответствующее влияние А на С (условие «транзитивности»).

Именно эти факты наблюдались в исследовании. Для проверки условия «рефлексивности» мы провели дополнительную серию, которая, возможно, могла бы вызвать возмущение у тех, кто верит в «силу биополей». Экспериментатор делал вид, что он «записывает» собственные «биополя» испытуемого (в действительности, конечно, никакой записи чего-либо и обратного предъявления не было)⁵. В результате оказалось, что участники исследования, не вызывающие изменения уровня стремления к риску у других лиц, в серии «самовоздействия» не изменяли собственного уровня риска; вместе с тем участники эксперимента, варьирующие уровень риска у других, вызывали аналогичные изменения у самих себя.

Следовательно, подтверждалось и свойство «рефлексивности» производимых влияний, и в целом перед нами открывалось отношение эквивалентности, разбивающее множество испытуемых на два противостоящих друг другу подмножества: подверженных и вместе с тем подвергающих влиянию и – «независимых», находящихся вне отношения влияния. Приведенные данные нуждаются, конечно, в дополнительном исследовании и объяснении.

Трудно интерпретируемые факты получены нами также при исследовании динамики ряда феноменов восприятия, обусловленных идеальным присутствием значимого другого. Б.М. Величковский (в личной беседе) обратил наше внимание на возможную взаимосвязь персонализации и перцепции. Одна из таких иллюзий – вариант фигуры Г. Каниззы с иллюзорным контуром, несколько модифицированной нами, – послужила предметом анализа.

В поле зрения испытуемого – четыре фигуры черного цвета, представляющие собой круги с вырезанными в них секторами. Иллюзия состоит в том, что условный квадрат, «наведенный» этими секторами, в глазах наблюдателя превращается в реальный белый квадрат, то есть становится «видимым» (см. рис. 15.1а).

⁵ После окончания эксперимента с испытуемыми проводилась беседа, из которой они узнавали о задачах исследования, и в частности, о том, что гипотеза об экстрасенсорных воздействиях в эксперименте не проверялась и тем более не подтверждалась.

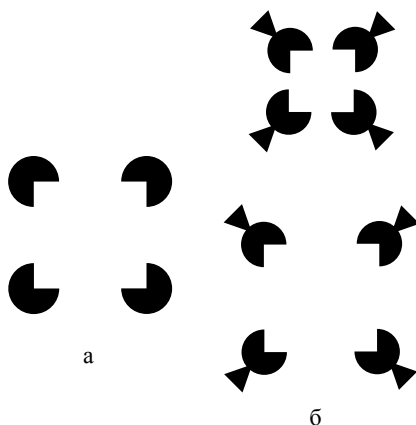

Рис. 15.1. Фигуры Каниззы:

а – исходная фигура; б – модифицированный вариант для детей

Действительно ли «присутствие» значимого другого лица может отразиться на характере переживания этой иллюзии? Приведем некоторые данные, полученные в дипломной работе, выполненной под нашим руководством Е.И. Кузьминой (*Петровский В.А., Кузьмина, 1988*).

Прежде всего, необходимо было измерить силу иллюзии. Для этой цели мы предъявляли испытуемым слайды, где расстояние между черными кружками менялось от меньшего к большему; в некоторый момент иллюзия белого контура, весьма ощутимая при небольшом расстоянии между кружками, пропадала, тем самым мы устанавливали порог исчезновения иллюзии.

Далее, поскольку эксперимент проводился с детьми дошкольного возраста, необходимо было адаптировать для детей инструкцию и несколько модифицировать предъявляемый тест. Остроумное решение этой задачи предложила Е.И. Кузьмина. Кружки с вырезанными секторами были «превращены» в головы рыб с пририсованными «хвостиками» (см. рис.15.1б).

Четыре рыбки «держат платочек», который в определенный момент они выпускают изо рта. Требуется сказать, когда «платочек» «выскользнет». В первой серии дети многократно решают эту задачу в присутствии только экспериментатора. Во второй серии им предлагают представить, что рядом с ними находится их воспитательница. Сравнивается порог исчезновения иллюзии в первой и второй сериях. Эксперимент, проведенный на 52 детях, показал существование весьма заметных отличий между сериями – воображаемое присутствие воспитателя сочеталось

более поздним исчезновением иллюзии; выраженность иллюзии, таким образом, была значительнее во втором случае, когда «рядом» оказывался значимый другой человек.

Для объяснения этого факта потребуется специальная экспериментальная работа, направленная на проверку ряда гипотез, в различной мере специфицирующих собственно интерперсональный аспект интересующего нас влияния. Например, динамика перцептивной продукции может быть объяснима факторами, лежащими в стороне от процессов межличностного общения и не имеющими какого-либо прямого отношения к проблеме персонализации (распределение внимания между внешним стимулирующим материалом и внутренним, представленным в сознании субъекта значимым объектом вообще). Или – в большей мере «субъективно-центрическим» образом: как эффект снижения дифференцированности восприятия, обусловленный снижением критичности испытуемого под влиянием значимого другого (гипотезы «доверия», «распределения ответственности» и т.п.). Или, наконец, как проявление специфической интерсубъектной детерминации перцептивной деятельности (гипотеза «проигрывания» конструктивной активности другого, высказанная Б.М. Величковским).

Рис. 15.2. Образец бланка, заполнявшегося испытуемыми на второй стадии исследования

В совместных исследованиях с Е.Ю. Увариной (*Петровский, Уварина, 1982*) мы прослеживали обусловленную другим человеком динамику образа Я индивидуума. Испытуемым предлагается оценить себя по некоторому набору (типа «звездочки» А.Ф. Лазурского) неградуированных шкал, расположенных перед ним и образованных веерообразно расходящимися из центра лучами (подобное расположение оправдано необходимостью проведения последующих серий). Предложенный набор качеств отражает весьма значимые для человека аспекты его бытия: «ум», «сила воли», «знание себя», «оригинальность мышления», «ощущение себя личностью» и т.п. (см. рис. 15.2).

Далее, во второй серии, испытуемым под видом самооенок другого человека предъявляли их же собственные самооценки (круговое расположение лучей «сбивало» испытуемых, не позволяя идентифицировать предшествующие ответы; кроме того, было изменено взаимное расположение шкал, что дополнительно затрудняло узнавание) и предлагали вновь себя оценить. Нас интересовало, не проявится ли у испытуемых тенденции к изменению самоописания, когда им предъявляют их первоначальные оценки как оценки, данные другими людьми самим себе. Подобное изменение, действительно, наблюдалось. Учащиеся при предъявлении им «самооенок» равных по рангу успеваемости одноклассников воспроизводили свои предшествующие оценки; но в гетерогенных парах (условно «двоечники – отличники», «отличники – двоечники») наблюдалась существенная перестройка ответов. Испытуемые, стремясь как бы «отмежеваться» от образа другого человека, чем-то существенно отличным от себя, фактически отказывались от своего первоначального «вѣдения» себя, причем эта динамика прежде всего затрагивала качества, значимые для успеха в учебной деятельности («ум», «неординарность мышления» и т.д.); в целом сдвиг наблюдался по 10 из 16 параметров самоописания.

Один из путей фиксации влияний, оказываемых *исследуемым* на *испытуемых*, – использование модифицированных проективных тестов. Единицей анализа личности исследуемого здесь выступают изменения проективной продукции испытуемого, производимые исследуемым. Изменения, о которых идет речь, показательны для оценки личности исследуемого в случае выхода за рамки ситуативных индивидуальных вариаций проективной продукции испытуемого.

Так, в совместном исследовании с И.П. Гуренковой (*Петровский В.А., Гуренкова, 1985*) динамика проективной продукции под влиянием другого лица нами прослеживалась на материале модификации фрустрационного теста Розенцвейга (см. рис. 15.3). В частности, удалось выявить изменение направленности агрессии в ситуации фрустрации по характеру доминирования вплоть до смены на противоположный тип доминирования (экстрапунитивное доминирование замещается интрапунитивным и т.п.).

Рис. 15.3. Пример проективного текста: а – в обычном варианте; б – в модифицированном (Петровский В.А., 1985)

При построении конкретных экспериментальных методик, реализующих принцип отраженной субъективности, необходимо было учитывать два обстоятельства, которые мы проанализируем особо.

Первое из них – назовем его правилом «индивидуальной специфичности» – состоит в том, что *исследуемый* должен выступить в проявлениях активности *испытуемого* именно своими субъектными чертами. Иначе говоря, его действие на испытуемого должно нести на себе печать индивидуального своеобразия, авторствования, быть свободно от каких-либо эффектов внеиндивидуального безличного влияния, которое один человек в ситуации социального взаимодействия мог бы оказать на другого. Один из случаев подобного безличного влияния может быть обозначен как эффект присутствия «человека вообще», или, как еще можно о нем сказать, «эффект свидетеля». Примером экспериментального разведения «эффекта свидетеля» и эффектов собственно отраженной субъектности может послужить исследование динамики фрустрационных реакций в присутствии другого. В работе И.П. Гуренковой была предпринята попытка «перенормировки» сырых тестовых данных, характеризующих тип и направленность протекания фрустрационных реакций в связи с введением в материалы теста третьего лица как наблюдателя «вообще» (изображенного на каждой из 24 картинок теста Розенцвейга пунктиром). Первоначально испытуемым сообщалось, что это просто человек, находящийся в данной ситуации, который видит все происходящее, но сам в разговор между действующими лицами не вступает. Далее безличная фигура «третьего» индивидуализировалась: испытуемым сообщалось, «кто» этот третий. Оценка изменений проективной продукции строилась на основе сравнения серии с персонифицированным другим и серии с «другим вообще» (групповые нормы реагирования в которой оказываются иными, чем в ситуациях без свидетеля – «эффект свидетеля»).

Другой случай индивидуального влияния, который также должен быть по возможности учтен и изолирован в исследовании, мы обозначим как «статусно-ролевой эффект». Здесь перед нами такой тип межиндивидуального влияния, когда оно, например, детерминировано профессиональной принадлежностью исследуемого, его положением в социальной организации («авторитет власти») или мнением, которое сложилось о нем (феномен Хлестакова), социальными стереотипами реагирования, связанными с его половой или возрастной ролью, национальностью и т.д.

В дипломном исследовании, выполненном под нашим руководством А.Н. Смирновой, была предпринята попытка специально проследить роль индивидуальной и статусно-ролевой обусловленности проявлений самовосприятия студентов в присутствии преподавателя. Метод отраженной субъектности был реализован здесь с применением методики «Личностный дифференциал» (в разработке А. Эткинса). Испытуемые несколько раз подряд оценивали себя по шкалам соответствующего опросника (включавшего названия 21 личностного качества, которые

объединены в три категории – «Сила», «Активность» и «Оценка»). В первом случае они должны были ответить, каковы они в своем представлении («Я в своем представлении»); во втором – каковы они в момент подготовки к экзамену; в третьем – описать себя на вечеринке при встрече с приятелем. Кроме того, по тем же шкалам испытуемые должны были оценить двух преподавателей, указанных экспериментатором. Эти преподаватели поочередно вели семинарские занятия с обследуемыми студентами по одному и тому же учебному курсу. Наконец, испытуемые должны были вновь себя оценить, представив, что они готовятся к сдаче экзамена каждому из двух преподавателей, а также еще раз оценить себя в маловероятной, но все же возможной ситуации: преподаватель – в их приятельском кругу. В эксперименте выявились существенные отличия в самовосприятии студентов в тех случаях, когда они мысленно «проигрывали» ситуацию подготовки к экзамену вообще (перед абстрактным экзаменатором) и к сдаче экзамена конкретному лицу. Этот результат можно было бы объяснить актуализацией представлений, связанных со спецификой учебного материала (который предъявляет различные требования к способностям учащихся, может быть по-разному интересным и т.д.), и подобное влияние, безусловно, имело место. Однако нас здесь интересовал не эффект «абсолютного» влияния конкретного лица в той или иной роли в отличие от эффекта влияния роли самой по себе, а сравнительный «вклад» разных людей, реализующих одну и ту же роль, в самовосприятие других. И действительно, наблюдались обусловленные каждым из двух преподавателей достоверные различия в самоописании студентов как по отдельным шкалам, так и по категориям шкал.

Картина индивидуально-специфического влияния открывается и в сериях воображаемого общения студентов с преподавателями во внеучебной ситуации. Однако направленность сдвигов в проявлениях самовосприятия у студентов в ряде случаев здесь иная, чем в ситуации представляемого учебного взаимодействия. Поэтому можно утверждать, что в эксперименте мы фиксируем эффект взаимодействия индивидуально-специфического влияния и влияния со стороны содержательной специфичности ситуации (ситуативный фактор). Проведенные и планируемые исследования должны раскрыть достаточно полную картину детерминации наблюдаемых сдвигов, в рамках которой только и может быть «локализован» собственно индивидуальный аспект влияния.

Рельефную картину отличий индивидуально специфического влияния людей и эффектов фасилитации, обусловленных присутствием другого «вообще», открывают исследования И.Г. Дубова. Им был избран классический вопрос, разрабатывавшийся еще в ранних работах Г. Олпорта, – о возможной динамике ригидности человека в присутствии

другого лица. Однако в данном случае в цели исследователя входила оценка прежде всего характера персонализации одного человека в другом, где мог бы выступить не абстрактно-социальный момент влияния, а влияние индивидуальности первого на проявление ригидности (флексibilityности) второго. В качестве *исследуемых* были отобраны выпускники педагогических институтов, которые по совокупности известных и дополнительно разработанных автором исследования тестов оценивались как «гибкие» («флексibilityные»). Далее по группе исследовательских методик и тестов оценивалась гибкость–ригидность учеников тех классов, в которые были распределены отобранные для исследования учителя (замеры со школьниками VIII и IX классов проводились в первых числах сентября). В конце учебного года в условиях непосредственного и воображаемого присутствия учителей и в независимой серии ученики вновь подвергались исследованию.

В итоге была подтверждена гипотеза, согласно которой «гибкие» учителя продуцируют сдвиг в сторону большей гибкости у учеников по сравнению с учителями, не акцентированными по этому качеству. Этот результат опровергает уже начинающую становиться традиционной (в результате исследования фасилитации) точку зрения, согласно которой присутствие другого лица повышает ригидность того, кто непосредственно действует. Эта точка зрения, вполне оправданная в рамках изучения фасилитации как влияния «человека вообще», оказывается ограниченной при интерпретации индивидуально-специфического влияния, реализующего процессы межсубъектного отражения.

Второе обстоятельство, учет которого обязателен при построении интересующего нас класса методик, назовем правилом «идеальной включенности». Суть этого условия состоит в том, что исследуемый внутренним образом включен в ситуацию деятельности испытуемого, вступает с ним в идеальное взаимодействие; источником интересующих экспериментатора влияний его на испытуемого является именно интрапсихическая запечатленность и действенность его в испытуемом. В экспериментальной ситуации «работает» не сам по себе исследуемый – «работает» его образ в голове испытуемого, интроецированные содержания, субъективации, актуализированные его реальным или воображаемым участием в экспериментальной ситуации.

Реализация указанного методологического условия может быть осуществлена двояким образом. В первом случае *исследуемый* реально присутствует в ситуации выполнения экспериментального задания испытуемым, однако лишен возможности прямо оказать какое-либо содействие испытуемому. Влияние *исследуемого* идет как бы в обход ситуативно необходимому характеру его активности. Так, в одном из экспериментов, ранее уже описанном нами, испытуемые «отличники» своими ошибочными действиями (при решении задач «четыре точки»),

отнюдь не стремясь оказать помощь слабоуспевающим, тем не менее, повышали уровень креативности последних (Петровский В.А., Дубов, 1987).

Отмеченное методологическое требование, таким образом, реализовывало технику «иррелевантных» воздействий. Во втором случае исследуемый физически отсутствует в экспериментальной ситуации, однако как бы вводится в круг переживаний испытуемого (предъявляются его фотография, голос, его символические замещения вводятся в материалы проективного теста и т.п.). Этот вариант (например, в исследовании А.В. Воробьева – Воробьев, 1981) создания эффекта присутствия может быть назван техникой символической репрезентации *исследуемого* испытуемым.

Только что сформулированные правила построения экспериментальной ситуации, воплощающей принцип отраженной субъектности, а именно правила «индивидуальной специфичности» и «идеальной включенности», совместно расслаивает ситуацию исследования на два «яруса».

Первый из них – это «ярус» заданной испытуемому деятельности. Испытуемый выполняет деятельность, степень осуществимости которой объективно не зависит от индивидуального своеобразия исследуемого. Это задачи, которые могут быть выполнены самим испытуемым либо совершенно самостоятельно, без какой-либо ориентировки («оглядки») на исследуемого, либо – на основе сотрудничества с последним, однако в тех пределах, в которых необязательны какие-либо проявления индивидуального своеобразия исследуемого, а достаточно лишь его способности справиться с требованиями чисто делового общения в пределах, отведенных ему ролью.

Второй «ярус» активности – это собственно «личностное» идеальное взаимодействие испытуемого с исследуемым. Переход испытуемого на этот второй «ярус», выход его в слой идеального взаимодействия с другим субъектом как носителем индивидуально своеобразных черт, является в определенном смысле «надситуативным», то есть осуществляется над порогом требований ситуации, предъявляемой испытуемому непосредственно. Существенно важной чертой экспериментальной ситуации является также и тот факт, что «надситуативно» здесь не только идеальное движение испытуемого к *исследуемому*, но и «исходящее» от исследуемого воздействие на испытуемого, так как оно (что уже отмечено нами) выходит за пределы социально предписанных или стереотипных форм взаимодействия между ними.

Надситуативный характер идеального взаимодействия между исследуемым и испытуемым открывает нам особую феноменологию активности личности, характеризующую уровень его отраженной субъектности в жизни других людей.

ГЛАВА 16. ОТРАЖЕННОСТЬ СУБЪЕКТА В СЕБЕ

Живой знак Я

Когда я говорю *Я*, я имею в виду, что *Я* – это рефлексирующий себя субъект, или субъект в саморефлексии. Мне хотелось поделиться с читателем этой дефиницией «*Я* – индивид в саморефлексии» – не только потому, что она, как мне кажется, весьма лаконична. В ней (и это, конечно, главное) свернуто («упаковано») довольно обширное содержание (здесь такие вопросы: что такое «индивид», что такое «рефлексия», что такое «саморефлексия», возможны ли перестановки слов, например, можно ли говорить «саморефлексия индивида» вместо «индивид в саморефлексии» и т.д.). Об этом – в дальнейшем, и я не хотел бы сейчас в это погружаться. Главное для меня – в развертке этого понимания с опорой на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, в трактовке онтологического статуса *Я*. *Я*, как мне представляется, есть идея, присущая самому индивиду и присутствующая в нем в качестве особого знака. Речь и пойдет о том, в чем состоят особенности этого знака.

Говоря «*Я*», мы пользуемся *именем* этого знака, которое нам подсказывает культура. Подсказывает *имя*, но отнюдь не *форму* этого знака. Мучайтесь, господа, догадками! Впрочем, нет, культура «подсказывает»; она подсказывает зачастую *ложные знаки*. Такие, как «глаз-наблюдатель» (знаки функционирования *Я*), «круг» (знаки *Я* как субстрата), знак «индивида с психикой» и т.п., скрытые рефлексивные формы («экстраверты», «экстерналы», некоторые формы религиозного сознания, тотальное осмысление, лапласовский детерминизм и т.п.). И все это порождает *неразрешимости*.

Между тем, можно принять в качестве гипотезы, что «*Я*» – это совершенно особый знак, непохожий на другие. Я бы назвал его «маргинальным знаком».

После выхода замечательной во многих отношениях книги Л.М. Веккера «Психика и реальность» (1998), мы столкнулись с полярными точками зрения на природу «*Я*», высказанными двумя выдающимися теоретиками. Один из них – сам Л.М. Веккер, который, говоря о *Я*, ассоциировал это понятие с понятием «психического субъекта»,

«психического носителя», «*n*-й производной по отношению к своему исходному физическому носителю» (Веккер, 1998, с. 648). Другой теоретик – С.Л. Рубинштейн, который (я бы сказал, с особым пафосом) подчеркивал, что *Я* – это «живой чувственный индивид». Как видим, очень четкая поляризация позиций: *Я* как нечто ментальное, глубоко внутреннее, сопричастное «тонким» материям, и *Я* как что-то вполне осязаемое, данное в восприятии так, как вещь может быть дана среди вещей. Где же истина? Вы догадываетесь, что я сейчас скажу...

Можно принять как версию третью точку зрения, а именно, что *Я* – это особый, «маргинальный», знак. Такой знак, который, будучи носителем идеи *Я*, заключает в себе *границу*, – нечто сопредельное, переходное, срединное...

После Л.С. Выготского мы много говорим об опосредствовании, часто забывая, что опосредствующее звено должно содержать в себе особое качество – «быть между», что позволяет сводить воедино, «стыковать» какие-то вещи. Согласно Гегелю, значений, помечаемых словом «граница», – три. Это: *предел, переход, связь*. Предел отделяет нечто от иного и в той же мере – иное от нечто. А это значит, что, говоря «предел», мы мысленно переходим от одного к другому и обратно, что, в свою очередь, означает для нас, что идея «границы» заключает в себе идею *перехода* – пишем «предел», подразумеваем «переход». Но ведь этот переход – двусторонний. Условно говоря, переход – это нечто «слева направо» и «справа налево», причем это «происходит» одновременно. «Нечто» и «иное» тождественны (в этом переходе) и нетождественны друг другу (в самогашении этого перехода). «Нечто» и «иное» теперь должны уже рассматриваться как *приверженные* друг другу, хотя и не растворенные друг в друге. Так «граница» обнаруживает в себе еще одно свое значение – *связь*.

Все эти значения слова «граница»: предел, переход, связь – должны быть представлены в знаке *Я*, если, конечно, принять версию, что *Я* – маргинальный знак. Говоря о границе, мы можем наблюдать метаморфозы значений этого термина (предел – переход – связь). Очевидно, что и знак границы, если он есть наяву, должен быть весьма необычен: он должен являть собой **живое** единство этих превращений. Мы так будем о нем говорить: «живой знак», имея в виду, что ему самому присуще движение; отнять у него это движение значит в данном случае истребить сам знак. Описать живые знаки – значит описать динамику бытия, воссоединяющую полюса. И *Я* – это один из таких «живых» знаков.

Я уже говорил о том, что сознание теоретиков, определяющих *Я*, расколото на двое. *Я* – как живой чувственный индивид (нечто объективно существующее, наблюдаемое извне, данное человеку как вещь среди вещей). И – «ментальное *Я*». Идея маргинальности *Я*, представленности *Я* живым знаком, на мой взгляд, снимает эту оппозицию.

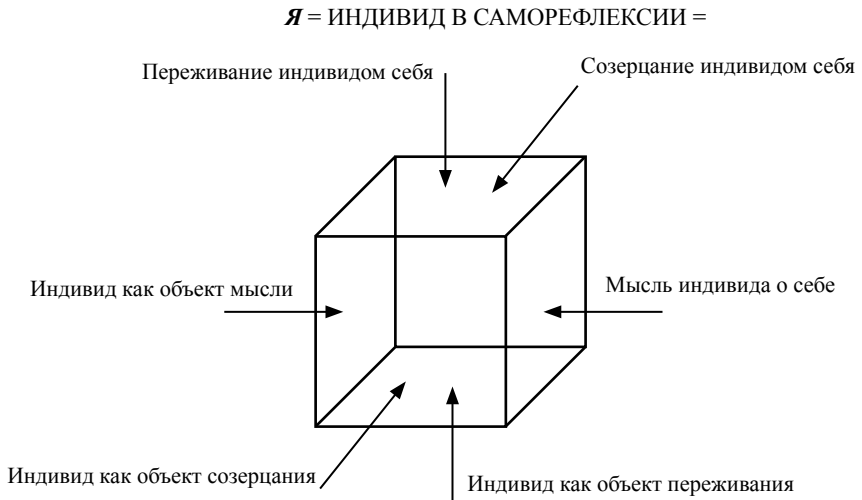

Рис. 16.1. Я = индивид в саморефлексии = «Живой знак Я»

Таким образом, онтологическая модель представляется нам в виде кубика Неккера; в силу волшебных перцептивных свойств этой фигуры (отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство), она являет собой *динамический* («живой») *знак* (см. рис. 16.1).

Куб Неккера – «живой знак», как бы специально замысленный природой, чтобы в движении своих переходов воплотить в себе Я как идею рефлектирующего себя индивида. «Живые знаки», я думаю, суть способ существования идеи вообще, и в частности – идеи себя, присущей индивиду и являющей собой Я. В последнем случае индивид в качестве *источника* саморефлексии (объект, субъект, носитель) как бы рокируется с самим собой как *явлением* саморефлексии (образ, результат, данность): физическое и психическое, объективное и субъективное, пульсируя, переходят друг в друга.

Противостояние двух взглядов на Я – Веккера и Рубинштейна – преодолевается, таким образом, трактовкой Я как особой идеи, имеющей свой специфический знак, в котором ипостаси спиритуального и материального совместны, неотделимы друг от друга. Напрашивается ассоциация по сходству – с «ангелом» из повести Ярославцева (А.Н. Стругацкого); о некоем герое мужского пола там сказано: «Он – ангел, и именно что во плоти».

Разумеется, этот знак не единственный. Варианты «динамического знака» – это фигура-фон, «трансформер», еще очень плохо осмысленные и освоенные нами «фигуры невозможного», опыты запечатления

«триединства» (я согласен с теми, кто считает, что нелепы попытки определить, «кто есть кто» в рублевской «Троице»). Наконец, особые топологические формы, такие как пояс Мебиуса (вот, предлагаю вам фразу: «На вопрос, хорош ли человек, отвечать: “Не знаю, не знаю, я знаю его только с одной стороны – хорошей”»). И так далее...

Но все это – как бы визуальные динамические формы (я говорю: «как бы», но не подумайте, что это слово-паразит из лексикона студента-психолога; это указание на то, что сомнительна сама возможность полноценной визуализации этих динамических форм – мы не вполне способны адекватно воспринять их глазом, они обманывают обычное зрение, они нуждаются в «другом зрении»). Область «живых знаков», я думаю, значительно шире. И в частности, они существуют как действия, производимые людьми. Но это не вполне обычные действия. Они могут показаться иррациональными. Возможно, это так и есть. Не только действия, но и слова, также заключающие в себе двойственный, к чему-то одному не редуцируемый смысл. Имея в виду эти необычные действия и необычные слова в роли знаков, я хочу подчеркнуть: речь не идет о символах (которые, как известно, обладают множеством значений). Речь идет о *взаимопереходах* значений, заключенных в знаковой форме «Я», – иногда даже о стирании каких-то значений, о чем мы еще будем говорить...

«ПРЕДЕЛ», «ПЕРЕХОД», «СВЯЗЬ». «ПЕРЕКРЕСТНОЕ Я»

Остановлюсь на некоторых формах маргинального знака (представленного действиями человека), заключающих в себе такие моменты «границы», как «предел», «переход», «связь». Все это – знаки «Я».

Первая группа знаков. «*Бытие Я через абсурд*»: люди делают заведомо бессмысленные и шокирующие действия. Буквально с младых ногтей: негативизм (вспомним прекрасно описанный в культурно-исторической теории «кризис 3-х лет»), вычурность («кризис 7-ми лет»), а также выплески индивидуальности в подростковом и юношеском возрасте. Перед нами область существования и функционирования того, что М.В. Бороденко (*Бороденко*, 1996) обозначила как «контр-знак»; в контр-знаке не одно, а два означаемых, они противоположны друг другу и при том заключены в тесную для них обоих динамическую знаковую форму. Через контр-знаки ребенок выявляет себя как *индивидуальность* в том смысле этого слова, который содержится в концепции социогенеза индивидуальности А.Г. Асмолова.

Когда ребенок прибегает к контр-знакам, «переворачивает» слова, творя мир «наоборот», или, как говорит В.Т. Кудрявцев, совершает инверсионные действия, то он рушит устойчивое и обязательное. Тем

самым выявляя для себя свою самость, нередуцируемость *Я* ко всему внешнему и приводящему.

Чаще всего контр-знаки встречаются в смеховой культуре. Вернемся к двум граням «*Я*»: физической и духовной. У В.Я. Проппа, в книжке о комическом, есть глава «Человек-вещь», содержащая примеры сравнения человека с вещью и вещи с человеком: «Не будь штанами, приезжай», – пишет А.П. Чехов брату; или: «Характер ваш похож на прокисший крыжовник»; «Одним словом ты – пуговица» и т.д. И еще рельефней и действенней – обратное сравнение (это уже из Гоголя): в огороде Коробочки на фруктовые деревья наброшены сетки для защиты от сорок и других птиц; «для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах с растопыренными руками; на одном из них был надет чепец самой хозяйки». Через фигуру осмеяния, смеющийся, я думаю, освобождает себя от изначального страха быть вещью среди вещей, – абсурд сравнения разрушает определенность, о-пределенность *Я* физическим бытием индивида.

Вторая группа знаков. Они характеризуют «*бытие Я на границе*», являясь *переходными знаками*. В первую очередь, я бы отнес к ним то, что я обозначил термином «надситуативный» («бескорыстный») риск. Такой риск – это «взрыв», взлом ситуации. Именно в этот момент человек остро переживает свое *Я*. И здесь главное – непредреженность, неизвестность того, что будет. Если я что-то заранее знаю, заведомо могу предсказать свои реакции и свои будущие жизненные обстоятельства, как я почувствую свое *Я*? А *Я*, по сути, – это то, что «здесь и теперь» («тут»). Оно всегда «первой свежести» (а иначе это уже не *Я*, а кто-то, с кем я был когда-то знаком). Риск дает возможность убедиться: «*Я* есть». «*Я* рискую, следовательно, *Я* существую».

Третья группа знаков. Это – «*Я как зеркало*». Исторически сложились две парадигмы истолкования жизни индивида, жизни общества, шире – мироздания. Первая из них – телеологическая: есть предустановленная гармония или цель. Этот взгляд восходит к Аристотелю, который говорил об энтелехии – конечной цели всего происходящего в мире. В психологии (применительно к индивидууму) до сих господствует именно эта точка зрения, – «постулат сообразности» (*Петровский В.А., 1975а*). Реализуется постулат сообразности, как уже было показано ранее в книге (Глава 2), в гомеостатической, прагматической и гедонистической формах. Другая парадигма – это парадигма хаоса и возникновения порядка из хаоса. В психологии этот, пригожинский, подход, на мой взгляд, практически не представлен, хотя некоторые «прорывы» в этой области есть, ну, например, в микропсихоанализе Фанти, который отталкивался в этом вопросе от Фрейда.

Я думаю, может и должен быть выделен третий подход, снимающий в себе противоречия двух первых: да, индивид и общество суть

средоточие хаоса, но это – «целевой хаос». Личность – это единомножие активных сил. Иногда говорят – «субличностей». Однако нет какой-нибудь «супер-личности», которая, подобно кучеру на облучке, правила бы остальными. Моя мысль заключается в том, что *Я* осуществляет отражение (и тем самым, сообщение между собой) разных других во мне, а также и вне меня, что порождает целый ряд интересных последствий.

Отражаемые «субличности» (говорю сейчас метафорически, на языке психосинтеза), или, более точно, – целеустремленные системы – могут вступать между собой в самые парадоксальные отношения. «Берегите птиц!» – говорит один. Другой говорит: «Да! Ведь это источник вкусной и здоровой пищи!» Целевые системы могут противодействовать друг другу («мышь» и «профиль» в примере В.А. Лефевра), они могут быть совершенно безучастны друг к другу или они могут случайно совпадать в своих интересах – но при этом каждый из них имеет свою цель, работает «на себя».

Возникает такой вопрос: хорошо, есть целевой хаос; есть заинтересованные подсистемы (их можно называть субъектными подсистемами, «субличностями» и т.п.). Они действуют в своих интересах. Но нет ли такой подсистемы, у которой нет ни одного собственного интереса, который бы не был в то же время опосредствован интересами других, смежных подсистем?

Я буду исходить из того, что такая подсистема есть, суть ее в рефлексивном соотношении между собой других подсистем, и она может быть названа «Перекрестное (медиаторное) *Я*». «Перекрестное *Я*» живет «заимствованными» интересами смежных целевых систем. Но это отнюдь не значит, что ему не свойственны свои интересы (просто они от интересов других подсистем неотчуждаемы). И я могу сейчас указать некоторые интересы «Перекрестного *Я*», благодаря которым его не выталкивают со сцены другие заинтересованные подсистемы.

«Перекрестное *Я*» – согласовывает устремления других подсистем. Именно согласовывает, а не упорядочивает, потому что эта система «*Я*» – по крайней мере, в моей модели – не играет роли какого-либо третейского судьи. «Перекрестное *Я*» не судит и не ранжирует. Первый его интерес – это соотношение интересов других субъектных подсистем (других *Я*). А для этого их нужно рефлексировать. И уже в этом пункте можно разграничить «идеал» и «анти-идеал» в функционировании *Я*-системы. Анти-идеал в построении *Я* – это, конечно, булгаковская Аннушка-Чума. Вы помните, она появлялась, и тут же начинался скандал. Она была мастером диссоциирующего управления, постоянно порождающего конфликты. Аннушка-Чума в душе порождает столкновение всевозможных «персонажей» и «сил»: влечения и долга, свободы и ответственности (В. Франкл говорил, что напротив статуи

Свободы должна стоять статуя Ответственности), «Оно» и «сверх-Я», берновского Родителя и Дитя, Либида и Танатоса и т.д., и т.п. Такое Я содействует бунту и вымещению вместо прощения и приятия, порождает идеи, которые сводят с ума и ведут к полной деструкции поведения.

На фоне анти-идеала рельефнее выступает то, что мы вкладываем в понятие об истинном Я. Истинное, совершенное Я позволяет каждой системе (по крайней мере, с точки зрения внешнего исследователя) быть представленной в Я самоидентифицирующимся образом. Идеально устроенное Я – это: точная рефлексия смежных систем и примирение каждой из них с каждой. Такое Я являет нам лик «миротворца». Оно предоставляет возможность, через рефлексивность в нем, воплотиться каждой из систем и через обратный шаг рефлексии, когда Я воплощается в смежных системах, прийти к согласию (примирению). Истинное Я, так же как и «дурное» Я, живет между молотом и наковальней. Но иначе оно жить «не умеет»: жить для него значит быть инструментом опосредствованной рефлексии.

Существует и другой интерес, присущий системе «Перекрестное Я». Он состоит в том, чтобы продуцировать саму способность к имитации (рефлексии) по отношению к другим подсистемам. Ибо для того, чтобы Я справилось с решением первой задачи – примирения, оно должно уметь повторять в своих состояниях содержание смежных подсистем, быть универсальным имитатором. То, что «Перекрестное Я», по-видимому, проверяет эту свою способность – имитировать, может объяснить нам некоторые парадоксальные проявления активности индивидуума. Мы уже упоминали внутреннего Родителя, Взрослого, Дитя, живущих в нас; можно говорить также об архетипах аналитической психологии, «субличностях» в психосинтезе, «фигурках сна» и «монстрах» в процессуально ориентированной терапии и т.д. Каждый из этих внутренних субъектов может стать объектом имитации со стороны Я. Наше Я как бы присоединяется к каждому из этих субъектов – такого рода присоединение совершенно прагматично, оно лишено иного смысла, кроме апробации самой возможности имитации. Так рождаются «игры», «интриги», «комические положения», «розыгрыши» – словом, особая драматургия собственной жизни. Поведение может со стороны казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл – в имитации смыслов других субъектов, «живущих» внутри.

Метафора «зеркала» являет нам знак «Перекрестного Я» как синтезирующего, связывающего образования, одновременно преодолевающего и поддерживающего дистанцию между разными инстанциями жизнедеятельности индивида.

«Я» ПРИ ВЗГЛЯДЕ ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

Особую проблему образует знаковая природа *Я* в форме *представления индивида о себе*. Когда мы в своей речи используем слово «я», то оно обычно фигурирует для нас в значении личного местоимения («я сделал...», «я посмотрел...», «я почувствовал...», «я замечаю...» и т.д.). Здесь еще не идет речи о *Я* с большой буквы, – о рефлексивном «я», звучащем в русском переводе с немецкого «Ichheit» (Фихте) не слишком-то благозвучно («яйность»). Личное местоимение «я» – это «я сам» индивида, нечто более сложное и онтогенетически более позднее, чем индивид в своем самопереживании, и нечто более простое и раннее, чем индивид, данный себе в мысли. Это и есть «я» как представление индивида о себе. Мы говорим: «У него (у нее) нет еще и представления о себе», не утверждая при этом, что у него (у нее) начисто отсутствует *Я*; наоборот, мы вполне допускаем, что индивид воспринимает себя, обладая самостью, но просто имеем в виду при этом, что данный индивид еще «не видит себя *со стороны*», не может «взглянуть» на себя глазами другого. Впрочем, строго говоря, видеть (воспринимать) себя «со стороны» невозможно. Можно только *вообразить*, что смотришь на себя со стороны, а стало быть, вообразить себя на месте стороннего наблюдателя, смотрящего в твою сторону и воспринимающего тебя. «Нет представления о себе» – это значит, что воображение не «дорисовывает» образ самовосприятия до образа восприятия себя глазами другого. Представление о себе – двухслойно: это восприятие себя плюс воображение себя в качестве объекта наблюдения со стороны. Но что означает здесь: «воображение дорисовывает образ самовосприятия до образа представления»? Ответ на этот вопрос невозможен вне описания актов *семиозиса Я* – знакового становления *Я* на интересующей нас ступени саморефлексии индивида.

Естественно считать, что *Я* в самопредставлении рождается и функционирует как знак связи между сопредельными жизненными сферами самого индивида и *других* индивидов, с которыми тот вступает в общение. Допустим, речь идет об индивиде *X*, чье представление о себе нас особенно интересует, и индивиде *Y*, «соучаствующем» в процессе рождения этого представления; соответственно, мы можем говорить о *мире с точки зрения X*, « M_X », и *мире с точки зрения Y*, « M_Y ». Развивая идею о том, что «я» – маргинальный знак, а также все сказанное ранее о соотношении понятий «представление» и «восприятие», естественно принять и такую гипотезу: тогда и только тогда, когда индивид *X* способен в воображаемом плане взглянуть на мир с позиции некоторого индивида *Y* (будем говорить о «точке обзора», чтобы подчеркнуть первоначальный геометрический, а не психологический аспект позиции

наблюдателя), вернуться далее в свою исходную позицию и при этом заметить разницу, – только в этом случае он способен получить представление о собственном Я.

Если высказанная гипотеза верна, то представление индивидуума о себе может быть понято как продукт чередования актов центрации и децентрации, имеющего первоначально характер смены впечатлений при изменении точки обзора: представление о себе репрезентируется прежде всего переживанием *различий*, существующих между двумя картинками мира – M_X и M_Y (в этих рассуждениях мы ограничиваемся пока когнитивной центрацией и децентрацией, в терминах Ж. Пиаже, закрывая глаза на аффективную и целевую). Самое интересное, что первоначальная картина мира M_X при таком чередовании, с одной стороны, сохраняется, а с другой стороны, приобретает некие дополнительные характеристики. Какие? – Очевидно, служить указателем на существование некой иной картины, а именно: « M_X в сочетании с M_Y и с пустым множеством \emptyset » (необходимость привлечения пустого множества разъясняется из дальнейшего).

Это сочетание может иметь самый различный характер: $(M_X \cup M_Y) \cup \emptyset$ (объединение двух множеств, «двух картин мира»), или $(M_X \setminus M_Y) \cup \emptyset$ (разность, индивид фиксирует свое внимание на различиях), $M_X \cap M_Y \cup \emptyset$ (пересечение двух множеств – обобщение «двух картин») и т.п.; возможны и такие комбинации: $M_X \cup (M_Y \cap \emptyset) = M_X$ (объединение с пустым множеством – «ничего не меняется»), и $M_X \cap (M_Y \cap \emptyset) = \emptyset$ (пересечение с пустым множеством – «все стирается»), $(M_X \cap \emptyset) \cup M_Y = M_Y$ («мир глазами другого и только, видимый мир – иллюзия») и др. Обобщенно, мы можем записать: $M_{Y,X} = \Phi_X(M_X, M_Y, \emptyset)$ ⁶.

Во всех этих случаях M_X может интерпретироваться как *означающее* только что образовавшегося знака, а $M_{Y,X}$ – как его *означаемое*. Точно также, при переходе на точку зрения (обзора) Y , порождается еще один знак: с *означающим* M_Y и *означаемым* $M_{X,Y}$. И тогда динамика центрации и децентрации может быть осмыслена как двусторонний процесс порождения (взаимопостроения) двух знаков:

$$(M_X / M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y}).$$

Остается только отметить, что вся эта динамическая система может рассматриваться как сложное означаемое («сложенное» из двух, подменяющих друг друга знаков) знака, именуемого «Я» (означающее этого знака может быть представлено звуком «Я», или иероглифом, или

⁶ Привлекателен шанс соотнести выражение $M_{Y,X}$ с символом вида M_{YX} («М с позиции Y с позиции X») рефлексивной алгебры Лефевра; однако, способ такого соотнесения все-таки неочевиден.

каким-то другим значком). Итак «я» как динамический знак приобретает здесь следующий вид:

$$\langle \text{я} \rangle = \langle \text{Я} \rangle / ((M_X M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y}))$$

Позволю себе высказать предположение, что если предлагаемое знаковое представление «я» оправдано, то перед нами – путь построения типологии *Я* (и, в частности, построения, мы бы сказали, «пато-типологии» *Я*), а также описания и конструирования *Я* в контексте межиндивидуальных взаимодействий.

Довольно рано в онтогенезе *Я*, во внутреннем мире индивидуума (ребенка) начинают объединяться две картины реальности. Одна из них – это собственное тело, воспринимаемое с позиции «внутреннего наблюдателя» – попытку зарисовать такой мир глазами, точнее *глазом* (другой глаз был прищурен), лежащего человека предпринял Э. Мах; в поле его зрения оказались бровь, ус, и кончик носа (*Бауэр*, 1979). Другая картина – это взгляд на себя как бы извне, с позиции стороннего наблюдателя. При этом в поле зрения такого стороннего, воображаемого («виртуального», «условного») наблюдателя оказывается сам индивид, воспринимающий себя «изнутри». Мгновенная перемена позиции – и картина T_X превращается в *означающее* только что рожденного знака, *означающим* которого тут же становится композиция двух картин – $T_{Y,X}$. Если считать, что, «возвращаясь» из позиции воображаемого «внешнего наблюдателя» *У* в позицию «внутреннего наблюдателя» *Х*, индивид сохраняет неизменным открывшийся ему только что образ собственного тела, то картина $T_{Y,X}$ упрощается и превращается в T_Y . Теперь T_X свидетельствует о T_Y (и соотносится с ним как означающее и означаемое в знаке). Иными словами, непосредственно видимые индивиду части собственного тела (например, руки, прядь волос, упавшая на глаза, кончик носа, брови и т.д.) образуют для него теперь не только *объект* созерцания, но составляют и *субъект* созерцания – как части *тела, которое «само на себя смотрит»*: в себе-видимом индивид открывает себя-видящего.

Попытки объединить две картины реальности (T_X и T_Y) в пределах единого знака (кстати сказать, означающее и означаемое этого знака постоянно меняются местами – без такой «рокировки», осуществляющейся, надо думать, в определенном ритме, чувство «я» угасает), служат, возможно, объяснением таким «нарциссическим» устремлениям детей, как разглядывание себя в зеркале, многократное прослушивание одной и той же магнитофонной записи собственного голоса, сокрытия (прятки) и обнаружения себя перед взрослыми («вот я!») и т.д. и т.п. Действительно требуется изрядное время и неисчислимое число сопоставлений, по сути, – «примерок» своего «для-себя-бытия» и своего «для-других-бытия», чтобы они могли объединиться друг с другом, пульсируя, превращаться друг в друга, в живом знаке *Я*.

Я-медиация выхода «за». Анализируя неадаптивные, поражающие нас иррациональностью, избыточностью, иногда упорством формы активности (абсурдные и смеховые действия, бескорыстный риск, показное злодейство, «проигрывание» других отталкивающих ролей, «поддавки при игре в прятки», «нарциссическое самосозерцание», не-детские игры в кабинете терапевта и в жизни) – анализируя все эти феномены, мы замечаем, что за всеми этими формами вырисовывается единая сущность – бытие на границе, рефлектируемое индивидом как *Я*. Психологический смысл всех этих необычных действий и побуждений – быть знаками *Я*, избегающего каких-либо форм овнешнения и овещствления.

Л.С. Выготский, как известно, искал «клеточку» психического. Он последовательно переходил от «речевого рефлекса» к «знаку», затем к «значению», далее фигурировали «смысл» и «переживание». Воздержимся сейчас от обсуждения самой осуществимости этого проекта, этого замысла: нахождения «клеточки» (критические соображения по этому поводу уже высказывались, в том числе нами – *Петровский А.В., Петровский В.А.*, 2000). Но вот вопрос: не есть ли «я» – та самая искомая «клеточка», к которой асимптотически приближалась траектория поиска Выготского и в которой Фихте увидел исток универсума?

Помните: о камне, который «презрели строители»? Мне думается: может быть, это и есть *Я*⁷. Оно и самоценно и самоцельно. Оно – и знак и значение, в котором, в свою очередь, сплетаются знаки... Оно – не только инструментурует, но и ориентирует поведение, мотивирует его (иногда в самых экзотических, а иногда в самых обычных проявлениях). Оно существует как смысл и вбирает в себя переживания. Может быть *Я* и есть тот камень, который презрели строители, и пора, наконец, извлечь этот камень, сделав так, чтобы он стал-таки «во главу угла...»?

То, о чем я говорил сейчас, только наброски, может быть только черновик черновика будущей семиотики *Я*, или, как можно было бы еще сказать, опыт опережающего конспекта будущей семиотики *Я*. Но «семиотика *Я*» никогда не была бы задумана, да и вряд ли оказалось бы возможной в принципе, если бы не идеи Л.С. Выготского об «искусственно-естественном» устройстве человеческого сознания и поведения, о культурно-историческом происхождении высших форм психики, а также о том, что личность, а значит «я» личности, образует «вершинную проблему» психологии.

⁷ В шести томах Собрания сочинений Л.С. Выготского, в Словнике, нет термина *Я*, который был бы выделен в особый раздел (хотя, конечно, в текстах самого Выготского он встречается неоднократно и даже фигурирует как одна из подрубрик в разделе «Личность» Словника одного из томов). Есть «Личность», есть «Самосознание», «*Я*» – нет. Между тем *Я* – это не то же самое, что личность и не то же самое, что самосознание.

МЫСЛЮ, ЧТО МЫСЛЮ

Начнем с вопроса, который, согласимся, напрашивается: а разве отраженность как момент существования субъекта в самосознании не есть то же самое, что *Я сам*? Или тот же вопрос, но сформулированный иначе: поскольку отраженность есть *инобытие* чего-либо в чем-либо, то что прибавляет частичка «ино-», когда мы говорим об *инобытии* субъекта в сфере *Я сам*? Разве, например, *Я* как субъект самосознания (а мы сейчас рассматриваем этот сложный случай, абстрагируясь от других форм субъектности) не является в то же время и своим объектом, который, таким образом, именно бытийствует, а не «*инобытийствует*» во мне?

... Написав эти строки, автор вдруг живо представил себе возможную реакцию Иоганна Готлиба Фихте, если бы в данный момент он услышал этот вопрос. В «Ясном, как солнце, сообщении, широкой публике о сущности новейшей философии» Фихте, в воображаемом диалоге с упорствующим в своих сомнениях Читателем, которого философ пытается «принудить к пониманию», со всей определенностью высказывает следующее:

«Автор. А теперь мысли, “я”. Ты можешь, без сомнения, и здесь осознать в себе мыслящего и мыслимое. Распадается ли и здесь для тебя <как в случае с восприятием внешнего предмета. – В.П.> мыслящее и мыслимое, должны ли оба также и здесь быть чем-то не тождественным?

Читатель. Нет; именно, поскольку я мыслю себя самого, я есмь мыслящий, ибо в противном случае я бы не мыслил, и в то же время и мыслимое, ибо в противном случае я бы не мыслил **себя**, а какой-нибудь предмет вроде книги».

В диалоге с обещанной ясностью выступает центральный тезис философии Фихте: тождество сознающего и сознаваемого *Я*. И в этой связи, не абсурден ли – в свете учения Фихте – вопрос об инобытии субъекта самосознания в сфере самосознания (в сфере *Я сам*)? – Нет, опасения по этому поводу напрасны. Нет, если учесть, что сам Фихте различает всеобщее *Я* наукоучения, о котором шла речь в приведенном фрагменте, и особенное *Я* индивидуума, подчиненное психологическим закономерностям.

Наш тезис состоит в том, что субъект самосознания может и не выступить в своей отраженности, – обретая свое инобытие в сфере *Я сам* (сюда входит все то, что рефлексивно я могу отнести к самому себе, пережить как «я», то есть содержание моего самосознания). Иначе говоря, предполагается, что субъект самосознания может вести как бы двойную жизнь: открытую для себя самого и, до поры до времени, – скрытую; последний произведен от первого и действует как бы исподволь.

При исследовании этого явления был использован метод, разработанный мною и названный «методом негативации». Суть его в том, что субъект выполняет парадоксальную инструкцию: ему «просто» предлагают «не думать» (по аналогии с тем, как знаменитый Ходжа Насреддин предлагал своим недругам «не думать о желтой обезьяне»). Не разрешено думать

о каких-то конкретных событиях или запрещено думать «вообще», регламентируются воспоминания пережитого или образы будущего, ощущения, возникающие «здесь и теперь», и желания человека, то, что находится «вне» субъекта или «в нем самом».

Если правомерно говорить о «юношеских мечтаниях» в науке, создание такого метода и его испытание относилось к числу моих наиболее ранних мечтаний. Мне повезло: я обсуждал перспективу создания и использования этого метода с П.Я. Гальпериным, Н.Н. Непомнящей, Ф.Д. Горбовым... К этому времени у меня имелись уже определенные результаты. Мне казалось, что метод негативации может быть использован как техника диагностики и коррекции. Многократное повторение процедуры позволяет выявить невротические фиксации личности: «о чем мы думаем, когда не думаем ни о чем»; исследуя время, необходимое испытуемому для того, чтобы осознать свою мысль, можно сделать заключение, казалось мне, о глубинных индивидуальных особенностях человека (например, о его тревожности или гипнабельности), а исследуя откликаемость на искусственно вводимые помехи – об избирательности произвольного внимания. С другой стороны, на основе исследования негативации, могли быть предприняты формирующие эксперименты по преодолению невроза навязчивых состояний, развитию креативности (преодоление стереотипов), овладению вниманием (произвольная отстройка). Наконец, мне казалось, что метод негативации – один из ключей к изучению *cogito*. Увы, эксперименты, заключающие в себе звено «интроспекции» (здесь она была налицо), по тому времени «лицензированию» не подлежали (если обратиться здесь к фразеологии нашего времени). Прошло 17 лет, и этой темой заинтересовалась моя будущая аспирантка Е.М. Черепанова (*Петровский В.А., Черепанова, 1987*). Мы продолжили эксперименты и получили факты, освещенные в совместных публикациях, и в частности, в статье «Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания». Диссертация Е.М. Черепановой, однако, не была принята ни одним из ученых советов психологических учреждений Москвы; позже защита состоялась, но защищалась уже совсем другая работа. (Аналогичные трудности, насколько мне известно, были и с диссертационной работой одной из моих первых испытуемых в экспериментах «негативация», психолога А.Ч., которая через несколько лет после наших экспериментов с нею предприняла глубокое исследование, решавшее, как нам кажется, противоположную задачу: произвольного представительства значимых и незначимых людей, образ которых должен был быть актуализирован в памяти испытуемого. «...По-моему, это интроспекция, а ведь мы с тобой боролись с нею всегда», – сказал, в ходе обсуждения, один авторитетный ученый. «Боролись – и напоролись», – ответил другой. Тему чуть не закрыли, однако усилиями третьего ныне весьма известного автора, ее все-таки удалось отстоять...).

Приведем некоторые данные, полученные при использовании метода «негативации»:

1. Каждый испытуемый характеризуется индивидуально-своеобразным интервалом времени, в течение которого, как ему представляется, он «не думает» (интервал субъективного отсутствия мысли).

2. Экстравертированные испытуемые значительно дольше переживают «отсутствие» мысли, чем интравертированные; содержания их сознания в интервале субъективного отсутствия мысли также оказываются различными.

3. Между возникновением мысли и ее осознанием существует отчетливый интервал времени, в течение которого испытуемые не осознают присутствие мысли в своем сознании («я думал об этом, но заметил, что думаю, только потом» и т.п.). Существует индивидуальное своеобразие в том, как долго испытуемые не фиксируют возникновения собственных мыслей.

4. Многие испытуемые не замечают парадоксальности ситуации, в которых они средствами мысли пытаются отвлечься от мысли (человек, например, говорит себе: «Я ни о чем не думаю, я ни о чем не думаю и т.п.» – ему не приходит в голову, что он думает, что ни о чем не думает; или например: «...Пел песенку, песенка закончилась, и тут появилась мысль об этом» и т.п.).

5. Удалось выявить индивидуально-своеобразные средства саморегуляции, посредством которых люди достигают состояния субъективного отсутствия мысли (релаксация или, наоборот, напряжение, ритмические действия, проговаривание детских считалок, концентрация внимания на чем-то ином, осуществление ритуализированных действий).

6. Осознание собственных мыслей (*cogito*) как неустранимый спутник мышления появляется лишь в подростковом возрасте.

Итак, мысль о собственной мысли, и в частности, мысль о себе как мыслящем, не совпадает во времени с появлением самой этой первоначальной мысли. Перед нами, таким образом, три феномена:

1) появление мысли, несмотря на инструкцию «не думать»;

2) отсутствие мысли о появившейся мысли;

3) появление (отсроченное осознание) мысли о первоначально появившейся мысли, вопреки все тому же запрету. Почему же мысль появляется, появившись, не осознается, а потом все-таки становится фактом сознания?

Желание испытуемых выполнить инструкцию точно (то есть «ни о чем не думать») не может служить объяснением ни появления мысли (запрет есть запрет), ни игнорирования мысли (ведь потом эта мысль будет осознана), ни последующего осознания этой мысли (ведь в точности та же инструкция неукоснительно выполнялась, в то время как испытуемые все-таки думали, сами не замечая того, причем у некоторых испытуемых интервал субъективного отсутствия мысли занимает минуты (!)).

Объяснение первого феномена мы усматриваем в том, что картезианская формула «*cogito ergo sum*» («мыслю, следовательно, существую») подда-

ется инверсии и не может не быть инвертирована, а именно: «существую, следовательно, мыслю» (заметим, что у самого Декарта «мысль» объединяет в себе также и чувства, и желания, и волевые импульсы...). Существование человека неотделимо от его мышления. Человек может ставить перед собой и решать вопрос «быть или не быть», но он не может не думать – не волен решать, «мыслить ему или нет». Не случайно поэтому М.К. Мамардашвили подчеркивал праздность попыток усматривать в знаменитом картезианском изречении формулу «если ..., то ...». Второй феномен – еще одно свидетельство присутствия в сознании области «актуально сознаваемого» и «предсознательного». Присутствие неосознаваемой мысли при этом можно сравнить с замаскированными объектами в рисунках для детей, скрытой стороной объемного предмета, который мы видим всегда лишь частично (кто сказал, что наше сознание подобно плоскости и что в нем одни объекты не могут заслонять собой другие?), или, наконец, с голографическими объектами, каждая часть которых в свернутой форме содержит в себе все целое. Поэтому нет необходимости «локализовать» неосознанные мысли в «подвалы» сознания (или, как прежде говорили, мыслить их как «неосознаваемые функции ВНД» – будто бы все другие психические содержания имеют иное местожительство). Третий феномен представляет для нас наибольший интерес, так как именно здесь становится *видимым* субъект самосознания, который до сих пор не обнаруживал себя явным образом. Но прежде, чем он с очевидностью выступил в сознании, он успел заявить о себе объективно: сделал *необходимым* акт сознания субъектом первоначальной мысли. Что же, как не отраженность субъекта, имевшего опыт самосознания, вырисовывается за этим фактом? Мы представляем ситуацию таким образом: до определенного возраста жизни личности (эмпирически мы фиксируем ступень подросткового возраста) индивид многократно осуществлял акты саморефлексии (акты *cogito*), действуя вполне сознательно. Схема «Я мыслю, что мыслю» закрепились и превратилась в установку сознания, имеющую неосознанный характер. Однако в отличие от других установок, имеющих принципиально бессознательный характер, эта присутствует в предсознании. Специфика ее также в том, что, будучи рефлексирована, она **сливается в переживании** с самоощущением человека как субъекта актуального самосознания, – субъект *признает* себя в своем отражении. Восстанавливается единство самосознания.

Необходимо отметить, что до сих пор мы говорили о самом *феномене* отраженности, рассматривая его в экспериментальном плане, а также гипотетически. Мы обсудили реальные и предположительно имеющиеся формы отраженности личности как единомножия субъектов в таких сферах, как пространство витальности, социокультурное пространство, пространство сознания других людей и сфера «Я сам». И только теперь можно поставить вопрос о самом стремлении человека «быть отраженным», – иначе говоря, о мотивации воспроизводства своей субъектности в мире.

ГЛАВА 17. МОТИВАЦИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕБЯ КАК СУБЪЕКТА

Принцип осмысления происходящего, который я предлагаю испробовать при интерпретации стремления субъекта быть отраженным в таких сферах бытия человека, как его Жизнь (Витальность), Культура, Значимые другие, Я сам, – состоит в том, что его «отраженность» в этих мирах подкрепляется возможностью достичь объединения между собой – как становящимся субъектом и собой – в своих отражениях.

Шаг за шагом рассмотрим сказанное. Стремление к тотальной отраженности субъекта есть то же самое, что и его потребность «существовать во всем» («существование» – заключает в себе, как мы помним, единство представленности в себе и представленности в другом). Но откуда, спрашивается, у субъекта эта страсть к своей тотальной продолженности и представленности? Я могу дать только один ответ: всепроникновение, существование во всем как цель его устремлений есть свойство самой его мысли, – переплавляющей в себе все и становящейся всем. Возьмем в качестве своего рода «тест-объекта» (или, скажем так, «формулы для медитации») фразу «то, о чем я мыслю сейчас». Вдумаемся, вчувствуемся в эти слова. И тогда мы заметим: что-то движется в поле нашего зрения, в нашем внутреннем созерцании. Что же там движется? А это – мысль о предмете. А это – сам предмет моей мысли. Они чередуются, забегают вперед друг другу, заслоняют собой друг друга. Убедитесь еще раз! Мысль о предмете – она только что была перед нами! Но вот – ее уже замещает предмет! И он, – вы заметили? – вновь обращается в мысль. Нескончаемые, пульсирующие взаимобращения мысли и мыслимого!

Итак, если человек мыслит что-либо в мире, то мысленно он погружает этот предмет в мир; если при этом он мыслит *себя*, то в мысли он, обретает в свою отраженность в мире, иногда говорят – *«проникает собой мир»*. Поставим, однако, более сложный вопрос, касающийся именно *субъектной* отраженности человека в мире. Отражаться в мире в качестве субъекта означает для мысли об этом акте нечто большее, чем вторжение в мир только в мысли. Ибо отражаться вообще – это воспроизводиться в своих существенных определениях. А существенное определение *субъек-*

та есть его трансценденция, выход за границы предустановленного, – в частности, выход за границы мысли как таковой. Поэтому субъект здесь выходит в мир буквально: то есть – воплощаясь.

Существовать, однако, не есть лишь «отражаться». Существовать для субъекта – это единство: Субъект, каков он сам по себе, в своем становлении, и – Отраженный Субъект; существовать, следовательно, значит также и *возвращаться к себе*, объединяться с собою.

Рассмотрим эти взаимопереходы: «виртуальный субъект» (субъект в его становлении) – «отраженный субъект» – «возвращенный субъект» на материале анализа системы «индивид» – «другой индивид».

Порождая себя как субъект, индивид вместе с тем производит себя как личность. Поэтому первым определением личности и является самополагание как преодоление индивидом внутренних ограничений движения его деятельности. И следовательно, на ставший уже традиционным вопрос «с чего начинается личность?» – можно ответить: с преодоления, с выхода за пределы приспособления, с надситуативной активности. Но таково лишь начальное, «стартовое» определение личности. Оно характеризует акт движения индивидуальной деятельности как бы изнутри: через соотнесение исходных и последующих определений данной деятельности. Пока здесь еще не выявлено, что могло бы означать это движение при взгляде на акт самополагания извне – с позиций других людей, «ближних» и «дальних». Между тем, понятие «самополагание» имплицитно содержит в себе также и этот момент: полагание того, что находится вне субъекта, принадлежит к категории «Не-Я». Так, самоопределяясь, устанавливая границы своего Я, своей индивидуальности, своего места в жизни, человек неотвратимым образом обуславливает изменение жизненных миров других людей. «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», – этот принцип человеческого существования в мире может быть осмыслен и так: «Обществу не дано освободить себя от того или иного индивида, живущего в обществе» – самоопределение одного человека прямо или косвенно порождает возможности самоопределения других людей. Но это значит, что индивид объективно производит и свое особое системное качество – «быть значимым другим для других людей», – производит свое «бытие-для-другого». Потребность и способность самополагания как производства себя для другого образует специфически личностный уровень проявления надситуативной активности индивида. Чем же объясняется его устремленность к этому?

В какие годы истории человечества появилась эта потребность «отражаться в другом», иметь в нем свою представленность и продолженность? Пока нет убедительного ответа на этот вопрос. Автор осмеливается предложить не более чем *гипотезу, описывающую филогенез* этой потребности, а именно, что *она (потребность отражаться в другом человеке) существовала всегда*; возраст ее – это возраст самого человечества, возраст человека как рода.

То, с чем познакомится читатель дальше, ни в коей мере не является обоснованием высказанной гипотезы, но служит лишь ее пояснением.

Человек, если иметь в виду даже самые ранние ступени его исторического развития, есть, говорят, «существо социальное». Социальность, будучи родовым признаком человека, трактуется обычно как зависимость человека от общества, как производность индивидуального бытия человека от бытия других людей. Но это, конечно, составляет лишь одну из характеристик человека как существа общественного. Действительной конституирующей чертой человеческого сообщества является полная и всесторонняя взаимозависимость между образующими ее индивидами, такого рода связь между ними, когда каждый одновременно и обусловлен в своем существовании и развитии сообществом окружающих его индивидов, и, вместе с тем сам обуславливает своими действиями существование и развитие других людей. Таким образом, общество в первом своем определении может и должно быть понято как совокупность таких индивидов, существование которых неотделимо от их взаимного «для-других-бытия», от актов «производства человека человеком».

И тогда, наряду с образом человека как субъекта *присвоения* опыта других людей, вырисовывается и другой возможный образ человека, выявляющий его подлинное своеобразие и глубокое отличие от всех других живущих на Земле существ. Оно заключается в существовании процессов *передачи* опыта, внутри которых, по преимуществу, и функционируют процессы взаимного научения индивидов. Научение, сколь бы сложно оно ни было, не составляет отличительного признака человеческого индивида. Иное дело – способность *обучать*, то есть целенаправленно транслировать тот или иной опыт другим индивидам.

Но, заметим, трансляция *родового* опыта от поколения к поколению не составляет прерогативы человеческого сообщества. Так, если иметь в виду не столько путь биологического наследования (врожденные безусловно-рефлекторные реакции, программы инстинктивного поведения), сколько процессы передачи родового опыта в непосредственном взаимодействии между особями, то можно найти соответствующие примеры обучения у многих представителей животного мира. Яркое подтверждение тому – «игры животных». Нет необходимости специально подчеркивать тот факт, что в этих «играх» предметом трансляции ни в коей мере не является индивидуально-уникальный опыт особи, осуществляющей «обучение». Как будто бы исключение из этого правила наблюдается у антропоидов. Достаточно кому-то в стаде найти правильное решение какой-либо хитроумной проблемы, поставленной экспериментатором, как очень скоро то же решение дают и другие особи. Но здесь, конечно, никакого обучения нет. Налицо лишь факт подражания, которое в данном случае является научением без обучения.

Человек, и только человек, передачу благоприобретенных собственного опыта превращает в акт действительного обучения. Не за этот ли счет сообщество антропоидов эволюционировало в направлении человеческого сообщества? Не в том ли состоит суть различия между биологической эволюцией и историческим развитием человека, что только люди готовы делиться друг с другом, передавать друг другу благоприобретенный собственный опыт? И не в силу ли этого столь стремительно расширяется фонд коллективного, общего опыта социума, обеспечивающий ему господство над теми сообществами, где есть научение, но нет обучения как полагания своей представленности в другом человеке тем, что составляет опыт персональных открытий?⁸

Если все это так, то сложившаяся у теоретиков практика – раскрывать «социальность» лишь в аспекте присвоения – должна быть переосмыслена. Социальность как специфически человеческое начало в человеке определяется не столько его способностью к научению (накапливанию человеческого опыта, который как бы оказывается потом у человека в рюкзаке за спиной), сколько его способностью творить и направленно транслировать новации собственного опыта другим индивидам. Социальность субъекта, таким образом, выносится вперед, оказывается на острие активного участия человека в жизни других людей.

Ту же мысль можно выразить и иначе. Согласно расхожей формуле: «Человек есть дитя прогресса»; но рано или поздно «дитя» вырастает, и плохо, если ему суждено остаться «вечным студентом». Сущность индивида как личности в том, чтобы производить *новое* и, творя, передавать созданное другим людям.

Исторически сложилось так, что творчество и «учительство», первоначально слитые, лишились этой непосредственной связи друг с другом. Но в личности порождение нового неотделимо от общения как условия передачи другому этого нового. Личность – это человек-творец и вместе с тем человек-учитель. Личностное, то есть «человеческое в человеке», определяется его способностью быть значимым другим для значимых других. Но это в свою очередь означает: передавать другим людям то, что ценно для них и к чему сам индивид причастен именно как субъект. Творчество (в широком смысле) выступает здесь как условие становления индивида как личности, полагания и идеального продолжения себя в других.

Но этим определяется и особая потребность человека: потребность быть личностью. Мы называем ее – «потребность персонализации» (*Пе-*

⁸ Конечно, сказанное имеет отношение и к традиционным обществам. Ведь автор не утверждает, что обучение на собственных случаях есть непрерывный процесс, совершающийся внутри и между поколениями. Но сложная культура традиционных обществ возникает не вдруг, а рождается в межиндивидуальных и межпоколенных контактах, где есть, нам думается, место первопроходцам, транслирующим свой опыт.

тровский А.В., Петровский В.А., 1982). Эта потребность может рассматриваться как базисная потребность человека, лежащая в основе таких явлений, как мотивация достижения, аффилиация, альтруизм, эмпатия и т.п. (Петровский А.В., 1984, с. 241–255).

«Мы осознаем всю ответственность предлагаемой постановки потребности индивида “быть личностью” рядом с узкоиндивидуальными (витальными) потребностями в качестве базальной (хотя и не единственной) мотивации человеческого поведения» (Петровский А.В., Петровский В.А., 1982, с. 47). Однако «...нет оснований упрекать нас в том, что многообразии мотивов выводится из одной потребности. Не следует забывать, что отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношение между сущностью и явлением... Поэтому открывающаяся в поведении личности многоликая система мотивов богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая ее сущность» (там же, с. 48).

Механизм формирования потребности персонализации в онтогенезе пока неизвестен. Может быть предложена лишь следующая гипотетическая схема объяснения генезиса этой потребности транслировать другим новации собственного опыта. К числу сложных врожденных реакций человека относится *подражание* – произвольная имитация действий другого индивидуума. Закрепление в человеческом сообществе реакции имитации может быть связано с необходимостью осуществлять ориентировку в поведении друг друга, выполнять то, что ныне называется актами «социальной перцепции». Известно, что перцептивные акты строятся на основе уподобительной активности; есть факты, подтверждающие гипотезу, выдвинутую нами совместно с М.В. Бороденко, что положение об уподобительности правомерно и по отношению к процессам межиндивидуального восприятия (Бороденко, 1989). Естественно предположить, что построение образа значимого другого человека выступает в качестве самоценной активности индивидуума, и, следовательно, что сама по себе адекватная подражательная реакция может осуществляться «бескорыстно», то есть не требовать для себя какого-либо дополнительного «подкрепления». Данное предположение, как нам представляется, согласуется с воззрениями Б.Ф. Поршнева, который считал подражательную реакцию врожденной.

Далее, можно утверждать, что если первые проявления неординарного (то есть заключающего в себе те или иные *новые* в глазах окружающих людей моменты) поведения могут производиться вне всякой связи с другим человеком, безотносительно к другому, то на основе подражательных реакций этого другого они превращаются в предмет направленной трансляции. Действительно, проследим, что происходит

после того, как другой человек повторил действия первого. Если такой акт воспроизводства осуществляется в условиях контакта с первым (а подражание предполагает ситуацию контакта), то первый индивидуум, в силу действия того же механизма подражания, повторяет действия второго, а значит, выполняет свои же собственные действия, только «отраженные» в поведении другого. Человек образом превращается в имитатора самого себя. Он подражает своим подражателям, реализуя то, что может быть названо «*кольцом самоподражания* (самоимитации)». В силу самооценности реакции самоподражания замыкается особый инструментальный рефлекс, превращающий конструирование и трансляцию нового из произвольных и случайных моментов жизнедеятельности индивида в предмет направленного действия. Творчество и общение выступает теперь в качестве взаимообусловленных ориентации субъекта, приобретающих силу стремления.

Проследим, что происходит во взаимодействии ребенка и взрослого на ранних стадиях онтогенеза. Речь должна идти именно о взаимодействии, а не только об ответных действиях ребенка. Пользуясь преимуществами взрослого, попробуем заметить, как мы сами реагируем на первую детскую улыбку, первые «жесты», первые слова ребенка. В недавних исследованиях было показано, что ребенок, улыбаясь, как бы «рассчитывает» на ответную улыбку, а если этого не происходит, переживает фрустрацию (Баженова, 1980). Как поступает взрослый, видя, как ему улыбается ребенок? Попробуем представить, что же здесь происходит. Может ли взрослый «устоять» и не ответить улыбкой? Видя улыбку взрослого в ответ, ребенок улыбается вновь и т.д. Кольцо самоподражания замыкается. Улыбка ребенка, таким образом, «социальна» не только в том отношении, что она представляет собой произвольное подражательное действие, но и в том, что ребенок направленно использует ее в качестве способа получения ответной улыбки (повторяемой в новой улыбке). Она имеет для него инструментальный характер побуждения взрослых к общению. Ребенок теперь улыбается непосредственно данному взрослому, его улыбка приобретает адрес.

Нам представляется важным отметить, что вообще многие первоначально импульсивные акты ребенка пролонгируются взрослыми. Еще одним примером может служить хватательное движение руки ребенка, не достигающее цели. Рука взрослого преодолевает необходимую дистанцию до предмета (фрагмент продолженности) и сжимает предмет (фрагмент воспроизводства) и только после этого желанная вещь оказывается в руке у ребенка. Ход освоения предметного действия ребенка разделяется, таким образом, на ряд этапов: собственное движение (выступающее как инициативное, «подхватываемое» затем взрослыми), продолжение и частичное воспроизведение его взрослыми, подражание взрослому, оказывающееся по существу опосредствованным «самопод-

ражанием». Та же закономерность проявляется в области становления развернутых речевых высказываний: ребенок произносит слово, взрослый повторяет его и достраивает до фразы, на основе чего у ребенка постепенно складывается в ответ на вновь произнесенное им «пусковое» слово необходимость продуцировать тот или иной ситуативно-адекватный вариант предложения.

Подобная разделенность активности между ребенком и взрослым в ходе обучения отмечалась еще Л.Н. Толстым. В психологии идея разделения функции между ребенком и взрослым и постепенного «вращения» первоначально разделенной функции в психику ребенка впервые была четко сформулирована Л.С. Выготским. Современную реализацию этой идеи мы встречаем в целом ряде глубоких и оригинальных исследований (В.В. Давыдов, И.А. Зимняя, В.В. Рубцов, В.П. Панюшкин и др.). Подчеркнем, что если речь идет именно о начальных стихийных формах научения ребенка, а не о его целенаправленном обучении, то начало этого пути интериоризации составляет активность самого ребенка, которая частично продолжается, частично воспроизводится взрослым и в этом воспроизведенном виде возвращается; и ребенок, в свою очередь, повторяет действие вслед за взрослым, привнося что-то свое; взрослый подхватывает и т.д. Лишь со временем целостная взаимная активность выступает как функция одного индивида – ребенка (*Петровский, Полевая, 2001*; см. также *Петровский, 1996 в*).

В проведенном под нашим руководством исследовании С.В. Максимовой (см. *Максимова, 2006*) показано, что познавательная активность детей при выполнении ими заданий, допускающих как «творческий», так и «нетворческий» уровни выполнения, существенно выше при использовании взрослыми таких приемов, как «эхо-реакция» (повторение слов ребенка), чем в случае обычных для воспитателей: оценок, советов, наставлений и т.п. ($P < 0,025$).

Порождение себя как субъекта в этой цепочке выступает как *самоценная* активность индивида. Действуя, он получает возможность как бы увидеть себя в зеркале воспроизводящей активности другого. Ответное подражание последнему осуществляется непосредственно, – ведь это, по существу, подражание самому себе, своему собственному действию, отраженному в другом человеке. В этом-то и заключается механизм подкрепления мотивационной поддержки субъект-порождающих актов. Они возвращаются к себе, и само возвращение – в актах подражания другому – выступает как своего рода вознаграждение за выход в область неизведанного и непредрешенного.

Существенно, что правило взаимоследования распространяется, по видимому, лишь на такие действия, которые представляют собой отклонения от стандарта, превосходят норму и т.п. В проведенных нами совместно с А.Д. Грибановой исследованиях волевого поведения детей замечено, что

ребенок уклоняется от имитации действий взрослого, когда тот демонстрирует ему образцы волевого поведения, требуемого ситуацией (в экспериментах по известной схеме *насыщения*). Эти результаты аналогичны фактам из работ Е.В. Субботского (*Субботский, 2007*), который предлагал взрослым на виду у детей осуществлять акты просоциального поведения: дети игнорировали их в качестве образцов. В случае же неординарных (выходящих за границы требуемого) проявлений активности других людей такое поведение «подхватывается», что мы наблюдали в специальных исследованиях, посвященных этому вопросу, совместно с А.Н. Скрягой (*Петровский В.А., Скряга, 1983*). Один испытуемый на глазах у другого по просьбе экспериментатора выполнял «немотивированно» рискованные действия, что в последующих сериях вело к пробуждению склонности к риску у тех, кто ранее был свидетелем этого. Заразительны, таким образом, примеры не любого, а именно надситуативного поведения.

В отличие от прагматических актов, награждением здесь является само вознаграждаемое действие, и на вопрос: «Зачем человек поступает так?» следует ответ: «Чтобы вновь поступать так же!» Таким образом, смысл порождения себя как субъекта заключается именно в том, чтобы существовать в этом качестве впредь, возвращаться к себе, выходя за пределы себя.

Видимо, в этом разгадка заповеди, кажущейся парадоксальной (мы уже цитировали эти строчки в 11 главе, говоря о динамике неизменного и неизменность в динамике имманентного Я):

И нужно ни единой долькой
не отступаться от лица,
но быть живым, живым и только,
живым и только – до конца.

Б. Пастернак

Начало строфы содержит в себе как бы некое отрицание заключительных двух строк, но противоречие, конечно, мнимое: речь идет о равенстве себе в своей неповторимости.

Предположим, однако, что человек не встречает поддержки в лице другого, активность первого не воспроизводится, не воссоздается другим человеком. Кольцо самоподражания, таким образом, разомкнуто. И тогда на первый план выступает новая форма активности. Имеются в виду действия (предметные, коммуникативные), которые нацелены на стимуляцию резонансных проявлений активности другого лица. В этом случае мы и говорили выше о персонализации как особой форме активности человека. (Другим лицом, опосредствующим этот возврат к себе, может быть и *идеальный другой*, – в виде вполне конкретного лица, с которым первый вступает в мысленный диалог, или так называемого *обобщенного другого*). Процессы персонализации так же самоценны, как и процессы порождения индивидом себя в качестве субъекта. Так же как и последний, они замкнуты

на себя – возвращаются к себе по восстановленному с их помощью кольцу самоподражания.

Такова гипотетическая модель становления тенденции персонализации в онтогенезе. Но особенности онтогенетического развития правомерно рассматривать как своего рода аналог закономерностей филогенетического развития человека. Среди предпосылок становления человека в филогенезе могут быть выделены следующие: чрезвычайная вариативность поведения особей («незаданность», «размытость» видоспецифических программ и высокая имитативность, подражательность поведения, стимулом к которой является отклонение поведения особи от сложившихся групповых стандартов). Эти предпосылки могут быть названы соответственно факторами вариативности и группового запечатления. Если индивидуальная вариативность поведения составляет потенциал развития сообщества, то групповое запечатление есть путь фиксации наиболее значимых для развития форм. Групповое запечатление должно быть понято не как социальный отбор в духе неоламаркизма, а как воспроизведение вариаций в поведении какого-либо одного члена сообщества актами подражания со стороны других членов сообщества. Если первые проявления индивидуально своеобразного поведения на виду у других не заключают в себе момента направленной трансляции, то на основе подражательных реакций других особей они теперь «транслируются». Здесь – то же кольцо самоподражания (через другого). Таков «старт», таково возможное филогенетическое начало возникновения самого общества.

На ранних стадиях общественного развития существование людей в той мере обеспечивалось сообществом, в какой они сами обеспечивали существование сообщества; то новое, что составляло акт их индивидуального достижения, формируясь в условиях непосредственного взаимодействия индивидов, естественным и необходимым образом превращалось в достижение всего сообщества, так что о каком-либо «отчуждении» результатов индивидуальной деятельности от производителя здесь не может быть и речи. Новации, разумеется, складывались благодаря проявлениям активности отдельных индивидуумов, но уже в момент своего возникновения благоприобретения индивидуальной деятельности выступали для их носителей как «части» общего блага⁹.

Когда мы спрашиваем себя, что составляет глубинный внутренний импульс к общению, производству общего между людьми, когда мы не

⁹ Быть может, поэтому исходный вопрос состоит не в том, почему стремление передать «свое» другому человеку изначально *было* в обществе, сопровождая и выражая собой факт его (общества) возникновения и воспроизводства. Вопрос в том, почему эта необходимая и естественная связь человека с человеком стала терять свою силу закона вместе с развитием человеческого сообщества.

считаем возможным теоретически редуцировать стремление вступать в общение к примитивной прагматической формуле «ты – мне, я – тебе» (будь то информационный или эмоциональный обмен), то главный ответ нам подсказывает идея «инобытия» человека в человеке. За нашим стремлением общаться, если только это не утилитарная коммуникация, вырисовывается фундаментальная потребность быть идеально представленным и продолженным в других людях, а за ней, если смотреть в корень, потребность в личном бессмертии. Когда я впервые, на одном из методологических семинаров в овальном зале «давыдовского» Института общей и педагогической психологии АПН СССР, заявил этот тезис, то обратился к общеизвестному силлогизму: «Все люди – смертны» (большая посылка). «Сократ – человек» (малая посылка). Так, следовательно, «Сократ – смертен»? (напрашивающийся вывод). В формально-логическом отношении вывод, разумеется, безупречен. А по сути, коль скоро речь идет именно о Сократе, действительно ли смертен *Сократ*? «Давайте, – говорил я, обращаясь к аудитории, цитируя любимый девиз Сократа, – давайте исследуем!»

Этот вопрос мы исследовали вместе с А.В. Петровским. «Феномен персонализации, – отмечали мы, – открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия¹⁰. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности.

Разумеется, личность может быть охарактеризована только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения. При этом, определяющей ее характеристикой является активность, которая в интраиндивидуальном плане выступает в феноменах выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний, то есть в «надситуативной», «надролевой» активности; в интериндивидуальном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидуальном плане – в «деяниях».

Понятие «деяние» используется здесь в смысле, близком к его гегелевской трактовке: «Деяние – это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим» (*Гегель*, 1971, с. 10).

¹⁰ Здесь и далее использованы материалы вышеназванной статьи «Индивид и его потребность быть личностью» (*Петровский А.В., Петровский В.А.*, 1982).

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и, в частности, в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность и продолженность, то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности.

В этой связи можно отметить развиваемый А.Г. Асмоловым системно-деятельностный подход, позволивший автору предложить плодотворную концепцию социогенеза личности (Асмолов, 1986).

В рамках этой концепции личность трактуется в аспекте преодоления субъектом отживающих свой век норм и традиций, шаблонов и ролей, предписанных ему обществом. Здесь нам открывается богатая феноменология в собственном смысле и индивидуальности как особой формы и ступени развития личности – «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» (А.Г. Асмолов). В данном случае характеристика субъекта как носителя социально-неадаптивных тенденций сочетается с идеей продуктивной включенности его в развитие человеческого общества. Ценой собственного благополучия, как показывает автор концепции, личность динамизирует общество, формирует альтернативы.

Продолжая наш анализ, отметим, что если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некоего мощного излучения, преобразующего связанных с нею в условиях деятельностного опосредствования людей (излучение может быть полезным и вредным, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т.д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину – элементарной частице, которая, пронизывая любую, сколь угодно плотную среду, не производит в ней никаких – ни полезных, ни вредных – изменений. Такова *безличность*¹¹ – характеристика индивида, безразличного для других людей; человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение и тем самым лишает его самого личности.

¹¹ В.В. Петухов писал о «мничности»... В университетские годы нас разделял с Валерием Петуховым один факультетский курс (я был на курс старше). Временами встречаясь и говоря с ним на всевозможные случайные темы, мы так и не поговорили о главном – о личности, безличности, мничности. Поразительным образом разминувшись в семантическом пространстве общих исканий. Теперь, спустя 20 лет после написания книги «Психология неадаптивной активности», и через 5 лет после ухода В.В. Петухова из земной жизни, мне только что и остается «договаривать» с ним в том самом семантическом пространстве, где мы разминувшись, и место встречи, увы, изменить нельзя.

Напомним также, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик: «Через других мы становимся самими собой», – как об этом писал Л.С. Выготский.

В единстве с потребностью персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность «быть личностью». Как и всякая способность, она, прежде всего, дана субъекту в своей исключительности – как индивидуальное своеобразие, выделяющее его среди окружающих и, в известном смысле противопоставляющее его другим людям, как возможность передать, адресовать им свою неповторимость, особенность, непохожесть. Очевиден драматизм судьбы человека, который в силу внешних условий и обстоятельств лишен возможности реализовать свою потребность в персонализации.

Но бывает и так, что у человека вообще атрофирована или сведена к минимуму способность быть личностью, либо она приобретает откровенно уродливые формы. Последовательно придерживаясь принципа: «Я сам по себе – я вас не трогаю, и вы меня не трогайте, я – не чета вам всем! – яркая индивидуальность, и меня с собой не равняйте», такой человек, в конечном счете, деперсонализируется, перестает быть личностью. Парадокс: выпячивая себя, свою самость, такой человек лишается в глазах других индивидуальности, теряет «свое лицо», стирается в сознании окружающих, не внося в них сколько-нибудь значимых вкладов. «Пустое место» – говорим мы, а пустота, как известно, своей индивидуальности не имеет.

Иногда, напротив, мы наделяем другого человека чертами, придающими ему вес и значительность, яркость и неповторимость, ощущаем духовную общность с ним, душевный резонанс и т.д. и т.п., но потом вдруг оказывается, что субъектность другого есть проекция нашей собственной, что именно мы – источник «особых достоинств» значимого для нас другого, и что сама эта значимость есть результат наших собственных вкладов в него, да и только. И тогда возникает отчетливое ощущение пустоты, из которой, как известно, ничего кроме пустоты не построишь:

Я сотворил тебя из пустоты,
В себя одел и под себя примерил,
Но пустотой внутри осталась ты,
А я в тебя, как Бог в людей, поверил...

Так писал когда-то, в студенческие годы, мой друг, однокурсник, Александр Асмолов, который ныне хорошо известен своими работами по теории индивидуальности.

Помимо индивидуального в способности персонализации заключено и всеобщее. Оно проявляется в передаче окружающим людям элементов социально-духовного целого, образцов поведения, норм, психологических орудий и вместе с тем собственной активности субъекта.

Все сказанное позволяет содержательно охарактеризовать активность личности со стороны производства нового для себя, которое превращается в новое для всех, а потом – в известное всем, а далее, возможно, – уже лишенное привкуса новизны. Здесь перед нами особый синтез надситуативной активности (как движения индивидуальной деятельности) и персонализации – синтез в широком смысле творчества и общения.

Индивид, таким образом, достигает своей представленности и продолженности в других людях чертами своей субъектности, полагает себя в других как *отраженный субъект*.

ГЛАВА 18. КРИЗИС НЕОТРАЖЕННОСТИ

Каждый из нас в той или иной степени «невозвращенец» – из страны «зазеркалья». «Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать...» – так писал Тютчев о даре сочувствия, столь же редкостном, как дары свыше, и столь же мало зависящем от нас персонально.

А если нам не дается, если нам все-таки не дано ощутить себя отраженным, вернувшимся в свое «Я»?

Становиться субъектом, отражаться в других, возвращаться к себе – такова «норма» существования субъекта, его благополучия, состоятельности. Но если это кольцо самоподражания размыкается, возникает кризис – той или иной степени тяжести. А выходов из кризисов, как известно, два: рост, развитие или распад, деструкция.

Мы рассмотрим два возрастных сюжета, затрагивающих проблему «нормы» развития. В обоих случаях речь идет о межсубъектных отношениях. Но в одном случае мы реконструируем логику собственно развития личности, а во втором – ее деформации и деструкции.

Динамика личности при вхождении в стабильную социальную общность

Эта часть работы посвятим конструированию одной из возможных моделей развивающейся личности при переходе от детства к взрослости¹².

Под *теоретической моделью* какого-либо объекта мы понимаем систему взаимосвязанных гипотез, которые в составе той или иной теории воспроизводят логику функционирования данного объекта. Иначе говоря, выступают как объяснительные по отношению к его эмпирическим обнаружениям. На основе модели **не** только интерпретируется некото-

¹² Фрагменты статьи Петровского В.А. «К построению модели развития личности в переходном возрасте» из сборника «Проблемы мотивации общественно-полезной деятельности школьников» (1984).

рый известный круг явлений, но и дается прогноз относительно возможных проявлений моделируемого объекта. Исследователь, таким образом, расширяет свои эвристические возможности, проводя рассуждения «на модели» и принимая ее (условно и временно) за моделируемый объект с тем, чтобы предвосхищать его вероятную динамику.

К сожалению, в возрастной и педагогической психологии принцип теоретического моделирования развит крайне бедно (за вычетом, пожалуй, великого исключения из этого общего правила в виде генетической эпистемологии Жана Пиаже). Существующие «стадиальные» психологические обобщения при всей их изошренности в значительной мере описательны и, как правило, не ориентированы на теоретическую имитацию *необходимого характера* соответствующих эмпирических обнаружений личностного роста субъекта. В этом отношении показательна в целом интересная и в дидактическом отношении полезная книга В.Ф. Моргуна и Н.Ю. Ткачевой (*Моргун, Ткачева, 1981*). Авторы, оперируя большим массивом информации и проявляя значительную изобретательность в схематизации материалов, накопленных трудами многочисленных психологов, не вычленяют какой-либо особой логики в этом материале – логики, которая бы обладала объяснительной силой. Наведение «порядка» извне – в целях схематизации и дидактики – задача в высшей степени полезная и важная, но она составляет лишь первый предварительный этап распознавания внутренней логики, внутреннего порядка в изучаемой группе фактов.

Необходимо сделать еще одно разъяснение. Мы выделяем задачу построения теоретической модели реально происходящего, а не моделей подходов к изучению происходящего, иначе говоря, моделей методологии психологического исследования и интерпретации фактов развития. Учет этих моделей – «парадигм» – также составляет важное методологическое условие решения указанной проблемы. Однако построение собственно теоретической модели развития – совершенно особая задача, не сливающаяся с методологической проблематикой, хотя и базирующаяся на ней.

Среди методологических предпосылок построения интересующей нас модели отметим следующие. Область определения критериев развития личности и выделения соответствующей модели есть область интра-, интер- и мета-субъективных проявлений индивидуальности. Специальный анализ показал, что в центре внимания исследователей должны быть не сами по себе особенности общего психологического развития (такие как, например, особенности восприятия, памяти, мышления и т.п.), не сознание и даже не самосознание как таковое, а характер включенности психических процессов, состояний, свойств индивидуальности, в контекст реализуемых ею отношений и связей. Следовательно, оценку развития личности следует строить на фундаменте таких категорий анализа,

которые шире классических категорий индивидуальной психологии. Лишь в этом случае личность откроется как надындивидуальное образование. Между тем, именно такой путь исследования и диагностики уровня развития личности до сих пор был закрыт для анализа. На этом широком пути исследованию подлежат:

1. Соотношение содержаний самосознания подростка и его (подростка) идеальной представленности в жизнедеятельности других людей.
2. Этическая оценка актов взаимодействия в системах «подросток–подросток», «подросток–взрослый», «подросток–младшие дети».
3. Определение меры ответственности (предвидения и контроля) подростка за результаты и последствия своих поступков.

Специальную цель исследования составляет анализ потребности «быть личностью» – потребности персонализации (под потребностью персонализации подразумевается потребность быть идеально представленным и продолженным в других людях и в себе как в «другом», что обеспечивает индивиду переживание социальной значимости, или, как мы говорим, своей «личности»). Важность исследования в направлении отмеченной цели продиктована тем, что возрастная динамика этой потребности (условий ее актуализации, способов удовлетворения, эффектов реализации), по-видимому, обуславливает своеобразие соответствующих возрастных этапов. Именно в связи с разработкой этой проблемы нами и была намечена теоретическая модель развивающейся личности на этапе перехода от детства к зрелости.

Логические контуры этой модели были заложены в наших предшествующих разработках. Возрастное развитие описывалось в виде чередования фаз, каждая из которых характеризовалась специфическим процессуальным наполнением основных «целей», «средств» и «результатов» жизнедеятельности субъекта, в которой порождалась его способность «быть личностью». Уточненным в новой модели является то обстоятельство, что потребность и способность «быть личностью» оказываются соотношенными в пределах одной модели. Отчетливее выступает и деятельностная обусловленность связи между способностью и потребностью «быть личностью». Более жестко в новой модели прослеживается *необходимость* чередования фаз личностного развития. Так, категория «результат» естественным образом соединена с категорией «источник развития». В новой модели мы, таким образом, приходим к следующей наиболее абстрактной схеме описания развития: ... – (результат) источник – цель – средство – результат (источник) – ... (Петровский В.А., 1984, 1996в, с. 255). Каждая фаза развития характеризуется своеобразным единством перечисленных моментов, которое отличает ее от другой фазы развития. В то же время опорные категории **результат-источник**, **цель**, **средство** не только содержательно специфичны, но и инвариантны относительно различных рассматриваемых звеньев онтогенеза.

Источник личностно образующей формы активности описывается нами на всех анализируемых фазах онтогенеза единообразно: как противоречие («расхождение», «диспаратность») между двумя *Я* субъекта. Одно из них – описанное в философской и психологической литературе триединство «Эго», «*Я*-концепции» и «Самости». В настоящей работе мы будем говорить о ней обобщенно: о *Я в собственных глазах индивида* или еще – «эзотерическом» *Я* субъекта, не забывая, однако, о его сложном строении. Другое *Я* – практически еще не открытое и не освоенное в специальной литературе, однако, по-видимому, не менее действенное и реальное, чем первое. Это – предполагаемый индивидом образ его *Я в глазах другого индивида*, других людей, *гипотетическое собственное Я в глазах другого*. Оно может быть также названо «иммерсивным *Я*» (от «*immersio*» – погружение), а также – «экзотерическое» *Я*. В первом приближении иммерсивное *Я* выступает перед нами в виде «ожидаемых» оценок личности в группе – при их описании и измерении могут быть использованы идеи и оригинальная методика С.А. Будасси (см. Пуни, 1977); однако термин «ожидаемые», пожалуй, в данном случае не вполне адекватен: речь должна идти не об ожидаемой оценке, а именно об иммерсивной оценке – непосредственно переживаемой индивидом, как бы погруженной в восприятие других людей оценке с их стороны его собственного *Я*. Индивид не «ждет» оценки – она *всегда для него уже есть* (речь, понятно, не идет об адекватности иммерсивных оценок действительным оценкам, которые дает индивиду та или иная социальная общность).

Как можно видеть, здесь формулируется основная гипотеза, касающаяся *строения сознания* развивающейся личности. Эта гипотеза состоит в том, что в сознании субъекта присутствует особая инстанция – «*Я в глазах другого*» (иммерсивное *Я*). И эта особая инстанция обладает регулятивной функцией по отношению к организации собственной активности данного индивида. Принятие этой гипотезы связано со всей совокупностью положений, развиваемых нами при разработке проблемы личности в аспекте персонализации.

Далее предполагается, что, начиная с подросткового возраста, в сознании индивида находит отражение действительное противоречие развития, состоящее в несовпадении «*Я в себе и для себя*» и «*Я в другом и для другого*» (во всей множественности форм идеальной представленности индивида в жизнедеятельности других людей).

Подчеркиваем, что за этим несовпадением стоят действительные трудности персонализации, подлинная проблемность трансляции себя другому. Это противоречие, будучи переживаемым, есть особое потребностное состояние, которое (в терминах А.Н. Леонтьева) *опредмечивается* в конкретных группах, тех социальных общностях, в которых оказывается индивид, обуславливая появление особой **цели** персона-

лизации – преодолеть это противоречие. Итак, следующая категория, в которой продолжается описание развития, это категория **цели**.

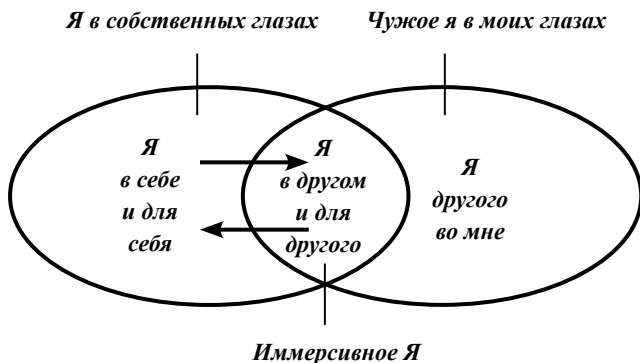

Рис. 18.1. Базовое противоречие развития в самосознании личности (между «Я в себе и для себя» и «Я в другом и для другого») Стрелочки символизируют противоречие между инстанциями самосознания

Цель описывается в самом общем и широком смысле – как желаемый (потребный) результат активности, как то, что предвосхищается субъектом и направляет его деятельность. В данном случае имеется в виду побуждение субъекта «полагать себя в другом», «персонализироваться». Общим, для всех рассматриваемых возрастов, является стремление индивида быть идеально представленным в других людях согласно своей *собственной мере* – вызывать у других то отношение к себе, которое соответствует его собственному положительному отношению к себе, когда любое свойство характера, интеллекта, физического развития и т.п., в той мере, в какой переживается как обладающее социальной значимостью и ценностью, актуализирует потребность персонализации и «предъявляется» в общении со значимыми другими.

Определяющая **цель** развития личности – *быть значимым другим для значимого другого (других)*. В теоретической модели должна быть выдержана специфика реализации этой цели на разных этапах онтогенеза. Ее осуществление производится в деятельности и общении, следовательно, необходимо указать способы (средства) персонализации индивида в значимой социальной общности.

Третья категория – **средство**. Этим термином мы обозначаем деятельность и коммуникативные акты, осуществляемые в направлении удовлетворения ведущих побуждений субъекта. Само по себе первое не имеет ценности без второго, что подчеркивает вспомогательный, инструментальный характер этих актов. В качестве таких актов мы предлагаем

рассматривать, точнее, включаем в модель, идентификацию индивида с реальными или воображаемыми людьми, значимыми для той общности лиц, в которой стремится быть персонализированным он сам.

Наконец, категория **результата** является итоговой характеристикой развития личности на определенной фазе онтогенеза, выражающая достигнутый уровень преодоления оппозиции *Я* собственное и *Я* иммерсивное. Эта *завершающая* характеристика является вместе с тем и *начальной* по отношению к последующей фазе развития (и перед нами, таким образом, новый **источник** развития).

С опорой на эти общие черты модели, опишем конкретные гипотетические (модельные) характеристики подросткового и юношеского возрастов и перехода к взрослости.

Подростковый возраст. Исходное противоречие, лежащее в основе специфически подростковых проявлений развития личности, их **источник**, есть переживаемое подростком противоречие между его собственными представлениями о своей потенциальной значимости в качестве субъекта общественной жизни, полноправного члена общества и воспринимаемой им (как правило, низкой) оценкой его личностного потенциала окружающими. Общественное мнение о возможностях подростка, о его реальных интересах, вкусах, притязаниях, об интеллектуальных возможностях, о границах допустимой ответственности отстает от подлинных темпов развития личности в переходном возрасте. Возникает конфликт «неперсонализированности»; расхождение между собственными и чужими представлениями о себе впервые становится фактом сознания индивида, и оно переживается в виде оппозиции *Я* потенциальное и *Я* наличное. Первое безоговорочно относится к своим собственным представлениям о себе, второе – к мнению всех остальных. В силу того, что, как предполагается, эти два образа *Я* – собственное и иммерсивное – равным образом и одновременно представлены в сознании, сопоставимы для него по своей значимости и действительности, то у подростка возникает внутренний импульс к преодолению этого противоречия, что и означает актуализацию потребности персонализации.

Потребность персонализации, основанная на конфликте неперсонализированности, реализуется подростком через идентификацию с теми людьми, которые, по мнению подростка, достаточно признаны в кругу значимых для него других. В данном случае идентификация есть **средство** развития. Заметим, что бытует мнение, будто бы подросток непременно стремится быть похожим на взрослого, «быть как взрослый». Но это в общем случае не так! Подросток ищет сходства и с теми, кто *значим* для взрослых, способен оказать *влияние* на них, быть в их глазах позитивно или негативно значимым лицом. «Быть таким, как тот, с кем считаются, или не могут не считаться взрослые!» – характеристика, значительно более близкая подростковому возрасту, чем, возможно,

цель «быть как взрослый». В субъективном плане потребность персонализации выступает как мотивация *общественного самоутверждения личности*. Бесспорные преимущества – в плане развития личности – имеет включение подростков в деятельность социально-значимую, «общественно-полезную» (Фельдштейн, 1985), в противоположность стихийно складывающимся формам взаимодействия в системе «подросток – социум». Однако, при всех очевидных «плюсах» специальным образом организованной просоциальной активности как личностно-образующей, не говоря уже о стихийных объединениях и взаимодействиях в них, противоречие «Я в себе и для себя» и «Я в другом и для другого» в самосознании подростка не исчезает, но воспроизводится на новом витке.

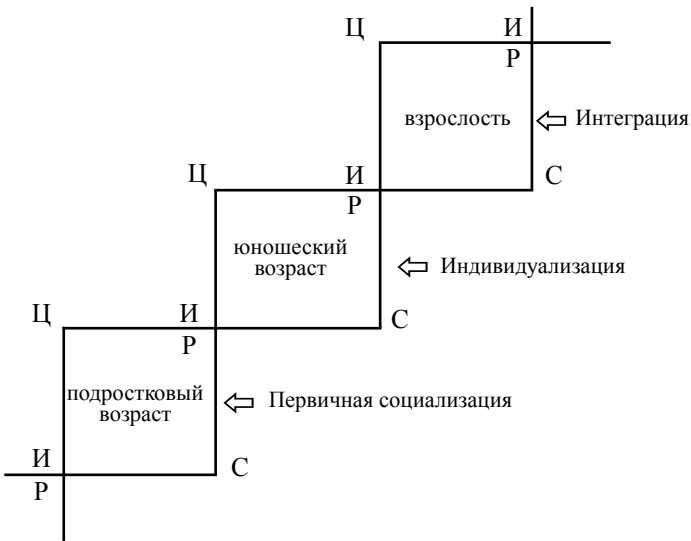

Рис. 18.2. Абстрактная схема описания развития субъекта:

И – источник; Ц – цель; С – средство; Р – результат

Стремясь «быть собой» в глазах других, доказать свою значимость и для этого отождествляя себя с теми, кто значим, подросток сам все больше превращается в «другого», и все меньше, глядя на себя со стороны, кажется себе «собой». Обратной стороной успеха в доказательстве своего равенства другим оказывается чувство утраты своего неравенства им. Подчеркиваем: речь идет о «Я в другом и для другого», то есть о том, как переживает подросток свою представленность в сознании других людей, как реконструирует в своем сознании взгляд, брошенный «со стороны». Что же касается собственного представления о себе, эзотерического Я

индивида, то тут чувству самоутраты нет места; наоборот, в собственных своих глазах индивид не только не перестает быть собой, не только не растворяет свое *Я* в окружающих, но – в самом ходе идентификации с ними – все отчетливее начинает отличать себя от них, открывает свою «неидентичность». Противоречие «*Я в себе и для себя*» и «*Я в другом и для другого*» выступает теперь в форме противоречия *Я* уникального («оригинального»), фиксируемого в высказываниях вроде «я не похож на других», «я не такой, как все» и *Я* обычного (заурядного) – «я – как все». Вырисовывается новая ступень возрастного развития – юность.

Юношеский возраст. Итак, кризис «неперсонализированности», послуживший внутренним динамическим фактором развития личности в подростковом возрасте, теперь уступает место новому **источнику** роста личности: «Я не похож на других» ↔ «*Я – как все*» (противоречие *Я уникального* и *Я заурядного*). Общеизвестно: «Счастье – когда тебя понимают»; добавим: «Несчастье – когда тебя понимают все» (это, порой, остро переживают подростки). Данное противоречие порождает новую **цель**: персонализироваться в значимых других своим несходством с ними. Но в чем это несходство? Это еще должно быть осознано! Необходимо, чтобы действительно было что-то, чем подросток смог бы отличаться от окружающих, что-то, в чем мог бы противопоставить себя окружающим (а иначе как обрести значимость в их глазах?). Он должен стать иным, чем они, мы бы сказали – «другим» в глазах «другого». Эта задача отчасти обесценивает прежнюю подражательную активность.

Следы ее, впрочем, еще остаются. Однако модели для подражания изыскиваются на стороне. Ближний круг общения в этом отношении утрачивает свою привлекательность. Некоторые подростки примеряют на себя готовые роли, «проигрываемые» представителями других групп. Фанаты отождествляют себя со звездами эстрады, копируют их поведение, облик, наряды. Более парадоксален, но объясним с тех же позиций феномен идеализации заведомо неперсонализированных, «отверженных», «непризнанных», интерес к антигерою и т.д.

Действительный путь развития (**средство**) состоит, однако, не в том, чтобы использовать уже имеющиеся варианты и шаблоны поведения (или «переворачивать», «перелицовывать») их, а в том, чтобы осознать себя в своей исключительности, непохожести на других. Конструируя свое идеальное *Я*, молодые люди стремятся строить свое поведение в соответствии со своим новым представлением о себе. Строя «свое другое», личность отвергает (отгалкивает от себя) всевозможные «чужие» *Я*. Естественно назвать данную ступень личностно образующего движения **самоопределением личности**.

В итоге формируется некий незапланированный **результат**: индивид не только переживает свое *Я* как особенное, отличающееся от всех других *Я*, но и чувствует себя в какой-то мере отчужденным от значимых

других, поскольку его *Я* конструировалось как открывающееся именно ему, а не другим. Вновь воспроизводится противоречие «*Я в себе и для себя*» и «*Я в другом и для другого*», но теперь этот конфликт приобретает форму противоборства «экзистенциального» и «отчужденного» *Я*, что связано с переходом к следующему этапу развития: взрослости.

Взрослость¹³. Внутренним побудительным **источником** развития личности здесь является уже отмеченный нами конфликт «экзистенциального» и «отчужденного» *Я* (первое соответствует «*Я в себе и для себя*», второе – «*Я в другом и для другого*»). **Цель** – персонализация своими социально значимыми отличиями от других. **Средство** – построение реалистического идеального *Я* на основе учета собственных возможностей и стремление быть «на уровне» своего идеального *Я*, идентифицироваться с ним. **Результат** – противоречие между высоким уровнем общественной оценки (знаемой или ожидаемой) и чувством нереализованности, нередко – нереализуемости собственных идеалов и притязаний.

Если предложенная модель развивающейся личности в общих чертах верна, то необходимые критерии развития личности, отвечающие исходной модели, могут быть выявлены лишь при исследовании того, кто выступает для подростка его «значимым другом», с кем идентифицируется подросток, *какой значимой стороной своей индивидуальности открываемся* и т.д.

Если попытаться педагогически осмыслить описанные нами выше особенности развития личности в дошкольном и младшем школьном возрасте, а также при переходе от детства к взрослости, то вырисовываются некоторые общие черты ситуаций, в которых личность ребенка действительно развивается.

Стратегия заключается в том, что воспитывающий взрослый создает совершенно особую развивающую среду. В ней определенным образом синтезированы («соорганизованы») «природные», «предметные», «социальные», «экзистенциальные» образующие жизненного мира ребенка: суть этого синтеза – в создании условий для движения деятельности, и в частности – активно-неадаптивных действий всех участников образовательного взаимодействия, а также для всесторонней отраженности их субъектных проявлений; пространство витальности, социокультурное пространство, пространство сознания других, пространство самосознания превращаются в зеркало субъектности детей и воспитывающих взрослых.

¹³ Данные возрастные этапы не являются предметом специального анализа в настоящей работе. Поэтому мы лишь конспективно намечаем основные характеристики развития личности в период «взрослости». Наиболее глубокое исследование феномена взрослости можно найти в работах К.С. Лисецкого (*Лисецкий, 2007*).

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹⁴

Настоящая работа посвящена феномену «отчуждения», которое в самом общем плане трактуется нами как потеря человеком чувства собственной субъектности в общении со значимыми другими (и с самим собой, когда имеется в виду особый случай – «самоотчуждения» человека). Такой взгляд отвечает интуитивному смыслу этого слова: «быть отчужденным» – значит ощущать самоутрату, не быть для себя самим собой, не чувствовать своей связи с тем или теми, кто близок.

Действительно, отчуждение – в обычном понимании – это неполнота, ограниченность, ущербность своего Я, что свидетельствует о несоответствии того, *кто* отражается, тому, *что* представляет собой отражение. Если полноценное Я предполагает тождество индивида как отражаемого («кто») и отражения индивида в себе самом («что»), то в случае отчуждения человек ощущает раскол: он, например, действует как субъект – об этом говорят плоды его активности, но при этом не переживает себя действующим лицом, или, положим, он ощущает, что прожил какой-то период времени (во сне), но не может осмыслить произошедшее. Всякий раз мы можем констатировать ощущение «ухода» субъектности, потери своего авторства – будь то инициатива или эффект самого действия. «Зеркало» самосознания при этом как бы занавешено – по крайней мере, частично.

Это общее положение конкретизируется нами на основе гипотезы о существовании *кольца опосредованного самоподражания индивида* как условия становления его субъектности (Петровский, 1993) и, соответственно, положения о том, что разрыв кольца опосредованного самоподражания может рассматриваться как причина *отчуждения* (Петровский, Полевая, 2001).

Рассмотрим подробнее «кольцо самоподражания» в действии. Перед нами цепочка процессов: вначале (и таков старт) ребенок что-то совершает спонтанно и непроизвольно. Если это действие воспринимается взрослыми как новое и необычное, оно, как правило, подхватывается взрослым, повторяется им – часто совершенно непроизвольно (так, взрослый улыбается в ответ на улыбку младенца). Ребенок же, в свою очередь, подхватывает ответное действие взрослого, копируя это действие. Таким образом, оказывается, что в конечном счете, он подражает себе самому. К нему как бы возвращается его собственная улыбка, слово, действие. Круг, таким образом, замыкается: опосредованное самоподражание оказывается подражанием своим подражателям.

¹⁴ В настоящей главе мы воспроизводим статью: Петровский В.А., Полевая, 2001.

Таково кольцо опосредствованного самоподражания в норме. Правомерен вопрос: что случится, если значимые проявления индивидуальности ребенка не будут «подхвачены» взрослыми? Кольцо опосредствованного самоподражания, теряя «посредника», в этом случае будет «прокручиваться» вхолостую. В этом случае и возникает реакция отчуждения, переживание потери собственной субъектности.

Итак, общая гипотеза исследования состоит в том, что реакция отчуждения есть результат дисфункции кольца самоподражания индивида в контакте с другими людьми.

Эмпирическая проверка этой гипотезы предполагает необходимость конкретизации исходных понятий. В этом контексте мы предлагаем два понятия, уточняющие сущность реакции отчуждения в системе межиндивидуальных отношений.

Первое понятие – *неординарность*.

«Быть неординарным» – значит действовать за рамками общепринятого, за пределами ожидаемого, стандартного, правилосообразного. Не трудно заметить переключку *неординарности* и *надситуативности* (Петровский В.А., 1975). Любое проявление «надситуативной активности» есть проявление активности «неординарной». Однако понятие «надситуативной активности» уже понятия «неординарность». В первом случае («надситуативность») индивид действует над порогом ситуативной необходимости, выходя в область непредрешенных исходов действия. «Неординарность», фиксируемая в качестве таковой извне, внешними наблюдателями (например, неординарные проявления активности ребенка в восприятии взрослых), может быть внутренне мотивирована (например, надеждой ребенка получить поощрение, высокую оценку и т.п.). Поступая «надситуативно», человек всегда действует на свой страх и риск. «Неординарность» – не предполагает обязательности этого. Вот почему реакция окружающих, если она расходится с ожидаемой индивидом, может порождать здесь совершенно неожиданную для него фрустрацию (при «надситуативности» негативный исход воспринимается как один из возможных). Перечисленные особенности неординарных проявлений активности индивида обуславливают значимость для него встречных проявлений активности других людей.

Второе понятие, вводимое нами, – *лояльность*.

Понятие «лояльность» определяется нами как тенденция одного индивида (например, взрослого) поддерживать неординарные проявления активности другого индивида (ребенка). Теоретически возможно несколько способов реагирования на неординарную активность другого, такие как игнорирование, осуждение, принятие и поощрение. Понятию «лояльность» соответствуют два последних способа и противоречат два первых. Специфика «лояльности» в соотношении с «поддержкой» как общим понятием заключается в том, что предметом

заботы здесь оказываются не все проявления другого человека, а только неординарные¹⁵.

Теоретическая гипотеза (реакция отчуждения как результат дисфункции кольца самоподражания), конкретизированная в терминах неординарности и лояльности (реакция отчуждения есть результат нелояльности взрослого к неординарным проявлениям ребенка), рассматривалась в исследовании на основе реализации методик, фиксирующих различные аспекты отчуждения ребенка от взрослого, и, соответственно методик, фиксирующих характер проявления родительской лояльности.

Эмпирическими референтами отчуждения ребенка от воспитывающих взрослых для нас выступили: снижение чувства самооценности и общительности ребенка, наличие негативных чувств по отношению к родителям (враждебность), повышение его конфликтности и закрытости в ситуациях реального и воображаемого присутствия родителей.

О родительской лояльности мы судили на основе основной методики *исследования родительской лояльности*.

Охарактеризуем подробно методику *родительской лояльности* (Петровский, Полевая, 2001). Данная методика относится к категории проективных техник и позволяет оценить отношения взрослого к неординарным проявлениям активности детей. Стимульный материал представляет собой схематический рисунок, где изображено несколько человек, среди которых находится ребенок («детский персонаж») и взрослый («взрослый персонаж»). Они могут различаться по полу, возрасту и прочим характеристикам. Во всех случаях ребенок на картинке ведет себя нестандартно, ставя в необычное положение взрослого. Для показа ненормативного поведения детей было предложено 20 рисуночных ситуаций, которые были разделены на четыре группы:

1. «Нестандартность интеллектуальных проявлений детского персонажа, креативность, остроумие». К этой группе относится, например, такой рисунок: «Мама, крапива кусается?» – «Да» – «А как она лает?» – «...».

2. «Псевдооскорбления». В этих случаях ребенок, не зная каких-либо жизненных фактов, не понимая некоторых фразеологических оборотов, значения некоторых слов, отзывается о ком-то или о чем-то в

¹⁵ В принципе, можно вообразить особый случай, когда приветствуются *только* неординарные проявления (оригинальность ребенка) и отменяются «ординарные». Последствия такого – чисто гипотетического – положения дел мы оставляем за пределами специального рассмотрения. Однако последующий анализ мог бы убедить нас в том, что риск отчуждения в этом случае сохраняется и даже увеличивается: представление об «ординарном» и «неординарном» здесь как бы меняются местами, ребенок слишком часто не видит себя отраженным в «зеркале» другого.

неприятной, оскорбительной или не принятой форме. Например: «Дочь обращается к матери: “Мама, ты моя лучшая любовница!” – “...”»

3. «Фрустрация». В этих случаях слова или действия ребенка вызывают у взрослого психическое состояние, обусловленное неуспехом в удовлетворении какой-либо потребности. В эту группу включены рисунки, содержащие ситуации, подобные следующей: «Мать спрашивает сына: “Где ты так долго пропадал?” – “Мы с Вовкой в почтальонов играли. Все жильцы нашего дома получили письма!” – “А где вы взяли столько писем?” – “У тебя в тумбочке!” – “...”».

4. «Псевдокошунство». В связи с отсутствием ясного понимания нравственных норм и ценностей, ребенок ведет себя якобы кошунственно, «попирая» установки взрослых. «Дед, у тебя зубы есть?» – «Нет!» – «Тогда поддержи бутерброд!» – «...».

Согласно инструкции испытуемый (это – воспитывающий взрослый) должен написать возможный ответ взрослого персонажа на вопрос или действие детского персонажа.

Наряду с авторской методикой использовались классические, такие как методика Рене Жиля, выявляющая сферы межличностных отношений ребенка и его восприятия внутрисемейных отношений, рисунок семьи, методика на изучение самооценки ребенка, тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин).

Экспериментальная часть работы включала в себя два этапа:

- исследование отношений родителей к ребенку;
- исследование индивидуальных особенностей ребенка и его отношения к родителям.

Работа проводилась индивидуально с детьми, родителями, а также с ребенком и родителями совместно. В экспериментальном исследовании приняли участие 130 семей с детьми 6–7 лет, всего 390 человек.

Результаты эксперимента подвергались статистической обработке (корреляционный, факторный и другие методы анализа).

Выявлены полярные формы реагирования взрослых на неординарные проявления ребенка, а именно: принятие их (лояльность) и неприятие (отстранение). «Лояльность» обнаруживала себя в том, что взрослые старались понять мотивы, скрытую логику поведения ребенка, принимали его позицию, воспринимали его как субъекта межличностного взаимодействия. Отстранение представлено авторитарной гиперсоциализацией родителей, отвержением, симбиотическими отношениями.

На основе использования методики «Родительская лояльность» было выявлено 4 наиболее часто встречающиеся типа реакций родителей на неординарные проявления детей:

1. Наказание. Негативная реакция осуждения вплоть до вербального или физического наказания. Например, в ситуации: «Сын с матерью сидят за обеденным столом: “Мама, а ты за миллион рублей съела бы до-

хлую кошку?»). Реакция испытуемого: «Отругает, не выясняя причины такого вопроса» и т.д.

2. Отшучивание. Испытуемый проявляет реакцию равнодушия, оставляет поведение ребенка без внимания или отшучивается, переходя тем самым в условно-игровой план. Например: «Ты почему плачешь?» – спрашивает отец у ребенка. – «Папа, ты сегодня назвал маму курицей, а она тебя слоном, так кто же я?». Ответ взрослого: «Подрастешь, поймешь» и т.д.

3. Объяснение. Испытуемый старается прояснить для ребенка ситуацию, «откорректировать» его поведение, не вникая в мотивы слов или поступков ребенка. Например: «Зачем ты посадил пчелу в банку и мучаешь ее? Выпусти!» – «Как же выпусти! Я ее доить буду. Она мне мед давать будет!». Реакция родителя: «Пчел не доят» и т.д.

4. Децентрация. Испытуемый старается понять мотивы, скрытую логику ребенка, принимает его позицию, воспринимает его как субъекта межличностного взаимодействия. Например: «Мальчик залез в мусорный бак и кричит отцу: “Папа, лезь сюда, здесь интересней, чем у нас дома!”». Реакция испытуемого: «Ты так считаешь? Ты хочешь проверить? Посмотри, что здесь, и пойдём, сравним дома» и т.д.

Результаты исследования. Рассмотрим вначале некоторые данные, полученные в ходе работы с проективной методикой «Родительская лояльность».

Реакция «наказания» неординарных проявлений у родителей встречалась в 29% случаев, «отшучивание» в 20%, «объяснение» в 46,5%, «децентрация» в 4,5%. Таким образом, несколько чаще родители проявляют лояльность по отношению к детям (по крайней мере, к персонажам проективных рисунков). Лояльность родителей при этом принимает формы скорее рассудочного отношения к детям; попытка принять неординарный взгляд или поведение ребенка встречается в единичных случаях.

В результате сопоставления отдельно взятых ответов матерей и отцов выяснилось, что матери более лояльны к неординарным проявлениям ребенка, чем отцы. Матери чаще объясняют ребенку происходящее, стремятся, пусть не принять, но хотя бы понять его позицию, мотивы, скрытую логику, прояснить для ребенка ситуацию. Отцы «жестче» относятся к неординарному поведению ребенка – в их проективной продукции больше равнодушия, неприятия и осуждения поступков, часто и самого ребенка, вербальное и физическое наказание. Наиболее часто негативные реакции встречались у отцов в ситуациях, обозначенных выше как «фрустрация» и «псевдооскорбление».

У «лояльных» родителей (матерей и отцов, рассмотренных совместно) дети характеризуются открытостью и общительностью, адекватной самооценкой, неконфликтным, доверительным и дружеским отноше-

ем к родителям. Дети «отстраняющихся» родителей характеризуются негативными чувствами к ним, враждебностью, сниженным ощущением самооценности, необщительностью, повышенной конфликтностью и закрытостью в присутствии родителей.

В семьях с «благополучным» ребенком у воспитывающих взрослых более выражен уровень децентрации, они чаще признают допустимой точку зрения ребенка, хотя и предлагают свою, они не склонны наказывать; в семье «неблагополучного», отчужденного ребенка все обстоит радикально иным образом.

Дистанцирование ребенка от родителей значимо коррелирует с повышенной тревожностью и отчуждением ребенка в семье, с необщительностью ребенка, с низким уровнем родительской лояльности ($p < 0,05$). Здесь раскрывается веер зависимостей. Например, негативные самоощущения ребенка (враждебность, конфликтность и тревожность) *в присутствии матери* взаимосвязаны с такими переменными, как авторитарная гиперсоциализация, симбиоз, инфантилизация и нелояльность со стороны матери, а также с такими проявлениями отношения отца к ребенку, как инфантилизация и наказание ребенка. Самоощущение ребенка *в присутствии отца* зависит от таких проявлений отношения отца к ребенку, как отчуждение, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация, лояльность отца.

На основе факторного анализа выявлена значимая взаимосвязь между отчуждением ребенка и деперсонализирующими формами общения родителей. Отчуждение в детско-родительских взаимоотношениях зависит от таких факторов, как «ожесточающее влияние матери» (27,5%), «ограничение со стороны родителей» (17,5%), общий фактор «семейного неблагополучия» (16,4%), фактор «гиперсоциализации со стороны матери» (11,8%).

Конкретный анализ полученных данных подтверждает гипотезу, согласно которой отчуждение ребенка есть следствие деперсонализирующего общения с ним взрослого.

Некоторые выводы:

1. «Отчуждение» может быть понято как утрата индивидом (ребенком) чувства своей субъектности в общении со значимыми другими людьми (родителями), как переживание невозможности обладать подлинной свободой самопроявлений.

2. Психологическую основу отчуждения образует нарушение «кольца самоподражания» в общении ребенка со взрослыми (ребенок не ощущает себя отраженным в «зеркале» взрослого).

3. В контексте детско-родительских отношений выделяются полярные формы реагирования взрослых на неординарные проявления ребенка: принятие их (лояльность) и неприятие (отчуждение).

4. Увеличение дистанции в общении со стороны взрослого вызывает состояние дистанцирования, отчуждения у ребенка.

5. Проявления отчуждения любых двух участников в системе «ребенок–мать–отец» опосредствуются третьим участником (посредниками во взаимоотношениях сторон выступают отец, мать, ребенок).

* * *

Итак, отражаясь в разных людях, разными гранями себя, индивидуум, будучи субъектом активности, индивидуальным Я, генерирует многообразие *отраженных Я*, представленных в нем самом и в других людях, а также Я других индивидуумов, запечатленных и длящих себя в нем (см. рис. 18.3).

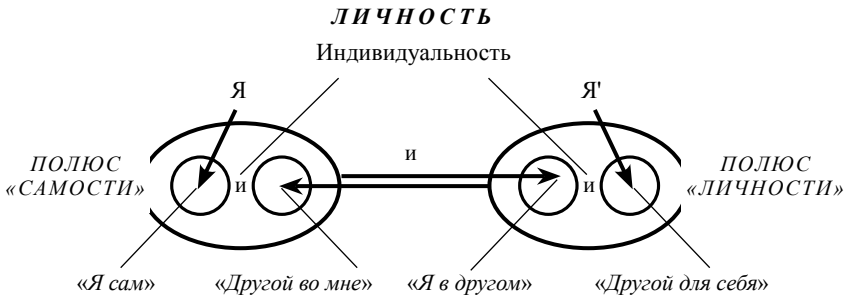

Рис. 18.3. Два полюса личности

Часть 4. Индивидуальность: Состоятельность и саморегуляция

Глава 19. Индивидуальность – неотразимость

Индивидуальность индивидуальности рознь. Похоже, число мыслимых психологических определений термина «индивидуальность» когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделаться! Каждый по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает...¹

Интуитивные концепции индивидуальности – формализуются, латентные – легализуются, личные превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Категория «личности» (и внутри нее понятие «индивидуальности») относится к числу категорий-позиций. Достаточно кому-нибудь одному из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-нибудь другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит ровным счетом наоборот. Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое пятно Роршаха, вот вам и рецепт построения искомого концепта!

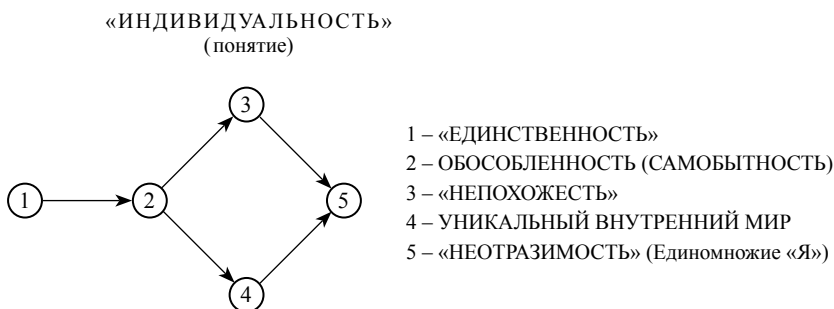

Рис. 19.1

¹ Концептуально мне близка ставшая уже крылатой фраза А.Г. Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» (Асмолов, 2007), которая уже не раз встречалась в этой книге...

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (см. рис. 19.1):

Первая точка – это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в языке повседневной речи.

Четыре других точки указывают на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета, «1».

«1» *Единственность*. У Александра Блока в дневнике есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус. Всего три слова:

«Единственность Зинаиды Гиппиус».

Быть чем-то единственным, как говорят, «единственным в своем роде» – тут, на мой взгляд, самая суть «индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинациями слов, оттеняющими разные грани термина «индивидуальность» (символизируются точками «2», «3», «4», «5»).

«2» *Обособленность (Самобытность)* – социо-природно-культурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных образующих индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много-многозначные» связи).

«3» *«Непохожесть»* – несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!...» Пафос поэта, разумеется, не распространяется на «акцентуации характера» (в этой связи, еще один пример «непохожести»: для «тихого невротика» проблема заключается в нем самом, психопат – это проблема для окружающих).

«4» *Уникальный внутренний мир*. В этой трактовке индивидуальности автор солидарен с В.Д. Шадриковым (*Шадриков, 2009*). Я подчеркиваю при этом три момента:

- *Самоценность*: привилегированное положение «внутреннего» по сравнению с «внешним».
- *Надситуативность*: индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта; в этой связи мы говорим не только о «надситуативности»,

но и об «активной неадаптивности» индивида, – о постановке целей, мотивированных непредрежденностью результата их достижения (В.А. Петровский).

- *Потаенность*. Индивидуальность *всегда* остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являет собой признак «для себя бытия» его единственности. Мне близка в этой связи точка зрения А.Г. Асмолова и В.Н. Дружинина, согласно которой психика человека обладает самодвижением, одно из проявлений которого – творчество – порождает в ходе жизни множество «субъективных миров»; лишь некоторые из них будут реализованы. Я бы хотел особо подчеркнуть эту мысль: «внутренний мир человека», именно внутренний, не обнаруживаемый никогда до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему и вместе с тем интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, есть характеристика индивидуальности, я бы сказал, *по определению*, – как что-то своеобразное, данное только этому человеку и для него значимое, бытие в качестве «самости» – предела «индивидуации» (Юнг, 1993).

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!..» А сзади на футболке – «Никто и не узнает!» (Берн, 2000). Вдобавок (не всегда, конечно!), это своеобразие есть основание для игр и интриг не только с другими, но и с собой, «единственным и неповторимым»...

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой – противоречием, которое можно считать базовым в психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность, если в ней все дело, если я без нее не единица, а ноль², то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать – значит воспроизводиться, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе, – это удар по ценности неповторимости. А сознание – будь то чужое сознание или мое самосознание – удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

«5» «Неотразимость». Истина индивидуальности – в невозможности получить сколько-нибудь завершенный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько яиц можно съесть натощак?» Хорошо известно, что только одно. Ведь второе – это уже не натощак. Так и с индивидуальностью как единственностью. Удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо, – в чужом сознании или самосознании – неважно. Ибо ценность этого своеобразия именно

² У М. Горького в «Климе Самгине»: «Вот, Вера, идут двое, их – десять, потому что один из них – ноль».

в том, что оно непередаваемо, невозпроизводимо, дорефлексивно, исключает повтор.

Я бы сказал так: если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как сущностную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет формы чего-то ставшего, наличного, обретенного, а всегда пребывает в состоянии становления. Индивидуальность человека – это его неотразимость.

Индивидуальность = неотразимость. Индивидуальность пребывает по ту сторону полного знания и понимания со стороны других людей и самого индивида, об индивидуальности которого мы говорим.

Для себя так: я могу знать что-то и при этом не знать, что знаю. В этом, как известно, отличие «проблемного» («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

ЗНАЕТ ЛИ ГАМЛЕТ ЛАЭРТА?

«Озрик. Вам небезызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт.

Гамлет. Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать совершенно другого – значит знать самого себя».

Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед? Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное через другое, но дело это абсолютно бессмысленное...

«ТАКИМ ПУТЕМ!» – ПУТИ НЕ БУДЕТ

Отношения супружества. Известен такой факт: «Я знаю его», «Я знаю ее» – равносильно распаду, в лучшем случае стагнации отношений. А поэзия отношений – подобно тому, как поэзия «вся» у Маяковского, – это «езда в незнаемое», или, как я предпочитаю говорить, «в непредрежденное...».

ПАРАДОКС ЭДИПА

Еще факт, полученный экспериментально – я называю его «парадоксом Эдипа» (*Петровский В.А., 1996в*), по аналогии с описанным в философии и интересующем социологов парадоксом, он состоит в том, что прогноз, будучи известен, оказывает влияние на прогнозируемые события, и поэтому всегда «промахивается».

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог; он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма того же опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым

показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их возможных оценок компетентный психолог.

Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интроверсии (словом, «счастье – когда тебя понимают», но «несчастье – когда тебя раскусили...»). Человек сам себе мера, и он никому не позволит думать иначе...

Я – НЕ РОВНЯ ЕМУ (ИЛИ ЕЙ), ДАЖЕ ЕСЛИ ОН (ОНА) – ЭТО Я

С использованием авторской методики Я-конфронтаций и Я-заимствований было показано: когда человеку под видом оценок другого человека предъявляют его собственные самооценки, он отказывается их принимать, оценивает себя заново, – иначе, чем прежде. Более того, если испытуемый видит, что другой человек, решая задачу, точно так же как и он сам, не может с ней справиться, то тенденция «быть другим» способна подтолкнуть его к правильному решению – даже когда речь идет о «задачах на сообразительность». Выяснилось: чем больше я отвергаю свое сходство с другим, отклоняя свою самооценку, если считаю, что так себя оценивает этот другой человек, тем сильнее эффект креативизации, выход за рамки шаблона в решении задачи (Петровский В.А., Уварина, 1982). Это ли не демонстрация силы действия того, что Карл Юнг называет тенденцией к индивидуации?

Итак, подобное понимание индивидуальности – удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, «индивидуальность» с «субъектностью». В действительности же,

Индивидуальность ≠ Субъект

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» является *рефлексивность* или – по Сартру – «интеллигибельность» (самопрозрачность, самоданность). «Субъект» – целеполагающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает (Петровский В.А., 1996а). Картезианское «Я мыслю» – это всегда «я мыслю, что я мыслю» (М. Мамардашвили). Но ведь помыслить себя – это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима, она всегда «первой свежести».

В этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как мультисубъектное образование. В то время как «единственность» – лингвистическая точка опоры в развертке интересующего нас понятия, «единомножие Я» – это вторая искомая точка, острие психологической трактовки этого термина. Итак:

Индивидуальность = единомножие Я. Не одно Я, а множество отраженных друг в друге Я, или, как говорили старые русские философы, «единомножие Я» – вот это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих Я уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность – это субъект деятельности, как бы широко ни понимать деятельность.

Я думаю, А.Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности (*Леонтьев А.Н.*, 1975), забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивидуума» – идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом – в работах Л.С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений.

С.Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое Я», поскольку оно есть и всеобщность Я, есть «республика субъектов» (*Рубинштейн*, 1973).

Личность как объемлющая система представлена множеством субъектов (множеством Я), в которых обнаруживает свое бытие индивид. И они, эти субъекты, *вряд ли* могут быть поняты как покорные исполнители воли некоей высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и, если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему будет сделать это непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и через них, через их конstellации, понимаемая. «Множественная личность» У. Джеймса, фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна Минделла, различные Я Ассанджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации-«идентичности».

Продуктивное различение субъектов «реактивной и рефлексивной доминант» предложено В.Е. Лепским (*Лепский*, 1998); оно, очевидно, выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их несводимость друг другу, и в то же время невыводимость из какого бы то ни было «центрального» Я, лежащего в основании.

Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я» (Розенберг, Каплан, а также Маркус, Нуриус и др. авторы). Этот список различных Я может быть расширен, если принять во внимание работы Дж. Брэдшоу, Г. и С. Стоун и др. авторов (широкий, но неполный спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е.П. Белянской (*Белянская*, 2005)).

Четверть века назад автор этих строк провел свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и продолженности индивида в других людей, их «отраженной субъектности», их «личности». О них идет речь в этой книге и они также могли бы быть приобщены к этому списку.

Обсуждение проблемы индивидуальности мы в дальнейшем будем вести в нетрадиционном ключе. Нас будет интересовать логика внутреннего обустройства индивидуальности как системы взаимодействующих субъектов и последствий этих взаимодействий. В первую очередь *логика обустройства* индивидуальности как «идеального объекта» теории (как в физике), и лишь во вторую – эмпирический материал, наполняющий теоретические конструкции живым содержанием.

(Разумеется, «на первый-второй рассчитайсь!» имеет здесь сугубо условный характер. «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» – так говорил И. Кант.)

Бытие человека, «бытие человеком» как цель самопостижения и самоутверждения самости, бытие самостью как сознающей себя целостностью, при всей неотразимости своей, все-таки возможно; эта возможность переживается, интуитивно схватывается нами, и в такие мгновения мы ощущаем себя – собой, в своей общности с миром, с другими людьми, с вечностью.

Чувствуем себя, – но это так редко случается с нами, что можем простить себе этот пафос! – чувствуем себя **человеком**.

Такова самость.

Ненаглядная наша!..

ГЛАВА 20. СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ – «БЕЗ ФОРМУЛ»

Возможности и потребность в самоосуществлении. Один из моих коллег, блистательный Вадим Р., прочитав что-то из моих работ, сказал мне: «Там где начинаются формулы, кончается Р...» (далее следовала его фамилия).

Этот текст – попытка автора рассказать о понятии и феноменах *состоятельности* совсем без формул. Впрочем, латинские буквы, я все-таки себе разрешу.

Если говорить неформально, «без формул», «материя», которую мы рассмотрим, это **возможности** человека. Впрочем, слово «рассмотрим» не совсем подходит: ведь возможности суть что-то невидимое, хотя и не менее реальное, чем все остальное, «вещественное»... И уж точно, не менее важное для каждого, чем все остальное. В поисках высших ценностей Р. Аккофф и Ф. Эмери (*Аккофф, Эмери, 1974*) приходят к идее «всемогущества», говорят о нем, как метаидеале, реализация которого позволяет осуществиться всем другим идеалам – таким как правда, добро, красота, изобилие. Когда в сказках герою предлагается осуществить три желания, у детей возникает несправедливый вопрос: зачем же три, если можно пожелать одно, чтобы все желания всегда исполнялись? В другой редакции, многие (как, впрочем, и я), думали: почему бы на одну волшебную палочку не заказать себе другую и т.д.? Образ всемогущества превосходит все другие мечтания, хотя бы уже потому, что способно обеспечить осуществление любого из них. Итак, речь пойдет о нашем «могу».

Введем мысленно шкалу «я могу», на которую будет проецироваться потенциал достижений индивидуума в конкретных сферах жизни: науке, общении, самосовершенствовании, производстве, искусстве. И в этом случае мы получим возможность унифицировать события жизни с точки зрения того, насколько ресурсы, которыми располагает субъект, отвечают его запросам, построить язык, на котором можно описывать взаимоотношения между устремлениями и достижимостью результатов активности. Пусть это будет шкала возможностей между *нулем* («нет

никаких возможностей») и *единицей* («полнота возможностей»). Необходимость введения такой шкалы и других аналогичных шкал объясняется необходимостью дать не только качественное, но и количественное описание возможностей и других элементов, фигурирующих в модели оптимума благополучия. Итак, говоря «могу», мы будем иметь в виду некоторый уровень рассматриваемых возможностей.

Много ли разных «могу» мы знаем? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из некоторой последовательности моментов активности – говорим о данном моменте времени, о предшествующих и последующих.

Все множество возможностей, которыми располагает субъект, разделяем на два класса: *внешние возможности* (предоставляемые ситуацией ресурсы) и *внутренние возможности* (принадлежащие субъекту, «внутренние ресурсы»).

Считаем, что в любой момент времени субъект располагает полным объемом внутренних возможностей – W^* , и исходим из того, что этот объем постоянен: $W^*_0 = W^*_1 = W^*_2 = \dots = W^*$, принимая его за I ($W^* = I$). Полный объем активности может рассматриваться одновременно как бессознательная предпосылка и как осознанный идеал самоосуществления, «могущество». В качестве бессознательной предпосылки, полный объем возможностей трансцендентален, предсуществует по отношению к любым нашим актам, а как идеал – трансцендентен, недостижим.

(Может быть, и обидно, конечно, что мы не можем охватить весь потенциал разом, пережить его в целом, притом ни в начале, ни в конце пути, а всегда имеем дело только с частью его, но все-таки он постоянно «подпитывает» и вдохновляет нас к продолжению попыток его уловить.)

Итак, в разные моменты активности полный объем возможностей открыт нам всегда только частично. Считаем, что в каждый момент времени субъект имеет возможности, доставшиеся в наследство от предшествующего момента в виде *наличных* и *скрытых возможностей*, которые в сумме, как уже было сказано, образуют полный объем возможностей. *Наличные возможности* мы обозначаем символом V , а *скрытые* – V° (принимая, что $V + V^\circ = I$).

Наличные возможности V могут быть использованы сразу, их непосредственно «пускают в дело». А вот скрытые возможности нужно еще представить, осознать – актуализировать. В терминах Мартина Хайдеггера, такие возможности необходимо «вывести из области потаенного». И только после этого они могут быть использованы, или, опять в терминах его философии, «высвоены».

Кроме того, невозможно обойтись без представлений о внешних возможностях самоосуществления. Обозначим их символом V' . Это ресурсы, предоставляемые ситуацией. Они – заданы, но еще не даны субъекту.

екту. Они должны быть еще освоены, прежде чем станут собственными, то есть внутренними, возможностями субъекта. И этот процесс можно назвать *присвоением* – излюбленный термин леонтьевской психологии деятельности.

Но тут возникает вопрос: какая сила приводит наличные и скрытые возможности в действие? Мы будем считать, что этой силой является потребность в самоосуществлении – максимально полной реализации своих возможностей, проявляющейся в стремлении субъекта воплотить наличные и ввести в строй свои скрытые возможности.

Что же происходит, когда потребность в максимально полной реализации своих возможностей имеет своим «предметом» наличные и скрытые ресурсы?

В первом случае рождается стремление субъекта проявить (воплотить вовне, реализовать) свои наличные возможности. Обозначим силу такого стремления символом N . Будем считать, что сила этого стремления равна объему воплощаемых возможностей ($N=V$); сами же возможности, поскольку именно они воплощаются, будут называться у нас *рабочими усилиями (затратами)*.

МОДЕЛИ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

УСЛОВИЯ ОПТИМУМА. ВЕЕР АКТИВНОСТИ

Состоятельность: две модели. *Интуитивно*, состоятельность – это способность человека испытывать счастье; чувство успешности и благоденствия; радость бытия; удовлетворенность собой и устремленность к новым успехам; наслаждение тем, к чему стремишься, и, равным образом, стремление к тому, чем наслаждаешься; благополучие и благорасположение; посильность пути и усилия его пройти. Если попытаться совсем кратко определить «состоятельность», то это – **единство состояний «могу» и «хочу»**. Или, в конце этой вереницы определений, – **средоточие возможностей, побуждающих активность**.

Состоятельность, таким образом, – двусторонняя сущность. Она включает в себе достижения человека и стремление воспользоваться ими, то есть, с одной стороны – результаты действия, а с другой – импульсы к его продолжению. Если сопоставить высоту достигнутого и силу стремления к продолжению действия, то в одних ситуациях мы замечаем противоположность (отношение дополнительности) между ними, а в других – равенство (соответствие).

Противоположность в паре «достижения–стремления» описывается словами «успокаиваться на достигнутом», «почивать на лаврах», «благоденствовать» (при высоких достижениях), и наоборот – «наверстывать упущенное», «преодолевать невзгоды», «не опускать руки» (при низких

достижениях). Если все есть, то ничего и не надо. Ничего нет – хочу обладать всем.

Имея в виду равенство в паре «достижения–стремления», в случае высоких достижений говорят: «Не останавливаться на достигнутом», и используют такие высказывания, как например, «Дальше, дальше, дальше» (А. Гельман), «Выше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал» (Вл. Высоцкий), «На черту горизонта, конечно, нельзя наступить» (Л. Мартынов), «Ничто не слишком» (В. Орлов) и т.д., и т.п. Если же достижения невелики, то некоторые люди говорят себе: «Зачем тратить силы, ведь *и так видно*, что ничего не получится» (мысленно: партия проиграна и – *проиграна*) или «Что мне, больше всех надо?!» (на деле: имею меньше, чем кто-либо). Опыт разочарований порождает отказ от деятельности; отсутствие достижений оборачивается прокристинацией, «ничего-не-деланием» (см. Джонс, Стюарт, 1996). В отличие от ранее рассмотренной ситуации, в случае равенства между элементами пары «достижения–стремления» чувство «могу» порождает чувство «хочу», и при этом чем больше (или меньше) *могу*, тем, соответственно, больше или меньше *хочу*.

И, таким образом, перед нами два вида состоятельности: состоятельность потребления (состоятельность-удовлетворенность): «могу, что хочу», «обладание», «насыщение потребностей»; и состоятельность производства (состоятельность-дееспособность): «хочу что могу», «приложение сил», «осуществление способностей»³. В обоих случаях состоятельность есть возможность, содержащая в себе побуждение к действию. Но только в одном случае *возможность – действительность* дополнительные, а в другом – соответствуют друг другу по уровню выраженности. Соответственно, можно говорить о двух видах мотивации человека: адаптивной и неадаптивной. Адаптивная мотивация активности – это мотивация *дефицита*; неадаптивная – *избытка* возможностей. При всем различии обе внутренне ориентированы на созидание возможностей существования человека в мире и тесно связаны друг с другом⁴.

Попробуем предложить читателю символ или точнее, – *иероглиф*, – выражающий суть той двойственности, которая свойственна состоятельности.

В первом случае акцент приходится на внутренние *возможности* человека («то, что я имею сейчас, чувствую себя способным сделать»).

³ К.Е. Зискин по этому поводу процитировал мне строчки И. Губермана: «Есть люди, от которых свет исходит, и люди, поглощающие свет».

⁴ Позволю себе пошутить (на старте серьезного разговора), вслед за безымянным автором сентенции: «Жизнь – замкнутый круг: живешь – выпить хочется, выпил – жить хочется...» Мотивация дефицита и мотивация избытка, очевидно, в некоторых случаях могут рассматриваться как преемственные (см. главу 24 настоящей книги).

Во втором случае – на *стремления* («то, что я хочу делать»). Будем пользоваться двумя рисунками, «показывающими» состоятельность то с одной стороны, то с другой. На третьем рисунке мы предложим объединенный взгляд.

На первом рисунке латинская буква *V* (жирная) символизирует *возможности*, освоенные человеком; *V* смыкается с буквой *N* (бледная), символизирующей *стремления*, ассоциированные с этими возможностями:

Рис. 20.1. Состоятельность как результат активности
(потенциал активности: ощущение «сил», переживание собственных возможностей, уверенность в себе, чувство результативности)

На втором рисунке латинская буква *N* (жирная) символизирует *стремления* человека и соприкасается при этом с буквой *V* (бледная), символизирующей возможности, переживаемые человеком как внутренний ресурс активности:

Рис. 20.2. Состоятельность как предпосылка активности
(устремленность к достижениям: интенции = «порыв», притязания, воля = настойчивость, вдохновение)

Рассматривая состоятельность в динамике, как средоточие возможностей предстоящего действия, мы исходим из идеи *единства* (соприкосновения) «могу» и «хочу»; для нас это две стороны единого целого: состоятельности как результата и, вместе с тем, предпосылки активности.

На третьем рисунке символ, акцентирующий возможности (*V*), сливается с символом, акцентирующим стремления (*N*), и в поле нашего зрения вырисовывается латинская буква *W* (*Well-being* – благополучие):

Рис. 20.3. Состоятельность как единство «могу» и «стремлюсь»

Помня о том, что состоятельность – двусторонняя сущность (достижения и стремления), мы рассмотрим ее вначале как результат усилий, предпринимаемых субъектом, то есть со стороны *возможностей*, осво-

енных им на предшествующем витке активности (далее, в ходе анализа, мы обратимся к стремлениям, образующим другую сторону состоятельности, что заявит о себе на новом витке активности).

Итак, сфокусируем свое внимание на левой части иероглифа *W*, символизирующей «ранее достигнутое субъектом» – состоятельность возможностей («*W*»). Скопируем левую часть иероглифа; получим при этом латинскую букву *V*. Так, упрощая запись и «озвучивая» иероглиф, мы будем называть в дальнейшем *состоятельность как результат активности*.

Различая два вида состоятельности, о чем уже шла речь выше, мы предложим читателю две психолого-математических модели ее интерпретации: *модель благополучия* и *модель дееспособности*. За каждой из моделей угадываются две предельных ценности (или два «идеала», если воспользоваться термином Р. Аккоффа и М. Эмери – *Аккофф, Эмери*, 1974) – «изобилия» и «всемогущества». При всех различиях за каждой из этих теоретических конструкций вырисовывается общий контур, позволяющий мыслить и описывать состоятельность единым образом⁵.

Выделяем следующие элементы состоятельности:

- *Наличные внутренние ресурсы* (имеющиеся у субъекта внутренние возможности, «способности»).
- *Скрытые внутренние ресурсы* (имеющиеся у субъекта резервные, неустребованные ранее, возможности, – «резервы из прошлого», «нераскрытые перспективы», «страховка»).
- *Ситуативные ресурсы* (новые, еще не присвоенные субъектом, возможности, поставляемые ситуацией – их необходимо еще извлечь из нее, раскрыть, «взять»).
- *Потребность воплотить (реализовать) свои внутренние ресурсы* (тенденция к воплощению внутренних возможностей; будем говорить в этой связи о запросах, устремлениях, интенциях, и т.п.).
- *Потребность воспроизвести (репродуцировать) свои внутренние ресурсы* (тенденция к репродукции внутренних возможностей; будем говорить в этой связи о стремлении к самоактуализации, самоосознанию, поддержанию идентичности и т.п.).
- *Произведенный ресурс* (освоенные внешние возможности, «новоприобретения опыта» – «благоприобретенные возможности»).
- *Аккумулятивные ресурсы* (средоточие возможностей, состоятельность как результат активности). Возможности, собранные воедино

⁵ В советские годы я был впечатлен марксовской идеей тождества процессов потребления и производства и, полусузя, утешал своих ближних «по Марксу»: говорил, что производя (исследуя, консультируя), психолог в тот же момент и потребляет, так что жаловаться на низкую зарплату ему негоже (в те времена еще говорили, что наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет; сейчас, к сожалению, эта формула никуда не годится).

(и тем самым обновленные) на данной ступени активности, обусловливают стремление субъекта освоить новые возможности на следующей ступени активности.

- *Остаточные ресурсы* (внутренние возможности, оказавшиеся ранее невоплощенными, – «запасы на будущее»; они образуют резервные возможности следующей ступени активности).

Перечисленные элементы модели логически соопределяют друг друга, характеризуя компоненты единого целого (в данном случае «единое целое» – это механизм и результат порождения состоятельности при переходе с одной ступени активности на другую). Например, второй из названных элементов («скрытые внутренние ресурсы») соответствует последнему элементу («остаточные ресурсы»), а предпоследний из элементов («аккумулированные ресурсы») в динамике активности совпадает с первым («наличные внутренние возможности») и т.п.

Потребности (стремления) и ресурсы (возможности) мы представляем себе весьма абстрактно, в виде импульсов (говоря метафорически, «квантов посланий»), генерируемых субъектом и окружающей его ситуацией. Импульсы, характеризующие стремления в направлении объекта, могут рассматриваться как *усилия*, мобилизуемые субъектом (мы говорим в этом случае: *затраты, затрачиваемые усилия*). Внутренняя цель этих стремлений заключается в том, чтобы освоить возможность обладания объектом (состоятельность «хочу-обладаю») или овладения им («могу-совершаю»)⁶. Субъект направляет поток собственных импульсов навстречу импульсам от объекта (см. подробнее в разделе «состоятельность-в-динамике»). Вопрос – в том, как часто на встречных маршрутах встречаются эти импульсы, идущие друг к другу. Если частота встреч велика, то это свидетельствует о высоком уровне новоприобретенных возможностей (высокое значение $x \times r^*$), если редка, то это значит, что импульсы, идущие от субъекта, не находят опоры вовне (уровень новоприобретений невысок). Подразумевается, что тот или иной уровень состоятельности определяется сочетанием всех импульсов, задействованных на данном этапе активности.

Введем некоторые математические символы, дополнительные термины и допущения, позволяющие с *количественной* стороны описывать динамику взаимоотношений между компонентами состоятельности. При этом мы будем использовать не только латинские буквы, обозначающие

⁶ Класс возможностей объединяет в себе недостающие и наличные, востребованные и невостребованные, воплощаемые и новоприобретенные, «высваиваемые» (термин М. Хайдеггера) и присвоенные, реализованные и избыточные (резервные) и т.п. возможности. Говоря о «состоятельности», различаем субъективную, внутреннюю, объективную формы состоятельности. Рассуждения, представленные в настоящей работе, равным образом относятся к обоим моделям.

базовые элементы модели, но также верхние индексы, маркирующие их качественное своеобразие (происхождение и функциональный смысл): « \circ » («кружочек») и « $*$ » («звездочка»); в некоторых случаях отсутствуют верхние индексы (см. рис. 20.4).

АГЕНТ АКТИВНОСТИ В СРЕДЕ

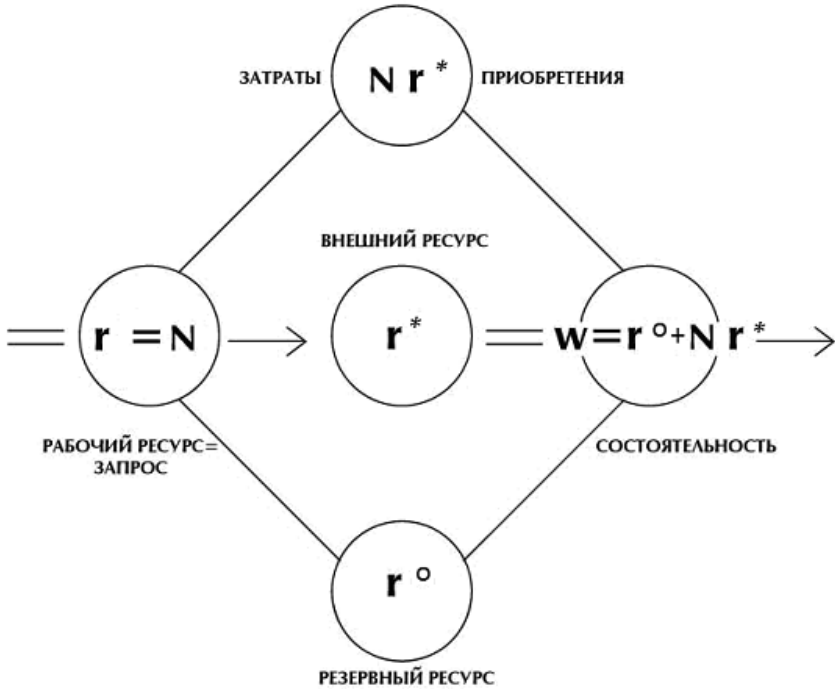

Рис. 20.4. Агент активности в среде

- r – *наличные* внутренние ресурсы (здесь и во всех последующих случаях подразумевается *уровень* соответствующих переменных; будем считать, что r , как все другие переменные модели, принимает рациональные значения на отрезке $[0, 1]$);
- r° – *скрытые* внутренние ресурсы;
- $r + r^{\circ} = 1$ – *полный потенциал активности* (о полном потенциале активности, или, иначе говоря, о полной системе внутренних возможностей, можно говорить также как о «стартовом», и, как мы увидим дальше, «самоподдерживающемся» ресурсе активности; принимаем, что полный потенциал активности равен 1);
- r^* – *ситуативные* (внешние) ресурсы;

- x – *реализуемые* (воплощаемые, используемые) ресурсы; они могут быть как скрытыми, так и наличными;
- y – *репродуцируемые* (воспроизводимые) ресурсы; они, соответственно, могут быть как наличными, так и скрытыми.
- Поясним смысл введения символов x и y . Как уже было отмечено, существуют две разновидности модели состоятельности: модель удовлетворения («хочу-обладаю») и модель порождения («могу-совершаю»).

В первом случае (состоятельность-«хочу») x символизирует *скрытые* внутренние ресурсы, $x=r^\circ$, а y – *наличные* внутренние ресурсы, $y=r$.

Во втором случае (состоятельность-«могу») x символизирует *наличные* внутренние ресурсы, $x=r$, а y – *скрытые* внутренние ресурсы, $y=r^\circ$.

Очевидно, для обоих случаев выполняется $x+y=I$.

- N_x – потребность субъекта *реализовать* (воплотить, применить) имеющийся внутренний ресурс; принимаем, что уровень («сила») этой потребности соответствует уровню («высоте») реализуемых внутренних ресурсов: $N_x=x$. Иногда используем краткую форму написания: вместо N_x записываем N ;
- M_y – потребность субъекта *репродуцировать* имеющийся внутренний ресурс y ; принимаем, что уровень этой потребности не зависит от уровня репродуцируемого внутреннего ресурса и тождественно равен I , $M_y \equiv I$; так же, как и в предыдущем пункте, иногда пишем кратко: вместо M_y записываем M ;
- $N_x \times r^* = x \times r^*$ – *новопроизведенный* ресурс (*благоприобретенные* возможности);
- $M_y \times y = I \times y = y$ – *актуализированный* ресурс (он равен репродуцированному резервному ресурсу);
- $V = I \times y + x \times r^*$ – *аккумулированный* ресурс (средоточие задействованных возможностей, *состоятельность* как результат активности).

Интерпретируя y и x с учетом различий между моделями состоятельности-«хочу» и состоятельности-«могу», в первом случае мы имеем дело с суммой *наличных* и *благоприобретенных* ресурсов, а во втором – вместо *наличных* ресурсов фигурируют *резервные*. Различия выражены и в благоприобретенных ресурсах: в первом случае это произведение *резервных* ресурсов на ситуативные, а во втором – *наличных* ресурсов на ситуативные.

В модели «хочу-обладаю»

$$V = r + r \times r^* = r + (I - r) \times r^*$$

(состоятельность «хочу-обладаю» базируется на сохранении наличных возможностей и присвоении новых).

В модели «могу – совершаю»

$$V = r^0 + r \times r^* = I - r + r \times r^*$$

(*состоятельность-«могу» основана на высвоении⁷ резервных возможностей и производстве новых*).

Таким образом, с формальной стороны разница между моделями в том, что символы, обозначающие скрытые и наличные ресурсы, меняются местами (рокировка позиций).

- $\lambda = x - x \times r^*$ – *остаточные ресурсы* (возможности-«излишки»; затраты на освоение ситуативных ресурсов минус новопроизведенный ресурс; как бы сдача, – правда, обычно невидимая! – получаемая субъектом в процессе воплощения своих возможностей вовне (дополнительные комментарии см. в разделе «Состоятельность в динамике»).

Необходимо отметить, что остаточные ресурсы в сумме с аккумулярованными ресурсами, образуют полный потенциал активности; действительно,

$$V + \lambda = y + x \times r^* + x - x \times r^* = y + x = I$$

«Состоятельность»: сумма или произведение? Описывая понятие «состоятельность» с количественной стороны, мы опираемся на идею сложения того, что *уже присутствует* в жизни субъекта (нереализованные внутренние возможности) и новоприобретений опыта. Однако это не единственная трактовка.

Еще одна – видеть в состоятельности *произведение* того, что *может* человек, на то, чего он *желает*. Оба смысла могут быть объединены в идее *скалярного произведения* вектора потребностей на вектор возможностей.

Действительно, используя понятие «скалярное произведение векторов», можно предложить удобную форму записи общей модели состоятельности и двух ее разновидностей. Пусть двумерный вектор потребностей имеет координаты $(M_y; N_x)$ (напомним, что $M_y \equiv I$ и $N_x = x$), а, соответственно, вектор возможностей – координаты $(y; r^*)$. В таком случае скалярное произведение этих векторов, заданных своими координатами, может быть вычислено по формуле:

$$V = M_y \times y + N_x \times r^* = I \times y + x \times r^* = I - x + x \times r^*$$

В содержательном плане, различия между состоятельностью-«хочу» и состоятельностью-«могу» проиллюстрируем дилеммой, с которой сталкиваются преподаватели, обучающие студентов. В некоторых университетах – автор этих строк работает в одном из них – акаде-

⁷ Говоря «высвоение», пользуемся термином философии М. Хайдеггера.

мическая успеваемость и творческие проекты учащихся оцениваются преподавателями по 10-балльной системе («отлично» – это баллы 10, 9, 8; «хорошо» – 7, 6 и т.д., по нисходящей). Положим, исходя из формальных критериев, два студента, по результатам усреднения мнений экзаменаторов из комиссии, заслуживают одной и той же оценки – «6» (нижний порог «хорошо»). Преподаватели согласны в том, что оба студента обладают сходным уровнем способностей. Однако некоторые эксперты более лояльны (оценка «7»), другие – более строги (оценка – «5», «удовлетворительно»). Все преподаватели считают важным, чтобы оценка не только фиксировала определенный уровень достижений, но и стимулировала студента к дополнительным усилиям. Какую же оценку поставить? Одни преподаватели, принимая в расчет особенности самосознания учащегося, настаивают на соблюдении формального критерия усреднения оценок. Другие предлагают «авансировать» студента, опасаясь, что студент «расслабится». Заметим, что согласно Р. Джайнотт, представителю личностно-центрированной терапии, самооценка складывается из двух частей: из того, что мы говорим человеку о том, что он сделал, и того, что он сам, на основе этого, говорит о себе: «Ты это сделал хорошо!» – «Я молодец!». Будем считать, что речь идет об итоговом, в результате выставленной оценки, переживании студента (благополучие – «со мной все в порядке» или неблагоприятии – «я подкачал»).

Наше предложение состоит в том, чтобы студента, живущего «по формуле» состоятельности «хочу-обладаю» («потребления благ»), то есть мотивированного к действию переживаемым дефицитом возможностей, образующих резерв его достижений, оценить на «6» или «5». В этом случае «неподтвержденный» ресурс будет побуждать его к дополнительным стараниям. Но более высокой оценкой, «7», мы отличили бы другого студента, живущего в режиме производства возможностей (состоятельности «могу-совершаю»); ведь в силу этой более высокой оценки, он будет с большей готовностью воплощать переживаемое им чувство «могу» в освоение новых возможностей.

Отталкиваясь от этих построений, можно пойти в двух направлениях.

Одно из них – это *исследование условий эффективности достижений, а также – оптимального расходования средств*. Другое направление подсказано только что приведенным примером («дилеммой экзаменатора»); это *анализ состоятельности в динамике переходов между последовательными «витками» активности*.

В интересах развития идеи состоятельности, мы перейдем к имплицитивной записи модели, используя символы, отличающиеся от ранее использованных, что позволит нам, помня о сути ($V=r+r^{\circ}\times r^*$ или $V=r^{\circ}+r\times r^*$), с большей легкостью следовать двум намеченным только

что маршрутам. Вначале это будет исследование условий оптимума и рационального расходования средств, а после – динамики состоятельности.

Модель состоятельности: имплицативная форма. Прежде всего, опишем то, что может быть названо *базовой формой* имплицативной модели. Базовая форма имплицативной модели активности агента включает в себя все описанные ранее элементы состоятельности (договоримся, что вместо слова *ресурс* в этом контексте чаще использовать более традиционное для психологии слово *возможность*). Новизна записи определяется вводимым знаком метаимпликации (см. главу 28)⁸:

$$C = A \dashv B = I - A + A \times B$$

С содержательной (качественной) стороны, « \dashv » интерпретируется как *опора*: «Запрос A опирается на ресурс B , компенсируя нехватку ресурса $I-A$ ». C принимает значения обычной материальной импликации при «четких» значениях переменных A и B (0 или 1). Будем считать в дальнейшем, что все переменные, фигурирующие слева и справа от знака « \dashv », обозначаемые далее латинскими буквами, принимают рациональные значения на отрезке $[0, 1]$ ⁹.

Мы говорим о базовой форме имплицативной модели, чтобы тем самым подчеркнуть два обстоятельства: любая, сколь угодно сложная цепочка символов, включенных в имплицативную модель активности, может быть представлена в виде метаимпликации $((X) \dashv (Y))$ ¹⁰. Здесь (X) – это запрос на воплощение внутренних возможностей; (Y) – внешний ресурс; все выражение в целом означает: «запрос опирается на внешний ресурс». И, кроме того, любые X и Y , фигурирующие в такой записи, вплоть до самых мелких, могут быть представлены в той же форме:

$$X = ((X_i) \dashv (X_i')) \text{ и } Y = ((Y_j) \dashv (Y_j'))$$

Эта запись одинаково применима к двум рассмотренным выше способам понимания состоятельности.

⁸ Понятие «метаимпликации» было введено автором (Петровский, 2002а) как результат применения математического понятия «булева решетка» к описанию соотношений между рациональными числами на интервале $[0, 1]$ в развитие концепции «булевой решетки норм» (Таран, 2000). Метаимпликация представляет собой обобщение материальной импликации для рациональных чисел на отрезке $[0, 1]$.

⁹ Напомним читателю формальное описание материальной импликации: $0 \rightarrow 0 = 1$; $0 \rightarrow 1 = 1$; $1 \rightarrow 0 = 0$; $1 \rightarrow 1 = 1$.

¹⁰ Иногда в тексте книги мы будем использовать более привычную для читателя запись импликации, то есть вместо нового знака « \dashv », традиционную «стрелочку» « \rightarrow ». Будем считать, что это «стрелочки-синонимы» (ведь бывают же «слова-синонимы!»).

В том случае, если берется состоятельность «хочу-обладаю», метампликативная запись приобретает вид:

$$V=N \hookrightarrow r^*=r^{\circ} \hookrightarrow r^*=I-r^{\circ}+r^{\circ} \times r^*$$

Здесь состоятельность есть уровень реализации стремления преодолеть дефицит наличных возможностей, опираясь на возможности, предоставляемые ситуацией.

Когда же рассматривается состоятельность «могу-совершаю», имеем:

$$V=N \hookrightarrow r^*=r \hookrightarrow r^*=I-r+r \times r^*,$$

и состоятельность в данном случае есть уровень реализации стремления воплотить наличные возможности, опираясь на возможности, предоставляемые ситуацией и актуализируя свои скрытые внутренние возможности.

Таким образом, мы приходим к одинаковым результатам, описывая состоятельность (обе модели) с использованием операторов скалярного произведения и метаимпликации.

Далее мы будем иметь дело в основном с моделью состоятельности «могу-совершаю» (состоятельности-дееспособности). Переход к другой модели будет оговариваться особо.

Метаимпликативная форма представления состоятельности удобнее в том отношении, что позволяет «прорисовывать» логику взаимоотношений между компонентами состоятельности в случае сложного сочетания потребностей и ресурсов субъекта. Поэтому в дальнейшем отдаем предпочтение описанию происходящего на языке базовой импликативной модели:

V – состоятельность;

X – запрос;

Y – внешний ресурс (скобки, окружающие X и Y в этой части работы будем опускать – нам они понадобятся позже, в разделе, посвященном динамике состоятельности);

$R(=X)$ – наличный ресурс;

$R^{\circ}=I-R=I-X=X^{\circ}$ – скрытый ресурс;

$X \times Y$ – произведенный ресурс;

1 – полный потенциал активности.

«Точки оптимума состоятельности». Мы выделяем четыре принципа позитивной организации активности человека, которые придают ему статус автора – действительного субъекта активности. Их можно назвать принципами *деятельного благополучия*. В директивном плане это могло бы прозвучать так: «Окунай вклады!», «Создай новое!», «Экономь!», «Не скупись на усилия!».

«*Окупай вклады!*» означает: оправдывай усилия достижениями, действуй безубыточно. С количественной стороны имеется в виду нестрогое неравенство между усилиями и аккумулированными возможностями (состоятельностью как результатом усилий): $X \geq V$.

«*Созидай новое!*» означает: максимизировать эффективность, пополнять имеющееся за счет привлечения того, что производится впервые.

Эффективность – это прирост произведенных возможностей (новоприобретенный ресурс) по отношению к возможностям, ранее не востребовавшимся (резервный ресурс). С количественной стороны, показателем *эффективности* является величина: $E = X \times Y / X^2 = X \times Y / (1 - X)$ (при $X < 1$).

В отличие от базовых переменных модели, E может принимать значения, превышающие 1. В самом деле, о ком-то из наших знакомых скажут: «Он поражает своим энтузиазмом!» (что, говоря нестрого, соответствует записи: $E \hookrightarrow \infty$). О каком-нибудь другом человеке услышим: «Он – прожектор» (и в этом случае $E \approx 0$).

«*Экономь!*» означает быть бережным в отношении внешних ресурсов, рассчитывать только на то, что затрачено не больше и не меньше необходимого для обретения состоятельности, отвечающей усилиям.

«*Не скупись на усилия!*» означает максимизацию усилий, вкладываемых в достижение – в той мере, в какой это не противоречит принципам «*Окупай!*» и «*Созидай!*».

Если в конкретных условиях осуществляются в полном объеме или частично принципы «*Окупай!*», «*Созидай!*», «*Экономь!*» «*Не скупись на усилия!*», мы говорим, что человек достигает оптимума своей состоятельности, а сочетание запросов и ресурсов, в которых это происходит, – *условиями (или точками) оптимума*.

Поясним, в каком смысле речь идет именно об оптимуме состоятельности.

Зафиксируем запрос X на уровне X_0 и определим уровень внешнего ресурса Y_x , при котором $V = X_0 \hookrightarrow Y_x = X_0$ (состоятельность в точности соответствует запросам). Образуется пара (X_0, Y_0) , которая обладает следующим свойством: уменьшение ресурса в окрестности Y_0 ведет к снижению состоятельности – она становится ниже X_0 , что свидетельствует о неоправданности усилий. С другой стороны, повышение Y в окрестности Y_0 могло бы привести к росту не только состоятельности, но и эффективности достижений; но это противоречит установке на экономию внешних ресурсов, что является одним из критериев оптимума состоятельности. Таким образом, точка (X_0, Y_0) отвечает искомым условиям оптимума: усилия окупаются обретаемой состоятельностью, эффективность достижений максимальна, так как ее увеличение потребовало бы привлечения дополнительных внешних ресурсов, что противоречит принципу их экономии. Итак, (X_0, Y_0) – одна из искомых точек оптимума состоятельности.

Пройдем тот же путь с другого конца. Зафиксируем ресурс Y на уровне Y_0 и будем варьировать запрос X , вплоть до нахождения точки X_0 , удовлетворяющей условию $X_0 \leftrightarrow Y_0 = X_0$ (состоятельность равна запросу). Анализ показывает, что увеличение запроса в окрестности $X_0 (X > X_0)$ ведет к повышению эффективности достижений по сравнению с прежним уровнем эффективности, но, в то же время, – к уменьшению *состоятельности* по отношению к запросу ($X \leftrightarrow Y_x < X$), что говорит о неоправданности усилий. С другой стороны, *уменьшение* запроса в окрестности $X_0 (X < X_0)$, *поднимая* состоятельность над уровнем запроса, ведет к *снижению* эффективности (что противоречит критерию оптимума). Итак, точка (X_0, Y_0) – еще одна искомая точка оптимума (в общем случае они могут быть не равны).

Кроме того, можно показать¹¹, что в любой из точек оптимума состоятельности (X_\wedge, Y_\wedge) ¹² нестрогое неравенство $X \leftrightarrow Y \geq X$ превращается в строгое равенство $X_\wedge \leftrightarrow Y_\wedge = X_\wedge$, то есть обретаемая состоятельность строго равна запросу (для точек оптимума мы вводим нижние символы « \wedge »).

Рассмотрим и назовем некоторые из «точек оптимума».

Оптимум «самостояния». Заимствуя пушкинское слово, «самостояние», мы говорим о приемлемом уровне состоятельности при минимуме внешних опор. Имеется в виду, что для некоторого минимального Y_\wedge (внешний ресурс-опора) и фиксированного X_0 (запрос-устремление, уровень усилий) выполняется: $X_0 \rightarrow Y_\wedge = 1 - Y_\wedge + X_0 \times Y_\wedge \geq X_0$ (*усилия оправданы достижениями*), из чего следует, что искомым минимальный внешний ресурс может быть рассчитан по формуле: $Y_\wedge = (2 \times X_0 - 1) / X_0$ (при $0,5 \leq X_0 \leq 1$).

Точка $Y' = 1 - Y_\wedge$ – это «точка самостояния» (величина, противоположная минимуму необходимого внешнего ресурса, необходимого для оправдания вложенных в достижение усилий).

Так, зная запрос $X_0 = 0,8$, можно рассчитать требуемый ресурс:

$$Y_\wedge = (2 \times 0,8 - 1) / 0,8 \approx 0,75$$

Проверим: $0,8 \leftrightarrow 0,75 = 1 - 0,8 + 0,8 \times 0,75 = 0,2 + 0,6 = 0,8$.

Легко убедиться, что при уменьшении Y относительно Y_\wedge , состоятельность V становится *меньше* затрачиваемых усилий $X_\wedge (= 0,8)$. Начиная с этого уровня $(0,75)$ внешних опор недостаточно, чтобы устремления подтверждались достижениями. Вместе с тем, максимум, на что может

¹¹ Идея доказательства этого положения может быть прослежена на частном примере «оптимума самоотдачи».

¹² Для обозначения точек оптимума состоятельности будем использовать запись с использованием нижних индексов (в одних случаях – « \wedge », в других – « \vee »): (X_\wedge, Y_\wedge) или (X_\vee, Y_\vee) .

рассчитывать человек при необходимом минимуме внешних опор (обеспечивающих оправданность устремлений), это уровень состоятельности $0,8$ (соответствующий уровню устремлений той же величины, $0,8$). Точкой самостояния здесь является величина $Y' = 1 - 0,75 = 0,25$ (то есть в данном случае человеку требуется весьма большая поддержка извне, чтобы он чувствовал себя «на уровне» своих запросов; его «самостояние» невелико...).

«Вдогон» рассмотрим еще два особых случая. Каким должен быть минимальный внешний ресурс для оправдания усилий на уровне $0,5$? Ответ: $Y_\lambda = 0,5$ (убедитесь сами: $0,5 \Leftarrow 0 = 0,5$). Словом, чтобы чувствовать себя на уровне своих запросов при отсутствии внешней поддержки, надо быть совершенно безразличным (поясним, что на шкале *устремлений* значение $X = 1$ соответствует состоянию «хочу», а 0 – «не хочу»). Уровень «самостояния» здесь максимален (человек «опирается» только на себя), $Y' = 1 - Y_\lambda = 1$.

Еще один пример касается точки «самостояния» при уровне $X = 1$. В этом случае единственное Y , удовлетворяющее условию $1 \Leftarrow Y = 1$, это $Y = Y_\lambda = 1$. Это значит, что при максимальном (абсолютном) запросе, ситуация должна обеспечить человеку столь же максимальную (абсолютную) поддержку, чтобы он ощущал себя состоятельным на уровне своих устремлений; то есть уровень «самостояния» здесь нулевой, $Y' = 1 - Y_\lambda = 0$.

Оптимум самоограничений. Это – максимальные по своему уровню запросы («амбиции»), оправданные достижениями субъекта и регламентируемые уровнем предоставляемых ресурсов. Для того, чтобы пояснить это понимание, представим ситуацию, в котором человек не испытывает никакой нужды вкладывать во что-либо свои старания ($X = 0$): «Ничего не хочу», «обойдусь» и т.п. Но это значит, он ощущает себя одинаково хорошо, независимо от того, есть ли «под рукой» какие-либо ресурсы достижения или их нет. В любом случае «Со мной все о-кей» ($0 \Leftarrow Y = 1$ при любом Y). Общее правило состоит в том, что при фиксированном уровне $Y = Y_0$, чем меньше человек вкладывает сил, тем больше остается «при нем»; и в сумме с новоприобретениями опыта ($X \times Y$), даже минимальными, он все-таки более благополучен, чем в случае, когда больше «выкладывается». Таким образом, существует множество способов *умерить амбиции* и *благодействовать*. С другой стороны, если человек в тех же обстоятельствах стремится к большему, то его состоятельность снижается и может оказаться меньше вкладываемых усилий (говорят «слишком многого хочет»). Вопрос состоит в том, на какую предельную высоту может быть поднята планка амбиций, чтобы усилия человека в конечном счете были оправданы его достижениями (то есть, чтобы $X_\lambda \Leftarrow Y_0 \geq X_\lambda$). По сути, это вопрос об условиях превращения только что

приведенного нестрогого неравенства в строгое равенство $X_\lambda \hookrightarrow Y_0 = X_\lambda$. Из этого соотношения с очевидностью следует, что

$$X_\lambda = 1/(2 - Y_\lambda).$$

Пример. Найдем X_λ в уравнении $X_\lambda \hookrightarrow 0,2 = 1 - X_\lambda + X_\lambda \times 0,2 = X_\lambda$. Имеем:

$$X_\lambda = 1/(2 - 0,2) = 1/1,8 \approx 0,556.$$

Проверим: $0,556 \hookrightarrow 0,2 \approx 1 - 0,556 + 0,556 \times 0,2 \approx 0,4444 + 0,1112 \approx 0,556$.

Но почему максимизация оправданных достижениями амбиций должна рассматриваться как характеристика *оптимума* состоятельности? Обратимся к показателям эффективности достижений.

Итак, еще раз спросим себя (может быть, в менее академической формулировке): «Почему бы не повысить состоятельность за счет снижения запросов (ведь если почти ничего не хочется, то живешь себе, благоденствуешь...)?» Оказывается, если мы *понижаем* уровень запросов X по сравнению с найденным уровнем X_λ (максимальным из минимальных запросов, оправданных достижениями), то на фоне *повышения* состоятельности *понижается* эффективность. И наоборот: *повышение* X над уровнем X_λ , содействуя *повышению* эффективности, ведет к недопустимому *снижению* состоятельности (она становится ниже вкладываемых усилий).

Не приводя здесь общего доказательства этого утверждения, вернемся к примеру $X_\lambda = 0,556$ и $Y_0 = 0,2$.

Пусть при неизменном значении $Y_\lambda = 0,2$, уровень запросов X превышает ранее найденный уровень запросов $X_\lambda = 0,556$; положим теперь $X = X_\lambda = 0,6$. В этом случае эффективность $E_\lambda = 0,6 \times 0,2/0,4 = 0,3 > E_\lambda = 0,556 \times 0,2/0,444 \approx 0,251$ (то есть эффективность в первом случае *выше*, чем во втором). Однако рассмотрим, как при этом меняется уровень состоятельности: $V = 1 - 0,6 + 0,6 \times 0,2 = 0,4 + 0,12 = 0,52 < V_\lambda = 1 - 0,556 + 0,556 \times 0,2 \approx 0,556$. Таким образом, состоятельность *падает*.

Точно также можно убедиться в том, что снижение уровня запросов относительно $X_\lambda = 0,556$, при фиксированном значении $Y_0 = 0,2$, ведет к *повышению* состоятельности и *снижению* эффективности. Например, при $X_\lambda = 0,5 < X_\lambda = 0,556$, состоятельность превосходит усилия $0,5 \hookrightarrow 0,2 = 0,5 + 0,1 = 0,6 (> 0,5)$, но эффективность при этом падает: $E_\lambda = 0,5 \times 0,2/0,5 = 0,2 (< 0,251)$.

Оптimum самоотдачи. Будем считать, что субъект придерживается стратегии максимизации усилий и минимизации внешних опор, но при этом, как и в ранее рассмотренных случаях, стремится к тому, чтобы его усилия были оправданы достижениями. В двойственной формулировке условие максимизации усилий означает минимизацию внутренних опор, поэтому речь могла бы идти об оправданности усилий в режиме

экономии расходования внутренних и внешних средств активности («издержек»). В каком случае ему удастся справиться с этой задачей?

Итак, принимаем:

1. $V_+ = X_+ \leftrightarrow Y_+ \geq X_+$, то есть *запросы субъекта не уступают итогу его усилий* (условие оправданности усилий).

2. $R_+ = 1 - X_+$, а также Y_+ – минимальные из возможных (условие экономии используемых внутренних и внешних средств активности). Таким образом, режим экономии затрагивает резервные (внутренние) и ситуативные (внешние) ресурсы; будем считать, что субъект вправе свободно выбирать как те, так и другие.

При соблюдении этих условий говорим об условиях *оптимума самоотдачи*.

Покажем, что если X_g и Y_g составляют «золотое сечение» ($X_g \approx 0,617$, $Y_g = X_g^2 \approx 0,382$, $X_g + X_g^2 = 1$), то в этом случае пара (X_g, Y_g) удовлетворяет *первому* условию оптимального расходования средств ($W_g \geq X_g$)¹³.

Действительно,

$$V = X_g \leftrightarrow Y_g = X_g \rightarrow (1 - X_g) = 1 - X_g + X_g \times (1 - X_g) = 1 - X_g^2 = X_g \geq X_g.$$

Однако выполняется ли при этом второе сформулированное условие оптимального расходования средств? Покажем, что $1 - X_g$ (резервный ресурс) и Y_g (ситуативный ресурс) при этом оказываются минимальными из возможных (если выполняется условие оправданности усилий). Положим, мы уменьшили резервный ресурс на a ($a \geq 0$) и ситуативный ресурс на b ($b \geq 0$). При каких a и b выполняется первое выставленное условие (оправданности усилий)? Итак, пусть $1 - X = (1 - X_g) - a$ и $Y = Y_g - b$ ($a \geq 0$ и $b \geq 0$) и при этом

$$V = (X_g + a) \leftrightarrow (Y_g - b) = 1 - X_g - a + (X_g + a) \times (1 - X_g - b) \geq X_g + a.$$

Проводя элементарные преобразования и учитывая, что $X_g + X_g^2 = 1$, приходим к неравенству

$$2a \times X_g + a + X_g \times b \leq 0.$$

Все слагаемые в левой части неравенства положительны, и оно, таким образом, выполнимо лишь при условии $a = 0$ и $b = 0$.

Итак, условием оптимального расходования средств, при котором усилия субъекта не меньше итогов его активности, а резервные и ситуативные ресурсы задействованы минимально, является «золотая пропорция» между запросами и поступающими извне ресурсами: $X_+ = X_g \approx 0,62$

¹³ Число это овеяно исторической славой и известно под именем «золотое сечение» (в математическом смысле, оно представляет собой действительный корень решения уравнения $\alpha + \alpha^2 = 1$; $\alpha \approx 0,62$); значительную роль данное число сыграло в архитектуре, музыке и пр.

и $Y_+ = Y_g \approx 0,38$. При этом общий итог активности субъекта (аккумулированные возможности, дееспособность) не больше и не меньше того, что запрашивается: $V_+ = X_+ \approx 0,62$ ¹⁴.

Итак, что значит *минимизировать* средства обретения состоятельности, оправдывая этот подход *достижениями, стоящими усилий*? Это значит *действовать на пределе возможного*, «выкладываться полностью», то есть использовать минимум внешних опор, мобилизуя максимум усилий, вкладываемых в дело. Заметим, что в этой особой, назовем ее **привилегированной** – точке оптимума состоятельности сходятся воедино четыре принципа позитивной организации активности: «Окунай!», «Созидай!», «Экономь!», «Не скупись на усилия!».

В дальнейшем только что рассмотренные положения (отчасти доказанные, отчасти только проиллюстрированные), характеризующие рубежные условия состоятельности – точки оптимума самостояния, самоограничения и самоотдачи – будем называть теоремами оптимума состоятельности.

Состоятельность в динамике. «Веер активности». Состоятельность субъекта может рассматриваться в разные моменты активности. Таким образом, мы говорим о *витках (ступенях) активности*, о *переходах* с одной ступени состоятельности на другую.

Рассматривая состоятельность в динамике, мы переносим акцент с возможностей, аккумулированных на предшествующем витке активности, на устремления, которые, как мы уже отмечали, определяются уровнем достигнутого субъектом. Таким образом, нам необходимо вернуться к исходному символу-иероглифу состоятельности. Мы достраиваем его до целого, и в поле зрения, таким образом появляется символ N (потребности, устремления): « \mathbb{N} ».

Вместе с тем, в *момент* перехода, то есть в точке превращения возможностей (*могу*) в устремления (*хочу*), состоятельность субъекта может быть выражена символом \mathbb{N} (условное \mathbb{N}), в котором возможности и устремления равноценны, как стороны единого целого. И таким образом полное понятие *состоятельности* выступает как единство *реализованности* (мера осуществленности на данный момент времени), *реализуемости* (мера осуществимости в будущем) и *расположенности к реализации* (мера устремленности к осуществлению) потребностей,

¹⁴ Характеризуя точку оптимума самоотдачи, отметим следующую интересную особенность. В этой «точке» уровень состоятельности и уровень эффективности равны: $V_+ = E_+ = X_+ \approx 0,62$. Мы можем убедиться в этом непосредственно: $V_+ = 0,62 \Leftrightarrow 0,38 = 1 - 0,62 + 0,62 \times 0,38 = 0,38 + 0,24 = 0,62$; $E_+ = 0,62 \times 0,38 / (1 - 0,62) = 0,62 \times 0,38 / 0,38 = 0,62$. Может быть, как раз в силу равенства V_+ и E_+ в точке самоотдачи, люди, размышляя о своей способности быть деятельными и успешными в жизни, интуитивно отождествляют свою состоятельность (капитал активности) и эффективность своих достижений.

проектов, намерений и т.д. Заметим, что в психологии до сих пор отсутствовало понятие, характеризующее суть и принцип объединения этих моментов.

Будучи равноценными в точке превращения одного в другое, *могу* и *хочу*, в общем случае, не являются *количественно* идентичными. Так, в модели состоятельности-удовлетворенности, левая и правая части символа, как правило, ассиметричны:

iN или IN (уникальным случаем является равноуровневость $\forall N$).

В отличие от нее, модель состоятельности-дееспособности подразумевает равенство аккумулированных возможностей и устремлений осуществить их, и поэтому левая и правая части условного W должны быть выравнены по высоте:

$\forall W$

В любом случае, помня об этих различиях, обусловленных разными видами состоятельности, можно изображать состоятельность-в-динамике в виде условного $\forall W$ как знака, подразумевающего два варианта прочтения. Однако, упрощая задачу читателю, мы будем пользоваться обычной латинской буквой W , описывающей состоятельность в точке перехода обновленных возможностей в новые устремления ($\forall W$ – *well-being, благополучие*). Знак состоятельности « $\forall W$ » позволяет «расселить» образующие его ресурсы «внутри» и «под» элементами его конструкции:

$$\begin{array}{c} r \quad r^* \\ \diagdown \quad \diagup \\ W \\ \diagup \quad \diagdown \\ r^o \quad r^* \end{array} = r^o + r \cdot r^*$$

В дальнейшем мы, как и прежде, сосредоточимся на **состоятельности-дееспособности** (будем иногда просто говорить – «дееспособность»). Описывая дееспособность в динамике, мы будем использовать нижние индексы:

$$\dots, W_{i-1}, W_i, W_{i+1}, \dots$$

(иногда, если не возникает путаницы, будем пропускать нижние индексы).

Формула перехода от одной ступени состоятельности к другой включает в себя указание на внешний ресурс, стоящий как бы между устремлениями, рожденными на предшествующей ступени активности, и аккумулированными возможностями на последующей ступени:

$$W_i \hookrightarrow Y_i = W_{i+1}$$

Прибегая к помощи иероглифов, можем описать динамику состоятельности в виде последовательности вложенных друг в друга иероглифов. Предлагаем две формы записи: «эстафетную» (А) и «фрактальную» (Б).

Рис. 20.5. «Эстафета» состоятельности.
Динамика состоятельности «слева-направо»

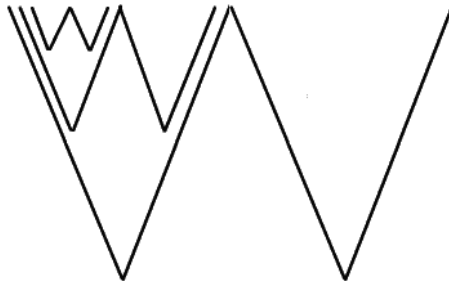

Рис. 20.6. «Фрактал» состоятельности.
Динамика состоятельности «сверху-вниз»

Напомним, что здесь W_i представляет собой *устремления*, как сторона аккумулярованных *ранее* (на $i-1$ -ой ступени) возможностей, то есть \mathbf{W}_i , а W_{i+1} – *возможности*, аккумулярованные на данной (i -ой) ступени, что может быть записано в виде иероглифа так: \mathbf{W}_{i+1} (*устремление* \mathbf{W}_{i+1} будет воплощено на следующей, $i+1$ -ой, ступени активности). Хотя формула, как видим, описывает происходящее в данный момент, она связывает воедино три времени – прошлое, настоящее и будущее.

В связи с тем, что мы обращаемся к анализу состоятельности-в-динамике, присвоим новое имя возможностям, формируемым ранее (\mathbf{W}) _{i} и «переходящим» на новую ступень в виде наличных внутренних ресурсов R_{i+1} ($=N_{i+1}=X_{i+1}$). Будем говорить об этих «транзитных» возможностях – *рабочий ресурс*. Ранее мы уже обращали внимание на равенство аккумулярованных возможностей (только что мы их назвали «рабочим ресурсом») и устремлений-запросов, обращенных в будущее (N_{i+1}).

Импульсы рабочего ресурса можно представить в виде «импульсов-стрел» и «импульсов-бумерангов». В том случае, если «импульс-стрела»

не поражает мишень, то есть не встречается с импульсом внешнего ресурса (субъект «промахивается»), импульс утрачивается безвозвратно («растворяется в пространстве»). При этом, заметим, рано или поздно внутренние ресурсы агента истощаются, подобно запасу стрел в колчане (если только не допустить, что «кто-то» постоянно подкладывает их в колчан)¹⁵. Другое дело – импульсы-«маленькие бумеранги». Они, в случае промаха, всегда возвращаются. Таким образом, хотя внешний ресурс и не был присвоен, остаются ресурсы, представляющие собой заделы на будущее. Неизрасходованная энергия действия переходит на следующий виток активности. Подчеркнем, что именно этот образ – круговых траекторий возврата неотреботанных «импульсов-бумерангов» – является для нас опорным в модели¹⁶.

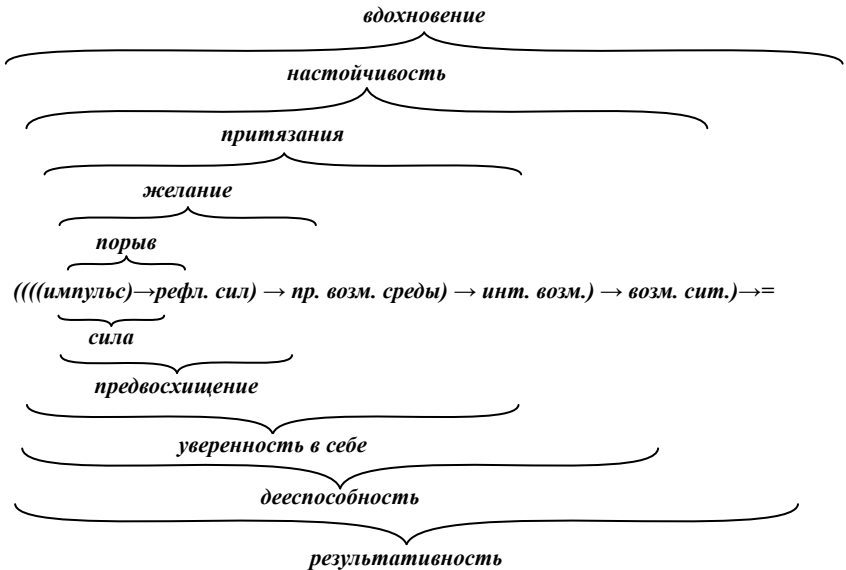

Рис. 20.7. Динамическая модель состоятельности. «Веер активности». Импликация в виде бумеранга « \leftarrow » на рисунке заменена стрелочкой « \rightarrow ».

¹⁵ Более прозаический пример: убывание числа оплачиваемых поездок в метро по мере использования многоразового талона.

¹⁶ Тем самым, по сути, формулируется **закон сохранения суммарного ресурса активности** (другие предлагаемые формулировки – «закон сохранения активности», «закон сохранения психической энергии» и т.п.). Этот закон состоит в том, что запасы из прошлого, благоприобретения настоящего и резервы на будущее в сумме образуют единый и неизменный ресурс ($=I$):

$$(r^{\circ}_{i-1}) + (r_i \times r^*_{i-1}) + (r^{\circ}_{i+1}) = I$$

Фрагменты прошлого, настоящего и будущего заключены в скобки (Петровский В.А., 2008б).

«Связь времен», выраженная формулой $W_i \Leftrightarrow Y_i = W_{i+1}$, само существо происходящего, позволяет нам в одной логике, на одном языке, описать и соотнести разрозненные (за некоторыми исключениями) представления, описывающие процесс активности как динамику переходов

... >могу = хочу > могу = хочу > – ...

Таким образом нам открывается своего рода веер понятий, описывающих динамику состоятельности, «веер активности» (см. рис. 20.7):

В центре рисунка, горизонтально, изображены механизмы перехода от одной ступени состоятельности к другой. Здесь прослеживается единая логика: *стремление* (то, что в скобках) опирается на *внешний ресурс* (то, что справа от стрелочки-импликации), и это выражение в целом означает *достигнутый уровень состоятельности*, то есть аккумулярованные возможности (все это теперь находится внутри объемлющих скобок и «опирается» на новую стрелочку справа и т.д.).

Ряд начинается с «импульса активности». Так мы назовем первоначальную форму единства «могу» и «хочу», которая в одной из своих ипостасей – *возможность* – переживается субъектом как прилив сил, избыток энергии, приподнятое настроение. Человек ощущает свое присутствие в мире, слитность с ним, свою растворенность в ситуации действия. То, что психологи описывают в терминах «потока» и что имеет в своем истоке океаническое чувство могущества, нарциссическое «сладостное Я» (З. Фрейд), скорее всего, можно отнести именно к этому изначальному недифференцированному переживанию «могу» одной из сторон «импульса». Другой ипостасью – *стремлением* – является то, что именуют «порывом» (А. Бергсон); в другой традиции и в ином контексте анализа говорят о состоянии потребности, еще не нашедшей себя в предмете («потребностное состояние» по А.Н. Леонтьеву). Наконец, уместно напомнить о «напряжении», «давлении», которые стремятся к разрядке.

«Могу» и «хочу», вкуче составляя импульс активности, реализуют себя на основе саморефлексии субъекта; он опирается при этом на образ своих возможностей. При этом на стороне «могу» рождается то, что мы называем *предвосхищением достижения*. Быть может, здесь есть всего лишь предчувствие, но оно переживается позитивно – как «вот-вот» достижение чего-то важного, необходимого, пока не раскрывшего себя в полноте предвидимого. Но тут – и нечто большее, чем неопределенное ожидание. Так, когда мы предвосхищаем появление или рождение чего-то близкого нам, то мы испытываем стремление к близости. «Суть близости, – писал М. Хайдеггер, – в том, чтобы близиться». Предвосхищение раскрывается теперь как стремление обладать тем, что восхищает стремящегося. Итак, мы имеем дело с *желаниями*.

Но и они (желания) лишь момент становления состоятельности. Опираясь на представления субъекта о том, что способна предоставить ему среда, желания сопровождаются определенным уровнем *уверенности* субъекта в реализуемости своих устремлений, а это, в свою очередь, порождает соответствующий *уровень притязаний*.

Рассматривая переход на следующую ступень активности, мы видим, что притязания субъекта находят для себя особую опору, которую мы рискуем обозначить как *интуицию возможностей*. В некотором смысле, это «воспоминание о будущем», бессознательное знание о том, что движение уже привело к результату, задача «уже решена» (мы описывали этот феномен в статье «Я=Мир» в развитии личности) (Петровский В.А., 1995б). В действительности перед нами установочный уровень регуляции сознания и самосознания человека, последствия прошлых успехов и неудач (по-видимому, не только когнитивные, но и «гедонистические карты») позволяют ориентироваться нам «на местности», исподволь подсказывая пути к цели или перекрывая дорогу). Таким образом, мы ощущаем свою *дееспособность* – возможность осуществлять деятельность, ведущую к успеху (говоря о *модели* дееспособности, мы используем это слово в более широком смысле, чем этот, выражающий суть достижений на одной из рассматриваемых ступеней активности). Обратной стороной чувства «могу» (в данном случае – «смогу») является то, что Н. Физер и другие авторы называют *настойчивостью*, а она уже – из разряда «хочу».

До сих пор, рассматривая процесс перехода с одной на другую ступень активности, мы пребывали на «территории субъекта». Следующий шаг подразумевает взгляд на него со стороны – с позиции внешнего наблюдателя, который располагает реальным знанием о возможностях предоставляемых ситуацией. Так, когда настойчивые попытки продвижения к цели сталкиваются с объективной возможностью или невозможностью добиться успеха (уровень достижимости-доступности решения), мы рассуждаем о возможностях субъекта в терминах «может/не может»¹⁷. Перед нами оценка меры его *результативности*. Высокая результативность порождает чувство *вдохновения* (или, по словам исследователя творчества, С.В. Максимовой, *вдох-новения* – Максимова, 2006).

Оно, в свою очередь, пробуждает новые *импульсы*, – новые *силы* и *порывы* активности и т.д.; активность возобновляется, и, таким образом, осуществляется процесс расширенного воспроизводства деятельности.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы поставить вопрос о *реализме* – иначе говоря, об условиях конгруэнтности «хочу» и «могу» в

¹⁷ Оправданному в некоторых случаях переходу от слов «может/не может» к словам «сможет/не сможет» автор обязан К.С. Лисецкому.

динамике состоятельности. Этот вопрос в иной форме был поставлен В.А. Лефевром, создателем рефлексивной теории.

«Реализм»: аутентичность стремлений и оправданность ожиданий. В центре внимания рефлексивной теории В.А. Лефевра – субъект в среде вместе с образом себя в ней. Подразумевается, что среда способна склонять его к выбору между двумя полюсами: позитивным («добро») и негативным («зло»). Определяется функция готовности субъекта к выбору между полюсами, имеющая вид:

$$X=(x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 \text{ (булева модель)}$$

(для переменных x_1, x_2, x_3, X , принимающих «четкие» значения 0 и 1) и

$$X=x_1+(1-x_1) \times (1-x_2) \times x_3 \text{ (непрерывная модель)}$$

(для тех же переменных на отрезке $[0, 1]$).

Здесь x_1 интерпретируется как «давление среды (к выбору позитивного полюса)»; x_2 – как *представление* субъекта о давлении среды; x_3 – как *интенция* субъекта (выбирать позитивный полюс); « \rightarrow » – логический оператор материальной импликации; X – как *готовность* субъекта выбрать позитивный полюс. В общем случае (объективная) готовность X и (субъективная) интенция x_3 не совпадают. В случае, если они равны друг другу, выборы субъекта обозначаются как интенциональные, а субъекта выбора В.А. Лефевр называет *реалистом*.

В.А. Лефевр (*Лефевр*, 1996) первым описал то, что было обозначено им как выборы «реалиста», различая при этом субъективную склонность человека к выбору одного из двух полюсов (выбор между «добром» и «злом») и – объективную готовность субъекта к подобному выбору.

Отметим, что вводя конструкт – «реалист», «реализм», В.А. Лефевр осуществил то, что абсолютно выпало из поля зрения психологов разных теоретических и практических ориентаций. Перебрасывается мост между субъективными и объективными аспектами активности человека. Идея фундаментальна. По своему содержанию она сопоставима – по контрасту – с идеей *иллюзии*, которая так же, как и реализм, характеризует соотношение субъективного и объективного, но только в форме несоответствия. «Реализм» – пожалуй, единственная в своем роде идея, описывающая адекватность внутреннего и внешнего, субъективного и объективного и, стало быть, позволяющая соотносить, связывать, «сшивать» конструкты интроспективной и поведенческой психологии. С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев в своих проектах теории деятельности искали форму объединения двух психологий. Создатель рефлексивной теории В.А. Лефевр предъявляет нам нечто большее. Он предлагает не только «форму», но и *формулу* соотношения субъективного и объективного.

Формула Лефевра:

$$X = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0. \end{cases}$$

Само по себе соотнесение внутреннего и внешнего аспектов выбора и предлагаемая В.А. Лефевром количественная, а не только качественная, форма этого соотнесения, представляет собой, на наш взгляд, выдающееся открытие в области теории, первый опыт различения и синтеза интроспективной и бихевиоральной парадигм в психологии. Нам открывается здесь не какой-нибудь очередной «разговорно-спекулятивный» троп, а реальный переход к деятельностной парадигме, конкретное воплощение столь важной для российской психологической школы идеи единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, идеального и действительного в проявлениях активности человека.

Идея интенциональных, реалистических выборов оказалась удивительно продуктивной. Я убежден, что со временем во многих учебниках психологии появится, например, такая глава: «Перцепция и рефлексия». И в ней будет раздел, посвященный «функции готовности к выбору», «реализму», а также еще – «золотому сечению», открытию В.А. Лефевра в области психологии восприятия. Наряду с феноменами Пиаже, Зейгарник, эффектом Узнадзе, будет сказано о феноменах и эффектах Лефевра.

Итак, одно дело иметь интенцию к действию («я намерен»), и другое – быть готовым к тому, чтобы реально действовать в выбранном направлении, когда человек готов сделать именно то, что намерен. В этом случае мы будем говорить о «реализме-1» – *аутентичности стремлений*.

Но возможен и другой взгляд на соответствие между интенциями и готовностью к действию – когда мы рассматриваем ее (готовность, в наших терминах «стремление») как проявление *возможностей*, аккумулярованных на предшествующей ступени активности, и фокусируемся на адекватности этих возможностей интенциям. Иначе говоря, выявляем уровень соответствия между *интенциями* и *дееспособностью* ($\forall N_i$ и $\forall N_{i+1}$).

Различая в состоятельности человека две стороны: *могу* и *хочу*, мы можем также сравнивать исходные стремления и достигаемые результаты на том или ином витке активности, а также – силу стремления на данном витке активности и обретаемые возможности на данном и *последующих* витках. В случае совпадения «хочу» и «могу» говорим о «реализме-2» (*оправданности ожиданий*).

Отталкиваясь от принятых допущений относительно оптимума благополучия и, соответственно, *теорем оптимума состоятельности*¹⁸, можно показать, что если сопоставить силу «порыва» на первой ступени активности с показателями состоятельности на других ее ступенях (предвосхищение будущих достижений, уверенность в себе, дееспособность, результативность), то, при условии оптимума, мы придем к уже отмеченной нами выше «золотой пропорции» между внутренними устремлениями субъекта и внешними условиями их реализации – «золотой точке» гармонии.

И те же самые условия *достаточны* для того, чтобы выполнялось базовое определение выбора «реалистов» в терминах В.А. Лефевра. Ситуация оптимума благополучия в модели состоятельности-дееспособности обеспечивает не только совпадение устремлений субъекта и итогов его активности на каждой ступени, но и сквозное соответствие устремлений на разных ступенях активности, начиная с первой (исходный импульс активности). Таким образом, условия аутентичности стремлений совпадают здесь с условиями «оправданности ожиданий».

¹⁸ См. главу 20 п. 2.

ГЛАВА 21. ТРИУМВИРАТ СУБЪЕКТОВ: ТРАНЗАКТНАЯ МОДЕЛЬ ВЫБОРА

БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫБОРА И ТРАНЗАКТНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ

Индивидуальность: триумвират субъектов (транзактная модель). Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несоответствия разных *Я* и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного *Я*», автору ближе всего Эрик Берн. Я уже писал ранее, в послесловии к его книге о том, что, на мой взгляд, Берн – это Выготский современной психотерапии, создатель – как он сам ее называл – *социальной психиатрии*, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов...).

Берновская модель позволяет по-новому взглянуть на классические сюжеты диалогичности сознания, оставленные нам в наследство М.М. Бахтиным, раскрыть психологическое своеобразие взаимоотношений между такими полюсами сознания, которые я называю «Мое Я» и «Мое Ты» (у Ф.Д. Горбова, Я–ВТОРОЕ Я. – *Горбов*, 2000). Фактически, мы можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя, успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки» – сказали ему; и он взял себя в руки, прижал к груди и отнес в тихое место: нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Каждое «Мое Я» и «Мое Ты» могут быть представлены в виде трехчастной структуры – Родитель, Взрослый, Дитя.

Различение и соотнесение конструкторов «Мое Я» – «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов.

Один из примеров: в дипломном исследовании М.В. Анисимовой фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интеллектуальных задач – диалоги «Мое Я» – «Мое Ты». При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах само-

му себе, определении эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительско-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

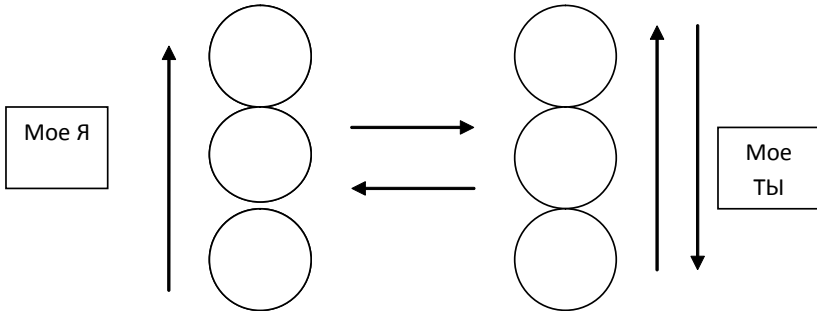

Рис. 21.1. Транзакции в пространстве индивидуальности (стрелками обозначены потоки катексиса)

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно он лежит в основе большого числа исследований, в которых мы застаем человека перед лицом выбора (я имею в виду как психологические, так и социологические исследования).

Выбор, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно если речь идет о выборах важных, судьбоносных, я называю их экзистенциальными выборами.

А. Данная глава содержит опыт психологической интерпретации рефлексивной модели нормированного поведения (Таран, 2000, 2001а, б), представляющей собой, в свою очередь, булеву версию «функции готовности субъекта к биполярному выбору» (Лефевр, 1996). Воспроизведем, следуя автору рефлексивной модели нормированного поведения, Т.А.Таран, основные понятия, описывающие многозначные булевы системы норм¹⁹:

¹⁹ Я воспроизвожу здесь полностью фрагмент работы Т.А. Таран, включенный, спустя ряд лет, в нашу совместную статью (Петровский В.А., Таран, 2002а). Несколько слов о том, как возникла эта работа. Первая личная встреча с математиком из Киева, Татьяной Архиповой Таран, произошла в Москве, на 1-й, как многие из нас называют ее, *лефевровской конференции*, посвященной рефлексивным процессам и управлению (раз в два года, неизменно, под водительством профессора Владимира

«Система норм строится следующим образом <...> Рассматривается множество альтернативных действий, между которыми происходит выбор. Каждая альтернатива оценивается на множестве биполярных шкал с позитивным и негативным полюсами. Полагаем, что позитивный полюс (I) соответствует некоторой *норме*, а негативный полюс (0) соответствует ее противоположности, которую называем *антинормой*. Например, на шкале *выгодно–невыгодно* позитивным полюсом может быть *выгодно*, негативным – *невыгодно*, на шкале *честно–нечестно* позитивный полюс – *честно*, негативный – *нечестно*. Тогда двоичный выбор между позитивным и негативным полюсами (то есть между I и 0) может интерпретироваться как выбор между *нормой* и *антинормой*.

Декартово произведение таких шкал образует частично упорядоченное множество различных комбинаций *норм* и *антинорм*. Эти комбинации мы назовем *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Если обозначить каждую *норму* I , а *антинорму* – 0 , то каждой *слабой норме* и *слабой антинорме* соответствуют два дополнительных по отношению друг к другу булевых вектора.

Декартово произведение n бинарных шкал образует частично упорядоченное множество норм $D = \langle L, \leq \rangle$, где $L = 2^n$ – булева решетка. Единицу решетки ($\sup L = I$) будем называть общей *Нормой*, а нуль ($\inf L = 0$) – общей *Антинормой*. Промежуточные значения $x \in L$, такие, что $0 < x < I$, то есть лежащие между *Нормой* и *Антинормой*, являются *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Каждая *слабая антинорма* – это значение, противоположное *слабой норме*. Если некоторое

Евгеньевича Лепского, собирается Конференция, стимулируя сознание российской общественности идеями, способными «сдружить» («сплюсовать»), хотя бы на время, математиков, философов, методологов, социологов, кибернетиков, управленцев, психологов, ... даже поэтов.

Т.А. Таран, зная меня до этой встречи лишь заочно, по работе «К построению алгебры когито: опыт игры в бисер» (Петровский В.А., 1997а), предложила поработать вместе, дав как заправку статью «Многозначные булевы модели рефлексивного выбора» (Таран, 2000). Предполагалось, что я смогу осуществить психологическую интерпретацию формальных построений из этой статьи. Я работал около года. «Да ведь это совершенно Ваша работа!» – великодушно признала Татьяна Архиповна, прочитав большой текст, и предложила мне опубликовать тезисы самостоятельно, что я и сделал в 2001 году. Потом мы подготовили с ней общий текст, где были объединены «булевы» истоки концепции (работы самой Т.А. Таран) и их психологическое развитие («мультисубъектный подход», развиваемый в работах автора этих строк). Именно эта общая работа составляет содержание настоящей главы.

Встреча с Т.А. Таран (а до этого – с В.А. Лефевром, с которым она сотрудничала идейно и лично) была для меня одним из важных событий в жизни. Вслед за «Алгеброй когито», я развиваю свою, еще ненаписанную, «Алгебру активности» в мысленных диалогах с В.А. Лефевром и Т.А. Таран. Татьяне Архиповне, столь рано ушедшей из жизни, я посвятил не так давно вышедшую книгу «Логика “Я”» (2008б).

значение $x \in L$ – *слабая норма*, то значение $x' \in L$, которое является дополнением x в булевой решетке L , – *слабая антинорма*, и наоборот. Отношение порядка \leq на множестве *слабых норм* и *слабых антинорм* будем интерпретировать так: *норма* x – **более слабая норма (антинорма)**, чем y , если $x \leq y$. Соответственно, в этом случае y – **менее слабая**, то есть **более сильная норма (антинорма)**. Тогда общая *Норма* – наиболее сильная из всех *норм* и *антинорм*.

Любая булева решетка образует многозначную булеву алгебру (Биркгоф, 1952), которая изоморфна булевой логике на множестве норм $B_n = \langle L, \vee, \&, \neg \rangle$ с операциями дизъюнкции $x \vee y \equiv \sup\{x, y\}$ и конъюнкции $x \& y \equiv \inf\{x, y\}$, где $x, y \in L$. Операция отрицания $\neg x$ соответствует дополнению x в решетке L .

Многозначную булеву логику B_n , построенную таким образом, назовем *логикой норм*. Будем полагать, что выделенным истинностным значением логики норм является *Норма*: I . Значения x и y могут оказаться несравнимыми на шкале норм. Значение импликации $x \rightarrow y$ ²⁰ определяется как точная верхняя грань значений $\neg x, y: x \rightarrow y = \neg x \vee y = \sup\{\neg x, y\}$. Импликация будет принимать значение, равное I , во всех случаях, когда $x \leq y$, то есть:

$$|x \rightarrow y| = I, \text{ если и только если } x \leq y$$

Из свойств импликации следует, что в логике норм, во-первых, выполняется принцип тождества: $|x \rightarrow x| = I$, а во-вторых, если $x < y$, то $|x \rightarrow y| = I$, то есть из более слабой *нормы (антинормы)* x всегда следует менее слабая y (иными словами, более сильная).

Каждое действие, которое субъект может выбрать в некоторой ситуации, получает оценку на шкале норм. Модель рефлексивного поведения отражает готовность субъекта к выбору действия, удовлетворяющего определенному подмножеству норм. Поэтому в дальнейшем под *альтернативой* мы будем понимать ту или иную (*слабую*) *норму* или *антинорму* на булевой шкале норм» (Таран, 2000).

Отталкиваясь от этих понятий, введенных Т.А. Таран, будем в дальнейшем булеву версию функции готовности субъекта к выбору, $A = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, именовать *базовой моделью рефлексивного выбора* (или, более кратко, – «базовой моделью»).

Базовая модель представляет собой оригинальную версию капитальной идеи В. Лефевра, описывающей готовность субъекта к выбору, и, таким образом, воспроизводит в себе принцип осмысления переменных, фигурирующих в формуле $A = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ (мы будем далее называть эти переменные *основными* переменными базовой модели, а перемен-

²⁰ В этой главе используем традиционную запись импликации – *стрелочку* (\rightarrow), а не *бумеранг* (\Leftarrow).

ные, получаемые в результате логических операций, производимых над основными переменными, соответственно, *порожденными* переменными). В базовой модели выбора переменная $a1$ интерпретируется как давление среды к выбору одной из альтернатив: *Нормы, Антинормы, слабой нормы* или *слабой антинормы*. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной $a2$. Это то, чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Эти ожидания складываются на основании предыдущего опыта субъекта. Переменная $a3$ описывает планы субъекта, касающиеся выбора одной из альтернатив, то есть его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. A – это та альтернатива (оценка действия на шкале норм), которую субъект готов выбрать (Таран, 2000). Предполагается, что переменные формулы готовности субъекта могут принимать любые значения на булевой решетке норм $\langle L, \leq \rangle$ независимо друг от друга.

Отметим, что следствия, выводимые формально из базовой модели выбора, доказали свою значимость для разработки проблем рефлексивного управления, позволили автору модели ввести новые теоретические конструкты, а также уточнить ранее описанные («реалистический выбор», «рефлексивное программирование», «реактивный способ существования», «нормативное поведение», «самооценка» и др.).

Б. Думается, что всем этим не ограничивается сфера возможного использования базовой модели рефлексивного выбора Т.А. Таран. Вопрос состоит в том, насколько приемлемы и действенны те же формальные посылки и следствия в области фундаментальной и практической психологии личности – прежде всего в тех областях, где главенствует принцип несовпадения рефлексивных и до-рефлексивных уровней построения поведения и сознания субъекта (с проблемами такого рода постоянно сталкиваются педагоги, психологи-консультанты, психотерапевты).

Существуют, как минимум, два возможных пути дальнейшей работы с моделью. Первый из них – это поиск фактов (не столь уж важно, из каких областей психологической теории и практики они почерпнуты), которые бы иллюстрировали оправданность выводов, полученных формальным путем. Этот путь – вполне достоин того, что бы отнести к нему с должной серьезностью. Если подобное удастся, то это означает, что формальная модель «работает на самое себя», обогащаясь все большим числом подтверждений и превращаясь тем самым в ядро новой теории. В некоторых главах этой книги мы придерживаемся данной траектории следования.

Но есть и другой путь – пожалуй, именно в нем непосредственно заинтересованы психологи, консультанты и психотерапевты. Это – взаимосопряжение базовой модели рефлексивного выбора, с одной стороны,

и некоторой иной, уже существующей в науке, но также нуждающейся в своем развитии модели интерпретации поведения человека в условиях выбора – с другой стороны. В данной главе мы избираем для себя второй путь. На этом пути нам надлежит выяснить, какие психологические реалии, фигурирующие в составе некоторой психологической теории, а не «вообще в психологии», вырисовываются за терминами рефлексивной теории В. Лефевра и булевой версии функции готовности субъекта к выбору Т. Таран (Таран, 2000).

Итак, разрабатывая психологическую интерпретацию базовой модели, мы исходим из двух посылок. Первая состоит в том, что такая интерпретация должна быть не «какой-нибудь» психологической версией формальной теории, а «семантизацией» формальных отношений в составе некоторой, находящейся в развитии, *психологической теории*. Вторая посылка – это условие семантической совместимости искомой психологической версии базовой модели и исходной интерпретации основных ее терминов в теории В. Лефевра и модели Т. Таран.

Иными словами, принимаемая здесь задача заключается в том, чтобы сохранить смысл этой формулы, в исходном варианте описывающей выбор субъекта, обладающего интенциями, ожиданиями и испытывающего на себе воздействие среды. В рамках этой задачи, необходимо ответить на такие вопросы: **чем** – психологически – могли бы являться основные конструкты базовой модели выбора, такие как «давление среды» (« $a1$ »), «представление о давлении среды» (« $a2$ »), «интенции или желания, которые (субъект) хотел бы осуществить в будущем» (« $a3$ ») и, наконец, сама «функция готовности субъекта к выбору» (« $A=(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ »). Должны быть осмыслены также производные конструкты, символизированные выражениями: « $a2 \rightarrow a1$ » и « $a3 \rightarrow a2$ », и – пока еще «безымянные» – знакосочетания « $\neg a2$ », « $\neg a3$ », « $a1 \& \neg a2$ » и др.

При этом мы будем считать вполне допустимым, что некоторые элементы, производные от основных элементов базовой модели, приобретут иное прочтение. Таким образом, будущая интерпретация должна предоставить основным и производным элементам как бы дополнительное местожительство – на территории уже существующей психологической теории. Разумеется, при этом будут уточняться понятия и самой психологической теории, предоставляющей свои ресурсы в пользование математической модели (иначе – «состыковка» моделей – праздная трата времени). Иными словами, «приглашающая сторона» – психологическая теория, позволяющая использовать свои понятия, – не остается безучастной к тем, кто пользуется ее гостеприимством. Она проявляет подлинный интерес, рассчитывая получить что-то в ответ. Например – критерии для оценки имеющихся ресурсов, возможностей расширения своих владений и т.д., и т.п. Вполне естественно, что «гостям», при обустройстве их жилья, разрешены определенные перестановки, отделка,

новое функциональное использование предметов, а также дизайн по собственному вкусу.

Попробуем теперь ответить на центральный вопрос: с какой из психологических моделей описания личности (теорий личности) могла бы вступить в продуктивный «диалог» базовая модель рефлексивного выбора?

В. Наша общее предположение состоит в том, что в психологии *есть такая модель* и что этой психологической моделью понимания личности является эго-структура личности в транзактном анализе Эрика Берна.

Кратко напомним читателю, каковы структурно-функциональные блоки интерпретации личности в теории Э. Берна. При ее разработке Э. Берн исходит из трех постулатов (положений, «которым до сих пор не найдено исключений»); воспроизведем эти «прагматические постулаты» из книги, в которой ее автор предлагает наиболее строгое изложение основ своей теории (Берн, 2001):

1. Каждый взрослый человек был когда-то ребенком.
2. Любой человек, чей мозг в достаточной степени функционально развит, потенциально способен проверять реальность.
3. Каждый человек, достигший взрослого возраста, имел родителей или лиц, замещающих родителей.

Соответствующие гипотезы автора транзактного анализа таковы:

1. Пережитки детства сохраняются в последующей жизни в виде целостных эго-состояний (археопсихические пережитки).
2. Проверка реальности является функцией отдельных эго-состояний, а не изолированной «способностью» (неопсихическое функционирование).
3. Исполнительную власть может брать на себя целостное эго-состояние, взятое у другого человека в том виде, в котором он был воспринят (экстеропсихическое функционирование).

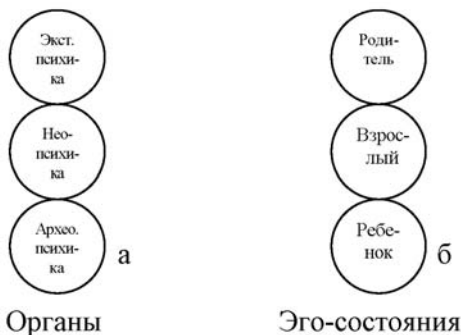

Рис. 21.2. Структура личности, состоящая из трех органов (а), которые проявляются как три эго-состояния (б)

Структура личности состоит из трех органов: экстеропсихики, неопсихики и археопсихики (см. рис. 21.2а). «Феноменологически и операционально» эти органы личности «проявляются как три типа эго-состояний, которые, соответственно, называются Родитель, Взрослый, Ребенок» (рис. 21.2б).

Каждое из эго-состояний обладает тем качеством, которое может быть обозначено как «субъектность» (Петровский, 2003); эго-состояния – нечто большее, чем просто специфические паттерны мыслей, представлений, чувств, действий. «Деление на три элемента, – пишет Берн, – следует понимать вполне буквально. Это как если бы в каждом пациенте присутствовали три разных человека» (Берн, 2001, с. 272)²¹. Мы делаем акцент на субъектности эго-состояний, чтобы подчеркнуть: личность есть единомножие субъектов, полисубъектное образование; каждый из образующих личность субъектов может обладать особыми запросами, что и задает, в силу возможных здесь противоречий, ситуацию выбора.

Транзактная интерпретация элементов базовой модели рефлексивного выбора. Прежде чем сделать следующий шаг в построении транзактной версии базовой модели рефлексивного выбора, определим некоторые новые способы осмысления символов, фигурирующих в базовой модели. Заметим, что при этом логическая форма модели, механизм выведения следствий, общий смысл построений остаются неизменными.

Мы будем говорить о «ценностях», «интересах», «притязаниях», «валентностях», «значимостях» и т.п., реализуя в них фундаментальную идею «нормы» базовой модели; мы будем использовать здесь обобщающий термин «запрос», имея в виду многомерный вектор активности эго-состояний субъекта и говоря, соответственно, о булевой решетке запросов (в конечном счете мы сможем вернуть к решетке собственно *норм*, определяя в дальнейшем меру *нормативности* субъекта). По аналогии с «более сильными» и «более слабыми нормами», мы будем говорить также о *более развитых* и *менее развитых* запросах (в качестве сино-

²¹ Приведем еще два высказывания Берна, чтобы подчеркнуть субъектность эго-состояний, тот факт, что они для создателя транзактного анализа – не просто некие «состояния», свойственные индивиду, но каждое есть его особое «я», пребывающее в тех или иных состояниях: «Вмешательство терапевта будет идеальным тогда, когда оно попадет точно в цель, то есть существенно и приемлемо для всех трех аспектов личности пациента, поскольку все три услышали, что он сказал» (Берн, 2001, с. 273); «Терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель предает Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка раскритиковаться? Или это Ребенок продолжает свою игру с целью “спасти лицо”, хотя и упрощает ее для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?» (Берн, 2000, с. 257).

нимов могут использоваться такие слова, как «более активные» («более выраженные», «более интенсивные» и т.п.) – «менее активные» («более пассивные», «более скромные» и т.п.) запросы²². В соответствии с этим, о самом субъекте запроса мы говорим как о «более активном» (притязательном, амбициозном, пристрастном, вовлеченном и т.п.) и – «менее активном» (такой субъект описывается как более «непритязательный», «менее амбициозный», он – «пассивнее», «беспристрастнее», «безучастнее», и т.п.). Сравнивая запросы субъектов, мы говорим также, что один запрос *превосходит* другой или *уступает* ему. О запросах субъектов, соответствующих «несравнимым» элементам на булевой решетке норм, говорим, что запросы этих субъектов *расходятся* (о самих субъектах – что они *расходятся в своих запросах*). Ситуацию «несравнимости» элементов, в соответствии с традицией, мы будем обозначать символом «||».

Рассмотрим теперь подробнее и подвергнем взаимной интерпретации основные элементы базовой модели выбора и то, что выше было обозначено как запросы Ребенка, Родителя и Взрослого.

Наиболее общая идея настоящей работы заключается в том, что «запросы» Ребенка сопоставимы с «реальным давлением среды» (*a1*), запросы Родителя – с «представлениями о давлении среды» (*a2*), а запросы Взрослого – с «интенциями субъекта» (*a3*).

В настоящей работе мы только заметим теоретико-психологическое и формально-логическое обоснование данного положения.

«Давление среды» – «Запросы Ребенка». Эго-состояние «Ребенок» у Берна полнится импульсами, влечениями, ему свойственно то, что Курт Левин, основатель «топологической психологии», называл «полевым поведением». Берновский Ребенок не задумывается о последствиях своих реакций, – он не рефлексивен, а рефлекторен.

Вот почему, в частности, запросам Ребенка (в дальнейшем – *D*²³) мы ставим в соответствие символ «*a1*» базовой модели Т. Таран.

Раскроем эту версию подробнее. Прежде всего, заметим, что «давление среды» феноменологически есть то, что *переживается* субъектом как исходящее *из* среды, как нечто, действующее на субъекта *извне* (здесь подходят такие термины как «требование среды», а также левиновский термин «валентность» – то есть непосредственная привлекательность стимула), но при этом – как нечто, воплощающееся в ответное действие индивида *на* среду. Переживается *тенденция* к такому действию, сама

²² По сути, само сравнение запросов («более развитый» – «менее развитый»), если только оно осмысливается аксиологически, в терминах «лучше – хуже», возможно при условии того, что эти запросы «проецируются» на булеву решетку норм.

²³ В транзактном анализе принято использовать аббревиатуру *D* («Дитя») вместо *P* («Ребенок»), чтобы в записи не возникало смешения с *P* («Родителем»). Иногда, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о Естественном Ребенке, мы будем использовать запись «*ЕД*».

установка действовать подобным образом (что может быть зарисовано как вектор, направленный *от* субъекта *к* среде). Интерпретируя *aI*, как то, что обнаруживается Ребенком, мы, таким образом, логически включаем в «давление» среды свойства того, кому адресованы «воздействия среды» (через кого эти воздействия проявляются) – подобно тому, как при описании физических и химических свойств вещей мы привлекаем к рассмотрению другие вещи, например, при описании костра – искры, летящие вверх, жар на лице и т.п.; словом, мы различаем «воздействие среды» (безличный абстракт) и «давление среды» (эффект влияния, оказываемого средой на субъекта). «Воздействие среды» – *диспозиционный предикат*, присущий *окружению* субъекта (подобно любому другому диспозиционному предикату, ему логически предписано проявлять себя «через иное»²⁴, то есть в данном случае, через субъекта), а «давление среды» есть сам *феномен* ответственности среды на субъект – эффект влияния, которое она на него оказывает (переживания и тенденции самого субъекта, той его «части», которая может быть описана в терминах «эго-состояние Дитя»).

По своей природе, «*aI*», таким образом, есть результат взаимодействия двух невидимых величин: *a'I* и *a''I*. Первое описывает «среду как таковую», второе – «субъекта как такового». Эти абстрактные сущности («теоретические конструкты») суть, конечно, мнимости нашего разума. «Мнимость» здесь выступает не в математическом, а в изначальном языковом смысле – от слова «мнить», «мыслить». Но, если позволить себе математические аналогии, трудно не соблазниться идеей *произведения* двух *противостоящих друг другу мнимостей*, в простейшем случае, « $i = \sqrt{-1}$ » и « $-i = -\sqrt{-1}$ », что при перемножении дает единицу « $+1$ » *действительного* «давления среды».

Итак, если признать, что «давление среды» есть «валентность» элементов «поля» (а как не признать это?), и валентность этих элементов рассматривать как источник «полевого поведения» (все это термины К. Левина), то родственность понятий «давление среды» и «запросы Ребенка» превращается в нечто само собой разумеющееся. Добавим также, что «импульсивное» («полевое») поведение субъекта, если следовать психологической классике, соотносимо с поведением ребенка и только ребенка (оно может наблюдаться у взрослых при регрессии возраста). Если принять сказанное, то, формально, «запросы Ребенка», в качестве транзактного эквивалента «давления среды», «*aI*», мы могли бы определить далее как «пересечение» двух элемен-

²⁴ Изящную логическую теорию «диспозиционных предикатов» мы встречаем у логика Л. Рвачева в книге «Математика и семантика» (Рвачев, 1966). В своих работах он, в частности, вводит понятие «прибора» (как средства «проявления» свойств вещей) и, между прочим, формально показывает, что «быть вещью» не есть свойство вещи.

тов: $a1=(a1)' \&(a1)»$, где $(a1)'$ – потенциальный запрос («провокативность») среды по отношению к Ребенку и $«(a1)»$ – потенциальный запрос Ребенка (говоря – «потенциальный» – мы подчеркиваем, что это «диспозиционный предикат», или, если воспользоваться термином А.С. Прангишвили²⁵ – «предиспозиция» реагирования) по отношению к среде. Например, элемент $a1=(0,1,0)$ может рассматриваться как результат пересечения элементов $(a1)'=(1,1,0)$ и $«(a1)»=(0,1,1)$ и т.п. Остается добавить, что параметры среды при этом могут варьировать в пределах: $(a1)'_{max}=(1,1,1)$ – «поддерживающая» («стимулирующая», «принимаящая») среда и $(a1)'_{min}=(0,0,0)$ – «отвергающая» («противодействующая») среда; точно также предиспозиции Ребенка варьируют между полюсами: $(a1)'_{max}=(1,1,1)$ – «активный» («открытый», «инициативный») Ребенок и $(a1)'_{min}=(0,0,0)$ – «пассивный» («защищающийся», «апатичный») Ребенок. «Отвергающая» среда режет под корень все потенциальные запросы Ребенка (они так и остаются не актуализированными), а пассивный Ребенок загодя упраздняет все, что предлагает ему среда.

«Представление о давлении среды» – «Запросы Родителя». Берновский Родитель – носитель «совершенного» знания (причем «совершенство» этого знания большей частью сомнительно). Первые представления ребенка о себе производны от того, что говорят о нем и как видят его родители (Кули, Дж. Мид). Но потом этот взгляд может существенно измениться.

Вдумаемся в слово «представить». Оно означает, что нечто, о чем идет речь, существует (или «поставлено») «перед», «пред». Представление о давлении среды на субъекта охватывает два противостоящих друг другу момента: «образ среды» и «образ себя (в качестве объекта воздействия или в качестве субъекта, противостоящего этому воздействию)». Но «образ себя» всегда предполагает взгляд на себя «со стороны», с позиции кого-то другого. Онтогенетически (в аспекте развития ребенка) другой человек, с позиции которого реализуется «сторонний взгляд», – это тот, кто воспитывает ребенка: родители. Родителям свойственна еще одна роль: предвидение будущего (или так, по крайней мере, кажется самому ребенку). Речь идет о том, что в некоторой области проявлений субъекта последствия его действий предсказуемы (родители почти наверняка знают, что произойдет, если ребенок оступится, поднимаясь по лестнице и т.п.)²⁶. Инерция того, что

²⁵ А.С. Прангишвили – теоретик, представитель «психологии установки» Д.Н. Узнадзе.

²⁶ «Проявления Родителя – это, своего рода, воспоминания о Будущем. Действительно, воспитывающий взрослый в глазах интроецирующего его ребенка неотвратимым образом детерминирует его поведение, точно зная, что произойдет дальше. И то правда, – что в детстве воспитывающие взрослые часто дальновиднее

«кто-то знает», сохраняется на протяжении всей человеческой жизни, хотя интеллектуально (с позиции Взрослого, «умом») некоторые люди способны преодолеть такую иллюзию. Вот почему, если предположить, что представление о том, чего требует среда (образ должного), «ожидание» (то, «чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации» – Т. Таран), имеет своего субъекта, того, «кто знает», логично соотносить с родительской фигурой, запечатленной в психике субъекта (заимствованный опыт того, кто воспитывал).

Итак, запросам Родителя (в дальнейшем – *P*) мы можем поставить в соответствие символ *a2* базовой модели выбора.

«Интенции» – «Запросы Взрослого». Берновский Взрослый исповедует принцип реальности. Взрослому свойственна объективность, автономия, бытие «здесь и теперь». Способность Взрослого быть «здесь и теперь», конечно, не означает, что кругозор Взрослого ограничен сиюминутным. Наоборот, Взрослый – целелогающее существо. Он помышляет о том, что будет «там и тогда», и, тестируя реальность, прогнозирует и проектирует будущее. Эго-состояние «Взрослый» характеризует центр самосознания личности, источник разумной воли.

Все сказанное о Взрослом и позволяет нам утверждать, что запросам Взрослого (в дальнейшем – *B*) в базовой модели выбора соответствует переменная *a3*, которая «описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, то есть его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем».

Остается дать также транзактную интерпретацию булевой версии функции готовности субъекта к выбору («оценку действия на шкале норм»), $A=(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, и предложить психологическую трактовку «производных» элементов базовой модели выбора, таких как $\neg a2$, $\neg a3$, придавая им особый статус в построении поведения личности. Особое значение будет приписано знаменитым комбинациям $a3 \rightarrow a2$ и $a2 \rightarrow a1$ (обо всем этом – далее).

детей и вполне в силах заставить их действовать в соответствии со своими личными представлениями о желаемом и должном (образами «потребного будущего»). Когда взрослые хотят заставить детей сделать что-то, они высказываются в прошедшем времени, как бы взирая из будущего. Они говорят, например: «Так! (только Родитель знает «как»)... Все встали... Сели... Раскрыли портфели... Взяли ручки...» (будто бы все это уже было когда-то). Педагог Михаил Щетинин напомнил мне фразу, которую, как он сказал, понимают все школьники, хотя она, конечно, совершенно абсурдна. Повторю слово в слово: «Тыча в ребенка пальцем, учитель – грозно: “Ты – почему?!” (и дети начинают лихорадочно оправдываться)». Сама эта фраза подчеркивает чисто Родительскую логику мировосприятия: «Все имеет свой смысл» (см. главу «Смысловые миры личности»); ребенок обязан заранее знать его и с ним считаться. Родитель олицетворяет аристотелевскую энтелехию, вживленную в психику ребенка и «продвигающую» его к заранее предопределенному и известному результату (Петровский В.А., 2001а).

Сопоставляя элементы $a3$, $a2$, $a1$ – с одной стороны, и P , B , D – с другой, мы не можем обойти молчанием еще один важный аспект соотнесения базовой модели выбора и транзактной ее интерпретации. В предлагаемой транзактной версии запросы субъекта (запросы его Взрослого, Родителя, Ребенка), логическим прототипом которых выступают для нас символы $a3$, $a2$, $a1$ базовой модели выбора, суть явления *одного и того же порядка* (в отличие от «интенций», «ожиданий» и «давления среды» исходной модели). Почему мы ставим ударение на этом? Если предположить, что явления, скрывающиеся за символами $a3$, $a2$, $a1$, были бы разноплановы (гетерогенны, разноосновны), то как, спрашивается, они могли бы вступать в конкурентные или коалиционные отношения друг с другом? Но именно эти отношения образуют смысл построения транзактной версии базовой модели выбора, ибо нас интересуют «выборы» человека в условиях столкновения интересов, присущих тем или иным «частям» его личности, – «субъектам», из которых она «состоит». Тот факт, что эти запросы, как мы выясним далее, качественно своеобразны, что их роль в регуляции поведения неодинакова и что они принадлежат разным стратам сознания субъекта, вполне совместим с утверждением, что они идентичны в главном: быть вектором активности, исходящей из эго-состояний личности (от субъекта – вовне).

Остановимся теперь на характеристике рассмотренных эго-состояний, делая акцент на запросах, им свойственных; раскроем также возможное соответствие между всем комплексом элементов, фигурирующих в базовой модели выбора, и многообразием элементов транзактной модели описания личности.

Будем теперь продвигаться в нашем дальнейшем исследовании, на этот раз, в обратном порядке: запросы Взрослого ($a3$), запросы Родителя ($a2$), запросы Ребенка ($a1$). В чем специфика этих запросов? К чему стремится каждая из указанных «подсистем» субъекта активности?

Взрослый нацелен на эффективность; он развивает новые способности, преодолевает препятствия, выдвигает новые задачи, обогащающие его жизнь (ведущая мотивация Взрослого – «могу», «способен», «достигну», «научусь», «узнаю», «сделаю», а также – «это эффективно», «это полезно», «это целесообразно» и т.п.). Определяющий признак всех ценностей Взрослого – расширение *возможностей* жить, действовать, постигать, творить. Все это служит цели саморазвития и развития другого, других, в том числе и тех, кто «живет» внутри, – обогащения сферы «могу», «можешь». Каждая ценность, которую осваивает Взрослый, – это еще один инструмент его собственного бытия и бытия другого, новый источник опыта. В терминах, которые были использованы прежде в работах автора, посвященных проблеме активности субъекта (Петровский В.А., 1996), сказанное можно было бы выразить так: опре-

деляющим признаком всех ценностей Взрослого является обретение субъектом новых возможностей *движения деятельности и общения*, выхода за пределы освоенного. Одна из задач Взрослого – гармонизация взаимоотношений между собой (эго-состояние «Взрослый») и другими инстанциями личности (эго-состояния «Родитель» и «Ребенок»). Выдающуюся роль в этих процессах играет саморефлексия²⁷.

Итак, запросы Взрослого, вместе с негативными полюсами шкалы, можно обозначить в таких словах, как: «есть нужда – нет нужды», «приемлемо – сомнительно», «возможно – проблематично», «необходимо – необязательно», «было бы разумно так сделать – можно обойтись без этого», «Игра стоит свеч!» – «Стоит ли браться?», «Лучше так, чем иначе» – «Не будем спешить с выводами» и т.д. и т.п. Когда мы спрашиваем у кого-то: «Да надо ли Вам это?», мы обращаемся к запросам Взрослого. Точно также, когда транзактный аналитик говорит клиенту: «Вы действительно этого хотите?»²⁸, он обращается к Взрослой части его личности. Иногда апелляция к Взрослому имеет характер вразумляющего напоминания: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным...»

Родитель отслеживает притязания Ребенка, осуществляет контроль над его нуждами, а также содействует их осуществлению. Выделяются две разновидности Родителя: Контролирующий Родитель и Опекающий Родитель (см. рис. 21.3).

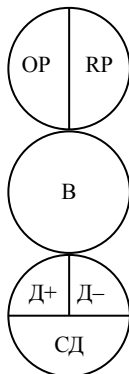

Рис. 21.3. Две разновидности Родителя:
Контролирующий и Опекающий

²⁷ «Всякий раз, когда отодвигаются рамки неявного, нерелексируемого знания за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки» (Корнилова, Смирнов, 2006).

²⁸ Излюбленный вопрос Берна.

Контролирующий Родитель стремится властвовать над другими. Определяющий признак всех его ценностей – *долженствование*, требование, чтобы кто-то *обладал* чем-то, *исполнял* что-то (наставления). Он требует, чтобы окружающие соответствовали его представлениям о должном; мотив – «долг», «требование: ты обязан быть таким, каким я хочу тебя видеть», «я заставлю тебя соответствовать этому!» (запрещено что-то иное)²⁹. Таков позитивный полюс шкалы. Негативный полюс – это *разрешения* («позволено», «можешь не делать этого», «можешь не иметь этого» и т.п.).

Запросам Контролирующего Родителя (в дальнейшем – *КР*) поставим в соответствие символ a_2 базовой модели выбора, помня о том, что a_2 в этом случае превосходит a_1 ($a_2 > a_1$) или a_2 несравнимо с a_1 ($a_2 \parallel a_1$).

Опекающий Родитель стремится поддерживать других, он потворствует окружающим в осуществлении их нужд, исходит не столько из объективного интереса, сколько из субъективных потребностей тех, о ком заботится (мотив – «помогу», «научу», «сделаю для тебя», «поделюсь с тобой» и т.д., и т.п.). Определяющий признак всех ценностей Опекающего Родителя – обеспечение свобод и интересов других людей, *действие «во имя»* кого-либо. При этом Опекающему Родителю, если иметь в виду позитивный полюс его запросов, свойственна та же требовательность и настойчивость, что и Контролирующему Родителю: «Ты *должен* делать то, что ты хочешь», «Тебе *нужно* воспользоваться тем, что тебе поможет»; негативный полюс – те же *разрешения* («позволено», «можешь»), что и в случае Контролирующего Родителя.

Запросам Опекающего Родителя (сокращенно – *ОР*) поставим в соответствие элемент a_2 базовой модели при условии, что a_2 *меньше или равно* a_1 ($a_2 \leq a_1$). (Для простоты мы не вводим специальных символов, противопоставляющих Контролирующего и Опекающего Родителя.)

Авторитарный Родитель. Рассмотрим импликацию $B \rightarrow P$ (за ней, как мы помним, вырисовывается элемент базовой модели $a_3 \rightarrow a_2$). То, что мы получаем в результате расшифровки выводов из данного соотношения при варьировании запросов B и P , может быть описано в терминах *подтверждения или возгонки амбиций Родителя* (под влиянием Взрослого). Мы рассмотрим три возможных здесь случая, чтобы решить, какие предложения должен предъявлять Взрослый для того, чтобы сдерживать амбиции Контролирующего Родителя.

1. $B \leq P$. Если запросы Взрослого соответствуют запросам Родителя, не превосходя их и не расходясь с ними, то Родитель, заручившись

²⁹ Иногда это принимает завуалированные формы: бабушка – внучке: «Кушай курочку!..» (а кормит рыбой). Вы спросите: почему именно «курочку»?! Потому что ребенок не любит рыбку, зато любит курочку.

даже минимальной поддержкой Взрослого, чувствует неограниченный рост своей власти и проявляет предельную требовательность в отношении Естественного Ребенка ($ED=1$). То же самое можно выразить и иначе: Взрослый, ни в чем не оспаривая права Родителя, дает тому, по сути, разрешение «быть строгим», то есть требовать с Ребенка, как говорят, «по полной программе» (вот почему – если говорить о социальных параллелях – в обществе всегда должны быть силы, оппонирующие властям).

2. $B > P$. Если предложения Взрослого превышают запросы Родителя, то последний, как правило, также повышает свои притязания. Выделяются два случая: а) $B \neq 1$: перед нами случай, когда запросы Взрослого умеренны. Что происходит при этом? Из $B > P$ следует $B \rightarrow P > P$, то есть амбиции Родителя, при введении дополнительных стимулов со стороны Взрослого, растут; б) $B=1$: это случай, когда запросы Взрослого максимальны. Последствия здесь выявляются незамедлительно: поскольку Взрослый пытается занять здесь позицию абсолютного доминирования над Родителем, тому не остается ничего лучшего, как просто подтвердить свои притязания (то есть если $B=1$ и $B > P$, то $B \rightarrow P = P$).

3. $B \parallel P$. Запросы Взрослого не превосходят и не уступают запросам Родителя, или, как мы предпочитаем говорить, *расходятся* с запросами Родителя. В этом случае импликация $B \rightarrow P$ приводит к двум вариантам исходов: $\sup \{-B, P\} = P$; $\sup \{-B \rightarrow P\} > P$. В первом случае амбиции Родителя сохраняются, во втором случае растут.

Теперь, если попытаться осмыслить динамику Родителя под влиянием Взрослого, то результат таких воздействий может быть обобщен в понятии *Авторитарный Родитель*. Он возникает как результат *выбора* между исходным уровнем родительских амбиций и «иррациональными» силами ($-B$), образующими альтернативу Взрослому, причем этот выбор никогда не снижает амбиций Родителя.

Ребенок – ранее сложившийся у индивида опыт переживания и поведения. Выделяется несколько разновидностей Ребенка. Говоря о «Ребенке» («просто» Ребенке), до сих пор мы имели в виду то, что в транзактном анализе обозначается как Естественный Ребенок. Именно с Естественным Ребенком (ED) выше мы соотнесли элемент $a1$ базовой модели выбора. Охарактеризуем данное эго-состояние подробнее.

Естественный Ребенок действует не вопреки и не в соответствии, а поверх (помимо) требований Родителя. Естественный Ребенок, так же как и Взрослый, стремится к расширению своих владений, для него самое важное – обладание чем-то (мотив – «хочу, чтобы это у меня было», «я буду делать это, потому что меня притягивает сама возможность делать это»). Парадоксально, но «обладать» для Естественного Ребенка – не значит «практически использовать». И в этом – резкое отличие от Взрослого. Для Естественного Ребенка «ценностно» само наличие

соответствующей ценности; Естественный Ребенок – скорее игрок, чем прагматик, и когда он обладает чем-то, то это обладание «незначем»... Мир притягивает или отталкивает ребенка, пробуждает влечение или отторжение независимо от того, будет ли соответствующий объект использован или нет – Ребенок не задумывается – не успевает задуматься – над этим.

Запросы Ребенка – это просто: «хочу – не хочу».

Наряду с Естественным Ребенком, мы определяем особый конструкт, имя которого присутствует в транзактном анализе, а содержание требует дополнительного уточнения. Мы говорим о «Свободном Ребенке». Соотношение Свободного Ребенка и Естественного Ребенка – если отталкиваться от анализа текстов Эрика Берна и его последователей – может рассматриваться как повод для дискуссий. Э. Берна относят к обнаружениям Естественного Ребенка, наряду с «проявлениями творческого порыва», такие реакции, как «непослушание» и «бунт». Современные транзактные аналитики (*Джойнс, Стюарт, 1996*) в отдельных фрагментах своих текстов характеризуют «Свободного Ребенка» в точности так же, как Берна описывал своего «Естественного Ребенка»; но у тех же авторов, в других фрагментах текстов, протестующие реакции индивида рассматриваются как проявления Адаптированного Ребенка («негативный адаптированный Ребенок», «Бунтующий Ребенок»). Мы предлагаем следующее понимание, проясняющее соотношение между Естественным и Свободным Ребенком (а в дальнейшем и Адаптированным Ребенком).

Свободный Ребенок (СД) – обратная сторона Родительских влияний, представленная *силами сопротивления* (в ответ на запросы Контролирующего Родителя) и *силами роста* (в ответ на запросы Опекающего Родителя). Брем (*Brehm, 1966*) вводит понятие *реактивного сопротивления* для того, чтобы объяснить такие феномены, как привлекательность «запретного плода» и непривлекательность навязываемой альтернативы. В ряде экспериментов, посвященных феномену риска (*Петровский В.А., 1971*), и других наших работах показано, что «сладок» – мы уже писали об этом в книге – даже булыжник, если его запретить. Словом, ограничения, накладываемые кем-либо извне на активность индивидуума, пробуждают силы, противодействующее ограничениям, – «эффект бумеранга». С другой стороны, из консультативной и воспитательской практики известно, что недирективные формы общения с другим человеком, эмоциональная его поддержка («понимание и принятие» в терминах Карла Роджерса), обеспечивают поразительный рост его возможностей и притязаний – эффекты самораскрытия индивидуальности. Сказанное позволяет соотнести конструкт «Свободный Ребенок» с выражением $\neg P$ ($\neg a_2$), различая силы «реактивного сопротивления» (если Родитель квалифицируется как Контролирующий, $P > D$ или $P \parallel D$) и – «силы роста» (в

случае Опекающего Родителя, $P \leq D$). При описании Свободного Ребенка будем использовать обозначение «СД». Теперь можно приступить к определению Адаптированного Ребенка.

Адаптированный Ребенок (АД). Характеризуя приспособившегося (адаптированного) Ребенка, Э. Берн пишет, что «влияние Родителя выступает как причина, а приспособившийся Ребенок – как следствие». Ситуацию «Родительского влияния на Ребенка» и ее результат в виде устремлений «Адаптированного Ребенка» логично отождествить с равенством

$$P \rightarrow ED = \sup\{-P, ED\} = \sup\{CD, ED\} \sim AD$$

(левая часть этого равенства – «посылка», «причина» – символизирует ситуацию Родительского влияния, а правая часть – «результат», «следствие» – то, чем, в конечном счете, является «Адаптированный Ребенок»).

Далее могут быть выделены следующие разновидности Адаптированного Ребенка: Негативный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Контролирующего Родителя, и Позитивный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Опекающего Родителя (см. рис. 21.3).

Позитивный Адаптированный Ребенок (AD_+) – это результат того, что Родитель *культивирует* Естественного Ребенка (Родитель исходит из интересов Ребенка) и, таким образом, получается, что Позитивный Адаптированный Ребенок есть существо «идеальное», $P \rightarrow ED = I$. Нам кажется необходимым прокомментировать это психологически неочевидное следствие из принятой формальной модели. Когда родители говорят о своем чадо: «Он (она) *идеально* слушается, ну просто “подарочный” ребенок» и т.п., это означает только одно: не ребенок подлаживает свои запросы под родителей, а родители «подстраиваются» к интересам ребенка: « $P \leq D$ » означает, что взрослые, когда они воспитывают ребенка, предлагают, по сути, лишь то, чего хочет ребенок, и не требуют того, чего он не хочет сам; в этих условиях раскрываются «силы роста» личности.

Негативный Адаптированный Ребенок (АД₋) может заявлять о себе *пассивным* и *активным сопротивлением* Контролирующему Родителю. Мы называем «пассивным сопротивлением» такую реакцию Естественного Ребенка на Контролирующего Родителя, при которой первый сохраняет свои запросы неизменными, $D_- = ED$; отличительная черта «активного сопротивления» – это расширение интересов Естественного Ребенка в ответ на регламентирующие воздействия Контролирующего Родителя, $AD_- > ED$.

Существуют две ситуации, в которых обнаруживается пассивное сопротивление Естественного Ребенка: когда Контролирующий Родитель предъявляет «совершенные требования», $KP = I$. В этом случае Естественный Ребенок лишь подтверждает свои прежние устремления,

сопротивляясь давлению: $СД \vee ЕД = \neg КР \vee ЕД = 0 \vee ЕД = ЕД$. Другой случай – полярная противоположность запросов Родителя и Естественного Ребенка, $КР = \neg ЕД$. Эти ситуации – источник многих берновских «игр» (например, «Я всего только пытался Вам помочь» и «ответных» «игр», таких как «Да, но...», «Неимуший», «Калека», «Дурачок»). Последний из рассмотренных случаев (поляризация запросов Родителя и Дитя) поясняет феномен удивительного упрямства, свойственного мужьям, которых «перевоспитывают» их жены, и специфической логики, проявляемой женами, когда их пытаются «переделать» мужа...

Во всех других ситуациях Естественный Ребенок активно сопротивляется распоряжениям Контролирующего Родителя. Вот почему есть смысл принимать во внимание следующее предостережение: если, общаясь с кем-либо, мы не хотим спровоцировать бунт, не стоит усиливать давление на собеседника (усиливая Родителя, мы лишь раззадориваем Дитя).

Наконец, заметим, что в нашей модели Естественный Ребенок никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя, «адаптация» не означает механического копирования интересов последнего. Иначе говоря, Адаптированный Ребенок представляет собой особую инстанцию личности, в которой синтезированы интересы Естественного и Свободного Ребенка (своего рода, альтернативы «высочайшим распоряжениям» Родителя).

Следующий конструкт, на который наталкивает нас работа с базовой моделью выбора, описывает Взрослого и позволяет нам охарактеризовать интегральный запрос субъекта как результат композиции запросов Взрослого, Родителя и Ребенка.

Раскрепощенный Взрослый (РВ). Возможность и желательность введения этого нового (для транзактного анализа) конструкта обусловлена формальными возможностями базовой модели выбора. Когда автор булевой версии выбора, Т. Таран, в ходе своей формальной работы использует выражение « $a3 \& \neg a2$ », она, по сути, подсказывает психологу необходимость содержательно осмыслить это знакосочетание. У «Раскрепощенного Взрослого» развязаны руки. Вспомогательное выражение « $a1 \& \neg a2$ ». Перед нами то, что может быть названо союзом *Взрослого и Свободного Ребенка* (когда $a2 > a1$ или $a2 \parallel a1$ – имеется в виду согласование запросов Взрослого и сил сопротивления Ребенка; при $a2 \leq a1$ – согласовываются запросы Взрослого и силы роста Ребенка). Речь, по сути, идет о субъекте «надситуативной активности» (Петровский, 1976б, 1977).

Понятие «Раскрепощенный Взрослый» (рожденное в ходе, казалось бы, чисто технической работы по выведению значимых следствий из формальной модели) приобретает совершенно особый статус в рамках транзактной версии. Оно позволяет, в конечном счете, ответить на фундаментальный вопрос: что психологически представляет собой «функ-

ция готовности субъекта к выбору», символизируемая выражением « $A1=(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ »?

Тождественно преобразуя $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ в $(a3 \& \neg a2) \vee a1$, мы можем интерпретировать A как *совместный запрос Раскрепощенного Взрослого и Естественного Ребенка*.

Содержательное осмысление символа A приводит нас таким образом к идее целостного запроса личности, что может быть выражено формулой:

$$L=(B \rightarrow P) \rightarrow D=PB \vee ED \text{ (где } L \text{ символизирует «личность»)}.$$

Проблема действительности запросов субъекта. Все ранее сказанное представляет собой первую попытку перевести символы базисной модели выбора Т. Таран ($a1, a2, a3, \neg a2, \neg a3, a3 \rightarrow a2, a2 \rightarrow a3$) на транзактный язык и осветить непосредственные результаты подобной интерпретации.

Теперь, опираясь на опыт предпринятого Т.А. Таран исследования базисной модели выбора, выявим значимые последствия ее транзактно-осмысления для понимания личности и содействия ее росту.

Приведем некий пример-метафору, иллюстрирующий способ возможного использования транзактной версии базовой модели выбора.

Обед из трех блюд. Что предпочтет чадо? Представим обычную ситуацию: обеденный стол, маму, бабушку и ребенка. «Меню» включает в себя три блюда. Выбор блюд из имеющихся символизируем x, y, z . Если первое блюдо выбрано, будем считать, что $x=1$, а если отвергнуто, $x=0$; так же описывается выбор или отказ, касающийся второго (y) и третьего (z) блюда.

Положим, что мама (разумное начало в семье) собирается накормить ребенка первым и вторым блюдом; бабушка догматически полагает, что ребенок должен съесть все, что имеется на столе; ребенок предпочитает всему только сладкое. К чему приведет общесемейная «дискуссия»?

Будем считать, что позиции мамы соответствует символ B транзактной версии базовой модели выбора, позиции бабушки – символ P , позиции ребенка – символ D . Перейдем к оценке исхода взаимодействия между героями семейной сцены:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (1, 1, 1)) \rightarrow (0, 0, 1) = (0, 0, 0) \rightarrow (0, 0, 1) = (0, 0, 1).$$

Это значит, что ребенок сможет настоять на своем (откажется от первого и второго и съест третье).

Однако если бабушка отступит, мама *сможет* справиться с ситуацией:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (0, 0, 0)) \rightarrow (0, 0, 1) = (1, 1, 0) \rightarrow (1, 1, 1) = (1, 1, 1).$$

Нечто подобное разыгрывается в душе взрослого человека, когда он принимает решение. Взрослый убеждает, Родитель требует, Ребенок

сопротивляется и настаивает на своем. Взрослому и Родителю лишь в том случае удастся переломить ситуацию, если они займут разумную позицию по отношению к Ребенку: положим, Взрослый выступит с инициативами, доминирующими над распоряжениями Родителя, а Родитель либо поддержит интересы Ребенка, либо – «стушует», подобно бабушке в приведенном примере³⁰... Ведь только в этом случае, как явствует из модели, некто съест три блюда из трех, хотя Ребенок его помышлял только о сладком.

Все такие конфликты первоначально разыгрываются «вовне» – между ребенком и окружающими его людьми, но потом они погружаются во внутреннее пространство его личности, превращаются в конфликт между «субъектными» ипостасями его «Я» – в конфликт между эгосостояниями «Взрослый», «Родитель», «Ребенок». Положим, человек влюблен – проявлять или сдерживать свои чувства? Или – молодой человек выбирает профессию: следовать совету старших или идти за детской мечтой? Или, наконец, как совместить две, казалось бы, несовместимые потребности: «быть лучше всех» и чтобы при этом «тебя любили» (Карен Хорни). На каждый такой вопрос Взрослая «часть» личности может ответить совершенно иначе, чем Детская и Родительская ее «части». Архаичные, заимствованные и обусловленные текущим опытом реакции, сталкиваясь, формируют поле «конфликтных смыслов» (Столин, 1983), побуждают личность находить интегральный ответ на парциальные запросы субъектов, «сосуществующих» в ней. О том же – пословица, возникшая в советские времена: «Если нельзя (голос Родителя), но очень хочется (голос Ребенка), то немножко можно (голос Взрослого, который, в конечном счете, добивается своего)».

Предлагаемая транзактная версия базовой модели Т. Таран позволит, на наш взгляд, предвосхитить ответ на ряд вопросов, которые мы рассмотрим подробнее.

При каком условии Взрослый «добивается своего»? Или – если формулировать этот вопрос в классических терминах – в каком случае выборы Взрослого оказываются реалистическими?

Фундаментальное положение, вытекающее из базовой модели рефлексивного выбора, заключается в том, что «субъект имеет возможности сделать реалистический выбор, если его интенции лежат между реальным давлением мира и выбором примитивного субъекта: $a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1$ » (Таран, 2000, 2001а, б).

В транзактной версии базовой модели выбора это положение может быть «расшифровано» так: Взрослый тогда реализует свои собственные

³⁰ По аналогии с не рассмотренным здесь случаем выбора бабушкой (=Опекающий Родитель) в точности *того же*, что выбирает ребенок, а именно (0, 0, 1).

запросы, когда они не превышают запросы Адаптированного Ребенка и не уступают запросам Естественного Ребенка: $ED \leq B \leq AD$.

Для транзактного аналитика этот результат задает важный ориентир в работе с консультируемыми. Императив, вытекающий из этого положения, мог бы прозвучать для консультируемого так: «Никогда не вступайте в борьбу со своими естественными склонностями, но не притязайте на то, что превосходит ваши представления о допустимом, – и тогда вы обязательно добьетесь своего».

Проблема реалистичности интенций приобретает более широкий смысл, когда мы вводим понятие *действенности запросов*. Речь идет о реализуемости (реалистичности) запросов каждого из эго-состояний личности. Все последующие вопросы, которые мы обсуждаем в данном разделе, посвящены именно этой проблеме – действенности устремлений каждой из интересующих нас частей личности человека (Взрослого, Родителя, Ребенка).

Способен ли Родитель противостоять Взрослому и Ребенку, если они имеют одинаковые запросы («сговорились»)?

Другая формулировка того же вопроса: если запросы Взрослого и Ребенка совпадают, что можно сказать тогда о реалистичности устремлений Взрослого и, соответственно, действенности чаяний Ребенка?

Имеем: $(D \rightarrow P) \rightarrow D = (D \& \neg P) \vee D = D$ (согласно правилу поглощения Биркгофа). Итак, в случае совпадения запросов Взрослого и Ребенка, они оба добиваются своего совершенно независимо от запросов Родителя. По сути, союз Взрослого и Ребенка лишает Родителя права голоса. (Чисто психологически, впечатление того, что Родитель «исключен» из игры, усиливается, если вспомнить, что $\neg P$ (Родитель-«наоборот») – это Свободный Ребенок, и что, следовательно, выражение $D \& \neg P$ означает то же, что и выражение $ED \& CD$: пересечение запросов «Естественного Ребенка» и «Свободного Ребенка»). Итак, достаточно захотеть того, чего хочет ваш внутренний Ребенок, и вы всегда добьетесь своего, что бы ни думал по этому поводу и как бы ни критиковал вас при этом внутренний Родитель! Любопытно, что Родителю может мниться при этом, что он действительно противостоит Ребенку ($P \parallel D$) или преодолевает Ребенка ($P > D$), но Ребенок, объединившийся со Взрослым, все равно «берет свое». Принцип самоактуализации Абрахама Маслоу – о том же: прислушивайтесь к себе! И «осознание» Фредерика Перлза – о том же. И «понимание-приятие» Карла Роджерса свидетельствует о том же самом. Но, несмотря на все эти суждения и факты, идея достаточности сепаратного договора между внутренним Взрослым и внутренним Ребенком для реализации их общего интереса все же не очевидна: Взрослый, вместо того, чтобы прислушиваться к Ребенку, зачастую «сговаривается» с Родителем против Ребенка, – проигрывает при этом сам и подводит Ребенка.

Вывод: не надо «ломиться в открытую дверь»; достаточно просто войти.

*Каковы запросы Родителя в случае, если Взрослый и Ребенок доби-
ваются одного и того же?*

Ответ: «Это – любые запросы!»

Действительно, если известно, что Взрослый и Ребенок «добиваются» своего ($A=B=D$), то из формальных соображений следует, что Родитель может быть «каким угодно»: если $(B \rightarrow P) \rightarrow D=B=D$, то левая часть равенства замещается выражением $(D \rightarrow P) \rightarrow D$, а оно, в свою очередь, есть $(D \& \neg P) \vee D=D$ при любом P .

Увы, Родителю не остается здесь ничего лучшего, чем говорить «Да уж!..» и раздуть щеки...

При каких условиях выбор субъекта совпадает с запросами его Родителя?

Речь идет о выполнимости условия $(B \rightarrow P) \rightarrow D=P$.

Из результатов формального анализа, проведенного Т.А. Таран на базовой модели выбора, следует, что это возможно, когда $B \leq D$ и $D=P$. Словом, если субъект делает то, чего хочет его Родительская часть, то это значит, что его Взрослые запросы не превышают Родительские, а Родительские – совпадают с запросами Ребенка. Кратко это можно выразить и так: Взрослый здесь скромнее Родителя, а тот, к тому же, «договорился» с Ребенком (только в этом случае Родитель оказывается действенным).

Из этого, в частности, вытекает практическая рекомендация для психотерапевта: если необходимо дезавуировать решения Родителя пациента, то нужно или усилить его Взрослого (пусть он превзойдет Родителя или разойдется с ним в своих притязаниях), или – «разбить» союз Родитель-Ребенок, или, наконец, – сделать как то, так и другое одновременно.

Если Взрослый и Родитель «заодно», то каким должен быть Ребенок, чтобы как первый, так и второй (а, может быть, три «части» личности одновременно) добились желаемого?

Ответ напрашивается самой собой: если $B=P$, то $(B \rightarrow P) \rightarrow D=(B \rightarrow B) \rightarrow D=I \rightarrow D=D$ и из сделанного допущения: $A=B=P$, следует, что $D=B=P$.

Итак, во-первых, – это мы отметим попутно, – равенство запросов Взрослого и Ребенка порождает готовность субъекта обнаруживать интересы Ребенка («Родители и Взрослые! Объединяйтесь! Если, конечно, хотите, чтобы Ребенок добился своих собственных целей...»). И во-вторых: если при равенстве запросов Взрослого и Родителя они претендуют на то, чтобы в итоге добиться желаемого, то это будет возможно лишь в случае совпадения их запросов с тем, к чему стремится Ребенок («Хотите добиться желаемого? Узнайте, к чему стремится Ребенок, и следуйте за ним!»).

Условия наилучшего и наихудшего из выборов. Будем называть *наилучшим* («совершенным») такой выбор, которому соответствует наиболее развитый запрос на булевой решетке запросов – Единица ($A=I$), и соответственно *наихудшим* («пустым») – наименее развитый запрос, которому соответствует Ноль решетки ($A=0$).

А. Если Ребенок субъекта осуществляет наилучший выбор, то можно ли рассчитывать, что такова будет воля личности в целом?

Ответ: не только «можно рассчитывать», но иного и быть не может:

$$(B \rightarrow P) \rightarrow I = I \text{ (так как любое значение } B \rightarrow P \leq I \text{).}$$

Этот вывод обыденному сознанию может показаться натяжкой или, в лучшем случае, вызвать снисходительно-скептическую улыбку. Но в практике психологического консультирования данное утверждение получает существенную поддержку³¹.

При анализе базовой модели, Т.А. Таран отмечает то обстоятельство, что « $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = I$ тогда и только тогда, когда $a3 \rightarrow a2 \leq a1$ ». При транзактном осмыслении этого неравенства, мы должны сделать вывод о том, что субъект осуществляет наилучший выбор тогда и только тогда, когда Авторитарный Родитель (« $B \rightarrow P$ ») не «превосходит» Ребенка, то есть когда иррациональные силы судьбы ($\neg B$) при объединении с запросами Родителя не перевешивают запросы Ребенка, $B \rightarrow P = \neg B \vee P \leq D$.

Важные следствия.

Если Авторитарный Родитель превосходит («подавляет») Дитя, то есть если $B \rightarrow P > D$, то ничем не оправданы ожидания, будто субъект сможет «стать идеальным» (в этих условиях $A \neq I$); более того, в этом случае Авторитарный Родитель провоцирует субъекта вести себя совершенно «по-Детски» (хотя и пытается навязать Ребенку нечто более респектабельное).

Б. При каких условиях субъект способен выбрать наихудшую альтернативу?

1. Если Естественный Ребенок склоняется к наихудшему выбору, $D=0$, а Родитель навязывает ему наилучший выбор, $P=I$, то субъект всегда ведет себя «как Ребенок», то есть делает наихудший выбор. Следовательно, для того, чтобы спровоцировать человека, которому

³¹ В транзактном анализе, при заключении «контракта на изменение клиента» терапевт принимает для себя следующие правила: «Цель контракта должна исходить из Взрослого при сотрудничестве Свободного Ребенка. Другими словами, она должна соответствовать нашему пониманию ситуации и способности взрослого человека и помогать удовлетворять потребности <...> Ребенка (клиента), а не отрицать их. Контракт, заключенный из Адаптивного Ребенка, будет почти во всех случаях способствовать усилению <...> сценария. Поэтому контрактов из Адаптивного Ребенка следует избегать» (Берн, 2001, с. 281). Кроме того, необходимо задаться вопросом: «Понятна ли сформулированная вами цель восьмилетнему ребенку?» (там же).

«ничего не охота» (пассивный Ребенок), который так-таки ничего хорошего для себя и не сделал, нужно, чтобы Родитель его «был безупречен». Таков, надо думать, исток знаменитой игры «Почему бы вам не?...» – «Да, но...», описанной Эриком Берном (но только проигрываемой индивидом с самим собой), а также – неизбежно негативного исхода в борьбе «собаки сверху» и «собаки снизу», на что обратил внимание Фредерик Перлз (активную «собаку сверху», живущую в человеке, не может победить пассивная «собака снизу») ³².

2. Только что рассмотренный результат является частным проявлением более общего случая, а именно, когда Авторитарный Родитель принимает свои запросы за наилучшие, то есть когда $B \rightarrow P = I$, а ребенок исходит из наихудших запросов, $D = \theta$. Действительно, в такой ситуации «иррациональное» ($\neg B$) объединяется с «заимствованным» (P) и все это предьявляется Ребенку как некий идеал; а поскольку Ребенок абсолютно пассивен, то это приводит лишь к «ничего неделанию», дезадаптации, игнорированию возможностей нового опыта (само собой разумеется, такое случается, когда $B < P$).

Вывод из этого: субъект будет предпочитать наихудшую альтернативу (будет действовать дезадаптивно, пассивно и т.п.), в полном соответствии с запросами его непритязательного Ребенка ($I = D = \theta$), если запросы его Взрослого скромнее запросов его Родителя ($B < P$). Словом, нужно «развивать своего Взрослого», если хочешь вырваться из болота апатии ³³.

Перспективы разработки транзактной модели рефлексивного выбора. Рассмотрим два направления дальнейшего развития идеи личности как «триумвирата» субъектов.

1. Можно предположить, что Взрослый, Родитель и Дитя способны враждовать, сотрудничать и даже подражать каждый каждому. В этом случае – перед нами противники или партнеры, вступающие в отношения взаиморефлексии и, соответственно, управления друг другом. Соответственно, выделяются дорефлексивное (исходное) и пострефлексивное состояния субъекта. Имитации, конфронтации, компромиссы и обострения во взаимоотношениях между эго-состояниями личности

³² «Собака сверху обычно правильная и авторитарная; она знает, что для нее лучше. Она не всегда права, но она всегда правильная. Собака сверху говорит: «Ты должен» и «Ты не должен» <...> Собака снизу использует защитное поведение, извинения, играет в плаксу и тому подобное. У собаки снизу нет власти. Собака снизу – Микки Маус. Собака сверху – Супер Маус <...> Этот внутренний конфликт, борьба между собакой сверху и собакой снизу никогда не прекращается...» (Перлз, 2003, с. 20–21). Транзактный анализ предлагает список директив, приводящих к «тирании долженствования»: «будь лучшим», «будь сильным», «радуи других», «старайся», «торопись» и т.п.

³³ Один психотерапевт высказался замечательно: «Не надо силой тащить клиента из болота. А вдруг там его дом?!»

составляют существо перехода из дорефлексивного в пострефлексивное состояние.

Приведем лишь одну иллюстрацию. Мы уже отмечали выше, что Естественный Ребенок никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя. Однако есть совершенно особый случай, когда Контролирующий Родитель, как показывают наши расчеты, исподволь все же способен «добиться своего» от Естественного Ребенка. Это зависит от того, готов ли Взрослый действовать в интересах Контролирующего Родителя (как бы беря их на себя), а также от характера и соотношения запросов Опекающего Родителя и Естественного Ребенка. Рассмотрим как раз такую ситуацию.

Пусть $P=(0, 0, 0, 0)$; $ED=(0, 0, 0, 0)$. Исходя из принятых ранее определений, перед нами «Опекающий Родитель», так как в данном случае $P \leq ED$. Поскольку Контролирующий Родитель всегда связан с Опекающим Родителем соотношением $KP = \neg OP$ (это легко проверить), запросы KP могут быть описаны как вектор $(1, 1, 1, 1)$.

Положим, Взрослый, осуществляя рефлексия эго-состояний «Родитель» и «Ребенок», принимает на себя функцию Контролирующего Родителя (отметим, что применение оператора « \neg » к OP могло бы означать, что осуществляется переход от актуализированных эго-состояний к латентным; в данном случае речь идет о переходе к латентному эго-состоянию «Контролирующий Родитель»). Итак, речь сейчас идет о том, что

$$B = KP = \neg OP.$$

И, таким образом, базовую формулу $(B \rightarrow P) \rightarrow D$ мы можем переписать как $(\neg OP \rightarrow OP) \rightarrow ED$. Переходя к числовым значениям, имеем:

$$((1, 1, 1, 1) \rightarrow (0, 0, 0, 0)) \rightarrow (0, 0, 0, 0) = (0, 0, 0, 0) \rightarrow (0, 0, 0, 0) = (1, 1, 1, 1).$$

Словом, когда Естественный Ребенок и Опекающий Родитель одинаково пассивны, то Контролирующий Родитель может достичь своих целей, если он – безупречен³⁴, $P=(1, 1, 1, 1, \dots)$ и вносит свои предложения от имени Взрослого (то же можно выразить и иначе, говоря, что Взрослый здесь берется контролировать ситуацию, замещая собой Контролирующего Родителя).

Точно также можно рассмотреть ситуации, в которых:

- Ребенок копирует запросы Взрослого ($D=B$)³⁵ или Родителя ($D=P$), либо конфронтрует с Взрослым ($D=\neg B$) или Родителем ($D=\neg P$).

³⁴ Школьные учителя и юристы по шкале искренности (L) ММРП демонстрируют низкий уровень лжи и при этом не лгут.

³⁵ Что в этом случае будет представлять собой готовность личности к выбору, A , мы уже знаем: она будет совпадать с запросами Взрослого и Ребенка, независимо от того, каковы притязания Родителя.

- Родитель копирует запросы Взрослого ($P=B$) или Ребенка ($P=D$), либо конфронтирует со Взрослым ($P=\neg B$) или Ребенком ($P=\neg D$).
- Аналогичные превращения осуществляет Взрослый, либо заимствуя интересы Родителя или Ребенка, либо – действуя «от противоположного».
- Каждое из эго-состояний может исходить из объединенных запросов собственного и других эго-состояний, подтверждая наличные запросы, им свойственные (процедура приравнивания « \Rightarrow »), или – «переворачивая» (процедура инверсии « \neg »). Формально объединение осуществляется на основе установления точной верхней грани для сочетания элементов $B, P, D, \neg B, \neg P, \neg D$.
- Представляет интерес также исследование условий рефлексивного обострения внутриличностных конфликтов, когда каждое или некоторые из эго-состояний стремятся к минимизации общности запросов, свойственных эго-состояниям (вычисление точной нижней грани для сочетания элементов B, P и D).

В заключении введем некоторые меры, описывающие нормативность эго-состояний Взрослый, Родитель, Дитя. Для этого вводится символ K (культурная норма) и образуются следующие импликации:

Адекватность Взрослого: $K \rightarrow B$

Авторитарность Родителя: $K \rightarrow (B \rightarrow P)$

Адаптированность Ребенка: $K \rightarrow (P \rightarrow D)$

Общая Нормативность Субъекта: $K \rightarrow ((B \rightarrow P) \rightarrow D)$.

Если $K=I$, то первые три значения совпадают с запросами, соответственно, Взрослого, Авторитарного Родителя и Адаптированного Ребенка, а четвертое – общая нормативность субъекта – соответствует «функции готовности субъекта к выбору» на булевой решетке норм.

Но если культурные нормы изменяются, то есть K трансформируется в некое K^* , то характеристики адекватности, авторитарности, адаптированности и общей нормативности могут принимать другие значения при неизменности исходных запросов субъекта. В частности, все эти характеристики принимают значение I (превращаются в абсолют) при инверсии культурной нормы – при «общем падении нравов» (то есть когда $K^*=\neg I=0$). Проследивая последовательность рефлексивных подстановок, «перевертышей», коалиций и конфронтаций во взаимоотношениях между элементами B, P и D , мы проясняем логику построения и функционирования «Интегрированного Взрослого» (Берн, 2001) – центрального образования человеческой личности, понятие о котором, в силу, казалось бы, его непобедимой неопределенности и расплывчатости, образует особую проблему психологической теории.

2. Можно представить и оценить конструктивность различных по своей композиции построений, связывающих инстанции Родитель, Взрослый, Дитя. Если в исходной версии это цепочка $(B \rightarrow P) \rightarrow D$, то в новых построениях, как порядок, так и состав импликативных конструк-

ций может быть другим. Не имеют ли эти различия прямого отношения к построению индивидуальной *типологии*? На этот вопрос мы не можем пока ответить утвердительно, так как не располагаем необходимыми эмпирически данными. Однако, говоря о перспективах разработки модели триумвирата субъектов, образующих личность, не откажем себе в возможности обсудить подходы к решению этой проблемы.

Отталкиваясь от рефлексивной модели субъекта, предложенной Лефевром, я предлагаю принять, что личность как единомножие субъектов (в транзактной интерпретации – эго-состояний), заключает в себе «Инициатора», «Проектировщика» и «Проводника».

«Инициатор» – это источник переживаемых индивидом интенций, побуждений, «запускающих» его активность.

«Проектировщик» – тот, кто строит образ среды «под запрос» инициатора и предлагает его как ресурс реализации интенций (поставляет субъективную модель всего того, что содействует или противодействует реализации интенций).

«Проводник» – это поставщик условий непосредственной реализации интенций, опирающихся на образ среды (то есть всего того, что фактически содействует или противодействует реализации интенций, и о чем сам индивид может не иметь адекватного представления, но может и обладать им).

Будем считать, что схема активности личности описывается двуступенчатой импликацией

(Инициатор → Проектировщик) → Проводник.

Далее, пусть D («Детская образующая психики») – символ «археопсихики», P («Родительская образующая психики») – символ «экстеропсихики» и B («Взрослая образующая психики») – символ «неопсихики» (в терминах Э. Берна).

Теперь может быть описан индивид как композиция Родителя, Взрослого и Дитя, занимающими различное место в структуре (Инициатор → Проектировщик) → Проводник.

Прежде чем провести подобную подстановку, для простоты изложения примем первоначально некоторое ограничение: будем считать, что символы эти не повторяются в данной конструкции дважды (то есть что элементы, выступающие в функции Инициатора, Проектировщика и Проводника, попарно различны). Кроме того, примем, что уровень интенций, проявляемых Инициатором, описывается, как и ранее в модели триумвирата субъектов, в первой позиции, значением x , уровни предлагаемых ресурсов Проектировщика и Проводника, соответственно, y и z . В итоге реализации схемы двойной импликации мы получаем шесть вариантов соотношения P , B , D , представленных переменными x , y и z в этой схеме:

1. $(x_B \rightarrow y_P) \rightarrow z_D$
2. $(x_P \rightarrow y_B) \rightarrow z_D$
3. $(x_D \rightarrow y_B) \rightarrow z_P$
4. $(x_B \rightarrow y_D) \rightarrow z_P$
5. $(x_D \rightarrow y_P) \rightarrow z_B$
6. $(x_P \rightarrow y_D) \rightarrow z_B$

Наше допущение состоит в том, что «в природе встречаются» и могут быть описаны субъекты с архетипическим («Детским»), экстеропсихическим («Родительским») или неопсихическим («Взрослым») *Инициатором*, и точно также – различного психического происхождения *Проектировщиком* и *Проводником*.

Словом, в формуле $(x \rightarrow y) \rightarrow z$ осуществляются многообразные подстановки: x может быть замещено тремя способами (подстановка археопсихических – «Дитя», экстеропсихических – «Родитель» и неопсихических – «Взрослый» элементов).

Каждое из этих сочетаний дает нам особый тип индивидуальности. Рассмотрим их детальнее:

1. $(B \rightarrow P) \rightarrow D \sim$ Своевольный Ребенок (именно эта форма субъектности была впервые описана и детально проанализирована нами в работе (Петровский, 2002). Когда человек находится во власти Своевольного Ребенка, то это пример *психопатических* личностей, приходящих на сеансы к психотерапевту, а иногда – плод усилий терапевта по «раскрепощению» личности невротика (мы называем таких пациентов «скомпенсированными невротиками»).

2. $(P \rightarrow B) \rightarrow D \sim$ Безрассудный Ребенок (психотическая личность); Родитель, в такой модели, может предъявлять вполне разумные требования к «сопротивляющемуся» Ребенку, но стоит только Взрослому «подать голос», как эффект воздействия Родителя будет сведен к нулю.

3. $(D \rightarrow B) \rightarrow P \sim$ Категоричный Родитель (паранойальная личность); здесь «слышится» голос Взрослого, если он пытается внушить добрые чувства Родителю, который отрицает позитивные проявления других людей (все вокруг – не О'К), только усиливает тенденцию отрицания.

4. $(B \rightarrow D) \rightarrow P \sim$ Неумолимый Родитель («скомпенсированный шизофреник» в терминах Э. Берна).

5. $(D \rightarrow P) \rightarrow B \sim$ Гибкий Взрослый («Дипломат»).

6. $(P \rightarrow D) \rightarrow B \sim$ Ответственный Взрослый (ср. «Напротив Статуи Свободы должна быть поставлена еще одна – Статуя Ответственности», говорил В. Франкл)³⁶.

³⁶ Кроме того, при определенных допущениях выделяются еще 6 вариантов при учете повторяющихся элементов: «Рационалист» (так сказать, «100% Взрослый»), «Консерватор» («100% Родитель»), «Инфант» («100% Ребенок»), а также Родительско-

Эмпирические исследования, к которым мы приступаем сегодня, должны приоткрыть для нас связь между проявляющимися многообразно индивидуально-типическими чертами людей, и композициями эго-состояний, в которых каждое выступает то в функции Инициатора, побуждающего активность, то в функции Проектировщика, рисующего картину будущего, то в функции Проводника – своего рода сталкера, вступающего в непосредственный контакт с реальностью.

Взрослые, Взросло-Детские и Детско-Родительские объединения. Эго-объединения суть эгалитарные общности. Любой элемент эго-объединения – «объединенное эго» – равноправен любому другому; перед нами союз равных: сотрудничество, содружество, согласие. Называя эти состояния, мы с равным успехом можем говорить, например, «Родитель, объединенный со Взрослым» и «Взрослый, объединенный с Родителем». В начале перестройки в Москве рекламировала себя фирма «Лукьянов и брат». На рекламном плакате было изображено два человека. До сих пор загадка для всех: кто был Лукьянов? Кто – брат?

ГЛАВА 22. ТРАНЗАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

Переходя к описанию процессов саморегуляции в структуре индивидуальности, мы рассматриваем координацию таких агентов активности как эго-состояния Взрослый, Родитель и Дитя, а также – эго-систем (Взрослый \longleftrightarrow Родитель) и ((Взрослый \longleftrightarrow Родитель) \longleftrightarrow Дитя):

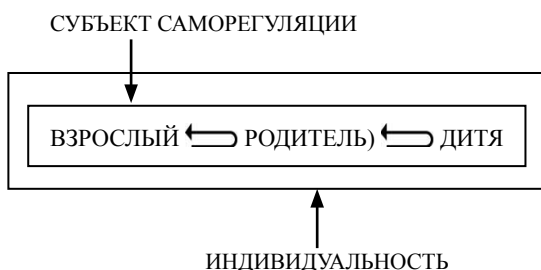

Рис. 22.1а. Транзактный контур регуляции

Представленные на схеме эго-состояния и эго-системы рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взросло-Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитя. Стрелочка « \longleftrightarrow » характеризует механизм реализации запросов ресурс.

Здесь Взрослый выступает как субъект регуляции, Родитель – как посредник, а Дитя – как объект регуляции. Будем называть эту схему – или, если воспользоваться словами О.А. Конопкина и представителей его школы (Конопкин, 1980; Моросанова, 2006; Осницкий, 1996) – «контур» саморегуляции, эго-построением Взрослый–Родитель–Дитя (или, кратко, ВРД-построением). Вслед за этими авторами позволим себе говорить о транзактном контуре саморегуляции.

Теперь можно охарактеризовать транзактный контур саморегуляции. Он объединяет в себе следующие переменные, принимающие рациональные значения на отрезке $[0, 1]$:

- w (состоятельность индивидуальности);
- x (интенции к действию со стороны Взрослого – «намерен», «считаю»);
- y (директивы Родителя – «следует делать», «вот что требуется», «ты должен»);
- z (чаянья Дитя – «хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо») и связывающий их оператор метаимпликации \leftarrow («запрос опирается на ресурс»).

Все сказанное нами ранее о внутренних и внешних возможностях каждого из агентов, образующих индивидуальность, о соотношении запросов и ресурсов, уровне притязаний и уровне состоятельности, – все это сохраняет свое значение применительно к перечисленным эго-состояниям и эго-системам. И, таким образом, мы переходим от мультисубъектной к метаимпликативной модели саморегуляции (рассмотренной нами в главе 20 п. 2):

ТРАНЗАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

(метаимпликативная модель):

$$w \text{ Индивидуальность} = (x_{\text{Взрослый}} \leftarrow y_{\text{Родитель}}) \leftarrow z_{\text{Дитя}}$$

Рис. 22.1б

В первой редакции предложенная мною модель была названа «транзактной моделью рефлексивного выбора» (Петровский В.А., 2001б). Она представляла собой транзактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения» Т.А. Таран (Таран, 2000). Транзактная модель рефлексивного выбора была для автора не только поводом формализации некоторых положений транзактного анализа и своих собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования как дополнительным стимулом продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной модели чисто формально следовало, что нереализованные мечты Дитя поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам Зигмунда Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого с точки зрения других частей индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта) – это Взрослый. Только Взрослый, и никто другой, может «поговорить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал

в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе транзактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Подробнее об этом будет сказано в главе 23. В данном разделе ограничусь указанием на общий сюжет исследования. Вместе с О.В. Митиной (*Митина, Петровский В.А., 2004*) мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также – с интегральной, или, иными словами, *мультисубъектной*, оценкой ценностей из списка терминальных ценностей (среди них такие, как «Творчество», «Активная деятельная жизнь», «Свобода», «Честность» и др.).

Нас интересовало, насколько работает предложенная модель «стыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов. Главным был вопрос о том, будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор. Эмпирические данные подтвердили это общее предположение. Кроме того, полученные данные позволили установить взаимосвязь между ценностями, которые исповедует личность, и гранями ее индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выяснилось, что ценность *Творчества* выбирают люди с низкими показателями по фактору «G», то есть морально независимые, свободно трактующие существующие правила; люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают *Свободу*, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) – *Честность*.

Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимпликативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, то есть семантически им адекватны.

Понятие «саморегуляции» вообще вырисовывается с большей отчетливостью, когда мы противопоставляем ее другим эго-построениям: например, $(D \rightarrow V) \rightarrow R$, $(R \rightarrow V) \rightarrow D$, $(D \rightarrow D) \rightarrow V$, $(V \rightarrow V) \rightarrow V$, и т.п. Могут ли они быть названы «саморегуляцией»? Или, скорее, они противоположны ей по сути? Ведь они лишают ее специфической функции – настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь». Ведь, вместо того, чтобы опосредствовать отношения между опытом, заимствованным у других (Родитель) и собственным архаичным опытом жизни (Дитя), они устанавливают господство одного из указанных эго-состояний над другим!

В этом плане представляет интерес исследование того, я называю «действительностью» эго-состояний, то есть меры соответствия готов-

ности индивидуальности к действию исходя из: 1) интенций Взрослого («интенциональные выборы»), 2) указаний Родителя и 3) чаяний Ребенка. О.В. Митина предложила использовать для анализа этих соответствий («действенности») метод детерминационного анализа Чеснокова; результаты нашего совместного исследования отражены в данной главе.

В результате специальной математической обработки данных (вычисление так называемой *существенности*), количественно определялась степень детерминированности личности со стороны эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Ребенок»: высокая существенность детерминации L со стороны эго-состояния B , P или D свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы, по предложению О.В. Митиной, вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок».

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

«Совершенная» и «несовершенная» саморегуляция. При разграничении «совершенной» и «несовершенной» саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма» (уровень притязаний=уровень состоятельности). Различаем при этом две формы состоятельности:

- *Субъективную* состоятельность, как результат импликации $x \dashv\vdash y$ (Взрослое «считаю необходимым» с опорой на Родительское «ты должен»).
- *Внутреннюю* состоятельность, как результат импликации $(x \dashv\vdash y) \dashv\vdash z$ (Взросло-Родительские *амбиции*, опирающиеся на *чаяния* Дитя).

Ограничиваясь анализом процессов саморегуляции во внутреннем пространстве бытия индивидуальности, мы лишь отчасти затронем далее *объективную* состоятельность, как результат импликации $((x \dashv\vdash y) \dashv\vdash z) \dashv\vdash f$, где f – внешний ресурс, с которым фактически имеет дело индивидуум и о свойствах которого он может узнать лишь постфактум.

1. Совершенная саморегуляция. Мы называем саморегуляцию совершенной в том и только в том случае, когда притязания Взрослого совпадают с внутренней состоятельностью. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого (то есть ее внутреннее благополучие и готовность действовать в соответствии с принятым намерением) (см. рис. 22.2а).

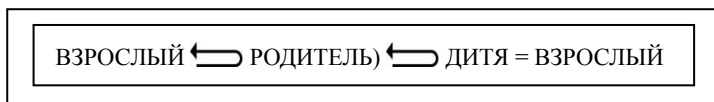

Рис. 22.2а. Совершенная саморегуляция

2. **Несовершенная саморегуляция**, как ни прискорбно, богаче исходами. Во всех мыслимых случаях мы могли бы записать:

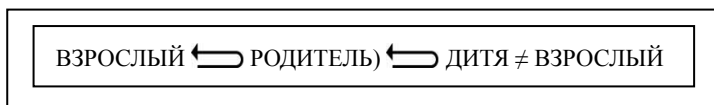

Рис. 22.2б. Несовершенная саморегуляция

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

$$A) (V \leftrightarrow P) \leftrightarrow D = P (P \neq V)$$

$$B) (V \leftrightarrow P) \leftrightarrow D = D (D \neq V)$$

Случай А – пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как *драйверное поведение*³⁷. Следуя указаниям: «Будь Сильным!», «Будь лучшим!», «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б – пример несовершенной саморегуляции, которая, в терминах транзактного анализа, может быть адекватно описана как *сход с драйвера* (Kahler, 1978). Перед нами «прорывы сценария», выражающиеся в том, что взрослый человек следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т.п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность, легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А и Б и могут быть рассмотрены другие формы несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъективной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена следующим образом: «Взрослый *не в состоянии* действовать так, как считает нужным».

³⁷ Термин «драйвер» был введен транзактным аналитиком Таиби Калером (Kahler, 1978).

Формула гармонии. «Внутренняя состоятельность», напомним, это присущий индивидуальности потенциал активности, совокупность усилий, которые могут быть затрачены на решение стоящей задачи. В отличие от интенций, имеющих субъективный характер, внутренняя состоятельность – объективная характеристика активности.

Каким должен быть необходимый и достаточный объем усилий для того, чтобы человек был готов к достижению того, к чему он реально стремится? Опишем возможный критерий гармонии во взаимоотношении с собой и окружающим миром.

Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству, и в частности, – благоприобретений опыта (мы отмечали этот признак ранее – см. главу 20). Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W . При этом появляются новые возможности, а значит и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»). Теперь я готов «вкладывать» $W=R$ (новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности) = N (новый уровень притязаний), чтобы в итоге воспроизвести все тоже W , – но уже в качестве цели нового устремления³⁸:

$$N \leftarrow R' = R \leftarrow R' = W = R, \text{ где } R' - \text{искомый внешний ресурс.}$$

Будем считать также оптимальным взаимную дополнительную (комплиментарность) усилий, направленных вовне, R , и – внешних ресурсов, R' , которые при этом осваиваются (см. главу 20):

$$R + R' = I.$$

Таким образом, мы имеем здесь дело с двумя ранее рассмотренными критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами агента (в данном случае – единомножия агентов в составе индивидуальности). Вкладывая и воспроизводя W , я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, в точности равный дефициту ранее приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0,618...).

И таким образом, остается только найти внешний ресурс, позволяющий воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами формула гармонии человека во взаимоотношениях с миром – «золотая формула»:

³⁸ Заметим, что здесь действует ранее описанный нами постулат «какова амуниция, таковы и амбиции» («что достигнуто, то и вкладывается»).

$$\begin{aligned}
 W &= W \leftarrow (1-W) = 1 - W^2, \\
 W + W^2 &= 1, \\
 W &= 0,618...
 \end{aligned}$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей.

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей вокруг «золотого сечения» (см. главы 25 и 28).

Разрегуляция и сюррегуляция. Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли транзактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого?

Думается, лишь частично.

Со временем, в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения индивидуальности вслед за достижением состояния «отрегулированности» – «странные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому эго интересы как Дитя, так и Родителя, а именно:

- франкловские невроты людей, «умеющих жить правильно»;
- берновские проделки «демона»;
- лермонтовские мотивы «паруса»;
- перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и т.д. и т.п.,

– все то, что автор этого доклада именуется общим термином «неадаптивность» (грибоедовское «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая, вслед за В. Вундтом, а стало быть, опосредствованно, за Г. Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов. Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интенции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w=x$. Кроме того, указания Родителя y столь же *действены*, то есть они воплощаются в готовность $w=y$. И, наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Дитя также находят действительное, то есть равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w=z$. Итак, имеем:

$$(x \leftarrow y) \leftarrow z = w = x = y = z$$

Из этого равенства, в частности, следует:

$$(x \leftarrow x) \leftarrow x = x,$$

из чего вытекает $(x \leftarrow x) \leftarrow x = x + (1-x) \cdot (1-x) \cdot x = x + (1-x)^2 \cdot x = x$.

Таким образом, получаем: $(1-x)^2 \cdot x=0$, $x=0$, либо $x=1$.

И мы в итоге имеем два возможных варианта эго-построений:

$$1) (0 \leftarrow 0) \leftarrow 0=0$$

$$2) (1 \leftarrow 1) \leftarrow 1=1$$

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции (назовем их феноменами «сюррегуляции»):

Первый вариант «сюррегуляции»: $(0 \leftarrow 0) \leftarrow 0=0$ – все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует – в ней никто не нуждается.

Второй вариант «сюррегуляции»: $(1 \leftarrow 1) \leftarrow 1=1$ – все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке все, что необходимо друг другу, и, таким образом, необходимость в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Подведем некоторые итоги.

• Транзактный контур саморегуляции в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции есть эго-состояние «Взрослый»; объект саморегуляции – эго-состояние «Дитя»; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние «Родитель».

Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftarrow y_{\text{Родитель}}) \leftarrow z_{\text{Дитя}}$$

• Ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, говоря другими словами, – внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftarrow y_{\text{Родитель}}) \leftarrow z_{\text{Дитя}} = x.$$

• Несовершенная саморегуляция – это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftarrow y_{\text{Родитель}}) \leftarrow z_{\text{Дитя}} = y,$$

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftarrow y_{\text{Родитель}}) \leftarrow z_{\text{Дитя}} = z.$$

• Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивидуум обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

- «Золотая формула» гармонии во взаимоотношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = W \leftarrow \rightarrow (I - W) = I - W^2$, символизируя тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и достигая то, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W , отвечающий намерениям человека, равный «золотому сечению» (в дальнейшем мы увидим, что модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, превосходя по точности прогноза классическую модель принятия риска Дж. Аткинсона; овеянное исторической славой число $0,618$ появляется также тогда, когда испытуемые мысленно погружаются в решение наиболее привлекательной для них задачи – «задачи по вкусу»).

- Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией», в силу того, что эго-состояние «Взрослый» не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом «Родителя» и «Ребенка».

- Гипотетический результат саморегуляции – полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность – недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Ребенком. Существуют всего два варианта подобной гипотетической сюррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей» посредством «эффективной саморегуляции»); в каждом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $(I \leftarrow \rightarrow I) \leftarrow \rightarrow I = I$, ее осуществлять незачем, во втором случае, $(0 \leftarrow \rightarrow 0) \leftarrow \rightarrow 0 = 0$, – некому.

- Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности и, соответственно, места саморегуляции в ее структуре: три лица одного субъекта *versus* три субъекта одного лица.

ГЛАВА 23. ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МУЛЬТИСУБЪЕКТНОЙ МОДЕЛИ ВЫБОРА

Экзистенциальные выборы мультисубъектны. Проблема, обсуждаемая в данной работе, исходит из предложенной автором нетрадиционной трактовки личности как целокупности («единомножия») субъектов (Петровский В.А., 1996в, 2002а, 2004а, 2006б, 2009б). Подразумевается, что каждый субъект в составе личности, в момент совершения выбора, может придерживаясь своих собственных предпочтений, уникальной шкалы ценностей.

Две иллюстрации:

1. В исследованиях, выполненных под нашим руководством (дипломная работа студентки МГППУ О. Паниной), удалось показать, что «самооценок» у личности, как минимум, три. Испытуемые ранжировали качества личности, соответствующие идеальному «Я» и оценивали уровень представленности этих качеств в их жизни. Ранжирование и оценка качеств велась с трех точек зрения: Взрослого, Родителя и Дитя. Выяснилось, что самооценка «расщепляется», как минимум, на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитя», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга.

2. Отгалкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (Ж.В. Пыжиковой и М.К. Худышевой) предлагали испытуемым проанализировать 16 жизненных ценностей – с позиций в одном случае Дитя (мечты, сокровенные желания), во втором – Родителя (голос долга), в третьем – Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать). Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций – эго-состояний «Дитя», «Родитель», «Взрослый» – минимален. Чаще встречаются значимые корреляции между двумя инстанциями (Родитель – Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), но еще чаще отсутствие корреляций между инстанциями: ортогональность предпочтений! Не напоминает ли читателю подобная ситуация хрестоматийный триумвират таких «субъектов», как Лебедь, Рак да Щука?

Следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

Центральный вопрос исследования: «Каким будет итоговый выбор личности, если образующие ее “внутренние субъекты”, взаимодействуя друг с другом, исходят из своей особенной системы ценностей? К чему при этом в конечном счете придет личность?» Итак, мы рассматриваем личный выбор как функцию активности многих субъектов, представленных в личности. Под этим углом зрения и рассматривается описанная в книге транзактная модель рефлексивного выбора.

Истоки данной модели – транзактная теория Эрика Берна и рефлексивная теория Владимира Лефевра, о чем уже было сказано в книге. Транзактная теория представлена идеей существования трех эго-состояний личности: «Родитель», «Взрослый», «Дитя», выступающих в специфических конфигурациях мыслей, чувств и действий индивида (Берн, 2000, 2001). Рефлексивная теория – формулой «готовности субъекта к выбору», описывающей поведение человека в условиях биполярного выбора (Лефевр, 2000), а также многозначной булевой версией рефлексивного выбора, описывающей логику предпочтений личности, реализуемых на «булевой решетке норм» (Таран, 2000, 2001а, б).

Положения, высказываемые в первых публикациях, посвященных транзактной модели рефлексивного выбора (Петровский В.А., 2001б, 2002а, б), основывались, прежде всего, на теоретических аргументах и клиническом опыте автора этих строк, – вне всяких сомнений, положения эти имели гипотетико-дедуктивный характер. Возможность экспериментального изучения личностных характеристик с использованием модели В. Лефевра была особо подчеркнута нами в совместной статье с Митиной О.В. (Митина, Петровский В.А., 2004).

В данном разделе книги мы, с минимальными изменениями, воспроизводим текст этой статьи.

Настоящая работа представляет собой первую попытку в эмпирическом плане дать ответ на центральный вопрос – об адекватности транзактной модели рефлексивного выбора той реальности, которую она призвана описать.

Предметом эмпирического исследования здесь выступила взаимосвязь между личностными характеристиками, которые оцениваются посредством традиционных психологических опросников, и системой ценностных предпочтений личности, в соответствии с «переменными», входящими в формулу транзактной модели рефлексивного выбора.

Выше (см. главу 21) мы описали модель личности, разработанную Э. Берном (некоторые необходимые пояснения и уточнения категорий, используемых в современном транзактном анализе, содержатся в работах В.А. Петровского – 2000, 2001а).

Рассмотрим подробнее формулу «готовности субъекта к выбору» В.А. Лефевра, подтвердившую свою правомерность в целом ряде психологических и не-психологических разработок (в том числе, разработок в области астрономии – *Лефевр, 1996*).

Функция готовности субъекта к биполярному выбору определяется с помощью логической формулы $A=(a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$, где a_i – соответствуют различным состояниям и ощущениям субъекта, выраженным с помощью одномерной логической переменной (0 или 1). Значение выражения $a_i \rightarrow a_j$ вычисляется по правилам математической логики для операции импликации:

a_i	a_j	$a_i \rightarrow a_j$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

В своей формуле В.А. Лефевр предлагает интерпретировать a_1 как давление среды к выбору одной из альтернатив. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной a_2 . Это его психологическая установка, проявляющаяся в том, чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Психологическая установка складывается на основании предыдущего опыта субъекта. Чем больше a_2 , тем сильнее, с точки зрения субъекта, мир давит на него, предлагая выбрать позитивный полюс. Переменная a_3 описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, то есть его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. Само же значение формулы A – это та альтернатива, которую субъект готов выбрать. Таким образом, в рамках модели различаются объективная готовность субъекта произвести выбор и его «субъективное» намерение сделать это.

Кроме этого В.А. Лефевр расширяет область определения переменных до целого интервала значений от нуля до единицы, то есть предполагает возможность непрерывного, а не дискретного выбора какой-либо альтернативы. В результате такого расширения значение «функции готовности субъекта к выбору» может быть вычислено по алгебраической формуле

$$A=a_1+(1-a_1)(1-a_2)a_3.$$

Легко проверить, что если все a_i – принимают значения 0 или 1, то значения A , вычисленные по алгебраической формуле и по логической таблице, совпадают.

В настоящем исследовании изучаются значения функции готовности субъекта к выбору различных ценностей, вычисляемые в соответствии с транзактной моделью рефлексивного выбора, и их взаимосвязь с личностными характеристиками и ценностными предпочтениями.

Планируя экспериментальное исследование, мы выдвинули следующие гипотезы:

- Функция готовности субъекта к выбору является глубинным качеством, детерминирующим личностные характеристики.
- Функция готовности субъекта к выбору какой-либо ценности должна коррелировать с личностными характеристиками, значимыми для достижения этой ценности.

Напомним, что в транзактной модели рефлексивного выбора (см. главу 21) «переменные» функции готовности к выбору В. Лефевра (и соответствующие «переменные» в многозначной булевой версии Т. Гаран) трактуются следующим образом: подсознательно ощущаемому «давлению среды» (a_1) соответствуют «запросы» Ребенка (Дитя), «представлениям о давлении среды» (a_2) – «запросы» Родителя, «интенция» субъекта – «запросы» Взрослого.

В итоге формула готовности приобретает вид $L=(B \rightarrow P) \rightarrow D$, где D – запросы Ребенка, P – запросы Родителя, B – интенции Взрослого, L – фактическая готовность личности осуществить позитивный выбор (также, как и в главе 21, следуя традиции, используем стрелочку « \rightarrow » для обозначения материальной импликации). Материальная импликация (в дальнейшем говорим «импликация») интерпретируется как отношение «приемлемости» (или «реализуемости»): $A \rightarrow B$, это значит, что запрос, продуцируемый B , приемлем с позиции A (или, что A реализует себя посредством B) (Петровский В.А., 2006а). Антецедент, то есть первый член импликации, A , может рассматриваться также как устремление некоторой эго-системы, а консеквент, второй член импликации, B , как ресурс, посредством которого реализует себя (или не может реализовать) устремление.

Процедура эксперимента. Испытуемыми были 51 человек – студенты в возрасте от 19 до 29 лет. Чтобы актуализировать у испытуемого при заполнении им опросника различные эго-состояния: «Родителя», «Взрослого», «Ребенка», исходя из описаний Э. Берна (Берн, 2000; Берн, 2001) были составлены специальные инструкции.

Взрослый как источник запросов. Запросы Взрослого – это «рекомендации». Позитивный запрос: «предложения» («полезные советы»), негативный запрос: «предостережения». Между «предложениями» и «предостережениями» существует нейтральный запрос: «отсутствие предложений (и предостережений)»; нейтральный запрос – это случай, когда решение предлагают кому-либо принять «по собственному усмотрению», «на свой страх и риск» и т.п.

Инструкция для актуализации Взрослых запросов: «Оцените эти ценности с точки зрения их практической оправданности: насколько полезно в практическом отношении их придерживаться, ориентироваться на них в жизни».

Итак,

1. Очень бесполезно (вредно, опасно, нецелесообразно).
2. Бесполезно, вредно, опасно, нецелесообразно.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Полезно, не вредно, не опасно, целесообразно.
5. Очень полезно, не вредно, не опасно, целесообразно.

Родитель как источник запросов. Запросы Родителя – это указания (распоряжения). Позитивный запрос: «настояния», «требования». Негативный запрос: «запреты». Нейтральный запрос: «невмешательство», «разрешения». В случае нейтрального запроса говорят: «Я умываю руки», «Тебе жить, тебе и решать» и т.п.

Инструкция для актуализации Родительских запросов. «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными требованиями, которым необходимо подчиняться в жизни. Оцените эти требования с точки зрения их обязательности выполнения для себя».

Итак,

1. Ни в коем случае не следовать этим требованиям.
2. Не следовать этим требованиям.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Следовать этим требованиям.
5. Обязательно, во что бы то ни стало следовать этим требованиям.

Ребенок как источник запросов. Запросы Ребенка – это сокровенные побуждения к действию (хотения, желания, мечты). Позитивный запрос: «есть желание (хочу)», негативный запрос: «есть нежелание (не хочу)». Позитивному и негативному запросам в равной мере противостоит нейтральный запрос – «нет желания (и нет нежелания)», чему соответствует «ни жарко, ни холодно» и т.п.

Инструкция для актуализации запросов Ребенка: «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными желаниями, иногда несбыточными, которые свойственны многим людям. Оцените эти желания с точки зрения их значимости для Вас».

Итак,

1. Есть очень большое нежелание, очень не хочу.
2. Есть нежелание, не хочу.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Есть желание, хочу.
5. Есть очень большое желание, очень хочу.

Ниже приводится список предлагаемых для шкалирования ценностей: 1. Деньги. 2. Музыка. 3. Образование. 4. Хорошая еда и питье. 5. Демократия. 6. Приятное времяпрепровождение. 7. Религия. 8. Политика. 9. Любовь. 10. Чистая окружающая среда. 11. Здоровье. 12. Родина. 13. Спорт. 14. Честность. 15. Мир. 16. Церковь. 17. Свобода. 18. Надежда. 19. Равенство. 20. Работа. 21. Дружеские отношения. 22. Активная деятельная жизнь. 23. Бессмертие (продолжение себя в своих делах, в детях, в сердцах людей). 24. Общественное признание, уважение коллег. 25. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития). 26. Счастливая семейная жизнь. 27. Творчество. 28. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий). 29. Саморазвитие (работа над собой, физическое и психическое совершенствование). 30. Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей и человечества в целом).

Кроме того, каждый испытуемый ответил на вопросы ряда личностных методик: 16 факторного опросника Кетелла, опросник Айзенка (шкалы экстраверсии, психотизма, нейротизма), опросник локуса контроля (шкалы Общей интернальности, Интернальности в области достижений, Интернальности в области неудач), Опросник Тревожности Спилберга (шкалы Реактивной и Личностной Тревожности).

Так как входящие в формулу Лефевра переменные должны изменяться в диапазоне от нуля до единицы, а балльные оценки, выставляемые респондентами, находились в диапазоне от 1 до 5, то для всех оценок ценностей в разных изо-состояниях было использовано нормирующее линейное преобразование $x=X/4-1/4$, где X – это балльная оценка, выставленная респондентом (от 1 до 5), а x – нормированная оценка ценности для вычисления значения функции готовности субъекта к выбору (от 0 до 1).

Далее для всех ценностей для каждого респондента было вычислено значение «готовности субъекта к выбору» по формуле

$$Л=Д+(1-Д)(1-Р)В.$$

$Д$, $Р$, $В$ – это уже нормированные значения.

Далее мы вычисляли коэффициенты корреляции между значениями функции готовности субъекта к выбору той или иной ценности $Л$ и личностных качеств. Значимые коэффициенты корреляции мы интерпретировали как тот факт, что данное личностное качество влияет на осознанность и значимость сделанного выбора. В таблице 23.1 содержатся результаты корреляционного анализа. В левом столбце приводятся личностные характеристики, выявляемые с помощью опросников, в правом – коррелирующие с ними ценности. Рядом с каждой ценностью указывается коэффициент корреляции, а в скобках его значимость. В

качестве порога значимости, указывающего на наличие взаимосвязи личностных характеристик респондентов и выбираемых ими ценностей, мы взяли 0,01.

Таблица 23.1

Взаимосвязь личностных характеристик и ценностей

Личностные характеристики	Значимые корреляции личностных характеристик с ценностями
С – сила «Я»–слабость «Я» (эмоциональная устойчивость – неустойчивость)	Творчество 0,36 (0,009)
Е – доминантность–конформность (настойчивость, напористость–покорность, зависимость)	Творчество 0,407 (0,003) Церковь –0,46 (0,001)
F – сургенсия–десургенсия (беспечность–озабоченность)	Активная деятельная жизнь 0,398(0,004) Творчество 0,38 (0,006) Церковь –0,38 (0,006)
G – сила «Сверх-Я»–слабость «Сверх-Я» (высокая совестливость–недобросовестность)	Творчество –0,415 (0,002)
H – пармия–тректя (смелость–робость)	Образование 0,443 (0,001) Политика 0,465 (0,001) Работа 0,396 (0,004) Творчество 0,397 (0,004)
I – премсия–харрия (мягкосердечность, нежность–суровость, жестокость)	Надежда 0,37 (0,007)
M – аутия–праксерния (мечтательность–практичность)	Работа 0,356 (0,01) Активная деятельная жизнь 0,417 (0,003)
Q4 – фрустрированность–нефрустрированность (напряженность–расслабленность).	Работа –0,429 (0,002) Творчество –0,355 (0,01)
Экстраверсия	Демократия 0,381 (0,006) Работа 0,391 (0,005) Активная деятельная жизнь 0,388 (0,005) Общественное признание, уважение коллег 0,429 (0,002) Творчество 0,47 (0,000)
Психотизм	Свобода 0,382 (0,006) Честность –0,403 (0,003)

Следует отметить, что из 24 личностных качеств, определяемых по опросникам, значимые корреляции дали только 10, а ценностей было выделено 11 из общего списка 30. Такое ограничение вполне можно рассматривать как подтверждение гипотезы о неслучайности установленных корреляций.

Для людей, обладающих высокими показателями по фактору С опросника Кетелла (эмоционально устойчивых, со зрелыми взглядами на жизнь, постоянными в своих планах и привязанностях, ориентированных на требования действительности, не страшщихся перемен), значимой оказалась ценность Творчества. Эта же ценность оказалась значимой для людей с высокими показателями по фактору Е (уверенных в себе, независимых, склонных скорее выступать в роли лидера, чем выполнять функции подчиненного или исполнителя, иногда производящих впечатление человека, не считающегося с авторитетами и сложившимися нормами).

Люди, обладающие низкими показателями по шкале Е (не проявляющие независимости, готовые к подчинению и исполнительским функциям) в качестве значимой ценности выбирают Церковь.

Церковь как важную ценность выбирают также люди с низкими показателями по фактору F (в значительной степени озабоченные последствиями своих поступков и, прежде всего тем, как они отражаются на их будущем, склонными к переоценке вероятности неудач).

В противоположность таким людям, респонденты с высокими показателями по фактору F (общительные, жизнерадостные, демонстрирующие свой оптимизм, с легкостью совершающие поступки) в первую очередь выбирают ценности Активной деятельной жизни и Творчества.

Ценность Творчества выбирают также люди с низкими показателями по фактору G (морально независимые, свободно трактующие существующие правила).

Люди с высокими показателями по фактору H (смелые, решительные, имеющие тягу к риску и острым ощущениям, не теряющиеся при столкновении с неожиданными обстоятельствами, невосприимчивые к угрозе, свободно вступающие в контакты, не испытывающие трудности в общении, способные выдержать большие эмоциональные нагрузки) в качестве своих ценностных приоритетов указывают на Политику, Работу, Образование (по всей видимости, как средство достижения первых двух) и Творчество (возможно, его социальный аспект).

Обладание высокими баллами по шкале I (что является показателем мягкости, утонченности, негативного отношения к «грубым» людям и «грубой» работе) по результатам нашего исследования коррелирует с Надеждой.

Интересно отметить, что ценности Активной деятельной жизни и Работы коррелируют с высокими показателями по фактору M. Ведь та-

кие люди характеризуются как мечтательные, немного рассеянные, с развитым воображением (в противоположность тем, кто имеет низкие баллы по этому фактору, что свидетельствует о большей практичности последних). Однако вполне возможно, что наши респонденты – студенты еще только мечтают об активной деятельной жизни и работе, и это в наибольшей степени удастся людям мечтательным. «Прагматики» же откладывают выбор таких ценностей на будущее – до тех времен, когда им придется фактически действовать в контексте данного круга ценностей.

Ценности Работы и Творчества выбирают люди с низкими показателями по фактору Q4 (ненапряженные, спокойные).

Как и следовало ожидать, экстраверты (по опроснику Айзенка), то есть люди, характеризующиеся общительностью, широким кругом знакомств, импульсивностью, оптимистичностью, слабым контролем над эмоциями и чувствами, выбирают ценности Общественного признания, уважения коллег, Работы, Творчества, Активной деятельной жизни и Демократии.

Люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают Свободу, а с низким (характеризующимися сильным суперэго) – Честность.

На следующем этапе мы вычислили значения коэффициентов корреляции L с каждым из эго-состояний D , P , B для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность субъекта к выбору L , как функция от эго-состояний, являются глубинными личностными характеристиками и потому должны детерминировать определенные личностные качества, выявляемые с помощью стандартных опросников. Для проверки нашей гипотезы был использован метод детерминационного анализа (Чесноков, 1982, 1997; Петренко, 2010).

В нашем экспериментальном исследовании каждый респондент характеризовался значениями переменных по показателям ряда личностных методик и коэффициентом корреляции вектора значений выборов ценностей L с векторами значений выбора ценностей B , P , D . По каждой из переменных респонденту присваивалось значение «низкий», если полученная им балльная оценка или коэффициент корреляции попадал в нижний квартиль, значение «высокий», если полученная им балльная оценка или коэффициент корреляции попадал в верхний квартиль, и значение «средний» в остальных случаях. Мерой для определения степени детерминации одной переменной со стороны другой мы избрали *существенность*. Порог существенности, который мы считали значимым для того, был выбран 0,15. Посредством вычисления существенности, мы могли количественно определить степень детерминированности личности со стороны эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Ребенок»: высокая существенность детерминации L со стороны эго-состояния B , P или D свидетельствует об акцентуированности личности в каче-

Таблица 23.2

**Коэффициент корреляции вектора значений выборов
ценностей *Л* с векторами значений выбора ценностей *В, Р, Д***

Личностные характеристики	Родитель	Взрослый	Дитя	Родитель	Взрослый	Дитя
	Высокие показатели личностной характеристики			Низкие показатели личностной характеристики		
Общая интернальность	0,28	0,21	-0,02	-	-	-
Интернальность в области достижений	0,19	0,19	0,03	-	-	-
Интернальность в области неудач	0,21	0,05	-0,18	0,01	-0,06	0,17
А – аффектотимия–сизотимия (доброта, сердечность–обособленность, отчужденность);	0,11	0,19	0,19	-	-	-
С – сила «Я»–слабость «Я» (эмоциональная устойчивость–неустойчивость)	0,21	0,29	0,13	-	-	-
Е – доминантность–конформность (настойчивость, напористость–покорность, зависимость)	0,21	0,21	0,13	-	-	-
Г – сургенсия–десургенсия (беспечность–озабоченность)	0	0	0,15	-	-	-
Г – «сила Сверх-Я»–слабость «Сверх-Я» (высокая совестливость–недобросовестность)	0,15	0,07	-0,08	0,05	0,05	0,21
Л – протенсия–алаксия (подозрительность–доверчивость)	-0,1	0,21	0,13	-	-	-
М – аутия–праксерния (мечтательность–практичность)	0,07	0,15	0,15	-	-	-
О – гипотимия–гипертимия (склонность к чувству вины–самоуверенность, уверенная адекватность)	-	-	-	0,21	0,21	0,05
Q2 – самостоятельность–социабельность (самостоятельность–зависимость от группы)	0,03	0,03	0,17	-	-	-
Q3 – контроль желаний–импульсивность (высокий–низкий самоконтроль поведения)	0,15	0,07	-0,08	-0,18	-0,1	0,21
Q4 – фрустрированность–нефрустрированность (напряженность–расслабленность)	-	-	-	0,15	0,15	-0,01
Экстраверсия	0,17	0,09	0,09	0,07	0,22	0,07
Нейротизм	-	-	-	0,13	0,21	0,05
Реактивная тревожность	-	-	-	0,11	0,19	0,03

стве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок».

Каждый столбец таблицы 23.2 соответствует определенному эго-состоянию, каждые три столбца объединены в две подгруппы: высокие и низкие показатели личностных характеристик. Каждая строка соответствует личностной характеристике. В следующих за названием строки клетках указаны показатели существенности. Так, первый за столбцом названий идет столбец, соответствующий состоянию *Родителя* в подгруппе *высоких* показателей личностных характеристик. В клетках этого столбца указаны существенности детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Родителя*. Далее идет столбец существенностей детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Взрослого*, и последний столбец этой подгруппы содержит существенности детерминаций *высоких* показателей личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Ребенка*.

Аналогично столбцы подгруппы, озаглавленной «*низкие показатели личностных характеристик*», содержат существенности детерминаций *низких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Родителя*, *Взрослого* и *Ребенка*, соответственно.

В таблице 23.2 приведены следующие показатели: это полустроки (клетки строки, принадлежащие одной подгруппе), если одна из существенностей в ней является значимой (большей $0,15$), а остальные клетки в этой полустроке заполнены для сравнения, наглядно демонстрируют значимость одной детерминации и незначимость другой.

Рассмотрим наиболее важные результаты.

Высокие корреляции L и P , соответствующие нормативной ориентации испытуемых (на то, что *требуется*), а также высокие корреляции между L и B , соответствующие ориентации на *целесообразность*, детерминируют высокую общую интернальность (существенность здесь $0,28$ и $0,21$, соответственно). В плане сравнения, представляет интерес существенность детерминации общей интернальности высокой корреляцией L и D (то есть ориентацией испытуемых на свои *желания*): существенность здесь равна $-0,02$. Иначе говоря, человеку, руководствующемуся интенциями должествования или целесообразности

свойственно приписывать себе ответственность за происходящее (это человек внутреннего локуса контроля), в отличие от человека, руководствующегося желаниями. Рассмотрим теперь интернальность в области неудач (см. соответствующую строку таблицы): «Человек-Родитель» характеризуется внутренним локусом контроля (так же, как и в ситуациях, связанных с достижением успеха); но о «Человеке-Взрослом» подобного сказать нельзя. Последний, руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным во всех неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины. Что же касается «Человека-Ребенка», то он полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи: существенность детерминации равна $0,17$. (Для сравнения – в столбцах Родителя и Взрослого в соответствующих клетках стоят показатели $0,01$ и $-0,1$.)

По первому фактору теста Кетелла А (доброта, сердечность–обособленность, отчужденность) результаты детерминационного анализа указывают, что позиции Взрослого и Ребенка детерминируют высокие показатели, то есть теплоту и открытость в общении, богатство и яркость эмоций, готовность к сотрудничеству. «Человек-Ребенок» испытывает трудности, когда необходимо длительное сосредоточение на какой-либо работе в одиночестве. Если при этом ему свойственны перепады настроения, то некоторые люди могут воспринимать его как человека беспечного, ненадежного или непредсказуемого.

По фактору С (сила–слабость «Я») высокие показатели детерминированы позициями Взрослого и Родителя. Такие люди имеют зрелые взгляды на жизнь, постоянны в своих планах и привязанностях, ориентированы на требования действительности, не боятся перемен (заметим при этом, что у Человека-Взрослого эти качества выражены в большей степени, чем у Человека-Родителя).

Те же эго-состояния «Родитель» и «Взрослый» детерминируют высокие баллы по фактору Е (доминантность–конформность). Акцентуированные Родители и Взрослые обладают высокими баллами по этому фактору, уверены в себе, независимы, склонны, скорее, выступать в роли лидера, чем подчиненного или исполнителя; иногда они производят впечатление людей неуступчивых, не считающихся с авторитетами и сложившимися нормами.

Преобладание эго-состояния «Ребенок» детерминирует высокие показатели по фактору F (беспечность–озабоченность). Акцентуированный Ребенок общителен и жизнерадостен, окружающие склонны считать его оптимистом, ему приходится сталкиваться с недоверием или несерьезным отношением к себе из-за той легкости, с которой он совершает поступки.

Высокие показатели по фактору G (сила–слабость «Сверх-Я») детерминируются эго-состоянием «Родитель», а низкие – эго-состоянием

«Ребенок». Человеку-Родителю легче выдержать серьезные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождаются частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

Человек-Ребенок часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, дает окружающим повод сомневаться в своей надежности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живет акцентуированный Ребенок, далеко не всегда понятны людям.

Эго-состояние «Взрослый» детерминирует наличие высоких показателей по фактору L (протенсия–алаксия). Высокие баллы по этому фактору говорят о склонности человека к поиску истинных мотивов поведения других людей. Человека-Взрослого трудно ввести в заблуждение, у него высокая самооценка, он долго помнит о пережитых трудностях и неудачных контактах, скорее всего, переоценивая их вероятность в будущем.

Анализ показывает, что Взрослые и Детские акцентуации в значительной степени детерминируют высокие показатели по фактору M (мечтательность–практичность): это люди с развитым воображением, мечтательные, немного рассеянные.

Эго-состояния «Родитель» и «Взрослый» детерминируют наличие низких баллов по фактору O (гипотимия–гипертимия). Такие оценки свидетельствуют об уверенности человека в себе, спокойствии и невозмутимости, нечувствительности к замечаниям и упрекам окружающих, энергичности и активности, умении справляться с трудностями и уверенности в своих возможностях.

Эго-состояние «Ребенок» детерминирует высокие показатели по фактору Q2 (самодостаточность–зависимость от группы). Для Человека-Ребенка общественное мнение не является определяющим. Стремление к независимости настолько высоко, что, дорожа им, он готов со всеми трудностями справляться самостоятельно.

Эго-состояние «Родитель» детерминирует высокие показатели по фактору Q3 (высокий–низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. Человек-Родитель хорошо сознает социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации. В противоположность этой детерминации

эго-состояние Ребенок детерминирует низкие показатели по фактору Q3, свидетельствующие о пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Ребенку трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Эго-состояния «Родитель» и «Взрослый» детерминируют низкие показатели по фактору Q4 (фрустрированность–нефрустрированность). Можно сказать, что акцентуированные Родитель и Взрослый спокойны и невозмутимы.

Эго-состояние Родитель детерминирует высокие показатели по шкале Экстраверсия, что предполагает общительность, социальность, широкий круг знакомств. В противоположность этому, эго-состояние «Взрослый» детерминирует низкие показатели по шкале Экстраверсии – перед нами интравертированные личности (спокойные, застенчивые, склонные к интроспекции), а также низкие показатели по шкале Нейротизма (повышенную эмоциональную устойчивость) и низкую реактивную тревожность.

Обобщение анализа таблицы 23.2 позволяет сделать следующие выводы:

В ряде случаев одни и те же эго-состояния могут детерминировать одни и те же личностные качества:

- Родителя и Взрослого – высокую общую интернальность и интернальность в области достижений, эмоциональную устойчивость и настойчивость, самоуверенность и уверенную адекватность, отсутствие фрустрированности;
- Взрослого и Ребенка – аффектотимию, аутию.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы Интернальность–Экстернальность в области неудач, Сила «Сверх-Я»–Слабость «Сверх-Я», Контроль желаний–Импульсивность задают оппозицию Родитель–Ребенок. Эти данные, как нам представляется, хорошо согласуются с феноменологией эго-состояний, представленной в транзактном анализе, подтверждая правомерность транзактной модели.

Некоторое удивление, пожалуй, может вызвать следующий факт: шкала Экстраверсия–Интраверсия задает оппозицию Родитель–Взрослый. На первый взгляд, кажется странным, что проявления Родителя сочетается с экстравертированностью человека. Но если мы всмотримся в черты Родителя внимательнее, мы придем именно к этому результату. Здесь правомерна аналогия с компьютером. Нет «существа» более «экстравертного», чем компьютер: его программируют извне и после того, как программа «вложена», то, что получается «на выходе», полностью детерминируется тем, что «на входе». Так и Родитель: участвуя в «семейном параде» (Берн, 2000), он приобретает свое содержание извне (от Родительских эго-состояний других родителей) и транслирует их вовне;

он вынужден реагировать на сигналы, поступающие из среды, иначе он не сможет реализовать свою репродуктивную функцию; Родитель, погруженный в свой внутренний мир, преобразующий себя, рефлектирующий и т.п. – нонсенс! Такова прерогатива Взрослого³⁹.

Существуют личностные характеристики, свойственные только одному эго-состоянию, что также, в большей или меньшей степени, ожидаемо. Так, Взрослому (а он, напомним, живет в стохастической среде и «вычисляет вероятности») соответствуют протенсия, нейротизм, реактивная тревожность, в то время как состоянию Ребенок – контрастные проявления беспечности, самодостаточности.

Итак, в контексте многофакторного исследования личности, при использовании транзактной модели рефлексивного выбора, $L=(B \rightarrow P) \rightarrow D$, мы получаем вполне согласующиеся с транзактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам, **соответствуют** тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния «Взрослый», «Родитель», «Ребенок»⁴⁰. И таким образом, предложенная ранее транзактная модель рефлексивного выбора получает свое эмпирическое подтверждение.

Вернемся к тезису, который был сформулирован нами ранее. Мы говорили о том, что «индивидуальность *не есть* субъект». Однако всем сказанным ранее отнюдь не утверждается, что индивидуальность, отличаясь от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целедостигающего существа, лишена возможности обнаруживать вовне субъектность составляющих ее «частей».

В случае если Взрослый берет на себя эту роль, выстраивая свои отношения с другими внутренними субъектами и подчиняя их своей воле, мы говорим о том, что индивидуум *состоялся* как личность, а процессы, порождающие *состоятельность*, описываем в терминах *саморегуляции*.

³⁹ На заре транзактных исследований эго-состояние «Взрослый» сравнивали с компьютером. Но эти времена ушли в прошлое...

⁴⁰ Существуют примеры опытной оценки *меры* соответствия данных эмпирического исследования интуиции экспертов (Петровский, 1997б; Митина, Петровский, 2004). Но обсуждение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

ГЛАВА 24. САМОПОЛАГАНИЕ

СЕМЬ ПРОСТРАНСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Дифференциация всевозможных «пространств» человеческой жизни («субъективное» и «объективное», «психосемантическое», «жизненный мир», «психологическое пространство», «поле», etc) представляет интерес для психолога, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, они представляют собой полигон для решения важной задачи упорядочивания знаний. Здесь не только теоретический интерес, но и решение дидактических задач. Раскладывание материала по «полочкам»-пространствам – чем не достойный почин на пути формирования, как говорили в прежние годы, глубоких и прочных знаний учащихся? И, кроме того, – бесспорная возможность структурировать собственные выступления, компоновать тексты, а нашим студентам – «тачать» рефераты на разные темы. У психологов, начинающих свою научную карьеру, и психологов, по-видимому, завершающих ее, классификация, типологизация, систематизация феноменов словом, та или иная форма их «раскладывания» иногда превращаются в некую имитацию деятельности, вполне замещающую собой деятельность реальную, созидательную. Хотя, согласимся, что удачная форма упорядочивания материала того или иного рода способна доставить читателю (и уж точно автору) эстетическое наслаждение, оправдывающее языковые игры с неподатливым материалом.

Во-вторых, это реальная работа с пространствами, труд соотнесения их друг с другом, поиск механизмов сцепления, совместного функционирования их контентов. В этом случае «машина» психологического знания трогается с места, сходя с чертежей и оправдывая сложность своего внутреннего устройства. Иллюстрацией мог бы служить рисунок, сделанный рукой З. Фрейда, где совмещены топологическая и структурная модели психики, а также структурные модели первого, второго, третьего и т.д. порядков, предложенные Э. Берном в описании личности и другие⁴¹.

⁴¹ Например, удачная типология «жизненных миров» и, особенно, «работающие» смежные модели психического мироустройства, изящная «нотная запись» переживаемого, представленные в разработках Ф.Е. Василюка (*Василюк, 1984, 2007*).

Есть еще один возможный резон пространственных расслоений психосферы. Это – искушение возможностью «игры в бисер», объединяющей разные языки для разделения пространств и преумножения форм их сопряжений. Я надеюсь, что этот эстетический акцент работы «с пространствами» читатели разглядят в данной главе, где речь идет о мега-пространстве семи пространств, образующих три области существования личности: «во мне», «вне меня», «между нами». Внутри первой области, «во мне», выделяются пространства: «со мной», «при мне», «у меня». Внутри второй – пространства «у меня», «от меня», «из-за меня». Третья область – это пространство «мне» и «мною». Ассоциация с «Игрой в бисер» Г. Гессе обусловлена, в частности, тем, что пространства, образующие в некотором роде континент личности, состоящий из материков и связующего их архипелага, озвучиваются перекличкой личных местоимений⁴², а соотнесение контентов базируется на логических связках, известных из курсов математической логики.

В понимании «личности» будем следовать У. Джеймсу: *личность* – целокупность всего, что является **личным** (моим) (Джеймс, 1991). Это определение не является точной цитатой из Джеймса. Но оно отвечает духу его теории и является объемлющим для всех «ипостасей» личности, рассмотренных Джеймсом. Из этого понимания следует: описать и понять личность – значит «исчислить» то, что относится к *личному*, существуя во мне, вне меня, а также – между мной и моим окружением.

Рассмотрим мегапространство личности детальнее (см. рис. 24.1).

1. Во мне – со мной. Это область существования «бессознательного» в топологической модели З. Фрейда⁴³, «коллективного бессознательного» К. Юнга, «демонов» Э. Берна и др.; «либидо» и «танатос» структурной модели З. Фрейда присутствуют там, «вторичные процессы» А. Минделла, «духовное бессознательное Я» В. Франкла – там же. Именно в этом пространстве таятся энергия жизни и силы роста личности, а также, возможно, базовые ориентиры, барьеры и опоры развития. Здесь же – отзвуки стимулов, воздействующих на субъекта извне,

⁴² Возможная тут ассоциация с поэтической строкой Окуджавы, «судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе», могла бы выглядеть чисто случайной, когда бы не «Игра в бисер»... Впрочем, значительнее менее случайная связь прослеживается с опытом реализации идеи пространств применительно к смысловым моделям мира, булева типология которых развивается автором в настоящей работе (см. главу 10).

⁴³ Примеры имеют иллюстративный характер, поэтому я ограничиваюсь общезвестными именами и ни в коей мере не претендую на освещение всех релевантных понятий и достойных упоминания имен.

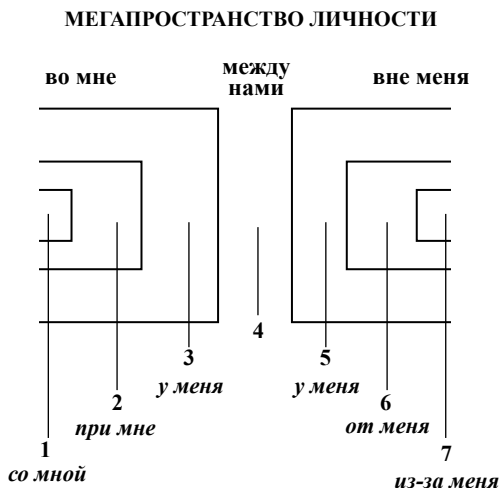

Рис. 24.1. Семь пространств существования личности

и превращающихся в его влечения⁴⁴. Пространство «во мне и со мной», по-видимому, не может быть полностью субъективировано человеком (хотя бы уже потому, что «субъективация», как таковая, не может быть субъективирована человеком в самый момент ее совершения).

2. Во мне – при мне. Это область существования «темных чувствований» М. Сеченова, «предсознательного» в топологической модели З. Фрейда, «краевых фигур (монстров)» А. Минделла (Минделл А., Минделл Э., 1999), «до-рефлексивного» Ж.-П. Сартра, «подсознательного организмического функционирования» К. Роджерса (Роджерс, 2005) – опыт, потенциально доступный для сознательного понимания⁴⁵ и др.

3. Во мне – у меня. Это область существования «*cogito*» («мыслью») Р. Декарта, «сознательного» З. Фрейда, «объективации» Д.Н. Узнадзе, «сознательного внимания» К. Роджерса, «зоны осознания» Ф. Перлза, «переживающего Я» Берна, «осознания своего духовного Я» В. Франкла и др.

⁴⁴ В главе 29 мы гипотетически рассмотрели фазы развертки активности «Я» в направлении провокативного стимула – феномен рефлексивной возгонки влечения. Активность субъекта, искушаемого провокативным стимулом, развивается в четырех сферах личности, о которых сейчас мы ведем разговор. Одна из них – перед нами: «во мне и со мной» (сфера внечувственного потенциального опыта). Далее – прямо по курсу – «во мне и при мне» (сфера дорефлексивной чувственности), «во мне у меня» (сфера самосознания), «мною и мне» (сфера действия).

⁴⁵ Привожу формулировку Р. Нельсон-Джоунс (2001, с. 37).

4. Мною и мне. Это область контактов и взаимопревращений двух сфер бытия: *во мне* и *вне меня*. Там содержатся: накапливаемый подсознательный опыт (не достигающий статуса переживаемого), «давление среды» В.А. Лефевра, рефлекторные импульсы в ответ на телесные и средовые воздействия, «инстинктивные влечения» З. Фрейда, «идеомоторные акты» П. Жане, «возбуждение» Ф. Перлза, «первичные» и «фиксированные установки» Д.Н. Узнадзе, «детерминирующие тенденции» Н. Аха, «динамическая сила» и «направленная энергия» Р. Ассаджиоли, и др. Обратим внимание на то, что содержания, представленные в пространстве *мне* и *мною*, не являются переживаниями человека, они лишь обращают к нему и исполняют его импульсы, исходящие извне (континент *вне меня*) и, соответственно, изнутри (континент *во мне*). Скажем, воля – «это непосредственная функция “я”, но функция во многом скрытая» (Ассаджиоли, 2008, с. 157).

5. Вне меня – у меня. Так можно описать все то, что, не будучи мною, я отношу к себе, защищая от посягательств. То *внешнее*, которым обладает *внутреннее*. К категории *вне меня – у меня* относятся «физическое Я» У. Джеймса, «переходные объекты» Д. Винникотта, «сэлф-объекты», введенные Я-психологами «для обозначения тех людей, которые подпитывают наше чувство идентичности и самоуважения своим подтверждением, восхищением и одобрением» (Мак-Вильямс, 1998, с. 109).

6. Вне меня – от меня. Такова область существования результатов и последствий моей активности, мое бытие в другом человеке, ощущаемое им как несомненная реальность⁴⁶. В субъективном пространстве другого я существую как *интроект* (интернализированный другой).

7. Вне меня – из-за меня. В этом пространстве сосредоточены значимые проявления моего присутствия в жизни других людей. Мы используем в данном случае термин «персонализация»: во мне видят личность, если я способен быть источником значимых изменений в жизни других людей. Результаты экспериментальных исследований эффектов отраженной субъектности отражены в этой книге (см. главу 15). Очевидно, что опосредствованные и отсроченные феномены персонализации могут быть совершенно неизвестны субъекту⁴⁷.

⁴⁶ Памятные общеизвестные строки Л. Мартынова могут служить примером сказанного: «А ты, какой ты след оставишь...».

⁴⁷ Когда автором этих строк была предложена концепция персонализации и, в частности, соображения по поводу «земного бессмертия», Галина Михайловна Андреева (она возглавляла тогда кафедру социальной психологии факультета психологии МГУ) улыбнулась: «Интересно, *кто* будет испытуемым и *кто* – экспериментатором?» Грустно в ответ улыбаются Толстой, Шредингер, Пастернак, Бехтерев и многие другие мыслители, обращавшиеся к этой проблеме... В статье «Индивид: его потребность и способность “быть личностью”», написанной в соавторстве с А.В. Петровским, мы

Как видим, мега-пространство сосуществования двух сфер бытия – *во мне и вне меня* – включает в себе семь пространств. Первое из перечисленных есть область *трансцендентального* (условия опыта, не являющиеся его результатом), второе – область *трансцендентного* (того, что выходит за границы возможного опыта). Между трансцендентальным и трансцендентным – область наблюдаемого и постижимого в рамках индивидуального опыта.

Разрабатываемые представления о «семи пространствах личности» – не столько способ систематизации существующих представлений, сколько рабочий инструмент синтеза новых моделей описания и прогнозирования процессов активности. Далее в поле нашего зрения окажутся развивающиеся в семи пространствах личности процессы самополагания человека: самоактуализация, самореализация, самопрезентация, самотрансляция и самотрансценденция.

СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ САМОПОЛАГАНИЯ

Метафорически, **Я** – это **сгусток возможностей**, воплощаемых во вне, а главная потребность человеческого бытия – **освоение этих возможностей** («высвоение», если использовать термин М. Хайдеггера). В настоящей главе мы исследуем гипотетические формы и механизмы *самополагания* субъекта как процесса, все более распространяющегося во вне испытания и использования своих возможностей человеком. В этой связи мы говорим об **эффектах** воплощения своих возможностей и, в первую очередь, о том, насколько производимое субъектом соответствует силе его устремлений. Мы строим *формальные модели* самополагания, исследуем условия *состоятельности* его разных форм, сопоставляем прогнозы, вытекающие из модели, с эмпирическими фактами, которые были получены нами, а также – другими авторами.

ТЕЗАУРУС. Исходим из того, что *субъект активности* – носитель возможностей, воплощаемых вовне.

Самополагание есть не только актуализация, но и воплощение человеком собственных потенциальных возможностей. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать свои возможности.

«*Быть (находиться) на уровне своих устремлений (ожиданий, требований и т.п.)*» – это значит добиваться чего-то в соответствии с тем, что побуждает или обеспечивает активность, так что приобретаемое по своему уровню адекватно тому, что запрашивалось или предлагалось. Человек может обрести то, чего реально желал (и в этом случае его

цитировали А.С. Пушкина «Нет, весь я не умру...», размышляя над тем, что остается (Петровский А.В., Петровский В.А., 1982).

состоятельность – на уровне его устремлений); но он также может получить неожиданно больше того, к чему стремился (*сверхсостоятельность*) или – меньше этого (*несостоятельность*). В данной части книги мы исследуем, при каких условиях *состоятельность соответствует устремлениям*.

Базовый тезис состоит в том, что процессы самополагания развиваются в семи пространствах, описанных нами ранее. Метафорически, перед нами эстафета процессов на семи участках пути. Рассмотрим маршрут следования.

Пространство «1» («Сфера внечувственного потенциального опыта»). На старте самополагания имеем дело с трансцендентальным Я. Устрашающую фрейдовскую метафору «котла», в котором кипят бессознательные импульсы либидо и танатоса, мы замещаем светлым словом «родник» – применительно к трансцендентальному Я самополагания. Словно бы «некто» внутри меня, кого я не знаю в лицо, но о ком догадываюсь, обладает полным потенциалом возможностей, побуждающих к активности. Эти возможности *во мне и со мной*, но я не волен распоряжаться ими.

Пространство «2» («Сфера дорефлексивной чувственности»). Эстафета процессов захватывает далее дорефлексивное «Я». Это – та часть внутреннего мира, о которой можно сказать словами В.П. Зинченко, что она не «*ре-презентирована*», а «*презентирована*» человеку (Зинченко, 2009). Дорефлексивное «Я» инициирует самоактуализацию – самоиспытание возможностей. Испытываемые возможности – неотчуждаемые, они изначально и вечно *при мне*. Но, пробуждая себя к действию, я стремлюсь испытать их. Говоря об этих возможностях, я подчеркиваю (и это важное допущение для всего дальнейшего обсуждения!), что некоторые из них могут рассматриваться как *еще не освоенные* (подлежащие испытанию), а остальные – как *имеющиеся* (*испытываемые + имеющиеся = I*).

Испытываемые возможности – это такие возможности, в объективности которых хочет убедиться субъект. Будем говорить о них «возможности-запросы». Они переживаются как *запросы к себе*: «Могу ли я совершить (произвести, обнаружить) то, что переживаю как возможное?»⁴⁸ Совокупность попыток убедить себя в том, что я на это способен, образуют процесс *самополагания* субъекта (что соответствует данному выше определению)⁴⁹. Имея в виду *долю* запросов по отноше-

⁴⁸ Попытки проверить это могут описываться как *проба себя*. Этот термин предложил мне А.Н. Леонтьев в период моей работы над идеей «надситуативной активности» (Петровский В.А., 1977).

⁴⁹ Возможности-запросы – это «могу», переживаемое как «хочу». В более ранних работах, мы постулировали соответствие между еще не проверенным «могу»

нию к личному потенциалу активности, будем говорить в дальнейшем о силе (уровне) стремления к самополаганию.

Используемые возможности – это возможности, позволяющие субъекту (во всяком случае, так он считает) осуществить испытываемые возможности. Иначе говоря, это возможности-ресурсы – все то, что содействует удовлетворению запросов, а также провоцирует необходимую для этого активность⁵⁰. Рассматривая *долю* возможностей-ресурсов по отношению к личностному потенциалу активности, будем говорить об *уровне опор*.

Пространство «3» («Сфера самосознания»). В эстафету активности далее вовлекается рефлексивное Я; оно как бы перехватывает то, что ранее *переживалось*, но не было *осознано* личностью. И теперь, в качестве участника эстафеты, я мог бы сказать о себе: «У меня это есть – возможность добиться желаемого». Рефлексивное Я дает опору для оценки испытываемых возможностей, что проявляется в моих *предчувствиях*.

Пространство «4» («Сфера действия»). Далее в эстафету вступает действующее Я. О процессах и переживаемых результатах его активности действующее Я могло бы сказать о себе: «Производится мною». В случае если выбранная задача имеет решение, а субъект прилагает столько сил, сколько требуется для ее решения, то, в конечном счете, ему дано пережить *предрешенность* успеха (восклицательный знак эмоции «я нашел!» опережает, как известно, интеллектуальную точку в этом процессе). Переживаемая предрешенность успеха в «координатах объекта» есть решенная задача, а в «координатах субъекта» есть то же самое, что и *удовлетворенность собой*.

Пространство «5» («Событийная сфера»⁵¹). И вот, наконец, эстафета закончена, финишная ленточка порвана, дальше вступают в действия судьбы, подытоживающие результаты, зрители, приветствующие победителя (или освистывающих побежденного). То, что я, как субъект происходящего, имею теперь, отчуждено от меня, не является мною,

(неосвоенные возможности) и – «хочу» (высоте амбиций соответствует сила желания самопроверки). Здесь мы придерживаемся той же идеи.

⁵⁰ Мы особо выделяем провокативный аспект субъективных возможностей. Иногда субъективная невозможность действия или запрет на его выполнение стимулируют активность. На этом основаны техники провокативной терапии Ф. Фарелли, а также исследованный Бремом феномен привлекательности «запретного плода» («запретный плод сладок»). В наших экспериментах (Петровский, 1977) было показано, что нейтральный объект, если его запретить, становится притягательным (условно говоря, «и булыжник приобретает вкус»).

⁵¹ «Событийность» здесь фигурирует сразу в двух смыслах: «событие» и «событие» (в российской психологии категория *со-бытия* всесторонне охарактеризованы В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым (Слободчиков, Исаев, 1995).

существует *вне меня*, однако, по-прежнему, у *меня* – как часть моего недавнего прошлого (похвального или достойного забвения). Здесь я смотрю на достигнутое не только «своими глазами», но и «глазами другого», вижу содеянное изнутри и извне, совмещаю в себе две позиции – субъекта-автора и субъекта-эксперта (последний играет здесь определяющую роль). Для другого человека – это часть воспринимаемого им мира, пространство *вне него и перед ним*.

Теперь можно проложить маршрут за пределы личной активности участника эстафеты, имея дело с последствиями его активности для вовлеченных лиц, и через них – для него самого. Договоримся впредь обозначать субъект самополагания символом S , а контрагент (партнер) – S^* .

Пространство «6» («Сфера интроектов»). Здесь раскрываются последствия активности S в субъективном мире S^* . Для самого S это пространство контентов, существующих *вне меня* и *из-за меня* (там отражается то, что исходит *от* субъекта самополагания S , проникая в партнера S^*). В то же время *для партнера* S^* – это пространство контентов, существующих *в нем самом и при нем*.

Пространство «7» («Персоносфера»). Присутствуя в других людях, субъект самополагания S может быть источником значимых влияний на них (полезных или разрушительных, развивающих или застопоривающих, содействующих или противодействующих им в их собственных начинаниях). Нельзя исключить и того, что представления, сложившиеся о субъекте S , оставляют S^* вполне равнодушным. Имея в виду возможные эффекты идеальной представленности и продолженности человека в человеке, автор, наряду с термином В. Франкла *самотранценденция*, использует термин *персонализация* (становление «личности»). Поясним, почему. В поисках критерия различения конструктов «личность» и «индивид», было введено представление об отраженной субъектности одного человека в другом, что проявляется в значимых для другого преобразованиях (или подтверждениях) его жизнедеятельности. Невозможно «быть личностью», не соучаствуя в жизненных процессах других людей (Петровский В.А., 1981а, б; а также последующие работы, отраженные в этой книге). Отсюда и название данной сферы бытия личности – *персоносфера*⁵². Эффекты влияния, «личностные вклады» в жизнь других людей, вносимые субъектом самополагания, для него самого существуют в пространстве *вне меня* и *из-за меня* («нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»), но, ощущая свою ответственность, человек мысленно может «проигрывать» последствия своих воздействий, предугадывая результат (отсюда и иллюзия контроля над последствиями). С позиции же другого лица, S^* , происходящее

⁵² Первым в психологический лексикон ввел термин «персоносфера» А.В. Петровский (2005).

развивается в его собственном пространстве жизни, существует *внутри него и для него*.

Как только что было сказано (правда, иными словами), выходя за пределы себя, то есть оказываясь в пространствах «5» («событийная сфера»), «6» («сфера интроектов») и «7» («персоносфера»), человек не может знать достоверно, *как его оценят другие, кем он является для других, что он привносит в их жизнь*. Все это предмет моделирования – мысленного предвосхищения, интуитивных прогнозов, предчувствий.

И в этом (нередко «роковым» для субъекта самополагания) пункте мы оказываемся перед выбором. Первая возможная позиция состоит в том, чтобы проследить эффекты самополагания, развивающиеся в пространствах «5», «6» и «7», полагая при этом, что нам известно *все необходимое* о том, как S^* он относится к S . Иначе говоря, – что нам известно о степени его заинтересованности в S , о высоте его ожиданий, касающихся S , об уровне контроля над S (мы обозначим перечисленные параметры техническим термином – «настройки»). Знает ли обо всем этом субъект S , нас в данном случае не интересует – мы исследуем лишь то, как в действительности он существует в пространстве жизни другого и за пределами себя самого.

Другая позиция – это взгляд со стороны субъекта S , который *моделирует* в своем воображении «настройки» контрагента и, соответственно, эффекты своего присутствия в мире другого. Драматизм ситуации усиливается, если он никогда не видел и не увидит того, в ком ему, возможно, предстоит «отразиться». Если добавит к этому, что люди представлены в других *отсредовано* – в ком-то «дальнем» через «ближнего» (хотя и «ближние», порою, сродни «дальним»), то можно представить себе, насколько непредсказуемы при таком взгляде бывают последствия собственных действий:

И может быть, в эту минуту
 Меня на турецкий язык
 Японец какой переводит
 И в самое сердце проник...⁵³

Осип Мандельштам, «моделируя» в своих стихах труды переводчика-японца, очевидно, презрел надобность в перекрестной рифме, подчеркивая, тем самым, неперебиваемость своей поэзии и абсурдность ожиданий, что его стихи, с подачи японца, отзовутся в сердце турка.

⁵³ Я впервые услышал эти стихи еще в школе, их читал и комментировал А.А. Якобсон, наш учитель (я еще вернусь к этому имени). Необычность, по-моему, здесь состоит в том, что *форма* стиха ведет себя «не по правилам» (то есть не совсем по Выготскому): она не «преодолевает», как водится, а как раз, наоборот, напрямую высказывает *содержание*.

Таким образом, принимая вторую возможность, мы, так же как и в первом рассмотренном случае, должны абстрагироваться от важных аспектов проблемы, то есть от того, что происходит на самом деле.

Какую позицию предпочесть? С учетом того, что каждая из них, представляя существенный интерес, заключает в себе очевидные ограничения, мы принимаем позицию компромисса. А именно: рассуждаем с позиции субъекта S , как если бы он заранее знал обо всех «настройках», присущих контрагенту S^* .

«Пространственная» трактовка самополагания субъекта и его взаимоотношений с социальным окружением предоставляет многообразные возможности для понимания и прогнозирования процессов самополагания, позволяя перейти от детализированного качественного (*Старовойтенко*, 2004) к «модельному» количественному подходу в трактовке личностной рефлексии.

Ниже представлена одна из частных форм сопряжения пространств личности, позволяющих проследить ближайшие и отдаленные эффекты испытания субъектом своих возможностей:

$$((((1 \leftarrow x) \rightarrow y) \leftarrow z) \rightarrow c) \rightarrow b) \rightarrow a.$$

Разберемся в *стрелочках* и *буквах*.

Начнем со *стрелочек*: \leftarrow и \rightarrow . Они символизируют оператор *метаимпликации* (обобщения «материальной импликации» для рациональных значений переменных на отрезке $[0, 1]$)⁵⁴. Интуитивный смысл оператора метаимпликации: пусть A – запрос субъекта (компенсирующий недостаток внутреннего ресурса, $1-A$) и B – внешний ресурс; $A \leftarrow B$ символизирует меру состоятельности субъекта (реализуемость запроса через внешний ресурс). Иными словами, \leftarrow – символ *опоры* («запрос A опирается на ресурс B »). Численно, $A \leftarrow B = 1 - A + A \times B$. Необходимо пояснить смысл этого определения: $1 - A$ – это имеющийся внутренний ресурс, а произведение $A \times B$ – означает, что объем приобретаемого извне пропорционален величине внешнего ресурса и силе запроса (максимум – при запросе 1 и ресурсе 1 ; если хотя бы одна из этих величин равна 0 , то ничего не присваивается: либо приобрести нечего, либо приобретать незачем). «Развернув» стрелочку, мы меняем местами запрос и внешний ресурс. В этом случае имеем: $A \rightarrow B = 1 - B + B \times A$ (ресурс A реализует запрос B).

Рассмотрим теперь *символы*:

1 – личный потенциал активности S (пространство 1);

x – стремление S (пространство 2);

y – рефлексивный образ имеющихся у S возможностей (пространство 3);

⁵⁴ К идее метаимпликации автор пришел, отталкиваясь от «поразрядной импликации», реализуемой на булевых решетках (*Таран*, 2000, 2001а, 2001б).

- z – усилия, мобилизуемые S (пространство 4);
 c – контроль со стороны S^* над достижениями S (пространство 5);
 b – избирательность S^* в общении (с ориентацией на успешных людей) в противоположность тотальному приятию (всеприятию) (пространство 6);
 a – зависимость S^* от S (пространство 7).

Заметим сразу: из определения метаимпликации вытекает возможность упрощения записи. Действительно, $I \dashv\dashv A = I - I + I \times A = A$, и таким образом мы можем «переписать» модель, приходя к следующей форме:

$$(((x \dashv\dashv y) \dashv\dashv z) \dashv\dashv c) \dashv\dashv b) \dashv\dashv a$$

Попробуем прочесть эту запись (что непросто):

«Стремление x опирается на имеющиеся возможности y , рождающееся предчувствие достижения опирается на мобилизуемые усилия z , что порождает определенный уровень удовлетворенности собой; далее достижения субъекта подлежат контролю c со стороны контрагента, оценка достигнутого, удовлетворяя ожидания партнера b , свидетельствует об определенном уровне его принятия партнером, а это, в свою очередь, ведет к признанию субъекта со стороны партнера – в зависимости от исходной заинтересованности в нем – a ».

Разумеется, эта длинная фраза не может служить образцом описания происходящего. Она лишь поясняет формальную запись. В символической репрезентации логика «межпространственных переходов» становится обозримой – оправдывая, надеюсь, труд читателя по осмыслению «букв» и «стрелочек».

Сосредоточимся вначале на первых четырех пространствах модели. Перед нами та часть «континента личности», которая была описана нами в терминах «внутреннего» пространства – бытия *во мне*.

Примем во внимание некоторые допущения.

1. Сила стремления актуализировать неосвоенный потенциал возможностей соответствует объему этих возможностей. Тем самым перебрасывается «мостик» между *могу* и *хочу*. Иначе говоря, чем большие возможности я в себе ощущаю, тем сильнее я хочу их проверить. Если же эти возможности невелики, то и желание, соответственно, невелико.

2. Субъект рефлексивирует себя – имеет дело с образом себя в рефлексии. Иначе говоря, обладая внутренним миром, он, «как в зеркале», видит себя, осознавая свои желания и возможности. Принимаем более сильное, чем общепринятое, положение о том, что его (субъекта) рефлексивный двойник – не просто «отблеск», но существо, обладающее такими же желаниями и возможностями. Ранее мы отмечали, что субъективные возможности подразделяются на две категории: «во мне и

при мне» («предсознательные» – пространство «2») и «имеющиеся у меня» («осознанные» – пространство «3»). Теперь мы подчеркиваем преемственный характер того, что есть у меня, по отношению к тому, что есть во мне. Возможности, «существующие *при мне*», дорефлексивны. В рефлексии они выступают как возможности, «существующие *у меня*». Различаясь *качественно* (предсознательное/сознательное), они равны друг другу *количественно* (рис. 24.2).

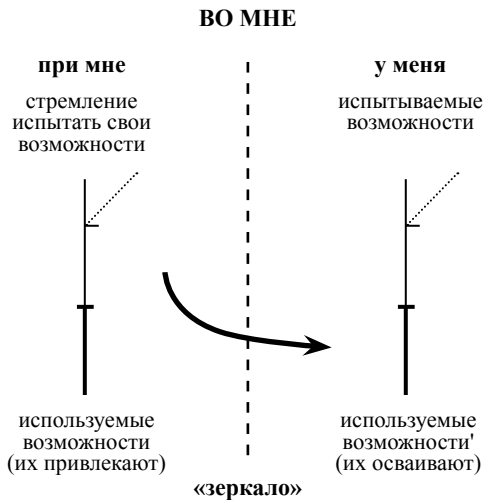

Рис. 24.2. «Опираюсь на свое отраженное Я»

Такое предположение кажется возможным, в случае если речь идет о психическом воспроизводстве, копирующем информационные и другие свойства отражаемого (в частности, эмоциональные переживания). Сходное допущение принимается В.А. Лефевром в его рефлексивной теории (2003). В этой теории субъект S строит образ себя S' , тот, в свою очередь, способен также строить образ себя S'' и т.д. Будем считать, что этим дублирующим друг друга существам свойственна «плоть» – энергия и информация, образующие динамический материал и форму испытываемых и используемых возможностей⁵⁵.

⁵⁵ Считаю важным подчеркнуть в этой связи, что здесь мы ступаем на неосвоенную пока территорию *транзакций с неубывающим ресурсом*. Использование информации, предоставляемой контрагентом, не ведет в данном случае к уменьшению его ресурса. Действительно, информация – необычный «товар», ее стоимость не определяется редкостью. В этой области действует правило «что сбережешь, то потеряешь, что отдашь, то сбережешь» (мысль, чувство). Как бы пафосно это ни звучало, но я убежден: грядет новая эра экономических отношений, основанных

3. В процессе самоактуализации субъект опирается на копию-эквивалент (живой образ, «клон») опорных возможностей, возвращаемых ему зеркальным двойником-партнером. На рис. 24.2 и 24.3 это символизировано изогнутой стрелкой.

4. Субъекту удается, на том или ином уровне, *пережить* возможность осуществления своих желаний. Мы описываем это состояние как *переживание достижимости желаемого* (при этом некоторая часть неосвоенных возможностей может остаться не востребованной – это, своего рода, запас на будущее⁵⁶ (рис. 24.3).

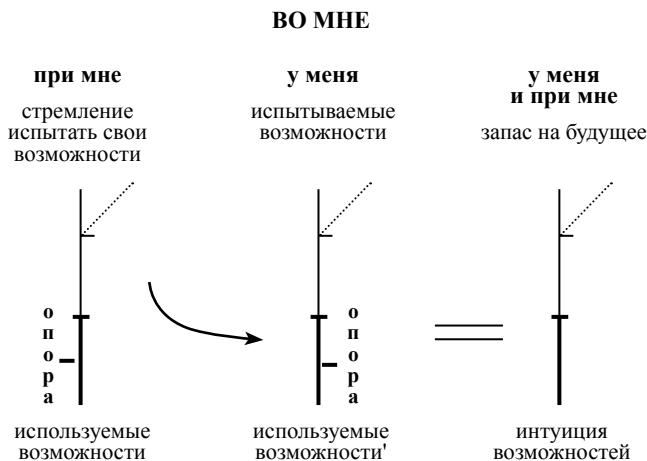

Рис. 24.3. Самоактуализация

В некоторых случаях, переживая свою дееспособность, субъект *принимает желаемое за действительное* – на рис. 24.3 изображена именно такая ситуация. В такие мгновения сбывается то, что мы ин-

на приумножении, а не растрате, определяющих существования человечества ресурсов, – ресурсов нового качества (информационных ресурсов). Это будет эра беззатратной экономики. Правда, такие слова, как «экономика», «экономить» наводят нас на другие ассоциации, противоположные по смыслу. Ведь в русском языке «экономить» – это «давать возможность меньше расходовать, сберегать что-л.». Между тем, исходное греческое **oikoomike** есть искусство ведения домашнего хозяйства. Слово «дом» вносит, на наш взгляд, особый акцент в осмысление термина. Отношение в *доме* (коллективное «мы») – не конкуренция по поводу благ, а приумножение благ, в частности, путем обмена ресурсами в домашнем кругу. Но это возможно только тогда, когда в условиях искусного обмена ресурсами они не убывают, а воспроизводятся. Это значит, что общество – планета в целом – преращается в большой дом.

⁵⁶ Мы рассматриваем этот аспект проблемы в кн. *Петровский, 2008б*.

туитивно понимаем под «самоактуализацией»: человек чувствует свою состоятельность, единство «хочу» и «могу». Самоактуализация, согласно А. Маслоу, есть стремление человека стать тем, кем он может стать (Maslow, 1987).

Психолого-математическая задача заключается в том, чтобы определить, какими должны быть устремления субъекта, чтобы его удовлетворенность собой соответствовала им по уровню («была на уровне устремлений»), если воспользоваться приведенной нами ранее формулировкой).

Будем пока различать два аспекта состоятельности человека: *уровень предчувствий (интуиция возможностей)* и *уровень достижений*. Соответственно, разрабатываем две модели самополагания: *модель самоактуализации* и *модель самореализации*.

При разработке первой модели нас будет интересовать вопрос о том, насколько велико должно быть стремление к самоактуализации, чтобы оно воплощалось в адекватное ему по уровню предчувствие успеха. Очевидно, что речь идет о субъективной состоятельности, мере соответствия между стремлением осуществить себя («хочу») и переживаемой дееспособностью («могу», «смогу»).

При разработке другой модели мы исходили из вопроса о том, при каких условиях достижения субъекта будут на уровне его устремлений.

Введем некоторые дополнительные символы и допущения, общие для обеих моделей (см. также рис. 24.4):

1. $w_{\text{САМОАКТУАЛИЗАЦИИ}} = x \iff y = \text{интуиция возможностей}$ – это показатель состоятельности субъекта w (от «well-being» – благополучие) на ступени самоактуализации. Опираясь на субъективно имеющиеся возможности y , субъект стремится испытать еще неосвоенные им возможности x , что и символизируется «стрелочкой» импликации (напомним, что сила стремления отвечает объему испытываемых возможностей). В результате рождается интуитивное предчувствие-предвосхищение позитивного или негативного исхода попыток этой «пробы себя».

2. $y = I - x$. Это условие означает, что испытываемые и используемые возможности дополнительны друг другу; таким образом, одна часть субъективного потенциала активности (испытываемые возможности x), опирается на другую (используемые возможности, $I - x$). Мы уже отмечали это условие, говоря о «зеркальности» используемых возможностей («во мне» и «у меня»). Подчеркиваем, что это условие предполагается выполнимым для класса ситуаций, в которых человек решает задачу испытания своих возможностей.

Состоятельность самоактуализации: интуиция возможностей. В этой модели представлена левая «часть» мега-пространства личности, включающая в себя два элемента (фактически их три, но мы используем

сокращенную запись, так как в крайнем слева ее фрагменте фигурирует форма $I \leftarrow x = x$). Итак, речь идет о фрагменте

$$w_{\text{САМОАКТ}} = (x \leftarrow y).$$

Сама же модель состоятельности субъекта в данном случае определяется тем, что интуитивное предвосхищение благоприятного исхода попыток (мы говорим о нем – «интуиция возможностей») соответствует уровню устремлений, $w_{\text{САМОАКТ}} = x$ («могу, что хочу»). Заметим, что это равенство аналогично определенному В.А. Лефевром условию *интенциональности* выборов. Кроме того, $y = I - x$ – таково принятое выше условие дополнительности испытываемых возможностей x и используемых возможностей y ⁵⁷.

$$w = x \leftarrow y = x \leftarrow (I - x) = x$$

Итак, необходимо найти x в уравнении:

$$x \leftarrow (I - x) = I - x + x \times (I - x) = x$$

Раскрывая скобки и совершая элементарные преобразования, приходим к равенству:

$$x + x^2 = I,$$

из чего следует: $x = 0,617$ («золотое сечение»).

Об эмпирической проверке, подтверждающей правомерность сделанных допущений, см. главу 28.

Обретение состоятельности на ступени самоактуализации – лишь первая ступень восхождения на пути самополагания. Следующая ступень – *проверка* переживаемой дееспособности. Действуя во внешнем плане, субъект доказывает оправданность того, что чувствует (см. рис. 24.3), или, возможно, оспаривает свои ощущения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Состоятельность самореализации: уровень достижений. Здесь также представлена левая часть сопряженных пространств, но в ней уже три элемента – добавлен символ *усилий*, z :

$$w_{\text{САМОРЕАЛ}} = ((x \leftarrow y) \leftarrow z).$$

Здесь $w_{\text{САМОРЕАЛ}}$ – уровень фактических достижений, сопровождается чувством благополучия (той или иной степени). Другой возможный термин для обозначения состоятельности самореализации – «самоэффективность» (Bandura, 1986).

⁵⁷ Принципиально важное для некоторого класса ситуаций условие *дополнительности* стремлений по отношению к внутренним опорным ресурсам было сформулировано нами в ряде работ (Петровский В.А., 2001, 2003–2010).

Базовый вопрос заключается в том, какими должны быть *испытываемые* возможности, чтобы они, благодаря усилиям субъекта в некоторой ситуации, выступили перед ним как *объективные* возможности достижения желаемого.

Введем и обозначим некоторые новые понятия.

- ω – наличие шанса осуществить стремление. *Наличие* шанса мы отличаем от *величины* шанса, то есть *вероятности*. Нет шанса доказать пятый постулат Эвклида, построить вечный двигатель, осуществить квадратуру круга. Те, кто посвящал этому жизнь, были обречены на страдания или сумасшествие. Между тем, есть шанс, что монета при случайном подбрасывании, выпадет 100 раз подряд решкой. Вероятность этого события (величина шанса) ничтожна. Однако *наличие* шанса в данном случае *абсолютно*. В отличие от *вероятности* p , способной принимать любые значения на отрезке $[0, 1]$, *наличие* шанса s может принимать только два значения: либо $\omega=0$ (задача неразрешима, стремление не может быть удовлетворено ни при каких условиях), либо $\omega=1$ (задача разрешима, существует некоторый шанс реализовать устремление).

- $z^* \times \omega$ – *рабочие усилия* субъекта, необходимые и достаточные для решения задачи. Разумеется, эти усилия имеют смысл, тогда, когда задача имеет решение. Усилия z^* – мы называем *полезными* усилиями по решению задачи, если $\omega=1$ (наличествует шанс решения), и – *бесполезными* усилиями, если $\omega=0$ (задача не имеет решения); z – рациональное число, принадлежащее отрезку $[0, 1]$. Как видим, рабочие усилия и полезные усилия представляют собой одно и то же усилие при наличии шанса решения задачи, $z=z^* \times \omega = z^*$, а при отсутствии такого шанса, они равны друг другу только тогда, когда субъект отказывается от бесполезных усилий (то есть при $z^*=0$).

Принимаем следующие допущения:

1. Объем усилий $z (=z^*)$, выделяемых на выполнение задачи, в том случае, если она имеет решение, пропорционален реальной сложности задачи. Чем проще задача, тем меньше необходимая для ее решения энергия z , чем сложнее – тем больше энергетических затрат. Нелишне подчеркнуть, что z^* , в отличие от x , характеризует объективные, а не субъективные усилия. И в этом смысле z^* зависит не от того, существует или нет, с точки зрения субъекта, решение на выбранном пути, а от того, существует или нет объективно шанс решения. Сама по себе оптимистичность или пессимистичность прогнозов здесь не играет роли.

2. $w_{САМОРЕАЛ} = w_{САМОАКТ} \leftrightarrow z = (x \leftrightarrow y) \leftrightarrow z$. Это значит, что фактический уровень самореализации представляет собой результат двухступенчатой импликации: «Мои стремления x , опираются на присущие мне возможности y , что порождает мои предчувствия w_{sub} ; а они, в свою оче-

редь, опираются на усилия z , объективно требуемые реализации устремлений, что и обуславливает определенный уровень достижений»⁵⁸.

3. $z = I - w_{\text{САМОАКТ}}$. Это условие означает, что субъект опирается на усилия z , компенсирующие дефицит его предчувствий $w_{\text{САМОАКТ}}$. Принятие этого условия подразумевает возможность свободного выбора субъектом задач, решение которых необходимо ему и достаточно для реализации собственных устремлений.

Сущность предлагаемой модели самореализации определяется равенством

$$x = w_{\text{САМОРЕАЛ}} = w_{\text{САМОАКТ}} \leftarrow z = (x \leftarrow y) \leftarrow z \quad (\text{см. рис. 24.4}).$$

Исходя из принятых допущений, найдем решение поставленной выше задачи (установить условия, при которых уровень собственных достижений соответствует уровню устремлений). Таким образом, необходимо определить x , y , z в системе уравнений (см. рис. 24.4).

$$\begin{aligned} (x \leftarrow y) \leftarrow z &= x \\ y &= I - x \\ z &= I - (x \leftarrow y), \end{aligned}$$

⁵⁸ Форма двухступенчатой импликации (для четких значений переменных x , y , z , w), фигурирующая в данной работе, обязана своим происхождением автору рефлексивной теории В.А. Лефевру. В.А. Лефевр исследует условие соответствия между *интенцией* к действию (она *субъективна*) и *готовностью* к нему (она *объективна*). Отсюда и определение «реализма» («интенциональных выборов»): уровень готовности к биполярному выбору равен уровню интенции субъекта (к чему субъективно склоняюсь, к тому и готов объективно). Интенциональному выбору соответствовала бы импликативная конструкция $x = (x \leftarrow y) \leftarrow z^*$: готовность к действию определяется стремлениями, предчувствиями и усилиями, которые я готов вложить в дело (независимо от того, принесет ли мне оно успех или нет). Однако мы включаем в формулу состоятельности символ z вместо z^* , так как нас интересуют достижения субъекта в результате решения задачи.

Итак, сохраняя импликативную *форму*, мы наполняем ее иным содержанием. В контексте исследования самоактуализации, рассматриваем условия *состоятельности* устремлений. «Состоятельность» – это уровень обретаемого благополучия и дееспособности (подробнее см. главу 20). На основе критерия состоятельности, можно описать феномены *сверхсостоятельности* (достигаю большего, чем запрашиваю), *собственно* состоятельности (что запрашиваю, то обретаю) и *несостоятельности* субъекта (достигаю меньше, чем запрашиваю). Таким образом, можно говорить об адекватном, завышенном и заниженном уровнях состоятельности. В частности, если я ничего не запрашиваю (ни к чему не стремлюсь), то чувствую себя, как говорят, «нормально» (адекватный уровень состоятельности) даже в тех случаях, когда отсутствует какие-либо внутренние и внешние ресурсы, на которые я мог бы, в случае необходимости, опереться. В том случае, когда я имею максимальный запрос, я могу быть состоятельным или несостоятельным в зависимости от величины имеющейся поддержки. В частности, уровень состоятельности может быть сведен к нулю, если максимальный запрос «разбивается» о несуществующий внешний ресурс.

из чего следует:

$$\begin{aligned} (x \rightarrow y) \rightarrow z &= (x \rightarrow (1-x)) \rightarrow x^2 = (1-x^2) \rightarrow x^2 = x, \\ x^2 + (1-x^2) \times x^2 &= x \\ 2x^2 - x^4 - x &= 0 \end{aligned}$$

Найдем все действительные корни этого уравнения:

$$x_1 = 0,617 (\text{«золотое сечение»}), y_1 = 0,382, z_1 = 0,382, w_1 = 0,617.$$

Проверим: $(0,617 \rightarrow 0,382) \rightarrow 0,382 = 0,617 \rightarrow 0,382 = 0,617$

$$x_2 = 1, y_2 = 0, z_2 = 1, w_2 = 1.$$

Проверим: $(1 \rightarrow 0) \rightarrow 1 = 1$

$$x_3 = 0, y_3 = 1, z_3 = 0, w_3 = 0.$$

Проверим: $(0 \rightarrow 1) \rightarrow 0 = 1 \rightarrow 0 = 0$.

Первая тройка решений $(0,617; 0,382; 0,382)$ характеризует такую форму самореализации, которую можно назвать *самоподтверждением*.

Вторая тройка $(1; 0; 1)$ – *самоутверждение*.

Третья – *самоустранение* $(0; 1; 0)$ ⁵⁹ (см. рис. 24.4; размеры букв символизируют количественные отношения между переменными):

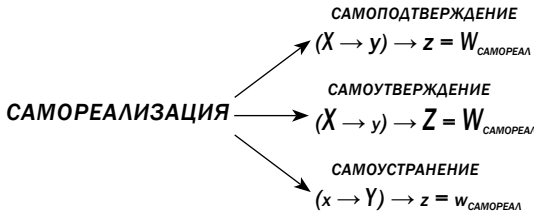

Рис. 24.4. Варианты самореализации

Тенденция самореализации рассматривалась нами на материале исследований уровня притязаний личности. В поле нашего зрения эмпирические данные, полученные другими авторами (начиная с исследований Ф. Хоппе – *Норре*, 1930; богатая традиция исследований мотивации достижения отражена также в фундаментальной монографии Х. Хекхаузена – *Хекхаузен*, 1986). Общеизвестно, что определяющую роль в формировании гипотез и построении экспериментов, посвященных

⁵⁹ В психологической литературе данная форма поведения получила название «прокрстинация». Есть основание полагать, что ничем неоправданная пассивность, по словам Ф.Е. Василюка – «надситуативная пассивность» (*Василюк*, 1984), есть проявление «активности» особого субъекта, которого М.В. Бороденко описывает как «субъект бездействия».

данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном (Atkinson, 1957, 1964), полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых. Согласно модели, одни из них должны предпочитать, скорее, задачи среднего уровня трудности, а другие – выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи. Модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов (см. Хекхаузен, 1986). Настоящим камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные, скорее, успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний* уровень трудности задачи (0,5), как предсказывала модель Аткинсона, а *повышенный* уровень трудности задач, вероятность решения которых находилась в диапазоне (0,3–0,4). Трудность избираемых задач, соответственно, оказывается в интервале (0,6–0,7).

Согласно нашей модели, именно в этом диапазоне трудности облюбовывают для себя задачу люди, *подтверждающие себя*, с интуитивной оценкой своих возможностей ($x_1=0,617$, $y_1=0,382$, $z_1=0,38$, $w_1=0,617$). И мы можем предсказать «центр» их предпочтений: 0,62 – «золотое сечение».

Но существуют, как мы помним, и другие варианты решения системы уравнений состоятельности.

Самоутверждающиеся люди выбирают сверхтрудные задачи и, преодолевая себя (страх неудачи, дурные предчувствия), мобилизуют максимально возможные усилия, чтобы решить задачу; если задача имеет решение, $c=1$, то они, в конечном счете, способны решить ее, испытывая максимум возможного удовлетворения и достигая, таким образом, того, к чему стремятся ($x_2=1$, $y_2=0$, $z_2=1$, $w_2=$)⁶⁰.

Люди, использующие стратегию *самоустранения* (неуверенные в себе испытуемые), защищаются от ситуации самотестирования. Стремясь преодолеть свою неуверенность, они выбирают легкие задания. Вполне довольствуясь своими предчувствиями («вот-вот решу»), они ничего при этом не достигают, даже если задача имеет решение ($x_3=0$, $y_3=1$, $z_3=0$, $w_3=0$).

Можно убедиться в том, что стратегия «золотого сечения» обеспечивает решение двуединой задачи – адекватной самоактуализации (сила стремления испытать себя соответствует предчувствию успеха) и адекватной самореализации (силе такого стремления соответствует высота обретаемого благополучия): $x=w_{САМОАКТ}=w_{САМОРЕАЛ}=0,618$. В других

⁶⁰ Я уже цитировал однажды (Петровский, 2006б) слова А.А. Якобсона, литератора, учителя физико-математической школы № 2, сказанные о Б.Л. Пастернаке: «Раннего Пастернака я люблю так, что невозможно любить больше. А позднего – еще больше. *Через невозможное*».

случаях имеет место расхождение между субъективным и объективным уровнями благополучия. По одну сторону – феномены «надситуативной активности»: «очертя голову в омут (авось выплыву)», «лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном», «не будешь покойник – будешь полковник», «поэзия вся – езда в незнаемое» и др. – *принцип активной неадаптивности* (Петровский, 1992). По другую – феномены «надситуативной пассивности»: «меньше знаешь, крепче спишь», «прежде чем дать подзатыльник, посмотри, чей затылок» (японская пословица) и т.д., и т.п. – всепобедительный принцип не-деяния.

Модель самореализации, как видим, «вбирает» в себя модель самоактуализации, но расширяет ее границы. Самоактуализирующийся субъект переживает единство или раскол между «хочу, что могу» (стремление «высвоить» потенциальные возможности) и – «могу, что хочу» (переживание состоятельности своих устремлений). Самореализующийся субъект *подтверждает* себя, поверяя свои предчувствия делом, *утверждает* себя, балансируя на границе возможного, или *уходит* в себя, хоронясь от дел и испытывая двойственные чувства защищенности и уязвимости (см. подробнее главу 28).

Охарактеризуем кратко расширенную модель самополагания, включающую в себя модели *самопрезентации, самотрансляции и самотрансценденции*.

Состоятельность самопрезентации: успешность в глазах другого. «Саморепрезентация» – это еще одна форма самополагания. Не просто устремления и усилия в направлении решения задачи, но еще и особое действие, которое можно назвать, вслед за А. Бандурой, «открытым поведением». Мы имеем в виду активность, результаты которой существуют на виду у других людей, хотя сам процесс может быть скрыт⁶¹. Состоятельность самопрезентации – это переживаемая успешность осуществленного акта; автор действия как бы смотрит на себя со стороны, с позиции партнера, оценивающего результаты его достижений:

$$w_{\text{САМОПРЕЗЕНТ}} = (((x \leftarrow y) \leftarrow z) \leftarrow c).$$

Для того, чтобы пояснить, как «работает» эта запись, нам достаточно рассмотреть два случая: $c=0$ и $c=1$ (напомним, что c – это уровень контроля со стороны партнера над результатами совершенного действия).

В первом случае, при любом значении выражения справа от c (то есть при любых значениях уровня достигнутого, $w_{\text{САМОРЕАЛ}}$), субъект S оценивается партнером одинаково высоко: «приемлемо все» (позиция попустительства).

⁶¹ Контраст между результатами действия и процессами, приводящими к результату, замечательно описывается Стефаном Цвейгом в книге «Лев Толстой» (см. Цвейг, 1994).

Во втором случае, при любом значении выражения справа от c (при любых значениях уровня достигнутого $w_{САМОРЕАЛ}$), оценка действий субъекта со стороны его партнера совпадает с результатами собственного восприятия достигнутого. В этом смысле строгость эксперта есть гарантия адекватности переживаемых достижений внешним оценкам успешности. Иначе говоря, «чем строже контроль, тем меньше оснований считать, что меня недооценивают или переоценивают». Это соответствует педагогическому девизу (хорошо подкрепленному экспериментальными исследованиями): «Оценивайте не личность в целом, а поступки, конкретные действия».

Но это, в свою очередь, значит, что при строгости экспертной позиции оценка собственной успешности с позиции другого соответствует уровню собственных устремлений субъекта (если, конечно, его достижения адекватны его устремлениям) и таким образом прослеживается сквозное равенство:

$$x(\text{устремления}) = w_{САМОАКТ} = w_{САМОРЕАЛ} = w_{САМОПРЕЗЕНТ}$$

Состоятельность самотрансляции: «Меня принимают». Следуя далее за субъектом S , мы вместе с ним покидаем «событийную сферу», то есть пространство непосредственных контактов с партнером, и погружаемся в пространство жизни партнера; мы говорили, что это пространство инобытия человека в другом человеке. Цепочка сопряженных пространств здесь длиннее, к ней приращивается еще один элемент – b . Напомним, что b – избирательность в общении (с ориентацией на успешных людей).

Итак, перед нами то, что мы именуем «состоятельностью самотрансляции», $w_{САМОТРАНСЛ}$:

$$w_{САМОТРАНСЛ} = ((x \longleftrightarrow y) \longleftrightarrow z) \longleftrightarrow c \longleftrightarrow b).$$

Продолжая рассматривать конспективно правую часть модели, мы, как и ранее, не исследуем здесь все необходимые допущения и возможные решения уравнения $w_{САМОТРАНСЛ} = x$. Однако в порядке иллюстрации обратимся к двум случаям:

$b=0$ («Приветствую всех») и $b=1$ («Привечаю только успешных»).

Очевидно, что в первом случае будет ощущаться принятие со стороны партнера независимо от того, насколько в его глазах ты сам успешен (часто такое чувствуют клиенты на сеансах личностно-центрированного психолога):

$$w_{САМОТРАНСЛ} = w_{САМОПРЕЗ} \longleftrightarrow 0 = 1.$$

Во втором случае, то есть при высоких стандартах отбора партнеров, только немногие из них чувствуют себя принятыми: $w_{САМОТРАНСЛ} = w_{САМОПРЕЗ}$

$\Leftrightarrow I=1$. Это касается тех, кто ранее добился успеха или испытал иллюзию успеха (в случае снисходительного отношения партнера к его достижениям). Из этого, в частности, следует, что людям, избегающим решения сложных задач («самоустраивающимся»), не удастся завоевать себе место в жизни такого партнера, если тот строг в оценке их достижений. Отсюда и тактика «проникновения»: «Будьте ко мне снисходительны!..» или: «О Вас говорят, что Вы – сноб... Неужели?!..»

Состоятельность самотрансценденции: чувство востребованности. В фокусе внимания теперь крайний правый элемент мегапространства личности; мера необходимости в том, чтобы S был включен в орбиту интересов S^* . Кратко говоря, это зависимость S^* от S (символ a). Таким образом, мы прослеживаем эффекты «дальнодействия» субъекта за пределами собственного бытия, образующие его персониферу. Исследуем то, что может быть обозначено как *состоятельность самотрансценденции*. Это значит готовность поддерживать партнера, соблюдая суверенность его границ; что, в свою очередь, означает: поддерживать там и тогда, где и когда в этом реально нуждается его партнер. В этом случае, говорим мы, партнер способен признать в другом личность – уважая его «не включенность», когда в этом нет нужды, и участие, когда необходимость в поддержке существует. «Чувство востребованности» состоит в том, что я знаю: мне не придется искать возможность быть полезным другому; когда надо – меня позовут. Имеем:

$$w_{\text{САМОТРАНСЦ}} = (((x \leftarrow y) \leftarrow z) \rightleftarrows c) \rightleftarrows b) \rightleftarrows a.$$

Так же, как и в двух предшествующих случаях, мы не освещаем формальные условия и все решения уравнения $w_{\text{ПЕРСОН}} = x$, а рассматриваем лишь некоторые примеры-иллюстрации работы модели.

Положим, партнер вполне независим от меня, $a=0$. В этом случае он способен признать меня независим от того, принимает ли он меня лично или нет (уровень принятия может быть любым)⁶²:

$$w_{\text{САМОТРАНСЦ}} = w_{\text{САМОТРАНСЛ}} \rightleftarrows 0 = 1.$$

⁶² В известных работах В.В. Столина (например, см., Столин, 1983) методом многомерного шкалирования показано, что эмоциональная привлекательность, уважительное отношение и готовность сотрудничать с другим человеком (и, как выяснилось, во взаимоотношениях индивидуума с самим собой) образуют независимые психологические измерения. «Принятие», на наш взгляд, являя собой многообразные варианты комбинаций этих факторов, заключает в себе, однако, особое качество, не сводимое ни к одному из них: переживание *присутствия* другого во мне, неотчуждаемости его от меня. Известно, что потеря близкого может создавать ощущение вакуума в мире, как если бы мир уменьшился; депрессивная реакция – чувство того, что собственное «я» уменьшено, а то и разрушено.

Но в том случае, когда партнер нуждается в нас, то есть когда $a=I$, чувство востребованности, которое мы испытываем, определяется тем, насколько мы способны «быть рядом», соучаствуя в его процессах:

$$w_{\text{САМОТРАНСЦ}} = w_{\text{САМОТРАНСЛ}} \rightleftharpoons I = w_{\text{САМОТРАНСЛ}}$$

Подведем **итоги**.

Могут быть выделены семь пространств (семь сфер) существования личности:

- Во мне и со мной (сфера предсуществующего).
- Во мне и при мне (сфера дорефлексивной чувственности).
- Во мне – у меня (сфера самосознания).
- Мною и мне (сфера действия).
- Вне меня – у меня (со-бытийная сфера).
- Вне меня – от меня (сфера интроектов).
- Вне меня – из-за меня (персоносфера).

Стремление человека испытать себя, свои возможности, проявляется в актах самополагания. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать (воплотить) свои возможности.

Величина и качество объективируемых возможностей образует то, что мы называем *состоятельностью*. Волна самополагания развивается в семи выделенных пространствах личности, и соответственно, могут быть описаны:

- Состоятельность *самоактуализации* (самополагание здесь захватывает первые три пространства, в процессе чего рождается чувство «смогу», интуиция возможностей).
- Состоятельность *самореализации* (достижение желаемого – «я смог»).
- Состоятельность *самопрезентации* (моя успешность в глазах другого).
- Состоятельность *самотрансляции* («меня принимают»).
- Состоятельность *самотрансценденции* (чувство собственной востребованности).

Предложена психолого-математическая модель, позволяющая прогнозировать состоятельность человека в разных сферах самополагания.

Эмпирические данные, полученные автором, а также другими исследователями, подтверждают модель состоятельности самоактуализации и состоятельности самореализации. Приводимые характеристики состоятельности человека в сфере самопрезентации, самотрансляции, самотрансценденции имеют иллюстративный характер.

Вне нашего рассмотрения остаются контенты *границы* сопредельных сфер. На наш взгляд, это захватывающе интересная тема исследований.

Действительно, каков онтологический статус «границ»? Не является ли граница *сама по себе* побудителем активности к ее переходу⁶³? Не замкнута ли модель мега-пространства «на себя», смыкая, подобно модели сферической Вселенной, контенты «во мне и со мной» с контентами «вне меня и из-за меня»? Лишь один из этих вопросов контурно, на другом материале был затронут нами ранее (см. главу 6). Другие вопросы требуют специального обсуждения. Особый вопрос касается построения булевой типологии смысловых миров, где, так же как и в данной главе, может быть использована модель семи пространств существования личности (см. главу 10).

⁶³ Впервые об этом: *Петровский В.А.*, 1990.

ГЛАВА 25. В ПОИСКАХ ОПТИМУМА: СТРАТЕГИИ «СУБЪЕКТНЫХ СБОРОК»⁶⁴

Исторически сложились две парадигмы истолкования жизни индивида, жизни общества, шире – мироздания. Первая из них – телеологическая: есть предустановленная гармония или цель. Этот взгляд восходит к Аристотелю, который говорил об энтелехии – конечной цели всего происходящего в мире. В психологии (применительно к индивиду) до сих пор господствует именно эта точка зрения (я назвал ее некогда «постулатом сообразности» – *Петровский В.А.*, 1975). Реализуется она в гомеостатической, прагматической и гедонистической формах. Другая парадигма, – это парадигма хаоса и возникновения порядка из хаоса. В психологии этот, *пригожинский*, подход, на мой взгляд, практически не представлен, хотя некоторые «прорывы» в этой области есть (например, в микропсихоанализе Фанти, который отталкивался в этом вопросе от Фрейда).

Полагаю, что может и должен быть выделен третий подход, снимающий противоречия двух первых: «Да, безусловно, индивид и общество суть средоточие хаоса, но это – “целевой хаос”». Личность – это единичные активные силы. Говорят – «субличностей». Однако нет никакой «супер-личности», которая, подобно кучеру на облучке, правила бы остальными.

Речь может идти только о том, что многообразные «Я», образующие личность, *опосредствуют* активность друг друга – каждое значимо для других и, вместе с тем, самоценно. Предполагаем, что в каждый данный момент времени может быть указан *кто-то* в мультисубъектном составе личности, кто способен не только направлять действие, но и рефлексировать себя в качестве субъекта этого действия – субъект сознавания себя как субъекта действия. О таком, осознающем себя

⁶⁴ В этой части работы использованы материалы статьи того же названия, опубликованной в журнале «Рефлексивные процессы и управление» (2006) и выполненной при поддержке научного фонда Государственного университета «Высшая школа экономики» в рамках проекта № 08-01-0143 «Идеи и методы мультисубъектной персонологии».

субъекте действия мы будем говорить – «эго», а также, поскольку мы рассматриваем и других субъектов, вовлеченных в общее действие личности, будем называть этого субъекта «*протагонист*» (обычно под протагонистом понимают главное действующее лицо, главного героя сюжета в пьесе, литературном произведении, психодраме и т.п.). С протагонистом мы познакомимся в разных его ипостасях: «*единоличник*», «*хозяин*», «*лидер*», «*шеф*», «*партнер*».

Каким в этом случае должно быть соотношение запросов и ресурсов протагониста, чтобы его взаимоотношения с миром могли быть названы оптимальными?

1. «Единоличник»; условия оптимума удовлетворенности. Здесь перед нами протагонист как единичный агент активности. Схема активности единоличника выглядит следующим образом:

Единоличник \leftarrow *Среда*

Ранее мы уже рассмотрели, каким должно быть соотношение запросов и ресурсов субъекта, чтобы были достигнуты условия оптимума состоятельности. Сосредоточим теперь наш анализ на одной из искомым «точек» – она была названа нами *привилегированной*. Это точка оптимума *самоотдачи*, когда субъект придерживается стратегии максимизации своих усилий и минимизации внешних опор; при этом, как и в других рассмотренных случаях (самостояние, самоограничение), он стремится к тому, чтобы его усилия были оправданы достижениями.

Напомним, что «привилегированной» данная точка названа потому, что в ней (и только в ней) сходятся такие состояющиеся друг с другом принципы позитивной организации активности, как прагматичное «*Окупай!...*», воодушевляющее «*Созидай!...*», расчетливое «*Экономь!...*» и расточительное «*Не скупись на усилия!...*». Заметим, что в этой же точке эффективность усилий E_+ равна состоятельности V_+ и не может быть увеличена сверх этого уровня – иначе пострадает уровень состоятельности; и тот, и другой при этом равны уровню затрачиваемых усилий X_+ :

$$V_+ = E_+ = X_+$$

Мы помним также, что искомая точка соответствует «золотой пропорции»: усилия $X_+ \approx 0,62$, ситуативный ресурс $Y_+ \approx 0,38$.

Проблема, однако, состоит в том, что ситуация оптимума самоотдачи, если иметь в виду изначальное отношение запрос-ресурс единоличника, отнюдь не является типичной для множества жизненных ситуаций. Значительно чаще встречаются ситуации дисбаланса между запросами и состоятельностью субъекта ($V = X \leftarrow Y \neq X$).

Именно в таких обстоятельствах на сцене активности появляются субъекты-посредники; трансформируются и условия оптимума самоотдачи.

«Хозяин – Работник»; условия оптимума благополучия-1. Протагонист в этом случае опирается на результаты труда работника, который вступает в непосредственный контакт со средой (объектом потребности протагониста). Схема активности включает в себя три элемента:

$$\text{Хозяин} \leftarrow \text{Работник} \leftarrow \text{Среда}$$

В порядке иллюстрации, пусть запрос протагониста: $0,7$. Ресурс, предоставляемый средой: $0,2$ (состоятельность в этом случае: $0,7 \leftarrow 0,2 = 1 - 0,7 + 0,7 \times 0,2 = 0,44$). Отталкиваясь от формулы расчета запроса, предъявляемого Работником среде, то есть $Y' = (1 - Y) / X \times (1 - Y)$, и, соответственно, ресурса который он поставляет протагонисту, $Y \leftarrow Y$, можно показать, что искомым запросом работника, $Y' \approx 0,54$, а предоставляемый ресурс $0,54 \leftarrow 0,2 \approx 0,57^{65}$. Теперь можем убедиться: $0,7 \leftarrow (0,54 \leftarrow 0,2) \approx 0,7 \rightarrow 0,57 \approx 0,7$.

Работник предоставляет протагонисту значительно больший ресурс, чем окружение (сравните $0,57$ и $0,2$).

«Лидер – Советник»: условия оптимума благополучия-2. Советник – это субъект, поставляющий протагонисту ресурс X' , необходимый тому для достижения оптимума удовлетворенности.

Взаимоотношения протагониста-Лидера с Советником и через него с миром могут быть описаны следующим образом (подчеркиванием, мы указываем, чья потребность должна быть воплощена в адекватном ей уровне состоятельности):

$$(\text{Лидер} \leftarrow \text{Советник}) \leftarrow \text{Среда}$$

В численном выражении, благодаря активности Эксперта, складывается ситуация:

$$W = (\underline{X} \leftarrow X') \leftarrow Y = X.$$

В некотором смысле Советник – это играющий тренер Лидера. Он моделирует перспективу возможного удовлетворения его исходного запроса X ; однако эта, в некотором смысле, иллюзия окупается переживанием соответствия между исходным запросом и состоятельностью. Легко подсчитать, каким должен быть ресурс X' , предоставляемый протагонисту, чтобы сложилась ситуация оптимума удовлетворенности:

$$X' = Y \times (1 - X) / X \times (1 - Y).$$

⁶⁵ Здесь и далее в интересах читателя будем выделять жирным шрифтом *сравниваемые величины*, а все другие элементы в формулах и вычислениях будут при этом записываться обычным образом. Например, нам нужно сравнить два числа – 4 и 9, являющиеся, соответственно, произведениями 2×2 и 3×3 . Записываем:

$$4 = 2 \times 2, 9 = 3 \times 3; 4 < 9$$

или, если мы сравниваем элемент X и элемент Z в формулах, включающих в себя импликацию, записываем:

$$X \leftarrow Y = Z; X \neq Z \text{ и т.п.}$$

Пример. Запрос протагониста: $0,7$. Внешний ресурс: $0,2$. Соответственно, состоятельность: $0,7 \leftarrow 0,2 = 0,3 + 0,14 = 0,44$ (что меньше исходного запроса $0,7$). Найдем ресурс, поставляемый Советником и обеспечивающий адекватную реализацию запроса: $X' = 0,2 \times (1 - 0,7) / 0,7 \times (1 - 0,2) = 0,06 / 0,56 \approx 0,11$. Проверим: $(0,7 \leftarrow 0,11) \leftarrow 0,2 = (0,3 + 0,7 \times 0,11) \leftarrow 0,2 \approx 0,38 \leftarrow 0,2 \approx 0,62 + 0,08 = 0,7$. Таким образом, за счет условного («обманчивого») снижения запроса с уровня $0,7$ на уровень $0,38$, субъект достигает необходимого соответствия между исходным запросом и достигаемым уровнем состоятельности.

В двух предшествующих случаях протагонист реализует первичный запрос, достигая оптимума удовлетворенности за счет привлечения посредников (возможно одновременно привлечение двух посредников – Советника и Работника, но здесь мы не станем останавливаться на этом).

«Руководитель – Коллеги». *Оптимум достижения успеха.* Рассмотрим еще один тип ситуаций, в которых протагонист выступает от имени двух субъектов – себя самого, как носителя первичного запроса X , и другого субъекта – назовем его *Коллегой* (*Коллегами*) (*сотрудники, члены команды, на которую опирается и о которой заботится Руководитель*). Подразумевается, что *Коллеги* поставляют *Руководителю* новый ресурс (информация, ценности, смыслы). Теперь у протагониста новый запрос, сохраняющий свою преемственность по отношению к исходному, но в то же время зависящий от величины ресурса, поставляемого *Коллегами*. Структурное место *сотрудника* в системе активности протагониста показано ниже:

(*Руководитель* → *Коллеги*) → *Среда*

В отличие от *Советника*, который позволяет *Лидеру* реализовать свои интересы, меняя уровень переживаемого устремления к объекту, *Коллеги* формируют у своего шефа новый запрос. Величина запроса здесь равна $X \rightarrow X'$, причем запрос этот должен быть адекватен возможностям его реализации: $W = (X \leftarrow X') \leftarrow Y = (X \leftarrow X')$ (а не X , как в случае *Советника*). Формула подсчета уровня ресурса, предлагаемого *Коллегами*:

$$X' = 1 + (Y - 1) / X \times (2 - Y).$$

В нашем примере, $(0,7 \leftarrow X') \leftarrow 0,2 = 0,7 \leftarrow X'$, ресурс, предъявляемый *Коллегами*, равен $1 + (0,2 - 1) / 0,7 \times (2 - 0,2) = 1 - 0,8 / 0,7 \times 1,8 \approx 1 - 0,635 = 0,365$.

Проверим:

$$(0,7 \leftarrow 0,365) \leftarrow 0,2 \approx (0,3 + 0,7 \times 0,365) \leftarrow 0,2 = 0,555 \leftarrow 0,2 = 0,445 + 0,555 \times 0,2 = 0,556$$

(погрешность в одну тысячную, $0,555 - 0,556 = 0,001$, обусловлена выбранным уровнем точности измерения).

НЕКОТОРЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Доверяй, но проверяй! – Насколько?⁶⁶ Рассмотрим классический вопрос о доверии партнеров друг другу. В русском фольклоре мы сталкиваемся с наставлением: «Доверяй, но проверяй!» Проблема только в одном: насколько?

Пусть X – потребность протагониста иметь достоверную информацию о действиях контрагента, что реализуется отчасти через контроль над ними; Y – уровень доверия, которого тот (контрагент), безусловно, заслуживает в глазах первого (протагониста). Оптимум соотношения между потребностью в достоверной информации и исходным доверием контрагенту может быть описан формулой $X \leftarrow Y = X$. Если речь идет об условиях равноценного сотрудничества, то важно потребовать, чтобы достигаемый уровень доверия был симметричен:

$$X \leftarrow Y = X = (1 \leftarrow Y) \leftarrow (1 - X) = 1 - Y,$$

из чего следует что исходный уровень активности, необходимой для доверия партнеров друг к другу (*то есть «проверяй»*), должен быть на уровне $\approx 62\%$, а уровень исходного доверия («доверяй») $\approx 38\%$. Таким образом, условием равноценного партнерства является «золотая пропорция» между потребностью контроля и безусловным доверием партнеров друг к другу (это положение еще не рассматривалось нами эмпирически).

Если же «на старте» делового сотрудничества это соотношение отсутствует, то ситуацию могут выручить посредники (иногда с обеих сторон), предъявляющие новую информацию и формирующие новые побуждения партнеров, реализуемые в партнерстве.

Триумвират субъектов свободного выбора. В предшествующих работах (*Петровский, 2006б*) мы показали, что в рамках мультисубъектной концепции личности могут быть реинтерпретированы факты, необъяснимые в рамках классической модели выбора риска Дж. Аткинсона (*Atkinson, 1957, 1964*), о чем в книге уже было сказано (см. глава 24), новое объяснение получает феномен смещенного выбора уровня трудности задачи в условиях свободного предпочтения задачи (см. Приложение 1, а также статью автора – 2006б). Испытуемые с доминированием надежды

⁶⁶ В этой части работы мы начинаем с обсуждения «интериндивидуальной» реальности – с внешнего плана взаимодействия между людьми, далее переходим к интраиндивидуальному пространству. Первым исследователем, кому удалось перебросить мост между внешним и внутренним мирами личности, на уровне формальных моделей, был В.А. Лефевр (*Лефевр, 1996, 2004*). Он первым также предложил булеву модель описания рефлексии, развитую далее Т.А. Таран (*Таран, 2000; Таран, 2001*) и многопланово осмысленную коллегами и последователями, опорную также для наших работ, посвященных личности и мотивации поведения (*Петровский, 2001–2010*).

на успех по сравнению с мотивом избегания, как выявилось за десятилетия экспериментальных исследований уровня притязаний личности, предпочитают выбор задач, степень трудности которых изменяется в диапазоне между 0,6 и 0,7, а не средних по трудности задач, как предсказывает модель выбора риска Аткинсона. Но именно эти значения (в районе «золотого сечения») предсказывает наша метаимпликативная модель выбора (см. главу 26). Здесь же мы считаем нужным подчеркнуть, что речь могла бы идти о функционировании коллективного субъекта, «составленного» из многих «Я», а именно – из эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Метаимпликативная схема (*Взрослый* \leftarrow *Родитель*) \leftarrow *Дитя*, при определенных допущениях, порождает две формы взаимодействия между эго-состояниями. Первая – это *согласие* между *Родителем* и *Дитя*: $(X_{Взр} \leftarrow (1-X)_{Род}) \leftarrow (1-X)_{Дитя} = X$. В этом случае испытуемые должны выбирать задачи, уровень трудности которых находится в районе «золотого сечения» – 0,618. Вторая форма взаимодействия – это *бунт Дитя* против *Родителя*: $(X_{Взр} \leftarrow (1-X)_{Род}) \rightarrow X_{Дитя} = X_{Дитя}$. Во втором случае испытуемые должны выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи (здесь расхождения с моделью принятия риска Дж. Аткинсона нет).

«*Перекрестное Я*». О нем мы говорили ранее (см. главу 16, п. 2), объясняя с его помощью возможное происхождение неадаптивных форм поведения. Поведение человека, отмечали мы, может со стороны казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл – в имитации смыслов других субъектов, «живущих» внутри; роль имитатора берет на себя перекрестное «Я» личности.

В данном разделе книги, думаю, читатель склонен ожидать от автора, что тот предложит ему математическую форму, описывающую взаимоотношения между перекрестным «Я» (медиаторным «Я») и другими «субличностями», интересы которых им дублируются и транслируются в процессах медиации. Однако, учась на великих примерах, я откладываю эту возможность до лучших времен, повторяя, вслед за Ферма, что *размеры полей* этого не позволяют...⁶⁷

Рассмотрим теперь механизмы достижения оптимума состоятельности (дееспособности) в процессах индивидуального целеполагания и целедостижения – то есть процессы *саморегуляции* личности.

Волевой, ценностный, целевой и операциональный уровни саморегуляции. Будем считать, что каждый из субъектов, входящих в ансамбль участников активности и, таким образом, являющихся «частью» коллективного субъекта, может существовать не только в межсубъектном пространстве, но и внутри личности, быть особой частью ее, вступать

⁶⁷ В действительности, это, возможно, но только, пожалуй, избыточно – по крайней мере для первого чтения (и первого изложения) основ концепции.

в общение с собой и с другими субъектами, действовать сообща с ними или противодействовать им и т.д. (сама же личность трактуется как мультисубъектное образование – единомножие «Я», что соответствует нашему общему пониманию, развиваемому в книге).

Только что мы имели дело с «Единоличником», «Хозяином и Работником», «Лидером и Советником», «Руководителем и Коллегами». Можно предположить, что каждый из позиционеров (использую термин, принятый в школе Г.П. Щедровицкого) есть в то же время источник или условие реализации активности личности в качестве одного из образующих ее субъектов («Я»). И тогда в поле нашего зрения выступают четыре феномена.

«Самоотдача». Волевой уровень саморегуляции. Прототипом этого процесса является активность *Единоличника*. Однако «среда», представленная ранее в формуле *Единоличник* ← *Среда* должна быть осмыслена здесь по-новому – как характеристика внутреннего мира самого человека. В одной из наших работ мы предложили образ зеркального отражения субъекта активности в себе самом, полагая, что, опираясь на этот образ, он способен решать задачу самоосуществления (*Петровский, 2009в*, также см. главу 24). Пусть множество возможностей, которыми располагает субъект, подразделяется на два класса: проверяемые и подразумеваемые возможности. Стремясь воплотить вовне, подтвердить действительность своих возможностей – мы говорим «проверить себя» – человек опирается на подразумеваемые возможности; последние при этом не проверяются, а используются как инструмент реализации оцениваемых возможностей. Они-то – эти подразумеваемые возможности – и отражаются, как в зеркале, в самосознании человека. В данном случае, будем считать что «среда» – *подразумеваемые возможности*, которыми располагает субъект в момент действия.

Если принять, что человек действует на пределе своих возможностей (максимум самоотдачи), то можно предсказать уровень проверяемых возможностей, интенция осуществить которые ведет к успеху (эффективность и состоятельность адекватны уровню интенций) – это точка «золотого сечения», $X \approx 0,62$; при этом опорные подразумеваемые возможности Y должны «достраивать» объем проверяемых возможностей до $1: Y = 1 - X \approx 0,38$.

Ставка на благоразумие. Ценностный уровень саморегуляции. Начнем с того, что в двусложном слове «разум» мы встречаемся с уникальным случаем: звучание этого слова и его значение, как будто бы, оппонируют друг другу. Слышим «раз», а также – «ум», будто бы это ум, взятый один раз, умноженный на единицу. Но иной смысл также угадывается: это ум, охваченный в раз, ум каков он есть разом. Как если бы, забыв о частях, из которых он состоит, мы брали его как что-то одно, единое, минуя различия (здесь очевидна аналогия со словом «об-

раз» – *об-раз*). В благо-разумии это единство подразумевается. Благо – одно, а затрагивает, в сущности, многих. В христианском искусстве, если заинтересоваться культурными истоками слова, «это качество обычно аллегорически изображается в виде женщины с двумя или тремя головами, держащей в руках либо зеркало и змею, либо сито, а у ее ног располагается Соломон». А сито, в свою очередь, означает «дождевые облака, плодородие, акт очищения путем отсеивания шелухи и, следовательно, познание *самого себя, критику, совесть...* Это способность совести *принимать и отвергать*». Сейчас, когда повторяю за культурологами эти строки, курсивом выделяю слова, заключающие в себе смысл диалога, отношения, контакта в системе «субъект–субъект» (неважно, между людьми «во плоти», в их отдельности друг от друга, или внутри одного человека – между его собственным «субъективным Я» и «Я другого» в нем, «Моим Я» и «Моим Ты» и т.п.). Благоразумие – благо в глазах здравого смысла, благо, одинаково приветствуемое всеми, благо с точки зрения всех. Это касается и меня самого, если сравнить мои сегодняшние и завтрашние завоевания, сиюминутные интересы и долговременные. «Первую половину жизни человек должен создавать запас для второй» (и еще – бесчисленное число фраз на эту тему; приведенное высказывание С. Джонсона – только одно из них...).

Если попытаться обобщить сказанное о благоразумии (конечно, только малую часть из того, что могло бы оказаться в поле нашего зрения потенциально), то мы увидим две тесно связанные характеристики этого принципа поведения. Первый, как уже было сказано, это общность взгляда многих людей на благо, приобретаемое кем-то. За счет этого благоразумие в масштабах одной, «отдельно взятой» личности, столь беспрепятственно ассоциируется с общим благом⁶⁸. То, что обретается в благоразумии, одинаково ценно для всех, кто был бы способен это оценить, кто к этому реально или потенциально причастен – как эксперт, заинтересованное лицо, соучастник действия или вообще, как пишут в персональных характеристиках-отзывах на человека для последующего предъявления по месту требования, – «to all it may concern». Как писал Г. Гегель, «благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположения других и сохранять его ради его самого». Приведем, кстати, иронический

⁶⁸ Основное усилие современных философов «направлено на критику расхожих в философии и обыденном сознании представлений о благоразумии как о корыстном следовании собственному интересу непременно в ущерб интересам других людей. Реабилитация благоразумия в современной моральной философии также предполагает восстановление его значения как практической мудрости, то есть как способности поступать в конкретных обстоятельствах наилучшим образом. Наилучшим образом – значит, ориентируясь если не на морально возвышенную, то, по крайней мере – на морально оправданную цель» (*Артельева О.* Википедия – Свободная энциклопедия).

парафраз – «благоразумие наоборот»: «Быть в балансе: ни вашим – ни нашим» (Ю. Леонтьева).

Второй принцип благоразумия – умеренность, рациональность, «такое состояние духа, когда мы в здравом уме и можем подавить наплыв душевных чувств ради внутренней гармонии». «Счастье дает роскошный стол, благоразумие же – достаточный» (Демокрит).

Оба принципа объединены схемой интериоризированного взаимодействия (*Руководитель* \longleftrightarrow *Коллеги*) \longleftrightarrow *Среда*. Человек действует так, чтобы его поведение отвечало соображениям разумности, как если бы кто-то другой мог наблюдать за происходящим со стороны, подтверждая или оспаривая правомерность его действий: результат действия оценивается согласно критериям «здравого смысла» (действуя в своих интересах, я чувствую одобрение со стороны внутреннего другого, как если бы кто-то кивнул мне, сказав «Да, мне нравится (меня устраивает) то, что ты сделал»). При этом заказываемое (и обретаемое) благо, может отличаться по величине от исходного устремления субъекта. В нашем примере, сила запроса не $0,7$ (как в случае *Хозяина* и *Лидера*), а $(0,7 \times 0,365) \approx 0,555$. Заметим, что итоговая величина достижения, $0,555 \times 0,2 = 0,556$, здесь меньше собственного изначального запроса личности; но человек чувствует оправданность своих действий (говорят – «не зарывается», «не пытается взять сверх меры» и т.п.); так опытный и соvestливый *Руководитель* стремится разделить с *Коллегами* командный успех. Говорят: «Не надо требовать от жизни то, что превышает твои возможности» (С. Рамишвили). Пусть члены «внутренней команды» призывают тебя к здоровью: «Надо иногда слегка побранить то, что нас очаровывает. Это брюзжание и называется благоразумием» (В. Гюго). Или, звучащее на манер двухступенчатой импликации («опора опирается на опору») предостережение Марка Твена: «Мы в Америке получили три неопенимых дара: свободу слова, свободу совести и – благоразумие, чтобы удерживать нас от того, чтобы ими пользоваться». Впрочем, об этом понятии, по-видимому, следует говорить с пафосом, усматривая в нем, как наставлял нас еще Фома Аквинский, одну из кардинальных добродетелей наряду с умеренностью, мужеством и справедливостью.

«Оправданный самообман». Целевой уровень саморегуляции. Обратим внимание на необычную функцию целеполагания, которую обыденное сознание, как правило, предпочитает не замечать. Это – функция постановки *мнимых* целей для достижения целей реальных. Для того чтобы перебраться «на тот берег», нам приходится брать выше по течению.

Б.С. Братусь, отстаивая тот тезис, что «цели должны быть высокими», ссылается на Л.Н. Толстого, который писал о таких целях.

Мы говорим о мнимых целях, подчеркивая, что это цели, относительно которых не только известно заранее, что они недостижимы, но

известно также, что они *не должны быть* достигнуты (достижение этих целей заведомо нежелательно, совершенно – «нецелесообразно»⁶⁹). Именно эта скрытая сторона взаимоотношений, «своя игра» и «свои счета» с миром, имеют под собой межсубъектные основания, выраженные схемой (*Лидер* ↔ *Советник*) ↔ *Среда*. В нашем примере *Советник* предлагал *Лидеру* поставить перед собой более трудную цель, чем ранее принятая (доступность $0,11$ против $0,2$), и только за этот счет *Лидер* мог достичь того, к чему изначально стремился. Так и во внутреннем плане: мы немного лукавим с собой, принимая нереализуемые обязательства, верим в них, и в результате имеем то, что хотели иметь⁷⁰. Сторонникам леонтьевской психологической школы (традиция акцентировать различие между мотивами и целями) было бы небезынтересно узнать, что *мотиву* в выражении $(0,7 \leftrightarrow 0,11) \leftrightarrow 0,2$ соответствует число $0,7$; далее, *мнимой цели* (наш термин) – число $0,11$; а *цели* как таковой – численное значение импликации $(0,7 \leftrightarrow 0,11)$, дающей число $0,38$. Заметим также, что здесь перед нами – пример классического, отмеченного еще Гегелем, далее – Вундтом, потом, в России, леонтьевской школой – несовпадения преследуемой цели и итогового результата активности, $0,7$ (результат превосходит цель).

«Подстройки». *Операциональный уровень саморегуляции.* Прототипом этого процесса является схема *Хозяин* ↔ (*Работник* ↔ *Среда*). В данном случае индивид выступает в двойной роли: он по-прежнему преследует свою цель – добиться желаемого, не изменяя свои притязания, – но при этом нащупывает собственный стиль деятельности, прилагивается, приравнивается к ситуации; появляется то, что В.Д. Шадриков называет «оперативностью» (Шадриков, 2007); активность протекает на двух уровнях: мотивационно-целевом (здесь мотив и цель совершенно слиты), и – операциональном, при котором задача упрощается, удовлетворенность достижениями приравнивается к запросам. Напомним, что в нашем примере исходное неблагоприятное соотношение, $0,7 \leftrightarrow 0,2 = 0,44$, замещается вполне приемлемым: $0,7 \leftrightarrow (0,54 \leftrightarrow 0,2) \approx 0,7 \leftrightarrow 0,57 \approx 0,7$.

Фигура «Работника» может иметь разные репрезентации в индивидуальном сознании и бытии. Это – и внутренний экспериментатор, и проводник (сталкер, контактер) и даже медиум... Когда мы говорим «интуиция мне подсказывает», мы, по-видимому, имеем в виду голос этого субъекта в нас.

В процессе психологического консультирования можно спросить у клиента: «Если бы я мог сделать что-то за вас, вместо вас, подменив вас

⁶⁹ Представьте, что вы таки *достигли* цели выше по течению: к этому ли вы стремились?!

⁷⁰ Верить ли до конца *Лидеру* своим *Советникам*?

на каком-то сложном участке жизни, если бы мог на шаг оказаться впереди вас, может быть, проявить большую проницательность, в чем-то, возможно, подстраховать вас, то о чем бы вы меня тогда попросили?..» Этот вопрос или несколько вопросов такого рода легко актуализируют в сознании фигуру *Работника* – человека, который готов взять на себя труд предотвратить или смягчить возможные удары судьбы.

Все сказанное позволяет с новой стороны увидеть проблему целеполагания вообще. Наша привычная точка зрения – видеть в целеполагании механизм упорядочения активности, способ направить ее в нужное русло. Разумеется, подобную точку зрения никто не собирается опровергать. Однако упорядочением и выстраиванием активности в определенном направлении, как видно, дело не ограничивается.

Гегель формулирует фундаментальное понятие «хитрости разума», подчеркивая, что опосредование, располагающие к естественному действию одних предметов на другие, ведет к решению проблем, какими бы сложными они ни казались. «На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости» (*Гегель*, 1971. Т. 1, с. 307).

Но в этой «хитрости», заметим, и риск иллюзий для человека, когда мы позволяем, «запускаем», казалось бы, естественный механизм межчеловеческого взаимодействия, где одни хитрые люди воздействуют на других хитрых людей. Иногда мы позволяем себе и другим «перехитрить» нас. Горьковский Лука, странствующий русский философ, декларирует в ночлежке (откуда ему известны стихи Беранже – загадка):

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Мир Джорджа Герберта Мида – мир «символического интеракционизма» – еще неизвестен Горькому и его персонажам. Но тот факт, что люди живут в мире символических, а не только «материально-вещественных» интеракций, что ценности нашего бытия не могут быть объективированы и зафиксированы со стороны, «на глазок», что нет и никогда не будет построена палата мер и весов, чтобы измерить и взвесить достижения человека, чувство его благополучия в мире, дееспособность, все то, что мы именуем «состоятельностью», – этот факт был для него несомненен. Как, впрочем, и то, что путь истины («правда») есть дело святое, и уж точно безумны те, кто свернули с дороги.

Цивилизация, культура – вечный спор между Сатиным («Человек – свободен, он за все платит сам») и Лукой («Во что веришь, то и есть»).

Не является ли культура целеполагания в цивилизованном мире порою единственно возможным способом примирить человека с самим

собой, коль скоро он стремится к оптимуму благоденствия и дееспособности там и тогда, где и когда это практически невозможно?

«Идеальная задача»: что мы чувствуем и к чему стремимся, думая о ней? Существуют, очевидно, задачи, смысл постановки которых не сводится к решению утилитарных проблем, а является для человека способом проверки своих возможностей. Будем говорить, что это «задача по вкусу» (ее решение продиктовано заинтересованностью в решении как таковом – вкусами самого человека, предпочитающего ее среди других). Перечислим гипотетические черты задачи по вкусу:

- Решение этой задачи требует *«полной отдачи сил»* (а иначе – как проверить, на что ты способен?). Мы помним, что такая ситуация соответствует привилегированной точке оптимума самоотдачи – *действия на пределе возможностей*.

- Эта задача – *новая*; у человека нет оснований считать, что он решит ее. Если бы такие основания наличествовали, то субъективная вероятность решить задачу превосходила альтернативную вероятность не справиться с нею, и в этом случае речь могла бы идти, скорее, о подтверждении своих способностей, чем испытании их. Итак, нет никаких *гарантий* в том, что задача может быть решена. О такой задаче, если она будет выбрана, можно сказать – «самоценная» (ценность – в самой задаче, то есть – в поиске решения, о котором заранее неизвестно, существует ли оно вообще и может ли быть реализовано данным индивидуумом).

- Эта задача с *непредрешенным исходом решения*. Отсутствие уверенности субъекта в том, что задача может быть решена им, отнюдь не означает, что задача в его глазах неразрешима. Иначе бы, очевидно, он не выбрал бы для себя эту задачу на самоиспытание. Вот почему полагаем, что априорная вероятность ее решения должна быть не больше и не меньше $\frac{1}{2}$. Действительно, если я заранее знаю, что задача, скорее, будет решена мною, – зачем мне ее решать? Что узнаю я о себе нового, решив *предсказуемо-доступную* мне задачу?! Если же менее вероятно, что задача будет решена мною, то есть ли смысл испытывать свои способности, решая ее (ведь она *предсказуемо-нерешаемая*)?! Словом, выбор такой задачи, побуждаемый непредрешенностью результата, должен иметь, как мы говорим, «активно-неадаптивный» характер.

- Эта задача, решения которой не требует от субъекта никто. Она решается им по собственной воле. О таких задачах мы говорим – «надситуативные».

Можно предположить, что предпочтение задач, обладающих перечисленными выше чертами и воспринимаемых людьми как задачи по вкусу, обусловлено особыми переживаниями, возникающими в процессе их решения. Наша общая гипотеза состоит в том, что выбор и решение «задачи по вкусу» позволяет человеку ощутить свою состоятельность (достичь

оптимума состоятельности) одновременно в нескольких отношениях: ощущать удовлетворенность собой, предчувствуя успех, справляться с неопределенностью, формируя адекватные ситуации притязания, иметь оправданные виды на будущее, ощущать близость решения.

Рассмотрим и обозначим более полно весь спектр символов, позволяющих описывать переживания человека, ощущающего свою вовлеченность в решение задач вообще и «задачи по вкусу» в частности.

Наше общее предположение состоит в том, что в условиях решения «задачи по вкусу» выполняется условие субъектности саморегуляции на всех уровнях целеполагания (то есть – условие соответствия между устремлениями человека и его состоятельностью).

Сказанное означает *одновременное* подтверждение следующих теоретических гипотез (в дальнейшем во всех случаях речь идет о «задаче по вкусу»):

Гипотеза 1.

Предчувствия успеха соответствуют уровню потенциальной удовлетворенности собой:

$$Z = X \leftarrow (1-X) = X,$$

здесь Z – предчувствие успеха; X – интенции; $1-X$ – образ не востребуемых ранее возможностей (см. подробнее раздел «Гезаурус» данной главы).

Если не прибегать к символам, то суть гипотезы можно выразить следующим образом: «В процессе решения “задач по вкусу” интенции к успеху, предчувствия успеха и потенциальная удовлетворенность собой соответствуют друг другу по силе; при этом в субъективном плане человек опирается на ту часть своих возможностей, которые актуально не подвергаются им проверке, однако подразумеваются как имеющиеся у него (здесь “по умолчанию” принимается, что проверяемые и подразумеваемые возможности в сумме образуют полную систему возможностей)». Заметим, что далеко не всегда при решении задач выполняется это условие. Если вам известно, что задача очень проста (арифметические упражнения для детей третьего класса), вы, скорее всего, предчувствуете свой 100% успех, но вряд ли испытываете потенциальную удовлетворенность собою, представляя, что решаете эту задачу. В другом случае, наоборот, предчувствие успеха минимально, а потенциальная удовлетворенность собою – высока (положим, если Вы шахматист-любитель, играющий в шахматы с гроссмейстером...) ⁷¹. Мы больше не будем подчеркивать этого, но еще раз напомним читателю, что первая и последующие гипотезы относятся к задачам по вкусу (именно

⁷¹ Для этого совсем не обязательно выигрывать у гроссмейстера (в одном из рассказов Василия Аксенова любитель выигрывает у гроссмейстера, что, конечно, «на уровне чуда»).

их, как предполагается, отличают от других задач). Если *Гипотеза 1* подтвердится, то она даст нам пример волевой саморегуляции личности.

Гипотеза 2. Притязаниям человека соответствует его вера в успех:

$$(X \longleftrightarrow Y) \longleftrightarrow 0,5 = X \longleftrightarrow Y,$$

поясним, что выражение в этом выражении Y – это *прогноз успеха*; двухступенчатая импликация $(X \longleftrightarrow Y) \longleftrightarrow 0,5$ – *вера в успех*; $X \longleftrightarrow Y$ – *уровень притязаний*; число $0,5$ – субъективная вероятность возможности решения (подробнее об этом см. *ТЕЗАУРС*).

Смысл гипотезы: «В процессе решения “задачи по вкусу” вера в успех соответствует уровню притязаний; человек властвует над шансом в условиях полной неопределенности относительно исхода действия (ценностный уровень саморегуляции)».

Гипотеза 3. Перспектива успеха соответствует интенции:

$$(X \longleftrightarrow Y) \longleftrightarrow Z' = X,$$

новый символ $Z' (= 1 - Z)$ – это *уверенность в успехе* («запас прочности»). Пояснение можно найти в *ТЕЗАУРСЕ*.

Смысл гипотезы: «Выбор “задачи по вкусу” подразумевает такое соотношение между прогнозами на успех и уверенностью в успехе решения этой задачи, что открывающиеся перспективы соответствуют интенциям, вкладываемым в достижения» (целевой уровень саморегуляции).

Гипотеза 4. Человек предвкушает будущий успех достижения в соответствии со своими интенциями:

$$X \longleftrightarrow Z' = X,$$

выражение $X \longleftrightarrow Z'$ символизирует то, что мы называем «предвкушением» (см. подробнее *ТЕЗАУРС*).

Смысл гипотезы: «Человек переживает будущий успех как “уже состоявшийся” факт, видя в нем воплощение своих интенций; в таких случаях говорят: “Счастье – в кармане”» (операциональный уровень саморегуляции).

Рассмотрим результаты **эмпирического исследования**, направленного на оценку адекватности выдвинутых гипотез.

Испытуемым (37 человек в возрасте от 18 до 33 лет) предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи – «задачи по вкусу». Ниже мы приводим список используемых вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов, как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «пред-

чувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов вопроса отсутствовали.

Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко—часто», отвечая на общий вопрос: Как часто, при решении такой задачи Вы:

1. Перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)? {1,0,1};

редко ----- часто

2. Считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающих на открытие)? {0,1,1} (оценочную шкалу в тексте статьи больше не изображаем);

3. Исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся Вам сомнительными? {1,0,0};

4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)? {0,1,0};

5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе? {1,1,1};

6. Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)? {0,0,1};

7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности? {0,0,0};

8. Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно? {1,1,0}⁷²

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко—часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому – значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал ($i = 1, 2, 3, \dots, 8$) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i . Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i ,

⁷² В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры (интенция, предвидение, предчувствие). В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопроса 7 (человек «в тупике») и вопроса 4 (человек «ищет соломинку»).

а величину $f_i = F_i / (F_i + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, то есть какова **сила интенции**. Показатель силы интенции произведен от частоты состояний: «осмотрительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «что я теряю, а вдруг?» {1,1,0}, «вперед, к победе!» {1,1,1}. «Интенции» = $f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель **прогноз (прогнозируемая доступность)**, соответствующий теоретическому конструкту «внешний ресурс». Он определяется частотой состояний: {0,1,1} – «везение»; {0,1,0} – «соломинка»; {1,1,1} – «вперед, к победе!»; {1,1,0} – «что я теряю, а вдруг?». «Прогноз» = $f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

Тем же путем подсчитывается показатель **чаянья**, определяемый состояниями: {1,0,1} – «осмотрительность»; {0,1,1} – «везение»; {1,1,1} – «вперед, к победе!»; {0,0,1} – «как-нибудь само собой». «Чаянья» = $f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Показатель «Чаянья» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя «Страховка» (она противоположна чаяньям при полном отсутствии гарантий):

$$\text{«Уверенность»} = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6).$$

Теперь можем проверить, насколько справедливы выдвинутые гипотезы.

Эмпирические средние, соответствующие X («интенции»), Y («прогнозы»), Z («предчувствия»), Z' («уверенность»), пометим звездочкой «*».

Гипотеза 1 (о соответствии интенций, предчувствий и потенциальной удовлетворенности собой):

$$X^* \approx Z^* \approx X^* \leftarrow \rightarrow (1 - X^*) \approx 0,617$$

Имеем, соответственно,

$$0,623 \approx 0,596 \approx 0,590 \approx 0,617 \text{ (гипотеза подтверждается, } p > 0,05).$$

Гипотеза 2 (о соответствии притязаний и веры в успех):

$$(X^* \leftarrow \rightarrow Y^*) \leftarrow \rightarrow 0,5 \approx X^* \leftarrow \rightarrow Y^*.$$

Имеем:

$$(0,623 \leftarrow \rightarrow 0,474) \leftarrow \rightarrow 0,5 = 0,672 \leftarrow \rightarrow 0,5 \approx 0,664$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0,01$).

Гипотеза 3 (о соответствии интенций перспективам успеха):

$$(X^* \longleftrightarrow Y^*) \longleftrightarrow Z^* \approx X^*$$

Имеем:

$$(0,623 \longleftrightarrow 0,474) \longleftrightarrow 0,404 = 0,601 \approx 0,617$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0,01$).

Гипотеза 4 (о соответствии интенций предвкушению успеха):

$$X^* \longleftrightarrow Z^* \approx X^*$$

Имеем:

$$0,623 \longleftrightarrow 0,404 \approx 0,629$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0,01$).

Итак, четыре выдвинутые гипотезы находят свое подтверждение.

Остается заметить, что выделяемый нами класс «задач по вкусу» – не единственный полигон испытания метаимпликативной модели состоятельности и «субъектных сборок». Так, нам удалось показать, что, решая задачи *по требованию*, испытуемые в меньшей степени стремятся к успеху (0,577 против 0,623) и в меньшей мере предчувствуют успех (0,548 против 0,596).

К чему же в итоге приходим мы, имея дело с «задачей по вкусу»? Каждое «Я», живущее в личности, стремится к гармонии – будь то внутренний «Единоличник», исследующий «на что он способен», «Руководитель», верящий в контроль над шансом, «Лидер», ведающий перспективами, или «Хозяин», владеющий ситуацией. У каждого – свой подход к построению действия. Но все – одинаково – заинтересованы в том, чтобы найти точку оптимума – то есть совершенное соотношение между своими запросами и ресурсами. Найти эту общую точку («найти в ней») позволяет «задача по вкусу».

Возможность решения такой задачи не гарантирована, успех в решении не предрешен. Но все-таки она требует от человека, чтобы он полностью «выложился», отдался решению. Это значит, что «по вкусу» ему оказывается выбор *над ситуативных задач* – таких условий деятельности, свободно предпочитаемых им, в которых предчувствия, перспективы и вера в успех соответствуют интенциям самоосуществления, а те, в свою очередь, – потенциальной удовлетворенности человека собой как субъектом деятельности. И каждое из этих субъектных проявлений саморегуляции балансирует на невидимой риске «золотого сечения». Таково число φ ($\approx 0,618$), «золотая точка» гармонии.

Люди – активно неадаптивны. Они ставят перед собой задачи с не-предрешенным исходом. Они поднимаются *над ситуацией*, пытаясь своими действиями предрешить заранее не-предрешенный исход.

Триумвират субъектов свободного выбора. В предшествующих работах (Петровский, 2006б, см. также главу 27) мы показали, что в рамках мультисубъектной концепции личности могут быть реинтерпретированы факты, необъяснимые в рамках классической модели выбора риска Дж. Аткинсона (Atkinson, 1957, 1964), о чем уже было сказано в книге (см. главу 24), новое объяснение получает феномен смещенного выбора уровня трудности задачи в условиях свободного предпочтения задачи (см. ТЕЗАУРУС, а также статью Петровский (2006б)). Испытуемые с доминированием надежды на успех по сравнению с мотивом избегания, как выявилось за пять десятилетий экспериментальных исследований уровня притязаний личности, предпочитают выбор задач, степень трудности которых изменяется в диапазоне между 0,6 и 0,7, а не средних по трудности задач, как предсказывает модель выбора риска Аткинсона. Но именно эти значения (в районе «золотого сечения») предсказывает наша метаимплицативная модель выбора (см. главу 28).

Здесь же мы считаем нужным подчеркнуть, что речь идет о функционировании коллективного субъекта, «составленного» из многих «Я», а именно – из эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Будем считать, что потенциальная удовлетворенность личности, действующей в поле свободного выбора уровня трудности задачи (при заданных вероятностях успеха решения), описывается формулой

$$W = (X_{Взр} \leftarrow Y_{Род}) \leftarrow Z_{Дитя}$$

и что, кроме того, имеет место правило реализма (В.А. Лефевр):

$$W = X_{Взр}$$

Принимаем также, что интенции Взрослого (X) адекватны требованиям Родителя (I-Y): $X = I - Y$, то есть $Y = I - X$. Здесь Y – прогнозируемая доступность решения задачи (подразумевается: чем доступнее задача, тем менее интенсивны требования ее решить, чем менее доступна, тем сильнее Родитель «давит» в направлении решения). Логично считать также, что уровень трудности – это уровень доступности «наоборот»: $I - Y$.

Кроме того, примем, что существует две формы взаимодействия между эго-состояниями:

А. *Согласие* между Родителем и Дитя:

$$(X_{Взр} \leftarrow (I-X)_{Род}) \leftarrow (I-X)_{Дитя} = X$$

В этом случае испытуемые должны выбирать задачи, уровень трудности которых находится в районе «золотого сечения», 0,618. Действительно, решая уравнение

$$(X \leftarrow (I-X)) \leftarrow (I-X) = X,$$

имеем (опускаем нижние индексы):

$$(1-X^2) \leftarrow (1-X) = 1-X+X^3=X, \\ X(2-X^2)=1, \text{ из чего следует } X \approx 0,618$$

Б. Бунт Дитя против Родителя:

$$(X_{\text{Взр.}} \leftarrow (1-X)_{\text{Род}}) \leftarrow X_{\text{Дитя}} = X_{\text{Дитя}}.$$

В этом случае испытуемые должны выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи (здесь расхождения с моделью принятия риска Дж. Аткинсона нет). В самом деле,

$$(X \leftarrow (1-X)) \leftarrow X = X, \\ (1-X^2) \leftarrow X = X^2 + X - X^3 = X, \\ X^2 - X^3 = 0, \\ X^2(1-X) = 0,$$

из чего следует $X_1=0$, $X_2=1$ (выбираются самые простые и самые трудные задачи).

Заметим, что к тому же результату мы приходим, если пользуемся моделью *перспективы успеха* («притязания опираются на готовность к риску») (см. предыдущий раздел и *Тезаурус*):

$$(X \leftarrow Y) \leftarrow Z = (X \leftarrow Y) \leftarrow ((X \leftarrow (1-X)) \leftarrow 0) = (X \leftarrow Y) \leftarrow X^2.$$

Итак, мы имеем уравнение:

$$((X \leftarrow (1-X)) \leftarrow Z) = X \text{ (реализм выбора)}.$$

Преобразуем и получаем:

$$(1-X^2) \leftarrow X^2 = X, \\ 2X^2 - X^4 - X = 0.$$

Находим действительные корни этого уравнения:

$X_1=0,618$, $Y_1=0,318$ (выбор задачи повышенной трудности)

$X_2=1$, $Y_2=0$ (выбор сверхтрудной задачи)

$X_3=0$, $Y_3=1$ (выбор сверхлегкой задачи).

$Z_1=0,618$ – толерантность (готовность к риску), проявляемая Подчиняющимся («позитивным») Дитя;

$Z_2=1$, а также $Z_3=0$ – толерантность (готовность к риску), проявляемая Бунтующим («негативным») Дитя при $Y_2=0$ и, соответственно, $Y_3=1$. (Пояснения к символу Z' см. непосредственно далее, в разделе *Тезаурус*.)

ТЕЗАУРУС. Принимаем следующие обозначения и интерпретацию символов: W (состоятельность, «Могу») – это *аккумулированные (собранные, накопленные) возможности*:

$$\begin{aligned} \text{Могу} &= \text{То, что я раньше не мог, вместе с Тем, что могу сверх того} = \\ &= \underbrace{\text{Могу}}_W = \underbrace{\text{Уже Могу}}_{I-X} + \underbrace{\text{Могу Еще}}_{X \times Y} \end{aligned}$$

Качественно различаем X -возможности – актуальные внутренние возможности (переживание субъекта «я могу») и X -стремления – интенции субъекта воплотить (использовать, применить) свои актуальные возможности («я хочу»). Предполагается, что это стремление соответствует уровню переживаемых возможностей – о принципе единства «могу» и «хочу», то есть «что могу, то и хочу», «насколько могу, настолько хочу», «могу» = «хочу» = «буду» см. подробнее *Петровский (2008а, б, в, 2009а–е)*.

$I-X$ – *нереализованные (нераскрытые) ранее возможности, – «еще не мог»*. Субстрат «Потаенного Я». Переживание этих возможностей мы называем «возможностями из прошлого».

$$I \times (I-X) \text{ – «уже могу»}.$$

$X \times (I-X)$ – *переживание будущих возможностей – «возможности на будущее», «могу еще»*.

$X \overset{\leftarrow}{\Rightarrow} (I-X) = I-X + X \times (I-X)$ – *переживание потенциальной удовлетворенности собой (переживание субъектом своего потенциального благополучия); сочетает в себе два переживания: ранее невостребованные, а теперь актуализированные «возможности из прошлого» и приткрывшиеся «возможности на будущее»*.

$$Y \text{ – прогноз успеха.}$$

$X \overset{\leftarrow}{\Rightarrow} Y$ – *притязания на успех, «уровень притязаний»*. Импликативная запись может быть прочитана так: «стремление субъекта воплотить свои актуальные возможности, опираясь на прогноз их осуществимости».

P – *субъективная вероятность успеха*. В некоторых классах задач испытуемому заранее неизвестно, насколько они могут быть решены в принципе или(и) им самим персонально. В этом случае, используя язык обыденной речи, мы говорим, что субъективная вероятность решения этих задач для субъекта – «фифти-фифти» ($P=0,5$).

$(X \overset{\leftarrow}{\Rightarrow} Y) \overset{\leftarrow}{\Rightarrow} P$ – *вера в успех*. Имея дело с абсолютной неопределенностью ситуации, человек, тем не менее, исходит из идеи реализуемости своих притязаний – в той или иной степени, реализуется...

S-ожидание – предчувствие успеха, переживание предрешенности положительного исхода попытки (естественно, имеется в виду определенная степень предрешенности). Качественно мы отличаем *предчувствие* успеха от *прогноза* успеха. Предчувствие основано на интуиции, интуитивной оценке достижимости успеха, а прогноз, в той или иной степени, на знании (например, в известных экспериментах Хоппе «на уровень притязаний» испытуемым заранее сообщают о трудности выбираемых задач).

S-стремление – чаянья. Мы используем это несколько архаичное слово, чтобы описать рационально не мотивированное притяжение к успеху; здесь можно использовать также слово *влечение* («иррациональное» побуждение к действию). Используя один и тот же символ *S* для обозначения предчувствий и чаяний, мы по-прежнему подчеркиваем момент преемственности и равенства между «хочу» и «могу».

G – гарантии успеха. Существует всего две возможности протекания деятельности, связанной с достижением: ситуация гарантирует достижение результата (при известных стараниях индивидуума) и – ситуация не гарантирует этого: $G=1$, либо $G=0$. Промежуточных степеней для гарантий не существует. Они (промежуточные значения) могут существовать для априорной вероятности успеха P . Таким образом, *степень* неопределенности (непредрешенность) в возможности достижении успеха – целиком «на совести» априорной вероятности решения задачи.

$Z=S \leftarrow G$ («чаянья опираются на гарантии») – *готовность к риску* (толерантность к неопределенности – кратко, *толерантность*). О толерантности можно говорить также – *запас прочности*, а еще – *подстраховка*. Действительно, чем выше чаянья, тем больше, в случае неудачи, отчаянье – ведь нет никаких гарантий, что задача может быть решена. Наоборот, если чаянья невелики, то и риск неуспеха не слишком велик. Рассмотрим два случая:

- 1) $G=1$, при этом, очевидно, *толерантность абсолютна*:

$$Z=S \leftarrow 1 = 1 - S + S \times 1 = 1;$$

- 2) $G=0$, и тогда *толерантность* составляет альтернативу предчувствиям:

$$Z=S \leftarrow 0 = 1 - S + S \times 0 = 1 - S.$$

Действительно, чем более выражены чаянья, тем меньше – на фоне отсутствия каких-либо гарантий! – «запас прочности».

$(X \leftarrow Y) \leftarrow Z$ – *перспектива успеха* (притязания опираются на толерантность). Здесь переплетаются ситуативно-обусловленные рациональные аспекты переживаемой активности (уровень притязаний,

$X \leftarrow \supset Y$) и ее интуитивные аспекты (чаянья, опирающиеся на определенный уровень гарантий, $S \leftarrow \supset G$).

$X \leftarrow \supset Z$ – *предвкушение*. Мы говорим «предвкушение», имея в виду, что интенции субъекта испытать себя, свои актуальные возможности, опираются на запас прочности, в отличие от той или иной степени *веры* в успех, определяемой привходящими обстоятельствами (субъективной вероятностью успеха, полностью зависящей от ситуации), и *перспективы успеха*, определяемой прогнозом успеха, зависящим от ситуации и собственных усилий.

Часть 5. СУБЪЕКТ АКТИВНОСТИ: ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

Глава 26. ЛОГИКА РАЗВЕРТКИ АКТИВНОСТИ. ПОЧЕМУ – ИМПЛИКАЦИЯ?

А если не «если..., то...»? Логический оператор «материальной импликации», чаще других математических символов появившийся на страницах этой книги, – не частый гость психологии. Одно из немногих исключений – работы В.А. Лефевра и его последователей. Исторически первые формальные подходы к построению рефлексивной модели субъекта основывались на булевых соотношениях, включающих в себя материальную импликацию. Использование данного оператора позволило автору рефлексивной теории получить ряд неожиданных результатов, подтвержденных экспериментально.

Но почему именно – импликация? Какие еще перспективы она открывает исследователю?

«Материальная импликация» *неформально* определяется как «приблизительный логический эквивалент оборота “если..., то...”»; операция, формализующая логические свойства этого оборота» (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/436/). Приводимая ниже таблица истинности импликации представляет собой, по сути, *формальную* дефиницию материальной импликации. На множестве $\{0,1\}$, символизирующих слова «ложно» и «истинно», операция « \rightarrow » (материальная импликация) определяется так:

X	Y	$X \rightarrow Y$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Поясняя смысл этой таблицы, процитируем далее авторов «Энциклопедического словаря», напоминающих читателю о вещах, возможно, ему хорошо знакомых:

«Для установления истинности материальной импликации, “Если A , то B ” <в наших терминах, «если X , то Y ». – В.П.>, достаточно выяснить истинностные значения высказываний A и B . Материальная импликация истинна в трех случаях: 1) ее основание и ее следствие истинны; 2) основание ложно, а следствие истинно; 3) и основание, и следствие ложны. Только в одном случае, когда основание истинно, а следствие ложно, вся импликация ложна. При установлении истинности материальной импликации не предполагается, что высказывания A и B связаны между собой по содержанию. В случае истинности B высказывание “Если A , то B ” истинно, независимо от того, является A истинным или ложным и связано оно по смыслу с B или нет. Истинными считаются, напр., высказывания: “Если на Солнце есть жизнь, то дважды два равно четыре”, “Если Волга – озеро, то Токио – большой город” и т.п. Условное высказывание истинно также тогда, когда A ложно. При этом опять-таки безразлично, истинно B или нет и связано оно по содержанию с A или нет. К истинным относятся, напр., высказывания: “Если Солнце – куб, то Земля – треугольник”, “Если дважды два равно пять, то Токио – маленький город” и т.п. В обычном рассуждении все эти высказывания вряд ли будут рассматриваться как имеющие смысл и еще в меньшей степени как истинные. Очевидно, что материальная импликация плохо согласуется с обычным пониманием условной связи. В классической логике материальная импликация является формальным аналогом условного высказывания. Но, схватывая многие важные черты “логического поведения” условного высказывания, материальная импликация не является достаточно адекватным его описанием. Ряд законов классической логики, содержащих материальную импликацию не согласующихся с обычными, или интуитивными, представлениями о логических связях, получил название парадоксов материальной импликации».

Как видим, для специалистов в области формальной и математической логики уже давно стало трюизмом, что материальная импликация, символизируемая записью « $X \rightarrow Y$ », лишь «приблизительно соответствует» выражению «Если X , то Y ». «Слишком приблизительно», добавим мы, чтобы в глазах «неискушенных пользователей» все еще поддерживать школьную иллюзию какого-то логического следования, как если бы « B вытекало из A » (или « X порождало Y »). Тем не менее, в формальных теориях, «материальная импликация» играла выдающуюся роль, позволяя продвигаться от истинных высказываний к истинным, а также сохранять бдительность всегда, когда на горизонте, подобно плавучей mine, появляется ложь – ведь известно, что, в силу формальных свойств материальной импликации, любое ошибочное высказывание способно подорвать доверие к любым другим высказываниям теории. В остроум-

ной книжке выдающегося английского математика Джона Литлвуда «Математическая смесь» (Литлвуд, 1979, с. 46): « X нашел, что в этих условиях возникают гравитационные волны; однако есть предположение, что в работе содержится ошибка. Ясно, что *всякая* ошибка порождает гравитационные волны».

Закономерен вопрос: если материальная импликация, $X \rightarrow Y$, не является логическим эквивалентом причинно-следственных отношений между A и B и в то же время является логическим «механизмом» развертки формальных теорий, то чем является материальная импликация на самом деле? Что образует ее суть как особого *действия*, связывающего X и Y ? Можно спросить и так: «Каков подлинный онтологический смысл материальной импликации, коль скоро это *не есть* отношение следования?» Этот вопрос имеет отношение не только к логическим основаниям математики, но и к другим теоретическим системам, опирающимся на формальные методы (правила вывода и т.п.). Яркий пример такой теории (нематематической по своему объекту и, вместе с тем, формальной по своему строению) – рефлексивная теория В.А. Лефевра. Предмет этой теории – этические системы, а базовый механизм развертки – материальная импликация.

Субъект высказывания и его логический статус. Чем же является, по сути, эта загадочная операция, если она играет такую роль в построении формальных систем? Обратимся вначале к *логике* – альма-матер этой логической связки.

Обратим внимание на то, что значение истинности Y , в случае истинности импликации $X \rightarrow Y$, больше или равно значению истинности X :

$$f(X) \leq f(Y).$$

Интуитивно мы чувствуем, что речь здесь идет о сохранении или повышении *некоего* значения истинности при переходе от X к Y . Правда, тут же возникает вопрос, об изменении истинности *чего* идет речь. Здесь явно не хватает представления о «субстрате», значение истинности которого прослеживалось бы в динамике. Если бы, положим, мы имели дело с идеей «переходящего значения истинности» некоторой переменной, проблема была решена. Но в математической логике и математике нет ничего подобного «переходящему знамени» или «эстафетной палочке» истинности. Идея «изменения истинности», таким образом, повисает в воздухе. Чтобы дать ей опору, мы вводим представление о *субъекте высказывания*.

Заметим, в этой связи, что тексты формальных теорий скрыто монологичны. Они «пишутся» от лица безымянного субъекта, прячущегося за «буквами» и «словами». Создается иллюзия, будто вначале, действительно, «было слово». Но при этом не было *говорящего*. Субъект, живущий в метаязыке теории, не рефлектируется в качестве ее собственного

термина. Этот факт принимают как должное, но все-таки кажется поразительным, что в «исчислении высказываний» отсутствуют сами *высказывающиеся*. Иллюзорная «бессубъектность» порождает трудность в осмыслении феномена импликации (сам ее графический символ – «стрелочка» – заключает в себе идею интенциональности, а, следовательно, и субъектности). Однако стоит только ввести представление о субъекте высказываний (не путать с логическим субъектом в суждении «S есть P!»), как эти трудности интерпретации упрощаются.

Примем, что *любое высказывание исчисления высказываний осуществляется кем-то, принадлежит кому-то, оценивается с позиции кого-то, то есть имеет под собой субъект высказывания*. В выражениях $(X)_A, (Y)_B, (Z)_C, (X \vee Y)_A, (\neg X)_D$ и т.д. и т.п. верхний ряд символов будет указывать на формулы исчисления высказываний, в то время как нижние индексы – это субъекты, которые порождают (производят, оценивают, включают в себя) данные формулы. Например, $(X)_A$ означает: «формула (X) высказывается субъектом A » (она принадлежит этому субъекту, производится им, оценивается, реализуется, принимается и пр.).

Введем представление о *логическом статусе субъекта высказывания (X) , отождествив его численное значение с значениями истинности некоторого высказывания X ; логический статус такого высказывания обозначим: $f(X)_A; f(X)_A = f(X)$* . Логический статус субъекта высказывания можно трактовать по аналогии с «социальным статусом», «экономическим статусом», «этическим статусом» (термин В.А. Лефевра). Отталкиваясь от сказанного, мы развиваем следующий вариант осмысления материальной импликации.

Импликация как «обмен» и «выход за пределы себя». Положим, что X высказывается субъектом A , а Y – субъектом B (будем говорить о субъекте B – «контрагент»). В таком случае, материальная импликация $X \rightarrow Y$, или, в принятых нами обозначениях, $X_A \rightarrow Y_B$, характеризует правомерность *обмена* X на Y (замещения посылки X посылкой Y), что оценивается с позиции субъекта высказывания A , вступающего в отношение обмена с субъектом высказывания B .

Обмен посылки X на посылку Y , производимый и оцениваемый с позиции субъекта A , будем записывать: $((X)_A \Rightarrow (Y)_B)_A$. Итак, при импликации $X_A \rightarrow Y_B$ субъект A высказывает положение $(f(X)_A \leq f(Y_B))_A$, содержащее в себе сравнение своего собственного логического статуса *до* обмена и *после*. О субъекте A , который обменивает X на Y , сравнивая свой статус *до* и *после* обмена, $f(X)_A$ и $f(Y_B)_A$, мы говорим – «субъект произведенного обмена A » (или просто «субъект обмена»). Импликации $X \rightarrow Y$ соответствуют значения логического статуса A как субъекта обмена:

$$X \rightarrow Y \sim (X_A \Rightarrow Y_B)_A \sim f(f(X)_A \leq f(Y_B)_A)_A$$

В случае истинности высказывания $f(X)_A \leq f(Y)_A$, что соответствует единичному логическому статусу субъекта обмена A , мы говорим: «обмен без потерь» – «подтверждение или повышение логического статуса субъекта обмена A », «беспроегрышность для A » и т.п.; в противном случае, говорим: «обмен с потерями» – «падение логического статуса субъекта обмена A », «субъект A в проигрыше» и т.п.

Если бы субъект A мог говорить от первого лица (а почему бы и нет?), он сказал бы следующее: «Истина – в том, что, отказываясь от X в пользу Y , я ничего не теряю, а, возможно, даже повышаю свой статус как носитель истины». В этом и состоит *смысл* материальной импликации как изменения логического статуса субъекта A за счет обмена посылками с субъектом B . Можно сказать и иначе: то, что в данный момент высказывает A , превращается в средство обмена на ответное послание со стороны B ; при этом субъект A , как минимум, ничего не проигрывает в результате обмена. При этом область существования субъекта высказывания расширяется за счет «примеривания» им на себя других посылок: достаточно ли они хороши, по сравнению с исходной посылкой, чтобы приобщить их к себе? Вместе с тем, A подтверждает прочность своих позиций во взаимодействии с субъектом B : переходя на сторону B (замещая посылку X посылкой Y) и как бы «играя» на стороне B , он способен ничего не проигрывать. Посредством импликации, таким образом, продуцируется отношение «не менее предпочтительно, чем...»: субъект A высказывая X , идентифицируясь с субъектом B высказывания Y , перенимает Y , которое для него, как ожидается, не менее предпочтительно, чем X . На психологическом языке, который де-факто мы только что использовали, «территория “ Y ” субъекта высказывания расширяется за счет опробования посылок, высказываемых кем-то другим. Субъект высказывания «выходит за границы себя», *трансцендирует*, обмениваясь посланиями с другим субъектом. Перед нами то, что может быть названо «самотрансценденцией». *Самотрансценденция* – это высказывание субъекта о своем собственном логическом статусе как субъекте обмена, в ходе которого (обмена) логический статус субъекта либо подтверждается, либо возрастает.

С этой точки зрения, *материальная импликация есть оператор самотрансценденции субъекта высказывания, ведущей к воспроизводству или повышению логического статуса данного субъекта при взаимодействии с субъектом другого высказывания.*

Легко убедиться в том, что трактовка импликации как самотрансценденции соответствует «табличному» ее определению:

Если $f(X)=0$ и $f(Y)=0$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A) = f(0 \leq 0)_A = 1$ (обмен без потерь).

Если $f(X)=0$ и $f(Y)=1$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A) = f(0 \leq 1)_A = 1$ (обмен без потерь).

Если $f(X)=1$ и $f(Y)=0$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A) = f(1 \leq 0)_A = 0$ (обмен с потерями).

Если $f(X)=1$ и $f(Y)=1$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A) = f(1 \leq 1)_A = 1$ (обмен без потерь).

Итак, перед нами интерпретация материальной импликации как оператора самотрансценденции субъекта высказывания, вступающего в отношения обмена с другим субъектом. Заметим теперь, что результат такого обмена (на стороне субъекта A) соответствует значениям формулы $\neg X \vee Y$ («не- X или Y »), а это, в свою очередь, есть общеизвестное формальное определение материальной импликации:

$$X \rightarrow Y \sim \neg X \vee Y$$

Исходя из трактовки импликации как самотрансценденции субъекта высказывания, подразумевающей обмен посылки X на посылку Y , мы можем теперь попытаться восстановить совокупность процессов, порождающих только что приведенное выражение.

Перед субъектом A и его логическим партнером B в ситуации обмена раскрывается веер возможностей. При самотрансценденции логический статус A превращается в комбинацию возможностей, приобретаемых и предоставляемых им во взаимодействии с B .

Символически, эти процессы выглядят так (опускаем в конъюнкциях нижние индексы):

$$((\neg X \& Y \vee \neg X \& \neg Y)_A \vee (Y \& X \vee Y \& \neg X)_B)_A = (\neg X_A \vee Y_B)_A.$$

Рассмотрим *первую строчку* данного равенства.

Внутренние скобки *слева* символизируют следующее положение дел (взгляд со стороны A): «Мысленно уже отдал X , но неизвестно, приобрел ли взамен Y или “разминусь” с ним»:

$$(\neg X \& \neg Y \vee \neg X \& Y)_A = \neg X (\neg Y \vee Y)_A = \neg X_A.$$

Внутренние скобки *справа* (взгляд со стороны B): «Возможно, удастся присоединить X к Y , но возможно, этого не произойдет»:

$$(Y \& X \vee Y \& \neg X)_B = Y \& (X \vee \neg X)_B = Y_B.$$

Во второй строчке приводится результат суммирования значений истинности рассмотренных комбинаций; «мягкий выбор» между этими возможностями (внешние скобки) осуществляется с «двух точек зрения», как это представляется субъекту высказывания A :

$$(\neg X_A \vee Y_B)_A.$$

Итак, в наших терминах, $X_A \rightarrow Y_B = (\neg X_A \vee Y_B)_A$. Другими словами, импликация есть переход от X к Y , заключающий в себе выбор из двух возможностей – отвергнутой посылки X (выбор посылки *не- X*) и – приобретенной посылки Y ¹.

¹ Этот выбор можно представить в мягком (не-дихотомическом) варианте, как «или (u)»: $X \rightarrow Y = \neg X \vee Y = \neg X \vee Y \vee \neg X \& Y$, так как, согласно правилу «поглощения» (Биркгофф), для произвольных булевых переменных a и b справедливо: $a \vee a \& b = a$.

Следуя нашей задаче, поставим теперь вопрос об экзистенциальном смысле данного соответствия. Если « $X_A \rightarrow Y_B$ » это « $(\neg X_A \vee Y_B)_A$ », то о чем это могло бы говорить с точки зрения субъекта A ?

Ответ состоит в том, чтобы трактовать $(\neg X_A \vee Y_B)$ как *возможность выбора между внутренней* ($\neg X_A$) *и внешней* (Y_B) *альтернативами исходной посылки* X_A . Речь, по сути, идет о том, что предпочтительнее для A : посылка X или сумма имеющихся у него *альтернатив* (отказа от X в пользу Y)? В этом смысле, импликация сродни самотестированию: переходя от посылки X к комбинации внутренних и внешних альтернатив этой посылки, субъект оценивает свою способность принять «вызов» ситуации, переступая черту освоенного, то есть отказываясь от X в пользу возможности выбора из двух возможностей: $\neg X$ (внутренняя альтернатива) и Y (внешняя альтернатива).

Например, если $X=0$, то «жертвуя» X в обмен на Y , субъект высказывания X при любом Y только выигрывает, даже в случае $0 \rightarrow 0 = \neg 0 \vee 0 = 1 \vee 0 = 1$ («чего не потеряешь, того, брат, не найдешь»). Единственный случай, когда значение импликации равно 0 , складывается в ситуации, когда $X=1$, а $Y=0$ (отказ от X ведет к падению логического статуса субъекта высказывания X).

Вернемся теперь к исходному вопросу этого экскурса в несуществующую еще «экзистенциальную математику», призванную открывать психологический смысл математических объектов и операций. Разумеется, любые попытки «поймать смысл» чего-либо заранее обречены на провал, если отбрасывать представление о *субъекте* – носителе смысла. Применительно к математике – речь идет о субъекте высказываний. Мы находим бесперспективным поиск уточнений смысла материальной импликации на пути идеи логического следования «Если..., то...». Его «приблизительность» никогда не будет преодолена, так как решение проблемы, по-видимому, лежит в другой плоскости; речь идет об отношениях обмена, в который вступают субъекты высказываний. Каждый такой обмен есть акт самотрансценденции субъекта высказывания, в процессе которого исходное значение истинности высказывания (X) уступает место возможности выбора из имеющейся у субъекта внутренней ($\neg X$) или (и) внешней (Y) альтернативы. Таким образом, определяется не столько истинность *нового* высказывания Y , сколько возможность подтверждения (или повышения) логического статуса субъекта *исходного* высказывания при обмене его значений истинности на значения истинности субъекта другого высказывания. Мало кого заботит судьба мины, на которой может подорваться корабль; волнует, прежде всего, судьба корабля.

Допустим теперь, что субъекты высказываний способны вступать в отношения *свободного обмена* значениями истинности своих высказываний. Это значит, что *каждый* способен решить, считает ли он возможным перейти на сторону другого субъекта, обменивая значения

истинности *своего* высказывания на значения истинности *чужого* высказывания. Критерием оправданности подобного перехода будет служить, разумеется, беспрюирышность *взаимного* обмена (когда логический статус *обоих* субъектов, как минимум, подтверждается). В этом случае картина возможных обменов вполне ясна. Истинное высказывание будет обмениваться только на истинное: $I \rightarrow I = I$ – *взаимообмен* возможен. Если же одно (и только одно) из двух высказываний заключает в себе истину, то оно никогда не будет взаимовыгодным (то есть свободным) образом обменено на другое высказывание, так как в одном из случаев $I \rightarrow 0 = 0$. То же – и в случае, когда одно (и только одно) из этих высказываний заключает в себе ложь: имеем $1 \rightarrow 0 = 0$ – *взаимообмен* невозможен. Вместе с тем, ложное высказывание будет обмениваться только на ложное: $0 \rightarrow 0 = 1$ – *взаимообмен* возможен. Постулирование идеи свободы обмена, таким образом, равносильно идее *строгой* импликации (\leftrightarrow), в таблице истинности которой имеют место следующие равенства: $0 \leftrightarrow 0 = 1$, $1 \leftrightarrow 1 = 1$, но $0 \leftrightarrow 1 = 0$ и $1 \leftrightarrow 0 = 0$.

В подобной ситуации (свобода обмена) математические тексты – это диалог между многочисленными субъектами высказываний. Действует правило: подобное объединяется с подобным; чужеродное отторгается. Иными словами, $X \rightarrow Y$ представляет собой сокращенную запись того, что субъект *A* высказывания *X*, превращаясь в субъект *B* высказывания *Y*, не понижает свой логический статус. Тестирование субъектом *A* субъекта *B* либо сохраняет, либо повышает логический статус тестирующего. «Формальная теория» есть совокупность имплицитующих друг друга субъектов высказываний. Здесь есть «основные» высказывания ($I \rightarrow I$) и «теневые» высказывания ($0 \rightarrow 0$). Могут быть отмечены также «неопределенные» (непроверенные или недоказуемые) высказывания ($I \rightarrow ?$).

Любой из субъектов истинного высказывания, трансцендируя, тестирует права каждого другого субъекта высказывания быть носителем истины. В конечном счете, он претендует на статус субъекта всех высказываний этой теории – статус *теоретика*.

В какие взаимоотношения *теоретик*, «живущий» на страницах математических текстов, вступает со своим *создателем* в лице математика? Этот вопрос мы оставляем фантастам²... Ничуть, впрочем, не упраздняя при этом постановку вопроса о том, как «чувствует» себя субъект высказываний в контакте с другими субъектами математической теории – что происходит с его логическим статусом, когда импликация подсказывает ему путь трансценденции.

Импликация как «опосредствование» и «реализация запросов через ресурс». Рассматривая импликацию « $X \rightarrow Y$ » как логически до-

² «... и психиатрам», – добавят, возможно, злые языки; оставим данное высказывание на совести высказывающихся.

пустимый переход от посылки X к посылке Y , правомерно подчеркнуть, что само существование X может быть осмыслено как обусловленное со стороны Y : X осуществляется посредством Y . Ведь «осуществляться» – значит находить в чем-то условие собственного существования, сущность, необходимую предпосылку, нечто предсуществующее. Таким образом, говоря: « X “переходит”...», мы делаем акцент на том, что это не механический переход от одного нечто (X) к другому нечто (Y). Это переход-углубление X в Y , переход-вбирание (Y в X). Тем самым в мысли воспроизводится то, что имело место в истории: переход от посылки Y к посылке X .

Но если X указывает на Y как на необходимую предпосылку своего существования, то Y – может быть назван *ресурсом*, в то время как X по отношению к Y логично считать *запросом* на этот ресурс. Глаголу «имплицировать» здесь соответствует «относиться к чему-либо как своей скрытой предпосылке», «указывать на что-то, от чего зависишь». Эта потаенная «часть» первоначально имеет свое независимое бытие, представляя собой, таким образом, *внешний ресурс* существования X . Необходимо *воссоединиться* с Y , чтобы вполне состояться. А результат материальной импликации свидетельствует о *мере осуществимости (реализуемости)* запроса X посредством ресурса Y .

По сути, речь идет о генетической преемственности X по отношению Y . На философском языке – об *опосредствовании* X со стороны Y (X – то, что существует, Y – то, что опосредствует его существование). Здесь возможны такие соотношения: X – нет, Y – нет (либо еще ничего не возникло, либо все уже закончилось $\{0 \rightarrow 0 = I\}$); X – нет, Y – есть $\{0 \rightarrow I = I\}$; X – есть, Y – есть $\{I \rightarrow I = I\}$. И только один случай исключен, когда X – есть, а Y – отсутствует $\{I \rightarrow 0 = 0\}$. Эти соотношения, как видим, полностью соответствуют условиям формального определения материальной импликации. «Стрелочка импликации», идущая от X к Y , прямо указывает на вторую посылку как условие возникновения и гарант существования (истинности) первой посылки³. Выражение «нет дыма без огня» хорошо иллюстрирует сказанное: «дым имплицировует огонь» (а не «огонь \rightarrow дым»).

³ А как же с привычным порядком «следования» в импликации: из « X следует Y »? Оно, говорим мы, сохраняет свою силу лишь постольку, поскольку истинны все высказывания теории, к которым можно мысленно «перейти», отталкиваясь от истинного X . В частности, наивно думать, что постулаты, из которых, как принято говорить, мы «исходим», продвигаясь к частным положениям теории, «болтаются в воздухе» беспредпосылочности; в действительности, они все обусловлены истинностью положений, к которым можно «прийти», отталкиваясь от постулатов. С этой точки зрения, оператор строгой импликации $\{A \leftrightarrow B\}$, вводимый для преодоления «парадоксов материальной импликации», совершенно избыточен.

Проясняя смысл импликации в мире математических и логических утверждений, мы были с самого начала нацелены на обсуждение вопроса о том, как «работает» импликация за пределами формальных теорий. Иными словами, нас интересовал вопрос, где еще импликация, трактуемая как трансценденция, оказывается полезным принципом описания и понимания происходящего? Что представляет она собой, так сказать, «в миру»?

Или, иными словами, что означает выражение «логически допустим переход». Пусть речь идет о запросах и ресурсах. В этом случае «допустимость перехода от X к Y » означает, что мы можем обратиться к ресурсу Y , располагая запросом X («от запроса X логично перейти к условиям его удовлетворения Y »).

«Состоятельность» как «результат» импликации. В поисках «экзистенциального смысла» импликации, как уже было сказано, мы неизбежно приходим к идее существования тех, кто «осмысливает». В жизни это – не условные персонажи. Это реальные *субъекты* – носители *запросов* и *ресурсов*. Они осуществляют себя, *реализуя* запросы посредством ресурсов. Импликация указывает на меру осуществимости (возможность осуществления) запросов X субъекта A посредством ресурсов Y субъекта B (не исключено, что это один и тот же субъект). Меру осуществимости запросов через ресурсы мы описываем как *состоятельность* субъекта.

Рассмотрим некоторые примеры.

Поддержание гомеостаза. На первый взгляд, может показаться удивительным, почему материальная импликация до сих пор не рассматривалась при описании феномена гомеостаза. Возможно, это потому, что данный математический оператор все еще прочно ассоциируется с идеей «если... то...» (сколь бы решительно в математической логике не оспаривалась такая версия). Вероятно здесь также играет свою роль дискретность состояний $X, Y, Z = X \rightarrow Y$ – «четкость» значений переменных ($0; 1$). Дальше мы увидим, что вводимое нами представление о метаимпликации, имеющее дело с рациональными значениями переменных на отрезке $[0, 1]$, снимает это ограничение.

Итак, будем считать, что состоянию равновесия, в котором пребывает система, соответствует число $Z_+ = 1$; состоянию неравновесия – число $Z_- = 0$. Пусть X – символизирует наличие (отсутствие) запроса на приток необходимых для существования системы внешних ресурсов (энергия, информация), принимая два значения $X = \{0, 1\}$. Если $X = 1$, то это значит, что система продуцирует запрос вовне («есть запрос»), если $X = 0$, то это означает отсутствие запроса («нет запроса»). Материальная импликация символизирует приемлемый для системы переход от запроса к ресурсу, то есть условие поддержания гомеостаза системы в зависимости от нали-

чия/отсутствия внутренних запросов и внешних ресурсов существования системы:

1. $X=0, Y=0, Z=1$ (нет запроса, нет ресурса – системе безразлично отсутствие внешнего ресурса, она ни в чем не нуждается и, таким образом, пребывает в равновесном состоянии).

2. $X=0, Y=1, Z=1$ (нет запроса, есть ресурс – система, так же как и в первом случае, пребывает в равновесном состоянии).

3. $X=1, Y=0, Z=0$ (есть запрос, нет ресурса – система пребывает в неравновесном состоянии).

4. $X=1, Y=0, Z=1$ (есть запрос, есть ресурс – система приходит в состояние равновесия).

Как видим, только в одном случае: когда запрос существует, а внешний ресурс отсутствует – гомеостазис системы нарушен. Четыре рассмотренных случая соответствуют четырем исходам материальной импликации, трактуемой в данном случае как реализуемость запросов посредством ресурсов. Импликация, таким образом, описывает здесь состоятельность системы как «запас прочности» при данном сочетании запросов и ресурсов: приемлемый для системы переход от актуального запроса к актуальному ресурсу. Переход от дискретных «четких» к рациональным непрерывным значениям переменных дает дополнительные возможности для использования и интерпретации материальной импликации в контексте процессов гомеостаза. Шире – мотивационных процессов.

Отношение «Говорящий–Слушающий». Рассмотрим двух потенциальных собеседников, A и B . Будем считать, что A может пребывать в двух состояниях: «Хочу, чтобы B меня услышал» (+1) и – «Безразлично, будет меня слышать B или нет» (0). Партнер B может также пребывать в двух состояниях: «Хочу слышать, что говорит мне A » (+1), и – «Не хочу слушать A ». Материальная импликация описывает состоятельность партнера A как его удовлетворенность взаимоотношениями с B :

1) $0_A \rightarrow 0_B = I_A$ (A безразличен к вниманию со стороны B ; отсутствие «слушателя» в лице B его отнюдь не смущает: «Нет проблем!»);

2) $0_A \rightarrow I_B = I_A$ («Ну и пусть слушает, раз ему так хочется»);

3) $I_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Меня игнорируют!»);

4) $I_A \rightarrow I_B = I_A$ («Я говорю – меня слушают, все ОК?»).

Отношение «Попросил–Получил». Насколько состоятельны (беспроигрышны) для потенциального просителя A взаимоотношения с потенциальным дарителем B ? Будем считать, что просьбе A о чем-либо соответствует число I , отсутствию просьбы – число 0 ; получению потенциально запрашиваемого объекта от B – число I , неполучению – число 0 . «Беспроигрышность» во взаимоотношениях между партнерами (с

позиции потенциального просителя) соответствуют следующие исходы материальной импликации:

- 1) $0_A \rightarrow 0_B = I_A$ («Ничего не прошу – обойдусь без подарков»);
- 2) $0_A \rightarrow I_B = I_A$ («Ничего не прошу, но если уж Вы настаиваете...»);
- 3) $I_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Вам что, для меня жалко?!»);
- 4) $I_A \rightarrow I_B = I_A$ («Спасибо, что Вы пошли мне навстречу!»).

В терминах материальной импликации могут быть описаны и многие другие феномены, например, такие как «децентрация» в развитии мышления ребенка, «эмпатия и конгруэнтность» в интенсивной психотерапии, «трансфер и контр-трансфер» в психоанализе, «экзистенциальные выборы» (о таких выборах мы будем говорить далее) и др. Если подняться выше, к феноменам духовной жизни, то в этих терминах можно описывать философские искания, категории и принципы («свободная причина» Спинозы, «условия возможного опыта» Канта, «свое другое» Гегеля, «высвоение» Хайдеггера и др.).

Среди процессов, описание которых предполагает использование оператора метаимпликации, трактуемой в парадигме «запрос, ресурс, состоятельность», совершенно особое место занимают рефлексивные процессы, описанные В.А. Лефевром в терминах «интенции», «представления о давлении среды», «давление среды», «готовность». Действительно, если исходить из описанного здесь понимания метаимпликации, соотнося их с понятиями рефлексивной теории, субъект обладает «запросами» (они выступают как *интенции* к осуществлению), обращается к «ресурсам» (это его *представления* о давлении среды, а также – побуждающее или тормозящее *давление среды*) и, наконец, достигает определенной степени «состоятельности».

Понятие «метаимпликация». Новый символ. Сфера применимости оператора импликации ограничена «четкими» значениями переменных $\{0; 1\}$. Но возможен также и переход к непрерывной модели, с сохранением смысла «материальной импликации» как опоры.

Позволю себе вначале небольшое отступление биографического характера. Под впечатлением булевой модели Лефевра (*Лефевр*, 1996, 2004) я был одержим идеей перенести импликативную **форму** за пределы работы с «четкими» значениями – «вобратить» в нее и «промежуточные» переменные. В работах самого В.А. Лефевра, заметим, это сделано – и сделано, как всегда, в совершенстве (*Лефевр*, 1996). Он показал, что булева модель готовности субъекта к биполярному выбору, при определенных допущениях, как бы «порождает» непрерывную модель, имеющую дело с переменными, принимающими промежуточные значения на отрезке $[0, 1]$. Однако, мне хотелось понять (в соответствии с общей задачей *психологического моделирования* математических феноменов), в чем состоит *смысловая* общность обеих моделей.

Хотелось испытать саму идею трактовки импликации как отношения реализуемости запросов через имеющиеся ресурсы. Понятно, что если наша трактовка импликации верна, то она должна «работать» не только с четкими значениями, но с промежуточными значениями переменных. Логический ресурс «под этот запрос» я нашел в работах Т.А. Таран, посвященных булевой решетке «нормированного поведения» (Петровский В.А., 2002а, Петровский В.А., Таран, 2002а). Если бы не эти работы, вряд ли мои помыслы осуществились бы. В итоге мне удалось осмыслить возможность перехода от «материальной импликации» $x \rightarrow y$ к выражению $I - x + x \times y$, что формально соответствует «континуальной импликации» (в терминах Л.И. Волгина – Волгин, 1996) и вместе с тем качественно выражает суть импликации как отношения реализуемости запросов на основе ресурсов.

Я рассуждал так: пусть $x = p_1/q$, $y = p_2/q$; представим, что p_1 единиц числителя первой дроби распределены в «ячейках» q -разрядного вектора булевой решетки, остальные компоненты вектора – нули); также поступаем и с числителем второй дроби; поразрядная импликация, связывающая первый и второй элемент булевой решетки, дает нам некоторый третий элемент; очевидно, может быть несколько вариантов исхода импликации; положим, что «вероятное» число единиц в этом элементе – p^* . И тогда число p^*/q может рассматриваться как средний ожидаемый результат *метаимпликации*: $z^* = x \rightarrow^* y = p_1/q \rightarrow^* p_2/q = p^*/q$ (здесь звездочка «*» над стрелочкой символизирует «мета»). Эти соображения далее будут изложены подробнее, но прежде всего введем символ метаимпликации (он же может рассматриваться как новое обозначение «материальной импликации» как частного случая метаимпликации).

При изображении метаимпликации, я предлагаю, наряду со стрелочкой « \rightarrow », использовать новый символ « \hookrightarrow » («бумеранг»). Почему? Изогнутая стрелка – своего рода графический компромисс между разными обозначениями материальной импликации « \rightarrow » и « \supset ». Кроме того, здесь вырисовывается аналогия со знаком *включенности* одного множества в другое, « \supset », « \subset » (выше мы привели аргументы в пользу трактовки материальной импликации « $A \rightarrow B$ » как отношения опосредствования A со стороны B ; бытие B включено в число необходимых условий бытия A). Новый символ служит еще одной цели: вывести материальную импликацию за пределы привычной трактовки «если... то...», преодолевая известное своей *приблизительностью* осмысление данной операции по аналогии с «если... то...».

Рассмотрим теперь подробнее *смысловой* переход от материальной импликации к метаимпликации. Возможность подобного перехода мы усматриваем в идее «булевой решетки». По крайней мере, таков, как я только что говорил об этом, субъективный исток того, что мы называем метаимпликацией.

Далее перед читателем отнюдь не определение, но одна из возможных иллюстраций алгебраического понятия «булева решетка». Вообразим некоторое множество точек, каждая из которых представлена тройкой чисел: $\{(0,0,0), (0,0,1), (0,1,0), (1,0,0), (0,1,1), (1,0,1), (1,1,0), (1,1,1)\}$. Из них можно выстроить упорядоченные цепочки различной длины, например: $(0,0,0) \leq (0,0,1) \leq (1,1,1)$, или $(0,0,0) \leq (0,1,0) \leq (1,1,0) \leq (1,1,1)$, или $(0,0,0) \leq (1,0,0)$, или $(0,0,0) \leq (0,0,0)$ и т.п. Не каждую пару чисел можно сравнить, используя отношение « \leq », например, это невозможно для пары $(0,1,0)$ и $(1,0,1)$, а также $(0,0,1)$ и $(1,0,0)$ и т.п. Поэтому говорят, что это множество – *частично* упорядоченное. Вводятся операции объединения (суммы, \vee) и пересечения (произведения, \wedge) элементов.

Некоторые примеры объединения:

$$(0,0,0) \vee (0,0,1) = (0,0,1); (0,1,1) \vee (1,0,0) = (1,1,1); (0,0,1) \vee (1,0,1) = (1,0,1).$$

Примеры пересечения:

$$(0,0,0) \wedge (1,1,1) = (0,0,0); (1,0,0) \wedge (1,1,0) = (1,0,0); (1,0,1) \wedge (0,1,0) = (0,0,0).$$

Каждому элементу может быть поставлен в соответствие обратный элемент: например,

элементу $(0,0,0)$ соответствует элемент $\neg(0,0,0) = (1,1,1)$,

элементу $(0,0,1)$ – элемент $\neg(0,0,1) = (1,1,0)$,

элементу $(0,1,0)$ – элемент $\neg(0,1,0) = (1,0,1)$.

Могут быть определена также операция импликации, скажем,

$$(0,0,0) \rightarrow (0,1,1) = \neg(0,0,0) \vee (0,1,1) = (1,1,1) \vee (0,1,1) = (1,1,1);$$

$$(0,1,1) \rightarrow (0,1,0) = \neg(0,1,1) \vee (0,1,0) = (1,0,0) \vee (0,1,0) = (1,1,0) \text{ и т.п.}$$

Перед нами – булева решетка « 2^3 ». Каждый из этих элементов этой решетки можно представить себе в виде вектора, координатами которого являются рассмотренные тройки чисел (они указывают нам также восемь вершин трехмерного куба). В общем случае речь идет о L -мерном векторе (в булевых решетках 2^L). Определяются *длина* и *высота* вектора-элемента решетки. «Длина» – это число измерений (разрядов) вектора; в нашем случае – длина элемента решетки равна 3. «Высота» – это число единиц, образующих координаты вектора. Например, высота $(1,0,1)$ – это 2, высота $(0,0,0)$ – это 0, высота $(1,1,1)$ – это 3 и т.п.; высота элемента может быть осмыслена как число шагов, которые необходимо сделать, чтобы пройти путь от точки $(0,0,0, \dots)$ до соответствующей вершины многомерного куба.

Рассмотрим теперь то, что мы называем *метаимпликацией*. Наша идея состоит в том, чтобы: 1) «превратить» дроби в элементы-векторы булевой решетки, 2) реализовать импликацию на соответствующих

элементах решетки и, получив результат, 3) вновь вернуться к дробям, рассматривая их в качестве прототипов антецедента и консеквента импликации. Это возможно, если каждой дроби вида p/q ставить в соответствие элемент-вектор высоты p и длины q . Положим, перед нами два рациональных числа $3/10$ и $1/2$. Нам необходимо определить $3/10 \rightarrow *1/2$. Приведем эти дроби к общему знаменателю. Теперь перед нами десятичные дроби $0,3$ и $0,5$ и речь идет о метаимпликации $0,3 \rightarrow *0,5$.

Поставим в соответствие числу $0,3$ множество десятиразрядных векторов-элементов булевой решетки 2^{10} высоты 3, а числу $0,5$ – множество элементов той же решетки высоты 5. Это можно сделать многообразными способами. Например, дроби $0,3$ может соответствовать $(0,0,1,0,1,0,0,1,0,0)$ или $(1,0,1,0,0,0,0,0,0,1)$ и т.д. и т.п., а дроби $0,5$ – такие элементы, как $(1,0,1,0,1,0,0,0,1,1)$, а также $-(0,0,0,0,0,1,1,1,1,1)$ и пр. (напомним, что *высота* элемента-булевого вектора определяется количеством единиц в нем). Мы как бы *рассредоточили* сейчас числители дробей $3/10$ и $5/10$ по *10-ти* разрядам векторов («дробинки» числителя разбросали по десяти ящичкам знаменателя). Возьмем теперь наугад какой-нибудь вектор из первого множества и, также наугад, – из второго. Далее вычислим вектор, являющийся результатом импликации, примененной к векторам (ограничимся двумя приведенными выше примерами «рассредоточенных» дробей $0,3$ и $0,5$):

$$1. (0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) \rightarrow (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1) = (1,1,1,1,1,1,0,1,1).$$

$$2. (1,0,1,0,0,0,0,0,0,1) \rightarrow (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) = (0,1,0,0,1,1,1,1,1).$$

Определим теперь понятие *уровня* вектора-элемента решетки; будем считать, что это *высота вектора, деленная на его длину* (число разрядов). В первом примере высота построенного нами элемента – 9, соответственно, уровень – $9/10$; во втором примере высота – 8, уровень – $8/10$. Свободно варьируя выбор элементов первого и второго множеств, мы вычислим все соответствующие им результаты импликаций. Множество всех уровней элементов, полученных таким образом, представляет собой определяемое нами значение метаимпликации (в нашем примере уровни элементов, как легко показать, варьируют в пределах $8/10 \div 10/10$); таким образом, результат метаимпликации $0,3 \rightarrow *0,5 = \{0,8; 0,9; 1\}$, то есть множеству уровней результатов поразрядной импликации для всех возможных способов распределения заданного числа единиц в булевых векторах-операндах. В случае «четких» значений (1 или 0), метаимпликация вырождается в обычную импликацию.

Будем говорить об уровне **запроса** $a=p/q$, полагая, что этот запрос представляет собой булев вектор высоты p и длины q . Соответственно, определяется уровень **ресурса** $b=r/q$ (заметим, что дроби, описывающие запрос и ресурс, приведены здесь к общему знаменателю q). Например, уровень запроса $3/10$ будет означать для нас, что это запрос, символизируемый бу-

левым вектором высоты 3 и длины 10, а уровень ресурса 5/10 – это ресурс, символизируемый булевым вектором высоты 5 и длины 10. Ноль в том или ином разряде булева вектора **запроса** интерпретируется как *отсутствие импульса самораспространения* (то есть отсутствие импульса самоиспытания, импульса к риску и т.п.); по отношению к внешнему ресурсу, ноль – это импульс отталкивания (= импульс отказа, «спасибо, нет!»). Единица в том или ином разряде вектора запроса будет интерпретироваться как наличие *импульса самораспространения*; по отношению к внешнему ресурсу – это импульс присоединения (= импульс вызова, активного «да!»). Ноль в том или ином разряде булева вектора **ресурса** означает *отсутствие импульса поддержки* (содействия), а единица – *наличие такого импульса*. Применительно к булеву вектору **состоятельности** *w*, ноль интерпретируется как *потеря*, а единица – как *воспроизводство* импульса-ресурса.

Состоятельность субъекта (удовлетворенность достигнутым и готовность воспроизводства активности в выбранном направлении) численно определяется как результат вычисления полной метаимпликации $w=n/q \rightarrow *r/q^4$ и представляет собой диапазон возможных уровней состоятельности (какое из них будет актуализировано в данный момент времени – заранее неизвестно). Этот диапазон можно определить по известным значениям уровней запроса и ресурса (Петровский, 2002a; Петровский, Таран, 2002a).

Может быть определен также *ожидаемый* уровень состоятельности. В только что приведенном примере это число: $w_{ож} = 0,3 \rightarrow *0,5 = 1 - 0,3 + 0,3 \cdot 0,5 = 0,85$.

Представляет теоретический интерес переменная $1-n/q$ (здесь она представлена величиной $1-0,3=0,7$). Мы определяем данную переменную как уровень *реактивации скрытых ресурсов* субъекта.

Запросы, ресурсы, состоятельность – могут принимать любые промежуточные рациональные значения на отрезке $[0, 1]$, и, таким образом, импликация (с приставкой «мета») позволяет в полной мере описывать функционирование целеустремленных систем, сопрягая *цели* (запрос), *средства* (ресурс) и *результаты* активности (состоятельность). Я бы назвал (мета)импликацию *центральный* механизмом целеустремленности (*субъектности*) как таковой – «логическим механизмом» развертки активности человека вообще.

В заключение, сделаем еще одно замечание, касающееся использования символов « \rightarrow » и « \leftarrow » при обозначении метаимпликации. Графическое обозначение оператора метаимпликации (претерпевшее эволюцию в трудах автора этой книги) по-разному используется в двух контекстах. В одном случае речь идет о готовности субъекта действовать в определенном направлении (так же, как и в рефлексивной теории Лефевра, но

⁴ «Полную метаимпликацию», $A \rightarrow *B$ мы отличаем от «метаимпликации», $A \leftarrow B$. В последнем случае имеется в виду *среднее значение* уровней состоятельности.

с расширением сферы действия за пределы четких значений). Имея в виду именно готовность, можно различать в ней то, что Лефевр именует *склонностью* (в наших терминах это субъективный аспект готовности) и – *нацеленность* (так мы обозначим объективный аспект готовности). Подчеркивая преемственность формальных моделей состоятельности по отношению к рефлексивным моделям В.А. Лефевра и Т.А. Таран, мы используем привычную стрелочку «→» для обозначения метаимпликации как знака, выражающего уровень готовности агента выбрать позитивный полюс (например, «добро–зло») в условиях биполярного выбора, – *вероятность* подобного выбора. Исследователь, использующий этот знак, рассматривает эффекты активности в контексте *объекта* (совершение определенного акта, центрированного на объекте).

В другом случае – метаимпликация характеризует процесс и результат (реальный или ожидаемый) обретения субъектом потребного состояния (благополучие, дееспособность, удовлетворенность собой, успех и т.п.). Для обозначения метаимпликации мы используем другой знак: устремленный вначале к объекту, а потом поворачивающийся к субъекту, «↵» – о нем мы говорим «бумеранг». В данном контексте эффекты активности рассматриваются со стороны *субъекта* (переживания, определяемые достижением или предвосхищением).

В то время как знак «→» акцентирует когнитивно-бихевиоральный аспект активности, знак «↵» – экзистенциально-смысловой аспект. Оба знака могут рассматриваться не только как знаки-синонимы, но и как дополняющие друг друга при построении портрета активности.

ГЛАВА 27. МЕТАИМПЛИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ МОТИВАЦИИ ВЫБОРА*

Общеизвестно, что испытуемые, в условиях свободного выбора задач различной степени трудности⁵, подразделяются на две категории: «А» – испытуемые, в первую очередь выбирающие задачи в среднем диапазоне трудности; «Б» – испытуемые, осуществляющие экстремальные выборы, то есть предпочитающие, в первую очередь, самые легкие и самые трудные задачи. Возможно, испытуемые группы «Б» никогда не были бы объединены исследователями в такую группу и никогда их выборы не получили бы название «экстремальных», если бы этим испытуемым не был одинаково свойствен определенный тип мотивации – стремление избежать неудачи, в отличие от другой группы испытуемых, «А», которым свойствен другой тип мотивации – стремление к успеху. Классическая интерпретация этого явления заключается в том, что испытуемые «А» характеризуются преобладанием мотива достижения успеха (в дальнейшем – «надежда на успех») над мотивом избегания неудачи («боязнь неудачи»), в противоположность испытуемым «Б», у которых «боязнь неудачи» сильнее «надежды на успех».

Изящная математическая модель, разработанная Аткинсоном, на полвека вперед предопределила направление вдохновленных ею экспериментальных исследований. Модель выбора риска (risk-taking model) Аткинсона (*Atkinson, 1957, 1964*) описывает привлекательность выбора задачи определенной степени трудности (результатирующую тенденцию решать данную задачу) в виде алгебраической суммы тенденций успеха и избегания неудачи⁶:

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований. Опубликовано в «Психологическом журнале» (*Петровский, 2006б*). Воспроизводим статью полностью (с небольшими изменениями), сохраняя использованные в ней обозначения метаимпликации в виде стрелочки «←→».

⁵ Первая ситуация такого рода была создана в работах Ф. Хоппе – ученика К. Левина. (*Хорре, 1930*).

⁶ Мы не используем здесь латинских символов, чтобы не перегружать внимание читателя – нам оно еще потребует в дальнейшем.

$$\begin{aligned} & \text{Результирующая тенденция} = \text{Тенденция успеха} + \\ & \quad + \text{Тенденция избегания неудачи} = \\ & = (\text{Надеж. на усп.} \times \text{Привл. дос. усп.} \times \text{Суб. вер. усп.}) + \\ & \quad + (\text{Бояз. неуд.} \times \text{Привл. изб. неуд.} \times \text{Суб. вер. неуд.}) \end{aligned}$$

В этой модели «Надежда на успех» и «Боязнь неудачи» – это «личностные диспозиции», а «Привлекательность достижения успеха» и «Привлекательность избегания задачи» – «ситуационные детерминанты»; последние, в свою очередь, напрямую связаны с «Субъективной вероятностью успеха» и с «Субъективной вероятностью неудачи». В положении о наличии такой связи и состоит фундаментальное допущение Аткинсона, придающее изящество этой модели. Согласно Аткинсону, привлекательность успеха в решении задачи (или, как говорит об этом Х. Хекхаузен (Хекхаузен, 1986), «предвосхищающее чувство успеха решения задачи») будет тем сильнее, чем ниже субъективная вероятность успеха (в наших терминах – чем ниже воспринимаемая *доступность* задачи). И наоборот, привлекательность избегания неудачи в решении задачи данной степени воспринимаемой доступности будет тем сильнее, чем легче в глазах субъекта эта задача. Ради простоты принимается, что существует отношение взаимодополнительности между привлекательностью достижения успеха и субъективной доступностью этой задачи (чем менее доступна, тем приятнее было бы ее решить, «тем больше притягивает»):

$$\text{Привл. дос. усп.} = 1 - \text{Суб. вер. усп.},$$

а также – равенства между привлекательностью избегания неудачи и субъективной доступностью данной задачи (чем доступнее, тем неприятнее было бы потерпеть фиаско, «тем больше отталкивает»):

$$\text{Привл. изб. неуд.} = \text{Суб. вер. усп.}$$

Для простоты принимается также, что субъективная вероятность успеха решения данной задачи (доступность) в сумме с субъективной вероятностью неуспеха (трудность в глазах субъекта) дают единицу, или что иными словами:

$$\text{Суб. вер. неуд.} = 1 - \text{Суб. вер. усп.}$$

С учетом сделанных допущений алгебраические преобразования исходной формулы, описывающей результирующую тенденцию решения задачи данной степени трудности, приводят к простой формуле:

$$\text{Результ. тенденция} = (\text{Над. на усп.} - \text{Бояз. неуд.}) \times (\text{Суб. вер. усп.} - \text{Суб. вер. усп.}^2)$$

Последний множитель представляет собой произведение *Суб. вер. усп.* \times $(1 - \text{Суб. вер. усп.})$. Это произведение *всегда положительно* и при-

нимает значение 0 в двух случаях: при $\text{Суб.вер.усп.} = 0$ и $\text{Суб.вер.усп.} = 1$; оно принимает *максимальное* значение, равное средней субъективной вероятности успеха, при $\text{Суб.вер.усп.} = 0,50$.

Из этого вытекает два важных следствия:

1. Если *Над. на усп. – Бояз. неуд.* > 0 , то результирующая тенденция принимает *максимальное* значение при средней субъективной вероятности успеха. Это значит, что индивиды, у которых мотив успеха сильнее мотива избегания неудачи, должны будут предпочитать задачи средней степени доступности с преобладанием надежды на успех.

2. Но если *Над. на усп. – Бояз. неуд.* ≤ 0 , то результирующая тенденция, будучи во всех остальных случаях отрицательной (деятельность достижения лишена привлекательности), обретает свой *максимум* на крайних точках шкалы воспринимаемой доступности, то есть при субъективных вероятностях достижения успеха равных 0 и 1 . Именно такие – «экстремальные» – выборы должны, в соответствии с моделью принятия риска, совершать испытуемые.

Насколько соответствует эта модель действительности?

Группы испытуемых «А» и «Б», о которых речь шла в начале этой статьи, существуют, но полноты соответствия между моделью и фактами нет. Для того чтобы согласовать эмпирические данные с идеальной моделью, авторы вводили дополнительные переменные и принимали специальные допущения.

В центре внимания многих исследователей оказался феномен *смещения* выборов, производимых испытуемыми «А», в направлении более трудных, чем предсказывает модель, задач. Вместо предсказанного моделью среднего уровня доступности (вероятность решения задачи, $p=0,5$), испытуемые, мотивированные успехом, предпочитали выбирать задачи, вероятность решения которых располагалась в интервале ($0,3 < p < 0,4$). Это расхождение с моделью, по-видимому, нельзя объяснить просто тем, что в модели Аткинсона первоначально не различались объективная и субъективная вероятность достижения успеха (создатель модели, как отмечает Х. Хекхаузен, в момент ее создания, очевидно, был искренне убежден в том, что объективные и субъективные вероятности успеха объединяет конструкт «ожидание» – Хекхаузен, 1986). Автор цитируемой монографии был первым, кто обратил внимание на то, что «высокомотивированные испытуемые могли, вопреки модели <курсив мой. – В.П.>, предпочесть фактическую вероятность, составлявшую менее $0,5$. В реальности это происходит сплошь и рядом, однако в исследованиях впервые было отмечено лишь в 1955–1956 гг.». Х. Хекхаузен при этом особо подчеркивает, что выбор этими испытуемыми более трудных (менее доступных задач) «не означает отсутствия соответствия между объективной и субъективной вероятностями» (*там же*, с. 10).

Драматическая история обоснования и многочисленных уточнений этой модели представлена в цитируемой нами капитальной книге Хайнца Хекхаузена «Мотивация и деятельность» (*там же*, 1986).

В настоящей работе феномен выбора трудности задачи получает новое освещение. Впервые для интерпретации фактов, полученных исследователями мотивации достижения, мы обращаемся к идеям рефлексивной теории В.А. Лефевра (*Лефевр*, 1996, 2000, 2003, 2004). Мы раскрываем концептуальные и эвристические возможности предложенной В.А. Лефевром модели биполярного выбора применительно к выбору задач определенного уровня трудности и, опираясь на эту модель, предлагаем собственную – метаимпликативную – модель мотивации выбора.

Предлагаемая нами метаимпликативная модель мотивации выбора, опирающаяся на булеву модель Лефевра, позволяет переосмыслить саму *структуру мотивации* выбора и феноменологию различий между испытуемыми, придерживающимися различных стратегий выбора (между представителями групп «А» и «Б»).

Предлагаем *транзактную версию* метаимпликативной модели мотивации выбора. Привлечение понятийного аппарата транзактного анализа Э. Берна и его последователей (*Берн*, 2000, 2001; *Джойнс*, *Стюарт*, 1996) позволяет прояснить *социальные* (социально-психологические, биографические, детско-родительские) истоки индивидуальных различий при выборе задач различных уровней трудности, а также наметить пути *персонологического консультирования* людей в ситуации жизненно важных выборов. Ибо ничто не исключает мысли о том, что стратегии наблюдаемых выборов в лабораторных условиях исследования уровня притязаний – это, своего рода, «мини-сценарий» поведения людей в условиях реального экзистенциального выбора.

Переменные метаимпликативной модели, как и ранее, в некоторых других главах книги, будут осмыслены в терминах «Взрослого», «Родительского» и «Детского» эго-состояний (будет введено также новое понятие: «Нуклеарное эго-состояние» – аналог философского «трансцендентального Я»). Мы обратимся также к анализу структуры, объяснительных и прогностических возможностей метаимпликативной модели мотивации выбора на примере анализа двух психологических феноменов. Один из них – феномен «*смещенного выбора*» (отмеченное Хекхаузенем отклонение действительной картины выборов от расчетной согласно модели принятия риска). Другой феномен – ему, по праву, должно быть присвоить имя первооткрывателя – это феномен *Физера*.

Метаимпликативная модель мотивации выбора. Напомним, что одна из предложенных В.А. Лефевром формул, описывающая готовность субъекта выбирать позитивный полюс в условиях биполярного выбора, имеет вид:

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1.$$

Для тех, кто имеет привычку читать книги «вразброс» (автор этих строк сам грешит этим!), напомним также, что в этой формуле (x_1) – это «давление среды», (x_2) – «знание о давлении среды», (x_3) – «интенция» и (X) – само значение функции готовности субъекта к выбору; стрелочка « \rightarrow » здесь символизирует операцию импликации. Переменные x_1, x_2, x_3 рассматриваются как независимые и принимающие значения 1 или 0; X , соответственно, принимает также значения 1 или 0 в согласии с таблицей значений истинности импликации $A \rightarrow B$.

Значения истинности импликации

$$1 \rightarrow 1 = 1 \quad 0 \rightarrow 1 = 1$$

$$0 \rightarrow 0 = 1 \quad 1 \rightarrow 0 = 0$$

Приведем только один пример того, как «работает» эта формула: если интенции субъекта позитивны ($x_3=1$), среда воспринимается субъектом как побуждающая к выбору позитивного полюса ($x_2=1$), а реально мир оказывает давление в противоположную сторону ($x_1=0$), то субъект, находящийся во власти иллюзий, хотя и стремится осуществить позитивный выбор (например, выбор «добра»), оказывается к нему не готов (фактически выбирает «зло»):

$$(1 \rightarrow 1) \rightarrow 0 = 1 \rightarrow 0 = 0.$$

Предполагается, что переменные x_1, x_2 и x_3 под влиянием внешних и внутренних «толчков» (импульсов) принимают значение 1, соответствующее позитивному полюсу, с вероятностями, соответственно, p_1, p_2, p_3 . Для простоты можно принять, что $x_1=p_1, x_2=p_2$ и $x_3=p_3$. Может быть доказано, что символу X в этом случае будет соответствовать выражение

$$X = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)x_3$$

Краеугольный камень теории Лефевра – идея «интенционального выбора». Речь идет о том, что некоторым интенциям субъекта суждено превращаться в равную им *готовность* к выбору (субъективные намерения здесь тождественны истинной – объективной – устремленности субъекта к действию):

$$X = x_1 + (1 - x_1) \cdot (1 - x_2) \cdot x_3 = x_3$$

Это соотношение позволяет найти значение x_3 (интенция), отталкиваясь от известных значений x_1 (давление среды) и x_2 (представление субъекта о давлении среды)⁷. Важность идеи «интенционального вы-

⁷ Напомним здесь также формулу «реалиста» (по Лефевру):

$$X = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0. \end{cases}$$

бора» трудно переоценить. На базе этой идеи, В.А. Лефевру удалось в значительной мере продвинуться в осмыслении вечных проблем, с которыми сталкивается человек, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) (Лефевр, 1996, 2004).

Заметим, что мы не можем здесь просто переписать ранее приведенное выражение $X=(x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1$, справедливое только для «четких» значений 1 и 0, так как x_1, x_2, x_3 в общем случае принимают и промежуточные значения на отрезке $[0; 1]$. Для преодоления этой трудности, в книге вводится понятие «метаимпликации», позволяющее иметь дело с любыми рациональными значениями антецедента (A) и консеквента (B) операции $A \rightarrow B$ на этом отрезке (мы перерисуем стрелочку как бумеранг « \curvearrowright », и запись приобретет вид $A \curvearrowright B$) (см. главы 20, 26).

Нам казалось важным сохранить имплицативную форму записи (и саму идею импликации) для «промежуточных» значений чисел между 0 и 1. Это объяснялось необходимостью введения нового понятия, позволяющего описывать соотношение устремлений и ресурсов субъекта в терминах *реализуемости* первых посредством вторых: (мета)импликация здесь играет роль «механизма» перехода от запросов, воплощающих в себе устремления личности, к ресурсам – внешним и внутренним – на основе которых субъект обретает необходимый ему уровень адаптации к внешним обстоятельствам жизнедеятельности. В этой связи мы говорим о «состоятельности устремлений» (см. главу 20).

Состоятельность устремлений – мера достаточности внутренних и внешних ресурсов субъекта для реализации запросов, выражающих его устремления. Примем следующие обозначения:

a ~запрос субъекта, выражающий некоторое единичное устремление (например, устремление к познанию, достижению и т.д.);

b ~внешний ресурс, отвечающий устремлению (например, уровень доступности задачи);

b_1 ~внутренний ресурс, отвечающий устремлению.

Предполагается, что предъявляемый вовне запрос a есть результат нехватки внутренних ресурсов, отвечающих данному устремлению, – субъект «запрашивает» то и только то, чего ему не хватает для реализации устремления:

$$a = 1 - b_1$$

Общая формула состоятельности устремлений субъекта имеет следующий вид:

$$a \rightarrow b = 1 - a + ab,$$

что, в свою очередь, сводится к сумме:

$$b_1 \text{ (внутренний ресурс)} + ab \text{ (востребованный внешний ресурс)}.$$

Напомним также о том, что метаимпликативная модель мотивации выбора, включая в себя представление о *благополучии* индивида во взаимоотношениях со средой, объединяет в себе и другие формы проявления состоятельности.

Интуитивно, «благополучие» – это душевное равновесие, адаптированность, благоденствие, гармония, удовлетворенность собой, самоприятие, состояние «о'кей». Речь здесь идет о том, насколько условия существования субъекта отвечают его устремлениям, предотвращая возможные негативные последствия его активности (такие, как неуспех, проигрыш, срыв и т.п.). И в этом смысле «благополучие» – это также мера небезуспешности, беспроигрышности, безошибочности, безупречности. Человек может чувствовать себя вполне «о'кей» не только тогда, когда он включает внешние ресурсы в орбиту своей активности, но и тогда, когда он отказывается использовать их и обращается к своим внутренним ресурсам. Удовлетворенность отказом («Спасибо, нет!» – слоган наркологов) в этом случае звучит для него не менее притягательно, чем удовлетворенность выбором («Спасибо, да!»)⁸.

Предварительно осмыслить понятие «благополучие» («удовлетворенность собой», «самоприятие» и т.п.) поможет нам запись, не использующая каких-либо сокращений и включающая в свой состав вполне понятные русские слова, которые в последующем, также в интересах удобства работы с моделью, будут замещены латинскими буквами.

БЛАГОПОЛУЧИЕ:

((Притязания → Сведения) → Готовность к риску) → Мир

Стрелочки «→» могут быть прочитаны как «опирается», «реализуется посредством»⁹.

Используя символы, «благополучие», *W*, изобразим следующим образом:

$$W (Well-being) = ((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f (*).$$

⁸ Могут быть выделены две компоненты состоятельности устремлений: *результативность* запроса (то есть величина произведения ab – «присвоенный внешний ресурс») и *защищенность* (то есть величина $1-a$ – «актуализируемый внутренний ресурс»).

⁹ Заметим, что логический оператор импликации получил прописку в рефлексивной алгебре В.А. Лефевра весьма рано. Исторически первые формальные подходы к предложенной им модели субъекта основывались на булевых соотношениях. Эффективность использования этого оператора в классической и многозначной булевой его трактовке, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Но если иметь в виду не столько формальную, сколько содержательную сторону дела, каков смысл самого оператора? Вопрос этот нетривиален. Очевидно, что символ «→» не имеет ничего общего с формой условного высказывания «Если M, то N», указывающей на существование причинно-следственной связи между M и N. Импликация, в нашей трактовке, указывает на меру *реализуемости* устремлений посредством ресурсов (см. главу 6).

Опишем основные переменные, фигурирующие в этом выражении:

- f – возможности, реально предоставляемые средой; исходы возможного опыта; непредрешенное; неизвестное; неопределенное; искомое; символически данное; *a posteriori* известное, являющееся *post factum*.

- z – готовность к непредсказуемому развитию событий, толерантность к неопределенности, «запас прочности», готовность к риску.

- y – сведения о мире, почерпнутые у других; указания окружающих; представление о собственных возможностях, основанное на чужих оценках; относится к категории знаний, полученных субъектом из внешних источников; достоверность таких знаний в глазах субъекта определяется доверием его к источнику.

- x – запрос; интенсивность осознаваемых субъектом усилий, обращенных к ресурсу.

Принимается также, что в общем случае перечисленные переменные могут быть независимы друг от друга.

Рассмотрим подробнее, что происходит внутри скобок, и что представляет собой переход из «внутреннего пространства» скобок вовне, – словом, как содержательно интерпретировать результат импликации $a \rightarrow b$ и превращение этого результата в предпосылку новой импликации $(a \rightarrow b) \rightarrow \dots$ на разных ступенях развертки активности субъекта.

Мы уже говорили, что знакосочетание « $a \rightarrow b$ » может быть осмыслено как символ *состоятельности устремлений* вообще¹⁰. Условимся, что, пока это выражение не заключено в скобки, речь идет о *процессе и результате* использования субъектом имеющихся ресурсов для реализации своих устремлений. Но как только мы помещаем это выражение в скобки и рассматриваем его как antecedent (посылка) импликации следующей ступени, то речь в этом случае идет о *предпосылке* следующего акта реализации субъектом своих устремлений. А именно – об оценке перспективности (или, может быть, бесперспективности) продолжения активности в данном направлении. Итак:

1. $a \rightarrow b \sim$ «*состоятельность устремлений* (вообще)»: мера достаточности ресурсов (внешнего – b и внутреннего – b_1) для реализации запросов (a), выражающих устремления личности.

¹⁰ Можно убедиться в том, что состоятельность системы, определяемая на основе импликации, интуитивно соответствует исходам четырех ситуаций «запрос → ресурс» (см. выше «Значения истинности импликации»). Пояснения требует только один случай: $0 \rightarrow 0 = 1$. Но эта ситуация вполне объяснима, если принять во внимание, что субъект «запрашивает» то и только то, чего ему не хватает для реализации устремления. В данном случае отсутствие ресурса не отражается на «самочувствии» системы: актуализируются внутренние ресурсы взамен внешним запросам («на нет и суда нет»).

1'. $(a \rightarrow b) \rightarrow \dots \sim$ «оценка перспективности (бесперспективности) действия в направлении данного устремления (а) с опорой на внешние и внутренние ресурсы (b и b_1)»... Во втором случае¹¹, как уже было отмечено, речь идет о результате применения импликации как предпосылке повторной реализации этой операции. Хотя формально выражение 1 и 1' рассматриваются как равные друг другу, содержательно они различаются. В пункте 1' подчеркивается, что мера состоятельности устремлений на предшествующей ступени активности выступает источником нового запроса.

Принимаем, что уровень запроса (оценка перспективности или бесперспективности действия в заданном направлении) определяется ранее достигнутым уровнем состоятельности субъекта (постулат «какова амуниция, таковы и амбиции») (Петровский, 2002а).

Формулируя постулат: «амуниции равно амбиции», косвенно, мы вводим представление о том, что самоосуществление в деятельности, связанной с достижением, представляет собой синтез двух форм активности субъекта: самоактуализации и самотрансценденции:

Самоосуществление = Самоактуализация + Самотрансценденция

«Самоактуализация» здесь – это поиск и использование внутренних скрытых ресурсов (дефицит которых порождает запрос вовне), а «самотрансценденция» – расширение границ существования субъекта (территории его «Я») за счет присвоения внешних ресурсов, соответствующих запросу. Если субъект ничего не достиг на предшествующей ступени активности (уровень состоятельности = 0, «кризис»), он начинает искать внутренние ресурсы, позволяющие вывести его из тупика (тенденция к самоактуализации = 1); при этом его меньше всего влечет «расширение территории “Я”» (тенденция к самотрансценденции = 0). Но если достигнутый уровень состоятельности максимален (= 1), нет смысла искать скрытый ресурс (тенденция к самоактуализации = 0), зато максимален запрос на расширение «территории “Я”» (тенденция к самотрансценденции = 1)¹². Сочетание двух отмеченных тенденций

¹¹ Обратим внимание, что во втором случае (1'), в отличие от первого (1), импликация заключена в скобки, справа от которых изображена стрелочка и многоточие. Таким образом, подчеркивается, что речь идет о результате применения импликации как предпосылке для повторной реализации этой операции. В содержательном плане здесь речь идет о том, что мера состоятельности устремлений на предшествующей ступени активности выступает источником нового запроса.

¹² «Избыточные возможности» – «могу» – порождают желание действовать – «хочу» («и буду!») (Петровский, 1976а, б); тем самым, как мы отмечали в этих работах, к известной диаде «долг» и «влечение» присоединяется третий вектор активности, в котором реализуются возможности субъекта, рожденные в его дея-

имеет место тогда, когда достигнутый уровень состоятельности занимает промежуточное значение между полносамы 0 и 1 . Таким образом, перед нами модель *развивающегося* субъекта (в противовес *застойному*): в момент кризиса, он обращается к себе и «поднимает себя сам», в момент триумфа – выходит за пределы себя, обращаясь к новым возможностям. Вместе с тем, это и модель *рискующего* существа: ведь для самого субъекта далеко не очевидно, будет ли удовлетворен его новый запрос, или, наоборот, ожидания, обусловленные его прежними достижениями, будут обмануты. Перспектива новых возможностей – этого всего лишь шанс, который может быть как подтвержден, так и опровергнут.

Проследим логику развертки активности при переходе с одной ее ступени на другую:

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ¹³: «ПОРЫВ»

	$x = 1$	<i>есть силы;</i> <i>я смогу!</i>
x	<i>энергия действия;</i> <i>уровень притязаний</i>	<i>нет сил;</i>
	$x = 0$	<i>не возьмусь сразу,</i> <i>соберусь с силами</i>

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: «РАСЧЕТ»

	$x \rightarrow y = 1$	<i>"спокоен за себя и</i> <i>буду поддерживать status quo"</i>
$x \rightarrow y$	<i>потенциальная удовлетворенность</i> <i>собой; желание испытать себя</i>	<i>"в тревоге за себя;</i> <i>надо взять себя в руки"</i>
	$x \rightarrow y = 0$	

тельности. К.С. Лисецкий, развивая эту идею, добавляет к слову «могу» приставку «с», в результате чего приобретает адекватное терминологическое оформление идея осознаваемого субъектом импульса к действию – «я смогу» (Лисецкий, 2007).

¹³ Исходим также из того, что существует некая изначальная, «нулевая» ступень, на которой возможности и устремления субъекта имеют для него абсолютный характер (аутистическое переживание всемогущества и непобедимой устремленности) – своего рода «запал» активности.

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: «ВОЛЯ»

$$(x \rightarrow y) \rightarrow z = 1 \quad \begin{array}{l} \text{"внутренне собран;} \\ \text{все будет O'кей!"} \end{array}$$

внутренняя гармония,
 $\rightarrow y) \rightarrow z$ *субъективное ожидаемое*
благополучие

$$(x \rightarrow y) \rightarrow z = 0 \quad \begin{array}{l} \text{"в разладе с собой;} \\ \text{углублюсь в себя,} \\ \text{чтобы преодолеть кризис"} \end{array}$$

ЧЕТВЕРТАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: «ПРОРЫВ»

$$((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f = 1 \quad \begin{array}{l} \text{реальное благополучие,} \\ \text{желание закрепить опыт} \end{array}$$

благоденствие,
 $((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f$ *тенденция к*
воспроизводству

$$((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f = 0 \quad \begin{array}{l} \text{разочарование;} \\ \text{желание разобраться в себе,} \\ \text{прежде чем действовать} \end{array}$$

Поскольку субъект никогда не знает заранее, что представляет собой конкретно f , а знает только, что он *ничего* не знает об этом (область истинного незнания), то мы не вводим этот символ в модель субъективного ожидаемого благополучия, и, таким образом, приходим к очень простой формуле, описывающей основной ориентир выбора субъектом уровня доступности решаемой задачи:

$$W_{\text{суб}} = (x \rightarrow y) \rightarrow z$$

Итак, перед нами формула *субъективного ожидаемого благополучия*. Она включает в себя некоторые значения *уровня намерений* (x), *сведения о доступности задачи* (y) и *готовности к риску* (z).

Все фигурирующие в приведенной модели переменные могут быть осмыслены в терминах транзактного анализа¹⁴. Мы придаем прин-

¹⁴ До меня попытку синтеза этих идей предпринял В.Ю. Крылов (Крылов, 2000), о чем мне довелось узнать уже после того, как первый очерк моей модели был построен и опубликован (Петровский В.А., 2001б) – увы, через несколько лет после ухода из жизни этого замечательного исследователя. Предложенную мною модель

ципиальное значение этой возможности, так как она задает новые, социально-психологические ориентиры исследования генезиса мотивации достижения, а также возможные пути динамизации сложившихся подходов к выбору человеком задач различной степени трудности.

Напомним читателю, что, согласно Э. Берну, структура личности рассматривается как состоящая из трех органов: экстеропсихики, неопсихики и археопсихики. «Феноменологически и операционально» эти органы личности «проявляются как три типа эго-состояний, которые, соответственно, называются Родитель, Взрослый, Дитя».

Каждое из эго-состояний обладает тем качеством, которое может быть обозначено как «субъектность» (*Петровский В.А., 1996а, б, в*); они – нечто большее, чем просто специфические паттерны мыслей, представлений, чувств, действий. «Деление на три элемента, – пишет Берн, – следует понимать вполне буквально. Это как если бы в каждом пациенте присутствовали три разных человека» (*Берн, 2001, с. 272*).

Переходя к уже известной нам символической форме записи этого выражения и вводя нижние индексы¹⁵, имеем:

$$W_{\text{суб}} = (x_B \rightarrow y_P) \rightarrow z_D,$$

$W_{\text{суб}}$ – субъективное ожидаемое благополучие личности (внутренняя состоятельность);

z_D – готовность принять риск с позиции Дитя;

y_P – убеждения, мнение о возможном исходе выбора с позиции Родителя;

x_B – намерения; усилия, мобилизуемые Взрослым.

Анализ феномена смещенного выбора. Классическая «модель принятия риска» Аткинсона предсказывает поведение людей в условиях свободного выбора трудности задачи. Почему испытуемые с доминантой успеха, вместо того чтобы выбирать задачи, занимающие центральное положение на шкале трудности, как предсказывает модель (вероятность решения – 0,5), предпочитают более трудные задачи? Чем замечателен интервал (0,3 < p < 0,4), внутри которого выбиралась трудность задачи? Эти вопросы продолжают оставаться открытыми, несмотря на упорные

с моделью Крылова роднит интенция синтеза, все остальное в моделях различно. Исключение составляет лишь пункт, согласно которому Дитя может противостоять Родителю. В модели Крылова это противостояние постулируется; в «рефлексивной модели транзактного выбора» такое противостояние дедуцируется как одна из возможностей (что соответствует берновскому «бунтующему Дитя», а в современном транзактном анализе – «негативному Дитя»).

¹⁵ В дальнейшем, для простоты изложения, мы будем опускать нижние индексы при символах.

попытки исследователей дать на них ответ (некоторые версии упомянуты в начале этой главы).

Имплицитивная модель мотивации выбора предлагает свой путь интерпретации этого феномена смещенного выбора. Иное объяснение получает также и тот факт, что в другой группе испытуемых (где доминирует боязнь неудачи) предпочтение отдается экстремальным выборам (берутся либо самые легкие, либо самые трудные задачи).

Разное поведение людей в условиях свободного выбора задач – средних по трудности, сверхлегких или сверхтрудных – еще не создает особой психологической проблемы. Здесь значимо то, что люди, выбирающие сверхлегкие и сверхтрудные задачи, образуют, как ни парадоксально, психологически однородную группу (Б), отличающуюся по своим характеристикам от людей, предпочитающих решать средние по сложности задачи (группа А). Указан признак, по которому удастся дифференцировать эти группы – сдвиг в ту или иную сторону баланса двух сил: надежды на успех и боязни неудачи. Эмпирический портрет сходств и различий групп А и Б отчасти соответствует теоретической модели «выбора риска». Но уточнения этой модели утяжеляют ее, нарушая изящество объяснения, и в свою очередь, требуют дополнительных обоснований.

Сохраняя идею существования глубинного критерия дифференциации испытуемых на группы А (смещенный выбор) и Б (экстремальные выборы), откажемся – по крайней мере, на время – от конструкторов «надежда на успех» и «боязнь неудачи», чтобы в дальнейшем проверить возможности предлагаемой нами новой, метаимплицитивной модели мотивации выбора. Эта модель позволяет увидеть другие, возможно, не менее глубокие основания для различения групп А и Б ($=B_1+B_2$): «принцип реальности», «принцип удовольствия» и «принцип танатоса», если прибегнуть здесь к терминам З. Фрейда. Мы убедимся также в том, что представители группы А могут быть названы *рационалистами* (более резко – *прагматиками*), а группы Б – *идеалистами*; среди последних обнаруживаются «сверхадаптивные» (группа B_1) и «активно-неадаптивные» (группа B_2).

Потом (см. «Перспективы исследования») мы вернемся к конструктам «Мотив достижения успеха» и «Мотив избегания неудачи», с тем, чтобы переосмыслить их в специфических терминах метаимплицитивной модели.

Положим, что человек в порядке свободного волеизъявления может выбрать для себя как уровень доступности задачи для решения, так и уровень усилий, мобилизуемых в процессе будущего решения. Есть смысл пояснить, что «уровень доступности» – это уровень трудности «наоборот», также как и «решаемость» задачи – вероятность ее решения в заданных условиях. Будем считать, что силы на решение избираемой

задачи и трудность ее решения *согласованы*, то есть запрос на определенный уровень доступности задачи отвечает силам, мобилизуемым на ее решение, а те, в свою очередь, определяются избираемым уровнем доступности.

Пусть D – избираемый уровень доступности, а U – предпочитаемый уровень усилий. Спрашивается: в каком соотношении будут находиться U и D ?

Логично считать (это – ключевое допущение!), что в случае свободы выбора уровня доступности задач и, одновременно, уровня предпочитаемых усилий последние должны покрывать разницу между I (абсолютная доступность) и D (доступность предпочитаемой задачи):

$$U = I - D.$$

Иными словами, мы вводим здесь важный принцип **комплиментарности**, согласно которому *сила запроса восполняет ограниченность запрашиваемого ресурса* (подчеркиваем, речь идет об условиях *свободного* выбора, и только).

Система уравнений, описывающая всех испытуемых (как *рационалистов*, так и *идеалистов*), приводится ниже:

$$(x \rightarrow y) \rightarrow z = x$$

(условие интенциональности),

$$x = I - y$$

(условие комплиментарности эго-состояний «Взрослый» и «Родитель»),

$$(x \rightarrow y) = I - z$$

(условие комплиментарности Взросло-Родительской эго-системы и эго-состояния «Дитя»).

Замечая в первом и третьем уравнениях x на $I - y$, получаем:

$$((I - y) \rightarrow y) \rightarrow z = I - y,$$

$$((I - y) \rightarrow y) = I - z.$$

Поскольку

$$z = I - ((I - y) \rightarrow y),$$

условие интенциональности может быть записано теперь так:

$$((I - y) \rightarrow y) \rightarrow (I - ((I - y) \rightarrow y)) = I - y.$$

Учитывая (*) и раскрывая скобки, мы приходим к уравнению

$$(I - (I - y)^2)^2 = y$$

и находим три приемлемых его решения:

1) $y_1=0,382\dots=1-0,618\dots$ (испытуемый выбирает *повышенный уровень трудности* задачи, соответствующий «золотому сечению», $0,618\dots$);

2) $y_2=1$ (испытуемый выбирает *самые легкие* задачи – их доступность равна 1);

3) $y_3=0$ (испытуемый выбирает *самые трудные* задачи – их доступность равна 0).

Теперь мы определим различие между *рационалистами* и *идеалистами*.

Рационалисты – те, кто избирают задачи, уровень трудности которых соответствует первому полученному решению. В условиях свободы выбора эти испытуемые будут выбирать задачу, уровень доступности которой ниже среднего, то есть скорее задачу высокого, нежели среднего или низкого уровня трудности; центр распределения выборов может быть указан точно – это задача, вероятность решения которой равна $0,382\dots$, уровень доступности, соответственно $\approx 0,612\dots$ («золотое сечение»).

Мы обозначили испытуемых, которые следуют данному правилу выбора, «рационалистами», так как они придерживаются «золотой» середины в своих предпочтениях¹⁶.

Идеалисты – те, кто избирает полярные уровни доступности задачи, соответствующие второму и третьему полученным решениям (то есть 1 и 0). Почему мы называем таких индивидуумов «идеалистами»? Возможно, здесь могли бы быть использованы и другие обозначения (например, «утописты» и т.п.). Но заметим, что в обоих случаях принятия решения о выборе уровня доступности задачи эти испытуемые предпочитают не иметь дело с реальностью – либо, по сути, отказываясь от решения задач вообще (выбор сверхлегких задач), либо – выбирая из них сверхсложные. Термином «идеалисты» мы таким образом фиксируем факт отклонения от требований реальности.

Теперь мы можем обратить внимание на то, что у *рационалистов* $y_P=z_D$ (это позволяет заменить z_D на y_D):

Дитя здесь придерживается тех же позиций, что и Родитель,

¹⁶ А.К. Ерофеев (Ерофеев, 1983) имея в виду тенденцию испытуемых выбирать средние уровни трудности задачи, ввел термин «реализм». Точнее, по-видимому, не скажешь! Однако для нас здесь появляется риск контекстуального смешения терминов: в «Космическом субъекте» В.А. Лефевр использует термин «реализм» для обозначения факта соответствия интенции субъекта его готовности к выбору; в «Алгебре совести» выборы, совершаемые «реалистами», имеют название «интенциональный выбор» (в этой статье мы используем термин «интенциональный выбор» при описании как *рационалистов*, так и *идеалистов*). Впрочем, вполне возможно применение терминов «рационалист» и «реалист» как синонимов (Лефевр, 1996, 2004).

то есть в терминах транзактного анализа представляет собой Подчиняющееся (Позитивное) Дитя.

У идеалистов $z_D = I - y_R$ (это позволяет в силу условия комплиментарности x_B и y_R заменить z_D на x_B). Таким образом,

Дитя здесь – это «Родитель наоборот»,

то есть в терминах транзактного анализа – Бунтующее (Негативное) Дитя.

Это положение имеет силу независимо от того, совершает ли индивид выбор сверхлегкой ($y=I$) или сверхтрудной задачи ($y=0$), что позволяет, согласно единой психологической природе детерминации выборов (*Дитя противостоит Родителю*), объединить таких индивидов в одну группу (выше она была обозначена как группа Б).

Как видим, *идеалисты*, осуществляя парадоксальные выборы (исследователи мотивации достижения называют их «экстремальными»), втайне считают, что они получают то, чего заслуживают; они будто исходят из принципа, что «каждому – по его деяниям».

Анализ феномена Физера. Рассмотрим еще одно явление, значимое для апробации имплицативной модели мотивации выбора. Речь идет о фактах, полученных Н.Т. Физером (*Fether*, 1961). Они настолько нетривиальны, что могут быть, как уже отмечено, названы «феноменом Физера».

В развитие представлений о различиях в поведении людей, делающих свой выбор в зависимости от соотношения мотивов достижения и избегания, Физер провел впечатляющие эксперименты, касающиеся настойчивости в процессе решения задач. Физер предлагал испытуемым решать неразрешимые задачи (о чем сами испытуемые, разумеется, не знали). В первом случае, задача выдавалась за легкую (испытуемым-студентам сообщали, что она доступна приблизительно 70% студентов их уровня подготовленности), а во втором – за сверхсложную задачу («только 5% студентов решили эту задачу»). Таким образом, в двух разных ситуациях предъявления задачи измерялась *настойчивость* испытуемых в процессе ее решения. Они знали, что в любой момент своей деятельности могут оставить решение этой задачи и взяться за решение другой (в одном из экспериментальных исследований Физера указывалось, что альтернативная задача характеризуется средней степенью сложности). Предварительно на основе тестирования выделялись две полярные группы испытуемых – «мотивированные успехом» (доминирует *мотив достижения успеха*, M_y) и «мотивированные избеганием неудачи» (доминирует *мотив избегания неудачи*, M_{ii}). Представители этих групп стали участниками эксперимента с неразрешимыми задачами.

Итак, первый вопрос заключался в следующем: в какой из серий (решения якобы простой или якобы сложной задачи) – испытуемые с

доминированием мотива достижения успеха проявят больше настойчивости?

Второй вопрос касался испытуемых с доминированием боязни неудачи. В какой ситуации они будут более настойчивы: при решении якобы простой («вероятность» решения которой называлась равной 0,7) или – якобы сложной задачи (названная «вероятность» которой была равна 0,05)?

Третий вопрос: существуют ли различия в проявлениях настойчивости между испытуемыми с доминированием надежды на успех и боязнью неудачи при решении *якобы сложной задачи*?

Четвертый вопрос: существуют ли различия в проявлениях настойчивости, и если да, то какие: между испытуемыми с доминированием мотива успеха и доминированием боязни неудачи при решении *якобы простой задачи*?

(Читатель может оценить нетривиальность¹⁷ полученных Физером данных, попытавшись самостоятельно предсказать ответы на каждый из четырех вопросов.)

Физер ответил на эти вопросы экспериментально, сформулировав предварительно следующие четыре гипотезы.

Гипотеза 1. Когда мотив достижения успеха сильнее мотива избегания неудачи ($M_Y > M_H$), настойчивость в первых пробах решения задач должна быть большей, чем когда исходная субъективная вероятность успеха велика ($P_S > 0,50$), по сравнению с условием низкой субъективной вероятности успеха ($P_S < 0,50$).

Гипотеза 2. Когда $M_H > M_Y$, настойчивость испытуемых при низком уровне субъективной вероятности решения задач ($P_S < 0,5$) выше, чем в случае высокого уровня субъективной вероятности решения ($P_S > 0,5$).

Гипотеза 3. Когда исходное значение P_S велико ($P_S > 0,50$), испытуемые с $M_Y > M_H$ проявляют больше настойчивости, чем субъекты, у которых $M_H > M_Y$.

Гипотеза 4. Когда исходное значение P_S мало ($P_S < 0,50$), испытуемые с $M_H > M_Y$ более настойчивы, чем с $M_Y > M_H$.

Физер получил результаты, убедительно подтверждающие все выдвинутые гипотезы:

1) испытуемые с преобладанием мотива успеха проявляют большую настойчивость при решении «более простой» задачи;

¹⁷ Понятие «нетривиальность факта» характеризует несовпадение «точки зрения» опыта и «точки зрения здравого смысла». «Нетривиальность» операционализируется в ходе сопоставления эмпирических данных, полученных в условиях определенного испытания, направленных на проверку конкретной гипотезы, и мнений независимых экспертов, прогнозирующих результаты этого испытания на основе информации об условиях его проведения (Петровский, 1997б; Митина, Петровский, 2001).

2) испытуемые с преобладанием избегания неудачи проявляют бóльшую настойчивость при решении «более сложной» задачи;

3) якобы более простые задачи настойчивее решались испытуемыми из группы мотивированных успехом и менее настойчиво – избегающими неудачи;

4) контрастный результат наблюдался в случае решения испытуемыми «сверхсложных» (однако якобы решаемых) задач – мотивированные успехом были менее настойчивы, а мотивированные избеганием неудачи были более настойчивы.

Красота картины, полученной Физером, определяется не только парадоксальностью полученных фактов, но и поразительной точностью их соответствия гипотезам (всем четырем!), вытекающим из ранее принятой экспериментатором модели выбора риска Аткинсона. Исследователь исходил из следующей идеи: по мере выявления испытуемым фактической трудности решаемой задачи, предъявленной как «простой», субъективная вероятность ее решения приближается к среднему значению 0,5, что придает ей привлекательность в глазах испытуемых, мотивированных успехом, и отталкивает тех, кто мотивирован избеганием неудачи; в процессе решения задачи, считающейся очень сложной, субъективная вероятность ее решения все больше отдалается от среднего значения 0,5, тем самым снижая ее привлекательность для испытуемых, мотивированных успехом, и повышая ее привлекательность для тех, кто мотивирован избеганием неудачи.

Трактовка Физера при всей ее красоте и убедительности базируется на неявной посылке *неуклонного понижения* P_S по ходу решения. Подразумевается, что сначала испытуемый конструирует образ доступности (сложности) задачи, исходя из того, о чем оповещает его экспериментатор, а затем пересматривает свои представления под давлением опыта неудач: субъективная вероятность решения постоянно падает, либо приближаясь к отметке 0,50 (группа А), либо все более отдаляясь от нее и приближаясь к нулю (группа Б). Но так ли это? Не противоречит ли это допущение некоторым переживаниям, которые, бесспорно, знакомы многим по опыту? Имеются в виду: ощущение, будто решение задачи как бы уже есть – «на кончике пера», переживание «вот-вот решения», чередование чувства отчаяния и надежды, падения и взлетов и т.п. Мы оставляем этот вопрос открытым (см. «*Перспективы исследования*»).

Имплицативная модель мотивации выбора предлагает иную трактовку феномена Физера, не прибегающую к идее *приближения (отдаления)* субъективной вероятности успеха в решении задачи P_S к значению (от значения) $P_S=0,50$.

Причину различий мы усматриваем в механизмах детерминации поведения у *рационалистов и идеалистов*.

Вернемся к базовой формуле

$$W = ((x \rightarrow y) \rightarrow z) = x$$

и опишем ее с учетом тех перемен, которые должны быть отмечены в новом контексте исследования мотивации выбора – при переходе от ситуации свободного выбора к условию ограниченного выбора трудности задачи. В отличие от ситуации свободного выбора, в которой испытуемые могли еще до начала действия подбирать себе уровень приемлемой трудности задачи в сочетании с оправданным уровнем мобилизуемых усилий, в данном случае мы застаем субъекта уже «втянутым» в деятельность: он не выбирал стартового уровня трудности задачи – в начале деятельности ему просто «вручили» (да еще лукавив) задачу указанной степени трудности.

Поэтому мы не требуем здесь (не постулируем) жесткого соблюдения условия комплиментарности в сочетаниях x и y , а также комплиментарности $(x \rightarrow y)$ и z , но, придерживаясь критерия интенциональности выборов, сохраняем ранее введенный критерий различения *рационалистов* и *идеалистов*; в первом случае по-прежнему z приравнивается y (позиция «я хочу, я надеюсь» соответствует позиция «ты должен, у тебя получится»), а во втором случае эти позиции рассматриваются как полярные: $z = 1 - y$ (готовность к риску испытуемого противостоит авторитетным оценкам экспериментатора).

Итак, необходимо найти решения следующих четырех уравнений, позволяющих предсказать уровни настойчивости *рационалистов* и *идеалистов* при решении «простых» ($P_S = 0,70$) и «сложных» ($P_S = 0,05$) задач.

Рационалисты. «Легкая» задача ($P_S = 0,7$)
 $(x \rightarrow 0,7) \rightarrow 0,7 = 0,70 + 0,3 \cdot 0,3 \cdot x = x$;
 $x = 0,769 \dots$

Идеалисты. «Легкая» задача ($P_S = 0,7$)
 $(x \rightarrow 0,7) \rightarrow 0,3 = 0,3 + 0,7 \cdot 0,3 \cdot x = x$;
 $x = 0,380 \dots$

Рационалисты. «Трудная» задача ($P_S = 0,05$)
 $(x \rightarrow 0,05) \rightarrow 0,05 = 0,05 + 0,95 \cdot 0,95 \cdot x = x$;
 $x = 0,513 \dots$

Идеалисты. «Трудная» задача ($P_S = 0,05$)
 $(x \rightarrow 0,05) \rightarrow 0,95 = 0,95 + 0,05 \cdot 0,95 \cdot x = x$;
 $x = 0,997 \dots$

Мы видим, что *рационалисты* мобилизуют значительно больше усилий при решении «легкой» задачи, чем при решении «трудной»:

$$x_{\text{РАЦИОНАЛИСТЫ, «ЛЕГКАЯ»}} = 0,769... > x_{\text{РАЦИОНАЛИСТЫ, «ТРУДНАЯ»}} = 0,513...$$

Тем самым, подтверждается *первая гипотеза* Физера.

При предъявлении *идеалистам* «трудных» и «легких» задач в первом случае мобилизуется больше усилий, чем во втором:

$$x_{\text{ИДЕАЛИСТЫ, «ТРУДНАЯ»}} = 0,997... > x_{\text{ИДЕАЛИСТЫ, «ЛЕГКАЯ»}} = 0,380...$$

Подтверждается *вторая гипотеза* Физера.

Рационалисты мобилизуют больше усилий при решении «легкой» задачи по сравнению с усилиями *идеалистов*:

$$x_{\text{РАЦИОНАЛИСТЫ, «ЛЕГКАЯ»}} = 0,769... > x_{\text{ИДЕАЛИСТЫ, «ЛЕГКАЯ»}} = 0,380...$$

Подтверждается *третья гипотеза* Физера.

При предъявлении *рационалистам* и *идеалистам* «трудной» задачи, первые мобилизуют меньше усилий, чем вторые:

$$x_{\text{РАЦИОНАЛИСТЫ, «ТРУДНАЯ»}} = 0,513... < x_{\text{ИДЕАЛИСТЫ, «ТРУДНАЯ»}} = 0,997...$$

Подтверждается *четвертая гипотеза* Физера.

Осталось сравнить полученные значения настойчивости x с уровнем готовности испытуемых перейти к решению средней по доступности (альтернативной) задачи, о чем сообщал испытуемым экспериментатор.

Готовность испытуемых к выбору трудной задачи может быть рассчитана согласно условию:

$$(x \rightarrow 0,50) \rightarrow 0,50 = 0,50 + 0,50 \cdot 0,50 \cdot x = x, \\ x = 0,666...$$

Итак, средние по трудности альтернативные задачи способны «сбить с толку» *рационалистов*, решающих «трудную» задачу ($0,513... < 0,666...$), и *идеалистов*, решающих «легкую» задачу ($0,380... < 0,666...$).

Устоять перед соблазном «дьявольского числа» трех шестерок удается лишь *рационалистам*, решающим «легкую» задачу ($0,769... > 0,666...$), и *идеалистам*, решающим «трудную» задачу ($0,997... > 0,666...$).

Импликативная модель мотивации выбора предсказывает в полном соответствии с гипотезами и экспериментальными данными Физера тенденцию предпочтения альтернативы и отказа от нее у *рационалистов* и *идеалистов* в зависимости от указанного им уровня доступности основной задачи.

Перспективы исследования. Опишем приоткрывающиеся перспективы разработки предложенной нами модели.

Построение более общих моделей. Мы рассмотрели то, что может быть названо *моделью уверенности субъекта в выполнимости задания* (кратко – *моделью уверенности*). Положим, однако, что у субъекта, как и предполагал Физер, от попытки к попытке накапливается ощущение неуверенности в том, что задача может быть решена. Вопрос в том, что в действительности представляет собой психологическая «траектория» продвижения в глубь неразрешимой задачи? Вопрос – несправедливый. Достаточно привести только один пример: математик Бойаи заклинал своего сына (в будущем – открывателя, как и Лобачевский, неевклидовой геометрии) отказаться от попыток доказать V постулат Евклида, ибо в истории математики бывали случаи безумия на почве невозможности решить и отказаться от решения этой проблемы.

Идея *понижающейся* субъективной вероятности решения по мере накопления опыта неудач, таким образом, сохраняет свое значение и требует дополнительной проверки. Она может быть инкорпорирована в *расширенную модель состоятельности устремлений* (мы назовем ее моделью *сомнений субъекта в выполнимости задания – моделью сомнений*):

$$W^* = (((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow h) \rightarrow q \rightarrow \dots,$$

где *h* – *мысленные допущения* испытуемого, а *q* – *инфантильные убеждения* испытуемого, касающиеся уровня доступности задания. Высокому уровню *W** соответствует *состояние включенности субъекта в действие*, а низкому – *состояние отрешенности, «недеяния»*.

Модель сомнения, так же как и модель уверенности, выступает в двух формах: применительно 1) к ситуациям ничем не стесненного выбора задачи (при переходе со ступени на ступень имплицативной конструкции действует то же правило комплиментарности, что и в модели уверенности) и 2) к ситуации ограниченного выбора (правило комплиментарности снимается).

Реализуя модель сомнений в условиях *свободы выбора* при осуществлении *первоначальных* выборов (то есть на старте деятельности), мы получаем *те же* экстремальные выборы и «золотое сечение», что и в модели доверия применительно к *идеалистам* и *рационалистам*.

В плане проверки гипотезы Физера интерес представляет оценка адекватности модели в условиях *стесненного выбора*. В этой ситуации условие комплиментарности, как уже отмечено выше, снимается, но сохраняется условие интенциональности выборов (так было и прежде – в модели уверенности); остаются также и определенные соотношения между *z* и *y*: у *реалистов чаяния соответствуют осведомленности*, $z = y$, у *идеалистов они противостоят сведениям*, $z = 1 - y$. Постулируется также, что у *рационалистов* $h = q$ (допущения принимаются на веру), в отличие от *идеалистов*: $h = 1 - q$ (реципрокные взаимоотношения

между верой и собственными допущениями). Предполагается, что выдвигаемые испытуемым *собственные гипотезы* относительно разрешимости задачи первоначально соответствуют информации, полученной извне (от экспериментатора), а потом все больше отклоняются от нее в сторону понижения. «Запуская» процесс понижения h (обозначим его \bar{h}), *начиная* со значений $0,7$ и $0,05$ у рационалистов и идеалистов, мы решаем уравнения:

$$\begin{aligned} &(((x \rightarrow 0,7) \rightarrow 0,7) \rightarrow \bar{h}) \rightarrow 0,7 = x \\ \text{и } &(((x \rightarrow 0,05) \rightarrow 0,05) \rightarrow \bar{h}) \rightarrow 0,05 = x \\ &(\text{рационалисты}); \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} &(((x \rightarrow 0,7) \rightarrow 0,3) \rightarrow \bar{h}) \rightarrow 0,3 = x \\ \text{и } &(((x \rightarrow 0,05) \rightarrow 0,95) \rightarrow \bar{h}) \rightarrow 0,95 = x \\ &(\text{идеалисты}). \end{aligned}$$

Проводя необходимые вычисления, убеждаемся, что и в этой системе отсчета эмпирические данные Физера подтверждаются нашей моделью.

Идеалистам, в отличие от *рационалистов*, приходится трудно: чем меньше оснований думать «Я прав», тем больше вера в свою правоту и настойчивее попытки решения.

Решить прекратить – просто. Но как прекратить решать? (Ф.Д. Горбов)

Загронем – впрочем, только едва – еще одну возможную переменную: j (первая буква в слове «joker»). Будем считать, что, в конечном счете, именно она замыкает собой имплицативную цепочку из переменных $x, y, z, h, q; j$ – символ абстрактной возможности существования некоего неизвестного еще решения, будь то многообещающие латинские буквы, скрывающие под собой «нечто» (о чем в данный момент ничего неизвестно), или утешительное и интригующее «знаю, что ничего не знаю», или квазифизические представления об «иных измерениях бытия», или аудиторная уловка методологов – «подвешенный вопрос», или символы *высшей реальности* и т.д. Обращаясь к *символам существования решения вообще*, те, кто верит в их достоверность, способны обрести поддержку в условиях глубокого кризиса – *краха надежды*; мера переживаемой *могущественности* этих сил не столь уж важна ($W^* \rightarrow j = (\Rightarrow 0) \rightarrow j \gg I$). Более того, выход из кризиса становится возможным лишь в том случае, если субъект воздерживается от дальнейших попыток *впрямую* (целевым образом, «в лоб») исследовать реалистичность этих символов веры, «проверять реальность» – такие попытки лишь возвращают его к опыту неудач, дублируя j последовательностью нескончаемых j', j'', j''' и т.д., и т.п., до бесконечности (дурной). Выскажемся категоричнее: должны быть начисто исключены какие-либо пробы «эм-

пирической верификации» презумпции существования решения. Здесь важна сама возможность обращения к таким символам, *переживание* подобной возможности.

Есть ли имя, чтобы обозначить эту спасительную для субъекта его обращенность к символам запредельного опыта? Может быть, *упование*? Таким образом, в состав нашей модели включается термин, неведомый «академической» психологии личности. С его помощью могут быть описаны механизмы и процессы, непосредственно завершающие терапевтический акт (Василюк, 1984). В данном случае «упование» есть решающее условие «самотерапии»; оно позволяет субъекту примириться с собой, когда какого-либо решения задачи у него нет, все мыслимые гипотезы исчерпаны, но расстаться с задачей, перестать решать ее он не в силах.

Полная метаимплицативная модель, таким образом, должна охватывать множество переменных, включая в себя трансцендентальное (то, что предшествует возможному опыту) и трансцендентное (то, что превосходит возможный опыт).

Соотнесение традиционных и новых конструкторов. Важный вопрос дальнейшего исследования касается также необходимости использования схем транзактного анализа в построении метаимплицативной модели мотивации выбора. Можно ли обойтись без них?

Можно!

Но «бритва Оккама» бы их пощадила...

Ибо они, на наш взгляд, не просто проясняют (или упрощают) картину детерминации выбора. Они переводят размышления о мотивации поведения в новую плоскость, позволяющую проследить генез выборов и до известной степени оказать влияние на уже сложившиеся механизмы выбора. Это – социально-психологическая плоскость исследований. Мотивация достижения, относясь, бесспорно, к категории высших психических форм побуждения индивида к действию, может рассматриваться как результат превращения интерпсихологических образований в интрапсихологические (если взглянуть на них с позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского¹⁸). То, что вчера еще имело форму содружества или конфликта между реальным ребенком и его реальными

¹⁸ Сравнивая теории Л.С. Выготского и Э. Берна, мы отмечали: «Берн часто обращается к Пиаже. Имя “Моцарта в психологии”, Л.С. Выготского, ему неизвестно. Между тем, трудно не заметить общности двух систем: “социальной психиатрии” Берна и “культурно-исторической” психологии Выготского. Автор культурно-исторической теории, Л.С. Выготский, формулируя в 20-е годы идею интериоризации социальных отношений, идею системного строения сознания, идею опосредствованного строения высших психических функций, идею знака как психологического орудия, идею сосуществования и взаимодействия культурного и натурального ряда в психике, вплотную подошел к тем аспектам бытия человека, которые в последующем

родителями, сегодня приобретает форму единения или противоборства между эго-состояниями «Дитя» и «Родитель», что, в конечном счете и обуславливает характер производимых выборов.

Обоснование этого положения, конечно, относится к перспективам исследования. Однако можно уже сейчас назвать методы, которые позволяют раскрыть интересующую нас архитектуру внутренних взаимодействий между эго-состояниями «Дитя», «Родитель» и «Взрослый».

Таков, в частности, предложенный мной метод *транзактной реинтерпретации* существующих методов психологического исследования личности (Петровский, Калинин, 1990). Идея метода заключается в том, чтобы в транзактных терминах описывать любые индивидуальные проявления испытуемых, тестируемые традиционными методами. Предполагалось, в частности, что любое суждение «работающего» в клинике личностного опросника может быть представлено как символ скрытых транзакций, свидетельствующих о единстве, конфронтации, компромиссах между эго-состояниями. В соавторстве с В.К. Калинин, нам удалось подвергнуть транзактной реинтерпретации опросник Кеттелла и получить некоторые неожиданные результаты. Например, выяснилось, что люди, соблюдающие диету, характеризуются единством Взрослого и Дитя ($B \Omega D$), а «срывающиеся» с диеты – конфронтацией Родителя и Дитя ($P \leftrightarrow D$). Кроме того, как мы и предполагали, выяснилось, что те, кто склонен к «бескорыстному (активно-неадаптивному) риску», характеризуются конфронтацией Дитя и Родителя ($D \leftrightarrow P$) (Шагур, Самсонов, Петровский, Калинин, 1989).

Та же процедура может быть применена, например, и к таким «полупроективным» методикам, как «решетка мотива достижения», предложенная Шмальтом (Schmalt, 1973, 1976a, в), сочетающая в себе «преимущества ТАТ с экономичностью и однозначностью опросника» (Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 270–271). Выявляется тесная связь между данной методикой и методикой ТАТ по Хекхаузену: мотивированные на успех предпочитают проблемы средней трудности, а мотивированные на избегание неудачи – экстремальные степени трудности. Здесь важна предпринятая нами *пробная* (осуществленная автором этой статьи – без привлечения коллег в роли независимых экспертов) транзактная реинтерпретация пунктов опросника Шмальта, которая убеждает в том, что пункты, соотносимые с ориентацией на успех, свидетельствуют о единстве Родителя и Дитя ($D \Omega P$), а пункты избегания неудачи – о конфронтации (комплиментарности) Родителя и Дитя ($D \leftrightarrow P$), а это соответствует нашему различению *рационалистов* и *идеалистов*.

приоткрылись Берну. Сознание – арена межсубъектных коллизий» – указывали мы в предисловии к книге Берна (Берн, 2001, с. 20).

Разработка персонологических аспектов метаимплицативной модели мотивации выбора. Понимание внутренних взаимоотношений между эго-состояниями – ключевой пункт в прогнозировании мотивационных последствий социальной ситуации развития, имевшей место в прошлом, а также реорганизации раннего опыта в условиях коррекции существующих форм поведения. Так, в частности, метаимплицативная модель мотивации выбора позволяет локализовать поиск «контаминаций» (зон смешения) Родителя и Взрослого, ограничивающих возможности стимуляции активности Дитя (ведь «заставить» Детскую часть личности «захотеть» чего-либо невозможно, но если Взрослый вступит в диалог с Дитя, избавившись от «поддержки» Родителя, то появится шанс на успех – *Петровский В.А., 2001б, 2002б*; см. также главу 21). Кроме того, может быть установлена область необходимых «перерешений» – новых решений взамен «ранних», локализованных в Дитя и являющихся источником дезадаптации.

За счет привлечения схем транзактного анализа метаимплицативная модель мотивации выбора предстает перед нами как *мультисубъектная* модель мотивации. В разработке этой модели «академическая» психология личности объединяется с практической психологией, что соответствует проекту «общей персонологии» (*Петровский В.А., 2003, 2004а*).

ГЛАВА 28. МОДЕЛЬ ГЕДОНИСТА: РЕФЛЕКСИВНАЯ ВОЗГОНКА ВЛЕЧЕНИЯ

Впервые описанная Дж. Локком способность человека к внутреннему познанию – рефлексия – не только *познавательная* способность души. Пристально вглядываясь в себя, отражая свои собственные побуждения и возможности, человек вольно или невольно соучаствует в их порождении. Сила наших стремлений – не только объект рефлексии, но и функция ее присутствия рядом, «шаг в шаг».

Действительно, познание ощущимо меняет то, что, казалось бы, к познанию прямого отношения не имеет (физика микромира – напрашивающийся пример)¹⁹; и одна из возможных, хотя и мало изученных «зависимых переменных» в этой проблеме воздействия познания на познаваемое – сила человеческих побуждений, страстей. В этой части нашей работы речь пойдет о соблазне. О том, как осознание своих устремлений может влиять на их силу. Но также – и о том, как соблазн, будучи сознаваем, усиливает свою действенность. И, наконец, о том также, почему искушения, к счастью, не всегда воплощаются наяву.

Прослеживая динамику побуждений по мере их осознания, мы приходим к выводу, что прояснение побуждений, начиная с самого первого, исходного, запускающего процесс самоисследования, способно вызывать эффекты, противостоящие задаче осознания. А именно: сделать невозможным осознанный выбор – то есть решить, стоит ли потворствовать данному побуждению или же нет.

Мы предлагаем гипотетическую модель самодетерминации субъекта, стремящегося к наслаждению («гедонистического субъекта», «гедо-

¹⁹ Возможно, прав В.М. Алахвердов – при всей дерзости этого замысла – в своем намерении определить идеализированные объекты и процессы психологии как науки в терминах познания. «Психологика» <развиваемый Алахвердовым подход – В.П.> «принимает следующий принцип: *логика процесса познания необходима и достаточна для объяснения всех явлений*. . . Мотивы, эмоции, социальные отношения, психические отклонения – все это должно объясняться как следствие познавательной деятельности» (Алахвердов, 2000).

ниста», или – «аскета», если такой субъект побеждает соблазн). В иных, более близких нам терминах, мы описываем происходящее как самопричинность «Я» (см. главу 11). Напомним читателю наше определение «Я»: «индивид в саморефлексии». Нелишне подчеркнуть, что «Я» пребывает именно в саморефлексии – союз «в» подчеркивает погруженность этого психического образования в самого индивида, а не, положим, в других индивидов, воспринимающих, мыслящих или вспоминаящих данного. Далее в книге мы будем говорить о семи пространствах бытия личности, рассматривая различные формы погруженности индивида в мир, точнее – в миры разных людей, и среди них – в свой собственный; но в данном случае, отметим особо, имеется в виду его бытие в пространстве собственной жизни, объединяющей такие сферы, как «во мне и при мне», «во мне у меня», «мне и мною».

Напомним также, что «Я» в нашем понимании – это *идея*, единство мысли и мыслимого, восприятия и воспринимаемого, переживания и переживаемого. Поэтому «Я» это не только мысль о себе, образ или чувство себя, но и соответствующий объект мысли-образа-переживания.

Наблюдая, как развивается активность во внутреннем пространстве бытия индивида, в мире четырех – пока еще не семи! – миров, мы исходим при этом из разработанной В.А. Лефевром модели готовности субъекта к биполярному выбору: $X=(x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1$ (Лефевр, 1996, 2004), внося в нее необходимые для нас смысловые акценты.

Рефлексивная теория В.А. Лефевра, один из шедевров теоретической мысли XX века, открыта для поиска продолжений и содержательных интерпретаций. Есть некоторые особенности формулы Лефевра, которые обычно остаются вне поля внимания исследователей. Например, формула включает в себе скрытые переменные, некоторые из которых описаны создателем рефлексивной теории, а некоторые нуждаются в описании. Речь идет о «переходных» и «производных» элементах модели, таких, например, как γx_3 ; $x_3 \rightarrow x_2$ («самооценка» – Лефевр); $\gamma (x_3 \rightarrow x_2)$ и др. (мы уже отмечали, что вне специального рассмотрения остается обладающий загадочной силой оператор материальной импликации « \rightarrow »).

В предлагаемой нами модели гедонистического субъекта (аскета) символ x_1 лефевровской модели интерпретируется как «драйв», символ x_2 – как «влечение», символ x_3 – как «предвосхищение», символ X – как «установка» («готовность»), стрелка « \rightarrow », символизирующая оператор метимпликации (см. главу 20), читается как «опирается на...», «реализуется на основе...» («стремление реализуется через ресурс»). Будем говорить, что это *основные элементы* модели.

Базовая схема гедонистического субъекта имеет вид:

МОДЕЛЬ ГЕДОНИСТА

Провокативный стимул*(Влечение→Предвосхищение)→Драйв=Установка (Готовность)*

Предлагаемая формальная модель самодетерминации гедониста (аскета) включает в себя основные элементы, а также – производные от основных и некоторые другие: *Самоконтроль*; *Предвкушение*; *Эмоциональное благополучие* и пр. Модель содержит в себе указание на *Провокативный стимул*, который явным образом в формуле не представлен, но, оставаясь как бы за кадром, постоянно подразумевается (как источник того, что мы далее будем наблюдать «в кадре»).

«*Провокативный стимул*» – это все то (вещь, человек, текст, какое-либо событие и т.п.), что способно воздействовать на субъект извне и обладает для него потенциальной значимостью. Почему мы говорим о *провокативном* стимуле, выделяя его из множества стимулов вообще, в чем специфика этого стимула по сравнению со всеми другими? Ответ заключается в том, что провокативный стимул со стопроцентной вероятностью детерминирует реакцию субъекта, в случае его (субъекта) неподверженности каким-либо силам, сдерживающим реакцию (нравственные, религиозные, правовые ограничения, соображения, связанные со здоровьем и пр.). Известна полуправдивая шутка: «Все, что по настоящему хочешь, либо аморально, либо противозаконно, либо вредит здоровью». Классики психологии по-разному называли эти силы сдерживания. Зигмунд Фрейд говорил о «подавлении», Курт Левин – о «барьерах», Генри Мюррей – о «прессах». Обобщенно в рассматриваемом случае мы будем говорить о «силах противодействия провокации». Если бы не эти силы, наличие провокативного стимула в ситуации сделало бы неизбежной «ненормативную» реакцию субъекта.

Поскольку нас интересует не только количественная, но и качественная сторона всех элементов предлагаемой модели, рассмотрим логико-психологический статус того, что мы называем «провокативным стимулом». Строго говоря, провокативный стимул нельзя отнести к сфере психологических категорий. Он представляет собой *внепсихическое* – «внеположное», «объективное», «протопсихическое» (*Петровский А.В., Петровский В.А., 2000*) образование – фрагмент окружающей среды.

«*Драйв*» – телесное возбуждение как специфический ответ на действии провокативного стимула; побуждение-вызов со стороны этого стимула; внутренняя стимуляция как непосредственный физиологический отклик на воздействие внешнего стимула. Драйв и провокативный

стимул – явления одного порядка, они «общаются» друг с другом на одном языке – физико-химических взаимодействий – и оба являются протопсихическими образованиями.

«Установка» («готовность») – *бессознательная психическая сила («сила соблазна»)*. Поясняя это, мы опираемся на взгляды Д.Н. Узнадзе (1966). Для него «установка» – это не просто «неосознаваемое», а принципиально *бессознательное* образование (более того – «нечто третье» по отношению к субъективному и объективному). Вслед за Узнадзе, мы используем здесь термин «бессознательное *психическое*», развивая свою мысль о том, что психическое вообще есть медиация (опосредствование) взаимных переходов субъективного и объективного. Данный взгляд адекватен также представлениям З. Фрейда о взаимосвязи телесного возбуждения и желания в определении инстинкта: психическая энергия обеспечивает переход объективного в субъективное (желание как врожденная психологическая репрезентация возбуждения телесного источника) и обратный переход (желание как мотив, направляющий поведение к объекту). Установка, или, в этом случае, бессознательная психическая сила соблазна, – посредник между физиологическим возбуждением и субъективным переживанием в системе *взаимопереходов «объективное – субъективное»*. Термины «установка» и «сила соблазна», используемые в данном контексте, могут рассматриваться как синоним «готовности» в рефлексивной модели В.А. Лефевра: *объективная вероятность (p)* того, что субъект поддастся соблазну. Если $p < 0,5$, субъект, скорее всего, не будет спровоцирован (воздержится от соблазна). Если $p > 0,5$, субъект, по-видимому, не устоит перед соблазном. А если $p = 0,5$, субъект будет пребывать в состоянии замешательства, колебаний перед выбором, как поступать дальше, или, иначе говоря, окажется в ситуации **неопределенности предпочтений**.

«Влечение» – *неосознанная устремленность в направлении провокативного стимула («искушение»); переживаемая субъектом готовность поддаться на провокацию (или, напротив, – игнорировать ее)*. Термин «неосознанное», применительно к «устремленности», используется здесь в общеизвестном, со времен Фрейда, значении *предсознательного психического* (в момент возникновения данного влечения, оно вне поля сознания, но в следующий момент может быть осознано).

«Предвосхищение». Имеется в виду проигрывание в воображении будущей ситуации реализации влечения. Предвосхищение, воображаемая реализация влечения, в отличие от самого влечения, есть *сознаваемая субъектом устремленность в направлении провокативного стимула, переживаемый субъектом образ своего влечения*. Дж. Мид говорил о «репетиции в воображении» – и это, может быть, один из удачных терминов для этого случая. «Воображаемое удовлетворение», «репетиция в воображении» есть единство статических и динамических моментов субъек-

тивного продвижения к стимулу, или, иначе говоря, *образ-переживание* собственного влечения. Кратко, мы будем говорить – «предвосхищение», имея в виду копию влечения в зеркале рефлексии.

Могут быть рассмотрены также некоторые промежуточные и производные элементы модели:

- **Самоконтроль (самообладание).** В тот момент, когда субъект репетирует в воображении ситуацию реализации влечения, актуализируется чувство контроля над собой – тем большее, чем меньше сила влечения. В математической модели самодетерминации гедониста мы определяем самоконтроль (самообладание) как величину, противоположную силе искушения: $\text{Самоконтроль} = 1 - \text{Влечение}$.

- **Предвкушение.** Речь идет о субъективном ожидаемом удовлетворении имеющегося влечения. В математической модели, $\text{Предвкушение} = \text{Влечение} \times \text{Воображение}$.

- **Субъективное благополучие.** Это – итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и – предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели – таков результат импликации: $\text{Субъективное благополучие} = \text{Влечение} \rightarrow \text{Предвосхищение} = (1 - \text{Влечение}) + \text{Влечение} \times \text{Предвосхищение} = \text{Самоконтроль} + \text{Предвкушение}$.

Тенденция к воспроизводству достигнутого уровня благополучия, как мы уже отмечали, стимулирует субъекта к воспроизводству этого состояния: стремление к данному уровню благополучия выражается в предьявлении запросов к своим собственным телесным ресурсам, позволяющим овладеть провокативным стимулом. Рождается новый ряд переменных (*Самопотворствование, Страховка, Порыв*), порождающих состояние *Внутренней удовлетворенности* субъекта. Последнее получает новое воплощение в новых установках-готовностях.

Итак, мы вводим в контекст нашего рассмотрения не совсем обычный конструкт. При всех различиях в обозначениях («копия влечения», «образ-переживание», «репетиция в воображении» и т.п.) дело, конечно, не в терминах. Автор уверен в том, что, минуя этот конструкт, невозможно прийти к пониманию самодетерминации. В этой связи, кажется странным, что каким-то загадочным образом авторы обширных психологических исследований самодетерминации, а также аналитических обзоров, посвященных этим исследованиям, обходят стороной рефлексивные механизмы самодетерминации.

Чтобы пояснить сказанное, прибегнем к бытовой аналогии. Не каждому человеку известны работы Спинозы, Канта, Гегеля и Лefевра, посвященные явлению самодетерминации. Но зато каждый человек, хорошо знает по личному опыту, что значит «быть *causa sui*» (причиной себя), завязывая галстук или поправляя прическу перед зеркалом. Зеркальное отражение для человека – это «он сам», подсказывающий себе

будущее надлежащее действие. Следующие затем изменения во внешнем облике вновь отражаются в зеркале и вновь детерминируют последующие действия человека. Итак, с одной стороны, перед нами проявление «естественной причинности»: Прообраз>→Образ>→Прообраз>→... С другой стороны, – это феномен самопричинности: «Я как причина себя», понимаемое и переживаемое бытие «Я» в качестве «свободной причины». Ведь именно «с меня» (моего отражения в зеркале) начинается причинно-следственный ряд, и это «я сам» («Я в зеркале») управляю своим «физическим Я».

Будем считать, что субъект, находящийся в поле действия провокативного стимула, шаг за шагом, *виток за витком* рефлектирует свою готовность поддаться соблазну. Это значит, что в последовательные моменты времени $i=0, 1, 2, \dots$, начиная с появления драйва в момент времени ($i=1$), субъект продуцирует установку, которая будет осознана им в следующий момент времени. Появляется влечение, которое порождает антиципацию (предвосхищение) будущего удовлетворения; опираясь на образ-переживание собственного влечения, субъект испытывает ту или иную степень душевного благополучия; оно, в свою очередь, побуждает субъекта продолжить попытки (а в случае фрустрации – проявлять сдержанность). Таким образом, рождается тенденция потворствовать себе или ограничивать себя в новых попытках. Эта тенденция преломляется сквозь исходный драйв, формируя новое влечение (готовность). Возникшее влечение рефлектируется субъектом на следующем витке рефлексии (готовность здесь превращается в новое влечение и т.п.).

Как видим, здесь действуют два механизма саморефлексии. Один мы назовем *диахроническим*, другой – *синхроническим*.

- Диахронический механизм рефлексии реализует переход субъекта с одного витка рефлексии на другой, превращая *установку (готовность)* на i -ом витке во *влечение* на $i+1$ -ом витке.
- Синхронический механизм рефлексии реализует «зеркальное отражение» *влечения*, которое, таким образом, обнаруживает себя как *предвосхищение*.

Совместное действие двух механизмов саморефлексии обеспечивает самодетерминацию субъекта активности.

Вводится представление о нулевом витке рефлексии ($i=0$), при котором в структуре субъекта драйв отсутствует (уровень драйва равен нулю), отсутствуют также влечение, предвосхищение и, соответственно, установка (их «сила» равна нулю); но провокативный стимул уже появился «на горизонте».

Принимаются следующие обозначения и договоренности:

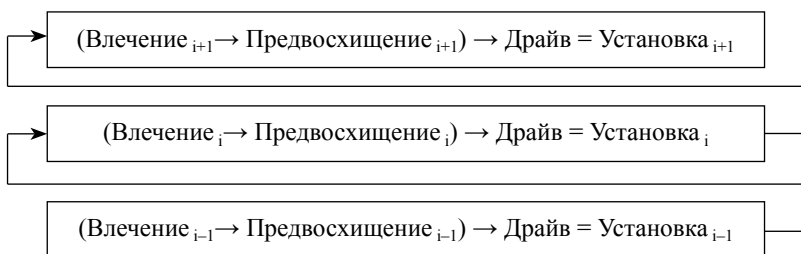
Драйв = {*драйв_i*} – проявления драйва в различные моменты (i) саморефлексии. Говоря о драйве, мы будем подразумевать каждый раз, как и в случае с нулевым витком рефлексии, некую силу (уровень)

драйва: $0 \leq f(\text{драйв}_i) \leq 1$. Договоримся, что в данном случае, и во всех аналогичных, будем опускать символ f , записывая вместо « $f(\text{драйв}_i)$ » полужирным шрифтом «**драйв**». Аналогично, $\text{Установка} = \{\text{установка}_i\}$, $\text{Влечение} = \{\text{влечение}_i\}$, $\text{Предвосхищение} = \{\text{предвосхищение}_i\}$. «Силовые» характеристики, соответствующие этим элементам, изображаются, как **установка**, **влечение**, **предвосхищение**, и пр.

Принимаем следующие допущения:

1. Сила **драйва** **одинакова** на протяжении всего процесса саморефлексии: **драйв** _{i} = **драйв** _{j} (для всех i и j), кроме случая ($i=0$), при котором **драйв**₀ = 0.
2. Сила **влечения** и сила **предвосхищения** **одинаковы** на каждом витке рефлексии: **влечение** _{i} = **предвосхищение** _{i} (для всех i); на нулевом витке рефлексии **влечение**₀ = **предвосхищение**₀ = 0.
3. Сила **влечения** на каждом последующем витке рефлексии **равна** силе **установки** на предшествующем витке рефлексии: **влечение** _{i} = **установка** _{$i-1$} (для всех $i > 0$).

Модель самодетерминации гедониста при переходе с одного витка рефлексии ($i-1$) на другой виток (i) выглядит следующим образом:

Теперь рассмотрим, что происходит с побуждениями субъекта на первом и втором витках саморефлексии ($i=1, 2$).

На первом витке рефлексии есть лишь драйв, но нет ни влечения, ни предвосхищения. По этой причине уровень установки-готовности действовать в направлении провокативного стимула равен уровню со-блазна (примем его за x):

$$\text{Установка}_1 = (0 \rightarrow 0) \rightarrow x = 1 \rightarrow x = x$$

$$\text{Установка}_1 = \text{Драйв}_1$$

На втором витке рефлексии происходит включение (возвышение) появившейся установки x в ранг реальных искушений (влечений) субъекта; соответственно, в зеркале рефлексии субъекту рисуется более привлекательная картина реализации его побуждения в направлении провокативного стимула:

$$\text{Установка}_2 = (x \rightarrow x) \rightarrow x = x + (1-x)(1-x)x,$$

*Установка*₂ > *Установка*₁ = *Драйв* (если $0 < x < 1$).

Как видим, мы можем убедиться также и в том, что уровень установки-готовности *вырос*, по сравнению с исходным уровнем драйва, то есть провокативный стимул стал притягательнее.

Что происходит на последующих этапах саморефлексии? Мы рассмотрим этот вопрос, варьируя стартовый уровень драйва, начиная со значений, близких к нулю («субъект почти не откликается на провокативный стимул»), постепенно поднимаясь к средним значениям («то ли есть реакция, то ли нет») и, наконец, – высоким значениям («сильный отклик»).

Отправляясь от нескольких стартовых значений драйва x на интервале $[0, 1]$, мы вычислили уровни установок субъекта действовать в направлении провокативного стимула (готовности поддаться соблазну) на нескольких витках рефлексии, следуя процедуре многократного отражения субъектом своей готовности к выбору, предложенной Лефевром (Лефевр, 1996).

Общий итог (непосредственно вытекающий из положений рефлексивной теории): саморефлексия субъекта *повышает* привлекательность провокативного стимула, поддерживая соблазн.

Итак, перед нами *феномен рефлексивной возгонки влечения*.

Но это не значит, что люди во всех случаях поддаются соблазну.

Выясняется, что существуют такие уровни драйва, при которых субъект, рефлектирующий свои побуждения:

1) *отвергает* провокативный стимул, не поддаваясь соблазну – уровни готовности не достигают 0,5 (стартовые уровни драйва находятся при этом в интервале между 0 и 0,333). Мы говорим, в данном случае: «Все под контролем»;

2) в той или иной степени *поддается* соблазну (стартовые значения драйва находятся в интервале от 0,333... до 1) – «коготок увяз» и «произошло грехопадение» (эти термины предложены С. Диковым);

3) *впадает* в состояние *неопределенности предпочтений*, взамен исходному состоянию готовности отвергнуть соблазн – «замешательство» (см. рис. 28.1).

Особый случай – стартовый уровень соблазна 0,5 («неопределенный уровень» притягательности провокативного стимула, «замешательство на старте саморефлексии»). В этом случае исходная (полная) неопределенность реакции на провокативный стимул *преодолевается* в ходе саморефлексии. Наиболее интересным здесь является то, что с каждым новым витком саморефлексии готовность поддаться соблазну стремится к «золотому сечению», 0,618... Мы приходим к этому числу, не вводя предварительных допущений об «интенциональности» вы-

боров (выборы Реалиста), как это делает Лефевр, рассматривая «выбор без объективных критериев» (Лефевр, 1996, с. 60–61). Мы также прослеживаем «порождение» Реалиста, не связывая себя при этом некоторыми дополнительными условиями, указанными автором рефлексивной теории (там же, с. 75–76). Реализм субъекта и «золотое сечение», в нашем случае, есть следствие совместной работы двух механизмов само-рефлексии – диахронического и синхронического – в ситуации полной неопределенности.

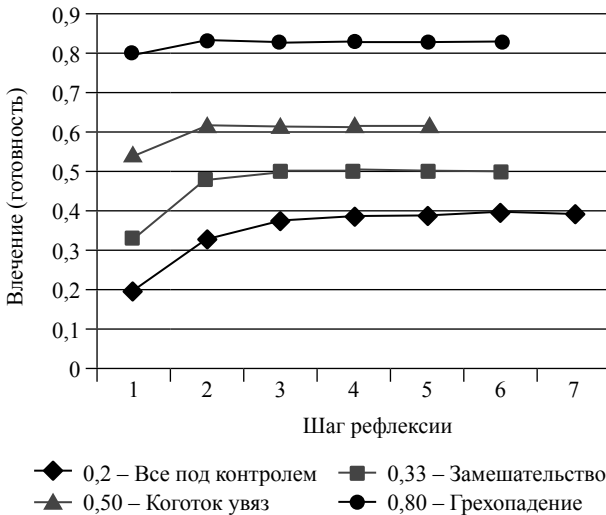

Рис. 28.1. Диаграмма «Рефлексивная возгонка влечения».....

Предлагаемая гипотетическая модель самодетерминации гедониста (стойка) есть гипотетическая модель. Мы не располагаем сегодня каким-либо прямым эмпирическим подтверждением ее справедливости. Однако некоторые косвенные подтверждения (в области психологии мотивации) имеются.

Прежде всего, это феномен «смещенного выбора», характеризующий предпочтения испытуемых в ситуации свободного выбора задач различного уровня трудности (о нем идет речь в последующих главах). Предложенная Дж. Аткинсоном «модель принятия риска» предсказывала, что испытуемые, стремящиеся к успеху (мотив достижения доминирует над страхом неудачи) должны выбирать для себя задачи среднего уровня трудности. Однако эмпирические данные говорят о другом: такие испытуемые выбирают задачи *повышенного уровня трудности* (вероятность решения между 0,3 и 0,4) (см. главу 27). Мы показали, что, выбирая за-

дачи такого уровня трудности, они должны проявлять интенцию, сила которой равна «золотому сечению», что позволяет им быть *реалистами*, согласно критерию В.А. Лефевра (субъективная интенция = объективной готовности). Можно предположить, что в *ситуации неопределенности* относительно исхода будущей деятельности (решение некоторого круга задач), уровень притягательности этих задач для *реалиста* (исходный драйв) определяется средним значением 0,5. Многократная рефлексия своих побуждений, включающая в себя работу механизмов диахронической и синхронической саморефлексии, «выводит» субъекта на уровень интенции 0,618...

Отмечу также *первый закон Йеркса–Додсона*. При среднем уровне мотивации (драйв?) выполняемой деятельности испытуемые проявляют наибольшую эффективность. Не свидетельствует ли это о том, что они проявляют себя в этих условиях как *реалисты*, то есть затрачивают не больше и не меньше усилий, чем это требуется для получения результата? Если это так, то здесь мы вновь сталкиваемся с «золотым сечением» на уровне интенции действовать.

В этой главе мы рассмотрели вопрос о том, как субъект сам, в ходе рефлексии, порождает определенность и неопределенность своих предпочтений, а также, отчасти, вопрос о том, как распоряжается неопределенностью, когда сталкивается с нею лицом к лицу.

Подчеркнем, что наш ответ на эти вопросы имеет пока гипотетический характер и требует дополнительного эмпирического обоснования.

ГЛАВА 29. «А ВЫ – СУБЪЕКТ?» ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ АКТИВНОСТИ

Рассмотрим вначале, **что** есть *активность* в самом общем смысле этого слова. Наиболее краткое и, согласимся, изящное определение термина «активность» мы встречаем у И. Канта, в великой книге «Критика чистого разума». *Активность есть «причинность причины»* – формулирует Кант. Речь здесь идет о чем-то внутреннем, заключенном в событии-причине, что предопределяет переход к событию-следствию, заключает в себе возможность и неизбежность становления причины действием.

Когда, руководствуясь этим общим определением активности, мы обращаемся к человеческому индивиду, нам открываются многообразные проявления его активности – начиная с наиболее простых, роднящих человека с другими представителями живого, и завершая наиболее сложными, в которых индивид выступает как *я, личность, человек*²⁰.

Общая неспецифическая активность. Приняв за условную точку отсчета обычное состояние бодрствования, или, как еще говорят, «спокойное бодрствование», можно попытаться мысленно «пройтись» вверх или вниз по гипотетическим ступеням лестницы общей неспецифической активности. Исторически первое ее название – «уровень бодрствования» – подсказывает образ движения: спуск и подъем. Может ли термин «уровень бодрствования» быть принят безоговорочно, мы рассмотрим позднее. Путешествуя по этой «лестнице», мы составим предварительное представление об общей неспецифической активности, являющейся базисом всех других проявлений активности индивида. Спускаясь «вниз», к гипотетической точке бездействия, мы встречаемся с дремотными или так называемыми «просоночными состояниями», в которых смешаны явь и сон. Далее, на маршруте нашего следова-

²⁰ Читая, есть смысл заглянуть в конец раздела, чтобы увидеть рисунок 29.1 «Вверх по лестнице, идущей вниз», иллюстрирующий «ступени активности», о которых пойдет речь.

ния, – сон со сновидениями (психофизиологи называют его «быстрым сном»): о его наступлении спящий догадывается только проснувшись (если, конечно, исключить удивительные случаи «сна во сне», когда, «пробудившись», человек оказывается в новом сне, – нередко такие ложные пробуждения чередой сменяют друг друга); а вот стороннему наблюдателю узнать, видит ли сны спящий, как ни странно, проще: в фазе «быстрого сна» у спящего можно заметить движение глазных яблок под веками. Продвинувшись еще на одну ступень к воображаемому «нулю» активности, мы встречаемся с состоянием сна, не сопровождаемого сновидениями (фаза «медленного сна»). После специальных тренировок может быть достигнуто и более глубокое «погружение» (например, посредством медитации). Поднимаясь «вверх» по ступеням общей неспецифической активности от нулевой отметки: «спокойное бодрствование», мы оказываемся на ступени «активное бодрствование» (оно возникает в условиях интеллектуальных или физических нагрузок). На высших ступенях гипотетической лестницы активных состояний индивида – напряженность, имеющая также ряд степеней.

«Общая неспецифическая активность» – понятие весьма абстрактное. За ним вырисовывается мысль о том, что в каждый момент времени существует некоторая объединенная энергия возможного действия индивида, которая тут же и воплощается во всевозможных внутренних и внешних переменах, происходящих в нем или с ним. Иначе говоря, если вообразить, что мы располагаем способом измерить общий объем изменений, происходящих в данный момент в индивиде, мысленно подытожив при этом все его внешние (поведенческие) и внутренние (душевные) проявления, а также многообразные вегетативные сдвиги в его организме (физиологические изменения в органах тела), то этот *гипотетический объем актуальной энергии жизнедеятельности в целом* и есть то, что может быть обозначено термином «общая неспецифическая активность». Перед нами отчасти психологический аналог того, что в физике называют «кинетической энергией» тела. Необходимо подчеркнуть, что «наблюдать» общую неспецифическую активность как таковую невозможно. Исследователи способны фиксировать лишь фрагменты ее проявлений (поведенческие акты, течение представлений, динамику побуждений, особенности электрической активности мозга и т.п.), но единая мера общей неспецифической активности всегда или еще очень долго будет оставаться более или менее гипотетической величиной «Икс», маячащей за результатами отдельных измерений. Вот почему правы авторы, предостерегающие от отождествления общей неспецифической активности (или, что то же самое, «уровня бодрствования») с *уровнем активации нервных центров*, о котором судят, регистрируя, например, электрические разряды некоторых подкорковых областей мозга (неспецифических и специфических нейронов таламуса и др.).

Образ лестницы, ступени которой соответствуют гипотетическим уровням общей неспецифической активности – «уровням бодрствования», отвечает первоначальным представлениям некоторых авторов о возможности строго упорядочить весь объем генерируемой мозгом активности на гипотетической шкале «больше–меньше». Определенные предпосылки для такого взгляда существуют. Оказывая разными способами возбуждающее и тормозящее влияние на центральную нервную систему (ЦНС) (путем фармакологических воздействий, электростимуляции, дозированием физических нагрузок), исследователи получают сходную по своим последствиям картину поведения человека в условиях выполнения тех или иных заданий. Так, например, выяснилось, что успешность различных видов деятельности испытуемых связана с эффектами экспериментальной активации мозга нелинейной (U-образной) зависимостью (пик успешности достигается при средних значениях активации). Практическое значение этого факта очевидно. Если необходимо, чтобы кто-либо (например, учащийся) работал на высоком уровне успешности, ему не следует попустительствовать, но его не следует и слишком «подстегивать». Однако факт существования U-образной кривой при самых различных условиях стимуляции ЦНС и притом в самых различных контекстах деятельности имеет также и определенные теоретические последствия. Создается видимость того, что могут быть отграничены друг от друга и упорядочены по шкале «больше–меньше» *уровни бодрствования*. Это происходит потому, что нашему сознанию свойственно группировать сходные явления вокруг некоего гипотетического «центра», – в данном случае усматривать во множестве U-образных кривых символ существования U-образной зависимости *вообще*, которая бы связывала успешность *любой* наперед заданной деятельности (деятельности «*вообще*») и уровень активации *всей* нервной системы в тот же момент времени (уровень активации «*вообще*»).

Между тем, в ряде исследований показано, что стройной концепции «параллелизма» всех показателей уровня бодрствования (ЭЭГ, вегетативных и двигательных реакций) должны быть противопоставлены факты разнонаправленности ряда биоэлектрических показателей, проявляющихся в уровне бодрствования, а также данные о низкой степени взаимосвязи между ними. Дж. Лейси, получивший эти факты, вступил, таким образом, в теоретический поединок с одним из первопроходцев в этой области, Д. Линдсли, полагавшим существование единства в проявлениях активации мозга. Согласно концепции Лейси, существует не единая система неспецифической активации, а по крайней мере три, выражением которых являются вегетативные, моторные и ЭЭГ-реакции. Вопрос читателю: возрастает ли двигательная активность голодных экспериментальных животных в неизменной среде по сравнению с их

двигательными проявлениями в условиях кормления? Оказывается, нет. Но зато двигательная активность животных резко растет, когда что-то меняется вокруг (вместо ровного звука вентилятора вспыхивает свет, появляется экспериментатор и т.п.). Активация, обусловленная голодом, как видим, «ждет своего часа», не проявляясь вовне – в моторной активности – до тех пор, пока в окружающей среде не появится намек на получение пищи. Метафора лестницы общей неспецифической активности создает существенные трудности в размещении на ее ступенях многих проявлений поведения и сознания. У. Джемс говорил о «потоке сознания» (свободное течение мыслей, воспоминаний, наплывы чувств и т.п.); поток сознания может быть более или менее выражен в условиях двигательного покоя. К какому уровню бодрствования можно отнести феномен «потока сознания», если учесть, что творческие решения, не приходившие в голову человеку в процессе упорных поисков, нередко вспыхивают именно в такие моменты? В ряде исследований показано, что именно в условиях паузы переживаемой и проявляемой вовне активности возникают оригинальные решения (к высокому или низкому уровню бодрствования относятся соответствующие проявления?). Среди экзотических проявлений активности: считать ли состояние йога, как бы полностью выключенного в момент медитации из окружающей действительности, проявлением высокого или низкого уровня бодрствования? А состояние «сверхбодрствования» (В.Л. Райков) в гипнозе, когда человек и спит и бодрствует одновременно (например, когда ему под гипнозом внушают, что он «Илья Ефимович Репин» и предлагают нарисовать чей-либо портрет)? На все эти вопросы нет ответа, если придерживаться идеи «лестницы». Вот почему общая неспецифическая активность индивида должна быть осмыслена скорее качественно, чем количественно, – по-видимому, это не столько «сумма», сколько особая композиция показателей активированности разных подсистем организма. Впечатляющий результат, подчеркивающий своего рода специфичность неспецифической активации, был получен П.К. Анохиным. Выдвинув положение о том, что каждая *мотивационная система* имеет собственную восходящую, неспецифическую активирующую систему со своей химической специфичностью, и используя фармакологический метод, он продемонстрировал на кроликах эффект диссоциации (расщепления) в работе пищевой, оборонительной и ориентировочной мотивационной систем. Не всегда формулируемому принципу «предустановленной гармонии» в работе ЦНС, таким образом, должен быть противопоставлен принцип *гетерогенности* активирующей системы мозга, своего рода «фракционности» активации (Лейси). Иногда автономия мотивационных систем выступает особенно рельефно. Примером может служить «заинтересованная подсистема» тревоги (Петровский, 1975): человек с высоким уровнем тревожности не столько избегает размышлять об

опасности, сколько мысленно притягивается к ней; его сознание устремлено к потенциальной угрозе, как бы «ищет» сигналы возможной беды (люди «с удовольствием» передают тревожные слухи, некоторые – не могут заснуть, «не успокоив» себя дурной новостью или неблагоприятным предвидением). Имея свой оптимум активации, заинтересованная подсистема стремится к его поддержанию – нередко в ущерб нуждам других подсистем организма. Объективный вред, который может быть принесен человеку вследствие «предстрессовых» реакций (Мефферд, Чепмен), нередко превосходит позитивный эффект стресса как фактора мобилизации сил организма: сила неприятной эмоции в ожидании события часто намного превышает силу эмоции в момент столкновения с самим событием, период же вегетативной подготовки к встрече с нежелательным воздействием далеко выходит за биологически полезные пределы (М.П. Мирошников).

Итак, общая неспецифическая активность индивида связана с деятельностью разных систем его организма, между которыми складываются сложные, порой противоречивые отношения. Заранее провозглашать целостность в работе всех специфических «служб» организма нельзя. Каждая из мотивационных систем, внося свою лепту в работу других «служб», действует также и в своих собственных интересах.

Общая неспецифическая активность «никуда не направлена», по отношению к ней неправомерен вопрос «зачем?». Она просто *есть*. Мы можем различать меру выраженности общей неспецифической активности, ее поведенческие и психические проявления, ее психофизиологические основы. Сверх того, мы способны проследить связь между этими неспецифическими и многообразными специфическими проявлениями активности (такими, например, как рефлекторные реакции, произвольные акты и т.п.). Единственное, чего мы не можем или, по меньшей мере, в отношении чего мы должны проявить определенную сдержанность, – это судить о целостной направленности и о конечном смысле общей неспецифической активности. Перед нами стихия. Она может быть такой же спокойной, как океан, и точно также может быть подвержена штормам. И штиль, и шторм имеют локальный характер, никогда не охватывая собой всей его массы. Подобно океану, играя волной, она не «течет» никуда, и о ней бессмысленно спрашивать: *ради чего* буря или *к чему* этот штиль?

Обсуждение. Способен ли человек сам управлять своей общей неспецифической активностью? Вопрос о направленности и смысле общей неспецифической активности следует отличать от вопроса о способности человека управлять ею и использовать ее в своих целях. Продолжим аналогию с океаном. Само собой разумеется, что он существует «сам по себе», то есть «не для кого» и «не для чего», – но ведь это не мешает людям осваивать

океан... Ответ на вопрос, может ли человек сам управлять своей общей неспецифической активностью, неоднозначен. «Да, может», – потому что действия, которое человек способен предпринять (чашечка кофе, разминка и т.п.) способны повлиять на уровень этой активности. «Нет, не может», – потому что само появление мысли о подобных действиях, да и сил, чтобы их совершить, предполагает определенный уровень такой активности. Увы, многим знакомо чувство лени, которое кажется всепобеждающим. Человек при этом пытается уговорить себя сделать что-то, но аргументы его, при всей их разумности, бессильны, да и сама потребность «уговорить себя» может не возникнуть вообще или быстро угаснуть (известны случаи абуплии – патологического расстройства воли, своего «паралич активности»). И – противоположный случай: захваченность страстью. Человек не способен противостоять порыву чувств, «взять себя в руки». В обоих случаях (замирание деятельности – разгул страстей), нужна дополнительная энергия. В первом примере – для инициации и выполнения действия. Во втором – для торможения его. Приведенный выше уклончивый ответ («и да, и нет») на вопрос о возможности управлять уровнем собственной неспецифической активности может ввергнуть кого-то в состояние растерянности и недоумения. Ну, в самом деле, неужели человек настолько беспомощен?! Неужели ему не дано пережить себя полновластным хозяином, распорядителем присущих ему ресурсов действия? Или, может быть, не прав философ, сказавший однажды: «Не человек принадлежит телу, а тело – человеку» (Г.С. Батищев). В самом вопросе об этом уже содержится половина ответа. Попробуйте еще раз вдуматься и вчувствоваться в саму проблему, даже если это заставит вновь усомниться в собственных силах. Не содержится ли в ваших сомнениях энергия власти над собой, порыв к самовластию? Психология не только изучает человека, но еще и дает силы роста, развития.

Активность покоя. Хотя, как мы видели, построение какой-либо «лестницы» уровней бодрствования имеет сугубо условный характер, из этого не следует, что невозможно говорить о каких-либо структурных и динамических показателях общей неспецифической активности. В частности, можно предположить существование более или менее стационарных состояний центральной нервной системы, выражающейся как в субъективном плане (течение представлений, переживаний, побуждений и т.д.), так и объективно (двигательные, вегетативные проявления). Если принять это предположение, то следующим шагом будет состоять в том, чтобы допустить существование по крайней мере одного, наиболее устойчивого во времени, совокупного показателя состояния общей неспецифической активности, которое мы назовем *активностью покоя*. «Покой» здесь означает так или иначе осмысленную *норму* функционирования индивида как психофизического целого. В субъективном плане, активность покоя – это отсутствие выраженных неудовлетворенных

желаний, ровный эмоциональный фон, переживание ценности происходящего «здесь и теперь», и т.п. В объективном плане, «активность покоя» – это отсутствие суетливых, случайных, но также и вынужденных движений, не обязательно состояние расслабленности, но, в то же время, свобода от каких-либо «зажимов». На языке физиологии можно было бы говорить о балансе процессов «возбуждения» и «торможения», о сглаженности доминант, непротиворечивости или взаимодействии («синергии») в работе функциональных систем и т.п. Словом, ни субъективно, ни объективно текущее состояние индивида не содержит в себе актуальных признаков и побудителей перемен (обратим внимание на парадоксальное сочетание противоположностей: *текущее* состояние и *отсутствие* признаков *перемен!*). Активность покоя, таким образом, можно интерпретировать как состояние интегрированности многих циклических процессов, протекающих в организме, как символ жизненной «силы» и естественности отправлений живущего.

Но если все-таки, в силу тех или иных причин, происходит какое-либо значимое отклонение от режима активности покоя – на передний план выходит иная форма активности – реактивное поведение, ориентированное на восстановление нормы функционирования.

Целостный рефлекторный акт поведения. Общим и существенным признаком *рефлекторной активности* является то, что поведение здесь предопределено прошлым опытом индивида или вида. Рефлекторный акт – это *повторная* реакция индивида, представляющая собой дубликат предшествующей, и, подобно ей, ведущая к полезному эффекту в аналогичных условиях. Рефлекторный акт имеет пятизвенную структуру.

Первое звено. Вначале должно что-то произойти, состояться некоторое *событие* во взаимоотношениях со средой, пробуждающее внутреннюю динамику организма. Это может быть вторжение во внутреннюю среду организма извне, например, болевое воздействие. Это могут быть процессы, развивающиеся в самом организме (например, гормональные сдвиги). Это может быть длительное отсутствие пищи или информации (существуют не только обычный голод или жажда, но также и сенсорный голод). Территория обитания может быть атакована чужаком. Человек или животное могут быть лишены возможности перемещаться в пространстве и т.п. Все это – события, в которых соотнесены внешние (средовые) и внутренние (индивидуальные) образующие: *со-бытие* внешнего и внутреннего, стимулирующее закономерный переход ко второму звену рефлекторного акта.

Второе звено. Обусловленная предшествующим событием внутренняя динамика организма выступает теперь в форме нарушения *гомеостаза* (равновесия между внутренней и внешней средой организма). Нарушение гомеостаза может переживаться как потребность. Иногда

в этом случае говорят о *появлении* потребности, что не точно. Речь должна идти, скорее, о *проявлении* потребности, будь то потребность в безопасности, или в защите своей территории, или в дополнительной информации. Ведь к этому моменту такая потребность уже *есть*, возникла в истории вида или в индивидуальной истории (в противном случае было бы бессмысленно говорить о гомеостазисе и его нарушении). Таким образом, складываются предпосылки для построения третьего звена рефлекторного акта.

Третье звено. На фоне актуализированной потребности, индивид наделяет элементы окружающей ситуации *сигнальным смыслом*; механизмом этого является «опережающее отражение будущего» (П.К. Анохин). Конечно, эти слова нельзя понимать буквально. Организм воспроизводит то, что уже было в его истории, – это отсроченное отражение прошлого, моделирующее то, что произойдет в будущем. Таким образом, подготавливается переход к четвертому, завершающему, звену рефлекторного акта.

Четвертое звено. Его образует последовательность *подготовительных* или, как мы бы сказали, *предваряющих реакций*. Смысл этих реакций – не в них самих, а в том, что посредством этих реакций индивид продвигается к цели своих устремлений – ситуации непосредственного удовлетворения потребности. Предваряющие реакции имеют аналог в индивидуальном или видовом опыте – в этих реакциях повторяется то, что однажды уже доказало свою полезность в аналогичных условиях. Имея в виду *воспроизводящий* характер этих реакций, говорят, что индивид *реагирует на стимул*. Различают безусловные и условные реакции индивида на стимулы. В безусловных реакциях воспроизводится опыт *вида* (успешное поведение предшествующих поколений), а в условных реакциях – опыт самого *индивида* (повторяются его собственные успешные реакции). Рассмотрим два выделенных вида реакций подробнее.

Безусловные предваряющие реакции. К данной категории реакций, прежде всего, относятся *таксисы*, имеющие исключительное значение для выживания особи. Таксисы индивида отобраны опытом вида (заданы врожденными программами поведения) и имеют вполне отчетливый биологический смысл: сократить дистанцию между индивидом и предметом его устремлений. Строго говоря, *таксисы* – это *врожденные способы пространственной ориентации в сторону благоприятных (положительные таксисы) или неблагоприятных (отрицательные таксисы) условий среды* (К. Фабри). Сами по себе таксисы «абиогенны», хотя и служат средством решения биологически значимых задач. Различают фототаксис (реакции на свет), хемотаксис (реакция на химические раздражители), термотаксис (реакции на температурные градиенты), геотаксис (реакции на силу тяжести), реотаксис (реакции на течение жидкости), анемотаксис (реакции на поток воздуха), гидротаксис (реак-

ции на влажность) и т.д. Таксисы входят в состав даже наиболее сложных форм поведения. Например, категорией «таксис» охватываются и такие явления, как активный выбор направления передвижения и сохранение этого направления. Это значит, в частности, что животное, благодаря таксису, способно преодолевать препятствия на пути к цели, а значит, наращивать силы к преодолению трудностей. В этом контексте есть смысл взглянуть и на «реакцию преодоления», открытую в работах В.П. Протопопова. Согласно П.В. Симонову, «реакция преодоления» образует биологическую подоплеку человеческой воли, объясняя мобилизацию дополнительных сил организма при наличии препятствия на пути к удовлетворению его первичной потребности. Как бы нетрадиционно не звучал этот тезис, но если придерживаться данного взгляда, именно таксис тогда должен рассматриваться как биологическая подоплека волевого акта.

Наряду с таксисами, может быть выделена еще одна группа безусловных предваряющих реакций: назовем их – «реакции впрок». Существо их состоит в том, что они создают фонд возможностей, которыми индивид может воспользоваться, если такая необходимость возникнет. Примером «ориентировочный рефлекс» (реакция на новизну раздражителя, описанная Павловым как рефлекс «что такое?»), шире – «ориентировочно-исследовательское поведение». Последнее может быть проиллюстрировано опытами, которые проводились на крысах. Если голодную крысу, находящуюся в лабиринте, каждый раз вознаграждать едой, в случае если животное будет оказываться в одном и том же, «целевом» отсеке, то со временем крыса научится бежать в этот отсек в ожидании приманки. Этот факт многократно фиксировался в исследованиях. Замечательно, однако, то, что правильная ориентировка животного в отсеках лабиринта возникает даже тогда, когда вознаграждение отсутствует (*Blodgett*, 1929). Свободно перемещаясь по лабиринту, крыса строит как бы «карту» его, которая со временем может оказаться полезной. Так и происходит, если в целевом отсеке появляется пища; теперь крыса будет почти безошибочно находить ее в нужном месте; чем больше «холостых» пробежек, тем точнее «карта», и тем меньше ошибок на пути к цели. «Научение состоит в “открытии”, или “вычленении”, организмом того, к чему ведут любые из всех соответствующих альтернативных реакций. И затем, если <...> одна из этих альтернатив оказывается нужнее других (или одна «требуется», а другие «не требуются»), то организм будет стремиться (после такого научения) выбирать или осуществлять реакцию, ведущую к более “нужным” последствиям. Но если различия в нужности отсутствуют, то никакого выбора и осуществления данной реакции не произойдет, хотя научение будет иметь место», – писал видный исследователь поведения Е. Толмен (*Tolman*, 1932, р. 364). Ни рефлекс «что такое?», ни

составление «карт» в условиях скрытого («латентного») научения не обслуживают сиюминутных потребностей, результаты этой активности могут и не быть востребованы. Однако все-таки они могут оказаться полезны. Вот почему индивид запасается ими загодя – впрок. Такой же потенциально-полезный характер, по-видимому, имеют и так называемый «рефлекс свободы» (стремление животного к свободе движений), «территориальный рефлекс», «подражательные реакции» и т.п.

Условные реакции. Различают классические и инструментальные условные реакции (рефлексы). Общность классических и инструментальных реакций состоит в том, что индивид испытанным образом реагирует на те или иные события, которые ранее, при его участии, превратились для него из нейтральных в сигнальные. Различие заключается в том, что в случае классических рефлексов событие (динамика элементов ситуации) не зависит от динамики состояний самого индивида, а реакция развивается в нем самом; инструментальные реакции характеризуются противоположным соотношением. В экспериментах И.П. Павлова *условной реакцией* было слюноотделение в ответ на звонок, вслед за которым животное получало пищу; до этого «подкрепления» звонок не вызывал слюноотделения, выступал в отношении пищевого безусловного рефлекса нейтральным («индифферентным») раздражителем. В случае инструментального обусловливания, событие, ставшее сигнальным, определяется телесными изменениями самого индивида, а его реакция в конечном счете проявляется вовне, принимая вознаграждение. Здесь выделяется ряд случаев. В исследованиях Миллера и Конорского было строго зафиксировано правило, хорошо известное многим поколениям дрессировщиков: если искусственно вызывать у стоящей в станке собаки движение сгибания, пассивно поднимая ее лапу, и сопровождать это движение предъявлением пищи, со временем животное начинает сгибать лапу самопроизвольно; однако если вводить в рот не мясо, а кислоту, то животное будет противиться сгибанию, – оно станет разгибать лапу, как бы стремясь предотвратить травмирующие «последствия» вызванного движения. В исследованиях Б. Скиннера голодная мышь, находясь в изолированном от внешних раздражений ящике, после совершения ряда хаотических движений случайно нажимала на рычаг, и тут же происходило «чудо»: в кормушке появлялся пищевой шарик; вторая, третья и последующие реакции нажатия на рычаг также сопровождались появлением пищи; в результате эти реакции становились все чаще, и наконец, время между реакциями нажатия настолько сокращалось, что животное едва успевало поглощать шарик за шариком.

Классические условные реакции не являются исключительным достоянием животных. Их удастся зафиксировать и у человека. Наблюдения, однако, показывают, что сознание экспериментальной ситуации

часто ведет к искажению закономерностей их функционирования. Так, в павловской лаборатории пытались выработать слюнную условную реакцию у детей; но выяснилось, что это возможно только у самых маленьких испытуемых; у детей, достигших возраста трех-четырёх лет, результаты становятся «беспорядочными и недостоверными». Значительные надежды, в свое время, павловская школа возлагала на сигнальное значение *слова*; оно описывалось как «сигнал сигналов». Предполагалось, что наряду с «первой сигнальной системой», которую образуют физические раздражители, ставшие условными, человек располагает также и «второй сигнальной системой» – словесными раздражителями, находящимися в сигнальных отношениях друг с другом и с представителями «первой сигнальной системы». Определенные эффекты, подтверждающие это, были получены. Но все же, в значительной мере, эти ожидания оказались несостоятельными. Для того чтобы словесный ряд вызывал расчетный условно-рефлекторный эффект, необходима специальная организация вербального воздействия – совокупность уловок, способных противостоять сопротивлению «второй сигнальной системы», бережно охраняющей территорию мысли (нередко, впрочем, она охраняет также и территорию иллюзий, предрассудков и беспочвенных верований, свойственных человеку).

Существуют специальные и весьма остроумные эксперименты, подтверждающие возможность формирования также *инструментальных* условных реакций у человека. Здесь может быть приведен забавный и показательный случай, не имеющий, правда, характера строгого лабораторного эксперимента, однако же повторяющий их основной сюжет (вознаграждение экспериментатором «полезных» проявлений активности испытуемого).

Один видный ученый, хулитель «бесчеловечного» скиннеровского подхода, приехал в Гарвард читать лекции. Одни лекторы предпочитают смотреть куда-то в глубину зала и говорить в пространство... Другие же выбирают в одном из передних рядов какого-нибудь чутко реагирующего слушателя и обращаются к нему. Этот психолог относился ко второму типу. Скиннер, с которым он не был знаком, отправился на лекцию, сел в первом ряду, слушал с чрезвычайно увлеченным видом, и заставил психолога сосредоточиться на себе. Скиннер принялся изображать скуку, когда психолог говорил о любви, но оживлялся и начинал одобрительно кивать всякий раз, когда лектор делал раздраженный и воинствующий жест. «К концу лекции, – писал впоследствии Скиннер, – он потрясал кулаками не хуже Гитлера» (*Прайор*, 1981).

Пятое звено. Пусковые реакции. Они служат непосредственному удовлетворению базовых потребностей организма (таких как сохране-

ние целостности и продолжение рода). Эти реакции имеют *безусловный* характер. За ними стоит опыт *вида*. Так, без всякого обучения, человек отдергивает руку в ответ на болевое воздействие. Другой пример – мигательный рефлекс как реакция на резкое световое воздействие или воздушный поток. Точно также пища, попадающая в рот, стимулирует безусловную реакцию ее поглощения; заметим здесь же, что невозможность совершить вдох при глотании реализуется также одной из безусловных реакций: когда что-либо попадает на корень языка, дыхательное горло закрывается рефлекторно. Некоторые ответы на сексуальные стимулы также имеют безусловно-рефлекторный характер. Капитальным свойством поведения индивида в окружающей среде является то, что реализация пусковых механизмов поведения приводит к *энергетическим последствиям, выходящим за пределы исходного побуждения*. Полноценным результатом поведения является не просто восстановление равновесия, но производство «добавочного продукта»: поддержание жизнестойкости организма («запаса прочности»), накопление энергии для совершения новых поведенческих актов. Рождается, таким образом, то, что может быть названо *избыточной активностью*. Отталкиваясь от наблюдений за человеческим индивидом, можно полагать, что завершение поведенческого акта в норме приводит не столько к чувству *покоя*, сколько к переживанию дополнительных сил – «свежей» энергии действия. Это переживание *гедонистического оптимума*, – эмоционального состояния, которое индивид предпочел бы продлить в будущее. Сказанное справедливо даже по отношению к самым простым рефлекторным актам защитной функции. Они могут создавать общее ощущение комфорта-освобождения, на фоне которого у человека рождается потребность в действии. Итогом поведения, таким образом, является новое активно-неравновесное состояние; оно определяется избытком возможностей, и в этом отношении представляет собой противоположность предшествующему неравновесному состоянию нехватки (дефицитарности). На основе этого нового активно-неравновесного состояния возможна развертка другой деятельности, нетождественной первоначальной.

Выполнение этой новой деятельности, однако, неизбежно связано с *расходом* энергии. «Пройдя» через точку покоя, индивид вновь оказывается в состоянии неравновесия-«нехватки» и цикл поведения возобновляется.

Произвольное поведение. О целостном рефлекторном акте, который мы только что рассмотрели, можно утверждать, что это – направленная активность. Если мы задумаемся над вопросом, *что* направляет такую активность, или, если спросить иначе, *что* определяет собой форму наблюдаемой активности (в направлении чего, в какой последовательности, каким образом строится поведение), то ответ напрашивается:

ситуация – совокупность условий возможного удовлетворения потребности. Не логично ли поставить вопрос о том, что произойдет, если в каких-либо конкретных обстоятельствах удовлетворение потребности испытанным способом окажется *невозможным*? Или, наоборот, если обстоятельства предоставят несколько *равноценных* возможностей развития событий? В этом случае на передний план выдвигается не ситуация, а индивид, способный преобразовать ее в нужном для себя направлении, что составляет существо *произвольного поведения* – *целеполагающей и целенаправленной активности индивида по производству условий удовлетворения потребности*.

Акты произвольного поведения отличаются от рефлекторных. В чем же состоит это отличие? Интуитивно оно, как будто бы, очевидно. А все-таки – в чем конкретно оно заключается? Вслушаемся в слово «произвольное». Оно наводит нас на мысль о *ком-то*, кто *делает что-то*, то есть – *производит*. Но говоря «производит», мы, тем самым, указываем на два момента. А именно: построение («произведение») чего-то такого, чего не было прежде, и – вовлеченность в этот процесс самого «строителя» – автора производимого (это *он* делает что-то). Рефлекторные же акты, в отличие от произвольных, определяются пройденным ранее и не нуждаются в том, чтобы индивид обнаружил в них свое присутствие. Рассмотрим подробнее отмеченные выше моменты отличия произвольного поведения от рефлекторного.

Преображающее отражение будущего. Мы помним, что рефлекторные акты базируются на процессах *опережающего* отражения будущего. Слово «будущее» при этом должно быть понято не буквально, а в переносном смысле. Оно предлагает нам именно перенестись в прошлое. Именно там, в прошлом, и состоялись события, связанные отношением «если, то...» (если загорается лампочка, то вскоре появляется пища; если нажать на рычаг, то откроется дверь лабиринта и т.п.). Эта связь была установлена прежде, а сейчас, в настоящем, она позволяет, отталкиваясь от события «если...», предвосхитить *известное* событие «то...». Подтвержденная всем прошлым опытом связь «если, то...» проявляется автоматически, «компьютерно», без всякого планирования загодя, без всякой работы по постановке цели. Однако в данном случае рассматривается другая ситуация – обрыва связи, когда событие «если...» наступает, а событие «то» остается неподтвержденным ожиданием. И вот тогда, как раз в таких условиях расторжения привычной связи, опережающее отражение будущего уступает место *преображающему* отражению будущего. Этот механизм и лежит в основе построения актов произвольного поведения.

Говоря о преображающем отражении будущего, мы имеем в виду создание такого образа будущего, которого ранее *не было* – образа *небывалого* будущего. Есть термин, очень точно обозначающий то, образ

чего в этом случае создается. Это термин – «искомое». Мы не знаем, *что* представляет собой предмет, который должен быть построен, но нам известно, какими *свойствами* он должен обладать, чтобы соответствовать необходимым *требованиям*. Проиллюстрируем сказанное на примере конструкторской деятельности. Положим, согласно замыслу, корабль должен скользить над водой, не погружаясь и в то же время как бы опираясь на воду. Как добиться этого? Неизвестная «опора» корабля – это искомое. Все более конкретизирующиеся (в процессе решения) представления-гипотезы о том, чем могла бы быть опора, если бы она была построена, – это последовательные *образы* искомого. Они приводят к желанному *результату* решения: рождается образ «воздушной подушки» – плотного слоя воздуха, нагнетаемого под днище корабля и поддерживающего его над водой. То, что было рассмотрено на примере конструкторской деятельности, иллюстрирует общее правило: когда средства реализации потребности в наличной ситуации отсутствуют, возникает особый процесс – внутреннего моделирования искомого (Брушлинский, 2000), в ходе чего рождается что-то новое, ранее неизведанное. Тем самым преодолевается разрыв (заполняется пробел) между тем, к чему индивид стремится, и тем, чем он располагает на старте.

Отраженность себя в действии. Только что охарактеризованное здесь есть процесс, или точнее, система процессов рождения и реализации новой цели – *целеполагание*. Говоря о нем, мы подчеркиваем, что целеполагание не сливается с процессами воспроизводящего типа (процессами «опережающего отражения»). Подобной выделенности целеобразования из последовательности звеньев автоматически протекающего рефлекторного акта соответствует определенное психическое содержание. Речь идет о чувственной представленности в переживаниях индивида образа его самого как *причины* по отношению к предстоящему акту. Вне образа себя как действующего нет и цели. Ведь цель – не просто «рождается» или «реализуется». Ее *ставят* перед собой, ее *воплощают* (об условных реакциях, конечно, никто не скажет, что их «ставят» или «выдвигают» перед собой; столь же и слово «воплощать» применительно к ним явно лишено смысла). Переживая себя действующим, индивид не просто сопровождает представлением о себе то, что он делает. Образ индивида *опосредствует целеполагание* – оно без него неосуществимо. В актах постановки и воплощения цели, таким образом, впервые проявляется то, что относится к *субъектности* индивида, – его способность детерминировать действие.

Рождающиеся в качестве целей активности образы искомого находятся в сложном соотношении с ситуацией. С одной стороны, они соответствуют объективным возможностям преобразования данной ситуации в требуемом направлении. Приведем в этой связи пример

из области исследования высших приматов (ибо не только человек способен действовать произвольно). Для того, чтобы экспериментальное животное (шимпанзе) достало плод, ему необходимо соединить один стержень с другим и создать таким образом орудие достижения приманки. Компоненты будущего орудия (стержни) и ключевой раздражитель (плод) в ситуации уже наличествуют – остается только найти «формулу» их взаимосвязи для исполнения действия. Образ искомого (если только это не пустая фантазия) должен отражать в себе возможность синтеза, полезной организации орудий будущего достижения. С другой стороны, образ искомого (представление о том, что необходимо сделать для решения задачи) может резко отличаться от образа привычного действующего (диктуемого «опережающим отражением будущего»). Переход от шаблонного реагирования к предметно-продуктивному нередко выражается в паузах, в ходе которых индивид как бы *отстраивается* от реагирования в духе сложившихся стимул-реактивных схем и осуществляет необходимый синтез. В экспериментах с животными и маленькими детьми неоднократно наблюдалось, что творческому решению проблемы (после ряда хаотических или шаблонных безрезультатных попыток) обычно предшествует фаза приостановления двигательной активности, замирания. В. Келер отмечал, что в момент возникновения подлинного решения экспериментальное животное как бы впадает в оцепенение, затем «если речь идет об обходе препятствия на «дороге», ведущей к приманке, когда надо двигаться «вспясть», в сторону от целевого объекта. – В.П.> поворачивается на 180°; ребенок в таких случаях оглядывается, внезапно лицо его просияет и т.д. Типичная в этих условиях непрерывность процесса подлинного решения еще более бросается в глаза благодаря перерыву, перемене направления перед началом (Köhler, 1930). Такие же паузы наблюдаются и при решении задач на смекалку у человека. Пауза, перерыв – своего рода симптомы перехода на другую «орбиту» активности, автоматизированные реакции «опережающего отражения» замещаются «преображающим отражением» действительности.

Существенно важно, что образ искомого – это не только геометрический образ движения, бесстрастное представление о маршруте следования. В нем есть еще и средоточие энергии действующего, источник импульсов продвижения к результату. Иногда этой энергии бывает достаточно, чтобы противостоять давлению стереотипов. Вот пример из работ Келера. Маленькая девочка, которая всего несколько недель назад научилась ходить, вводится в тупик (2 м длины и 1,5 ширины); по другую сторону загородки перед ней размещают заманчивую цель; вначале она спешит сначала прямо к цели, следовательно, к загородке, потом медленно оглядывается, обегает глазами тупик, потом – смеется и как бы в одно движение пробегает кривую к цели. Мы видим, что не-

посредственное разрешение ситуации (Келер называет такое поведение реализацией «биологически прочного прямого пути») легко оттесняется нешаблонным решением, которое тут же и реализуется. Перед нами акт целеобразования, не обремененный необходимостью подавления «биологически прочных» схем и стереотипов. Целеобразование здесь *непосредственно* (или, скажем так, – плавно) переходит в целереализацию. Иначе говоря, тут стоит только появиться цели, как сразу же обнаружится импульс к действию.

Иногда же обстоятельства решительно сопротивляются реализации цели. Более того, само выдвижение цели порою наталкивается на сопротивление. В двух последних случаях требуется особое *усилие* для того, чтобы состоялся полноценный акт целеполагания. Когда это усилие «встроено» в акт произвольного поведения в виде особой непроизвольной реакции по примеру «рефлекса преодоления» (П. Протопопов) или условной реакции преодоления (ранее выработанной), произвольная активность сохраняет свое особое качество – восполнять брешь между индивидом и объектом его потребности.

Но возможно и иное: дополнительного усилия, обусловленного действием рефлекторных механизмов, оказывается недостаточно, требуется некое «сверхусилие» для целеполагания. И здесь мы встречаемся с феноменом *волевого усилия*.

Волевым актом (воля). В волевых актах проявляется упорство субъекта по достижению цели наперекор ситуации. Имеется в виду противодействие внешним и внутренним препятствиям, стойкое следование сознательным ориентирам. Первые экспериментальные исследования воли были посвящены тенденции противостояния «давлению» прошлого опыта (эксперименты Аха). В более поздние годы исследователи создавали конфликт между побуждениями, изначально присущими испытуемому и его целью следовать инструкции экспериментатора (альбом Чхартишвили, в котором по одну сторону находится требующее усилий задание, а по другую – весьма привлекательные для мужчин испытуемых картинки). Большинство экспериментальных исследований волевых актов выполнены именно в этом ключе: *преодоления* заданности (привычек, влечений, условных и безусловных рефлексов) на основе *цели*, которую субъект стремится достичь.

Говоря о воле, мы исходим из того, что необходимость в волевой регуляции возникает при недостатке побуждения к действию (при условии, что оно должно быть непременно осуществлено) и большая роль в усилении мотивации принадлежит осмыслению ситуации, ее значимости для индивида. Формирование побуждения к волевому действию достигается через изменение или создание нового смысла действия. Заданное действие часто связывается при этом с имеющимися у человека мотивами долга, ответственности, помощи другим.

В наиболее основательных исследованиях сущность воли характеризуется как произвольное построение человеком дополнительной мотивации деятельности (Иванников, 1998). Иначе говоря, предполагается, что те побуждения, которые уже есть, в волевом акте усиливаются и приумножаются, и происходит это не автоматически, а вполне произвольно, то есть человек сам, по своему усмотрению и по собственной инициативе, усиливает свое побуждение к действию. Теперь – весь вопрос в том, что представляет собой потаенный источник активности, ведущей к порождению дополнительных побуждений.

При осуществлении произвольного поведения индивид переживает также свою причастность к действию – причинность по отношению к нему, словом, чувствует себя субъектом целеполагания. Из этого следует, что вознаграждение за успех должно проявляться двояким образом. Наряду с первичной потребностью, вызвавшей поведение, оно должно «подкреплять» также и переживание причинности индивида по отношению к акту успешного целеполагания. Теперь, для объяснения волевого акта, остается принять во внимание общий принцип организации поведения, состоящий в том, что если какие-либо переживания индивида вознаграждаются, то в дальнейшем он стремится воспроизвести их в своем поведении. Стремлением «повторить себя» в качестве *причины* действия индивид, как можно предположить, и отвечает на ограничение целеполагания. Иначе говоря, в переживании: «Я – причина» индивид черпает силы для постановки и реализации цели.

Приняв это предположение, мы раскрываем гипотетический источник волевого усилия. Это – позиция авторства по отношению к действию, «проба» своей способности ставить и достигать цели. Тем самым человек обнаруживает себя как *субъект воли*. «Произвольная мотивация» в качестве источника волевой активности выступает здесь как мотивация самой *произвольностью* (то есть переживаемой возможностью самостоятельно ставить и достигать цели, быть причиной произвольного акта). Все остальные дополнительные мотивы в таком случае надстраиваются над этой мотивацией произвольностью – ядерной мотивацией волевого акта.

Отметим также момент, подчеркивающий своеобразие волевого акта по сравнению с обычным актом произвольного поведения. Причинность образа «Я» – общая черта их обоих. Различие же между ними – в той роли, которую образ себя играет в структуре обычного произвольного и волевого акта. В первом случае (произвольный акт) индивид имеет в собственном лице лишь *инструмент* постановки и воплощения цели. Во втором случае (волевой акт) чувственный образ себя как причины – это не только *средство*, но также еще – *источник* и *мотив* целеполагания. Источник – потому что, проявляя волю, человек считает себя первопричиной этого действия (если человек думает иначе, например, полагает,

что кто-то иной или что-то, кроме него самого, инициирует действие, то такое действие он сам не сочтет волевым – назовет вынужденным или навязанным). Мотив – потому что видеть в себе самом исток и основание действия, господствовать над ситуацией, – это то, без чего действие также не будет считаться волевым.

Разновидностью волевого акта является *выбор* между альтернативными мотивами деятельности. Таков случай, когда человека одинаково влекут два предмета. Сравним поведение человека в этих условиях с поведением неодушевленного предмета под воздействием двух физических сил. Если бы речь шла о направленности движения материальной точки в этих условиях, то траектория ее движения задавалась бы равнодействующей этих сил. Материальное тело по имени «человек» в такой ситуации ведет себя принципиально иначе. Допустим, что во время еды, в один и тот же момент времени и в равной степени, человеку захотелось как посолить, так и поперчить. Правило параллелограмма сил диктует руке единственный маршрут: пройти *между* солонкой и перечницей. Но вспомним, доводилось ли кому-нибудь наблюдать такое?! (или, вдогонку, еще один шуточный вопрос искушенному наблюдателю: сколько времени должно пройти с начала застолья, чтобы случилось нечто подобное?). Не исключено, что конфликт побуждений будет разрешен мгновенно, автоматически (схема инструментальной реакции, подчиняющаяся правилу: «Возьми сначала тот предмет, который в данное мгновение находится в центре внимания, а *вслед* за ним другой предмет»). Возможно также, что искомое решение сначала промелькнет в сознании, прежде чем оно направит действие (и тогда перед нами произвольное действие). Однако во всех этих случаях активность во внутреннем плане (актуализация схемы инструментальной реакции, целеобразование) как бы вплетена в саму ситуацию, субъективно не отделена от нее, человеку не пришлось совершать то, что прежде было названо «отстройкой» от ситуации. Изменим теперь условия мысленного эксперимента. Положим, человек пребывает в состоянии сильного голода. Перед ним два равнопривлекательных блюда, а взять можно только одно. Такова модификация знаменитой дилеммы – «Буриданов осел» («подопытное животное», придуманное философом, как известно, скончалось от голода, будучи не способно выбрать между двумя одинаковыми стогами сена, находящимися на равном расстоянии от него). Что же произойдет в этом критическом случае?

Рассматривая этот вопрос, важно отметить, что ситуация реального *выбора* всегда предполагает равенство побуждений, исходящих из альтернативных возможностей развития событий. Ведь если бы один мотив здесь преобладал над другим, то не было бы нужды выбирать, – деятельность развивалась бы в направлении более сильного побуждения (из этого правила, впрочем, существует одно исключение, которое еще будет

рассмотрено). Фундаментальное положение заключается в том, что в ситуации равенства побудительной ценности альтернатив сама *невозможность* выбора в ряде случаев (при высокой значимости конфликтующих побуждений) переживается как мотив, то есть служит *побуждением* к выбору. Требуется *усилие* для *преодоления* самой невозможности выбора. Стремление к этому выражает собой, таким образом, действие совершенно особого мотива, лежащего вне плоскости конфликтующих побуждений. Перед нами *мотив* волевого усилия.

Волевое усилие как *мотив* есть побуждение человека к преодолению самой невозможности выбора между равно привлекательными конфликтующими альтернативами. Но для того, чтобы понять, как возможно преодоление невозможности выбора, необходимо предположить, что этот мотив преодоления *преобладает* над побудительной ценностью каждой из сравниваемых альтернатив. Тогда (и только тогда), реализуя хотя бы одну из них, индивид имеет возможность снять для себя вопрос о выборе, преодолеть ситуацию бесконечного *сравнения* ценности альтернатив. Выражение «броситься очертя голову в омут» дает представление об импульсивной реализации мотива преодоления невозможности выбора. Такие слова, как «отбросить сомнения», «проявить решимость», и т.п. выражают присутствие того же мотива, но актуализированного в результате более длительного периода колебаний. Со стороны может показаться, что человек в этих случаях отдал предпочтение одной из конфликтующих альтернатив. Однако реальной причиной выбора в ситуации равенства побудительной ценности альтернатив является стремление человека осуществить выбор *как таковой* (он теперь значимее конфликтующих альтернатив!), стремление преодолеть сам диктат выбора. Не в этом ли состоит психологический механизм осуществимости того, что было метко обозначено А.Г. Асмоловым как действие «наперекор оппозиции души»?

В результате работы этого глубинного психологического механизма человеку приоткрывается возможность взглянуть на себя как на носителя особой *силы* – той, что заявляет о себе как сила противодействия ситуации, позволяющая ему противостоять давлению конкурирующих побуждений. В русском языке – о ней говорят: «Сила воли»; на языке научной психологии ее обозначают как «Сила Я».

Свобода воли. Строя образ себя как *субъекта* волевого усилия, человек решает задачу, неведомую другим живым существам. Он выявляет меру своей способности к *целеполаганию*, исследует и оценивает себя как носителя *свободы воли*. Главный вопрос, который при этом решается им, состоит, таким образом, в том, чтобы понять, насколько он сам волен распоряжаться собой, своими волевыми усилиями, – действительно ли он *свободен*? Но чтобы ответить, ему необходимо *добровольно* подвергнуть себя *испытанию*. Тенденция «тестировать» свободу собственной

воли при этом может и не выступать как вполне осознанная; в частности, она может принимать форму «иррационального» влечения к риску.

Перед испытуемым была поставлена задача действовать точно и безошибочно, экстраполируя движение сигнального огонька в тоннеле. Место остановки огонька было разрешено выбирать где угодно, кроме той части траектории, которая была обозначена как опасная зона. Случайное попадание в эту зону было чревато наказанием. Таким образом создавалась ситуация потенциального риска. Однако в отличие от условий обычного риска, испытуемые здесь не вознаграждались за действия, сопряженные с опасностью. Выяснилось, что некоторые участники эксперимента, хотя их ничто в ситуации к этому специально не побуждало, стремятся останавливать огонек в непосредственной близости от опасной зоны, рискуя быть наказанным за малейший промах. Оказалось, что усиление наказания отнюдь не уменьшает, а наоборот увеличивает процент рискующих (*Петровский В.А.*, 1971, 1977). В других сериях экспериментов было также показано, что рискованные действия испытуемых нельзя объяснить действием таких прагматических устремлений, как самоутверждение в глазах группы («стремление произвести впечатление»), высотой ситуативного уровня притязаний (трудность целей, на достижение которых претендует человек), а также склонностью к прагматическому риску (то есть к склонности рисковать за известное вознаграждение). Кроме того, рискующие и избегавшие риска значимо не различались по каким-либо параметрам мотивации достижения (то есть по стремлению превосходить стандарт, преуспевать). По-видимому, суть различий в том, что рискующие стремились испытать свою способность к волевому акту, расширяя область возможного целеполагания (ограниченную фактором риска), а «осторожные» испытуемые ставили перед собой цели в рамках иной ступени, которая может быть названа «произвольной саморегуляцией деятельности» (термин О.А. Конопкина), проявляя вполне похвальное стремление проверить или показать свое мастерство в решении поставленной перед ними задачи.

Результатом самоиспытаний, подобных только что рассмотренному, являются не только устранение сомнений в собственной способности (или неспособности) действовать свободно и ответственно. Они могут привести человека к совершенно незапланированным последствиям. Например, подвергая себя таким испытаниям, человек откроет для себя ранее неведомое ему ощущение жизни, наслаждения, он почувствует в себе новые силы и возможности (позитивный эффект «пробы себя»). Но он может также пережить разочарование, боль, потерю, беспомощность (негативный эффект самоиспытания). Или, скажем, он может ощутить свою способность повелевать событиями и обстоятельствами. Но ничто при этом не исключает для него и возможности ощутить свою зависи-

мость от обстоятельств, неодолимость случая. Все это – особые «качества» его «Я». Они до поры скрыты в субъекте, и будучи собственными его свойствами, неотделимы от деятельности, в которой они должны проявиться впервые.

Самополагание. Таков новый виток активности, центрированный на «Я» индивида как субъекте себя самого. Здесь перед нами феномены «вчувствования» в себя – определения таких «качеств», «свойств», «сторон» «Я», которые как бы проращиваются свободным волевым действием. Человек «заказывает» себе *ранее* неизвестный или *еще* неизвестный аффект, свободно действует так, чтобы вызвать его (иногда пока еще никому неизвестно, чем должно оказаться искомое), и тем самым постигает свое «Я».

О силе стремления к самополаганию, представленного многообразными качествами и свойствами, свидетельствуют эксперименты В.А. Петровского и Т.А. Тунгусовой (1985). Испытуемым предъявлялись параллельные эквивалентные формы теста Айзенка. Первая форма выступала как опорная для построения прогноза ответов на вторую форму. После того, как опрос по первой форме был закончен, экспериментатор предлагал испытуемому (через определенный срок) ответить на вопросы второй формы. При этом испытуемый получал «прогнозируемый» вариант ответа. «Прогноз» представлял собой точное, выполненное экспериментатором воспроизведение ответов самого испытуемого на первую форму, о чем испытуемый, конечно, не знал. Ему сообщали лишь, что «ответы предсказаны хорошо знающим его человеком». Фиксировались возможные отклонения повторных ответов как по каждому из вопросов, так и по отдельным факторам. Параллельно проводился контрольный срез на тех же возрастных группах без предъявления прогнозов. В итоге проведенного эксперимента выяснилось, что испытуемые избегают повторения своих первых ответов, то есть обнаруживают динамику самооценивания при предъявлении им прогноза. Так, могут быть приведены достоверные ($P < 0,025$) результаты, свидетельствующие о повышении уровня интровертированности испытуемых при предъявлении им «прогноза», в то время как в контрольной группе, в которой испытуемые заполняли параллельную форму опросника без предъявления прогноза, отмечалась стабильность соответствующих результатов. Таким образом, достаточно дать человеку почувствовать, что его намерения, возможности, представления о себе заранее известны кому-либо, наперед заданы, что он сам как бы скользит по рельсам чьих-то ожиданий, предположений, прогнозов, как деятельность либо теряет для него какой-либо смысл, либо будет кардинально преобразована им в сторону рассогласования с чьими-то «предвидениями».

Осуществляя акты самополагания, человек заново оценивает себя, пытается «поймать» в себе неуловимое и ускользающее, открыть себя с

новой и неожиданной стороны. Некоторые хотят испытать себя в измененных состояниях сознания. Иногда это ведет к привыканию к необычным переживаниям, что может вызывать постепенный сдвиг границы между «Я-обычным» и «Я-необычным»: ситуация, прежде порождавшая необычные переживания, утрачивая новизну, лишают индивида этих переживаний, что побуждает его к поиску новых. Этот механизм может лежать в основе как регресса (наркотизация), так и развития личности (постановка все более высоких целей, ведущая к духовному росту и другим формам самосовершенствования).

Одна из форм самополагания – «тестирование» источников своих побуждений, таких, например, как страхи – влечению «от» здесь противопоставляется влечение «к» (*чего я боюсь?*), соблазны – «Приму вызов, пройду этот путь до конца, и узнаю, чем все это для меня обернется!», «Да! Дело это нехорошее... А дай-ка попробуем!» (русская пословица), а также недостаточность побуждения к действию, обусловленная отсутствием опыта (следование принципу: «Никогда не говори никогда!»). Более сильный мотив может приводить к более благоприятным последствиям, по сравнению с более слабым мотивом; но может случиться и наоборот: реализация слабого мотива (когда человек действует «через не хочу»), в конечном счете, будет более оправданной.

«Пробовать себя» в новых и неизвестных обстоятельствах, идти вперед и замечать, что происходит с тобой, в неординарных условиях приоткрывать свое потаенное «Я» – такова суть *самополагания* субъекта. Тем самым, человек, высваивает себя, овладевает собой, становится господином самому себе, его «Я» превращается в его *собственность*.

Дискуссия. «...Но ведь и животное, как известно, способно вести себя дерзновенно, идти вперед, разведывая новые территории, рискуя потерять – вместе с кормом, питьем и жилищем – все, включая и жизнь», – возможно заметит читатель, вспомнив о «территориальных рефлексах», которые наблюдались у крыс (есть данные, что некоторая часть популяции крыс покидает обжитое и вполне пригодное для жизни пространство, устремляясь разведывать новые и, вполне возможно, опасные территории). Вопрос, таким образом, касается своеобразия бескорыстных исканий человеческого индивида, выступающих в актах самополагания. Между тем, различие имеет принципиальный характер. Когда экспериментальное животное отправляется на «поиск приключений», оно, в действительности, строит карту местности, существующей до и независимо от его поисковой активности. Но человек (и, по-видимому, только человек) строит карту себя, формирует в ходе строительства «территорию Я». Иначе говоря, качества, которые открываются в ходе самоисследования, неотделимы от акта самого открытия, – не предсуществуют ему. Так, оценивая меру своих возможностей роста и говоря себе: «Я – могу!», человек производит себя-растущего. При-

зная себя беспомощным, он превращает себя в беспомощное существо. Говоря себе: «Я не достоин желать этого!» – человек **отнимает** у себя возможность обладания желанным. Тестирование непредрежденных последствий своих действий – таков корень стремления отведать с дерева добра и зла. Таким образом, идет высваивание индивидом себя как **субъекта себя самого** – своей «самости».

Соотношение и взаимосвязь рассмотренных форм активности и ценности, соответствующие им, представлены на 29.1 «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (воспользуемся названием романа американской писательницы Белл Кауфман, не имеющим, конечно, прямого отношения к нарисованным здесь ступеням движения «вверх – в смысле – вниз» на этой лестнице восходящих форм активности, латающих разрывы более ранних форм).

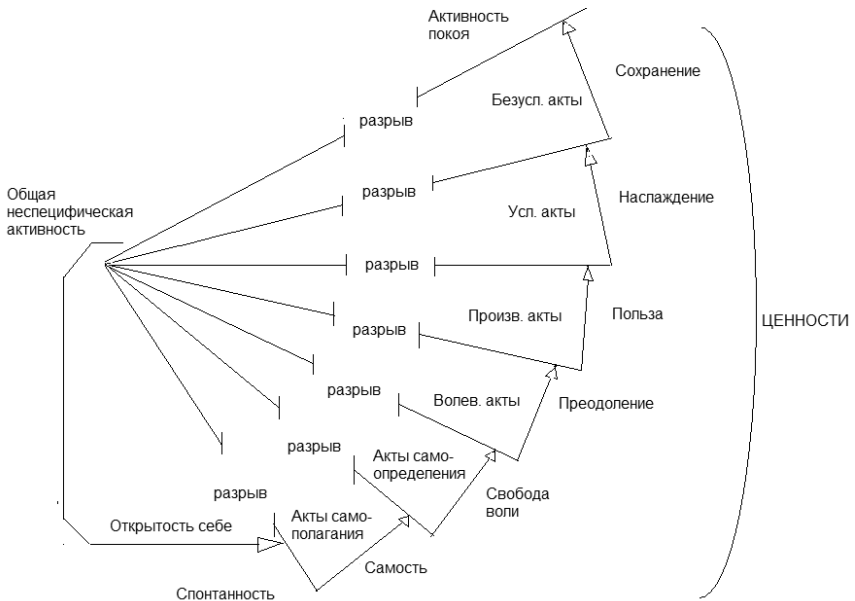

Рис. 29.1. «Вверх по лестнице, ведущей вниз»

Разумеется, упорядоченные на схеме формы активности в реальной жизни субъекта сосуществуют, выступают совместно, купно, образуя некий каскад активности. Говоря о жизни человека, внутренних и внешних проявлениях его активности, исследователи не случайно употребляют слово «поток». «Этот поток, – отмечает известный исследователь мотивации Х. Хекхаузен, – включает не только всякого рода действия или

сообщения, но и переживания — психическую активность в виде восприятий, мыслей, чувств и представлений <...> Формы активности варьируют от образов представлений, проплывающих перед нашим внутренним взором в снах и грезах <...> до действий, произвольно осуществляемых по заранее намеченному плану» (Хекхаузен, 1986, с. 12). Представление психологов о непрерывном потоке активности (и частности о «потоке сознания» — У. Джемс) не избавляет от необходимости рассмотреть вопрос о том, есть ли что-либо, что направляет этот поток, — может быть, *русло* уже проложено?

Точка зрения, с которой отчасти уже ознакомился читатель в первой части этой книги («Психология неадаптивной активности»), состоит в том, что поток человеческой активности представляет собой противоречивое единство адаптивных (сообразующихся с целями индивида) и неадаптивных (избыточных относительно его целей) проявлений активности. Предполагается, что Целевое и Случайное постоянно взаимодействуют друг с другом в общем потоке активности; применительно к потоку активности в равной мере неприменимы — ни образ предустановленной цели движения, ни образ чистой стихии вне смыслов и устремлений субъекта.

А СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СУБЪЕКТ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

ПРИНЦИП АКТИВНОЙ НЕАДАПТИВНОСТИ

Поставим теперь вопрос о механизмах порождения и функционирования рассмотренных форм активности. Они ведь не случайно были охарактеризованы и даже зарисованы здесь в определенной последовательности. Вернувшись к прочитанному, читатель, возможно, заметит ряд моментов, поясняющих, *что* обеспечивает преобладание этих форм и *в чем* заключается их значение друг для друга в целостном потоке активности.

Инновационное моделирование. Хотя и говорят, что единственный урок истории состоит в том, что из нее не извлекают уроков, человек все-таки учится на своих ошибках, а то, что обеспечило ему когда-то успех, старается закрепить. Таким образом, суть того, что мы обозначаем как *инновационное моделирование*, состоит в том, что индивид извлекает уроки из собственного опыта, повторяет — реально или мысленно — действия, в результате которых он пережил что-то важное для себя, будь то положительный или отрицательный эффект содеянного. Для тех, кто предпочитает строгие формулировки, сказанное может быть выражено следующим образом.

Если событие X обуславливает значимые для индивида последствия $S(X)$, то связь $X \rightarrow S(X)$ становится предметом воспроизводства —

независимо от сферы локализации X («внутри» или «вне» индивида) и независимо от знака («+», «-» или «?») последствий $S(X)$.

Для читателя, искушенного в области политической экономии, та же мысль может быть выражена в терминах *воспроизводства средств производства*, если, говоря о производстве, иметь в виду *порождение значимых для индивида последствий его активности*. В одной из своих частей принцип активного возобновления опыта, ведущего к значимым для индивида результатам, описан одним из пионеров исследования поведения, американским психологом Эдвардом Ли Торндайком. Таков – *закон эффекта*. Этот закон гласит: «Некоторые из реакций на одну и ту же ситуацию, а именно те, что сопровождаются у животного чувством удовлетворения или вслед за которыми это чувство наступает, будут более тесно связаны с ситуацией, а, когда та повторится, эти реакции, скорее всего, тоже повторятся; те же из реакций, что сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и, когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится» (*Thorndike, 1911, с. 244*).

Иначе говоря, из закона эффекта следует, что если X было средством достижения *позитивного* результата Y , то X превращается для индивида в предмет воспроизводства (составляет для него внутреннюю цель устремлений). Средства *успешного* производства воспроизводятся, или, что то же самое, индивид *возобновляет* активность, подарившую ему успех. Закон эффекта Торндайка, однако, тенденцию к повторению распространяет лишь на случаи успешного исхода опыта. Более того, Торндайк специально подчеркивает (такова вторая «часть» закона эффекта), что реакции, которые «сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и, когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится». Иначе говоря, согласно Торндайку, неуспех, скорее, стимулирует реакцию избегания повторения.

Между тем, сформулированное нами правило восстановления активности, приведшей к значимым последствиям, распространяется и на случаи вызванных негативных эффектов. Предполагается, что человек будет возобновлять соответствующую активность до тех пор, пока он не воссоздаст образ связи между своими действиями и их негативными последствиями.

И, наконец, необходимо принять также, что в результате активности могут выявиться эффекты, смысл которых требует *дополнительного определения*. Временами их нельзя подвести под одну категорию или измерить единой мерой, и они могут быть описаны (должны быть *прожиты*) лишь как сочетание противоположностей. Познавая, мы сталкиваемся со всевозможными парадоксами, например логическими апориями; в поле нашего зрения оказываются иллюзорные объекты,

магические картинки, фигуры невозможного. Действуя, мы порождаем противоположные последствия своих действий (например, добро и зло одновременно). Чувствуя, мы испытываем: «любовь-ненависть», «творческое предстояние», «смирение (что паче гордости)», переживание «комического» (в нем сочетается несочетаемое, а точнее осуществляется знаковое отождествление неотождествимых знаков) и т.д. Движение человеческой деятельности постоянно порождает переживания, в которых «сходятся» противоположности, смешиваются полярные чувства. Кроме того, среди значимых последствий опыта могут быть события, ценность которых пока еще не выявлена. Их значимость будет осмыслена позже, но уже сейчас о ней можно вести речь, и состоит она в том, что таковы события, которые прояснятся благодаря *возможному* опыту. Условия появления таких событий в человеческой жизни, разумеется, также подлежат моделированию.

Рассмотрим описанные формы инновационного моделирования подробнее.

Эвристическое моделирование. Слово «эврика», как известно, означает «нашел!». Эвристическое моделирование – это попытка ответить на вопрос «как нашел?» Поделимся с читателем нашим наблюдением над человеком, манипулирующим с головоломкой. После многократных неудачных попыток решить головоломку, представляющую собой разъемную металлическую конструкцию из двух частей (жесткие изогнутые куски проволоки, которые необходимо разомкнуть), человек на время прекращает активные пробы. При этом он опускает руки, и не глядя, как бы по инерции, продолжает вертеть головоломку в руках. И что же? По прошествии небольшого времени – головоломка решена! Оказывается, *не глядя*, решить ее проще, чем под контролем зрения. Любопытно, что вновь получив ту же головоломку (собранную), он по-прежнему испытывает трудности в решении. *Необходима специальная активность по восстановлению случайно найденного решения.* При этом то, что было случайным условием достижения значимого результата, превращается в предмет самооценной активности. Этот процесс представляет собой выдвижение и проверку *гипотез*.

Никакое научение и, следовательно, развитие человека было бы невозможно, если бы не действие описанного механизма *самообучения*. Являясь условием какого бы то ни было обучения, он сам в свою очередь не является следствием какого-либо обучения, имея у человека врожденный характер. Об этом свидетельствуют, в частности, замечательные эксперименты с младенцами, проведенные Папусеком в 1969 г., описанные в книге Б. Бауэра «Психическое развитие младенца» (объем выдержки может рассматриваться читателем как косвенный показатель значимости обсуждаемых материалов для пояснения высказанной здесь идеи самооценного инновационного моделирования).

В эксперименте «младенец может включить свет, поворачивая голову. Большинство двух-трех месячных младенцев несколько раз включают свет за довольно короткий промежуток времени. Затем частота поворотов головы падает ниже того уровня, который служит критерием научения. Она не увеличивается до тех пор, пока сохраняется устойчивая связь зажигания света с поворотом головы налево. Допустим, что экспериментатор меняет направление связи: свет зажигается при повороте головы вправо. Рано или поздно младенец повернет голову налево и свет не зажжется. В этом случае он сделает большое количество поворотов влево. А потом обнаружение правой схемы, показателем чего является непродолжительная высокая частота поворотов направо, которая затем уменьшается, если ситуация не меняется, эта частота тоже останется низкой.

Если схема подкрепления вновь меняется, так что для включения света необходимо сначала поворот головы налево, а потом поворот направо, то частота правых поворотов возрастет после первой попытки, когда свет не зажжется; частота левых поворотов тоже увеличится, и наконец, младенец повернет голову налево, потом направо, и включит свет. После краткого роста частоты поворотов налево-направо, частота уменьшится и будет постоянной до тех пор, пока ситуация не изменится. Перемена программы подкрепления выявляет вспышку активности, которая прекращается после обнаружения правильной комбинации поворотов. Таким образом, ребенок осваивает довольно сложные последовательности движений: например, направо-направо-налево-налево. Рост активности наблюдается каждый раз со сменой ситуации. Исследования показывают, что эта активность неслучайна. Младенец как бы перебирает ряд гипотез, испытывая последовательности движений, чтобы выяснить, которая из них эффективна в данный момент. Обнаружив правильную, он проверяет ее несколько раз и затем прекращает вынужденную активность. Она опять увеличивается лишь в том случае, когда предыдущая последовательность перестает быть применимой. При наблюдении за поведением младенца становится ясно, что световые раздражители не являются мотивирующим фактором.

Когда начинается проверка гипотез, младенец после первого успеха почти не глядит на источник света. Он бросает на него мимолетный взгляд для того, чтобы убедиться, зажегся он или нет. Убедившись, что свет зажегся, он может проявить признаки удовольствия, но при этом не обращает внимания на источник света, который явно не является причиной его удовлетворения. Таким образом, удовлетворение от решения задачи стало достаточным для того, чтобы служить мотивом внешнедвигательной и умственной деятельности младенца. Если экспериментальная ситуация допускает возможность взаимодействия, ребенок покажет, что он может обучаться; если единственным мотивом

является перспектива награды, то он этого не продемонстрирует» (см. Бауэр, 1979, с. 19).

Механизм эвристического моделирования, по-видимому, лежит в основе игры и служит одним из *необходимых* критериев выделения игры в особый вид активности (кстати сказать, сформулировать такой различительный критерий отнюдь не легко!). «В процессе развития обычно личную значимость и привлекательность естественно приобретают прежде всего те действия и те проявления личности, которые, становясь ей уже доступными, еще не стали для нее повседневными. То, что ребенку впервые удалось сделать, будь то хотя бы впервые ему удавшееся открытие двери, поворачивание ручки, именно потому, что это для него достижение, что это какая-то удача, приобретает значимость, привлекательность, в силу которой переходит в игровой план: ребенок начинает раз за разом открывать и закрывать дверь, снова и снова повертывать ручку, не потому, что сейчас практически нужно открыть дверь, а потому, что это действие бессознательно радует его, как выражение его достижений, его успехов, его развития; действия уже привычные, повседневные утрачивают интерес и перестают быть темой игры. *Именно новые, только народившиеся, еще не укрепившиеся как нечто привычное, приобретения* развития по преимуществу входят в игру <...> Ребенок, конечно, не для того играет, чтобы приобрести подготовку к жизни, но он, играя, приобретает подготовку к жизни, потому что у него закономерно появляется потребность разыгрывать именно те действия, которые являются для него новоприобретенными, еще не ставшими привычными» (Рубинштейн, 1946, с. 594).

Обсуждение. Не обратил ли читатель внимание, прочитав приведенный отрывок, на слова «бессознательная радость»? Речь здесь, конечно, не идет о каких-либо мифических «бессознательных переживаниях»: для С.Л. Рубинштейна переживание всегда входит в сознание, а выражение «бессознательные переживания» есть не что иное, как противоречие в терминах. Применительно к данному случаю, подразумевается, что эти переживания самоценны, не «заказываются» заранее ребенком для осуществления какой-либо сторонней практической цели. Сверх того, заметим, что эти переживания, прежде чем они были впервые испытаны, конечно, не были и не могли быть заранее предметом устремлений ребенка, точно так же, как не было загодя определено и действие, породившее их. Вполне возможно при этом, что действие строилось в направлении той или иной цели; однако рождению эффективного действия здесь, как и всегда, помог случай. Ибо в силу случайного стечения обстоятельств впервые рождается у человека нужная комбинация управляющих поведением импульсов, и соответственно, появляется специфическое чувство успеха от выполнения

именно этого действия. И уже после этого, вслед за тем, что свершилось, ребенок прицельно станет воспроизводить в содружестве то и другое. Момент случайности здесь имеет принципиальный характер, выражая собой общую закономерность развития. Движение, – утверждал создатель концепции физиологии активности Н.А. Бернштейн, – не детерминируется полностью эффекторным процессом (*Бернштейн, 1966*). Иначе говоря, импульсы регуляции поведения, бегущие от центра к периферии, никогда не бывают достаточными для построения эффективного действия; последнее не может быть заранее предусмотрено и предрешено в «центре»; динамическим «материалом» построения нужного действия, являются, как мы подчеркиваем, **случайные** события, закономерно отбираемые в направлении потребного результата. Таким образом, то, что содействовало успеху предприятия как его случайно найденное условие, превращается теперь в предмет самостоятельного устремления человека.

Фрустрационное моделирование. Отсев предполагает посев. Для того чтобы отсеять неуспешное действие, неожиданно приведшее к неудаче, его нужно восстановить – хотя бы в памяти! Иначе говоря, приходится повторять неуспешные пробы, для того чтобы убедиться в их неуспешности. Эту особую форму инновационного моделирования можно обозначить как *фрустрационное моделирование* (от слова *фрустрация* – от лат. *Frustratio* – обман, неудача, тщетная надежда – состояния подавленности, тревоги, возникающие у человека в результате крушения надежд, невозможности осуществления целей). Предполагается, что вслед за пережитой фрустрацией как результатом *случайного* происшествия, человек нацеливает активность на моделирование условий, повлекших неуспех или травму. Иногда – это ориентировочная активность, производимая в плане образа ситуации, связанной с негативным исходом. Но в ряде случаев не исключено и практическое моделирование условий, ведущих к неблагоприятному результату.

Начнем с обсуждения вопроса, который мог бы быть сформулирован в несколько гротескной манере, а именно: «Сколько раз, на ваш взгляд, умный человек может наступить на грабли?» Не спешите с ответом. Предлагается следующий возможный ответ: 1,5 раза. В первый раз человек наступает на грабли совершенно случайно (не уберется!); второй раз – в условном (идеальном) плане. Зачем? – Для того чтобы в следующий раз не наступить наяву. Другой пример. Человек опасается темноты, но, тем не менее, проходит темный тоннель. Почему? Человек удостоверяется в истинности или беспочвенности своих опасений. Страх, который он при этом испытывает, есть следствие *идеального проигрывания* действий, которые подкреплялись болью или другими экстремальными воздействиями. Проверка же своих опасений в данном случае осуществляется в плане *реального действия*, которое может устранить страх или

подтвердить его обоснованность (порою, такая проверка включает в себе реальную угрозу и оказывается дезадаптивной).

Под этим углом зрения могут быть осмыслены (и переосмыслены) многие факты, полученные в экспериментальных исследованиях и наблюдениях. Например, в экспериментах В.М. Бехтерева испытуемый подвергался легкому удару электрического тока после сигнала. Предполагалось, что в этом случае должен сформироваться «сочетательный рефлекс» избегания (отдергивание). Однако совершенно неожиданно выяснилось, что в некоторых случаях испытуемый намеренно держит палец на электроде после сигнала. Это бывает, когда испытуемый подозревает, что его хотят подвергнуть какому-то неизвестному испытанию. С точки зрения высказанной здесь гипотезы фрустрационного моделирования, такой испытуемый своими действиями «идет на обострение» во взаимоотношениях с ситуацией, проясняя для себя ее смысл, провоцируя возможные стрессовые воздействия для дополнительной ориентировки в условиях, которые их вызывают. В данном случае моделирование связи между действием и негативной стимуляцией осуществляется человеком намеренно и притом в реальном плане. Но такая ориентировка может иметь совершенно произвольный характер, протекая в плане действия, представления или мысли. В экспериментах Д. Маркварта и П. Арнольда испытуемый должен был нажать на кнопку в ответ на одну из двух предъявляемых карточек с рисунками. При правильном выборе в экспозиционном аппарате открывается дверца, и испытуемый получает карточку. При неправильном выборе испытуемый получает удар электрическим током в руку. После нескольких повторений экспериментатор меняет условия эксперимента, и теперь испытуемого время от времени наказывают током независимо от выбранной карточки. Теперь задача неразрешима. В результате одна из реакций выбора упрочивается и ее непоколебимость тем заметнее, чем чаще она наказывается. Майер (1949), изучавший подобные реакции у животных, обозначил их как «поведение без цели». Если принять гипотезу фрустрационного моделирования, то речь могла бы идти о моделировании индивидом условий негативного опыта, которое, вместе с тем, является знаком точности («успешности») нахождения связи между действием и его негативным результатом: наказание здесь подкрепляет реакцию (как бы подтверждая: «Да, ты не ошибся, этого делать нельзя!»); и таким образом действие, ведущее к наказанию, фиксируется. Прикованность внимания к запрещенному действию – показатель значимости и вместе с тем побудитель той скрытой работы, которую предпринимает субъект, чтобы зафиксировать связь между попыткой и наказанием. Одной из загадочных, на первых взгляд, закономерностей в протекании аффективных, то есть сильных и относительно кратковременных эмоциональных переживаний, является их сдвиг к концу события (Клапаред). Если негативные переживания,

связанные с действием, уподобить грому, то угрожающие события сравнимы с молнией; гром – устрашает, но опасен не он, а молния, блеснувшая прежде. В чем же тогда функция страха? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в том, что аффекты служат образованию специфического опыта – аффективных следов, определяющих избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект (Леонтьев А.Н., 1971). Отметим произвольность, а порою и насильственность активности подобного «полезного» слефообразования. И, наконец, многие духовные искания, испытания и борения (например, муки совести, знаменитое русское «эх, пострадать бы!», «поиски смысла» – В. Франкл, А.Н. Леонтьев и др.), по-видимому, обязаны своим происхождением активности фрустрационного моделирования.

Моделирование ограничений. Первоначально условия потенциально успешного действия отделены от условий, вызывающих неуспех, невидимой и неосязаемой чертой. Чарли Чаплин в фильме «Новые времена» идет вдоль границы – одна нога на территории одной страны, другая – на территории другой. В жизни ситуация, порою, сложнее. Граница скрыта от глаз, и только действуя, человек способен прочертить границу между действиями, порождающими альтернативный исход. «Бытие на границе» – жизненная проблема многих людей, но иногда граница как таковая становится притягательной: человека привлекает сама возможность «пройтись по краю» – между успехом и неудачей, падением и победой, катарсисом и фрустрацией (Петровский В.А., 1971, 1975б, 1990).

Моделирование ограничений – это попытка ответить на вопрос, в каких пределах я могу сейчас знать что-либо, обладать чем-либо, действовать. Если что-то и ограничено, то *чем?* – решает для себя человек, пытаясь изведать, что могла бы означать частичка «не-» в словах: «неизвестно», «невероятно», «невыносимо», и частичка «бес-» в словах «бесконечно», «беспричинно», «бесполезно». В этой устремленности человека в *запределье*, к постижению того, **что** ограничивает, и находится источник непрагматизма и даже видимой иррациональности поведения.

Тенденция моделировать ограничения, как показывают исследования, в возрастном развитии проявляется очень рано. Вспомним еще раз об описанном в главе 6 эксперименте, проведенном нашим дипломником Е.И. Кузьминой (Петровский, Кузьмина, 1988), когда детям без каких-либо разъяснений запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половину комнаты от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. В обеих группах наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли до этого убедиться дети, ничего интересного для них не было (она была пуста), а в «разрешенной» половине комнаты на-

ходились игрушки и даже рояль, на котором дети могли «музицировать». Младшие дети выбегали за запретную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали: выходить или нет, а потом все-таки отваживались переступить через разделительную черту. Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое «законное право» проследовать за ним. Предприняв этот маневр, они возвращались в разрешенную часть комнаты (таков аналог побудительной силы запрещенного действия из известной сказки Шарля Перро «Синяя борода», что дает название феномену, обнаруженному в эксперименте – «*феномен Синей Бороды*»). В отличие от известного житейского факта под названием: «запретный плод сладок» (подтверждение чему было найдено в остроумных экспериментах Д. Брема и Е. Розен, в экспериментальных условиях запрещавших детям есть одно из нескольких пирожных, после чего оно оценивалось как более вкусное), феномен Синей Бороды свидетельствует в пользу «чистой» побудительной силы запрета – привлекательности *границы* как таковой.

Влечение к границе входит в состав сложных форм мотивации поведения: в сфере познания (здесь притягательна граница между известным и изведанным), творчества (граница между возможным и невозможным), риска (граница между благополучием и угрозой существованию), игры (граница между воображаемым и реальным), доверительных контактов между людьми (граница между открытостью другим людям и защищенностью от них) и т.п.

Моделируя ограничения, человек смещает демаркационную линию между доступным и недоступным, создает новые границы, чтобы вновь переступить их. Его деятельность *движется*, а сам человек *развивается как личность*.

Функциональная автономия и взаимодействие форм активности. Инновационное моделирование в единстве трех описанных его форм (эвристическое, фрустрационное и моделирование «границ») может рассматриваться как механизм порождения высших ступеней активности из низших (предлагаем читателю еще раз обратиться к тексту раздела «Феноменология активности» и проанализировать возможное действие этого механизма как условия возникновения новых форм). Г. Оллпортом был сформулирован принцип «функциональной автономии», состоящий в том, что данное проявление активности может стать самоцелью (самоподдерживающимся мотивом), несмотря на то, что первоначально оно осуществляло иные цели (осуществлялось по иным причинам). Излагая свою точку зрения, Г. Оллпорт указывает, что она созвучна более ранним формулировкам других исследователей, таким, как утверждение, что механизмы могут превращаться в побуждения (Вудворт), что «средства-объекты» могут «вступать в свои права» (Толмен) и др. Сегодня к этим формулировкам можно добавить

и такие, как «манипуляционное побуждение» (Харлоу), «частичная необратимость» (Соломон и Винн), а также «сдвиг мотива на цель» (А.Н. Леонтьев) и др.

Обращаясь к процессам инновационного моделирования и распространяя на них принцип функциональной автономии (превращения их в фиксированные формы поведения), необходимо отметить возможную противоречивость ее последствий для жизни личности. Эвристическое моделирование – источник роста личности, однако, если допустить, что оно становится нерушимой чертой любого опыта, то мы будем втянуты в пучину «дурной бесконечности» неостановимого подведения базы под свои успехи (событие X восстанавливается как условие события Y, событие Z – как условие события Y и так далее, до бесконечности); и, кроме того, в этом случае приобретет силу критика принципа функциональной автономии со стороны П. Берточчи (*Bertocci*, 1940), который писал, что если какая-то форма поведения потенциально способна стать устойчивым мотивом, то что должно защитить индивида от развития своего рода психологической анархии, при которой противоречивые и прямо противоположные мотивы будут возникать в организме и рвать его на части? Фрустрационное моделирование – в ограниченных пределах также оправдано интересами жизни и развития индивида. Но если оно приобретает функциональную автономию (то есть фиксируется в качестве одной из ведущих сил поведения), то перед нами пример невротического развития. И наконец, моделирование «ограничений» – без чего немислим ни индивидуальный, ни социальный прогресс, не в меньшей мере нуждается в ограничении: фиксация, в качестве автономной, тенденции во всех случаях моделировать «границы» может стать причиной индивидуальной и социальной дезадаптации личности.

С вопросом о **происхождении** рассмотренных форм активности (их генезе) связан и вопрос о **координации** проявлений их активности, коль скоро они уже сложились в индивидуальном развитии человека (это вопрос об их «предназначении» – о функциональных отношениях между ними). Обсуждая проблему координации, отметим, что каждая «последующая» в ряду рассмотренных форм активности проявляется тогда, когда реализация предшествующей затруднена. Так, нарушение цикла активации «включает» звено безусловных рефлексов; невозможность непосредственной реализации безусловных рефлексов актуализирует звено условных реакций – классических и инструментальных; когда условные реакции затруднены, на передний план выступают акты произвольного поведения; барьер на пути произвольного поведения включает механизм волевого преодоления; если же и волевой акт под угрозой срыва, включаются механизмы «поиска смысла»; когда и они не приводят к ощутимому результату, человек строит себя как причину себя самого – полагает себя как субъект.

Единство адаптивных и неадаптивных проявлений активности. Кратко напомним читателю некоторые соображения, подробно описанные нами выше. Одной из господствующей ориентаций в эмпирической психологии личности является принятие «постулата сообразности» – особого принципа понимания источников и механизмов активности. Говоря о «постулате сообразности» (Петровский, 1975), мы имеем дело с определенной методологической предпосылкой, объективно представленной в мышлении исследователей. Слово «сообразность», согласно В. Далю, означает «соответствие чего-то чему-то». В данном случае речь идет о соответствии, сообразуемости того, что происходит с индивидом, предустановленному в нем. Итак, суть постулата заключается в том, что индивиду приписывается изначальное стремление к «внутренней цели», в соответствии с которой приводятся все без исключения проявления его активности. По-существу, речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Понятия «активность», «адаптивная направленность» и т.п. трактуются здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования и т.д.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует «полноценность» субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также процессы «самоприспособления»: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т.п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет также о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т.д. Приспосабливает ли индивид себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам – в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, базис для которых уже сложился, определился в прошлом. «Отсекается» все, что избыточно по отношению к этим исходным ориентациям. Не следует, конечно, смешивать понятия «адаптивность» и «репродуктивность» – адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными», адаптивными их делает наличие ответа на вопрос «зачем?».

Но это, в свою очередь, значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос «зачем?» – Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как «адаптивные» и «неадаптивные». Постулат сообразности и заключается в

открытом или скрытом признании такой Цели и приписывании ей роли основного «вдохновителя» и «цензора» поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивид в каждый момент времени «хочет сделать что-то», то есть «устремлен» к какой-то цели; смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая в конечном счете движет поведением, каким бы противоречивым и неразумным ни представлялись при «поверхностном» наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

Существуют логические и эмпирические аргументы против точки зрения универсальной сообразности психических процессов и поведенческих актов человека. Суммируя эти аргументы, можно сформулировать альтернативный взгляд, – «принцип неадаптивности». Вначале представим себе, чем обернется для идеи субъектности человека как личности принятие постулата сообразности за универсальный принцип интерпретации поведения, психических процессов и состояний? Отвечая на этот вопрос, мы поначалу отвлекаемся от обсуждения конкретных форм воплощения постулата, обусловленных спецификой Цели, которая предпосылается активности индивида. Оказывается, уже чисто логически, минуя анализ этих исторически сложившихся форм, а также – факты, которые могли бы решительно «высказаться» в поддержку или против принятия данного постулата, можно вывести из него весьма важные следствия. Можно ли считать, что человеку, чья активность удовлетворяет условиям «постулата сообразности», присущи такие черты, как *свобода, целеустремленность, целостность, развитие*, – черты, которые мы хотели бы видеть в личности (а, точнее, привычно считаем чертами, присущими человеку как личности)?

Свобода. За счет существования изначальной Цели, индивид выглядит значительно более свободным существом, чем любая вещь в «цепях причинности». Говоря «Я хочу», «Я стремлюсь», «Я совершу это», человек трактует себя как причину происходящего – причину среди причин, – и в этом же акте он противопоставляет себя всему остальному миру причинности, выделяет себя из причинно-следственного ряда как независимую силу. Но здесь же и иллюзия свободы: воспринимая себя как причину, человек не замечает, что сам он зависим. Ведь это Цель, которая изначальна присутствует в нем, диктует ему путь и ориентир действий, и в рефлексии, – а «постулат сообразности» направляет ее, – он будет вынужден признать свою несвободу, действие независимой от него, но обязательной для него Цели.

Целеустремленность. Она здесь не более чем заданность – преддетерминированность целеполагания и целедостижения исходным телеологическим отношением. Говоря, что человек ставит перед со-

бой ту или иную цель, мы должны каждый раз иметь в виду, что, в сущности, речь идет только о многоликих воплощениях одного и того же: Цель (с большой буквы) кристаллизуется во множестве «промежуточных целей», каждая из которых – лишь средство осуществления вышестоящей или вышестоящей. Но тогда любой индивидуальный акт есть, в конечном счете, проявление внешней целесообразности – все есть лишь средство для осуществления чего-то и лишено самоценности.

Целостность. «Постулат сообразности» гарантирует единство всевозможных форм проявления активности человека. Все они, как если бы это была ось, вращаются вокруг телеологического отношения, принимаемого за основное. Но идея целостности («целокупности») есть, как известно, идея не простого единства, а единства в многообразии. Сомнение – как раз в этом пункте: о каком многообразии может идти речь, если проявления активности трактуются как существенно совпадающие между собой по своему действительному предназначению? Независимо от того, будут ли они рассматриваться как равнозначные с точки зрения главенствующей Цели или иерархизированные, существенная однородность их гарантирована. Используя метафору В.П. Зинченко, можно сказать, что личность выступает здесь как «административное учреждение», правда, в одном случае в виде одноэтажного здания с мезонином, а в другом – как пирамида с непременным «хозяином» на верхнем этаже. Целостность индивида при этом редуцируется, выступает как «одномерность» его бытия, единообразие его активности.

Развитие. «Постулат сообразности» удобен тем, что он предreshает взгляд на человека как на самостановящееся существо. Имеющиеся холистические трактовки личности вполне адекватны этому постулату, что, несомненно, возвышает его в наших глазах. Однако существует и другое слово, не менее точно выражающее суть – «преформизм», принцип которого и состоит в «саморазвертке», «самораскрытии» того, что предзадано, предвосхищено в Цели. При подобном взгляде идея развития личности сводится к представлениям о «росте ее изнутри». Предметно-социальная среда существования человека выступает при этом в роли обстоятельств развития, имеющих внешний и случайный характер. Таковы последствия открытого принятия идеи «трансцендентального субъекта» для понимания личности как особой инстанции в организации эмпирического индивида. В представление о личности как о целокупном субъекте активности вносятся существенные ограничения. По сути, мы стоим на пороге отрицания свободы, целостности, устремленности, развития человека как носителя личности: свобода здесь выступает как иллюзия самосознания, устремленность сводится к заданности, целостность – к единообразию, развитие – к самодетер-

минации в рамках предсуществующего. Импонирует ли Вам такой образ личности как «субъекта активности»? Кроме того, можно заметить, что ни гомеостатическая, ни гедонистическая, ни прагматическая разновидности постулата сообразности, увы, не могут постоять за себя, и более того, сами свидетельствуют против себя, как бы снимая себя изнутри. «Гомеостатический» человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью. «Гедонистический» человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость – и должен постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; «прагматический» человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело (Э. Берн), упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже. Итак, постулат сообразности несовместим с идеей субъектности и здесь мы сталкиваемся с дилеммой: либо – телеологическая парадигма, представленная различными вариантами «нацеленности» индивида на конечную Цель, и тогда человек бессубъектен, то есть не выступает как причина себя, либо – принятие идеи субъектности, и тогда постулату сообразности приходится потесниться, уступая свое место альтернативному принципу истолкования активности индивида.

Сказанное буквально подталкивает нас к тому, чтобы принять противоположный принцип истолкования активности, прослеживая отклонения в проявлениях активности человека от тех целевых ориентиров, которые, как предполагается, вызвали ее к жизни. Когда под этим углом зрения мы исследуем витальные контакты человека с миром, его предметную деятельность, общение, самосознание, то оказывается, что и они в телеологическом, то есть глубинно-целевом, мотивационном, отношении небезупречны: постоянная трансценденция, выхождение за пределы себя! (слово «трансценденция» происходит от лат. *transcendens* – перешагивающий, выходящий за пределы). Здесь правомерна аналогия с легендарным универсальным растворителем, который растворяет все, и поэтому его не в чем хранить. Таким образом, открывается целый класс явлений неадаптивности – расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Заметим, что пафос, с каким обычно говорят, что «человек есть трансцендирующее существо», здесь не уместен ничуть. Ведь во всех этих случаях неадаптивность как выход за границы предустановленного имеет произвольный и непредотвратимый характер.

Впрочем, иногда, по поводу неизбежной трансценденции за границы заданного психологи торжествуют, что вполне оправданно. Например, когда утверждают, что «Деятельность богаче, истиннее, чем предвещающее ее сознание», что «Созидание одно не знает границ» (А.Н. Ле-

онтьев), что «Мышление не делает ошибок» (А.В. Брушлинский)²¹ и др. Здесь трансценденция непосредственно совпадает с обогащением человека новым опытом. Но основания для оптимизма не всегда столь очевидны. Расставаясь с телеологическими иллюзиями, мы обрекаем себя видеть также и то, что взор не ласкает. Феномены неадаптивности как неизбежности встречаются буквально во всех сферах человеческого бытия. ...Загадка: «Болезнь, от которой умирают все». Разгадка: «Жизнь» (И.М. Фейгенберг). Это саркастическое свидетельство по своей лаконичности уступает знаменитой сентенции: «Жить значит умирать», – но последняя, все-таки, начисто лишена психотерапевтического подтекста, свойственного первой. Приговор, который светская мысль подписывает индивиду как физическому существу (реализующему свои витальные отношения с миром), отдается эхом и в других сферах бытия человека. Ну, в самом деле: что есть, в сущности, познание мира, как не процесс продвижения человека к «ученому знанию о собственном незнании» (Н. Кузанский)? А какова на поверку созидательная активность людей (три гордых слова!), плоды-перевертыши которой неисчислимы? А мнимая – по своим последствиям – альтернатива доктрине созидания в виде принципа «недеяния»? Таким образом, и здесь, в сфере познавательно-практических отношений человека с миром, мы встречаемся с эффектами неадаптивности. Но то же можно сказать и о процессах общения между людьми. То, что рождается в общении, – неизбежно иное, чем намерения и побуждения общающихся. Эгоистическая установка, если хотя бы какая-то из сторон придерживается ее, подтачивает общение, и рано или поздно оно рушится; кто-то, как видно, слишком «тянул на себя». Альтруистическая установка сводит на нет личное, подвигая другого (других) к бессознательной или беззастенчивой эксплуатации жертвующего (позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т.п.). Казалось бы, «идеальная» позиция, сулимая «конгруэнтностью» в противовес «пристрастности», увы, обуславливает ценностную нивелировку для нас тех, с кем мы вступаем в общение («Любить всех – значит не любить никого», – писал Л.Н. Толстой). Если же от такой, вселичной любви обратиться к обычной человеческой любви, например в супружестве, то окажется, что и в ней моменты неадаптивности (в виде тех или иных форм эмоциональных проблем) заявят о себе со всей определенностью... Сфера самосознания людей не составляет исключения из правила. Интересная возможность для психологического исследования – феномен неуловимости «Я» в рефлексии: любая попытка осознать свое «Я» приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что, в свою очередь, порождает переживание неполноты самопроявления в рефлекс-

²¹ См. главу 10.

сии, чувство того, что «главное» остается за чертой осознания. При обсуждении этой проблемы кажется целесообразным вычленение качеств «первого» и «второго» рода (Петровский В.А., 1978, 1992). Качества первого рода (геометрические представления, «красное», «боль» и т.п.) в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации; качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (в данном случае – рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлектируемое оказывается небезучастным к самой рефлексии: образ себя никогда не тождественен переживанию самости. Итак, феномены неадаптивности как неизбежности встречаются во всех без исключения сферах человеческого бытия. Они относятся к сущностным, а не к случайным его проявлениям, и мы не можем абстрагироваться от них, обсуждая проблему субъектности.

Итак, была ли «спасена» только что идея субъектности? – Ни в коей мере, наоборот! Она оказалась вновь под ударом. Человек, трансцендируя, отнюдь не «заказывал» себе бытия за чертой. Он не был во всех рассмотренных случаях тем, о ком можно было бы смело сказать: «субъект трансценденции»: выход за границы предустановленного осуществлялся, так сказать, сам по себе («мимовольно»). Более того, в самом несовпадении цели и результата активности индивид как бы утрачивал качество «быть субъектом», ибо последствия действия оказывались неподконтрольны ему.

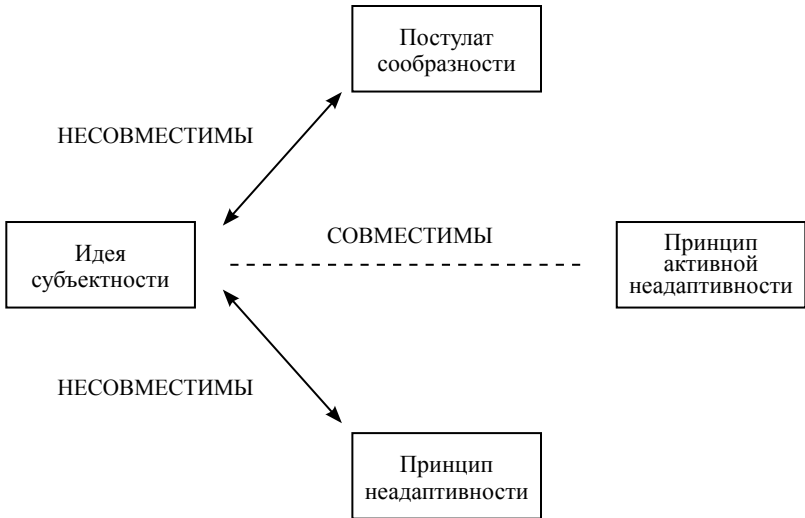

Рис. 29.2. «Быть субъектом»: что в основе?

Словом, если отказаться от идеи универсальной целевой регуляции и заданности (постулата сообразности) и принять альтернативную точку зрения – **принцип неадаптивности**, то выяснится, что при этом, точно так же как и в первом случае, девальвируется идея субъектности.

Свобода человека при этом подменяется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы.

Целеполагание обесмысливается, выглядит самообманом.

Целостность – утрачивается.

Развитие – сводится к дрейфу.

Не означает ли сказанное, что следовало бы вообще отказаться от помыслов воплотить идею субъектности в «материале» индивидуальной активности (а вместе с тем – и от стремления отстоять «личность» индивида)? Или, быть может, все-таки удастся найти путь позитивного решения этой проблемы? Ситуация теоретического кризиса и возможный путь ее разрешения обозначена на рисунке 29. 2.

Единственная возможность возвращения себе этого желанного качества – в том, чтобы взять на себя ответственность за осуществление действий с непредрежденным исходом, иначе говоря, быть субъектом избрания целей, результат достижения которых непредрежен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного должна содержать в себе вызов, отвечая на который индивид производит (или как мы предпочли говорить выше – полагает) себя как субъект. Мы, таким образом, приходим к принципу активной неадаптивности (*Петровский В.А.*, 1989). Защищая себя как субъект, индивид стремится предрешить непредрежденное – действует наперекор обстоятельствам, на свой страх и риск ставя перед собой цель выявить свое скрытое под спудом других побуждений качество субъектности как таковой – быть причиной себя («*causa sui*»).

К ЧИТАТЕЛЮ

Итак, очередной и теперь уже в последний раз обратимся к рисунку 29.1 «Вверх по лестнице, идущей вниз». Каждой ступени активности, как видим, соответствует свой тип ценности, **выросшей** из некоторой формы активности. Итак, нам дано **выбирать**. Нам предстоит выбрать самих себя. Что же Вы выберете для себя, читатель? Себя – как человека, стремящегося достичь «равновесия», «покоя», «минимального взаимодействия» в контактах с миром? – Если так тому и быть, то вольно или невольно Вы становитесь сторонником восточной философии **недеяния** – с ее высшей ценностью обретения нирваны. Что ж, – может быть это Ваш путь... Или, быть может, в большей мере Вас вдохновит возможность наслаждения? – в этом случае, как видно, Вы разделяете

ценности **гедонизма**, принципы которого с таким восторгом отстаивали философы Древней Греции. Или для Вас притягательнее та польза (чем располагаете, какие возможности имеете), которую Вы извлекаете в контактах с миром? – это значит, что Вам близка философия **прагматизма**. Однако, не Вы ли в числе тех поклонников ницшеанской доктрины **воли**, для которой способность преодолевать и терпеть выступают сущностными определениями человеческого бытия? Впрочем, возможно, Вы придерживаетесь идеи самой свободы личного выбора, полагая, что не столько личность определяет выбор, сколько выбор определяет личность (Сартр); и тогда Ваш выбор – философия **экзистенциализма**, философия **поиска смысла** (Франкл). Но и это еще не все возможности, открытые Вам. Задумайтесь – вот сейчас, в самый момент выбора – что представляет собой для Вас этот акт? Заметьте, Вы сейчас выбираете между ценностями (среди которых есть, в частности, и ценность «свободы выбора»), и никто кроме Вас не может совершить этот выбор. Это именно Вы осуществляете в данный момент акт **самополагания**, – именно Вы занимаете позицию «над» только что названными доктринами – недеяния, гедонизма, прагматизма, волюнтаризма, экзистенциализма... И некому приказать Вам: «Сделайте правильный выбор!» Ибо нет человека, который знал бы за Вас, что здесь – «правильно», а что – «нет». Вы и только Вы способны ответить себе на этот вопрос. Потому что Вы, в сущности, и есть – причина себя, подлинный субъект активности.

Читатель, в этой связи, может еще раз обратиться к той главе книги, где речь идет о «Я» как свободной причине.

ГЛАВА 30. «ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ».

ДИАЛОГ С КОЛЛЕГОЙ

(ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ АВТОРОМ А.Ю. АГАФОНОВУ)

– Вадим Артурович, кто Вас удивил в психологии? Кто повлиял на осознание собственного профессионального кредо? Экзистенциальные психологи, так?

– Экзистенциальные психологи? ...Перемещаюсь в начало 70-х годов – мысленно! – вижу себя в числе их адептов. Я, правда, тогда – каюсь! – читал философов-экзистенциалистов, а о психологах экзистенциальных ничего не знал, но увлечен был сюжетами близкими... Ну, вот, к примеру... с «парадоксальными намерениями» экспериментировал, не зная Франкла. Старшие товарищи, ну, никак не хотели ставить на защиту одну диссертацию, под моим руководством выполненную, где речь-то как раз и шла о парадоксальных намерениях; нам тогда, с диссертанткой, Черепановой Леной (она сейчас где-то там, далеко, в Канаде) инкриминировали «интроспекционизм»... Ужас! Однако, все-таки, ряд работ опубликовать мы смогли, в том числе и в «Вопросах психологии», а одна из них, в «Науке и жизни», называлась совсем «по Франклу»: «Думайте о желтой обезьяне!».

...И даже мифы (именно мифы!) о тотальной осмысленности бытия, опровергаемые некоторыми экзистенциальными психологами (в противовес Франклу, для которого это не миф, а реальность), критиковались в моих работах под общим именем «постулат сообразности». С мифом тотальной целесообразности я бился теоретически и экспериментально – уже в первых работах по риску (это было также начало 70-х годов)... Курьезный случай: в одной из диссертаций, которую я оппонировал лет 10 назад, прочитал о «постулате сообразности», о том, что он был выделен Петровским, то есть мною, как принцип построения психологии (это действительно так), и будто бы я, бедолага, сам пытаюсь следовать этому принципу... (нескромно, но позволю себе аналогю: это – все равно, что сказать, будто Дмитрий Николаевич Узнадзе строит *свою* психологию, опираясь на *свой* «постулат непосредственности»).

Ялом?.. Я постоянно сверяюсь с ним, когда консультирую. Но думаю, все-таки, что философия экзистенциальной психологии была мной не присвоена, а, скорее, высвоена... И идеи гештальттерапии, в виде некоей, не вполне реализованной, *тенденции*, о которой так замечательно Перлзом все сказано, – всегда ощущались мной как нечто предсознательное (чтобы увидеть, достаточно просто обратить внимание).

Такие титаны, как Фрейд, Шекспир, Гегель... Это что-то по ту сторону моего разума. Они – конструкторы того самого мироздания, в котором живу лет с 17-ти... К акту творения мира ими я, увы, совсем не причастен. Тут уж никакая реконструкция-субъективация их авторства мне недоступна.

Иное дело – Берн... Он буквально ошеломил меня остроумием своего видения. Когда я читал Берна, я сознавал ясно: это *он* сказал, это *он* разглядел, это – *его* открытие, *его* построение. Это *он*, а не я!.. (Здорово!) И в то же время – я постоянно ощущал себя где-то рядом, ощущал близость.

– *Эвристичная простота?*

– Да, если о Берне, то да! – Эвристичная простота. Поразил реалиями, с которыми я был, по сути, знаком и которые, в сущности, не признавал... Но были и факты замечательных для меня соответствий. Только у Берна нашел я аналог тому, что называю персонализацией, аналог идеи «инобытия» человека в человеке. Причем не просто аналог, а такой аналог, который *работает*, конфигурирует психотерапию. У меня были еще до встречи с Берном и всеми идеями его и именами, которые он для меня озвучил, эмпирические разработки, созвучные Берну, много методических находок...

Вы не находите, что в психологии, во всяком случае, отечественной, все реже появляются фигуры калибра Берна? Не говоря уж о персонах уровня Джемса, Фрейда или Найссера. Как будто бы закончилась внутренняя история науки: история борьбы идей, теорий, парадигм. Хотя внешняя история психологии, напротив, исключительно динамична. Стремительно институализируются новообразования психологии. Ученые, чтобы выжить, совершают немыслимое количество телодвижений. Все больше суеты и все меньше томления духа.

Вы говорите, мне кажется, о том, что есть внутренняя история науки, а есть внешняя, и вот во внутренней истории науки как бы сейчас ничего не происходит или мало что происходит. Когда-то я нашел слово, которым отметил для себя это явление. Есть периоды *становления* науки, а есть и периоды *остановления* науки. Мы прошли через времена, когда наука не приостановилась, а была как бы остановлена и оттеснена, какие-то активные силы противодействия здесь были.

Пример из моей личной истории. Моя книга «Психология неадаптивной активности» была издана в 1992 г., к защите докторской, но была

фактически написана в 1984 г., по следам лекций, читанных в 1978–1979; в 1985–1986 гг. начался бой за ее опубликование. Представьте себе, шесть, семь лет моя книга была нигде – в залежах Политиздата. Я мечтал, по тем временам, опубликоваться в серии «Над чем работают, о чем спорят философы». И книга, надо сказать, получила очень хорошие отзывы (от Ярошевского и Давыдова). Тут перестройка вдруг случилась, я просто был счастлив, что все началось, но для меня в Политиздате все закончилось. Мне сказали: «Знаете, вот если вы что-нибудь будете писать про Кашпиоровского, или вроде того, это будет правильно... Может быть, вы включите какие-то новые проблемы психического здоровья». И книжка рухнула... Потом ее издал Б.М. Бим-Бад в издательстве с веселым названием «Горбунок» (дома у меня остался всего один экземпляр из того тиража). Но это – то, что я называю остановлением во внешнем слое движения. Были и внутренние причины, действительные причины. На мой взгляд, совершенно исчерпала себя парадигма...

– Какая парадигма? Когнитивная, бихевиоральная, деятельностная? Или, может быть, необходим некий синтез? Считаете ли Вы, что синтез возможен? Ведь проблема в том, что предметы у всех психологических дисциплин разные. Когнитивисты, бихевиористы и психоаналитики занимаются совсем разными вещами. Уже де-факто существует много психологий, претендующих называть себя Психологией.

– Я думаю, фактически, этого никогда не произойдет. Как никогда уже не появится врач, который будет лечить все болезни, или, поближе к теме, медик, который отважится обобщить все, существующее в медицине, например, в западной и восточной. Или физик, который построит единую картину мироздания; хотя физику, быть может, это все же под силу, не то что врачу или психологу, и я думаю, – потому, что физическая реальность, в отличие от биологической или психологической, не заключает в себе никакой телеологии, не подчиняется принципу цели... (Аристотель, впрочем думал не так, полагая, что энтелехия правит миром.)

– Психика более таинственна, чем физика?

Да, таинственна. Человек живет в мире, который он сам себе строит, – сколько субъектов, столько же и миров. Чем больше ярких субъектов, тем больше отличаются друг от друга эти миры. И нет притом никакого суперсубъекта, который бы смог объединить в себе каким-нибудь непротиворечивым образом субъективные миры других субъектов... Идеал Лейбница (иши-свищи такую монаду!), по-видимому, неосуществим. Ни суперпсихической сферы не существует, ни в психике одного человека психика всех причала себе не найдет. Синтеза идей, я думаю, никогда на свете не будет, так как всегда найдется некий другой человек, который на

все это посмотрит совершенно иначе... Но это печальное наблюдение не избавляет нас вовсе от стремления к синтезу, обобщению. Одна из пословиц, собранных Владимиром Далем: «Да... дело это нехорошее!.. А дай-ка попробуем!» Перефразирую: «Дело невозможное, гиблое... а дай-ка попробуем!». Теоретики грезят идеалами целостности. Не будь этого, и науки не было бы... Есть такие категории в психологии, которые столь широки, что и «рамочными» не назовешь. Я говорю о них: категории-«контроверзы». Читали ли Вы нашу совместную, с А.В. Петровским, статью о категориальном строе психологии?...

Это – такие категории, как «Личность», «Идеал», «Свобода», «Разум» и некоторые другие; познавательный статус категорий-контроверз парадоксален: они будто играют в прятки с исследователем; любой шаг познания здесь как бы отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. С каким, например, наслаждением признал свое «поражение» в попытках «определить» *личность* один из выдающихся ее исследователей, Р. Кеттелл, говоря, что личность подобна любви, все знают, что она **есть**, но никто не знает, **что** она есть. Присутствие категорий-контроверз в академической психологии можно сравнить с существованием недоказуемых и неопровержимых положений в формальных науках, которые могут быть использованы в функции постулатов. Вы можете строить науку, отталкиваясь от *данного* способа интерпретации категории-контроверзы, но столь же возможен и столь же, представьте себе, правомерен *иной* способ интерпретации, дающий совершенно другую точку отсчета...

Но ведь наличие альтернатив в основаниях психологии не есть повод к тому, чтобы отказаться и вовсе от выбора (постмодернизм нам именно это и рекомендует – быть «выше выбора»). Я думаю, это повод отнюдь не к тому, чтобы просто «умыть руки», но, как раз, наоборот – к тому, чтобы выбор тот самый произвести, – то есть осуществить самоопределение. А потом и ответственность за этот акт выбора понести... отчитываясь о том, насколько совершенным будет то, что построишь.

– *Вы говорите об общепсихологической концепции?*

Да, об общепсихологической концепции. Наличие категорий-контроверз никогда не сделают ее «всеобщей» в смысле «одной на всех», но общей в смысле авторских попыток обобщения ее содержаний, попыток поиска общего фундамента, чтобы дом психологии строить без трещин. И при этом возможно рождение множества «общепсихологических концепций», множества таких домов... Я весьма сомневаюсь в возможности построения «всеобщей психологической концепции» (так как психология строится не только снизу, но еще и сверху, а там, навер-

ху – категории-«контроверзы»...), но убежден, что каждый автор стремится к целостности своего видения и даже интерпретации «инаковой» точки зрения с позиций собственной (так, например, Фрейд – в рамках собственной психоаналитической системы – мог, или, по крайней мере, ему так представлялось, объяснить «уклонение» и «отступление» от нее, этой системы, бывших ее адептов). Так что в постмодернисты меня, не дай Бог, не записывайте. Я сомневался и сомневаюсь в возможности построения такой всеобщей концепции. А постмодернисты пропагандируют и даже смакуют идею невозможности построения общепсихологической концепции. Но сомневаться и смаковать – не одно и то же. Чувствуете разницу?

– А Вы сами, какую научную проблему считаете «головной болью» психологии? С чем психология не смогла и до сих пор не может справиться?

– Ну, Андрей!... Знаете, я провожу тренинги такие, называю их тренингами неуязвимости... Люди атакуют друг друга вопросами, шокируя эмоционально, и смотрят, насколько кто способен сдюжить. Насколько способен справиться с ситуацией, сохранить свою адекватность себе, реагируя на вызовы ситуации. В итоге иногда наступает десенсибилизация – снижение чувствительности к эмоциогенным стимулам; наряду с вербальными, мы отслеживаем невербальные проявления – например, «драйверы» – ключи, вводящие в деструктивные сценарии жизни, с тем чтобы потом освободить человека от этих ключей и этих сценариев. Для того чтобы запустить групповой процесс, я спрашиваю у человека, сидящего на «горячем стуле»: есть что-то такое, о чем вы предпочитаете не думать, или может быть, что-то такое, о чем вы часто думаете, но никогда не решались бы поделиться с собеседником? Как правило, говорят: «Да!...». И группа тогда говорит: «Поделись!...» (Вы скажите: «Ужас?!») Да, но не «ужас-ужас-ужас!»... Добровольцы, принимающие участие в тренинге неуязвимости, всегда могут послать нас куда подальше...). Вот и я сейчас в положении того добровольца (бесценный материал для наблюдения за мной со стороны, представляю, какая у меня сейчас невербалика... расскажите мне об этом потом, договорились?).

Впрочем, Генрих Степанович Батищев говорил когда-то: «Лучшее, что мы можем сделать для собеседника, – это поделиться с ним своими проблемами». Так что я обязательно поделюсь с вами... Проблемами, которые живут у меня в голове многие годы и которые решенными считать – самонадеянно (как транзактный аналитик, я порою задумываюсь вот над чем: а может быть, есть некий запрет на ощущение решенности «вечных» проблем? И каждая волна, приближающая меня к берегу твердых решений, разбивается о пирс предвкушаемой неразрешимости?).

Ну, вот, одна из таких нерешенных проблем. Боюсь, показаться Вам неоригинальным. Миллион лет назад столкнулся с этой проблемой, прочитав Маха и Беркли, ну и Ленина, само собой разумеется... Столкнулся нос к носу с проблемой того, что наша психика ни в каких отношениях с материей, вроде бы, и не находится. Я сейчас упрощу (усложню). Психическое в том смысле с материей не состоит в отношениях, что совсем неуловима связь, неуловим взаимопереход между тем и другим. Мысль, которая невесома, я имею в виду мысль, которая движет моей весомой рукой, которая под диктовку моей мысли совершает некие пируэты над этой бумагой. Как же это возможно – «идеальное» воздействует на «материальное»?! Прочитал когда-то замечательную книжку Якова Александровича Пономарева «Психика и интуиция», вдохновился, а познакомившись лет через 10 с автором, сказал ему: «Яков Александрович! Я вам так благодарен! Вы поставили перед мной этот вопрос... Эту проблему... И все-таки, по-моему, – не решили...».

Я этой проблемой всерьез мучился... Я пытался как-то там переплести, то ли объединить, то ли утеснить одно, другое. Физическое и психическое, материальное и идеальное... Тому из психологов, кто через попытку эту не прошел, могу позавидовать... Счастливики! Хотя мне, в общем-то, трудно представить, как можно здесь разминуться... Проблема ведь просто бьет в глаза...

О глазах, кстати. Разговор с дочерью, Лесей, она выросла у меня психологом, а тогда ей было шесть лет. «Тебе сны снятся?» – «Снятся» – «А снятся что?» – «Лес» – «А в лесу что?» – «Деревья» – «А где находятся сны?» – «В глазках» – «Глазки такие маленькие, а деревья такие большие... Как же они помещаются в глазках?»

(А действительно, как? Чуть позже я встретился с подобным пассажем в «Анализе ощущений» у Маха, только речь там шла, по-моему, о слоне...)

«Как помещаются?» – «А вот, – говорит мне дочка, – посмотри, папа. Тот дом (показывает на дом вдалеке), он – большой?» – «Большой» – «Не-а...»

И она вытягивает руку вперед, в сторону того дома, сближает большой и указательный палец, наподобие штангенциркуля, и «помещает» в раствор между пальцами тот самый дом...

«Вот, – говорит, – так и деревья...»

То есть вы понимаете, о какой проблеме я говорю... О психофизической.

– По сути, это вопрос об онтологическом статусе психического.

– Да, это был вопрос об онтологическом статусе психического. Я завидовал тем из коллег, которые с легкостью необычайной говорили,

например, такие слова: «Мы воспринимаем образы мира» или «Образ внутри меня». И я все думал, что же такое то самое «Я», которому образ «принадлежит». И как избежать этого сумасшествия лопатинских человечков (один в другом, и так – до бесконечности). То есть «человечков», которые воспринимают то, что было воспринято другим «человечком» и т.д., и т.п. до одури...

– *Внутренний мир, населенный гомункулусами?*

Да, да, гомункулусами. Но вот как выйти из этого дурного, бесконечного ряда. Я мучился этим вопросом. Порой, впрочем, был повод хорошо посмеяться. То ли – зло, то ли – весело... Прочитал у одного из видных наших философов (считается одним из главных экспертов в этой сфере философских проблем) о некоем критерии, по которому можно разделить «осознанное» и «неосознанное». Это был, так сказать, «информационный критерий» (с точки зрения этого философа, психика есть ничто иное, как информация).

– *Так в чем же разница? Что за критерий?*

Все очень просто: «сознательное» – это когда информация *открыта* субъекту, а бессознательное – когда *закрыта*. Правда ведь, это восторг как просто!..

– *Псевдоясно.*

– Да, псевдоясно. Такой успокоительной формулы, которая легко решает эту проблему, такой таблетки против бессонницы, честно говоря, ранее не встречал и вряд ли у кого-нибудь встречу. Ведь остается выяснить, в сущности, «совсем немного»: что это такое – «открытость», и что это такое – «закрытость» информации, а также еще такой пустяк – «кому», так сказать, открыта и «кому» – закрыта информация эта...

Я, честно говоря, построил много вариантов решения проблемы, но, может быть, самым главным для меня было: уловить онтологический признак, дифференцирующий психическое, как я тогда называл эту реальность (а сейчас говорю о ней иначе), и – физическое, то есть то, что находится «внутри» и то, что находится «снаружи».

– *В том числе, наверное, и физиологическое?*

– И физиологическое, в частности. Только давайте все-таки переформулируем нашу проблему. Так уж получилось, что она как бы сама во мне переформулировалась. Речь, я думаю, должна идти не о «психическом» в соотношении с «физическим», а о «психическом» в соотношении с «объективным» и «субъективным».

Вообще, Андрей, обратите внимание, какие дуальности-дуэлянты преследуют нас по жизни: «идеальное–материальное», «физическое–психическое», «субъективное–объективное», «субъектное–объектное» (корректоры непременно переделывают «субъектное» и «объектное» в «субъективное» и «объективное» – беда, но ничего не поделаешь!), «внешнее–внутреннее»... Дмитрий Леонтьев нашел когда-то по отношению к «субъектному» и «объектному», что называется, «их третье» – «субъект». Класс! Но поиски «третьего», все-таки, не слишком-то популярны. А если и приводят к какому-либо результату, то как-то «пропускаются» обыденным сознанием, не отфильтровываются...

А между тем, «психика», по-моему, и есть то самое «третье», переходное, по отношению к тому, что принято называть «объективным» и «субъективным». С этой точки зрения, психика – есть некая часть реальности, сводящая воедино объективное и субъективное, центральное звено взаимоперехода между ними; а реальность в целом – это есть объективное + субъективное + психическое (переходное).

Объективная реальность характеризуется свойством «внеположности» (существования в другом, через нечто другое, по Гегелю). Например, химическое свойство «растворимости» каких-либо веществ (нечто, существующее объективно) проявляет себя во взаимодействии с другим веществом – водой, посредством воды. Все *физические* явления (заметим это и подчеркнем это особо!) обладают свойством «транспонируемости» (переместимости). Возникнув где-либо в одном месте, они, без какого-либо ущерба для себя, без утраты собственных свойств и параметров, могут быть воспроизведены в другом месте: буквально «перенесены» – в ипостаси корпускул, или «распространены» – в ипостаси волны. Вот почему, не только один наблюдатель, но и многие, потенциально – все, могут зафиксировать их существование в мире. Специфика объективного – это существование за пределами локуса возникновения.

Субъективная реальность характеризуется свойством имманентности. Это – внутренняя, то есть неотторжимая от живого существа и порождаемая им самим область феноменов. «Субъективное» включает в себя *образы* и *мысли* индивида, это его *побуждения* и *цели*, это возникающие у индивида *аффекты*, *эмоции*, *чувства*, *настроения* и др. О субъективном, как области психических *явлений*, писал С.Л. Рубинштейн, – помните? Давайте я вам процитирую. На память, впрочем, не рискну. Так... смотрим... первый параграф «Основ...». «Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно – это наши *восприятия*, *мысли*, наши *стремления*, *намерения*, *желания* и т.п. – все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано». Если внимательно, повторяю, очень внимательно, прочитать

первые параграфы «Основ общей психологии», то мы найдем там идею принадлежности субъективного индивиду и только ему – идею неотторжимости субъективных феноменов от их носителя, идею невозможности воспроизвести субъективное за пределами субъекта, чье достояние они образуют. Таким образом, различая, как и прежде, условия порождения и условия существования этих феноменов, мы можем сказать, что, будучи произведенным однажды, «субъективное» неотделимо от производящих его условий (локус существования того, что возникло, совпадает здесь с локусом возникновения его).

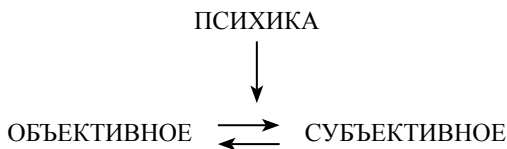
По этой причине внутреннее, субъективное невозможно каким-либо способом «увидеть», «подсмотреть» (сфотографировать или каким-либо еще способом воспроизвести) с позиции внешнего наблюдателя – оно не распространяется, подобно волне, и не перемещается, подобно вещи; оно принадлежит исключительно индивиду, составляет его достояние, имманентное свойство (в отличие от этого, повторяю, объективное есть всеобщее достояние, «существует для всех»). То, из чего состоит субъективное, внутреннее – это *переживание* (в леонтьевской школе, к которой принадлежу я сам, это – *чувственная ткань*). Переживания (чувственная ткань) не имеют сходства ни с чем вовне, ни на что не похожи, существуют только посредством себя, «через себя». «Красное», «горькое», «боль», «нежность», «новизна» – мы никогда не сможем передать кому-либо, что это значит, если только сам этот человек ничего подобного не испытывал и не испытывает, и он никогда не сможет перенять у нас эти переживания. Они – нераспространяемы, физическими приборами неуловимы, метафора «эфира», который бы подхватывал и переносил их, метафора, от которой отказалось большинство физиков, здесь тем более не подходит. Они пребывают там, где возникли.

Два слова о переживании новизны. Ну-ка, попробуем выразить его, это переживание «через что-то иное!» Ничего от него в таком случае не останется. Это, знаете, как в детском вопросе: сколько яиц можно съесть натощак? Одно, разумеется...

Наши восприятия, представления, память, мысль, устремления, намерения и т.д., и т.п. – все это суть *конфигурации (композиции)* переживаний, с которыми могут быть соотнесены вещи и действия, имеющие статус *объективно сущего*.

В этом контексте и предстает перед нами психика как реальность совершенно особая: как реальность, имеющая маргинальный статус. *Психика* – если попытаться дать дефиницию – это система процессов и состояний, реализующих *взаимопереходы* и на их основе *трансформацию* объективных и субъективных атрибутов бытия индивида (живых существ).

Давайте, Андрей, я поясню это очень простой схемой. Вот, сейчас нарисую:

Поразительная вещь! Сами по себе психические процессы – невидимы, беззвучны и неосязаемы; и ведь, правда, всмотритесь, прислушайтесь, ощутите – ни цвета, ни вкуса, ни запаха... И в то же время без них было бы невозможным появление зрительных, слуховых, кинестетических ощущений, были бы невозможны какие бы то ни было переживания. Так же и воля, внимание, сопровождаемые напряжением и усилием, сами по себе совершенно сверхчувственны; они не являются, не даны нам в чувствах напряжения и усилия как таковых.

Четверостишие об этом – Вам на память:

Психика – это ль не диво творения?
 Вот доказательство в две строки:
 нет никого, кто видел бы зрение
 и осязал бы работу руки...

Переход объективного в субъективное и субъективного в объективное, свершаемый посредством психики, совершенно неуловим. Неуловим эмпирически. Зазор, существующий между этими атрибутами бытия, не может быть «заполнен» физическими или химическими сущностями, «волнами» и «корпускулами», которые «фотографируются», «копируются» и т.п. приборами; точно так же «зазор» этот не может быть «перекрыт» представлениями об известных или еще неизвестных элементах чувственного.

Я думаю, такой, пограничный статус психического объясняет феномен перманентного поиска и реинтерпретации психологией своего собственного предмета. Вы согласитесь со мной, время от времени психология как бы утрачивает свой предмет – «исчезают» фундаментальные психологические категории понятия. Психология – Сатурн, пожирающий своих собственных детей. На протяжении истории психологии встречались случаи отрицания психологами реальности «ощущения», «внимания», «воображения», «мотива», «воли», «деятельности» и др. Вот вам еще один пример исчезновения. Цитирую: «Собственно говоря, *мотивов* не существует». Х. Хекхаузен, на которого я сейчас ссылаюсь, провозглашает мотив всего-навсего «конструктом» нашего мышления.

А вот то, что я предлагаю понимать под психикой, исходит из признания ее реальности, хотя и своеобразия ее онтологического статуса.

Это – некий особый род бытия. Бытия – а не фикции, сконструированной воображением теоретика. Я хочу сказать: психика – не гипостаза фантазии.

Мне кажется, гегелевские понятия «сопредельного», «переходного», «связующего», тут как раз то, что требуется для обозначения...

А теперь давайте присмотримся: каждый процесс, каждое состояние, каждое свойство психики представляет собой единство «центро-стремительного» (ориентировочная активность) и «центробежного» (исполнительная активность) переходов объективного в субъективное и субъективного в объективное. Когнитивные акты, такие как восприятие, память, воображение, реализуют переход «извне внутрь». А в том случае, когда мы говорим о психических реакциях на события вовне, об импульсивных «ответах», перед нами обратный переход – «изнутри вовне».

– *А мышление?*

– Оно уравнивает оба процесса, придавая статус реальности тому, что до этого существовало в субъективном плане (воображение, гипотезы о мире), и в то же время – статус субъективным отношениям, существующим вовне.

В некоторых случаях психические состояния способны «порождать» свой объект, то есть являются «самоподтверждающимися» (так, страх оступиться повышает вероятность падения, ревность «порождает» соперника и т.д., и т.п.).

Отдельные психические процессы и состояния выступают в единстве, образуя целостные системы активности, реализующие взаимопереходы объективного и субъективного. Таковы «предметная деятельность» (в трактовке А.Н. Леонтьева), установка (в теории Д.Н. Узнадзе), «настроение» (в концепции М.В. Басова), «живое движение» (в интерпретации В.П. Зинченко), «Я» (как *идея*, единство мысли и мыслимого – именно так я понимаю «Я»).

Психика относится к субъективным продуктам собственного творчества (мир субъективных явлений) так же, как и к объективной реальности: копирует нечто в том, что она сама создала, опускает что-то при этом, усиливает подчеркиванием, «группирует» наново. Когда мы говорим «душа», мы и имеем в виду эти движения перехода субъективного в субъективное. Эффекты восприятия двойственных картинок, «фигура-фон», перестук колес, в котором человек способен по своему произволу слышать то один стихотворный размер, то другой и т.п., все это – творения психики, результат вторичного психического отражения того, что уже было ранее отражено.

Впрочем, и обусловленные психикой преобразования объективного в объективное, например, когда мы рисуем, танцуем или произносим что-то, осуществляя произвольные и волевые акты, суть также «душа»,

то есть, в данном случае, психика, заявляющая себя вовне предметными действиями, коммуникативными актами...

Из определения психики следует, что существуют осознаваемые (присутствующие в субъективном плане) и неосознаваемые ее содержания. Психика – и исторически (в филогенезе и онтогенезе), и логически (в соответствие с приведенной дефиницией) – непосредственно неосознаваемое образование. Осознание основано на отражении (рефлексии) психического в субъективной сфере индивида; сознание – своего рода автопортрет психики вместе с ее предпосылками и результатами.

– *Но как психическое явление может существовать в физическом пространстве? Если бы психика была локализована в физическом пространстве, то есть топологически определена физически, мы бы психические продукты, например, наше удивление Берном, обнаруживали точно так же, как мы обнаруживаем предметы физического мира. Но мы же иначе обнаруживаем психические феномены...*

– Психическое, субъективное существуют «по ту сторону» трехмерного физического пространства, не локализуются в нем, за пределами «четырёхмерного пространства-времени». ...Боль? Цвет? Тяжесть? Где они существуют? Трёхмерная геометрия мира, плюс временная ось, недостаточны для «выведения» этих качеств.

Да и в том, что мы, казалось бы, «видим», есть очень много совершенно невидимого. Возьмем для примера кубик, будем считать, что стенки его прозрачны, пусть это будет стеклянный кубик. ...Итак, перед нами стеклянный кубик, и мы говорим, что мы видим его. Какие-нибудь сомнения? Никаких сомнений! Однако присмотримся: в лучшем случае лишь одна или две из видимых его граней представляет собой *квадрат*. Все остальные – *параллелепипеды (с неравными сторонами)*. Является ли кубом фигура, некоторые грани которой суть параллелепипеды (с неравными сторонами)?! Конечно же, нет! Итак, видимое нами не есть куб. И тем не менее, это – куб! Итак, в том, что мы видим, есть что-то невидимое, в данном случае, что-то, «подравнивающее» грани куба. Мы *осознаем* (и казалось бы вполне непосредственно *переживаем*) данный объект как куб, хотя зрение говорит нам, что это не куб. Для того чтобы осмыслить это, мы должны как бы присоединить к зрительным какие-то другие ощущения (например, «невидимые» кинестетические ощущения, «невидимые» переживания-предвосхищения того, что мы непременно увидим, когда кубик повернется в поле нашего зрения и т.д.). Чувство глубины, всегда присутствующее в визуальном плане, само по себе вовсе «невизуально». Словом, для того, чтобы объяснить, почему мы осознаем (переживаем) этот предмет как кубик, а не как нечто косоугольное с одной-двумя квадратными гранями, нам нужно выйти за пределы трехмерного пространства, в котором пребывает наш кубик, заняв некую

точку в геометрическом четвертом измерении, и оттуда «глядеть». Сознанию в «трехмерности» тесно.

Впрочем, можно подойти к идее многомерности («более чем трехмерности») геометрически, не покидая области визуальных переживаний. Помните, мы говорили о непосредственном переживании того, что мы *видим кубик*? Давайте, будем считать, что именно *видим*. Теперь будем рассуждать по аналогии: для того, что бы полностью видеть отрезок, мы должны выйти за пределы луча, на котором он расположен (выйти из одномерного в двумерное пространство). Для того чтобы видеть квадрат, мы, как наблюдатели, должны оказаться вне той плоскости, где находится этот квадрат. Для того чтобы видеть кубик, мы должны вышагнуть в четвертое измерение, и лишь «откуда» способны обозреть его полностью.

Пять чувств – вот вам минимум измерений, пять базисных векторов пространства нашего субъективного бытия. Но, судя по всему, и пяти чувствами не обойтись тут...

А психическое... Оно, по-видимому, – маргинально. Всегда – между качественно несводимыми друг к другу измерениями бытия.

Но Ваш вопрос, Андрей, содержит в себе еще один план. Вы можете спросить так: а кто, все-таки, видит субъективные содержания-творения психики? И я Вам отвечаю: «Никто».

Никто, понимаете... Картинная галерея пуста. В ней зрителей нет. Нет и художника. Автопортрет его, впрочем, присутствует – и это одна из картин в галерее. Автопортретов таких может быть много. На одном из них – он, рисующий себя (можно добавить – рисующий себя рисующим себя и т.д.). На другом – тот же художник, изображающий мир, окружающий его. Есть портреты других людей... Но никто никого не видит... Звучит голос, называющий имена, вещи... Например: «Я вижу эти картины», «Я знаю этих людей», «Я узнаю эти предметы». Но никакого «вѣдения» этих картин в галерее нет, как нет и никакого «знания» или «узнавания» чего-то кем-то «внутри». Просто, на одной из картин – мольберт, кисточка, зеркало и «видящий», «рисующий» себя художник, да подпись еще: «Автопортрет». Безумцы, дети и некоторые собраты-философы могут поверить в то, что все это происходит в действительности: это – художник, он – держит кисть, видит себя в зеркале, считает, что видит себя, подписывает картину и т.п.

Вы скажете: «Деперсонификация?! Клиника утраты “Я”?»

Нисколько! Скорее, демистификация. Остранение. «Деконструкция» привычных слов, привычных высказываний, типа: «Я вижу что-то», «Мне явлено нечто». Картинки, конечно, – есть. Нет, не точно... Слово «картинка» предполагает «зрителя». Как, впрочем, и слово «образ» (образы, говорим мы, нам «даны»). Увы, мы не можем вырваться за пределы слов, искажающих суть. Примысливаем (приговариваем)

«Я-созерцающее» автоматически, как если бы, говоря «Сепир», тут же присовокупляли «Уорф». В действительности все содержание сознания и самосознания может быть сведено к... Вот ведь, нет таких слов! Я хочу сказать, мы должны сойти с кода «вижу–не вижу» применительно к тому, что возникает в сознании, твердо придерживаясь просто «есть» или «нет». К примеру, высказывание: «Я видел сон» означает: «был сон», «был кто-то», о ком говорят «Я» (присутствует автопортрет субъекта) и – цепочка звуков «Я видел сон», привычное значение которых – фикция, которая, впрочем, может быть еще «зарисована» в сознании в виде объекта, символизирующего сон, в виде обычного символа, которым изображают глаз, в виде стрелочки, символизирующей «видит». Ничего кроме этого в высказывании «я видел сон» – нет.

Я вижу, Андрей, Вы не спрашиваете меня... может быть, ответ предвидите. А могли бы спросить: не упраздняется ли при таком подходе столь дорогая мне идея субъектности человека? Вы не спрашиваете, потому что, я думаю, для Вас очевидно, что идея субъектности не упраздняется, а наоборот, выявляет свою значимость для психологии. Мы ни на шаг не продвинемся вперед, в постижении активности, если допустим мысль о несущественности (эпифеноменальности) «субъекта», «субъектности», «Я» как сил регуляции поведения и сознания. Образ субъекта, схема субъекта и т.п. – как культурные знаки активного индивида образуют наиважнейшие узоры ментальности, конфигурируют своим присутствием феноменальное поле, соучаствуют в гештальтах, направляющих поведение. (Если у вас будет время и будет желание, взгляните мою статью «Семиотика Я».)

Гегель говорил, что идея свободы сделала людей свободными. Точно также и идея субъектности придает людям статус субъектов своих деяний, порождает ряд глубинных переживаний в сфере восприятия («пристрастность»), благодаря существованию в психике схемы «Я» мы чувствуем, что есть какой-то источник, какой-то родник наших чувств и мыслей. Мои коллеги, например, Владимир Велитарьевич Кучеренко, проводят замечательные эксперименты с трансовыми состояниями сознания, положим, отключают воспоминание о собственном имени («Вы не помните, как вас зовут! Вы забыли свое имя!!»).... Я не знаю, существуют ли эмпирические данные о сопутствующих изменениях в способности мыслить, решать задачи, но я думаю, что такой результат неминуем. Впрочем, самое важное – даже не этот, вполне вероятный, факт, а то, что схема (или, может быть, эйдос) субъектности, живущая в нас, порождает совершенно прагматическую (с точки зрения действия в среде) точку отсчета, или точнее – особое измерение мира; все, что есть благодаря этой точке отсчета, этому измерению, характеризуется мерой отнесенности к субъекту (принадлежность, данность, значимость и т.п.)...

Мы с Вами говорим о сознании... Но есть еще одна проблема, которую я считаю кардинально значимой: это проблема *онтологии бессознательного*. Меня всегда удивляло, как люди легко отвечают на вопрос: «Куда девается что-то, существующее в сознании, когда человек перестает об этом думать?» (они говорят, что оно сохраняется в мозгу – как если бы сознательное существовало в каком-то другом месте, впрочем – не знаю, у кого как).

– *Самый для меня разумный вариант ответа: память бессознательна.*

– Память бессознательна, но в какой форме существует бессознательное вообще? Я думаю, из сознания вообще ничего не уходит, вообще ничего... Но как это, «никуда не ушедшее», существует в сознании? Позвольте я прибегну к метафоре. Помните – картинка детская из «Мурзилки»? 12 замаскированных человечков... какие-то там были существа, замаскированные в листве, траве, ветвях, деревьях, постройках вокруг... Они там существуют... да?.. но сразу – невидимы. Их надо еще опознать, найти, прорисовать вниманием. Они никуда не уходят и не приходят оттуда – они находятся там. А просто конфигурация эта в какой-то момент осмысливается как фигура, но *там* она уже есть... Вот Вам один вариант бытия бессознательного в сознании.

– *То есть неосознаваемая часть в самом сознании?*

– Именно так! Давным-давно, четверть века назад, когда я рассказывал об этом студентам, я понятия не имел о том, что такое файлы в компьютере, что можно, нажав на кнопку, приблизить к себе деталь какого-нибудь ландшафта перед глазами, «развернуть» эту деталь на экране, потом еще раз нажать – и развернуть деталь этой детали, и так много раз... Я просто говорил о том, что в сознании есть частички, подлежащие укрупнению, увеличению, развертке – с сохранением изоморфизма малого и большого. Вот Вам еще один вариант бытия бессознательного (оно как бы невидимо) в сознании. Далее, это может быть процессуальная развертка того, что есть уже в сознании, в некое будущее – подобно тому, как математическая формула позволяет превратить одни значения в другие (в конце 70-х, когда я впервые задумался об этом, я ничего не знал о фракталах, они, кстати, и родились в математике в конце 70-х годов, сегодня, как мне кажется, понятия или, по крайней мере, метафоры, созвучные этим понятиям, могли бы более ясно выразить смысл «процессуальной развертки» бессознательного в сознании; я бы сказал так: то, что существует в сознании «от бессознательного» – это «образующий элемент» и правило обращения (алгоритм), а «бессознательное» – то, что соответствует результату реализации алгоритма на *n*-м шаге применительно предшествующему результату. Бессознательное, таким образом, «записано» в сознании в виде еще несбывшегося по-

слания из настоящего в будущее (а настоящее здесь – это «строительные элементы» и «способы обращения с ними», данные сознанию в каждый момент развертки послания). В сознании, таким образом, существует и материал, и механизм развертки.

Гегелевская логика дает нам еще одну аналогию. Я имею в виду эти переходы, в которых из «клеточки» «чистого бытия» («образующий элемент») и «рефлексии» (порождающий алгоритм) рождаются «наличное бытие», «качество», «количество», «мера», «явление», «сущность», «понятие», «действительность»... В чистом бытии и рефлексии все уже есть. Если еще раз прибегнуть к метафоре, это – голографический принцип: в части содержится целое.

– Я полагаю, что здесь другой возникает важнейший вопрос, на который если мы не отвечаем, то порушится вся возможная теоретическая конструкция, которую можно было бы построить. Любое теоретизирование при игнорировании этого вопроса – не более чем наша интеллектуальная спекуляция. Вопрос следующий: зачем природе нужна эта психическая форма жизни?

– Зачем природе нужна эта форма? Это замечательный, на самом деле, вопрос. Вопрос о смысле. ...Но ведь вопрос «зачем?» никогда не возникает у природы. Это вопрос, который возникает у субъекта. Вопрос, идущий от моего «Я».

– Здесь даже речь не о смысле, в привычном понимании этого слова. Скорее, об Идее. Хотя, можно говорить и о смысле, если мы допускаем возможность смыслопорождения у природы. Зачем объективному субъективному? Мы не вымышляем структуры и функции собственного психического устройства, это природное изобретение. Так мы устроены, это не наш произвол – отражать действительный мир. Мы лишь порождаем собственное психическое содержание, но никак не структуру и функции сознания. Есть законы, абсолютно объективные законы функционирования этого психического аппарата, установленного на человеческом организме.

– Вы спрашиваете меня о том, зачем природе это изобретение, правильно?

– «Я» порождает эту логику, которая приписывается природе. Но законы существуют независимо от человека. Законы психики – это физические законы, в том смысле, что они не измышляются, а открываются, будучи уже существующими объективно. Можно даже продолжить эту линию рассуждений и показать, как в вопросе «зачем?» естественнонаучное смыкается с гуманитарным. И все же, по-Вашему, зачем природе мучительное человеческое «зачем?»

– Итак, Андрей, зачем природе нужна была психическая форма отражения? Для меня вопрос о возможности смыслопорождения в

природе вообще – это вопрос о правомерности постулата сообразности в масштабах природы. Но я отрицаю правомерность этого постулата (именно как постулата, как опорной идеи) даже применительно к человеческому индивидууму. А уж в том, что касается природы в целом, отдаю идею сообразности, осмысленности проявлений сущего, полностью на откуп поэзии, мифопоэтическому мышлению, даже тогда, когда оно «позиционирует» себя в качестве философского или научного. Возьмите «Проселок» Хайдеггера. Исповедь древа, тропы – все здесь осмыслено. Опыт глубинного осмысления того, что есть в мироздании, самого мироздания – в каждой частице его. Или «принцип синхроничности» Юнга... Я видел коллег, уверовавших в синхроничность. А вот я, будучи в какой-то мере сторонником и Юнга, и Хайдеггера, отнюдь не сторонник идеи всеобщей осмысленности и неслучайности семантических рифм, образуемых единовременно протекающими событиями.

...Нет, правда, Андрей, принцип осмысленности природы, всего сущего, это «допущение», отзывающееся во мне, скорее, сомнением, чем согласием. А «сомневаюсь, что допускаю» – это *воздерживаюсь* (я писал о логической композиции «сомневаюсь» и «допускаю» в «Алгебре когито»).

Согласен, в вопросе «зачем?», в этом дискурсе, естественнонаучное смыкается с гуманитарным... И все-таки, слово «зачем» и все, что связано с этим словом, это порождение нашего ума, а не порождение природы как таковой. Вот почему, обсуждая проблему «зачем?», я переворачиваю вопрос: «Зачем субъективному объективное?»

– *Законы тоже порождение ума Эйнштейна, Ньютона?*

– Да, законы – это тоже порождение ума. Но в том, что касается их содержания, воли субъекта здесь нет. Эти законы, являясь порождением ума, не несут в себе отпечатка «зачем». Ни один химический, физический, биологический и так далее законы не заключают в себе этого вопроса. Они потому-то и становятся «законами природы», что в них нет никакого «зачем».

– *То есть нет антропологической начинки?*

– Антропологическая начинка это и есть вопрос «зачем?». Начинание начинки, начинение начинки – все это «от субъекта». Только у субъекта, только у моего «Я», только у сознания есть этот вопрос.

– *Да, это совершенно правильно, но тут несколько другой разворот темы должен быть. Если мы не верим, ну просто не верим в разумность природы, в разумность, в буквальном смысле слова, тогда вообще невозможно никакое познание.*

– Возможно... Когда мы достраиваем природное до разумного. Набрасываем на природу смысловые гештальты, латая дыры бессмыслен-

ности. Все это, в конечном счете, гегелевские сюжеты: о соотношении действительного и разумного. Но я, все же, говорю сейчас о другом. Надо просто понять и принять, что мы – вторая природа, природа особая. Для нас, существующих в квазифизическом мире, есть свои законы – квазифизические – и свои, квазифизические, категории. Категория смысла одна из таких категорий.

– То есть функциональная организация психики регулируется квазизаконами, которые мы сами придумываем для себя? Так?

– Само устройство психического несет в себе два начала. Оно включает в себе субъективное и объективное. От субъективного – смыслы, а объективное – на смыслы скупо. Вот о чем я сейчас говорю. Но это не я говорю, это – Кант. Это – кантианский подход, и для меня он значим. Ведь Кант, он не только говорил, что, по сути, мы вносим квазиестественные построения в мир (и что вообще естественное связано с привнесениями, и что смысловые опоры мы точно также вносим в себя). Кант открыл это. На этих привнесениях и зиждется «зачем?». И по той же причине нам всякий раз кажется, что есть ответ на этот вопрос.

– Просто в силу своей человеческой природы...

– Да, по своей природе. Кант вот как-то отважился сказать об этом... Но давайте будем последовательными и скажем со всей категоричностью: не все, не все в человеческой природе, поведении, активности, не все в сознании может быть осмыслено, проинтерпретировано в контексте «зачем?». В этом и состоит мое представление о психике, человеке, активности человека. Традиционно, со времен Аристотеля поведение человека, вместе со всем мирозданием, рассматривается как направляемое энтелехией (конечной целью), природа человека – как нечто, пронизанное его интересом, из которого она может быть понята, осмыслена. Однако же, когда дует ветер, мы не спрашиваем «зачем?» и «ради чего?». Мы говорим, что он дует «куда-то» и «почему-то». Мы не используем тут телеологических определений. Это в мультиках ветер дует «ради чего» и «зачем». Когда же мы рассматриваем человека, то всякий раз спрашиваем, зачем и ради чего, – не только почему и куда (хотя также и этим интересуемся), но непременно – ради чего и зачем! Будто бы все в психике, сознании, поведении человека подчиняется теологическому основанию, будто постулат сообразности сомнению не подлежит. Но я оспариваю этот постулат. Я обозначаю его формы, этого постулата, – гомеостатическая, гедонистическая, прагматическая, прочие формы – обозначаю и критикую их. Критикую сам принцип заданности, определенности (определенности) человека Вершинной или Глубинной Целью, – как бы мы не истолковывали эту изначальную Цель. Я говорю: в силу законов работы нашего разума, мы вносим Цель, ищем Смысл. Но, опять-таки, как разумные существа, мы способны оппонировать этим законам, со-

зная, – ограничивать их. А что до смыслов природы... мы познаем мир по законам самопознания – и в этом корень иллюзий.

– *Формы активности – они производны от сознания?*

– Да, производны.

– *То есть сознание есть необходимое условие для таких феноменов?*

– Да, безусловно. И я хотел бы, если позволите, обратить Ваше внимание на более общую проблему понимания истоков активности.

Я вижу три возможных концептуальных системы интерпретации детерминант сознания и поведения, три точки зрения на этот предмет. Первая – это точка зрения Цели, телеологическая точка зрения, мы о ней только что говорили. Мол, ищите, и вы обязательно доберетесь до некоего целевого основания, которое якобы изнутри упорядочивает все проявления активности. Вторая – это точка зрения Хаоса.

– *Вы имеете в виду достаточно популярную сейчас теорию Хаоса?*

– Теория Хаоса, ну, в варианте психологическом, это теория Фрейда, – с появлением, наряду с либидо, и танатоса, – после этого, естественно, уже не осталось единого целевого основания для расшифровки тайн активности.

– *Фрейд – первая попытка создания психологической теории хаоса?*

– Возможно, что так; не берусь утверждать. Идея хаоса потом отчетливо была прорисована Фанти в его микропсихоанализе... Хаос как основание человеческого бытия. В отличие от всех телеологических теорий.

– *Всех, так или иначе, каузальных.*

– Всех телеологических каузальных теорий. А вот тут хаос, разброд подсистем, так скажем. Каждая из которых стремится к своей собственной цели. Например, «заинтересованная подсистема тревоги». Я когда эту мысль высказал в статье, в 1975 г., в «Вопросах психологии». Потом, я думаю, совершенно независимо от меня, психиатр Файвишевский, развивал те же идеи...

– *В этом смысле человек множественен?*

– Он множественен. Существуют замечательные теоремы, я имею в виду достижения школы Бернштейна, Гельфандта, Цетлина, их сотрудников, описывающие поведение конечных автоматов в некоторой среде обитания. Доказано, что, для того чтобы добиться максимума в своих взаимоотношениях со средой, они должны вступать в коалицию друг с другом – объединяться в целостность. Не целому нужны части, а частям необходимо целое. Я говорил только что о подсистеме тревоги.

Конечно, она необходима для жизни, для выживания. Но она работает отчасти и на себя; сигналы тревоги – это ее «пища». И если, положим, очень долго сигналов тревоги не поступает извне, она сама начинает их продуцировать. У каждого из субъектов, образующих целое, есть свои интересы. Разумеется, можно вообразить, что есть некий «сверх-субъект», управляющий ими (именно это я отрицаю), но можно принять гипотезу о синергии субъектов, играющих пьесу, не написанную еще никем, творящих свою музыку без предварительного замысла и без дирижера. ...Джаз!

– *Но тогда есть какой-то выделенный язык внутренней коммуникации...*

И тогда есть язык внутренней коммуникации. Я говорю, что среди этих подсистем, каждая из которых работает на себя, есть одна подсистема, которая не работает на себя. Точнее она так работает на себя, что в ее интересах – обеспечение работы других подсистем. Я говорю об информационном зеркале, позволяющем одним подсистемам получать сведения о работе других подсистем, так что каждая знает каждую. Подсистема, которая налаживает эту коммуникацию, связывает подсистемы одну с другой... как бы Вы ее назвали?.. – «Я». Функция «Я» – «отзеркаливать», сообщая о том, что творится в каждом из субъектов, в составе целого, о каждом – каждому. Универсальная функция – отражать... Оно так отражает, так имитирует, что создаются нелепые, совершенно неадаптивные порой проявления.

– *То есть «Я» по природе своей рефлексивно, верно?*

– Рефлексивно. Возникает такой вопрос: «хорошо, есть целевой хаос. Есть заинтересованные подсистемы (их можно называть субъектными подсистемами, «субличностями» и т.п.). Они действуют в своих интересах. Но нет ли такой подсистемы, у которой нет ни одного собственного интереса, который бы не был в то же время опосредствован интересами других, смежных подсистем?

Я буду исходить из того, что такая подсистема возможна, что суть ее в рефлексивном соотношении между собой других подсистем и что такая подсистема уже нами названа: это – «Я». Иными словами, мы говорим о том, что «Я» живет «заимствованными» интересами смежных целевых систем. Но это отнюдь не значит, что ей не свойственны свои интересы (просто они от интересов других подсистем неотчуждаемы). И я могу сейчас указать некоторые интересы «Я», благодаря которым его не выталкивают со сцены другие заинтересованные подсистемы.

«Я» – согласовывает устремления других подсистем. Именно согласовывает, а не упорядочивает, потому что система «Я» – по крайней мере, в моей модели – не играет роли какого-либо третейского судьи. «Я» не судит и не ранжирует. Первый ее интерес – это соотношение

интересов других субъектных подсистем. Таких как «Оно» и «сверх-Я», берновский Родитель и Дитя, Либи́до и Танатос и т.д., и т.п. А для того, чтобы соотносить интересы, нужно их рефлексировать. Ошибешься, и вместо согласия – бунт, вместо принятия – отчуждение, вместо согласия – разрыв и надрыв... Но истинное, совершенное «Я» позволяет каждой системе, быть представленной в «Я» самотождественным образом. Такое «Я» являет нам лик миротворца, сообщая каждой – о каждой, каждую – с каждой. Существует и другой интерес, присущий системе «Я». Он состоит в том, чтобы продуцировать саму способность к имитации (рефлексии) по отношению к другим подсистемам. Ибо для того, чтобы «Я» справилось с решением первой задачи – примирения, оно должно уметь повторять в своих состояниях содержание смежных подсистем, быть универсальным имитатором. Оно так отражает, так имитирует, что являет вонне какие-то «дикие», нелепые какие-то «штуки». Это – и абсурдные действия, о которых говорят: «Прекратите юродствовать!», это – и риск бескорыстный, мною любимый (он тоже несет в себе это «проигрывание!»), и – показное злодейство (а иногда просто злодейство из разряда немотивированных), и – «поддавки при игре в прятки», и – «нарцисстическое самосозерцание», и также – игры не-детские в кабинете у терапевта... Родитель, Взрослый и Дитя Берна, архетипы Юнга, «субличности» Ассаджиоли, «Фигурки сна», «Монстры» Минделла – все эти внутренние субъекты превращаются при этом в эталон для подражания «Я». Наше «Я» как бы присоединяется к каждому из этих субъектов, повторяя их, – такого рода присоединения... ну, совершенно непрагматично. Нет смысла искать здесь иной смысл, чем просто имитация для имитации – для порождения (измерения) самой способности к имитации, способности быть чем-то иным.

Так рождаются «игры», интриги, комические положения, всевозможные розыгрыши – словом, особая драматургия собственной жизни. Скажу еще раз: при взгляде извне, со стороны, то, что человек при этом творит, точнее, вытворяет, совершенно абсурдно, рискованно, вычурно, но смысл – уж коль скоро мы доискиваемся до смысла – смысл этого поведения в том, чтобы имитировать смыслы других субъектов, «живущих» внутри.

– Да, это очень красивая идея, но как можно эмпирически ее тестировать? Возможен ли какой-то эксперимент?

– Пока, на сегодня, я могу говорить только о том (и эмпирически это обосновывать), что субъекты, «живущие» в личности – это, скорее, реальность, чем просто слова, ярлыки (современные транзактные аналитики предпочитают думать, что это всего лишь термины, обозначающие некие паттерны активности, или, в лучшем случае, «привлекательные метафоры»). Берн, очевидно, не слишком-то доверяя своим

последователям, предостерегал своих толкователей и критиков от подобного рода прочтения своих идей (я писал об этом в своих статьях о Берне).

Итак, представим себе испытуемого, которому надлежит проранжировать некоторый ряд ценностей. Подаем этот ряд ценностей в двух видах: условно говоря, «детские» формулировки и – «не-детские». Вот, например, «Детские»: «Я – настоящий друг», «Я – богач», «Я – маг», «Я – знаток» и т.п. «Не-детские»: «Дружба», «Деньги», «Экстраординарные способности», «Компетентность» и т.п. (Каждая из ценностей снабжена коротким и доходчивым пояснением.) 16 «детских» и соответственно 16 *аналогичных* по смыслу «взрослых» формулировок. Предлагаем испытуемому сесть на Кресло «Мечтаю» («Детское креслице») – вернуться в детство, «побыть ребенком», «поговорить о своих сокровенных желаниях и мечтах» (испытуемый ранжирует карточки с «детскими» формулировками ценностей). Далее испытуемый пересаживается (иногда – символически, иногда – физически) на Кресло «Должен» («Родительское кресло») и «прислушивается» теперь к голосу наставника, который «указывает», «советует», «требует», «говорит о долге» (ранжируются карточки с «не-детскими» формулировками ценностей). После чего испытуемый пересаживается на Кресло «Считаю» («Взрослое кресло») и принимает решение о том, что он сам для себя считает сегодня необходимым или полезным, и, таким образом, ранжирует ценности, в соответствии со своими актуальными намерениями (ему вновь предъявляют ценности в «не-детском» словесном оформлении). Сегодня перед нами – несколько сотен протоколов работы с испытуемыми различного возраста (начиная с подросткового). Все они совершали «Детские», «Родительские» и «Взрослые» выборы. Как Вы думаете, каковы – в среднем – корреляции между этими выборами (я имею в виду интраиндивидуальные корреляции по испытуемым, то есть, обобщенно говоря, между – 16-ю *моими* выборами «Мечтаю», 16-ю – «Должен», 16-ю – «Считаю»)? Оказалось – 0, нулевая корреляция! То есть Детские, Родительские и Взрослые предпочтения *независимы*. Поэтому, когда я говорю, что я выбираю *это*, правомерен вопрос: кто во мне выбирает *это*: Дитя, Родитель, Взрослый. Во всех известных мне социологических измерениях (а их сонм!) никто не задается этим вопросом. Между тем, поведение в реальных условиях может обнаруживать скрытую детерминацию со стороны самых разнообразных сил – инфантильного опыта прошлого (Дитя), заемного опыта (Родитель), внутренне-проработанного, критически осмысленного опыта Взрослого в нас. Может быть, отсюда, как раз, и знаменитый парадокс Лапьера, свидетельствующий о несовпадении когнитивных и поведенческих установок...

– Ну, так кто же, в конце концов, выбирает?

Выбор – мультисубъектен. В редких случаях мы можем заузить круг выбирающих так, чтобы можно было показать пальцем – «Вот кто!». Перед нами, скорее, феномен синергии субъектов. Я уже говорил о том, что не надо искать «суперсубъекта», творящего поведение. Модель, которую я построил, отталкиваясь от некоторых фундаментальных идей Лефевра, позволила мне описать детерминацию «мультисубъектного выбора». Иными словами, я построил транзактную модель экзистенциального выбора, интегрирующую в себе активность Взрослого, Родителя и Дитя. Она выглядит так:

$$W_{Ц} = (x_B \rightarrow *y_P) \rightarrow *z_D \rightarrow *f_M$$

Здесь W – мера фактического благополучия человека, совершающего выбор некоторой ценности ($Ц$), x_B – запрос Взрослого (мера актуальной необходимости), y_P – ресурс, предоставляемый Родителем (мера долженствования), z_D – ресурс, предоставляемый Дитя (мера хотения), f_M – ресурс, предоставляемый миром (мера благоволения среды), этот ресурс может зависеть от устремлений личности, иногда полностью, а может и не зависеть от них (шансовая ситуация); $\rightarrow*$ – знак метаимпликации, позволяющий соотносить, по аналогии с обычной материальной импликацией, не только «четкие» значения переменных, то есть 1 и 0 , но и все рациональные числа, в интервале между нулем и единицей (например, $0,3 \rightarrow *0,6$ и т.п.). Я ввел и определил знак метаимпликации, чтобы сохранить логику использования оператора импликации для широкого круга значений, описывающих запросы и ресурсы субъектов, «образующих личность» (и плюс еще – ресурсы среды). Метаимпликация $a \rightarrow *b$ интерпретируется так: запрос a реализуется посредством ресурса b , результат импликации – как мера приемлемости b с точки зрения a . Среднее ожидаемое значение метаимпликации вычисляется так: $(a \rightarrow *b)_{\text{ср. ож.}} = 1 - a + ab$ (нижний индекс «среднее ожидаемое» я обычно опускаю при записи). Вы можете для простоты проверить формулу применительно к «четким» значениям – 0 и 1 и убедиться, что можно прогнозировать благополучие (адаптивность) личности в среде в соответствии с тем, что подсказывает интуиция (если, конечно, Вам довелось сталкиваться – и Вы еще не забыли их – с четырьмя соотношениями, описывающими исходы материальной импликации, а именно: $1 \rightarrow 1 = 1$, $0 \rightarrow 1 = 1$, $0 \rightarrow 0 = 1$, $1 \rightarrow 0 = 0$). Отталкиваясь от этой формулы, я могу прогнозировать, насколько состоятельным окажется человек, который ставит, к примеру, ценность денег в «детском» ряду на довольно низкое, 3-е, место (я имею в виду на 3-е место из 15 позиций, где 0 соответствует низший ранг ценности, а 15 – высший ранг), на 10-е – в «Родительском» и на 5 – во «Взрослом» ряду. Если предположить, что

«все зависит только от самого человека», то есть f совпадает с энтузиазмом, измеряемым согласно формуле: $(7/15 \rightarrow *10/15) \rightarrow *3/10 (\approx 0,32)$, то итоговое благополучие мы прогнозируем на уровне $0,32 \rightarrow *0,32 (\approx 0,78)$, то есть – с человеком, вроде бы, «все в порядке», но благополучие его основано, скорее, на отказе от денег, чем на стремлении к ним...

Совместно с О.С. Митиной на другом экспериментальном материале мы получили основание считать, что этот подход правомерен, по крайней мере в той части, которая касается «энтузиазма» человека, то есть значения $(x_B \rightarrow *y_P) \rightarrow *z_D$.

...Андрей! Должен признаться: понимаю, что все, о чем я говорил, отвечая на Ваши вопросы, может быть поставлено под сомнение. Многое может показаться слишком умозрительным, а то и избыточно фантазийным. Но ведь мы условились: я буду говорить только о том, что мне самому кажется наиболее уязвимым, наименее однозначным...

А иначе – зачем говорить?

Спасибо, Андрей, за этот тренинг неуязвимости!

ГЛАВА 31. ДИАЛОГ С ЖУРНАЛИСТОМ

У моей собеседницы необычная манера слушать. Лицо ее, по мере того как собеседник становится все более и более разговорчивым, приобретает все более простодушное выражение. Появляется что-то детское, – и это расковывает, начинаешь делиться самым сокровенным, еще никому не «выговоренным»...

Но тут все резко меняется. Это она задает свой очередной вопрос. Иногда – совсем неожиданный, иногда – напрашивающийся, но всегда требующий размышления. Многие ее вопросы не кажутся новыми только потому, что сам себя когда-то терзал ими.

Разговор записываем на магнитофон, иногда его отключаем, чтобы не переводить пленку, иногда я прошу: «Не для записи!..» Вечерние телефонные звонки: «Я бы хотела уточнить... Мне тут неясно...»

Алла Алова – журналист, имеет немалый опыт общения с теми, чьи профессиональные интересы касаются личности человека. Я читал ее интересные интервью с И.С. Коном, А.Г. Асмоловым, Б.С. Братусем, В. Смеховым... Мысленные диалоги с А. Аловой я веду по сей день. Вот кое-что из опубликованного и кое-что из недосказанного.

Реальными и мысленными диалогами с журналистом я хотел бы завершить эту книгу.

Наше общение часто возвращалось к одному и тому же пункту – притче о волшебной смеси. Да простит меня тот самый физик, если моя ассоциация по сходству покажется ему слишком далекой!

Ответ Эдисона

– Вы обещали рассказать мне о чудодейственной смеси, ну, о той, которая растворяет все...

– Эта история, говорят, связана с именем Эдисона. Пришел к нему один человек и сказал, что ему удалось изобрести универсальный растворитель, такую смесь, которая растворяет буквально все. «Прекрасно, – сказал Эдисон, – но в чем вы собираетесь хранить свою смесь?» Я хотел рассказать вам этот занятный случай для того, чтобы пояснить

свою мысль: деятельность человека во многом подобна этой волшебной смеси – ее не в чем хранить. Она **движется**, выходит из берегов любых целей, намерений, побуждений. В движении она размывает свои собственные черты.

– *Знаете, это довольно абстрактно: «размывает свои черты»...*

– Вот мы, например, убеждены, что у любой деятельности есть автор («субъект»), что она всегда направлена на ту или иную вещь («объект»), что – вначале сознание, потом деятельность. Кроме того, мы не сомневаемся в том, что деятельность – это процесс и что ее можно наблюдать со стороны, или уж, во всяком случае, «изнутри» – глазами самого человека. Все так и есть, пока мы не принимаем в расчет продвижение человека к уже принятой цели и отвлекаемся от того факта, что сама деятельность при этом движении развивается. Но если предметом внимания мы сделаем движение деятельности, то вдруг окажется, что все сказанное о ее строении теряет отчетливость, как бы смазывается. Теряет «резкость» автор; ориентированность деятельности на объект уступает место ориентации на другое лицо (деятельность превращается в общение); процесс деятельности распадается на множество ветвящихся и вновь сливающихся «ручейков-переходов», и слово «процесс», для того, чтобы их все охватить и обозначить, уже не годится; вместо того чтобы сознание предвзяло и направляло деятельность, оно само оказывается чем-то вторичным, выводимым из деятельности... И все это в силу тенденций собственного движения, саморазвития деятельности.

– *Если деятельность движется, то, простите за прямолинейность, куда и откуда?*

– Я понимаю Ваш вопрос так: что образует источник этого движения и к каким последствиям оно приводит. На мой взгляд, источник движения деятельности – в ней самой и заключается в несовпадении целей и результатов человеческих действий. Всегда есть элемент несоответствия между тем, к чему стремишься и чего достигаешь; это несоответствие может заключаться не только в неблагоприятных последствиях достижения, но и в том, что результат действия богаче принятой цели. Независимо от того, оказывается ли замысел выше воплощения, или, наоборот, – воплощение превосходит замысел, расхождение между стремлением и эффектами осуществленных действий стимулирует активность человека, движение его деятельности. А в итоге рождается новая деятельность, и не только своя собственная, но, возможно, также – других людей. Ведь последствия деятельности затрагивают многих; человек оказывается «отраженным» в жизни других.

– *Но если человек знает заранее, что цель его стремлений и результат достижений не совпадут, то не приведет ли это к тому, что у человека просто пропадет желание действовать?*

– Во-первых, сказанное о несовпадении вовсе не означает, что цели не воплощаются в результатах. Речь идет лишь о возможной непредсказуемости последствий деятельности. Во-вторых, и это для нас самое главное, человек может отдавать предпочтение как раз тем действиям, вероятность расчетного исхода которых субъективно уравнивается с вероятностью противоположного исхода; предпочитает именно потому, что хорошо знает об этом!

– *То есть Вы хотите сказать, что человек заранее знает, что действие может закончиться для него провалом, и именно эта возможность подталкивает его к действию? Но ведь это лишено всякого смысла!*

– Я бы мог назвать, как минимум, три побуждения к действию такого рода: стремление к преодолению трудностей, стремление к неизведанному, стремление к опасности. Действуя в направлении трудностей, неизведанного, риска, люди намеренно ставят себя в условия, которые, возможно, потребуют от них дополнительных усилий. Движение собственной деятельности здесь выступает как особая деятельность, имеющая свой – неадаптивный – мотив.

– *Стремление преодолевать трудности – это я понимаю. Стремление к неизведанному – тут уж мне память подсказывает: «Поэзия вся – езда в неизвестное!..» Но вот тяга к опасности...*

– Много лет назад я рискнул, простите за каламбур, заняться риском вплотную. И, просматривая литературу, обнаружил странную вещь. Исследователи были заняты совсем «не тем» риском. Их интересовал риск мотивированный, риск ради **чего-то**. У меня же были некоторые подростковые воспоминания, которые в эту схему не укладывались. Знаете, бывает такое ощущение, когда влезать на скалу очень страшно, но не можешь от этого желания отделаться, опасность притягивает, манит...

– *Риск ради риска?*

– Вот-вот. Я в детстве даже не мог решить, что же будет считаться проявлением воли: если я страх преодолен, взберусь или если устою перед искушением.

Именно такой риск и стал предметом исследований. Началось все с эксперимента. Вертикальная панель, а в ней вырезан круг. По окружности с постоянной скоростью бегают огонек. Часть круга закрыта, и огонек то в зоне видимости, то скрыт. В скрытой части еще есть «запретная зона», она заштрихована. Задача: когда огонек скрывается, догадаться, где он находится и с помощью специальной кнопки вовремя остановить, пока он не попал в «запретную зону». Если он все-таки туда угодил, испытываемому в наушники подается резкий, неприятный звук – «наказание». А условия этого испытания таковы: чем ближе к «запретной зоне» остановишь огонек, тем больше получишь очков.

К риску стремятся многие, и это естественно. Дополнительные очки подстегивают. Вот он, «разумный» риск – лежит, так сказать, на поверхности.

Но другой, главный для меня риск – самый интересный и непонятный, тут скрыт. Как его экспериментально выделить?

Изменяю условия. Никаких очков, никаких стимулов рисковать. За риск ждет только наказание. Казалось бы, останавливай огонек как можно дальше от опасной черты, и все! Так многие и поступали. Но некоторые... Они упорно «искушали судьбу» – останавливали огонек у самой черты и иногда получали довольно-таки неприятный щелчок.

Неужели это и есть тот бескорыстный, антипрагматический риск? Надо было все проверить...

Желание «подыграть» экспериментатору отпадало, испытуемые вообще не знали, что это будет проверка тенденции к риску. Им говорили, будто это тест на реакцию, на способность к экстраполяции.

Может, им хотелось показать свою смелость, а экспериментатор принимал это за «рисковость»?

Снова изменили условия – ввели аудиторию. Да еще какую! Испытуемый – это молодой человек, а в свидетели набирают девушек. И что же? Тенденция к риску падает. Нет, и такое объяснение не годится...

А если наказание слишком слабо и его никто не боится? Сделали щелчок еще более резким, вообще трудно переносимым. Но это увеличило тенденцию к риску!

Итак, все подтвердилось. Риск – тот самый. Очищенный от посторонних мотивов. Причем результаты последнего варианта опыта были для меня неожиданностью – усиление опасности обостряет «склонность к риску».

Теперь предстояло ответить на главный вопрос: почему люди рискуют? Зачем? Давайте проведем с вами небольшой эксперимент. Пожалуйста, не оборачивайтесь! Не смотрите назад!.. Конечно, Вы легко справились с моим требованием. Но, не сомневаюсь, что посмотреть-то Вам захотелось!

Разгадку риска на время отложим, а займемся только что случившимся.

Чтобы освоить и осуществить любое действие по требованию, мы обязательно его сначала мысленно «проигрываем». Когда сложился навык, предварительное моделирование ситуации в уме сворачивается, происходит мгновенно, человек действует уже как бы автоматически. Меняется ситуация, необходимо освоить еще какое-то действие – и мы снова начинаем ту же работу, прикидывая наперед все предстоящие операции.

Известно, что в этой репетиции участвуют все психические «службы» организма. Достаточно представить себе, как вы сейчас возьмете в

руки стакан, обернетесь, встанете, – и в состоянии «боготовности» приводятся все соответствующие мышцы, они уже мобилизованы, способны произвести то, что вы себе представили. Это фиксируют приборы.

Насколько такая репетиция видна со стороны, зависит от степени сложности задачи и от умения владеть собой, то есть в каком-то смысле от силы воли. Прежде чем научиться читать про себя, ребенок при чтении долго шевелит губами; порой шевелят губами и люди, ведущие мысленный разговор с кем-то. Тщательно проработав эту проблему, выдающийся психолог П.Я. Гальперин создал очень эффективную систему поэтапного формирования действий: от постепенного освоения каждой операции сначала «на пальцах» – в материальном плане, и только потом, через ряд ступеней – в уме, в идеальном плане. Здесь уже действие выступает в «свернутой» форме.

Так вот, я предположил, что с запретными действиями может происходить то же самое.

Когда нам говорят, что чего-то делать нельзя, мы сейчас же это действие «прокручиваем» и как бы говорим себе: вот этого – понял чего? – делать нельзя. Когда я попросил не оборачиваться, вы мысленно обернулись и именно поэтому! – у вас тут же возникло желание действительно поглядеть назад. Хотя вы же видели, когда входили, – ничего там в углу особенного нет: стол, стулья, стеллажи... Я условно назвал этот механизм повтора наяву своего мысленного действия самоподражанием.

Что будет, если человеку сказать: «Смотри в эту точку, а вон в ту смотреть нельзя» и особым прибором фиксировать движение глаз? Испытуемый, сам того не осознавая, будет постоянно поглядывать в запрещенную точку.

Но мы, взрослые, если хотим, конечно, можем противостоять этому искушению. А вот дети не могут. Скажите ребенку в возрасте до трех-четырех лет: «Не бросай шарик», – и он его тут же бросит. Вы его накажете, и совершенно напрасно. Он ведь не из вредности его бросил – просто мысленно представил себе это действие, а не повторить его в реальности пока не может, потому что мысленный и действительный планы для ребенка еще слишком слиты.

Вот один из наших экспериментов с детьми, проведенных под моим руководством Е.И. Кузьминой. Дети бегают по комнате, играют. Потом мы делим комнату на две части – на пол кладем ленту-границу. И говорим: в ту половину, что за лентой, ходить нельзя, играйте здесь. Знаете, что тогда происходит? Самые маленькие тут же, как по команде, выбегают в запретную половину. Они, как я уже сказал, иначе не могут. А тем, кто постарше, тоже не терпится, но действуют они хитрее. Одни ходят прямо по границе – как Чарли Чаплин в фильме «Золотая лихорадка». Другие одной ногой осторожненько ступают за ленту – обследуют за-

претную территорию. Третьи, самые изобретательные, будто бы нечаянно выкатывают туда мяч и бегут за ним с невинным видом.

Ребенок осваивает запрет, совершая запрещенное действие. И только на десятый или сотый раз он сможет представить себе – и не сделать. Возможно, есть смысл сначала дать ребенку возможность в игре, в искусственной ситуации освоить какое-то действие – что-то сломать, бросить, разбить, разрисовать, – а потом уже запрещать...

– Допустим, механизм самоподражания понятен, но какое он имеет отношение к риску?

– Когда вы мысленно прикидываете будущее рискованное действие, возникает страх, потому что последствия в случае не «пан», а «пропал» тоже проносятся перед мысленным взором. В этот момент и происходит потрясающе интересная вещь! Страх резко ослабляет самоконтроль, выработанный с возрастом, и вы будто превращаетесь в ребенка, к вам из детства возвращается усиленное, навязчивое самоподражание – подражание своим представлениям. И вы совершаете этот рискованный поступок.

Вот вам исток склонности к риску. И ответ на загадку. Опасность притягивает, манит, а на самом деле притягивает, манит мысленное действие, которое мы на фоне страха не можем не повторить. Поэтому, когда нам не только запрещают что-то делать, но еще и запугивают нас последствиями, часто добиваются как раз противоположного.

Механизм самоподражания, возможно, универсален; я полагаю, он лежит в основе многих вредных привычек. Люди в разной степени склонны к самоподражанию – к подражанию своему мысленному действию, вызванному запретом. Для некоторых запрет – прямое побуждение к поступку. Между прочим, алкоголь превращает мысль и действие в сиамских близнецов; недаром говорят: что у трезвого на уме, у пьяного – на языке. Человек становится тенью своего воображения, контролер в лице воли почти бессилен.

– Но почему люди с сильной волей рискуют – они же могут с собой справиться?

– Если риск привел к травме, моральной или физической, человек впредь рисковать, наверное, не станет. А если наоборот? Рискованный вариант станет еще дороже: преодолен страх, одержана какая-то победа над собой. Тогда опасность начинает притягивать – она обещает огромное удовлетворение, чувство освобождения, катарсис. И в человеке крепнет склонность к риску, риск становится для него самоценностью. Причем «повторение пройденного», та же степень опасности, катарсиса уже не вызовет. Следовательно, нужно ее усилить; нужны новые, более суровые условия, более трудные рубежи, более отвесные скалы: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...».

– *И все-таки одно звено в вашей логической цепочке остается непонятным. Если мы мысленно представляем себе любое действие, почему самоподражание работает именно при запрете? Иными словами, почему сладок именно запретный плод?*

– Действие со знаком «надо» мы совершили – пусть только мысленно – и забыли про него. А то, что со знаком «нельзя»? Удерживаемся, крепимся, собираем всю имеющуюся волю... Но представлять-то мы его каждый раз представляем, импульсы к действию накапливаются. В результате притягательность этого действия умножается, многократно усиливается – и мы его все-таки совершаем. При этом съедаем уже не одно пирожное, а пять²².

Через исследование риска я вышел к более широкой, фундаментальной проблеме психологии. Обычно активность человека всем кажется целесообразной, на что-то направленной, предопределенной какими-то готовыми целями, мотивами, стремлениями, побуждениями. Если я не понимаю, зачем кто-то что-то делает, то только от незнания: надо разобраться, и цель обязательно обнаружится. И все мы без конца реконструируем цели друг друга, приписываем друг другу какие-то мотивы, потому что в глубине души убеждены – немотивированных действий не бывает. Но изучая странный риск «ни за чем», я заметил, что человек иногда вообще совершает действия «абсолютно лишние», избыточные относительно всех его уже имеющихся целей, мотивов, стремлений. Эти действия «сверх программы» я назвал надситуативной активностью. Она обычно направлена в неосвоенную область, неосвоенную настолько, что тут еще нет каких-то предзаданных целей, побуждений. Все это формируется позже «по ходу дела».

Человек сначала действует, поступает как бы бесцельно, «ни за чем», лишь потом на основе этого неожиданного для себя самого действия оформляется «ради чего».

– *А сама надситуативная активность возникает совсем уж из ничего? Но так же не бывает...*

– Я думаю, в какой-то момент у нас возникают избыточные возможности, которых значительно больше, чем требует задача. И мы начинаем эти избыточные возможности расходовать, тратить, воплощать – так обнаруживает себя надситуативная активность. Мастерство всегда рождает новые избыточные возможности. В результате деятельность приобретает собственный источник развития, становится самодвижущейся. Деятельность, творчество – *perpetuum mobile*... Переживание «Я могу» постоянно

²² Спустя много лет, я построил математическую модель, описывающую «возгонку влечения» в условиях мысленного повторения, она представлена в главе 6 этой книги.

переходит, трансформируется здесь в переживание «Я хочу», становится реальным мотивом действия...

– Но ведь считается так: сначала пойми, чего же ты хочешь, а потом думай, на что способен.

– Всмотримся, однако, в это первоначальное «могу». В нем, согласимся, уже представлена идеальная траектория возможного действия, а это, в свою очередь, означает, что в мысли это действие уже устанавливается, складывается. Избыточные возможности – своего рода энергии предстоящего действия, а вот что именно представляет предмет переживания «Я могу», определяется действием механизма самоподражания и кроме того, вероятно, еще и многими другими побуждениями-стимулами. Совместно с психологом А.Н. Скрягой мы проводили эксперимент по предложенной мною схеме. Вначале у испытуемых фиксировался исходный уровень стремления к риску. Затем мы ставили испытуемых в ситуацию, в которой фактор угрозы отсутствовал, а возможности точно выполнять деятельность росли. Потом мы вновь ставили испытуемых в ситуацию потенциального риска. Оказалось, что, после того как возможности испытуемых выросли относительно первоначальных настолько, что образовался некий избыток, тенденция к риску резко усилилась.

Очевидно, для того, чтобы влечение к риску, обусловленное действием механизма самоподражания, утвердилось и выступило как подлинное желание рисковать, мало просто уверенности в том, что можно позволить себе рискнуть. Необходимо почувствовать, что ты сам – источник своей способности к риску, и тогда риск для тебя – это способ разведки своих возможностей.

– Разведка боем?

– Да. Более того. Само первичное влечение к риску есть результат такой же разведки: запрещено? – А что будет, если?.. Опасно? – А насколько опасно? Продвигаясь к опасному краю – пусть мысленно – человек испытывает свою способность *быть*, длить свое бытие, – перед лицом возможной угрозы. Человек здесь *субъект самого себя* – автор себя и властелин над собою.

Свободно и ответственно выбирая непредсказуемое, непредрешенное – человек предрешает свое бытие как субъекта. Не эта ли наша способность *предрешать непредрешенное* есть самое человеческое в человеке?

– Но возможен ведь и другой путь развития личности. Скажем, заимствованное у имеющих, бытующих в культуре целей.

– Если я беру готовую цель напрокат, то при этом создаю лишь условие, лишь предпосылку развития. Это усложнение, обогащение, «обеспечение» моей личности – называйте, как хотите, – только не развитие в

собственном и точном смысле этого слова. Развитие – это самодвижение, когда источник, двигатель находится внутри.

– *Итак, надситуативная активность помогает нам быть людьми, личностями. Вы хотите сказать, что надситуативность это и есть, собственно, личностное в человеке?*

– Это лишь одна «образующая» личности – выход человека за пределы самого себя. Первоначально мне казалось, что и определение личности можно построить, опираясь, в основном, на представление об этом «выходе»... И все-таки личность человека – это нечто большее.

– *Об одних людях мы говорим «личность», а о других...*

– Вот именно! Увы, не о всяком человеке, положи руку на сердце, мы говорим как о «личности». Надситуативность – необходимое, но еще не достаточное условие того, чтобы человек состоялся как личность. Вы скажу эту же мысль по-другому: если надситуативная активность – это выход человека в другие миры, то что же это за миры, в которые человек входит? Я думаю, если бы, действуя, даже столь дерзко (творя, рискуя, испытывая себя), человек не отражался ни в ком из других людей, то и существование его как личности было бы под вопросом. «Личность» (слово это мы встречаем у Ф.М. Достоевского) определяется значимостью его для других людей, и в частности, продолженностью его «Я» в других. Без жизни в других нет личности.

Местожителство

– *Так вы утверждаете, что личность, или, как вы предпочитаете говорить, «личностность», человека, может существовать вне его плоти и крови, вне его тела, где-то совершенно отдельно, помимо? И сама по себе? Да еще живет своей жизнью и действует самостоятельно, не спросив разрешения хозяина?*

– Человек ответственен за то, как он живет в других людях. Но в таких литературных фантастических приемах, когда тень или, скажем, нос бросают героя и начинают жить отдельно, есть большая доля правды.

Для наглядности расскажу о двух исследованиях.

Экспериментатор в классе произносит отдельные слова, а семиклассники должны для каждого слова быстро записать слово-ассоциацию. Учитель никакого участия в эксперименте не принимает, сидит себе тихо или прохаживается между рядами. Ученикам заранее дают понять, что листочки с ассоциациями попадут сразу к психологу и учитель их даже не увидит. Опыт повторяется несколько раз, меняются только педагоги. Причем одни учителя, по нашим заранее проведенным психологическим обследованиям, люди творческие, а другие не очень-то. Затем по специальному частотному словарю мы выявили уровень оригинальности ас-

социаций. Знаете, что получилось? В присутствии творческого учителя оригинальность ассоциаций резко возрастает.

И второй эксперимент. Школьники должны решить задачу – не списывая друг у друга, не отступая от определенных правил. Хотя сразу понятно, что, отступая от этих правил, решить задачу легче... Все взрослые выходят. Только одна деталь – в классе как бы случайно оставляют фото-портрет учителя. Опыты повторяются, меняются лишь лица на фото. Так вот, одни портреты никак не влияли на честность учеников. Кто всегда списывает – тот и сейчас списал, кто привык решать сам, да чтоб потруднее было, – решил сам и по правилам. Другие портреты вызывали просто массовое «падение нравов» – даже самые справедливые изменяли себе! Но была и третья группа портретов. При взгляде на них все словно забывали напрочь, что можно судить, и честно пыхтели над трудной задачей.

Эти эксперименты, как и многие другие, основаны на методе, который я предложил в связи с разработкой представлений о личности как субъекте «идеальной представленности» в других людях – отраженной субъектности.

Итак, я утверждаю: «географически ваша личность может быть расположена вне вас, за пределами вашего физического бытия». Где именно? Есть люди, для которых мы значимы. Мы в них производим большие перестройки. Наш образ в их сознании – не просто старая фотография, которая пылится в задних отсеках памяти. Наш образ там действует! Советует, спорит, кого-то защищает, мешает совершить какой-то поступок или, наоборот, на что-то толкает... Вот тут и есть главное в нашей трактовке личности: если активно живущие в других людях образы сложить, если сложить все вклады, значимые изменения, которые мы совершили в других, – сумма и будет являться нашей личностью. Если же человек ни в ком не персонализируется, ни в ком его образ не живет, – этот человек, говорим мы, – безличен.

Существенное в личности, таким образом, выносится на острие активности человека, за скобки его внутреннего мира. Только прочерчивая некоторую траекторию в другом, человек и проявляется впервые как личность и становится впервые личностью. Вот мы говорим о человеке: душевный. Но попробуем отыскать его душевность внутри самого человека. Не найдем! Да и сам человек о себе никогда бы не мог сказать: знаете, я – душевный... И дело тут не в скромности, а в том, что душевность есть переживаемое одним человеком бытие другого в нем.

Появляется возможность выявить меру личности человека, силу его представленности в других.

Теперь, поднявшись на новую площадку психологического обзора, отыскав истинное, как мы считаем, местонахождение личностного в человеке, исследователь замечает существование особой потребности человека. Все люди, часто того не осознавая, стремятся обязательно при-

существовать в других – хоть как-то, хоть в каких-нибудь уголках души. Эта потребность еще в ком-то жить – одна из ведущих, она скрытый источник множества наших поступков, стремлений, чувств.

Вы замечали, в ситуации, когда человек любит, он особенно остро ощущает себя личностью. Мое «Я» резко увеличивается, становится бесконечно большим, потому что оно поселяется в другом человеке. И там, в новом доме, затевает грандиозные перестановки. Оно творит другого человека, перестраивает. А этот другой поселяется во мне. Любовь – великое переселение. И влюбленные – всегда личности...

Любимый человек уходит... Бросил, значит, забыл; значит, я перестал жить в нем. Границы моего бытия резко сужаются, мое «Я» как будто вообще перестает существовать. И желание мстить, которое иногда возникает, – не что иное, как желание не дать забыть себя, не уменьшиться, сохраниться. Мы это стремление стараемся в себе подавить и лишь недоумеваем: откуда взялись эти «дурные» чувства, как могли возникнуть, ведь наша любовь еще не прошла? Гораздо легче пережить уход любимого человека, если мы знаем, уверены, что нас помнят.

Примерно то же мы испытываем, когда нам изменяют. Измена означает, что в другом человеке рядом со мной поселился еще кто-то, он вытесняет меня, я сам становлюсь меньше, перестаю существовать.

– Алиса в стране чудес то уменьшалась, выпив волшебные капли, то вдруг непомерно выростала, съев волшебное пирожное. А мы в жизни прямо так, без всяких волшебных средств, – становимся лилипутами...

– Или великанами. Ревность же – это стремление вернуть себе исходную – на момент любви – величину.

– Получается, любовь – это стремление поселиться в ком-то. Но мне кажется, что все наоборот. Другой поселился во мне, я с ним все время мысленно разговариваю, советуюсь, потому и люблю. Разве не так?

– Замечена интересная закономерность. Как известно, обстоятельства, при которых супруги впервые познакомились, бывают разные. Объектом одного исследования стали пары «спасенный–спаситель» – в прямом смысле этих слов. Допустим, он ее защитил от бандитов или она его, тонущего, вытащила из моря... Оказалось, что процент подобных брачных союзов гораздо выше, чем в «нормальной» жизни. Но интереснее другое: кто – спасший или спасенный – обычно был инициатором брака?

– По идее, спасенный должен сильнее любить своего героя.

– А на самом деле предложение делали чаще всего именно герои, спасители. То есть не те, в ком поселился другой, а те, кто поселился в другом.

– Но разве тот, кто в любовной паре главенствует, выступает потом инициатором разрыва с тем же «успехом», что и «ведомый» партнер?

Однако понять, почему мы хотим воплотиться именно в этом человеке, а не в другом, невозможно, если не знать о механизме персонализации главного: почему мы вообще хотим быть продолженным в других? За этим стремлением, видимо, стоит наше древнее, изначальное стремление к бессмертию.

– Обрести чувство бессмертия, продолжая себя в других? Но мне трудно поверить в это! То есть умом я бы еще и могла принять это, но вот чувствами...

– Пожалуй, тут вы правы. Признать идею бессмертия как «бытия в другом» мы можем только рационально. Иногда, правда, в моменты рождения истины, во внутреннем диалоге с другими, нас озаряет, по меткому выражению известного советского ученого Б.Г. Кузнецова, «ощущение бессмертия». Но я сейчас говорю не столько о мгновенном ощущении бессмертия – оно вспыхивает и гаснет, сколько о постоянном чувстве – предвосхищении: я буду жить после... Жить в другом – это, скорее, свидетельство мысли, а не заключение чувств. Для взрослого человека.

Но вот дети... Есть такие периоды в их жизни, когда они категорически отвергают мысли о собственной смерти, считают, что будут жить всегда. Именно в эту пору им можно и, быть может, должно прививать идею бессмертия в других. Это такой этап развития, когда не только рационально, но и эмоционально мы в состоянии обрести понимание бессмертия как бытия человека в человеке.

Что же касается потребности в бессмертии как продолженности, то она присутствует почти всегда и во всех нас. В идеале мы хотели бы существовать во многих и многих людях. Но наши возможности здесь ограничены. Поэтому для персонализации я выбираю человека, который представляет для меня всеобщее и, следовательно, как бы соотносит меня с целым миром. И объектом моей любви является такой человек, который воплощает в себе мой идеал как средоточие тех, в ком я мог бы обрести свою продолженность, свое бытие в других.

Вопрос в том, **чем** персонализироваться человеку. Известно, что в конкурентном мире у человека развиваются две потребности: одна из них – чтобы его любили, а другая – быть лучше всех. Они абсолютно несовместимы и, сталкиваясь в человеке, ведут к невротическим расстройствам (К. Хорни). Но у человека может быть и другая система жизненных ценностей. Например – истина, справедливость. Такой круг убеждений и интересов, когда собственное «Я» – не наивысшая ценность.

– Ну, а с любовью-то как?

– Не стоит вообще в анализе взаимоотношений с любимым человеком мучиться какими-то своими якобы эгоистическими мотивами или приписывать себе самопожертвование ради другого. Ну, как это бывает: «Мне кажется, я сделал это для нее, а на самом деле, если вдуматься, то для себя, и это нехорошо, стыдно, ужасно...» Если бы мы все делали исключительно «для нее» – разве это была бы любовь? Это была бы жертвенность – при чем тут любовь? В любви вообще не бывает «для нее» и «для себя». На досознательном, чувственном уровне граница между «мною» и «ею» стерта, любовь – это слияние. Полученное целое – это не «я» плюс «она», это нечто гораздо нас обоих превосходящее. Когда же мы пытаемся перевести любовь на язык логики, разделяем целое – а вернее, просто рвем по-живому – на части, получаем якобы-эгоизм или якобы-жертвы. А это ложь, у любви своя логика, не признающая дихотомию «либо я, либо другой».

– У вас получается, что, если человек ни в чьей душе не поселился, он не личность. А как же люди одинокие, которые не смогли найти близкого человека?

– Я мог бы ответить на ваш вопрос по-разному. Вот один из ответов. Примете ли вы его или нет – это будет зависеть от того, смог ли я вас убедить в том, что жизнь человека в человеке – это действительно жизнь, а не отблеск жизни.

– Как будто бы да...

– Если человек действительно живет в другом человеке, то «быть личностью» – это значит быть обращенным также и к нему, живущему в тебе идеально, быть значимым для него. Этого человека нет рядом, или даже нет на свете, но он жив для меня, и я могу чувствовать себя живущим для него. Личность – бытие человека для человека, существующего физически – вне меня, или только идеально – во мне.

В нашем «Я» слито множество голосов. Иногда они распадаются на два или три, с которыми я мысленно советуюсь, спорю. Но чаще всего они смешаны, подобно тому, как в белом смешано множество цветов. Вот только нет такой призмы, которая могла бы полностью расщепить их, дать зазвучать каждому. Психологи, психотерапевты, гипнологи ищут такое средство. В частности, и метод отраженной субъектности может служить той же цели. Иногда удается пробудить некогда звучавшие голоса – те, что требовали от человека чего-то, наставляли его на путь праведный (впрочем, – и на неправедный тоже). Человек следует этим программам, искренне убежден в том, что это именно «он» – автор своих поступков. В действительности же, как свидетельствует опыт психотерапевтов, оказывается, что они некогда заданы ему кем-то. Вообще, когда человек говорит или думает: «Это я делаю для себя!» – ему всегда можно

поставить вопрос: для кого – в себе – ты это делаешь? – для живущих в тебе отца, матери, возлюбленной?

Замечено: люди, оказавшиеся в одиночестве, начинают творить. Творчество наедине с собой – это, думается, попытка «расторгнуть невидимых собеседников», «услышать» их голоса, дать им разыграть пьесу, развитие которой непредсказуемо...

Проведем небольшой эксперимент. Вот «реквизит» опыта: образ небольшой упругой пружины, которую вам придется сжать. Я не оговорился: речь идет именно об образе пружины, а не о физической вещи. Теперь – сам опыт, который потребует минимального воображения. Вы должны мысленно взять эту пружину и представить, что вы сжимаете ее пальцами... А теперь, опять-таки мысленно, отпустите пружину. Разожмите пальцы. Видите, что произошло? – Она распрямилась. Сама. Без всякой вашей помощи.

Так и другие в нас: живут, действуют, согласно собственной, только значительно более сложной, логике самодвижения. Вспомните какой-нибудь из своих снов, в котором «герои» совершают непредсказуемые или независимые от нашей воли поступки...

– *И все-таки вернемся к вопросу об одиночестве.*

– Сколь бы «гостеприимной» для других людей ни была бы территория моего «Я», сколь бы непредсказуемы ни были их диалоги и действия, ограниченность человека рамками его собственного внутреннего мира – это его подлинная трагедия. Потому что неустранима потребность людей выходить за пределы себя, творить себя для другого, проникать в жизнь окружающих.

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворение
Нас самих во всех других,
Как бы им в дарение.

Так писал Борис Леонидович Пастернак. Входя в жизненные миры других людей, человек дает выход своей активности – той самой всепроникающей «субстанции», которую мы узнаем с вами под разными именами: *творчество, познание, риск, свобода, общение.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СУБЪЕКТ В ПОИСКАХ ПРЕДИКАТА

В книге представлена авторская концепция личности, трансцендирующей границы ситуативной заданности – концепция «надситуативной активности». Исходная «точка» концепции – идея неадаптивности человеческой деятельности, повсеместное и неискоренимое противоречие между ее целями и результатами. С этих позиций автор очерчивает и подвергает критике господствующий в психологии «постулат сообразности» (телеологическая трактовка психических явлений и поведения).

«Постулат сообразности» как методологический принцип и «само собой разумеющаяся» объяснительная модель обнаруживает свою ограниченность в трактовке движения человеческой деятельности – ее становления, развития, видоизменения. Под натиском фактов, демонстрирующих неадаптивность человеческого поведения, идея субъектности человека как автора и «ответственного исполнителя» собственных замыслов превращается в мираж, что зачаровывает вначале и разочаровывает в конце пути. В силу ложности исходной апперцептивной схемы истинная субъектность личности остается нераспознанной.

В противовес «постулату сообразности», в книге формулируется принцип активной неадаптивности («надситуативной активности»), подразумевающий осознанную постановку индивидуумом целей с непредрежденным результатом достижения («быть субъектом» – это свободно и ответственно предрешать своими действиями непредрежденное). Развивая эту идею, автор исследует субъектность личности как «бытие на границе» (теоретико-экспериментальное исследование активности «поверх барьеров» – риск, познание, самосознание).

Критика постулата сообразности закономерно сталкивает исследователя с вопросом: «Все ли осмыслено?» (в иной формулировке – «Во что верит мысль?»). В книге предлагается модель типологии смысловых миров, «смысл» освоения которой – в становлении возможности быть субъектом, совершая осознанный выбор между мирами.

Насколько свободен субъект, совершающий выбор? Эта общая проблема исследуется автором в контексте идеи свободной причинности «Я»

(«Я» как *causa sui*). Исходя из идеи неповторимости (однократности) акта свободы («надситуативность» всегда «первой свежести»!), автор подчеркивает различие между «становлением» и «существованием» себя как субъекта.

«Существовать» – значит отражаться. Быть личностью значит обнаруживать себя в своих отражениях (приводятся экспериментальные факты, основанные на реализации авторского метода «отраженной субъектности», демонстрирующие эффекты отраженного бытия в других людях). Но есть и нечто «неотразимое» в индивидууме – его индивидуальность (рассматривается организация индивидуальности как единичности субъектов и принципы построения саморегуляции в составе целого, в том числе – «транзактный контур саморегуляции»). Вводится важное новое понятие «состоятельность», описывающее уровень благополучия индивидуальности и предлагаются математические модели, характеризующие состоятельность. Рассматриваются процессы самополагания индивидуума (самоактуализация, самореализация, самопрезентация, самотрансляция и самотрансценденция) в интра-, интер- и метапространствах его бытия. Обсуждаются гипотетические модели «субъектных сборок», позволяющие человеку достичь оптимума своей состоятельности.

* * *

Оглядываясь на пройденный вместе с читателем путь, еще раз вернемся к главному сюжету книги. Это – идея *субъекта, субъектности*. Вклад в *проблематизацию* идеи существования индивидуального субъекта внесли М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, в нашей стране – Г.П. Щедровицкий, В.П. Зинченко, другие коллеги...

«Проблематизация» – это еще мягко сказано. Скорее уж – скандал! Кошунственное сомнение! Дротик в самое сердце идеи личности! Скепсис в вопросе как приговор самому вопрошающему: существует ли сомневающийся в себе субъект?

Конечно, прав В.П. Зинченко, говоря, что термин «субъект» метит *функцию*. Для В.П. Зинченко – это функция, описывающая гносеологическое отношение «субъект–объект». Если так, то, конечно, как говорил в таких случаях Г.П. Щедровицкий, и «ничего и огород городить», говоря о личности.

Но является ли эта функция единственной?

У каждого из тех, кто *проблематизирует*, – свои доводы. В книге я поделился *своими* (впервые сформулировал их в докладе «Деятельность исчезла?» на Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна» – *Петровский В.А.*, 1979).

Рассмотрим не только доводы, но и контраргументы к ним.

Обсуждение проблемы существования субъекта мы начали с оптимистической ноты: **что** есть индивидуальный субъект (если он **есть**) и далее – **как возможен** субъект? Формально, субъект есть такое сущее, которое, имея образ себя в среде, воспроизводит себя на основе этого образа. Предлагаю поясняющую метафору, следуя Осипу Мандельштаму: «Я и садовник, я же и цветок». Здесь, как видим, – иная функция субъекта: функция самопричинности, *causa sui*, воспроизводства себя, рращения себя, авторствования (и было бы, конечно, странно, да и за «субъекта» обидно, если бы эту, *онтологическую*, функцию мы перекрыли *гносеологической* функцией «субъект–объект»).

Отталкиваясь от этого понимания, можно вывести представление о субъекте как существе целеустремленном, свободном и развивающемся (Петровский В.А., 1996а).

Но тут есть два *разных* вопроса, порождающих сомнение, а именно: каковы представления о субъекте в культуре (каково значение этого термина), и – существует ли наяву нечто такое, что может быть названо субъектом? Аналогия напрашивается: «Последний единорог» из сказки для взрослых Питера Бигля, существует в пространстве сказки, однако, увы, мы не встретим его ни на воле, ни в зоопарке. Так может быть, и с «субъектом» та же история? (У Михаила Жванецкого, о министре мясомолочной промышленности – в советские годы – сказано: «Он, оказывается, у нас есть и хорошо выглядит...»)

Сомнение в существовании индивидуального субъекта уместно.

Как минимум, есть два основания сомневаться.

Первое. «Хотели как лучше, получилось как всегда». Наши глубинные цели и результаты их достижения расходятся. Есть болезнь, от которой умирают все. Это – жизнь; «жить – значит умирать». Любить – «значит привязывать и привязываться». Цель познания – «достижение ученого знания о собственном незнании» (Н. Кузанский). Во всех сущностных проявлениях человеческого бытия живем по Грибоедову: «Шел в комнату, попал в другую». Последствия человеческих поступков непредсказуемы и часто небезопасны. Человек трансцендирует свои границы, но говорить об этом с придыханием и пафосом, по-видимому, не всегда уместно (если цели и результаты активности расходятся, если поступки не совпадают с деяниями, если мысль изреченная есть ложь, и если, как ни желаем того, не можем гарантировать, предугадать, как слово наше отзовется, то что же тогда с субъектом? Субъектен ли индивидуум?).

Каковы возможные контраргументы? Я вижу ответ в том, чтобы возможный итог расхождения результата и цели сделать основанием для выбора этой цели, ставить перед собой цели с непредрешенным результатом их достижения, предрешать непредрешенное. Я исследовал активно-неадаптивное поведение людей: феномен «бескорыстного ри-

ска» (результаты представлены в книге). Некоторые люди, не рассчитывая на вознаграждение, намеренно вовлекают себя в ситуацию, в которой они могут как достичь, так и не достичь своей цели. Их побуждает сама возможность «оказаться на грани». Граница – между предсказуемым и непредсказуемым – притягивает. Собственное «Я» – всегда «первой свежести»; риск дает возможность убедиться: «я есть». Риск, творчество, познание в таких случаях приобретают смысл полигона испытания своей субъектности, первопричинности по отношению к выбору цели и готовности претерпеть последствия ее достижения, каковы бы они ни были... Непредрешенность как мотив активности! Притягивает то, чего нельзя гарантировать – выход за пределы себя, постоянная само-трансценденция; субъектность восстанавливается в правах (требуется, конечно, мультисубъектный анализ всей эго-структуры личности, чтобы сказать, *что* – перед нами: проявление детского негативного сценария – «не живи!» – или, наоборот, активно-неадаптивное стремление «испытать себя полноценно живущим», «поднимающимся над ситуацией?»). Известно, что человеку всегда хочется все, и еще чуть-чуть. И больше ему ничего не хочется.

Второе основание. Как быть с целостностью человека как личности? Человек – не одно «Я», а много «Я», не иерархия мотивов, а гетерархия мотивов (тут я с удовольствием процитирую В.П. Зинченко: «Психика – не административное учреждение», а, говоря о сознании, цитировал, вслед за ним, М. Пруста – «роистое “Я”»). Всегда ли «множество «Я» есть **единомножие «Я»**? Когда говорят, что в ситуации буриданова осла можно исходить из *ценностей*, что они якобы позволят нам подняться над *мотивами*, чтобы отдать предпочтение одному из мотивов и отодвинуть другой мотив, то это, на мой взгляд, – уловка. Возможны также и ценностные конфликты. Векторы устремлений влекут нас в разные стороны («Берегите птиц – источник вкусной и здоровой пищи!»; есть конфликты серьезнее: вера–неверие, любовь–долг и т.д.).

Напомним читателю: мы эмпирически сопоставляли (интеркорреляции) три субъектных позиции личности при ранжировании терминальных ценностей. У каждого из эго-состояний своя иерархия ценностей. Выясняется: самооценка у личности не одна-единственная, а их, как минимум, три: Детская, Родительская и Взрослая (они статистически независимы). Таким образом, когда говорят «я хочу», «я выбираю», «требую от себя этого», нужно переспросить: «Кто в тебе выбирает?», «Кто в тебе хочет этого?», «Кто требует?». Если есть какие-то сбои в саморегуляции см. интересные работы В.И. Моросановой, например, 1998) – то «кто во мне меня регулирует»? В этом суть сомнений в «верховой» субъектности, регулирующей личность в целом. Нет никакой «суперличности», отмечали мы, которая распоряжалась бы другими «субличностями».

В книге представлена математическая модель, описывающая разные формы взаимодействия между внутренними субъектами. При одном соотношении запросов и ресурсов, предоставляемых ситуацией, есть все для достижения оптимума его состоятельности. В этом случае личность можно представить в виде «моносубъекта», говоря при этом: «Вот устремления этой личности, вот ресурс, и устремления равны достижениям». Такое, как выясняется, возможно, когда запросы и ресурсы находятся в отношении «золотой пропорции» (соответственно, 0,62 и 0,38). Но если наличествует другое соотношение, например, запросы выше, а ресурсы ниже указанных, то должны появиться (или проявиться) «внутренние субъекты», взаимодействие между которыми обеспечивает оправданность и эффективность усилий. В некоторых случаях я нуждаюсь в простом «исполнителе» моих нужд; иногда нуждаюсь в партнере «на равных»; иногда – в советнике. И тогда я получаю возможность нащупать оптимум своей состоятельности (в книге предложено математическое, а далее, эмпирическое обоснование этого тезиса).

Допустим, однако, что человек живет в атмосфере «целевого хаоса». То есть существуют некоторые «заинтересованные подсистемы», каждая из которых преследует свои интересы. Каким же образом могут быть выстроены цепочки взаимодействий между этими внутренними субъектами, чтобы рождался оптимум состоятельности (экономия внешних ресурсов, максимум внутренних усилий и их оправданность достижениями). Рассматривалась гипотеза о том, что должна существовать такая особая подсистема, у которой нет ни одного собственного, «личного», интереса, а есть только интерес «общественный» – опосредствовать интересы других, смежных с ней подсистем – идея «медиаторного Я».

Перед нами «зеркало-сборщик» субъектов, живущих внутри личности. Но *видимо* ли, отражается ли в ком-нибудь само это «зеркало»? Нет! Наше «медиаторное Я» (у Ассаджиоли – Высшее «Я») – невидимо, лишено формы; «проживает» все формы «Я» и свободно от каждой. Мы ощущаем, что *это* «Я» – точка самости.

В книге мы обращались к Д. Хармсу (напомним его мысль: цифра «1» похожа на то, что обозначает, а цифра «2» и цифра «3» не похожи на число 2 и, соответственно, число 3; *так и человек*: не похож на то, что он есть).

В сущности, человек – невидимка.

Ведь не только мышление безобразно. Человек *пытается* создать образ себя. Он, по своему, компенсирует эту безобразность множеством образов, которые создает; рождается некое многообразие – мульти-«Я», совокупность «Я», «много-яйность» (В.С. Библер). Вопрос в том, является ли это множественное, «роистое Я», *единомножием*?

Здесь же и проблема конгруэнтности самовыражения. Человек – двусмысленное существо. Многосмысленное... В этом есть какой-то

шанс состояться «по-человечески»... Ведь человек, в отличие от компьютера и животного, носитель множества образов себя, многообразия способов себя осмыслить. Он может позволить себе роскошь передавать их все разом.

Есть еще одно благо в этом приумножении (размножении) образов. Это полагание себя в другого. Продолжение себя в другом. Земное бессмертие или по крайней мере его подобие. Но... дело в том, что образы гаснут... Кроме того, вопрос в том, являются ли они образами «меня самого».

Мы живем в двух мирах. В себе и для себя бытие и – бытие в другом и для другого. И здесь есть несовпадение, вплоть до раскола. Волосы встали бы дыбом на голове у Чехова, если бы он увидел некоторые современные постановки «Вишневого сада» (не правда ли, замечательна уловка постмодернизма – растворить голос автора в нарративах?).

Два вывода из сказанного – подытоживаю. Существует ли индивидуальный субъект? Да, но лишь в той мере, в какой индивид пытается предрешить непредрешенное, ставя перед собой цели, изначально связанные с неопределенным исходом достижения; субъект существует, в той мере, в какой рефлектирует внутри себя многие «Я», живущие в нем, опосредствуя их взаимоотношения друг с другом; субъект существует в той мере, в какой ускользает в невидимость от тех, кто пытается его разглядеть.

Во всех случаях, он не сливается с ситуацией. Он поднимается над нею. Не довольствуясь одной ситуацией, он превращает ее в *многие*, – отражая под разными углами зрения, руководствуясь разными логиками осмысления. Он *конструирует* смыслы, хотя порой ему чудится, что он *открывает* их в ситуации. Он погружается в зазеркалье общения с другими людьми, уходя за пределы видимости наблюдателей.

А мы, исследователи, пытаемся его разглядеть. Пытаемся уловить его присутствие – понимая неадаптивность наших попыток. Исследовательская парадигма «человек и ситуация» (Росс, Нисбетт, 1999) трансформируется: теперь перед нами человек *над* ситуацией, человек, творящий свою ситуацию, человек, обгоняющий нас как исследователей, и сам не поспевающий за собой. Мы вторим ему и с самого начала нацеливаем себя на цели с непредрешенным результатом достижения...

Что же из этого следует?

Следует жить.

Шить сарафаны и легкие платья из ситца.

Вы полагаете, все это будет носиться?

Я полагаю, что все это следует шить!

(Юрий Левитанский)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абульханова-Славская К.С.* Стратегии жизни. М.: Мысль, 1999.
- Аккофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
- Алахвердов В.М.* Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. СПб.: ДНК, 2000. Т. 1.
- Аристотель.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- Асмолов А.Г.* Основные понятия психологического анализа в теории деятельности // *Вопр. психол.* 1982. № 2. С. 14–28.
- Асмолов А.Г.* Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // *Вопр. психол.* 1986. № 1. С. 28–40.
- Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия, 2007.
- Асмолов А.Г., Нырова М.С.* Нестандартное образование в культурно-исторической перспективе. Новгород, 1994.
- Асмолов А.Г., Петровский В.А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // *Вопр. психол.* 1978. № 1. С. 70–80.
- Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники. М.: ИПТ, 2008.
- Баженова О.В.* Диагностика психического развития детей первого года жизни в норме и патологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Басов М.Я.* Общие основы педологии. М.; Л.: ГИЗ, 1928.
- Базылевич Т.Ф.* Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: ИП РАН, 1998.
- Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1979.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
- Белянская Е.П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.
- Берн Э.* Групповая психотерапия. М.: Академический проект, 2001.
- Берн Э.* Трансактный анализ в психотерапии. М.: Академический проект, 2001.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: ГРАНД, 2004.
- Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
- Беркли Дж.* Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. статья И.С. Нарского. М.: Мысль, 1978.
- Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии человека. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

- Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология. М.: DOC, 1998.
- Бигль П.* Последний единорог. М.: Терра; Азбука, 1994.
- Биркгоф Г.* Теория структур. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.
- Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
- Бороденко М.В.* Уподобительная активность личности как механизм социальной перцепции. Материалы VII Всесоюзного съезда общества психологов СССР. Активизация личности в системе общественных отношений. М., 1989.
- Бороденко М.В.* Два лица Януса-смеха. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
- Братусь Б.С.* К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 46–56.
- Братусь Б.С.* Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер; Роспед-агентство, 1994.
- Брокгауз Ф.А., Ефронь И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 11.
- Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000.
- Бурбаки Н.* Теория множеств. М.: Мир, 1965.
- Бурбаки Н.* Общая топология. Основные структуры. М.: Мир, 1966.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Веракса Н.Е.* Методологические основы психологии. М.: Академия, 2008.
- Волгин Л.И.* АМ-алгебра и ее применения // Автоматика и вычислительная техника. 1996. № 1. С. 19–23.
- Воробьев А.В.* К вопросу о персонализации личности воспитателя в учащихся // Содержание и структура модели деятельности учителя: Тез. доклада на Республиканской науч.-метод. конференции. Даугавпилс, 1981.
- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984.
- Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1972. Т. 3.
- Гессе Г.* Игра в бисер // Избранное. М.: Радуга, 1991.
- Горбов Ф.Д.* Я – Второе Я. М.; Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 2000.
- Грязева-Добишинская В.Г.* Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М.: Академический проект, 2002.
- Гулдинг Р., Гулдинг М.* Психотерапия нового решения. М.: Класс, 1997.
- Давыдов В.В.* Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 3–13.
- Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Джойнс В., Стюарт Я.* Современный транзактный анализ. СПб.: СПЦ, 1996.

- Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993.
- Ерофеев А.К.* Развитие методов исследования уровня притязаний: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Ершов П.М.* Режиссура как практическая психология. М.: Искусство, 1972.
- Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.
- Зинченко В.П.* Нужно ли преодоление «постулата непосредственности»? // Вопр. психол. 2009. № 2. С. 3–19.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Знаков В.В.* Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие. Субъектный подход. М.: ИП РАН, 2008. С. 31–37.
- Зоткин Н.В.* Смыслополагание в ситуации неопределенности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Иванников В.А.* К сущности волевого поведения // Психол. журн. 1985. № 3. Т. 6. С. 47–55.
- Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. Учебное пособие. М.: УРАО, 1998.
- Ильенков Э.В.* Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1984. С. 319–358.
- Ишкова М.А.* Феномен границы в детерминации активности ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Калиненко В.К.* Соотношения адаптивного и неадаптивного в психологической саморегуляции больных с ишемической болезнью сердца: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1989.
- Калиненко В.К.* Границы в культуре и культура на границах // Журнал практической психологии и психоанализа. 1 марта 2008. Ежеквартальный журнал электронных публикаций Института практической психологии и психоанализа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20080108>
- Карпенко Л.А.* Мотив. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
- Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. 2-е изд. М.: Академия, 2004.
- Козелецкий Ю.* Человек многомерный (Психологические эссе). Киев, 1991.
- Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Коран / Перевод смыслов и коммент. Иман В. Пороховой. М.: Рипол-классик, 2007.
- Корнилова Т.В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопр. психол. 1994. № 6. С. 99–109.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологи. СПб.: Питер, 2006.
- Крылов В.Ю.* Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К, 2000.

- Кудрявцев В.Т.* Креативная тенденция психического развития ребенка // I Давыдовские чтения. Сб. выступлений. Рига; М.: Эксперимент, 1999.
- Кузьмина Е.В.* Психология свободы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Лаврова О.В.* Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. СПб.: ДНК, 2001.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
- Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
- Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: ИП РАН, 1998.
- Лефевр В.А.* Космический субъект. М.: Ин-кварти, 1996.
- Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН, 2000.
- Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.
- Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2004.
- Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации человеком. М.: Мир, 1974.
- Лисецкий К.С.* Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Самара, 2007.
- Литлвуд Дж.* Математическая смесь. М.: Наука, 1978.
- Лотман Ю.М.* Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.
- Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.
- Макимова С.В.* Творчество: созидание или деструкция? М.: Академический проект, 2006.
- Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995.
- Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. СПб.: Изд. РХГИ, 1997.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произведения. М.: Политиздат, 1985. Т. 1.
- Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Директ-Медиа, 2008.
- Менский М.Б.* Человек и квантовый мир. Фрязино: Век 2, 2005.
- Минделл А., Минделл Э.* Вскать, задом наперед: Процессуальная работа в теории и практике. М.: Класс, 1999.
- Митина О.В., Петровский В.А.* Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. 2001. № 4 (24). С. 243–248.
- Митина О.В., Петровский В.А.* Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6–7 февраля 2004 г. Сб. статей. Самара, 2004. С. 138–145.
- Морзун В.Ф., Ткачева Н.Ю.* Проблема периодизации развития личности в онтогенезе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

- Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.
- Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2001.
- Никольская О.С.* Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма. М.: Центр лечебной педагогики, 2000.
- Носов Н.* Виртуальная психология. М.: Магистр, 2000.
- Орлов А.Б.* Эмпирическая личность и ее структура // *Вопр. психол.* 1995. № 2. С. 5–19.
- Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // *Вопр. психол.* 1996. № 1. С. 5–19.
- Перлз Ф.* Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Апрель-Пресс; Эксмо, 2003.
- Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
- Петровский А.В.* Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика, 1979.
- Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // *Вопр. психол.* 1981. № 1. С. 57–66.
- Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. М.: Педагогика, 1984.
- Петровский А.В.* Теория личности с позиций категориального анализа психологии. Хрестоматия по психологии / Сост. Е.В. Буртова. Русский гуманитарный интернет-университет, 2000: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1063.html>
- Петровский А.В.* Персоносфера // *Общая психология: Психологический лексикон. Энциклопедический словарь* / Под ред. А.В. Петровского. М.; СПб.: Речь, 2005.
- Петровский А.В., Петровский В.А.* Предпосылки теории личности в трудах Л.С. Выготского // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1982а. № 4. С. 14–20.
- Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // *Вопр. филос.* 1982б. № 3. С. 44–53.
- Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальная система психологии // *Вопр. психол.* 2000. № 5. С. 44–53.
- Петровский А.В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. М.: Академия, 2001.
- Петровский В.А.* Экспериментальное изучение риска как тенденции личности // *Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов.* Тбилиси: Мецниереба 1971. С. 429–430.
- Петровский В.А.* Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // *К вопросу о диагностике личности в группе.* М.: АПН СССР, 1973. С. 69–73.
- Петровский В.А.* Тенденция к свободному риску и самоутверждение личности // *Социально-психологические аспекты общественной деятельности в формировании личности.* М., 1974а.
- Петровский В.А.* Поведение человека в ситуации опасности (к психологии риска) // *Новые исследования в психологии.* 1974б. № 1. С. 23–24.
- Петровский В.А.* К психологии активности личности // *Вопр. психол.* 1975. № 3. С. 26–38.

Петровский В.А. Активность личности на этапе постановки проблем // Проблемное обучение при подготовке инженеров. Рига, 1976а.

Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность» // Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976б.

Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

Петровский В.А. Исследование активности мышления в познавательной деятельности // НИИ проблем высшей школы. Справочно-информационный фонд. М., 1978.

Петровский В.А. Деятельность ... исчезла?! // Развитие эргономики в системе дизайна. Тезисы Всесоюзной конференции. Боржоми, 1979.

Петровский В.А. Предпосылки психологии личности в свете идей Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология / Под ред. В.В. Давыдова и др. М., 1981а. С. 122–125.

Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопр. психол. 1981б. № 2. С. 40–46.

Петровский В.А. К построению модели развития личности в переходном возрасте // Проблемы мотивации общественно-полезной деятельности школьников / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: АПН СССР, 1984. С. 35–46.

Петровский В.А. Риск // Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985а.

Петровский В.А. Понятие отраженной субъектности в концепции персонализации // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Тез. Всесоюзной научно-методической конференции. Ч. I. Даугавпилс, 1985б.

Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопр. психол. 1985в. № 4. С. 17–30.

Петровский В.А. «Адаптивность–Неадаптивность», «Активность», «Активность личности», «Индивид», «Субъект», «Активность надситуативная» // Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

Петровский В.А. Цикл статей: «Адаптивность–неадаптивность», «Отраженная субъектность», «Персонализация», «Трансфинитность» // Новые ценности образования. Тезаурус для учителей и школьных психологов. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, Институт педагогических инноваций РАО, 1995а.

Петровский В.А. Идея «Я = Мир» в развитии личности // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, Институт педагогических инноваций РАО, 1995б.

Петровский В.А. Активность // Введение в психологию: Учеб. для пед. вузов / Под общ. ред. проф. А.В. Петровского. М.: Академия, 1996а.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996в.

Петровский В.А. Теория свободной причинности // Вестн. Самарск. ун-та. 1996г. № 1. С. 57–80.

Петровский В.А. К построению алгебры когито: опыт игры в бисер // Модели мира / Под ред. профессора Д.А. Поспелова. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта, 1997а. С. 87–115.

Петровский В.А. Научное знание сквозь призму обиденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира / Под ред. Д.А. Поспелова. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта, 1997б. С. 43–49.

Петровский В.А. Идея свободной причинности в психологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1997в. С. 178–187.

Петровский В.А. Философия «Я»: Транзактный подход // Берн Э. Групповая психотерапия. М.: Академический Проект, 2000. С. 423–456.

Петровский В.А. Метасловарь транзактного анализа // Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии. М.: Академический Проект, 2001а. С. 7–28.

Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора // Рефлексивные процессы и управление / Тез. III Международного симпозиума 8–10 октября 2001 г. М.: ИП РАН, 2001б. С. 56–59.

Петровский В.А. Метаимплицативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002а. С. 95–103.

Петровский В.А. «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору // Тезисы конференции по практической психологии. М., 2002б.

Петровский В.А. Предисловие // Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М., 2002в. С. 5–7.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003. С. 20 – 30.

Петровский В.А. Мультисубъектная персонология // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. М.: Смысл, 2004. С. 41–53.

Петровский В.А. Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара «Предмет психологии». Ярославль, 2004б. С. 240–246.

Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимплицативная модель мотивации выбора // Психол. журн. 2006. № 1. С. 6–23.

Петровский В.А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. М.: ТЕИС, 2007. С. 49–58.

Петровский В.А. Мотив границы: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008а. № 3. С. 10–26.

Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008б. Т. 5. № 1. С. 77–100.

Петровский В.А. Логика «Я». М.: Изд. Центр ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008в.

Петровский В.А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология малых групп. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. М.: МГППУ, 2009а. С. 4–13.

Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: метаимплицативная модель. // Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009б. С. 205–234.

Петровский В.А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии. 2009в. № 1(57). С. 25–43.

Петровский В.А. Самоосуществление индивидуальности // Психология индивидуальности / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М., 2009г.

Петровский В.А. Оптимум благополучия в динамике самоосуществления человека // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы второй международной научно-практической конференции. Ч. II. Кисловодск; Ставрополь; Москва, 2009д. С. 290–298.

Петровский В.А., Бороденко М.В. «Смеховая сшибка» смысловых миров в процессах саморегуляции личности // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы Второй международной научно-практической конференции. Ч. II. Кисловодск; Ставрополь, 2009. С. 55–65.

Петровский В.А., Гуренкова И.П. Новая модификация фрустрационной методики // Личность в общении и деятельности. Ульяновск, 1985. С. 37–43.

Петровский В.А., Дубов И.Г. Перестройка личностных структур учащихся при персонализации личности педагога // Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987. С. 173–191.

Петровский В.А., Крупенин А.Л. Сдвиг к риску как эффект межличностных взаимодействий // Личность в общении и деятельности. Ульяновск, 1985.

Петровский В.А., Грязева В.Г. Некоторые особенности исследования индивидуальности личности методом отраженной субъектности. Психологические проблемы взаимодействия коллектива и личности. М., 1988

Петровский В.А., Митина О.В. Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6–7 февраля 2004 г.: Сб. ст. Самара, 2004. С. 138–145.

Петровский В.А., Огнев А.С. Основные положения психологии субъектогенеза // Ежегодник Российского психологического общества: В 2 т. М.: Педагогика, 1989.

Петровский В.А., Полевая М.В. Феномен отчуждения в детско-родительских отношениях // Вопр. психол. 2001. № 1. С. 19–26.

Петровский В.А., Таран Т.А. Импульсная модель экзистенциального выбора // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием. Т. 1. М.: Физматлит, 2002а. С. 492–502.

Петровский В.А., Таран Т.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // Тезисы КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием. Т. 1. М.: Физматлит, 2002б. С. 502–511.

Петровский В.А., Калинин В.К. Транзактный анализ // Психология. Словарь. М.: Педагогика, 1990.

Петровский В.А., Калинин В.К., Котова И.Б. Личностно-развивающее взаимодействие. Ростов-н/Д.: РГПУ, 1993.

Петровский В.А., Скрага А.Н. Избыточные возможности, как фактор движения деятельности // Психолого-педагогические основы совершенствования учебно-воспитательного процесса в вузе. Днепропетровск, 1983.

Петровский В.А., Тунгусова Т.А. Влияние прогноза на развитие событий // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Даугавпилс, 1985. Ч. 1.

Петровский В.А., Уварина Е.Ю. Влияние фактора личностной идентификации на результаты мыслительной деятельности // Психология учебной деятельности школьников. Тула, 1982.

Петровский В.А., Черепанова Е.М. Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания // *Вопр. психол.* 1987. № 5. С. 48–56.

Петровский В.А., Шарага Я.А. Построение проективной методики исследования динамики мотивации самопознания при решении интеллектуальных задач // *Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тез. докл. и выступл. на Всесоюзной научно-практической конференции в г. Новосибирске.* Новосибирск, 1985. С. 45–46.

Пономарев Я.А. Психика и интуиции. М.: Изд-во политической литературы, 1968.

Прайор К. Несущие ветер. Рассказы о дрессировке дельфинов. М.: Мир, 1981.

Прангишвили А.С. Психологические очерки. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Пруст М. В поисках утраченного времени. В сторону Свана. Л.: Советский писатель, 1992.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

Пуни А.Ц. (ред). Практические занятия по психологии. М.: Физкультура и спорт; МГПИ, 1977.

Рвачёв Л.А. Математика и семантика. Номинализм как интерпретация математики. Киев: Наукова думка, 1966.

Рибо Т. Психология внимания. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001. С. 297–300.

Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. Киев: София, 2005.

Росс Р., Нисбетт Л. Человек и ситуация. М.: Аспект-Пресс, 1999.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975.

Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // *Вопр. психол.* 1991. № 2. С. 37–49.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие для вузов. М.: Школа-пресс, 1995.

Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. Учебное пособие для вузов. М.: Трикта; Академический проект, 2004.

Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Субботский Е.В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.

Тальягамбе С. Зрительное восприятие как метафора // *Вопр. филос.* 1985. № 10. С. 123–131.

Таран Т.А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // *Рефлексивное управление. Сб. статей.* М.: ИП РАН, 2000. С. 122–132.

Таран Т.А. Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // *Автоматика и телемеханика.* 2001а. № 10. С. 103–117.

Таран Т.А. Формальные принципы рефлексивного управления // *Труды междунар. конгресса «Искусственный интеллект в XXI веке ICAI'2001».* Дивноморское, Россия, 2–8 сент. 2001. Т. 1. М.: Физматлит, 2001б. С. 33–40.

- Таран Т.А.* Основы дискретной математики. Киев: Просвіта, 2003.
- Твен М.* Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Принц и нищий. Библиотека мировой литературы для детей. М.: Детская литература, 1978.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 26.
- Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Улыбина Е.С.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
- Усманова А.Р.* История философии. Энциклопедия: <http://www.velikanov.ru/philosophy/semiozis.asp>
- Фанти С.* Микросихоанализ. М.: Прогресс, 1993.
- Фельдштейн Д.И.* Психологические закономерности развития личности в онтогенезе // *Вопр. психол.* 1985. № 6. С. 20–37.
- Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. М.: Медицина, 1975.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. Сб. / Пер. с англ. и нем. / Под общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Уильям Джеймс и психология сознания. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Хайдеггер М.* Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Гнозис, 1993.
- Хараи А.У.* Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // *Вопр. психол.* 1980. № 3. С. 86–96.
- Хармс Д.* Полн. собр. соч. Авторский сборник. М.: Академический проект, 1997.
- Хармс Д.* Нашествие смыслов. СПб.; М.: ОНИКС, 2004.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
- Хрестоматия по вниманию / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузыря и В.Я. Романова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Цвейг С.* Новеллы, эссе, очерки. М.: МАКСИМ, 1994.
- Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
- Чесноков С.В.* ДА-система (детерминационный анализ). М.: Контекст, 1997.
- Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Шадриков В.Д.* От индивида к индивидуальности. М.: Аспект-пресс, 2009.
- Шадур С.С., Самсонов М.А., Петровский В.А., Калинин В.К.* Роль эмоционально-волевых черт личности в выполнении больными ИБС диетических рекомендаций в процессе длительного диспансерного наблюдения // *Вопр. питания.* 1989. № 5. С. 28–33.
- Щедровицкий Г.П.* К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду общества психологии. М., 1977. Т. 1.
- Шуц В.* Глубокая простота. СПб.: Роза мира, 1993.
- Эренбург И.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л, 1928–1929. Т. 1.
- Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
- Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс. 1993.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

- Atkinson J.W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // *Psychological Review*. 1957. № 64. P. 359–372.
- Atkinson J.W.* An Introduction to motivation. Princeton (NJ): Van Nostrand, 1964.
- Bandura A.* Social foundation of thought and action. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1986.
- Bertocci P.A.* Critique of Gordon W. Allport's theory of motivation // *Psychological Review*. 1940. V. 47. P. 501–532.
- Blodgett H.C.* The effect of the introduction of reward upon the maze performance of rats // *Univ. Calif. Publ. Psychol.* 1929. V. 4. P. 113–134.
- Brehm J.W.* A theory of psychological reactance. N.Y.: Academic Press, 1966.
- Brehm J.W., Rosen E.* Attractiveness of old alternatives. When a new attractive alternative is introduced // *Journal of personality and social psychology*. 1972. № 3. V. 20. P. 261–266.
- Csikszentmihalyi M.,* Beyond Boredom and Anxiety. San Francisco: Jossey-Bass, 1975.
- DeCharms R.* Personal Causation. N.Y.: Academic Press, 1968.
- Deci E.L.* Intrinsic Motivation. N.Y.: Plenum, 1975.
- Feather N.T.* The Relationship of Persistence at a task to expectation of success and achievement related motives // *J. of Abnormal and Social Psychology*. 1961. V. 63. № 3. P. 552–561.
- Hoppe F.* Erfolg und Mißerfolg // *Psychologische Forschung*. 1930. V. 14.
- James W.* The principles of psychology (2 vols.). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. Unaltered republication.
- Kahler T.* Transactional Analysis Revisited. Little Rock (AR): Human development Publications, 1978.
- Kanfer F.H.* Self-regulation: Research, issues and speculations // *Behavior modification in clinical psychology / C. Neuringer, J.L. Michael (Eds.)*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970. P. 178–220.
- Köhler W.* Gestalt Psychology. N.Y.: Liveright, 1929.
- Maier N.R.B.* Frustration: the study of behavior without a goal. N.Y.: McGraw Hill, 1949.
- Maslow A.H.* Motivation and Personality (3-rd ed.). N.Y.: Harper and Row, 1987.
- Schmalt H.-D.* Die GITTER-Technik ein objektives Verfahren zur Messung des Leistungsmotivs bei Kindern // *Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie*. 1973. № 5.
- Schmalt H.-D.* Die Messung des Leistungsmotivs. Göttingen, 1976a.
- Schmalt H.-D.* Das LM-GITTER. Handanweisung. Göttingen, 1976b.
- Thorndike E.L.* Animal Intelligence. N.Y.: Macmillan, 1911.
- Tolman E.C.* Purposive behavior in animals and man. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1932.
- White R.W.* Motivation reconsidered. The concept of competence // *Psychological Review*. 1959. V. 66. P. 297–333.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
----------------	---

Часть 1. Бессубъектность: феноменология неадаптивности

Глава 1. Парадокс исчезновения деятельности	6
Деятельность в суждениях здравого смысла	6
Деятельность... исчезла?	10
Глава 2. Постулат сообразности и принцип самодвижения деятельности	20
Стремление к «конечной цели»?	20
Деятельность и активность	32
Глава 3. Двуединство деятельности	41
Глава 4. Неадаптивность как неизбежность	59

Часть 2. Субъект: бытие на границе

Глава 5. Деятельность самополагания субъекта	63
Надситуативность и интринсивная мотивация действия. Неадаптивность	63
Метод виртуальной субъектности	72
Глава 6. «Поверх барьеров»	77
Риск ради риска. Влечение к запретной черте	77
Модель восхождения к риску	91
Мотив границы	101
Глава 7. «Вторая задача»	125
Глава 8. «Парадокс Эдипа» и потребность в самополагании	148
Глава 9. «Бес попутал», или?.. Неадаптивная мотивация действия. . . .	151
Глава 10. Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» . . .	157
Смысл. Значение. Ноумен	157
По ту сторону смысла	176
Глава 11. «Быть свободной причиной»	193
«За-не-зачем», а потому что «не-иначе-как»	193
«Быть причиной себя» — значит следовать за собой	194
<i>Causa sui</i> как психологическая реальность	196
Свобода как деятельность. Субъект свободы	199

Часть 3. Личность: феноменология отраженности

Глава 12. По ту сторону Я	202
Глава 13. Отраженность субъекта в пространстве витальности	205

Глава 14. Отраженность субъекта в социокультурном пространстве . . .	207
Глава 15. Отраженность субъекта в жизни других людей	210
Глава 16. Отраженность субъекта в себе	232
Живой знак Я	232
«Предел», «переход», «связь». Перекрестное Я	235
Я при взгляде изнутри и извне	239
Мыслью, что мыслю	243
Глава 17. Мотивация воспроизводства себя как субъекта.	247
Глава 18. Кризис неотраженности.	260
Динамика личности при вхождении	
в стабильную социальную общность	260
Феномен отчуждения в детско-родительских отношениях.	269

Часть 4. Индивидуальность: состоятельность и саморегуляция

Глава 19. Индивидуальность — неотразимость	277
Глава 20. Состоятельность индивидуальности	283
О состоятельности — «без формул».	283
Модели состоятельности. Условия оптимума. Веер активности	285
Глава 21. Триумвират субъектов: транзактная модель выбора.	310
Базовая модель рефлексивного выбора и транзактная	
модель личности.	310
Глава 22. Транзактный контур саморегуляции.	340
Глава 23. Опыт эмпирического обоснования	
мультисубъектной модели выбора	349
Глава 24. Самополагание	364
Семь пространств существования личности	364
Состоятельность самополагания.	368
Глава 25. В поисках оптимума: стратегии «субъектных сборок»	388

Часть 5. Субъект активности:

формальные модели и неформальные диалоги

Глава 26. Логика развертки активности. Почему — импликация?	410
Глава 27. Метаимпликативная модель мотивации выбора	427
Глава 28. Модель гедониста: рефлексивная возгонка влечения.	452
Глава 29. А вы — субъект? Диалог с читателем	462
Многообразие форм активности	462
А существует ли субъект в действительности?	
Принцип активной неадаптивности	485
Глава 30. «Вечные вопросы психологии». Диалог с коллегой	503
Глава 31. Диалог с журналистом	527
Заключение. Субъект в поисках предиката	541
Библиография.	547

ISBN 5-89357-282-3

Научное издание

Петровский Вадим Артурович
ЧЕЛОВЕК НАД СИТУАЦИЕЙ

Редактор *О.В. Квасова*
Корректор *Н.А. Степина*
Верстка *О.В. Кокорева*
Директор издательства *Д.А. Леонтьев*

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
Тел./факс (499) 189-9588
e-mail: info@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>

Подписано в печать 08.09.2010. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 800. Заказ